P. o. rel.
2857 f
(1

Afanas'ev

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІИ

А. С. АФАНАСЬЕВА

(ЧУЖБИНСКАГО)

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Александра Степановича

АФАНАСЬЕВА

(ЧУЖБИНСКАГО)

Подъ редакціей П. В. Быкова

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

Томъ I

Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Книгоиздательство Германъ Гоппе
22 Садовая улица 22
1890

Slv. 5176

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Александра Степановича

АФАНАСЬЕВА

(ЧУЖБИНСКАГО)

Изданіе подъ редакціею П. В. Быкова

[illegible]

ТОМЪ I.

Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Книгоиздательство Германъ Гоппе
Малая Садовая улица, 2.
1890

Печ. со стали Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

А. Афанасьевъ-Чужбинскій

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

А. С. АФАНАСЬЕВЪ (ЧУЖБИНСКІЙ). Томъ I.

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Книгоиздательство Германъ Гоппе
22 Садовая улица 22
1890

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій просп. 53.

Содержаніе.

Предисловіе.
Библіографія сочиненій А. С. Афанасьева (Чужб.) . . . I—XVI
Біографическій очеркъ его-же XVII—XXXIV
Очерки прошлаго:
Изъ корнетской жизни 1
Моншеры 35
Бурбонъ 101
Стоянка въ Дымогарѣ (Донъ-Жуанъ) 211
Прапорщикъ Сафьянчиковъ 341

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее собраніе сочиненій А. С. Афанасьева-Чужбинскаго появляется впервые передъ публикой, не перестающей интересоваться произведеніями даровитаго автора, имѣвшаго въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ довольно обширный кругъ читателей. Теперь многія изъ этихъ произведеній, каковы, напримѣръ, »Очерки прошлаго«, »Бабушка«, выдержавшія нѣсколько изданій, составляютъ большую рѣдкость; многія, разбросанныя по разнымъ журналамъ, совсѣмъ не были изданы отдѣльно. Тѣ и другія и до сихъ поръ нисколько не устарѣли, не потеряли своей занимательности и, обладая несомнѣнными литературными достоинствами, представляютъ прекрасный матеріалъ для чтенія легкаго, увлекательнаго и далеко небезполезнаго.

Это и побудило книгоиздательство Германъ Гоппе приступить къ выпуску въ свѣтъ собраніе сочиненій покойнаго Афанасьева-Чужбинскаго. Принявъ на себя редакцію этого изданія, мы должны сказать нѣсколько словъ о его планѣ и характерѣ. Покойный Афанасьевъ-Чужбинскій, какъ это видно изъ составленной нами и приложенной при первомъ томѣ библіографіи его сочиненій, писалъ чрезвычайно много; занимался самыми разнообразными журнальными работами. Едва-ли не двѣ трети этихъ работъ носятъ характеръ случайныхъ замѣтокъ, вещей, имѣвшихъ ин-

тересъ минуты и проч. Вотъ почему наше »Собраніе сочиненій Афанасьева-Чужбинскаго« не можетъ быть полнымъ собраніемъ. Мы выбрали изъ всей массы написаннаго покойнымъ авторомъ »Очерковъ прошлаго« лишь то, что представляетъ дѣйствительный интересъ, либо въ смыслѣ легкаго чтенія, либо въ отношеніи научномъ, каковы, напримѣръ его »Поѣздка въ южную Россію«, нѣсколько этнографическихъ замѣтокъ, »Словарь малорусскаго нарѣчія«, и проч.

При распредѣленіи матеріала, относительно вещей, напечатанныхъ отдѣльно еще при жизни Афанасьева-Чужбинскаго, мы руководствовались его собственнымъ распредѣленіемъ. Что касается остальнаго, то мы выдѣлили въ особый томъ его мелкія произведенія сами по себѣ интересныя, но менѣе выдающіяся въ сравненіи съ тѣми, которыя сдѣлали ему имя въ литературѣ. Помѣстили мы въ собраніе его сочиненій и стихотворенія, русскія и малороссійскія. Первыя не лишены интереса во многихъ отношеніяхъ, послѣднія имѣютъ еще большее значеніе: ихъ знаетъ вся Украйна, многія изъ нихъ положены на музыку, а потому и тѣ, и другія являются далеко нелишними въ настоящемъ изданіи. Вообще-же, мы старались избѣгать всякаго балласта.

Біографическій очеркъ покойнаго писателя, въ смыслѣ полноты, быть можетъ, не удовлетворитъ многихъ, но не наша вина, что въ нашемъ распоряженіи были самые скудные матеріалы. Въ библіографическомъ указателѣ, вѣроятно, также найдутся пропуски: Афанасьевъ-Чужбинскій часто не подписывалъ своихъ статей, особенно мелкихъ, изобрѣталъ постоянно новые псевдонимы, и потому почти нѣтъ возможности указать полностію всѣ его работы.

А. С. АФАНАСЬЕВЪ-ЧУЖБИНСКІЙ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Александръ Степановичъ Афанасьевъ, болѣе извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Чужбинскаго, авторъ »Очерковъ Прошлаго«, этнографъ и отчасти украинскій писатель, родился 28-го февраля 1817 года, въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, гдѣ отецъ его владѣлъ небольшимъ помѣстьемъ. Дѣтство свое онъ провелъ дома, въ деревнѣ и росъ на лонѣ благодатной украинской природы, среди патріархальной жизни народа, богатаго поэтическими преданіями о лихомъ казачествѣ, славныхъ запорожцахъ; сказками, пѣснями о »вольной волѣ«, мелодичные, нѣжные, грустные мотивы которыхъ дышатъ какой-то неизъяснимою прелестью »и волнуютъ мягкія сердца«. Этотъ своеобразный міръ, эти необозримыя, ровныя степи красавицы Украйны, живописные хутора съ ихъ »вишневыми садочками«, эти дивныя, воспѣтыя Гоголемъ, украинскія ночи, эти кобзари-лирники, воспѣвавшіе былую казацкую славу, добродушно-лукавые хохлы въ своихъ оригинальныхъ нарядахъ, красивыя, полныя природной граціи, малороссіянки, этотъ, исполненный нѣги, какой-то теплый колоритъ Украйны, — все это, безъ сомнѣнія, производило сильное впечатлѣніе на воспріимчивую натуру ребенка, питало его воображеніе и затрогивало въ его душѣ лучшія поэтическія струны. Молодой Афанасьевъ сперва обучался дома, вмѣстѣ съ сестрою Авдотьей Степановною, также впослѣдствіи пытавшей свои силы на литературномъ поприщѣ, и прожилъ въ деревнѣ до двѣнадцатилѣтняго возраста. На тринадцатомъ году его отвезли въ Нѣжинъ и опредѣлили въ гимназію Высшихъ Наукъ князя Безбородко, помѣстивъ на квартиру къ молодому профессору Никитѣ Ѳедоровичу Соловьеву, преподававшему въ этомъ заведеніи естественныя науки, прекрасному педагогу,

который пользовался большой любовью учащихся, умѣлъ передать свой предметъ превосходно, умѣлъ вложить въ своихъ слушателей ясныя понятія и вѣрныя начала о каждой наукѣ и былъ человѣкъ развитой, добрый, гуманный. На квартирѣ у Соловьева жилъ и Е. П. Гребенка, посѣщавшій высшіе классы нѣжинскаго заведенія, который, хотя и былъ годами четырьмя старше Афанасьева, однако, подружился съ послѣднимъ и имѣлъ косвенное вліяніе на его творчество въ области малороссійской литературы.

Гимназія Высшихъ Наукъ, вскорѣ послѣ поступленія въ число ея воспитанниковъ Афанасьева, преобразованная въ физико-математическій лицей, славилась своими прекрасными преподавателями, царившимъ въ ней здоровымъ духомъ и особенной наклонностью учащихся къ литературѣ, вліяніе которой тогда было очень сильно въ лицеѣ. Какъ Царскосельскій лицей обезсмертилъ себя тѣмъ, что воспиталъ въ своихъ стѣнахъ великаго Пушкина, Салтыкова и другихъ корифеевъ русской литературы и науки, такъ и лицей князя Безбородко можетъ гордиться именами Гоголя, Е. П. Гребенки, Н. Я. Прокоповича, Н. В. Кукольника, Н. В. Гербеля, П. Г. Рѣдкина, А. П. Рославскаго-Петровскаго, Д. И. Журавскаго и другихъ своихъ воспитанниковъ. Афанасьевъ, оказывавшій хорошіе успѣхи въ лицеѣ, несомнѣнно много обязанъ ему и своимъ развитіемъ, и своимъ влеченьемъ къ литературѣ, и своими хорошими, благородными традиціями, которымъ онъ оставался вѣренъ всегда, во всѣхъ произведеніяхъ своихъ. Въ лицеѣ Афанасьевъ пробылъ шесть лѣтъ и окончилъ въ немъ курсъ, въ 1835 году въ числѣ воспитанниковъ десятаго выпуска, съ званіемъ студента лицея и съ правомъ на чинъ XIV класса, послѣ чего уѣхалъ отдыхать въ деревню, къ отцу, гдѣ и прожилъ почти годъ.

Нужно было избирать себѣ поприще, но Афанасьевъ нѣкоторое время колебался въ выборѣ рода службы, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не получилъ краснорѣчиваго посланія отъ В., одного изъ своихъ товарищей, который увлекъ его своими описаніями всѣхъ прелестей военнаго быта и прямо совѣтовалъ ему поступить въ кавалерію. Юность взяла свое — и Афанасьевъ опредѣлился юнкеромъ въ Бѣлгородскій уланскій полкъ, несмотря на то, что онъ вовсе не былъ рожденъ военнымъ: наклонности у него были самыя мирныя: онъ рано началъ любить поэзію, въ немъ сильно было стремленіе ко всему прекрасному, возвышенному, онъ

носилъ въ душѣ свѣтлые идеалы, умъ его жаждалъ знаній, молодыя силы требовали дѣятельности. Увлеченный внѣшнимъ блескомъ военнаго быта, описаннаго такими радужными красками, Афанасьевъ мечталъ найти осуществленіе своихъ нѣкоторыхъ идеаловъ въ этой жизни — и довольно быстро разочаровался. Строгая »субординація« съ одной стороны и совершенно безпутный, разнузданный образъ жизни съ другой, разумѣется, не могли удовлетворить его, тѣмъ болѣе, что по своему образованію, воспитанію и развитію онъ стоялъ головою выше большинства своихъ полковыхъ сослуживцевъ и не имѣлъ съ ними почти ничего общаго. Афанасьевъ былъ преисполненъ благородныхъ стремленій, преслѣдовалъ цѣли болѣе или менѣе возвышенныя, а они, его сослуживцы, говоря словами поэта, почти всѣ знали только »волокитство, обжорство, игру«, въ умственномъ отношеніи спали сномъ непробуднымъ, и дуэли, мордобитія, сѣченіе возводили въ культъ. Безсмысленна, безцѣльна и, во многихъ чертахъ, достаточно отвратительна была жизнь, въ мирное время, тогдашнихъ военныхъ вообще, а кавалеристовъ, »лихихъ гусаръ« въ особенности. Почувствовавъ, въ концѣ концовъ, къ такой жизни вполнѣ естественное отвращеніе, Афанасьевъ вышелъ въ 1843 г. въ отставку, прослуживъ лѣтъ шесть и дослужившись до чина поручика.

Время этой службы, однако, не пропало для него даромъ: благодаря своей наблюдательности, онъ до тонкостей изучилъ военный бытъ, его крайне своеобразные нравы и обычаи, военные типы »добраго стараго времени«, присматривался къ тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ стоялъ со своимъ полкомъ, знакомясь съ бытомъ и мирныхъ обывателей, съ жизнью помѣщиковъ и крестьянъ. Эти всѣ наблюденія, встрѣчи, знакомства дали ему интересный и разнообразный матеріалъ, изъ котораго онъ потомъ, спустя уже много лѣтъ, бралъ сюжеты для своихъ »Очерковъ прошлаго«, сдѣлавшихъ ему имя. Военная служба, кромѣ того, развила въ немъ страсть къ кочевой жизни, къ странствованіямъ и, подобно современному беллетристу-путешественнику В. И. Немировичу-Данченко, Афанасьевъ не могъ долго усидѣть на одномъ мѣстѣ, благодаря чему онъ исколесилъ почти всю православную матушку Русь, отъ западнаго края до Кавказа.

Здѣсь намъ необходимо вернуться нѣсколько назадъ, къ 1838 году, когда въ »Современникѣ« П. А. Плетнева появилось стихотвореніе »Кольцо«, подписанное псевдонимомъ:

II*

Чужбинскій. Влеченіе къ литературѣ, вынесенное еще изъ лицея Афанасьевымъ, съ годами не ослабѣвало въ немъ, а напротивъ, возростало все болѣе и болѣе, не будучи подавлено даже всѣми треволненіями военной жизни, въ которую онъ, волей-неволей, принужденъ былъ окунуться съ головою. Начавъ свои опыты сочинительства еще въ лицеѣ, Афанасьевъ продолжалъ писать и притомъ особенно и тогда, когда поступилъ въ уланы. Въ это время онъ находился далеко отъ своей родной Украйны, онъ былъ *на чужбинѣ*, — отсюда-то и явился его псевдонимъ: Чужбинскій, подъ которымъ онъ, такимъ образомъ, и выступилъ въ литературѣ, печатая много стихотвореній и мелкихъ разсказовъ въ »Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду«, »Галатеѣ«, С. Е. Раича, »Маякѣ«, »Москвитянинѣ« и другихъ изданіяхъ, до начала пятидесятыхъ годовъ, когда онъ сталъ подписываться своимъ настоящимъ именемъ, а впослѣдствіи соединялъ его съ своимъ псевдонимомъ.

Проведя четыре года въ отставкѣ, Афанасьевъ съ 14-го августа 1847 года вновь опредѣлился на службу, на этотъ разъ гражданскую, поступивъ въ канцелярію воронежскаго гражданскаго губернатора, и вскорѣ былъ назначенъ редакторомъ неоффиціальной части »Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей«, а спустя годъ сдѣлался членомъ-корреспондентомъ спеціальной коммиссіи коннозаводства. Губернскія Вѣдомости онъ редактировалъ два года и, насколько это было въ его средствахъ, значительно улучшилъ, оживилъ неоффиціальный отдѣлъ, сдѣлалъ воззваніе въ газетѣ, приглашая корреспондентовъ присылать статьи по этнографіи, статистикѣ и археологіи края, и, помимо всего, ввелъ отдѣлъ »Народное чтеніе«, въ которомъ, между прочимъ, помѣщалъ свои бесѣды съ малороссами, на ихъ родномъ нарѣчіи. Въ августѣ 1849 года онъ снова вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя литературѣ, путешествуя по югу Россіи, по Кавказу, писалъ корреспонденціи, отрывки изъ дорожныхъ замѣтокъ, небольшіе беллетристическіе очерки, владѣя превосходно польскимъ языкомъ, издавалъ въ своемъ переводѣ повѣсти Крашевскаго и Корженевскаго, и работалъ надъ словаремъ малорусскаго нарѣчія. Въ то же время онъ выпустилъ въ свѣтъ небольшую книжечку своихъ малороссійскихъ стихотвореній подъ заглавіемъ: »Що було на сердці«, встрѣченную очень радушно, а также три части разсказовъ въ стихахъ и прозѣ »Русскій Солдатъ«. Въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ имя Чужбинскаго стало уже далеко

не безъизвѣстно въ литературѣ. Афанасьева знала и публика какъ малороссійскаго писателя, какъ любознательнаго и весьма наблюдательнаго туриста-этнографа, избороздившаго весь югъ, и какъ автора нѣсколькихъ повѣстей. Такого рода дѣятельность его была извѣстна и въ литературныхъ сферахъ, благодаря чему Афанасьевъ вскорѣ послѣ Крымской войны выдвинулся окончательно, именно, когда къ его содѣйствію, какъ къ этнографу, обратился великій князь Константинъ Николаевичъ, принимавшій столь энергичное и чрезвычайно видное участіе въ преобразовательной дѣятельности »эпохи возрожденія«.

Великій князь, тогда молодой генералъ-адъютантъ, предсѣдатель императорскаго русскаго географическаго общества, успѣвъ въ сравнительно короткое время провести важныя реформы во флотѣ и морскомъ вѣдомствѣ, обратилъ свое просвѣщенное вниманіе и на органъ этого вѣдомства — »Морской Сборникъ«. Изъ сухаго спеціальнаго изданія онъ превратился въ живой, современный журналъ для моряковъ, въ которомъ стали разрабатываться самые существенные и жгучіе вопросы, болѣе или менѣе волновавшіе тогда русское общество. Великій князь заботился о томъ, чтобы этотъ органъ отвѣчалъ своему назначенію въ самомъ широкомъ смыслѣ, съ этою-то цѣлью онъ и озаботился привлечь къ участію въ немъ лучшія литературныя и научныя силы, въ томъ числѣ и Чужбинскаго. Слухи о такомъ небываломъ событіи произвели даже нѣкоторое волненіе въ литературныхъ кружкахъ, оно казалось всѣмъ неожиданнымъ и почти невѣроятнымъ. »Правительство — по справедливому замѣчанію С. В. Максимова, — понуждалось въ содѣйствіи тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которымъ уже давно присвоено было обществомъ непризнанное и неутвержденное правительствомъ званіе литераторовъ, находившихся до той поры въ сильномъ подозрѣніи. Неожиданно, но опредѣлительно и ясно выражено было намѣреніе употребить въ дѣло силы, съ которыми до той поры боролись или которыхъ только гнали.« Какъ бы то ни было, но Великій Князь отдалъ, черезъ князя Дмитрія Александровича Оболенскаго, занимавшаго должность директора Коммиссаріатскаго департамента, слѣдующій приказъ 11-го августа 1855 года по Морскому министерству: »Прошу васъ поискать между молодыми даровитыми литераторами (напримѣръ, Писемскій, Потѣхинъ и т. под.) лицъ, которыхъ мы могли бы командировать на время въ Архангельскъ, Астрахань, Оренбургъ, на Волгу и главныя озера наши, для изслѣдованія

быта жителей, занимающихся морскимъ дѣломъ и рыболовствомъ, и составленія статей въ »Морской Сборникъ«, не опредѣляя этихъ лицъ къ намъ на службу.«

Осуществить эту прекрасную, счастливую мысль августѣйшаго администратора оказалось не такъ легко. Завязалась, по обыкновенію, переписка; баронъ Ф. П. Врангель, управлявшій тогда Морскимъ Министерствомъ, предлагалъ, чтобы желающіе участвовать въ экспедиціи представили пробныя работы, изложивъ въ нихъ свѣдѣнія о матеріалахъ, уже имѣвшихся въ печати относительно страны и обитателей и проч. Но Великій Князь устранилъ »этотъ кабинетно-измышленный способъ« и отвѣчалъ, что не считаетъ нужнымъ давать подробную программу для этихъ свѣдѣній, предоставляетъ каждому составлять описаніе по собственному усмотрѣнію и проситъ составить для избранныхъ лицъ лишь общія указанія тѣхъ свѣдѣній, которыя могли бы быть особенно полезны. »Желаю — писалъ Великій Князь — не какихъ либо донесеній, а прямо статьи для »Морскаго Сборника», вродѣ прекрасныхъ статей г. Гончарова.« Морское начальство предоставило тогда полную свободу желавшимъ участвовать въ экспедиціи. Однако она замедлялась до того, что гр. Дмитрій Андреевичъ Толстой, въ то время директоръ канцеляріи Морскаго Министерства, а позднѣе министръ Народнаго Просвѣщенія, получилъ въ половинѣ октября приказаніе пріискать литераторовъ »поскорѣе, хотя даже съ рискомъ, что выборъ этихъ писателей не вполнѣ будетъ удаченъ«. Прежде всего были избраны А. А. Потѣхинъ, А. Ф. Писемскій, М. Л. Михайловъ, затѣмъ А. С. Афанасьевъ-Чужбинскій, С. В. Максимовъ, Г. П. Данилевскій, послѣ всѣхъ А. Н. Островскій и друг. Афанасьевъ предложилъ изслѣдованіе быта прибрежныхъ жителей Днѣпра и Днѣстра, съ нравами, обычаями и занятіями которыхъ онъ былъ нѣсколько знакомъ и ранѣе и такъ какъ отправлялся въ это время на родину, въ Малороссію по своимъ частнымъ дѣламъ, то и предъявилъ министерству самыя умѣренныя требованія—до одной лишь казенной подорожной, но министерство предоставило ему и содержаніе и все то, что назначено было и остальнымъ участникамъ »литературной экспедиціи«.

Афанасьевъ взглянулъ очень широко на свою миссію и добросовѣстнѣе многихъ исполнилъ возложенное на него порученіе, поспѣшивъ ранѣе другихъ прислать первыя двѣ статьи въ »Морской Сборникъ«: »Общій взглядъ на бытъ приднѣпровскаго крестьянина«, которыя и помѣщены въ 1856 году.

Затѣмъ слѣдовалъ длинный рядъ его статей въ томъ же журналѣ: »Поѣздка на Днѣпровскіе пороги и на Запорожье«, »Поѣздка по низовьямъ Днѣпра« и »Поѣздка по Днѣстру«, изъ которыхъ потомъ составилась большая книга въ двухъ частяхъ — »Поѣздка въ южную Россію«, выдержавшая два изданія. Онъ не удовольствовался наблюденіями чисто этнографическаго характера и собиралъ и другіе матеріалы, дѣлалъ изслѣдованія, касавшіяся разныхъ современныхъ вопросовъ, напримѣръ, экономическаго положенія колонистовъ, быта вольныхъ матросовъ, всевозможныхъ административныхъ злоупотребленій и излагалъ свои мнѣнія и добытые результаты въ печати. Морское вѣдомство нашло возможнымъ расширить авторскія права разрѣшеніемъ печатать изслѣдованія, кромѣ »Морскаго Сборника«, и въ частныхъ повременныхъ изданіяхъ, чѣмъ Афанасьевъ и воспользовался, помѣстивъ свои интересныя »Дорожныя записки« въ »Русскомъ Словѣ« 1859—1860 гг. и цѣлый рядъ »Писемъ къ редактору« въ »Экономическомъ Указателѣ« И. В. Вернадскаго, въ которыхъ затрогивалъ многіе современные вопросы самаго разнообразнаго содержанія.

Съ появленіемъ книги Афанасьева »Поѣздка въ южную Россію,« доставившей ему весьма обширный кругъ читателей, его литературная репутація установилась окончательно, и имя Афанасьева-Чужбинскаго сдѣлалось весьма популярнымъ и въ литературномъ мірѣ, и въ публикѣ, особенно же когда въ разныхъ лучшихъ изданіяхъ того времени появились его »Очерки прошлаго«, посвященные преимущественно изображенію военнаго быта двадцатыхъ — тридцатыхъ годовъ въ связи съ нравами того времени. Тогда-же, т. е. въ шестидесятыхъ годахъ, сперва въ »Сѣверной Пчелѣ«, а затѣмъ и отдѣльно, появилось и одно изъ лучшихъ его произведеній, не считая »Очерковъ прошлаго,« деревенскія сцены »Бабушка,« которое на всегда упрочило за Афанасьевымъ славу весьма даровитаго разсказчика.

Послѣ командировки, которую Афанасьеву удалось продолжить на четыре года, онъ поселился на жительство въ Петербургѣ и провелъ въ немъ, почти безвыѣздно, весь остатокъ дней своихъ. Нельзя сказать, чтобы счастье особенно улыбалось ему: его семейныя обстоятельства сложились весьма неблагопріятно, самъ онъ страдалъ болѣзнью печени, — леченье требовало денегъ, содержаніе семьи стоило также не мало, и Афанасьему нерѣдко приходилось, ради насущнаго хлѣба, работать до полнаго истощенія силъ. При такихъ обстоятель-

ствахъ о выборѣ рода литературныхъ занятій не могло быть и рѣчи: онъ бралъ все, что попадалось ему подъ руку, довольствовался тѣмъ, что судьба посылала ему. Тамъ велъ фельетонъ, здѣсь помѣщалъ литературныя и всякія другія замѣтки, въ одномъ изданіи пристроивалъ, далеко не выношенный, не отдѣланный романъ, повѣсть, въ другомъ—переводилъ съ иностранныхъ языковъ, въ третьемъ—занимался редакціонной работой; предпринималъ и самъ, что нибудь, являлся отвѣтственнымъ редакторомъ и т. д. Литературный поденный трудъ давалъ ему далеко немного и губительнымъ образомъ дѣйствовалъ на его скромный беллетристическій талантъ.

Въ 1864 году ему пришла счастливая мысль основать такую дешевую газету въ Петербургѣ, которая преслѣдовала бы чисто мѣстные, городскіе интересы и являлась отголоскомъ петербургской жизни. 23-го февраля того же года онъ подалъ въ Цензурный Комитетъ прошеніе о разрѣшеніи ему изданія, подъ его же редакціей, газеты »Петербургскій Листокъ,« которая и стала выходить, съ 15-го марта, четыре раза въ недѣлю. »Мы будемъ говорить исключительно о петербургской жизни,—писалъ въ первомъ нумерѣ »Петербургскаго Листка« ея основатель. Жизнь въ Петербургѣ кипитъ, словно водоворотъ... Мы будемъ присматриваться къ мелкимъ явленіямъ петербургской жизни и даже не станемъ группировать ихъ по категоріямъ, а просто будемъ подхватывать на лету, что подвернется подъ руку, лишь бы новость была животрепещущая«. Самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ газеты былъ, конечно, ея редакторъ, который, къ сожалѣнію, зависѣлъ въ матеріальномъ отношеніи отъ лицъ, вложившихъ свои капиталы на изданіе »Петербургскаго Листка.« Въ числѣ этихъ лицъ оказался вскорѣ и А. А. Зарудный, харьковскій помѣщикъ, впослѣдствіи попавшій на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ цѣломъ рядѣ мошенничествъ. Предпріятіе Афанасьева-Чужбинскаго, тѣсно связанное съ дѣломъ конторы, во главѣ которой сталъ Зарудный, не могло существовать самостоятельно. Ея основатель смотрѣлъ на дѣло веденія газеты совсѣмъ не такъ, какъ смотрѣлъ Зарудный, которому было рѣшительно все равно, что бы въ ней не печаталось, лишь бы она популяризировала агентство и коммиссіонерство конторы, во всѣхъ ея предпріятіяхъ. Афанасьевъ-Чужбинскій, напротивъ, отстаивалъ преобладаніе въ »Листкѣ« литературнаго элемента, отсутствіе рекламы; это повело къ недоразумѣніямъ, и все благополучіе, которое основывалъ для себя на газетѣ Афа-

насьевъ, рушилось; онъ долженъ былъ по неволѣ отступиться отъ своего дѣтища. Афанасьеву-Чужбинскому не удалось пожать то, что онъ посѣялъ, это сдѣлали за него другіе, и ему оставалось только довольствоваться славой основателя, такъ называемой, мелкой прессы, которая, прямо или косвенно, обязана ему своимъ существованіемъ.

Послѣ неудачи съ »Петербургскимъ Листкомъ,« Афанасьеву пришлось снова пристраиваться къ какой нибудь работѣ. Въ 1866 году одинъ изъ литераторовъ тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ, переводчикъ драматическихъ и беллетристическихъ произведеній, Н. П. Мундтъ основалъ газету »Недѣля«, и Афанасьевъ-Чужбинскій приглашенъ былъ участвовать въ ней. Здѣсь онъ помѣстилъ свой большой разсказъ »Забытая исторія« и велъ отдѣлъ »Журналистики« въ продолженіе двухъ лѣтъ, до перехода газеты къ новому издателю. Потомъ онъ недолгое время былъ редакторомъ моднаго, съ литературнымъ отдѣломъ, журнала »Новый Русскій Базаръ«, гдѣ, между прочимъ, писалъ фельетонъ подъ псевдонимомъ: А. Чайный. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ возобновилъ въ ежемѣсячныхъ журналахъ »Всемірный Трудъ« и »Заря«, прерванные имъ въ шестидесятыхъ годахъ, »Очерки Прошлаго«, снова напомнившіе публикѣ о неослабѣвшемъ дарованіи ея любимаго автора. Во »Всемірномъ Трудѣ« появились два очерка: »Фаня« и Дуэлисты«, въ »Зарѣ« — »Городъ Смуровъ«. Кромѣ того въ послѣднемъ журналѣ былъ напечатанъ романъ Афанасьева-Чужбинскаго »Петербургскіе Игроки«, вышедшій вскорѣ и отдѣльнымъ изданіемъ, который произвелъ нѣкоторую сенсацію въ петербургскомъ среднемъ кругу публики и среди такъ называемой золотой молодежи, такъ какъ въ романѣ были выведены живыя лица, разные темные люди, извѣстные шулера вмѣстѣ съ жертвами этихъ проходимцевъ. Афанасьевъ-Чужбинскій, еще будучи офицеромъ познакомился съ типами игроковъ, съ плутнями карточной игры, сталкивался и позднѣе со всевозможными »рыцарями, зеленаго поля«, посѣщалъ для наблюденія нравовъ игроковъ разные притоны и провинціальные, и столичные; наконецъ, самъ не былъ чуждъ страсти къ картамъ, изучилъ »игорный вопросъ« со всѣхъ сторонъ, былъ большимъ знатокомъ этого »милаго времяпрепровожденія и скучающихъ, и нескучающихъ россіянъ«. Поэтому-то романъ его и вышелъ такимъ интереснымъ, изобилуя массою самыхъ пикантныхъ подробностей, интриговавшихъ нѣкоторую часть публики и быстро разошелся на нашемъ книжномъ рынкѣ.

Вскорѣ послѣ выхода »Петербургскихъ игроковъ« отдѣльнымъ изданіемъ, Афанасьевъ-Чужбинскій основалъ журналъ переводовъ беллетристическихъ произведеній подъ названіемъ »Магазинъ Иностранной Литературы,« который, однако, не имѣлъ почти никакого успѣха и былъ переданъ въ другія руки. Послѣ этого Афанасьеву-Чужбинскому была предложена редакція газеты »Новости«, тогда принадлежавшей къ малой прессѣ и переходившей отъ одного издателя къ другому, чуть не каждый мѣсяцъ. Новый редакторъ внесъ въ убогую газетку присущій ему приличный тонъ, придалъ ей литературный характеръ, значительно оживилъ ее; но редакторство его продолжалось недолго, всего мѣсяца три-четыре, и свое мѣсто въ газетѣ онъ уступилъ одному изъ какихъ-то невѣдомыхъ литераторовъ. Около этого времени, несмотря на болѣзнь печени, сильно изнурявшую его, онъ, помимо литературныхъ занятій, несъ служебныя обязанности по званію инспектора школъ грамотности балтійскаго флота и намѣревался составить военно-морскую хрестоматію для нижнихъ чиновъ нашего флота, но смерть уже сторожила его, и онъ не успѣлъ привести свою мысль въ исполненіе.

18-го августа 1875 года на Волковомъ кладбищѣ происходили похороны Василія Степановича Курочкина. Почти весь литературный міръ собрался проводить въ послѣднее жилище даровитаго поэта и переводчика Беранже. Въ числѣ другихъ находился здѣсь и Афанасьевъ-Чужбинскій. Скорбя о безвременной кончинѣ собрата по перу, онъ, между прочимъ, задавался вопросомъ, кого-то послѣ Курочкина придется провожать на это самое кладбище. »Интересно знать — говорилъ онъ собравшейся кучкѣ литераторовъ — за кѣмъ изъ насъ теперь очередь?« И оказалось, что очередь была за нимъ: недѣли черезъ три послѣ этого разговора, Афанасьева-Чужбинскаго не стало; онъ скончался 6 сентября 1875 года. Этотъ разсказъ передавалъ намъ Викторъ Петровичъ Буренинъ, при которомъ происходилъ упомянутый разговоръ. Похороны Афанасьева-Чужбинскаго были очень скромныя, и послѣднюю дань пришли ему отдать весьма немногіе. Некрологи, посвященные памяти покойнаго, кое-гдѣ промелькнувшіе въ газетахъ, отличались краткостью и необычайною сухостью; даже въ »Петербургскомъ Листкѣ«, котораго онъ былъ основателемъ, появилось лишь нѣсколько ничего незначущихъ строкъ. Очень страннымъ казалось такое прискорбное равнодушіе литературы къ покойному писателю, который честно и не безъ пользы трудился

около сорока лѣтъ и оставилъ послѣ себя литературное наслѣдство, хотя и скромное, но далеко не бѣдное, который постоянно держался лучшихъ литературныхъ традицій, всегда высоко ставилъ званіе писателя и обладалъ несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ. Впрочемъ, новымъ литературнымъ дѣятелемъ, внесшимъ въ журналистику свои новые обычаи, столь не похожіе на старые, не было никакого дѣла до Афанасьева, о которомъ, свободные отъ знакомства съ прежней литературой, они, пожалуй, только и знали, что онъ подписывался Чужбинскимъ и помѣщалъ гдѣ-то и что-то.

Для полноты литературно-послужнаго списка Афанасьева слѣдуетъ упомянуть о томъ, что онъ занималъ еще мѣсто смотрителя артиллерійскаго музея петропавловской крѣпости въ началѣ семидесятыхъ годовъ, затѣмъ былъ отвѣтственнымъ редакторомъ »Заграничнаго Вѣстника«, издававшагося Маврикіемъ Вольфомъ и »Искры« въ послѣдній годъ ея существованія, а также много переводилъ, преимущественно съ французскаго и съ польскаго языковъ. Подъ его редакціей переведено четыре тома »Исторіи Наполеона«, Ланфре; имъ же обработана книга для юношества »Тысяча и одна ночь«, — арабскія сказки, по французскому оригиналу.

Афанасьевъ-Чужбинскій занимаетъ скромное мѣсто въ русской литературѣ, но безспорно принадлежитъ къ числу выдающихся беллетристовъ пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годовъ и имѣетъ свою оригинальную физіономію, наиболѣе рельефно выразившуюся въ его »Очеркахъ Прошлаго« и въ романѣ »Петербургскіе Игроки«, который является какъ бы продолженіемъ этихъ очерковъ. Его талантъ — талантъ разсказчика, умнаго, увлекательнаго, обладающаго большой наблюдательностью, знаніемъ жизни вообще и въ особенности жизни провинціальной и военной. Онъ чуждъ какихъ бы то ни было претензій, не силится быть художникомъ, сознавая, что у него нѣтъ для этого данныхъ, и умѣетъ удивительно обходиться тѣми небольшими средствами, которыя находятся въ его распоряженіи. Какъ не похожъ онъ, въ этомъ случаѣ, на многихъ беллетристовъ настоящаго времени, которые, рѣшительно не обладая художественнымъ талантомъ, притворяются художниками и силятся сказать что-то новое, незаурядное, разыгрываютъ роль выразителей современной жизни, обманывая, такимъ образомъ, и публику, и самихъ себя. Афанасьевъ-Чужбинскій прекрасно зналъ свои силы — и себя не обманывалъ. Онъ хорошо понималъ, что

выводимыя имъ лица, событія имъ передаваемыя вовсе не новы, что талантъ его чисто внѣшній и притомъ довольно скромный, а потому и не претендовалъ на какое либо особенное значеніе его произведеній, на глубокое изслѣдованіе жизни, на серьезныя идеи. Онъ разсказываетъ просто и безхитростно разные житейскіе случаи, рисуетъ правдиво и событія и лица изображаемой имъ среды, причемъ всегда остается въ границахъ искусства, всегда приличенъ, всегда говоритъ только о томъ, что знаетъ, что чувствуетъ и не вдается въ области ему невѣдомыя, которыя ему не по силамъ. Одинъ изъ критиковъ шестидесятыхъ годовъ, разбирая его повѣсть »Бабушка«, справедливо замѣчаетъ, что у Чужбинскаго »нѣтъ ни описаній природы на нѣсколькихъ страницахъ, ни лирическихъ сѣтованій о суетѣ мира сего, ни натянутыхъ попытокъ психологическаго анализа, нѣтъ, наконецъ, никакой задней мысли одно покарать, а другое выставить людямъ на поученіе«.

По своему повѣствовательному таланту Афанасьевъ-Чужбинскій ближе всего подходитъ къ Вонлярлярскому и Панаеву, автору »Опыта о хлыщахъ«, въ особенности къ послѣднему. Какъ Панаевъ прекрасно зналъ великосвѣтскій бытъ, жизнь золотой молодежи, дамъ полусвѣта, и рѣдко когда удалялся изъ области подобныхъ героевъ, о которыхъ умѣлъ передавать интересныя подробности, бойко и живо разсказывать случаи, сцены изъ жизни ихъ,—такъ и Афанасьевъ-Чужбинскій превосходно зналъ провинціальную жизнь и военный бытъ, со всѣми его особенностями, преимущественно внѣшнюю и внутреннюю жизнь кавалеристовъ »добраго стараго времени« и занимательно разсказывалъ о похожденіяхъ гусаръ на поприщѣ волокитства, удальства, поединковъ, рисуя если не яркими красками, то весьма живо и вѣрно до послѣднихъ мелочей обстановку, въ какой совершались и водевили, и комедіи, и драмы, а порою и высокія трагедіи во время квартированія войскъ въ разныхъ мѣстахъ юга, преимущественно въ Малороссіи и Новороссіи. Типовъ у него нѣтъ, но цѣлая галлерея интересныхъ, очевидно, списанныхъ прямо съ натуры фигуръ проходитъ у читателя передъ глазами. Тутъ и моншеры со своими комичными претензіями на особый аристократизмъ, курьезный шикъ, и неотесанные, вышедшіе изъ нижнихъ чиновъ офицеры, получившіе кличку бурбоновъ съ ихъ довольно звѣрскими наклонностями, и легковѣсные корнеты, забубенные кутилы-мученики, и безобразные самодуры, по поводу дѣяній которыхъ можно повторить грибоѣдовскій стихъ:

»свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ«, и отчаянные дуэлисты, и картежники, и ремонтеры, считавшіе надувательство какъ постороннихъ, такъ и товарищей вещью самою обыкновенной и вполнѣ естественной. Въ связи съ этими лицами мелькаютъ и фигуры мирныхъ людей, мужскія и женскія лица, обитатели провинціальной глуши, степные помѣщики, чины уѣздной служебной іерархіи. Патріархальная жизнь, »по дѣдовской старинѣ«, мѣстечекъ, селъ, хуторовъ и городковъ, съ ея радостями, невзгодами, ея будничными явленіями и, порою, происшествіями, выходящими изъ ряду вонъ, подъ перомъ Афанасьева-Чужбинскаго оживаетъ передъ читателемъ. Бывалый авторъ, много видавшій на своемъ вѣку, изучившій закоулки и захолустья нашей обширной родины, которую онъ изъѣздилъ вдоль и поперекъ, разсказываетъ обо всемъ подробно, обстоятельно, подмѣчая характерныя черты и особенности прежнихъ временъ, такъ что въ общемъ получается до извѣстной степени цѣльная картина провинціальной жизни первой половины, или, вѣрнѣе, первой четверти XIX вѣка, такъ какъ Афанасьевъ-Чужбинскій чаще описываетъ случаи изъ жизни двадцатыхъ годовъ.

Большимъ достоинствомъ у него надо признать искренность и добросовѣстность, которыя сквозятъ въ каждомъ его произведеніи, хотя бы въ немъ разсказывалось о вещахъ самыхъ прискорбныхъ. Какъ честный лѣтописецъ заноситъ въ лѣтопись всякій фактъ, безъ исключенія, какъ внимательный этнографъ, съ любовью къ дѣлу, отмѣчаетъ рѣшительно все, что, такъ или иначе, достойно вниманія, не разбирая, крупно это или мелко, такъ точно авторъ »Очерковъ прошлаго« не скрываетъ ничего, ни дурнаго, ни хорошаго, заноситъ въ свой разсказъ и важныя вещи, и разныя мелочи, если только онѣ идутъ къ дѣлу, воспроизводя, напримѣръ, даже разговоры или сценки, во всей ихъ неприкосновенности, съ оттѣнкомъ мѣстнаго колорита, извѣстной среды. Искренность и нерѣдко наивность безъискусственнаго разсказа автора сильно подкупаютъ читателя, который прощаетъ послѣднему и блѣдность красокъ, и незамысловатость, и нѣкоторое однообразіе пріемовъ, и недостатокъ хужественности. Полное спокойствіе, хладнокровіе, совершенно объективное отношеніе къ изображаемымъ событіямъ и лицамъ и, большею частью, добродушный тонъ никогда не покидаютъ автора. Онъ ничего не подчеркиваетъ, не сгущаетъ преднамѣренно красокъ, не заботится о такомъ или другомъ освѣщеніи, долженствующемъ

произвести извѣстное впечатлѣніе; онъ предоставляетъ самому читателю дѣлать выводы и обобщенія, и заботится объ одномъ: о сохраненіи правды въ разсказѣ, о томъ, чтобы онъ былъ занимателенъ и могъ быть прочитанъ до конца, безъ утомленія и скуки. И Афанасьевъ-Чужбинскій всегда достигаетъ своей цѣли. Разсказывая о чемъ нибудь, въ формѣ ли очерка, повѣсти, или романа, вполнѣ безхитростно, безъ затѣй, плавно, легко, онъ невольно заинтересовываетъ читателя, который не только получаетъ при этомъ одно эстетическое удовольствіе, но и выноситъ изъ чтенія много такого, надъ чѣмъ стоитъ пораздумать. При всей своей объективности, Афанасьевъ-Чужбинскій, однако же, не скрываетъ отвращенія ко многимъ явленіямъ изображаемой имъ эпохи; его возмущаютъ »жестокіе нравы« прошлаго, ничтожность, безсодержательность и фальшь тогдашней жизни кавалеристовъ, »жизни дикой, праздной и пустой«, и онъ, безъ стѣсненія, обнаруживаетъ ее во всей ея непriглядной наготѣ, не забывая разныхъ характерныхъ подробностей, такъ что иногда его очерки прошлаго получаютъ какъ бы обличительный оттѣнокъ.

Афанасьевъ-Чужбинскій не принималъ близкаго участія въ движеніи шестидесятыхъ годовъ, не примкнулъ ни къ одному лагерю, шелъ своею очень скромной дорогой, не выражая, ни рѣзкаго, никакаго бы то ни было, протеста противъ стараго порядка вещей. Воспитанный на лучшихъ твореніяхъ пушкинскаго и гоголевскаго періодовъ русской литературы, писатель стараго закала, уважавшій святость искусства, онъ если не враждебно, то весьма холодно смотрѣлъ на новыя вѣянія въ журналистикѣ, на отрицательное направленіе и на вторженіе въ область искусства довольно таки неопрятной во всѣхъ отношеніяхъ, циничной и разнузданной улицы, которая вносила свои особенные вкусы въ эту область и хозяйничала, вообще, въ литературѣ со всѣмъ деспотизмомъ и нетерпимостью, ей присущими. Въ то печальное время развѣнчивали Пушкина, Лермонтова, бросали грязью въ Тургенева, сравнивая его съ Аскоченскимъ, извѣстнымъ жрецомъ мракобѣсія и считали за ничто тѣхъ писателей, которые *по старому* понимали задачи искусства и не шли въ хвостѣ поклонниковъ увлекавшагося автора »Что дѣлать« и »Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности«. Если люди съ большимъ талантомъ, не умѣвшіе и не желавшіе писать въ тенденціозномъ направленіи, были отодвинуты на задній планъ и преданы

почти полному забвенію, то на что могли разсчитывать такіе несравненно болѣе скромные по таланту писатели, какъ Афанасьевъ-Чужбинскій, котораго только терпѣли за его незлобивость и добродушіе, и совершенно игнорировали его произведенія. Критика либеральнаго лагеря, тогда главенствовавшая, смотрѣла на лучшія его вещи свысока, и вотъ причина, что произведенія Афанасьева-Чужбинскаго недостаточно были оцѣнены критикой, хотя многія изъ его произведеній, каковы, напримѣръ, »Очерки прошлаго«, полные смысла, содержанія и представляющіе нѣкоторый матеріалъ для знакомства съ былымъ временемъ, достойны вниманія во всѣхъ отношеніяхъ.

Критика прошла молчаніемъ и другое его произведеніе, повѣсть »Бабушка,« или, какъ самъ авторъ называлъ ее,—деревенскія сцены, которое вовсе не заслуживаетъ подобнаго отношенія къ нему, и было оцѣнено публикою, нерѣдко проявляющею болѣе чуткости, чѣмъ наша критика. Это положительно выдающаяся вещь, въ основу которой положены отношенія другъ къ другу бабушки и внучки, двухъ діаметрально противоположныхъ характеровъ. Изо дня въ день молодая, способная, умная и развитая дѣвушка и старая, отжившая свой вѣкъ, черствая, своевольная старуха-деспотъ ведутъ между собою самую тяжелую медленную и продолжительную борьбу, кончающуюся смертью дѣвушки, которая не могла совладать съ необузданнымъ характеромъ и деспотизмомъ бабушки, являвшей собою обломокъ стараго вѣка. Авторъ шагъ за шагомъ изображаетъ эту борьбу, всю сѣрую, будничную обстановку, при какой она происходила, и заставляетъ читателя переживать эту глубокую семейную драму, которая происходитъ въ мирной деревенской глуши, въ сторонѣ отъ большаго свѣта и, очевидно, выхвачена прямо изъ жизни. Разсказывая эту быль, Афанасьевъ-Чужбинскій, по обыкновенію, ничѣмъ не задается, ни на что не претендуетъ и тѣмъ не менѣе производитъ впечатлѣніе, которое еще болѣе усиливается, благодаря удивительной простотѣ и безъискусственности разсказа.

Весьма полезными и почтенными трудами заявилъ себя Афанасьевъ-Чужбинскій и въ области этнографической литературы. Онъ писалъ о великорусскихъ губерніяхъ, о Кавказѣ, но болѣе всего занимался югомъ, своей родной Украйной, Новороссіей, однако все это были, сравнительно, мелкія сообщенія, имѣвшія временный интересъ. Особенное-же вниманіе и публики, и критики обратилъ на себя его крупный трудъ »Поѣздка въ Южную Россію,« изданный въ двухъ, довольно большихъ томахъ и

посвященный описанію быта приднѣпровскихъ и приднѣстровскихъ городовъ и селеній. Слѣдуя своей прекрасной привычкѣ говорить всегда правду, насколько это возможно, онъ и въ этой книгѣ чистосердечно и простодушно передаетъ свои впечатлѣнія всего видѣннаго имъ и слышаннаго, разсказываетъ все, хорошее и худое, безъ утайки: »всю жизнь, всю суматоху, все скромное довольство и страданія то тѣхъ, то другихъ селеній,« говоритъ и о спящихъ мертвымъ сномъ и лишь по временамъ пробуждающихся городахъ и о совершенно уснувшихъ, и про благоденствующія, сравнительно, нѣмецкія колоніи, и про бѣдствующія колоніи еврейскія и проч. Все это,—какъ вѣрно замѣчаетъ одинъ почтенный критикъ—проходитъ передъ нами живо, со всѣми своими пѣснями, костюмами, привычками, жалобами, со всѣми своими столкновеніями съ мѣстными и отдаленными властями, и мы то радуемся, то сквозь слезы улыбаемся, то негодуемъ и ропщемъ, задѣтые за живое. Благодаря своей способности подмѣчать все сколько-нибудь характерное, выдающееся, умѣнью собирать интересныя данныя и привычкѣ давать, главнымъ образомъ, лишь факты, благодаря своему беллетристическому таланту, Афанасьевъ-Чужбинскій написалъ не сухое, доступное немногимъ изслѣдованіе, а чрезвычайно живую, занимательную книгу, которую можетъ читать каждый не безъ удовольствія и не безъ пользы. Правда, Афанасьевъ-Чужбинскій не указываетъ связи между фактами, имъ приводимыми, не группируетъ извѣстныя данныя такимъ образомъ, чтобы сдѣлать тотъ или другой выводъ, который могъ бы потомъ оказаться сомнительнымъ, преждевременнымъ, рискованнымъ. Но, по мнѣнію большинства критиковъ, именно это обстоятельство, можетъ быть, и дѣлаетъ книгу его особенно драгоцѣнною. Потому что для подобной связи иногда натягиваются факты, искажается смыслъ; а Афанасьевъ-Чужбинскій разсказываетъ то, что видѣлъ, и на его поясненія нѣкоторыхъ фактовъ можно смотрѣть, какъ на личныя его ощущенія. Тѣмъ болѣе, что эти личныя ощущенія обращаютъ только больше вниманія на фактъ, который ими не затемняется. Критика либеральнаго лагеря, со свойственной ей односторонностью и нетерпимостью, предъявлявшая къ, не любящему мудрствовать лукаво, автору, довольно странныя требованія, нашла книгу Афанасьева-Чужбинскаго нестоющею вниманія и довольно безцеремонно поглумилась надъ нею. Однако, несмотря на такой отзывъ, публика раскупила два изданія »Поѣздки въ Южную Россію« и съ жи-

вѣйшимъ интересомъ прочла книгу, которая и донынѣ неустарѣла и содержитъ въ себѣ массу интересныхъ свѣдѣній, цѣнныхъ указаній. Въ нашей, сравнительно, бѣдной этнографической литературѣ »Поѣздка въ Южную Россію« является, можно сказать, сочиненіемъ единственнымъ въ своемъ родѣ.

Какъ уроженецъ Украйны, горячо ее любившій, Афанасьевъ-Чужбинскій отдалъ дань и своей родинѣ: онъ написалъ нѣсколько задушевныхъ малороссійскихъ стихотвореній лирическаго содержанія, которыя сдѣлали ему имя въ скромной украинской литературѣ, гдѣ онъ занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. Стиховъ этихъ у него немного, и происхожденіе ихъ онъ самъ разъясняетъ въ предисловіи къ маленькой книжкѣ »Що було на сердці«, въ которой эти стихи собраны. »Пѣлъ и я, братцы, — говоритъ онъ, — выливалъ въ пѣсни то, что было на сердцѣ, что роилось въ умѣ, и, видя, какъ иногда чернобровыя дѣвушки перенимаютъ мои пѣсни, подумалъ: пускай же не пропадаютъ золотыя мгновенья, которыя, Богъ ихъ святой знаетъ откуда, вторгались въ душу и громко вырывались на волю«. Книжку Чужбинскаго земляки его встрѣтили съ восторгомъ, отозвалась о ней сочувственно и русская критика. Вотъ, что, напримѣръ, говорилъ о ней рецензентъ »Москвитянина« (1855 г. № 4): »Эта изящная книжка, превосходно отпечатанная, заключаетъ въ себѣ всего 15 стихотвореній, на 44 страницахъ. Видъ ея — самый скромный, и критика, быть можетъ, пройдетъ ее безъ сочувствія. Но въ ней столько теплоты, свѣжести и самобытныхъ красокъ, какъ мы давно уже не встрѣчали этого въ украинскихъ изданіяхъ со временъ »Гайдамаковъ« и »Присказокъ« Гребенки. Книжка неизвѣстнаго автора — Афанасьевъ выпустилъ ее безъ имени — далеко обойдетъ уголки, гдѣ читались Квитка и Котляревскій и не одну слезу вырветъ изъ глазъ панночекъ, распѣвающихъ на берегахъ Днѣпра, Ворсклы и Грунь-Тихой: »Ой, у поли могила«, и »Віютъ витры«. Мотивы поэзіи Чужбинскаго не отличаются разнообразіемъ; поэтъ постоянно жалуется на свое одиночество и вѣчное скитанье на чужбинѣ, скорбитъ о кратковременности земнаго счастья, ищетъ связи между своими думами и природой и проч., такъ что его стихи являются какъ бы исторіей его внутренней жизни. Субъективный характеръ ихъ, однако, придаетъ имъ еще бóльшую прелесть и значеніе пѣсенъ, дѣйствительно, выливавшихся прямо изъ души. Эти глубоко прочувствованныя пѣсни, томныя, нѣжныя, меланхолическія, имѣли огромный успѣхъ

и сдѣлались очень популярны на Украйнѣ, особенно стихотвореніе »Скажы мини правду, мий добрый козаче«, посвященное Е. П. Гребенкѣ и положенное на музыку. Въ »Основѣ« 1861—1862 гг. было кромѣ того напечатано нѣсколько стихотвореній Афанасьева-Чужбинскаго, безъ имени и съ предположеніемъ, что это первые поэтическіе опыты Т. Г. Шевченко,—и это обстоятельство служитъ едва ли не лучшимъ доказательствомъ внутреннихъ достоинствъ стихотвореній Чужбинскаго, поэтическія произведенія котораго знаетъ вся Украйна, могущая сожалѣть объ одномъ, что онъ такъ мало писалъ на своемъ родномъ нарѣчіи. Кромѣ стиховъ, Афанасьевъ-Чужбинскій оставилъ еще »Словарь малорусскаго нарѣчія«, доведенный лишь до буквы З и заключающій въ себѣ и грамматическія правила. Академикъ И. И. Срезневскій, знатокъ малороссійскаго нарѣчія, ставитъ этотъ трудъ Афанасьева-Чужбинскаго очень высоко, находитъ его достойнымъ занять мѣсто рядомъ съ сербскимъ словаремъ Вука Караджича, и называетъ »драгоцѣннымъ достояніемъ филологической литературы русской«.

Такова была разнообразная литературная дѣятельность А. С. Афанасьева-Чужбинскаго, писателя почтеннаго и даровитаго, дѣятельность скромная, но благородная и плодотворная, которая должна спасти его имя отъ забвенія.

ИЗЪ КОРНЕТСКОЙ ЖИЗНИ.

ИЗЪ КОРНЕТСКОЙ ЖИЗНИ.

(Посвящ. графу С. П. де-Бальменъ).

Полкъ нашъ стоялъ въ Ч...скомъ поселеніи, и хотя полковые командиры не завѣдывали уже поселеннымъ округомъ, но бригадные и начальникъ дивизіи не утратили еще вліянія на поселянъ, дѣлали имъ смотры — настоящую кукольную комедію — въ назначенное время. Общество офицеровъ у насъ было отличное... Но я прошу не принимать этого эпитета въ смыслѣ самовосхваленія или пристрастія къ доброму старому времени, — потому что самохвальство я считаю недостойнымъ, а о добромъ старомъ времени имѣю самое грустное понятіе. »Отличнымъ« общество своего полка я назвалъ потому, что случайно оно считало въ себѣ нѣсколькихъ офицеровъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Во время поступленія моего въ полкъ, изъ семнадцати юнкеровъ было у насъ четыре человѣка изъ университетовъ и два изъ лицея. Какія бы ни были познанія этой молодежи, что̀ бы ни вынесла она со школьныхъ скамеекъ, все же подобный кружокъ благотворно дѣйствовалъ на прочихъ товарищей и, разумѣется, былъ неизмѣримо выше юнкерскихъ обществъ другихъ полковъ, наполненныхъ туземными панычами, по бо̀льшей части едва умѣвшими грамотѣ. У насъ этихъ панычей было очень мало, потому что изъ остальныхъ юнкеровъ, неокончившихъ курса, половина все-таки воспитывалась въ харьковскихъ частныхъ пансіонахъ, и примыкала къ намъ, да и прочіе, составлявшіе значительное меньшинство, старались не отставать отъ товарищей. Юнкера у насъ были приняты въ кругу офицеровъ, и общество нашего полка считалось однимъ изъ лучшихъ въ корпусѣ, такъ что красная шапка, появлявшаяся въ Х...., не заставляла запирать двери аристократическихъ

домовъ этого города, чего нельзя сказать о прочихъ полкахъ дивизіи.

Въ полку было въ то время восемь эскадроновъ и девятый резервный, то есть собственно семь, а два остальные прикомандированы изъ двухъ разныхъ полковъ, составлявшихъ въ сборѣ дивизіи такъ-называемый сводный полкъ; но офицеры ихъ были преимущественно наши товарищи, переведенные во время преобразованія. Я едва только захватилъ отличное общество офицеровъ: вскорѣ оно подверглось значительному измѣненію, потому что по случаю нѣсколькихъ дуэлей, какъ противники, такъ и ихъ секунданты были удалены; а въ то время, когда меня произвели въ корнеты, когда я сдѣлался единицей этого общества и принялъ участіе въ служебной дѣятельности, случайныя обстоятельства отняли у насъ еще нѣсколько достойныхъ людей, и только небольшой кружокъ корнетовъ придерживался новому направленію, разумѣется тогдашнему. Впрочемъ, это направленіе выражалось лишь въ одной попыткѣ: по возможности облегчать участь солдата, и если не избавлять его отъ дикаго произвола, то хоть смягчать словесные приговоры эскадронныхъ командировъ, а иногда и приказанія высшаго начальства. Лично о себѣ я могу сказать, что мнѣ выпало на долю быть подъ командой хорошихъ эскадронныхъ командировъ, которые хоть и страдали болѣзнью дантизма, но не въ такой мѣрѣ, какъ другіе, и взыскивая съ солдатъ, исполняли только долгъ службы, понимая его по тогдашнему, но не внося въ свои приговоры ни жажды крови, ни любви къ истязаніямъ, ни тѣхъ издѣваній надъ беззащитнымъ солдатомъ, которыя употреблялись командирами другихъ эскадроновъ. Тѣмъ не менѣе приходилось и мнѣ, отбывая караулы, подчиняться разнымъ личностямъ, жестокости которыхъ возмущали душу и были причиной разныхъ непріятныхъ столкновеній. Командиръ полка у насъ былъ человѣкъ въ сущности не злой, разумѣется не щадившій палокъ при случаѣ, но преданный всею душою хозяйственному управленію полкомъ, такъ что собственно вся фронтовая служба лежала на обязанности эскадронныхъ командировъ. Онъ рѣдко наказывалъ солдатъ за ѣзду, сабельные пріемы, фланкировку, но зорко слѣдилъ за одеждой, разумѣется, обращая вниманіе и на опрятность, преимущественно же на долговременность носки, и любилъ, чтобы солдаты носили прослуженное платье. Я разсказываю не анекдоты, но истинное событіе, и потому не могу не припомнить оригинальнаго появленія нашего пол-

ковника передъ фронтомъ. Бывало, выйдемъ въ разводъ. Онъ никогда не заставлялъ ожидать себя. Вотъ онъ подходитъ къ правому флангу и зорко смотритъ по шеренгамъ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ старшіе здороваются, но нашъ никогда бывало не скажетъ, подойдя къ фронту: »здорово, ребята!« — нѣтъ, онъ, уткнувъ палецъ въ какого нибудь унтеръ-офицера или рядоваго, произносилъ басомъ:

— Котораго года рейтузы?

— 38-го, ваше высокоблагородіе!

— Врешь! 39-го.

Или спрашивалъ:

— Котораго года куртка?

— У меня прослуженная, ваше высокоблагородіе.

— Молодецъ!

И тогда только говорилъ: »здорово, ребята!« вслѣдъ зачѣмъ раздавалось извѣстное: »здравія желаемъ«. А иной разъ, найдя неисправность въ одеждѣ какого нибудь солдата и освѣдомившись, что на бѣднякѣ и рейтузы и куртка были новѣе, чѣмъ предполагалось, нашъ командиръ бралъ за носъ виновнаго и водилъ его по фронту, приговаривая.

— Смотрите на этого бездѣльника, у него рейтузы 39-го года, у него у бестіи куртка съ иголочки!.. Да за чѣмъ же смотритъ вахмистръ, ракалія? Любуйтесь.

И это мы, молодежь, называли разводомъ съ церемоніей. Чтобы не вдаваться въ излишнія подробности о благоразумной экономіи, я приведу изъ жизни нашего полковника лишь то, что характеризуетъ эту замѣчательную личность. Онъ былъ страшно скупъ и стяжателенъ. Пригласить нѣсколько офицеровъ обѣдать и видѣть, что инымъ недостаетъ того или другаго, — для него ничего не значило. Нерѣдко прямо отъ полковничьяго обѣда бѣжишь бывало къ кому нибудь изъ товарищей — спросить, не осталось ли чего отъ скромной трапезы. Одѣвался онъ такимъ, если можно выразиться, оборванцемъ, что на многихъ частяхъ его костюма виднѣлись заплатки, а эполеты носилъ такіе, которыхъ не надѣвалъ у насъ ни одинъ офицеръ. Относительно эполетъ лучше всего разсказать одно происшествіе, долго забавлявшее всю нашу дивизію. Въ поселенныхъ полкахъ послѣ весенняго кампамента лошади расковывались и отправлялись на травяное продовольствіе. У насъ обыкновенно офицеръ дежурилъ цѣлую недѣлю съ дивизіономъ лошадей въ степи, отводимой окружнымъ командиромъ гдѣ нибудь вблизи водопоя. Случалось нерѣдко, согласившись съ то-

варищами, безъ смѣны дежурить одному все время травяннаго продовольствія. Искренній другъ мой и соученикъ, поручикъ Б... постоянно проводилъ время на дежурствѣ, устроивая себѣ на живописномъ мѣстѣ шалашъ, занимаясь то рисованьемъ, то ботаникой, или бродя съ ружьемъ съ гастрономической цѣлью. Однажды поѣхалъ я къ пріятелю. Передъ вечеромъ сидѣли мы въ шалашѣ безъ сюртуковъ, съ трубками (тогда еще не знали папиросъ) и собирались пить чай, ожидая, пока мальчикъ, Сашка, окончитъ возню съ самоваромъ. Подошелъ унтеръ-офицеръ.

— Ваше благородіе, никакъ полковникъ ѣдетъ.

— Гдѣ?

— А вонъ, по ту сторону оврага.

Я выглянулъ. Дѣйствительно, высокаго роста штабъ-офицеръ на полныхъ рысяхъ подъѣхалъ къ оврагу. Мы бросились было одѣваться. Но любопытный Сашка, взобравшійся на шалашъ, крикнулъ намъ веселымъ голосомъ:

— Не хлопочите, не одѣвайтесь: это Павель Петровичъ (майоръ Л*).

— Почему же ты знаешь?

— У полковника вѣдь черные эполеты, а у этого, посмотрите, какіе бѣленькіе!

Доказательство было очевидно, и мы скоро съ удовольствіемъ встрѣтили майора Л*, стараго харьковскаго студента, который недавно еще былъ моимъ эскадроннымъ командиромъ.

Полковникъ нашъ очень любилъ читать офицерамъ наставленіе о бережливости, распространялся о неумѣньи молодежи обращаться съ платьемъ, и даже былъ такъ любезенъ однажды со мною, что повелъ меня въ спальню и, открывъ ящикъ съ бѣльемъ, показывалъ мнѣ наволочки еще 1813 г. Это было въ 1839 г. Скупость его была извѣстна цѣлому корпусу; но, я думаю, немногіе знаютъ, что полковнику нашему ничего не стоило содержаніе канцеляріи. Можетъ быть это покажется парадоксомъ, однакоже такъ было въ дѣйствительности. Бумага приходилась ему даромъ, и это весьма просто. Закупая самъ желѣзо въ Х* для полковыхъ надобностей и сторговавшись въ цѣнѣ, полковникъ требовалъ еще въ придачу нѣсколько стопъ писчей бумаги, двухъ-трехъ достоинствъ, какія всегда имѣлись, по крайней мѣрѣ въ то время, въ желѣзныхъ лавкахъ, что и было достаточно для годоваго расхода. На особенно важную переписку онъ покупалъ лишь нѣсколько дестей хорошей бумаги, которую и выдавалъ собст-

венноручно по листамъ въ канцелярію. Можно сказать, что у него не тратился и малѣйшій лоскуточекъ этого снадобья, потому что черновыя отношенія и предписанія писались на свободномъ мѣстѣ какихъ нибудь неважныхъ рапортовъ. Полковнику ничѣмъ было нельзя больше угодить, какъ написать къ нему самое коротенькое письмо на листѣ хорошей бумаги, и случалось не разъ, что офицеръ получалъ разрѣшеніе на сомнительный отпускъ, если писалъ къ нему предварительно частное письмо на отличной бумагѣ такъ ловко, чтобъ можно было отрѣзать не только чистый полулистъ, но и выгадать еще осьмушку. Онъ, не стѣсняясь принимался за эту операцію въ присутствіи своихъ штабныхъ. Однажды — это было весною, въ кампаментъ. Полкъ въ сборѣ. Надо сказатъ, что полковникъ ходилъ ежедневно въ канцелярію, какъ говорили, собственно въ предупрежденіе лишней траты канцелярскихъ принадлежностей. Вотъ сидитъ онъ и занимается съ квартермистромъ какими-то разсчетами. Канцелярія наша состояла изъ большой комнаты, въ которой помѣщались всѣ столы: адъютантскій, казначейскій, квартермистрскій и аудиторскій. Всѣ штабные на лицо и много посторонняго народу за разными надобностями. Входитъ трубачъ, видный малый, лѣтъ двадцати пяти, и вытянувшись, какъ слѣдуетъ, останавливается у двери. Полковникъ подымаетъ глаза.

— А! трубачъ! Котораго году рейтузы?

— Прослуженные, в. в—іе.

— Молодецъ! Здорово!

— Радъ стараться! Здравія желаю! гаркнулъ ловкій трубачъ, твердо знавшій, какой слѣдовалъ казенный отвѣтъ на не менѣе казенную фразу.

— Зачѣмъ пришелъ?

— Присланъ отъ г. капельмейстера къ в. в — ію.

— Вы изволили требовать новый маршъ — скаго полка, такъ *аны* прислали, чтобъ пожаловали бумаги.

— Бумаги.

И полковникъ всталъ со своего мѣста.

— Точно такъ, в. в — іе!

— А какой тебѣ бумаги?

— Бѣлой, голландской, в. в — іе.

— Что-о-о?

— Бѣлой голландской...

— Бѣлой голландской!

И полковникъ подошелъ къ самому трубачу.

— Ахъ ты, анаѳема этакая! бѣлой голландской! Вотъ я тебѣ дамъ! Смотрите, ракалія какая! Налѣво — кругъ-омъ!

Трубачъ поворотился. Полковникъ толкнулъ его къ двери.

— Бѣлой голландской? Врешь, каналья! Синей сахарной тебѣ, протекучки тебѣ съ твоимъ капельмейстеромъ...

И трубачъ вылетѣлъ за дверь, конечно, не по собственному желанію. Грозный командиръ дошелъ до половины канцеляріи и вдругъ остановился.

— Позвать мнѣ эту бестію!

Трубачъ явился.

— Какой тебѣ велѣно бумаги?

— Бѣлой голландской, в. в — іе.

И снова повторилась прежняя сцена. Событіе это быстро обѣжало по всему корпусу.

Сургучъ тоже ничего не стоилъ нашей канцеляріи, потому что стапливался изъ получаемыхъ конвертовъ, и какъ входящая и исходящая переписка почти равнялась, то развѣ какой нибудь фунтъ и былъ пріобрѣтаемъ покупкою. Получаемые конверты выворачивались и въ свою очередь разсылались къ низшимъ и равнымъ, и только для рапортовъ въ высшія инстанціи расходовалась для обертокъ чистая бумага. Перья добывались самымъ легкимъ способомъ: писарямъ было вмѣнено въ обѣзанность собирать ихъ, когда линяли гуси, но писаря обыкновенно ощипывали поселянскихъ гусей, и въ этомъ матеріалѣ никогда недостатка не было. Чернила приготовлялись въ канцеляріи, а въ послѣднее время, оказавъ какое-то снисхожденіе главному госпитальному доктору, полковникъ пользовался чернилами отъ госпитальнаго вѣдомства.

По этимъ маленькимъ даннымъ читатель можетъ судить, что же выдѣлывалъ нашъ полковникъ относительно швальни, чеботарни, разныхъ мастерскихъ и продовольствія полка! Мастеръ былъ своего дѣла, нечего сказать! О немъ ходила у насъ поговорка, что онъ постоянно страдалъ *вершковой лихорадкой*. Дѣйствительно, находчивость его и умѣнье извлекать изо всего доходы — были изумительны, и потому нечего удивляться, что нашъ почтеннѣйшій отецъ-командиръ ежегодно откладывалъ въ банкъ довольно значительныя суммы. Я не знаю всѣхъ подробностей хозяйственныхъ распоряженій, но очень хорошо помню про одну штуку, доказывающую только, на что былъ способенъ этотъ человѣкъ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ кавалеріи уничтожены были кобуры или, какъ мы называли, ольстреди. Кожа, изъ которой онѣ дѣлались, разу-

мѣется, никуда негодилась, хотя, конечно, ихъ слѣдовало продать съ публичнаго торга и записать вырученную сумму на приходъ. Прочіе полковые командиры такъ и сдѣлали, предоставили эскадроннымъ поступить съ ненужными кобурами какъ угодно, а сами внесли деньги изъ собственнаго кармана. Нашъ поступилъ совершенно иначе и заработалъ порядочную сумму. Въ то время при каждомъ полку состоялъ дивизіонъ кантонистовъ, обмундировка которыхъ лежала на обязанности полковаго командира, не знаю уже на счетъ какой суммы: изъ благоразумной ли экономіи, или для этого просто отпускались деньги. Съ полученіемъ приказа объ уничтоженіи кобуръ, полковнику нашему пришла блистательная мысль употребить эту вещь на обувь кантонистовъ, а какъ ольстреди годились только для передовъ, то ему тотчасъ же явилась другая не менѣе блистательная мысль — сдѣлать подошвы изъ старыхъ потебенекъ отъ уничтоженныхъ вальтраповъ, которыя собирались въ цейхгаузъ, безъ всякой опредѣленной цѣли, а единственно по скряжничеству полковника. Черезъ недѣлю сапоги были готовы, а какъ дивизіонъ не могъ разомъ потребить всѣхъ кобуръ, то онѣ долго служили предпріимчивому нашему финансисту.

Изъ этого очерка вы видите, что командиръ нашего полка не имѣлъ много времени заниматься собственно строевой частью, а если и любилъ дѣлать разводы, то цѣль его въ этомъ случаѣ была чисто хозяйственная: повѣрить обмундировку и аммуницію. Надобно, однако же, отдать ему справедливость — службу онъ зналъ очень хорошо и полкъ училъ быстро, не горячился и никогда на смотрахъ не путался, какъ дѣлали иногда другіе командиры на боевыхъ порядкахъ. Дрался съ нижними чинами рѣдко, но мѣтко, въ особенности, если тутъ вмѣшивались протертые рейтузы или испорченная сбруя. Ругался мастерски, хотя безъ особенныхъ варіацій.

Дивизіонеры у насъ значили меньше нуля, такъ что если который нибудь былъ не въ ладу со своими эскадронными командирами, то его лошади не отпускали даже фуража. Вся власть находилась въ рукахъ эскадронныхъ командировъ и ихъ старшихъ вахмистровъ, а мы, субальтернъ-офицеры, какъ водится, шатались по помѣщикамъ и только строго слѣдили за очередью въ полковой или корпусной караулы. У насъ, конечно, по положенію, были взводы, но мы ихъ и въ глаза не видѣли; я, признаюсь, не скоро даже узналъ фамилію своего взводнаго вахмистра, потому что былъ въ то время

влюбленъ и рѣдко жилъ при своемъ мѣстѣ. Эскадронный командиръ мой былъ образованный и добрый человѣкъ, выгодъ своихъ не забывалъ, но обходился съ людьми по человѣчески. Впослѣдствіи, однако же, спустился онъ на одного штабсъ-ротмистра, который и заправлялъ строевою частью, облегчая труды командира, единственно изъ желанія первенствовать. Старикъ нашъ ротмистръ былъ гостепріименъ и любилъ принимать своихъ подчиненныхъ. Упомянутый штабсъ-ротмистръ, похожій съ виду на обезьяну, порядочный товарищъ, считалъ однако же обязанностью прослыть предметомъ ужаса въ эскадронѣ и обратилъ особенное вниманіе на палки и розги, которыя у насъ какъ-то были не въ большомъ ходу. Ежедневно по всѣмъ взводамъ происходила экзекуція. Молодежи это не понравилось. Но извѣстно, молодежь! Мы собрались, пошумѣли, а на другой день два корнета уѣхали на балъ верстъ за 60, я же остался, потому что надо было идти въ караулъ въ полковой штабъ. Выходя вечеромъ отъ эскадроннаго командира, я началъ говорить штабсъ-ротмистру, что онъ слишкомъ уже ретиво принялся за службу. Онъ засмѣялся и отвѣчалъ мнѣ, что это мнѣ кажется такъ по молодости, но какъ послужу, то перемѣню убѣжденіе. Мы поспорили. На другой день рано утромъ пошелъ я во взводъ въ исполненіе прямой своей обязанности. Вахмистръ былъ въ амуничникѣ и хлопоталъ о чемъ-то съ унтеръ-офицеромъ. Они перебирали большую кучу свѣже-нарѣзанныхъ прутьевъ.

— Это зачѣмъ? спросилъ я.

— Г. штабсъ-ротмистръ приказали; они обѣщали сегодня перепороть весь взводъ отъ праваго до лѣваго фланга.

— Выбросить всѣ розги въ рѣку!

— Слушаю, в. б—іе.

Вахмистръ очень хорошо зналъ, что я былъ его взводнымъ командиромъ, слѣдовательно я отвѣчалъ за всѣ свои распоряженія, и онъ съ видимымъ удовольствіемъ отнесъ и бросилъ въ грязный ручей порядочную вязанку лозы. Люди собрались для пѣшаго строя. Я велѣлъ вахмистру производить ученье, а самъ пошелъ въ конюшню посмотрѣть на лошадей. Минутъ черезъ десять я услыхалъ крикъ и страшную брань.

— Я васъ! Я тебя! и т. п съ прибавленіемъ извѣстныхъ поговорокъ.

Освидѣтельствовавъ, застегнуты ли у меня всѣ крючки и пуговицы, я вышелъ изъ конюшни. Спиной ко мнѣ, взявшись въ бока, фертомъ, стоялъ штабсъ-ротмистръ и ораторствовалъ.

— Розогъ! крикнулъ онъ наконецъ.

Вахмистръ, увидѣвши меня, не трогался съ мѣста и не отвѣчалъ ни слова.

— Я тебѣ говорю, ракалія!

— Что вамъ угодно? отозвался я, подходя къ разгнѣванному человѣчку.

А! здравствуйте! и вы здѣсь?

— Какъ видите.

— Прекрасно! Что же розогъ? продолжалъ штабсъ-ротмистръ, застегивая сюртукъ, потому что онъ пришелъ по домашнему, даже безъ эполетъ.

— Напрасно вы безпокоитесь, сказалъ я ему серьезно:— какъ потому, что горячиться вредно, такъ и потому, что я не позволю вамъ распоряжаться у меня во взводѣ.

Штабсъ-ротмистръ поблѣднѣлъ.

— Вы забываетесь, сказалъ онъ.

— Нисколько, отвѣчалъ я.

— Какъ вы смѣете говорить старшему дерзости?

— Во-первыхъ, вы не мой начальникъ, во-вторыхъ, пришли не въ формѣ, хоть это до меня и не касается, а въ-третьихъ, я прошу васъ уйти отсюда и не мѣшать мнѣ заниматься.

— Такъ вы этакъ, г. корнетъ?

— Этакъ, г. штабсъ-ротмистръ.

— Хорошо же! я вамъ покажу...

— Желалъ бы знать, что вы мнѣ покажете?

— Вы забываете всякое чинопочитаніе.

— Вы такой же взводный командиръ, какъ и я; а хоть и считаетесь полуэскадроннымъ, то все-таки во второмъ полуэскадронѣ; а я какъ старшій корнетъ въ двухъ взводахъ— самъ исполняю такую же должность. Не угодно ли оставить меня въ покоѣ!

Штабсъ-ротмистръ ушелъ. Я сдѣлалъ маленькое ученье, которое дѣйствительно прошло очень хорошо, такъ что на послѣдній полтинникъ я велѣлъ купить людямъ водки.

Черезъ два часа меня позвали къ эскадронному камандиру.

Я имѣлъ сильную перепалку, которая однако же кончилась тѣмъ, что я доказалъ ротмистру все безчеловѣчіе поступковъ моего старшаго товарища, и добрякъ, пожуривъ меня за рѣзкую выходку, съ тѣхъ же поръ принялъ мѣры, чтобы наказанія не происходили безъ его вѣдома. Съ штабсъ-ротмистромъ мы скоро помирились. Подобный эскадронъ еще былъ

въ полку, гдѣ съ людьми обращались болѣе или менѣе по человѣчески, но въ остальныхъ дрались до неимовѣрной степени, такъ что нѣсколько разъ происходили серьезные случаи. Солдатъ нашъ необыкновенно терпѣливъ и безропотно выноситъ самое ужасное жестокосердіе начальника, если послѣдній забиваетъ солдата хоть до полусмерти, но только за какую нибудь вину. Бѣдняки говорятъ тогда:

— Что же, наказываетъ жестоко, да *по крайней мѣрѣ за дѣло.*

Но есть джентльмены, которые находятъ особенное звѣрское удовольствіе въ истязаніяхъ, и мучатъ солдатъ, какъ говорится, за здорово живешь. Бывали у насъ такіе фигуранты не только эскадронные командиры, но и просто субальтернъ-офицеры. Я могъ бы назвать двухъ поручиковъ изъ воспитанниковъ какого то корпуса, которые систематически, хладнокровно сѣкли солдатъ по получасу за малые проступки, а между тѣмъ, были добрые товарищи и танцоры, любившіе нѣжничать съ барышнями! Одинъ, не знаю, чѣмъ кончилъ, вышелъ куда-то въ городничіе, а другаго убили собственные люди, потерявъ всякое терпѣніе. Въ полковой кампаментъ, когда всѣ эскадроны помѣщались въ баракахъ, бывало несчастьемъ отбыть очередь дежурнаго по дивизіону. Не проходило четверти часа, чтобы не раздавались вой наказываемаго и хлестанье лозы. А стоять въ караулѣ — просто съ ума сойдти! Караульному офицеру приходилось исполнять должность палача, потому что поминутно присылались для наказанія не только солдаты, но денщики и собственные офицерскіе служители. Кромѣ того, иной дежурный по карауламъ, любившій посѣчь, такъ, отъ скуки, бывало за неимѣніемъ практики — придерется къ кому нибудь изъ команды и отпуститъ сотни полторы. Меня разъ чуть не отдали подъ судъ, когда я громко протестовалъ противъ своего дежурнаго по карауламъ, который хотѣлъ наказать одного старика за то, что бѣднякъ, по случаю головной боли, снялъ съ себя аммуницію и заснулъ возлѣ печки съ моего разрѣшенія. По неопытности я возсталъ открыто и, войдя въ караульню, объявилъ напрямикъ, что пока не смѣнятъ меня съ караула, не позволю наказать солдата, и требовалъ удовлетворенія. Полковникъ однако же только арестовалъ меня, солдата не наказали, а дежурный по карауламъ, при двухъ товарищахъ, просилъ у меня извиненія. Положеніе солдата, какъ видите, было у насъ неутѣшительное; но еслибы вы посмотрѣли, что дѣлалось тогда въ пѣ-

хотныхъ батальонахъ, приходившихъ къ намъ на работы, — вы ужаснулись бы! У насъ хоть не дрались въ двухъ эскадронахъ, да и въ прочихъ были люди, всегда протестовавшіе противъ этого; а въ пѣхотѣ всегда послѣ ученья валялись возы избитыхъ палокъ. Нельзя было безъ содроганья присутствовать при этихъ ученьяхъ, гдѣ ротные командиры истязали солдатъ, особенно рекрутъ, которыхъ хлестали по всему безъ разбора и часто, на тихомъ учебномъ шагѣ, страшно били поноскамъ, а послѣ требовали, чтобы рекрутъ хорошо вытягивалъ эти же носки. Тамъ унтеръ-офицеры превосходили въ звѣрствѣ даже своихъ ротныхъ командировъ. Духъ времени былъ такой, что молодой офицеръ нисколько не совѣстился даже при разговорахъ съ дѣвушками употреблять выраженія: »выпороть«, »побить морду« и т. п. Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, когда молодыя дѣвушки слышали отъ родителей каждый день подобныя милыя фразы и видѣли на дѣлѣ исполненіе этихъ глаголовъ. Но все-таки мы, образованная молодежь, вели себя лучше. Я очень хорошо помню, какъ одинъ подпоручикъ —скаго гренадерскаго полка былъ переведенъ къ намъ старшимъ корнетомъ. На первый же дебютъ, стоя въ караулѣ, онъ выбилъ зубъ унтеръ-офицеру, и мы, узнавъ объ этомъ, предложили ему выдти въ отставку. Онъ даже не понималъ, въ чемъ дѣло, и тотчасъ же далъ свое слово никогда не драться. Да, время было неутѣшительное. Мы очень хорошо знали положеніе, сколько именно ударовъ можетъ дать эскадронный командиръ — и надо сказать, количество это весьма ограничено; а были у насъ ротмистры, которые за малѣйшую вину назначали пятьсотъ и шестьсотъ розогъ!

Отстаивать караульную очередь въ штабѣ полка не нравилось еще и потому, что разъ или два въ недѣлю надобно было присутствовать при экзекуціи сквозь строй... На зарѣ лѣтняго утра, на площади, подлѣ которой съ одной стороны горы, покрытыя лѣсомъ, а съ другой живописная рѣка, — безмолвно стоятъ человѣкъ двѣсти въ два ряда съ длинными прутьями, а въ сторонкѣ дрожитъ подъ карауломъ человѣкъ, которому надо пройти нѣсколько разъ по этой аллеѣ... И добро бы еще преступникъ какой, хоть дезертиръ по крайней мѣрѣ. Но изъ осьми разъ, что я присутствовалъ при этихъ экзекуціяхъ, не было ни одного дезертира, ни одного солдата, осужденнаго за кражу или другіе предосудительные поступки. — Здѣсь необходимо маленькое поясненіе. Мы стояли въ воен-

номъ поселенiи, гдѣ каждый поселянинъ, за исключенiемъ тяжкихъ уголовныхъ дѣлъ, судился военнымъ судомъ, и всѣ случаи прохожденiя сквозь строй были по претензiямъ виннаго откупа. Поселянскiя деревни состояли на откупѣ, гдѣ, разумѣется, цѣны на водку были тройныя въ сравненiи съ сосѣдними помѣщичьими шинками. Солдаты наши и поселяне — кто побѣднѣе — рисковали иногда, и ухитрялись проносить какой-нибудь штофъ или полштофа. Но вѣдь и объѣздчики народъ хитрый, и потому зачастую случались корчемныя дѣла, оканчивавшiяся не весьма прiятной развязкой. Не надо повторять, что вся порядочная молодежь смотрѣла на это съ омерзѣнiемъ и по возможности смягчала наказанiе, дѣйствуя даже противъ правилъ, но по совѣсти. Придешь бывало на экзекуцiю и обойдешь шеренги.

— Пожалуйста, братцы, полегче.

Иной усачъ обернется и отвѣтитъ.

— Да развѣ же мы безжалостные какiе, в. б—iе.

Приказано, нельзя ослушаться.

И дѣйствительно, иному корчемнику приходилось не весьма жутко. Солдаты стояли тѣсно. Унтеръ-офицеръ, ведущiй преступника, имѣющаго руки привязанными къ эфесу его сабли, бѣжалъ просто рысью, и такимъ образомъ на долю бѣдняка доставались удары, во-первыхъ, не во всю руку, а во-вторыхъ, иной солдатъ промахнется умышленно, и развѣ уже человѣкъ пять, шесть, звѣрскаго характера проведутъ кровавыя полосы на спинѣ арестанта. У насъ были, впрочемъ, въ полку два офицера — одинъ изъ упомянутыхъ прежде корпусныхъ воспитанниковъ, а другой выслужившiйся изъ рядовыхъ, любившiе гонять сквозь строй, по всѣмъ правиламъ, какъ выражались они, »по пѣхотному«. Преступники молили Бога, чтобы пройти сквозь строй не при этихъ офицерахъ, — да и солдаты при нихъ шли съ особенной грустью. Эти аматеры являлись заранѣе на мѣсто экзекуцiи, разставляли людей на извѣстное разстоянiе другъ отъ друга и объявляли, что тотъ, кого замѣтятъ въ послабленiи удара, будетъ жестоко наказанъ послѣ экзекуцiи. Унтеръ-офицеру, ведшему преступника, приказывалось идти тихимъ шагомъ, а офицеръ ходилъ сзади шеренги съ мѣломъ и отмѣчалъ крестомъ тѣхъ изъ солдатъ, которые, по его мнѣнiю, били не во всю силу. Послѣ пятисотъ ударовъ, полученныхъ такимъ образомъ, самый сильный человѣкъ падалъ въ изнеможенiи, такъ что требовалась медицинская помощь. И только переставала одна

экзекуція, какъ слѣдовало наказаніе солдатъ, иногда болѣе десяти человѣкъ, которые замѣчены были въ послабленіи.

Никогда не забуду одного случая, глубоко врѣзавшагося въ моей памяти. Это было въ концѣ іюня. Верстахъ въ пяти отъ нашего штаба, на чудномъ мѣстѣ надъ Донцомъ лежитъ деревня, господская усадьба которой съ красивою церковью и тѣнистымъ садомъ была причиною вздоховъ не одного нашего юнкера и корнета. Тамъ расцвѣтала прекрасная и умненькая дѣвушка, — кумиръ нашей молодежи. Въ этомъ домѣ на Петра и Павла обыкновенно бывали шумные деревенскіе балы, куда съѣзжались помѣщики изъ дальныхъ окрестностей и множество офицеровъ даже изъ другой дивизіи нашего корпуса. Не стану утомлять подробностями бала, но скажу, что мнѣ было тамъ очень весело, и мы окончили мазурку на разсвѣтѣ. Я танцовалъ съ очень милой и умной особой и увлекался, какъ увлекаются въ двадцать лѣтъ. Мы вмѣстѣ любовались отвореннымъ окномъ на противоположной стѣнѣ залы. Горизонтъ подернулся уже отблесками зари, и на этомъ чистомъ фонѣ помавали пышныя космы плакучей березы, а когда умолкала, по временамъ, музыка, къ намъ долетали пѣсни воздушныхъ обитателей парка. Тотчасъ же послѣ мазурки, нѣсколько человѣкъ насъ сѣли въ лодку и поплыли домой, имѣя въ виду не опоздать на службу. У меня строилась въ головѣ повѣсть подъ заглавіемъ: »Окно и разсвѣтъ«, которая, разумѣется, и осталась въ проэктѣ. Утро было прекрасное, только что взошло солнце, и я собирался напиться чаю въ своемъ маленькомъ садикѣ. Деньщикъ мнѣ подалъ сѣрый приказъ, въ которомъ значилось: »Вашему благородію, въ такой-то формѣ, въ 6 часовъ присутствовать на экзекуціи на такомъ-то плацу«. Можно себѣ представить, въ какомъ я былъ положеніи! Не идти нельзя, отрапортоваться больнымъ неблагородно противъ товарищей, притомъ же оставалось какихъ-нибудь полчаса до экзекуціи. Въ это время въ комнату мою вошла старуха-поселянка. Она упала мнѣ въ ноги и такъ жалобно упрашивала пощадить единственнаго ея сына, такъ горько жаловалась на судьбу, что я не замѣтилъ, какъ у меня покатились слезы. Насилу я могъ уговорить старуху встать съ пола—и разспросилъ, за что наказывали сына. Парень хотѣлъ пронести водку и попался объѣздчикамъ. Разумѣется, я говорилъ старухѣ, что наказываетъ законъ и проч., что я ничего не въ состояніи сдѣлать, но если смогу, постараюсь хоть не много облегчить его участь. Отворилась дверь,

и молодая дѣвушка тоже бросилась къ моимъ ногамъ и умоляла *не мучить* ея брата. Словно, я былъ мучитель какой! Признаюсь, у меня поворотило душу. Я тотчасъ же началъ собираться, а бѣдныя поселянки отправились къ арестанту. Но когда, подойдя къ плацу, я увидѣлъ, что все уже готово, что солдаты стояли на порядочномъ разстояніи другъ отъ друга, я тотчасъ догадался, что ничего не могу сдѣлать, что явился кто-нибудь сильнѣе меня присутствовать на кровавомъ зрѣлищѣ. Это былъ дежурный по карауламъ.

— Вы опоздали, сказалъ онъ мнѣ очень любезно:—вѣрно вчера затанцовались; но это ничего. Эй! начинать.

Я началъ было ему говорить—нельзя ли полегче; что это за ничтожную вину...

— Извините меня, перебилъ онъ: — гдѣ служба, тамъ не должно быть послабленія. Смотрите же у меня, сказалъ онъ, возвысивъ голосъ и обращаясь къ солдатамъ: — кто будетъ бить не во всю силу, тому 200 розогъ.

У меня сжалось сердце. Молодой парень стоялъ обнаженный до пояса, ему привязывали руки къ саблѣ... Заиграли трубачи тревогу по обоимъ концамъ аллеи, арестанта повели... Я отворотился... Предо мною, облитый лучами солнца, въ пышной зелени парка, бѣлѣлъ знакомый домъ, гдѣ нѣсколько часовъ назадъ я слушалъ прекрасный оркестръ и смотрѣлъ въ очаровательные глазки; а за мной — страшный крикъ жертвы неосмотрительности, незаглушаемой тревогой нѣсколькихъ трубъ, мѣрное хлестаніе лозы по голому тѣлу и вдали — поворачивающіе сердце вопли старухи и дѣвушки, которыя умоляли меня облегчить участь молодаго человѣка.

Офицеры у насъ, если хотите, дружно жили между собою; но уже разстроилось то прекрасное общество, которое засталъ я при поступленіи на службу. Эскадронные командиры, какъ водится, обдѣлывали дѣлишки, что не считалось предосудительнымъ; а мы, субальтернъ-офицеры, стояли въ караулѣ, ѣздили по помѣщикамъ, играли въ карты и подъ-часъ кутили при какомъ нибудь случаѣ. Пьянства, однакоже, до положенія ризъ — у насъ не было, и хотя и велась одна компанія изъ трехъ-четырехъ человѣкъ, которая наслаждалась безъ просыпу, но на этихъ людей смотрѣли какъ-то неблагопріятными глазами. Подъ конецъ моего пребыванія въ полку завелись и шулерскія штуки: два офицера обирали преимущественно богатыхъ юнкеровъ и новичковъ, употребляя не совсѣмъ чистыя средства, — но это продолжалось недолго. Жизнь, вообще,

была убійственно скучная, какъ и вездѣ въ поселеніяхъ: каждый день одно и тоже. Меня всегда ужасала мысль, что можно было въ одной и той же деревнѣ состарѣться и обзавестись многочисленнымъ семействомъ, если бы человѣкъ захотѣлъ испытать узы Гименея. Я зналъ офицеровъ, которые родились въ полку, тутъ же получали воспитаніе, т. е. выучивались грамотѣ, опредѣлялись и доходили до командованія эскадрономъ.

Какъ молодой мальчикъ, я все мечталъ отличиться, бредилъ разными улучшеніями и преобразованіями, считая въ простотѣ души, что по крайней мѣрѣ въ военной службѣ не нужно протекцій, а одно добросовѣстное исполненіе обязанности — приведетъ къ желаемой цѣли. Но не прошло и года, какъ мнѣ данъ былъ урокъ, показавшій — до какой степени мечты мои были далеки отъ дѣйствительности. Къ намъ назначили новаго бригаднаго командира. Вотъ полученъ приказъ, что онъ ѣдетъ осматривать нашъ полкъ; а это происходило предъ дивизіоннымъ кампаментомъ, и всѣ эскадроны собрались уже въ штабѣ. Въ день пріѣзда генерала я стоялъ въ караулѣ.

Надобно сказать, что у насъ было заведено издревле — стоять въ караулѣ, какъ слѣдуетъ, не позволять себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ формы, и не только не раздѣваться и не ложиться спать, какъ это дѣлалось въ другихъ полкахъ, но даже не снимать аммуниціи. Одно, что мы допускали — снять шапку, перчатки и поваляться на диванѣ. Разумѣется, въ день пріѣзда бригаднаго командира я и этого себѣ не позволилъ, хотя и былъ въ полной парадной формѣ. Все время я читалъ, кое-что читалъ, безпрестанно выходилъ къ людямъ и вообще старался, чтобы все у меня было въ порядкѣ. Тогда же, какъ нарочно, собралось довольно арестантовъ, слѣдовательно требовалась особенная бдительность со стороны караульнаго офицера. Въ часъ по полуночи, когда уже прошелъ визитиръ-рундъ, и я думалъ, что меня не потревожатъ, я снялъ шапку и принялся пить чай для приданія себѣ бодрости. Вдругъ слышу громкое:

— Кто идетъ?

Послѣдовали обычные переговоры, потомъ извѣстный возгласъ:

— Караулъ вонъ!

Черезъ нѣсколько секундъ я стоялъ на своемъ мѣстѣ и принималъ бригаднаго командира, его адъютанта и нашего

полковника. Генералъ осмотрѣлъ караульню, арестантскую, зашелъ ко мнѣ въ комнату, посидѣлъ на диванѣ и выразилъ свое удовольствіе.

— Прикажите, полковникъ, отдавать въ приказъ благодарность караульный офицеръ за исправность людей и вообще за порядокъ. Я вамъ очень доволенъ, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — люблю, если молодой офицеръ карашо одѣтъ и знаете свой дѣло.

Все это было проговорено тѣмъ нѣмецко-русскимъ выговоромъ, какимъ отличалась большая часть нашихъ генераловъ тогдашняго времени. Я взялся подъ козырекъ и проводилъ моихъ гостей до конца платформы. Нѣсколько стакановъ крѣпкаго чаю, а можетъ быть и занимательная книга совершенно разогнали сонъ мой, такъ что я не вздремнулъ ни минуты и только послѣ утренней зари пролежалъ около получаса на диванѣ. Только что взошло солнце, слышу:

— Караулъ вонъ!

Но когда я выскочилъ на платформу, къ гауптвахтѣ подходилъ полковникъ и движеніемъ руки распускалъ караулъ. Онъ даже не спросилъ у часоваго: котораго года рейтузы, а обратился прямо ко мнѣ:

— Я къ вамъ съ просьбой.

— Что прикажите, полковникъ?

— Сегодня у насъ конный строй, а недостаетъ нѣсколькихъ офицеровъ: два заболѣли, кое-кто въ отпуску, такъ я просилъ бы васъ по смѣнѣ съ караула вступить дежурнымъ по госпиталю, на мѣсто корнета С***.

— Съ удовольствіемъ.

— Видите ли, С*** изъ вахмистровъ — онъ полезенъ въ конномъ строю. Прямо съ ученья генералъ будетъ осматривать госпиталь, такъ вы проводите его по палатамъ и объясните, если что спроситъ; тѣмъ болѣе, что вы говорите по нѣмецки. Послѣ смотра васъ смѣнитъ юнкеръ, и вы отправитесь отдыхать.

— Я готовъ исполнить ваше приказаніе, но форма на мнѣ поизмялась, да и перчатки не совсѣмъ чисты послѣ караула. Квартира очень далеко и все тамъ заперто.

— Это вздоръ. Такъ, пожалуйста, отправьтесь въ госпиталь, а обѣдать ко мнѣ милости просимъ.

— За честь себѣ поставлю, полковникъ.

Смѣнившись съ караула, я тотчасъ же принялъ дежурство въ госпиталѣ отъ унтеръ-офицера, потому что корнетъ С***

ушелъ давно переодѣваться къ ученью, — и, не имѣя ровно никакого дѣла, ходилъ по саду, изъ боязни уснуть въ дежурной комнатѣ. Это уже съ моей стороны было не исполненіе долга, потому что никто не имѣлъ права заставить меня дежурить другіе сутки сряду, а просто — желаніе угодить полковнику, который лично приходилъ просить меня сдѣлать ему подобное одолженіе. Каждый поступилъ бы такъ на моемъ мѣстѣ. Дѣйствительно, послѣ ученья къ госпиталю подъѣхала коляска, и изъ нея вышли бригадный командиръ, его адъютантъ и полковникъ. Я ожидалъ у крыльца съ рапортомъ и, взявшись подъ козырекъ, подошелъ къ генералу.

Послѣдній, окинувъ меня быстрымъ взоромъ и, какъ водится, не узнавъ во мнѣ вчерашняго караульнаго офицера, вдругъ нахмурился и сердито взялъ рапортъ.

— Это что значитъ, г. офицеръ? И это ви такъ смѣлъ являться къ бригадный командиръ, и это развѣ можно быть въ нечистыхъ перчаткахъ?

Я, разумѣется, молчалъ.

— И я вамъ говору!

— Это отъ сабли, ваше сіятельство.

— И ви смѣлъ встрѣчать вашъ начальникъ въ нечистыхъ перчаткахъ! И какой ви офицеръ послѣ этого? и какой вашъ служба послѣ этого, когда нѣтъ атенціи къ начальству! Г. полковникъ! арестовать этого г. корнета на три дня и отдать въ приказъ.

Полковникъ взялся подъ козырекъ.

— И маршъ впередъ! Извольте вести меня! И что ви будетъ за эскадронный командиръ, когда не уважаетъ свой бригадный командиръ, продолжалъ генералъ, возвышая голосъ и входя въ госпиталь: — ви вѣрно привикъ не ставить въ копѣйка начальство; ви у мене будетъ помнить нечиста перчатка...

Въ госпиталѣ однако же было все въ порядкѣ, то есть отличалось наружною чистотою и опрятностью, чего и требовали не только наши, но и медицинскія власти; а какъ лечили, кормили, объ этомъ въ то время никто не заботился, потому что окружный госпиталь служилъ арендой главному доктору, смотрителю и аптекарю. Пожаловался было одинъ унтеръ-офицеръ изъ инвалидной команды на какія-то притѣсненія, но бригадный командиръ раскричался на него и, замѣтивъ, что нижніе чины имѣютъ право на претензію только при инспекторскихъ смотрахъ, велѣлъ дать ему пятьдесятъ

розогъ, что и было исполнено, только, вѣроятно по ошибкѣ, съ прибавленіемъ нуля. Генералъ уѣхалъ, поблагодаривъ всѣхъ, — за что? конечно, онъ и самъ не зналъ. Проводя гостей, я выразительно посмотрѣлъ на полковника, но онъ потупилъ глаза и отворотился. Черезъ часъ пришелъ юнкеръ смѣнить меня, а вслѣдъ за нимъ явился и полковой адъютантъ потребовать у меня саблю и отъ имени полковника приказалъ отправляться на три дня на гауптвахту. Я разсказалъ, въ чемъ дѣло. Адъютантъ засмѣялся и сказалъ, что можетъ быть по отъѣздѣ генерала меня уволятъ изъ-подъ ареста. Послѣ обѣда, на который утромъ я былъ приглашенъ, но, разумѣется, которымъ не могъ воспользоваться, — генералъ уѣхалъ, а мнѣ не прислали саблю. На другой день, во время развода, я стоялъ на платформѣ. Полковникъ подошелъ близко. Я напомнилъ ему о непріятной развязкѣ моего дежурства.

— Что же дѣлать? отвѣчалъ онъ: — бригадный командиръ...

— Но вѣдь я дежурилъ незаконно, это была только вѣжливость съ моей стороны.

— Воля начальства...

— Да развѣ же можно такъ дѣлать?

— Вы, кажется, начинаете разсуждать! Извольте отправляться къ своему мѣсту. Это вамъ зачтется впередъ за какой нибудь проступокъ.

Я покраснѣлъ и не отвѣчалъ ни слова. На первомъ же ученьи полковникъ придрался ко мнѣ и, наговоривъ множество грозныхъ, но вѣжливыхъ фразъ, сдѣлалъ за меня выговоръ эскадронному командиру, что мнѣ было гораздо непріятнѣе ареста. Дня черезъ три случилось еще одно маленькое столкновеніе съ полковникомъ въ дѣлѣ, не относившемся до службы, на полѣ, которое свободно для всѣхъ, и которое одно только не разбираетъ ни чиновъ, ни званій. Съ моей стороны не было особеннаго желанія стать ему на дорогѣ, а просто я и самъ не знаю, какъ случилось столкновеніе: даже, помнится мнѣ, причина этого столкновенія какъ-то сама зашла на мою квартиру. На слѣдующемъ же »пѣшемъ по конному« полковникъ распекъ меня и посадилъ на гауптвахту.

Въ это время въ войскахъ нашего корпуса появилась глазная эпидемія, названіе которой въ оффиціальной перепискѣ дано было *грануляція*. Въ нашемъ полку тоже оказалось нѣсколько больныхъ этой болѣзнью, и число ихъ возрастало ежедневно отъ пыли, неизбѣжной при кавалерійскихъ ученьяхъ. Полковникъ получилъ предписаніе тотчасъ же отдѣлить всѣхъ

выздоравливающихъ глазныхъ и тѣхъ, у кого начала обнаруживаться эпидемія и, уволивъ ихъ отъ ученій, помѣстить гдѣ нибудь при рѣкѣ, на возвышенной мѣстности и, если можно, вблизи лѣса. Командѣ этой назначить офицера, на котораго возложить присмотръ за нижними чинами, чтобъ они постоянно были на свѣжемъ воздухѣ, купались два раза въ день и промывали глаза чистою рѣчною водою. Полковнику тотчасъ же явилась мысль поручить мнѣ эту команду: во-первыхъ, представился случай удалить меня изъ штаба полка, во вторыхъ, подвергнуть ссылкѣ въ уединенную лѣсную деревеньку, гдѣ по неволѣ я долженъ былъ жить въ одиночествѣ, тѣмъ болѣе, что полкъ выступалъ въ корпусный кампаментъ, а это хоть и трудное, но самое веселое время. Я ничего не зналъ и сидѣлъ на гауптвахтѣ, какъ подали мнѣ предписаніе. Сначала я разсердился при мысли остаться отъ полка, не быть на корпусномъ ученьи, не посѣтить нѣсколькихъ баловъ нашего военнаго города, и не навѣстить пріятелей въ прочихъ полкахъ и батареяхъ. Но какъ вспомнилъ, что обстоятельства мои круты, денегъ почти не имѣлось, даже безпокоили коекакіе должки, я мигомъ примирился съ своею участью. Притомъ же я всегда любилъ природу, библіотека у насъ хоть плохая, но я надѣялся запастись книгами, ружье у меня было, водились и удочки — чего же больше? Я даже потомъ порадовался, что избавлюсь отъ тяжелыхъ ученій, множества распеканцій; а надобно сказать, что я не имѣлъ тогда верховой лошади, слѣдовательно надобно было кланяться, чтобы не всучили какого нибудь одра или, какъ у насъ говорилось, звѣздочета. Черезъ два дня меня позвали къ полковнику. Онъ былъ сердитъ и нахмуренъ. Видно было, что у него кипѣла противъ меня досада, которую ему было стыдно прямо высказать. Я тоже молча ожидалъ.

— Возьмите свою саблю.

Я исполнилъ приказаніе.

— Вы примете глазныхъ больныхъ и отправитесь съ ними въ деревню К*. Подробную инструкцію получите вечеромъ, а завтра съ разсвѣтомъ въ походъ. Да извольте, сударь, смотрѣть, чтобы люди не рвали одежды: я велѣлъ имъ выдать старенькую на случай смотровъ, которую и беречь подъ замкомъ, — а эти бестіи пускай ходятъ въ чемъ хотятъ: вѣдь у каждаго анаѳемы есть что нибудь собственное. Порите ихъ безъ церемоніи, въ особенности кантонистовъ. Провіантъ будетъ отпущенъ, на приварокъ получите деньги; только смо-

трите, расходуйте осторожно: вѣдь вы отвѣчаете за каждую копѣйку.

— Больше ничего не прикажете?

— Прикажу-съ, если вамъ угодно, прикажу-съ. Стыдно молодому офицеру дѣлать такія вещи, какъ вы дѣлаете, сударь.

— Я васъ не понимаю, полковникъ.

— Нѣтъ, вы очень хорошо понимаете.

— Я твердо убѣжденъ, полковникъ, что не сдѣлалъ ни одного предосудительнаго поступка, и поведеніе мое извѣстно товарищамъ.

— Мы объ этомъ поговоримъ послѣ. А когда у васъ будетъ верховая лошадь?

— Какъ только соберусь...

— Вы никогда не соберетесь! Какія есть денежки, употребляете на подарки...

— Я знаю, куда вы мѣтите, полковникъ, и не считаю нужнымъ оправдываться. Что же касается лошади, я не могу иначе пріобрѣсть ее, какъ съ разсрочкою и то изъ жалованья.

— Я могу вамъ дать изъ своихъ.

— Если не найду у товарищей въ долгъ, буду просить васъ.

— У меня есть славный меринъ изъ шестаго эскадрона подъ вашъ ростъ. Но объ этомъ рѣчь впереди. Извольте же наблюдать за больными. Я по временамъ буду пріѣзжать посмотрѣть вашу команду.

Полковникъ поклонился. Я вышелъ.

На другой день, на зарѣ, мнѣ принесли инструкцію, пять рублей серебромъ на продовольствіе восьмидесяти больныхъ и расходную шнуровую тетрадку. Вечеромъ, того же дня, я вступилъ въ маленькую живописную деревушку надъ Донцомъ, на скатѣ значительной возвышенности. Вахмистръ у меня былъ умный и чрезвычайно добрый старикъ, шевронистъ, который тотчасъ же занялся устройствомъ нашего маленькаго хозяйства.

Въ нѣсколькихъ хатахъ мы размѣстили свою команду, и какъ это былъ іюль мѣсяцъ, то даже не обременили хозяевъ, очень бѣдныхъ людей. Но невозможность продовольствія обнаружилась съ перваго же дня, потому что пяти рублей хватало развѣ на одну только соль, а жители не были въ состояніи кормить подобной команды. Такимъ образомъ мы пробѣдствовали около недѣли. Я послалъ рапортъ о высылкѣ денегъ. Мнѣ прислали три рубля и строжайшее предписаніе — быть береж-

ливѣе. Въ это время у меня собственныхъ денегъ уже не было, да и запасы чаю, сахару и табаку приходили въ истощеніе, потому что въ одиночествѣ какъ-то все это переводилось очень быстро. Надобно было сдѣлать заемъ у вахмистра пять рублей для продовольствія команды. Наконецъ, у меня осталось запасовъ всего на одинъ день. Я началъ серьезно подумывать о своемъ положеніи. Въ одну изъ такихъ грустныхъ минутъ я пошелъ бродить съ ружьемъ далеко отъ своей квартиры въ придонецкіе лѣса. Давно наступилъ августъ. Дичи было множество. Я застрѣлилъ утку и пару дикихъ голубей, что меня немного пріободрило. Присѣвъ отдохнуть подъ развѣсистымъ дубомъ и втягивая дымъ, началъ я безъ цѣли смотрѣть на пышныя деревья, спускавшіяся къ Донцу и шумѣвшія своими вершинами. Все располагало къ поэзіи; и надобно же было, чтобы средь поэтической тишины мнѣ блеснула самая практическая мысль, которую едва созналъ я, какъ уже меня бросило въ жаръ отъ удовольствія. Всѣ дубы вокругъ меня были буквально усѣяны желудями, которые на иномъ деревѣ сидѣли густо, словно кисти винограда. Конечно, васъ удивитъ, чему же я радовался при подобномъ открытіи, но прочтя мой разсказъ далѣе, вы перестанете удивляться.

Отправившись самымъ скорымъ шагомъ домой, я тотчасъ же послалъ за вахмистромъ. Видно было, что почтеннаго Максима Петровича разбудили послѣ самаго сладкаго сна; однако же онъ явился въ безукоризненной формѣ и проговорилъ своимъ мягкимъ голосомъ:

— Здравія желаю, ваше бродіе!

— Здравствуй, Максимъ Петровичъ! Собери мнѣ человѣкъ 20 кантонистовъ постарше и молодыхъ солдатъ.

— Слушаю-съ.

— Да нельзя ли достать мѣшковъ десятокъ?

— Можно. А осмѣлюсь спросить...

— Узнаешь послѣ.

— Извините, ваше бродіе.

— Да вели съ вечера приготовить подводу въ городъ.

— Будетъ готово. А я хотѣлъ доложить вашему бродію, что какъ мы сами стали хлѣбъ печь, такъ ужъ есть маненько припеку — можно бы свезти въ городъ, какъ я и прежде докладывалъ.

— Ну, слава Богу, теперь хоть немного подкормимъ людей. Пожалуйста же, поживѣе.

Вахмистръ ушелъ снаряжать команду, а я со всѣмъ жа-

ромъ молодости предался осуществленію своей мысли и рѣшился идти на цѣлый день въ лѣсъ, приказавъ взять съ собой самоваръ, кастрюльку и разныя принадлежности. Люди собрались живо. Надобно сказать, что подчиненные полюбили меня какъ-то очень скоро. Я не успѣлъ еще для нихъ ничего сдѣлать, они даже голодали; но слыша отъ меня постоянно ласковое слово, иногда шутку, видя доступность, они сразу поняли, что со мной легко было ужиться, стоило только не буянить, не обижать хозяевъ, слушаться вахмистра, — и только. Все время у нихъ было свободно, и за исключеніемъ купанья, они отъ зари до зари могли ничего не дѣлать. Сначала вышли было недоразумѣнія съ хозяевами, по случаю дурнаго корма; но я объявилъ своимъ, что хозяева бѣдны, мука и крупа у насъ есть, слѣдовательно съ голоду не умремъ, а со временемъ обѣщалъ непремѣнно улучшить ихъ положеніе. Я еще былъ неопытенъ, но вахмистръ объявилъ мнѣ, что отъ припека можно будетъ выручать необходимые припасы. Вообще команда моя вела себя отличнымъ образомъ.

Когда я вышелъ изъ квартиры, двадцать молодыхъ ребятъ весело гаркнули мнѣ свое обычное привѣтствіе, и я повелъ ихъ въ знакомый лѣсъ, не объявляя причины экспедиціи. Но до меня долетали разныя предположенія: »не идемъ ли мы грушъ трясти, или бакшу собирать« и т. п. Какое же было ихъ удивленіе, когда, придя на извѣстное мѣсто къ дубамъ, я распорядился, чтобы поставили мнѣ самоваръ и вызвалъ пять человѣкъ охотниковъ лѣзть на деревья и трясти жолуди, а остальнымъ собирать этотъ плодъ въ мѣшки, принесенные съ собою. Не успѣлъ я приготовить себѣ чай, какъ половина дѣла была сдѣлана; черезъ часъ мы имѣли десять мѣшковъ жолудей; а люди пустились, кто собирать грибы и ягоды, кто въ ближайшемъ озерѣ таскать руками раковъ. Осталось порѣшить доставку жолудей въ деревню, о чемъ я не подумалъ прежде; но одинъ молоденькій кантонистъ видѣлъ недалеко своего хозяина, который съ порожнимъ возомъ проѣхалъ домой, и уговорилъ его взять нашу добычу. И вотъ жолуди наши подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ человѣкъ отправились въ деревню. Къ закату солнца и мы возвратились. Вахмистръ и артельщикъ ожидали меня у воротъ хаты, и я тотчасъ же приступилъ съ ними къ совѣщанію. Припекъ, т. е. мука, остававшаяся намъ въ экономіи, въ количествѣ нѣсколькихъ пудовъ, былъ нашей единственной надеждой. Но когда я сообщилъ моимъ совѣтникамъ, что хочу сдѣлать попытку про-

дать на рынкѣ жолуди, которые составляютъ самую лучшую пищу для свиней, откармливаемыхъ на убой, — вахмистръ и артельщикъ разинули рты отъ удивленія. Они, впрочемъ, тотчасъ же рѣшили, что въ случаѣ продажи жолудей — деньги по всѣмъ правамъ должны принадлежать моему благородію. Но я, откровенно сознавшись въ плохихъ обстоятельствахъ, сказалъ, что считаю себя только участникомъ въ этой выручкѣ и буду брать лишь необходимое на свое собственное продовольствіе, а остальное должно поступать на улучшеніе пищи команды. И въ доказательство этого я приказалъ артельщику, въ случаѣ продажи жолудей, купить мнѣ на этотъ разъ фунтъ табаку, въ которомъ уже чувствовался совершенный недостатокъ.

На другой день часамъ къ одиннадцати артельщикъ мой возвратился изъ города и, съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ, вручилъ мнѣ фунтъ Жукова (его тогда всѣ курили), объявивъ, что сверхъ ожиданія, онъ тотчасъ же продалъ мѣшокъ жолудей по полтинѣ ассигнаціями и что каждый базаръ въ покупщикахъ не будетъ недостатка. За муку выручено было около 6 рублей, за жолуди 5, — итого, за вычетомъ 2, употребленныхъ для меня, оставалось 9 въ пользу команды. Артельщикъ, по своему усмотрѣнію, купилъ соли, луку, постнаго масла и необходимыхъ овощей, и за всѣмъ этимъ отдалъ мнѣ на сохраненіе, какъ теперь помню, два рубля восемь гривенъ ассигнаціями. Однимъ словомъ, въ теченіе недѣли, которую мы провели въ лѣсахъ, выручено было за жолуди съ прибавкою припека около тридцати рублей ассигнаціями. У насъ, за неимѣніемъ котловъ, появились собственные горшки и чугуны, людямъ варились ежедневно борщъ съ рыбою или мясомъ и густая каша; солдатамъ можно было отпускать къ обѣду чарку водки. Люди быстро поправились, вели себя необыкновенно хорошо и неохотно шли на выписку. Между тѣмъ больные безпрерывно прибывали, такъ-что у меня состояло ихъ болѣе ста человѣкъ, въ числѣ которыхъ иногда попадались заболѣвшіе вторично. Однажды вахмистръ доложилъ мнѣ по секрету, что иные изъ нихъ, выписавшись въ полкъ и находя, что съ нами гораздо лучше, натирали себѣ рукавомъ шинели глаза, лишь бы только попасть въ отдѣленіе... Въ жолудяхъ недостатка не имѣлось, но мы должны были уже далѣе углубляться въ лѣсъ и издерживаться на подвозъ ихъ до деревни. Люди однакоже, во избѣжаніе расхода, переносили жолуди на плечахъ. И точно, что значило взять лишнихъ

двадцать солдатъ, которые охотно, кто сколько могъ, носили драгоцѣнный продуктъ, зная, что это дѣлалось для ихъ же пользы. Ко мнѣ даже не разъ являлась депутація, чтобъ я бралъ себѣ всю выручку за жолуди и что одного припека достаточно для продовольствія команды. Но я не измѣнялъ своей системѣ и покупалъ себѣ только чай, сахаръ, табакъ и свѣчи, и то, правду сказать, собственно потому, что жилъ безъ копѣйки. Совѣсть моя была покойна, ибо и я работалъ — не тѣмъ, такъ другимъ способомъ. Всегда было людно у нашей импровизированной кухни, вырытой въ полугорѣ, подъ тѣнью деревьевъ. Въ жирномъ борщѣ клокотали куски говядины, баранины, рыбы; просяная каша, зарумянившись, испускала какой-то манящій запахъ; тутъ же въ большихъ чугунахъ мучились несчастные раки, и когда большая часть ихъ принимала уже красный цвѣтъ, нѣкоторыя клешни высовывались еще наверхъ, доказывая, что жизнь еще не угасла. Это, можетъ быть, и жестоко, по крайней мѣрѣ нѣтъ другаго способа для приготовленія раковъ. Иной разъ лежали цѣлые костры золотистой кукурузы и всегда большое количество дынь и арбузовъ, которыхъ въ томъ году былъ значительный урожай и, слѣдовательно, непомѣрная дешевизна.

Однажды подъ вечеръ неожиданно посѣтилъ меня полковникъ и тотчасъ же приказалъ трубачу заиграть сборъ. Никто этого не ожидалъ, и люди мои были въ разбродѣ — кто на ловлѣ раковъ, кто въ ближнемъ лѣсу: по этому случаю они собирались медленно. Полковникъ сердился; а когда онъ увидѣлъ поистертые рейтузы и дырявые сапоги, то изъ командирскихъ устъ его излетѣло много проклятій и разныхъ непечатныхъ выраженій. Я спѣшилъ однако же успокоить его, что люди носили собственную одежду.

— А какія у нихъ морды жирныя! сказалъ онъ. — Посмотрите на этихъ ракалій! О, я доберусь до нихъ!

Не дождавшись нѣсколькихъ человѣкъ, за которыхъ я поручился въ исправности (сказавъ, что послалъ ихъ ловить раковъ), полковникъ сдѣлалъ смотръ командѣ и остался доволенъ.

Долгъ вѣжливости и гостепріимства заставилъ меня предложить полковнику стаканъ чаю. Онъ согласился, я думаю, больше оттого, что лошади его были всѣ въ мылѣ. Я велѣлъ приготовить чай на дворѣ, и мы помѣстились на единственной хозяйской скамейкѣ, составлявшей всю мою подвижную мебель. Какъ человѣкъ, не упускавшій изъ виду денежныхъ

разсчетовъ, полковникъ очень хорошо зналъ, какъ давно я не требовалъ уже денегъ, и потому догадался, что въ этомъ молчаніи припекъ игралъ важную роль. Но ему хотѣлось удостовѣриться, въ какой мѣрѣ я пользовался лично благоразумной экономіей. Похваливъ мой чай и закуривъ трубку, полковникъ кликнулъ вахмистра. Максимъ Петровичъ явился въ новенькой курткѣ съ блестящими галунами.

— Котораго года куртка и рейтузы?

— Собственныя, ваше-скобродіе.

— Ну да, вы бестіи, шевронисты, пропасть получаете денегъ. Исправенъ ли у тебя амуничникъ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ пришли, ни разу не надѣвали казеннаго, ваше скобродіе.

— То-то. Смотри у меня! Хороша ли мука?

— Доставляютъ хорошую. Разъ была неисправность, такъ ихъ бродіе забраковали и потребовали другой изъ комитета.

— Хозяева хорошо продовольствуютъ?

— Мы кормимся отъ артели, ваше скобродіе.

— Какъ отъ артели? Гдѣ же вы взяли котловъ, а главное — денегъ?

— Это было распоряженіе ихъ бродія.

— А! ну, ступай, да смотри въ оба.

— Счастливо оставаться, ваше скобродіе.

— Какъ же это вы устроили артель? спросилъ полковникъ по уходѣ вахмистра.

— Кое-какими средствами, полковникъ.

— И варите людямъ кашицу?

— Нѣтъ мы варимъ борщъ съ говядиной, густую кашу, раковъ, кукурузу, а людямъ постарше даемъ винную порцію.

— Что-о-о?

Я повторилъ.

— Вы шутите.

— Не смѣлъ бы шутить съ полковымъ командиромъ, гдѣ дѣло касается службы.

— Такъ вѣрно людямъ не весь хлѣбъ отпускаете?.. Это, впрочемъ, ничего.

— Напротивъ, хлѣба сколько угодно. Кромѣ припека, я нашелъ еще одно средство, полковникъ.

— Какое же?

Разсказавъ коротко жолудиную экспедицію, я не скрылъ, что и самъ пользуюсь отъ выручки, насколько нужно для моего личнаго продовольствія.

Полковникъ засмѣялся.

— Продаютъ жолуди! Ха-ха-ха! Да это капитальная мысль! Вы золотой человѣкъ, вы просто — министръ финансовъ... Жолуди! ха-ха-ха!

— Надобно же было что нибудь выдумывать, когда жители бѣдны, а денегъ нѣтъ.

— Значитъ, эти ракаліи ѣдятъ лучше нашихъ. Смотрите, вы перебалуете мнѣ людей. Ха-ха-ха! Жолуди!

— Люди ведутъ себя отлично.

— И васъ не надуваютъ вахмистръ и артельщикъ?

— Не думаю. Можетъ быть артельщикъ и попользуется какой нибудь гривной, но, во-первыхъ, нельзя его усчитать, во-вторыхъ, онъ вѣдь и трудится.

— И у васъ много денегъ?

— Въ настоящее время имѣемъ рублей двадцать пять, да надѣемся въ будущій базаръ получить кое-что.

— Ей-богу, батенька, министръ. Продовольствовать сто человѣкъ жолудями — ха-ха-ха! Да откуда же вамъ пришла эта мысль?

— Я уже вамъ говорилъ.

— Благодарю васъ. Разрѣшаю и впередъ, только посовѣтую не слишкомъ баловать этихъ бестій, пороть ихъ хорошенько и сберегать копѣйку на черный день. Вся это экономія принадлежитъ вамъ по праву.

— Моя вся цѣль продовольствовать людей, полковникъ, и я очень радъ, что могу это дѣлать собственными средствами.

— И средствами благоразумными. Я очень вами доволенъ, корнетъ.

Напившись чаю, полковникъ уѣхалъ, но, садясь на дрожки, смѣялся и повторялъ: жолуди! министръ финансовъ!

Скоро, однако же, наши жолуди стали истощаться: въ ближайшемъ казенномъ лѣсу мы отрясли всѣ дубы, а въ помѣщичьемъ встрѣтили сопротивленіе, и хоть нанимали деревья у лѣсничихъ, однако, источникъ изсякалъ мало-по-малу. Зато припекъ у насъ былъ большой, такъ что люди не видѣли уменьшенія пищи; я получилъ немного причитавшагося жалованья и не бралъ ни копѣйки изъ артели, да и команда начала убывать по случаю прекращенія болѣзни. Въ сентябрѣ у меня оставалось около пятидесяти человѣкъ.

Два мѣсяца мелькнули, какъ одинъ день, и я, окруженный книгами, природой — не зналъ, что такое скука. Одинъ только эпизодъ рѣзко выдѣлялся изъ этой пустынной жизни,

но и тотъ интересенъ собственно для меня, какъ происшествіе, относящееся лично къ моей особѣ. Въ числѣ писемъ и журналовъ мнѣ принесли, однажды, пригласительный билетъ на свадьбу къ однимъ знакомымъ. Кумиръ нашей молодежи — хорошенькая сосѣдка выходила за пожилаго помѣщика —ской губерніи. Два мѣсяца я уже не только не видѣлъ общества, но не говорилъ съ образованными людьми, и мнѣ очень хотѣлось побывать на блестящемъ балѣ. Можетъ быть меня влекло и еще какое-нибудь чувство; но этотъ праздникъ рисовался мнѣ въ необыкновенно поэтическомъ свѣтѣ... Но какъ попасть на свадьбу? Собственныхъ лошадей у меня никогда не было, нанять поселянскихъ не представлялось возможности, потому что въ деревнѣ не было и дрянной клячи; оставалось одно средство: взять воловъ до штаба, а тамъ достать обывательскихъ. Но время подходило къ свадьбѣ, а въ объѣздъ считалось болѣе тридцати верстъ. И вотъ на другой день у меня уже созрѣлъ планъ — совершить самое живописное путешествіе. Отъ моей деревеньки къ знакомымъ было не болѣе тринадцати верстъ по прямому направленію, и я рѣшился ихъ пройти пѣшкомъ. Конечно, я рисковалъ отлучиться безъ просу на сутки отъ своей команды; но развѣ корнеты задумываются когда въ подобныхъ случаяхъ? Шансы же у меня были выйдти изъ нелѣвкаго пѣшаго путешествія: передъ самой деревней надо было переплыть Донецъ въ лодкѣ, — слѣдовательно, я могъ сказать, что прибылъ по рѣкѣ изъ штаба. И вотъ, поручивъ свою парадную форму кантонисту Правденку и приказавъ вахмистру наблюдать за порядкомъ, я, послѣ сытнаго обѣда, съ ружьемъ въ рукахъ, пошелъ чрезъ живописную лѣсную гору. Августовскій день великолѣпно освѣщалъ панораму придонецкихъ береговъ. Въ воздухѣ чувствовалась какая-то прохлада. По небу носилась паутина и тучи скворцовъ перелѣтали съ мѣста на мѣсто. Сжатыя поля гречихи краснѣли вправо и, примыкая къ лѣсу, рѣзко бросались въ глаза на чертѣ соединенія съ зеленью. Вереницы журавлей гдѣ то высоко издавали отрывистые звуки. На меня нашло то неуловимое одушевленіе, которое каждому дается въ молодости... Я не помню, какъ шелъ впередъ, уносясь мечтами въ будущее, которое и для меня блестѣло всѣми цвѣтами радуги... Мы прибыли къ Донцу и насилу достали въ хуторкѣ лодку за полтинникъ, съ тѣмъ, чтобы переѣхать на ней и обратно. На другомъ берегу уже стемнѣло. Когда я подходилъ къ знакомому саду, — по дорогѣ проѣхало нѣсколько экипажей, ко-

торые видимо спѣшили. Отправившись въ знакомый флигель, я переодѣлся и пошелъ въ домъ, гдѣ засталъ уже много гостей и товарищей. По обыкновенію меня приняли съ большимъ радушіемъ, но всѣ домашніе были заняты. Невѣста одѣвалась къ вѣнцу. Вскорѣ появилась и она. Красивое лицо ея было необыкновенно серьезно, и хотя она улыбалась, раскланивалась съ нами, однако, я убѣжденъ, что она привѣтствовала массу, не распознавъ никого, потому что выразительные черные глаза ея были подернуты слезою. Вскорѣ произошла сцена благословенія, при которой всѣ близкіе были растроганы, многіе изъ постороннихъ сыграли роль растроганныхъ, и вереница отправилась къ великолѣпно освѣщенной церкви. Я выбралъ себѣ мѣсто подальше, но на возвышеніи у клироса, такъ что мнѣ превосходно было видно все во время обряда. Подтянувшійся женихъ, словно помолодѣвъ нѣсколькими годами, гордо озирался вокругъ, какъ бы показывая на молодость и красоту своей будущей супруги. Невѣста въ живописномъ нарядѣ потупила блестящіе глазки, и на лицѣ ея, постоянно блѣдномъ, какъ будто немного изнуренномъ, по временамъ появлялись вспышки румянца. Богъ ее знаетъ, что она думала; но замѣтно было, что какъ ни геройски держала она себя, а вѣроятно при взглядѣ на жениха, приближавшагося къ старости, не могла она не подумать, что съ ея умомъ и красотою не трудно было ей стать подъ вѣнцомъ съ человѣкомъ и моложе и красивѣе, который говорилъ бы ея сердцу. Изъ числа многихъ ея поклонниковъ въ сосѣднихъ полкахъ — я не знаю, на кого можно бы указать, кто пользовался бы особеннымъ ея расположеніемъ; она любила немножко пококетничать, что впрочемъ шло къ ней; но выбрать пожилаго, можетъ быть и достойнаго, господина и выбрать, конечно, подъ вліяніемъ родныхъ — признаюсь, не считалъ ее способною. И странно! когда окончился обрядъ, когда поздравили молодыхъ и вскорѣ въ большой залѣ раздались шумные поздравительные тосты, я прочелъ на лицѣ новобрачной такъ много противоположныхъ чувствъ, что мнѣ стало жаль живую и остроумную дѣвушку. Она была очень ловка и любила поспорить, но спорила такъ мило и обладала такой неотразимой способностью быстрыхъ отвѣтовъ, подчасъ насмѣшливыхъ, что весело было съ нею поболтать. Нѣсколько времени тому назадъ, я помню, мы гуляли съ ней въ саду и какъ-то разговорились о замужествѣ. Разыгрывая роль равнодушной ко всѣмъ обожателямъ, она сказала мнѣ, что если рѣшится когда нибудь выйдти замужъ, то

избранный ея долженъ быть совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Я посмѣялся надъ нею и мы почти поссорились. Теперь же на ея свадьбѣ мнѣ уже было какъ-то неловко подходить къ ней, изъ боязни напомнить нашъ давнишній разговоръ. Новобрачный, котораго я зналъ за добраго человѣка, едва полуобразованнаго, безъ претензій, — показался мнѣ совершенно въ другомъ свѣтѣ. Овладѣвъ хорошенькой, молодой дѣвушкой, которая кружила головы многимъ поклонникамъ, онъ словно переродился: сыпалъ довольно тупыя остроты, ходилъ съ особой припрыжкой, взбивалъ волосы, крутилъ усы и поминутно подходилъ къ женѣ цѣловаться.

Окна въ залѣ были растворены; сквозь нихъ блистало небо, усѣянное звѣздами, и мы въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ помѣстились у одного окошка потолковать о предстоявшемъ балѣ. Слышу — меня назвали по имени. Оглядываюсь: новобрачная въ своемъ ослѣпительномъ подвѣнечномъ нарядѣ съ воздушнымъ покрываломъ остановилась недалеко.

— Вы забыли насъ, Караминскій, сказала она съ улыбкой: — говорятъ, сдѣлались совершеннымъ пустынникомъ.

— Не могъ выбрать времени, а пустынникомъ сталъ дѣйствительно, только поневолѣ.

— Вы однакожъ очень грустны, — я слышала, вамъ измѣнили, — но утѣшьтесь.

— Я давно утѣшился.

— Отчего вы въ самомъ дѣлѣ не пріѣзжали? Видите, въ такое короткое время — сколько перемѣнъ... А помните наши прогулки верхомъ по степи? Вѣдь мы оба любили помечтать. Пріѣзжайте въ —скую губернію.

Въ это время мужъ подошелъ къ ней и занялся цѣлованьемъ, какъ будто безъ свидѣтелей. Мнѣ даже стало непріятно.

Вечеръ прошелъ очень шумно и весело. Я, подобно всѣмъ молодымъ людямъ, увлекся и протанцовалъ до разсвѣта. Послѣ ужина всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, приготовляясь на завтра начать танцы съ утра, по деревенскому обыкновенію. Во флигелѣ офицеры ложились въ повалку, другіе суетились разъѣзжаться по полкамъ. Отыскавъ Правденка, я переодѣлся, вышелъ втихомолку черезъ садъ къ Донцу, отыскалъ лодку, переправился и побрелъ пѣшкомъ въ свою уединенную деревеньку. Тотъ же яркій августовскій день освѣщалъ мой обратный путь съ тою же обстановкой; но у меня уже впереди какъ-то не было радужнаго простора будущности...

Я не знаю, зачѣмъ меня преслѣдовалъ образъ новобрачной въ поэтическомъ нарядѣ, съ этой притворной веселостью на лицѣ, съ этимъ рѣзвымъ хохотомъ, но въ глазахъ ея читалъ я, что все это неправда, что и вышла замужъ она по настоятельнымъ совѣтамъ родныхъ, что для этого немолодаго и неразвитаго мужа не могло быть у ней завѣтнаго уголка въ сердцѣ... Я довольно скоро возвратился домой. Цѣлый день мнѣ все представлялись и ярко освѣщенный храмъ, и блестящій балъ, и рой молодыхъ, хорошенькихъ дѣвушекъ; но среди всего этого сіяли черные глаза, въ которыхъ такъ ясно виднѣлось сознанное и заглушаемое раскаяніе... На другой день я началъ какую-то повѣсть, на третій написалъ стихи, а потомъ уже бродилъ съ ружьемъ по лѣсу, словно все сбывшееся представлялось сновидѣніемъ.

Въ половинѣ сентября получилъ я приказъ выступить съ командой въ штабъ и явиться въ полковую канцелярію. Я давно ожидалъ этого и, казалось, равнодушно началъ дѣлать приготовленія. Вахмистру отдано было приказаніе выступить съ разсвѣтомъ, а самъ я пошелъ посѣтить свои любимыя мѣста надъ Донцомъ, въ особенности къ лужайкѣ, противъ старинной ветхой часовни. Но когда возвратясь съ прогулки, вошелъ я послѣдній разъ въ свою бѣдную хату и подумалъ, что мнѣ придется распрощаться навсегда съ этимъ убогимъ, но спокойнымъ пріютомъ, когда мой Правденко, укладывая вещи, началъ тихо плакать, меня ущемило за сердце. Я ни слова не сказалъ кантонисту, потому что не хотѣлъ застать его врасплохъ и далъ время ему оправиться.

— Можетъ быть, Правденко, ты желаешь чего нибудь.

Онъ отворотился.

— Я ничего не желаю, всѣмъ доволенъ, покорно благодарю.

— Ну, братъ, и тебѣ спасибо.

Кантонистъ не могъ удержать слезъ.

— О чемъ же ты плачешь? спросилъ я нетвердымъ голосомъ.

— Помилуйте, в. б—іе! Два мѣсяца жилъ здѣсь, какъ въ раю, — а завтра что?... Конечно, служить надо, да у насъ эскадронный командиръ... Здѣсь сытъ, не слышишь грубаго слова, не то, что брани... а тамъ не такъ посмотрѣлъ, ошибся въ чемъ нибудь — розги... Да какъ еще сѣкутъ...

— Самъ знаешь, служба...

— Что и говорить! А вотъ вы такой же офицеръ, и сколько

было разнаго народу, а посмотрите, какъ васъ любили. Да если бы кто провинился въ командѣ, такъ товарищи прибили бы его до смерти, чтобъ только не огорчить вашего благородія.

Я потихоньку вышелъ на свѣжій воздухъ. Цѣлую ночь я не могъ сомкнуть глазъ и просидѣлъ до разсвѣта... Раздались перекаты трубы. Ко мнѣ вошли вахмистръ и артельщикъ. Я окончилъ разсчетъ. Мы подъ конецъ обѣднѣли, и хоть людей кормили по прежнему, но денегъ въ остаткѣ было не болѣе рубля серебромъ, который и присужденъ былъ въ награду артельщику. Убогіе жители поднесли намъ хлѣбъ и соль на прощанье. Когда выстроилась моя команда и я вышелъ съ цѣлію произнесть рѣчь, у меня не хватило духу: у всѣхъ на глазахъ сверкали слезы, а у нѣкоторыхъ старыхъ служакъ унизаны были ими кончики сѣдыхъ усовъ...

— Благодарю, ребята!.. Я... очень... вами доволенъ.

— Рады стараться! вышло какъ-то не полно и отрывисто.

Я махнулъ рукою, скомандовалъ »маршъ«! Жители пожелали счастливаго пути. Какая-то старушка меня перекрестила...

Разсказъ этотъ взятъ изъ записокъ, переданныхъ мнѣ однимъ старымъ товарищемъ.

МОНШЕРЫ.

МОНШЕРЫ.

Сколько могъ, я познакомилъ читателей съ прежней эпохой въ предыдущихъ очеркахъ, а потому, хотя повѣсть моя происходитъ въ тридцатыхъ годахъ, однако я считаю лишнимъ дѣлать общее обозрѣніе тогдашнихъ нравовъ и обычаевъ. Но я не могу не обратить вниманія на одинъ военный типъ, пропущенный нашими беллетристами, который стушевался не ранѣе крымской кампаніи: это такъ называемые »моншеры«, существовавшіе въ иныхъ полкахъ по нѣсколько экземпляровъ. Передъ упомянутой войной мнѣ случалось еще видѣть образчики военнаго моншера, и хоть этотъ типъ почти уже выродился, однако все еще не терялъ присущей ему своеобразности и по захолустьямъ дѣлалъ свое дѣло. Когда возникли въ арміи моншеры — сказать утвердительно не могу, потому что, судя по всему, они существовали задолго до моего поступленія на службу, но въ концѣ тридцатыхъ годовъ они достигли полнаго развитія. Моншеръ, если хотите, много походилъ на провинціальнаго льва: приличія и »тонъ« прежде всего; но свое львовство, если можно такъ выразиться, моншеръ проявлялъ совершенно въ другой формѣ. Офицеры этой категоріи отличались въ войскахъ разнаго рода оружія: такъ, напримѣръ, моншеръ-пѣхотинецъ не походилъ на моншера-кавалериста, и даже моншеръ кирасирскій разнился отъ уланскаго или гусарскаго. Но эти мелочи замѣтны только были глазу опытнаго наблюдателя, и потому я не стану о нихъ распространяться. Вообще моншеръ, къ какому бы ни принадлежалъ оружію, задавался мыслью »жить для тону« и сообразно съ этимъ велъ свои дѣла, не обращая уже вниманія ни на какія распеканціи, даже на аресты, потому что условія тона весьма часто приходились въ разрѣзъ съ условіями службы. Первую обязанность моншера составляло щегольство,

а какъ военный костюмъ не допускаетъ прихоти, то изобрѣтена была такъ называемая бальная форма. Если, напримѣръ, эполеты носили съ низкой канителью, моншеръ заказывалъ ихъ въ вершокъ толщиною и съ разными блестками и украшеніями; этишкетъ или эксельбантъ свивался тоже особеннымъ образомъ; самый покрой платья отходилъ отъ образца; вмѣсто замшевыхъ перчатокъ употреблялись лайковыя: однимъ словомъ моншеръ, какъ говорилось тогда, »отъ помпона до шпоръ« одѣвался по своему усмотрѣнію. Кромѣ того моншеръ обзаводился лорнетомъ, что было строжайше запрещено, волосы причесывалъ согласно съ господствовавшей модой, что преслѣдовалось еще хуже лорнетовъ, а главное — манкировалъ службой и разъѣзжалъ куда бы ни вздумалось. Каждый полкъ непремѣнно имѣлъ своихъ моншеровъ, и въ свое время ходили о нихъ интересные анекдоты, потому что моншеръ невсегда церемонился, особенно если ему нужно было выкинуть какую-нибудь штуку »для тону«. Въ категорію эту попадали обыкновенно люди, получившіе какое-нибудь воспитаніе или, прямѣе выразиться, болтавшіе хоть немного по французски; самое названіе ихъ произошло отъ того, что они постоянно говорили товарищамъ »моншеръ« и даже съ этою фразою обращались къ солдатамъ. Моншеръ, какъ и левъ, не говорившій по французски, былъ немыслимъ, и потому онъ непремѣнно воспитывался въ какомъ-нибудь пансіонѣ или дома подъ руководствомъ гувернера, вслѣдствіе чего принадлежалъ всетаки къ числу порядочныхъ офицеровъ и очень рѣдко вмѣшивался въ грубые скандалы, происходившіе отъ картежи, пьянства или другаго безобразія. Моншеръ по возможности былъ мягокъ и деликатенъ, гонялся за соблюденіемъ приличій, и если иной разъ билъ собственноручно извозчика, лавочника или другую личность, то потому что въ описываемую эпоху кулачная расправа считалась принадлежностью каждаго дворянина, тѣмъ болѣе военнаго офицера. Но вообще моншеръ былъ мягче всякаго другаго товарища и нерѣдко »для тону« прощалъ деньщика или крѣпостнаго слугу, особенно при свидѣтеляхъ. И говорить нечего, что каждый моншеръ былъ записной волокита, такъ какъ формировка его начиналась отъ корнетскаго чина и рѣдко переходила до ротмистерской, пока кипѣли молодыя силы, и пока честолюбіе и жажда поживы не перерабатывали эту пустую, но порой добрую натуру. При тогдашней обстановкѣ моншеръ былъ счастливъ хоть тѣмъ, что жилъ единственно »для тону«, имѣлъ какую-нибудь цѣль, положимъ

нелѣпую, но безкорыстную и невредившую товарищамъ вообще, а солдату въ особенности. Моншеръ не входилъ ни во что, очень часто отстаивалъ подчиненныхъ и дарилъ своему взводу по чаркѣ водки, — правда, единственно »для тону«, однако ни на комъ не ложился гнетомъ его деспотизмъ, даже, какъ я сказалъ выше, и на собственной его прислугѣ.

Въ одномъ полку нашей дивизіи былъ моншеръ, поручикъ Танковъ, котораго всѣ вообще называли monsieur Танковымъ. Подъ этимъ именемъ онъ былъ извѣстенъ и у солдатъ, и у высшаго начальства. Титулъ свой пріобрѣлъ онъ еще въ званіи юнкера. Всегда щегольски одѣтый молоденькій франтикъ, онъ и въ нижнемъ чинѣ еще обнаруживалъ всѣ признаки моншерства и потому частенько попадался не въ форменной одеждѣ. По какому-то случаю прибылъ онъ въ корпусную квартиру. Начальникъ штаба былъ строгъ въ высшей степени — и его боялись гораздо больше корпуснаго командира. Проходя по площади, юнкеръ Танковъ встрѣтилъ начальника штаба, котораго, впрочемъ, зналъ только по имени, и, вмѣсто того, чтобъ остановиться во фронтъ, снявъ фуражку за четырнадцать шаговъ, раскланялся съ нимъ, какъ съ обыкновеннымъ знакомымъ. Генералъ подозвалъ его.

— Какъ ваша фамилія?

— Monsieur Танковъ.

— Очень пріятно познакомиться. Ступайте же прямо на гауптвахту и скажите, что васъ прислалъ monsieur З—ій.

Съ тѣхъ поръ за Танковымъ упрочился титулъ monsieur и сопровождалъ его чрезъ всю служебную карьеру.

Моншеры пользовались расположеніемъ товарищей, во-первыхъ, потому что были добрые малые, во-вторыхъ — для инаго служили предметомъ подражанія, а въ-третьихъ, самый закоренѣлый служака хоть и считалъ ихъ никуда негодными, однако усердно смѣялся надъ ихъ продѣлками »для тону«. Моншеръ былъ не прочь и подраться на дуэли, но предпочиталъ дипломатическія соглашенія и развѣ уже рѣшался рубиться »до первой крови«, т. е. до первой царапины, а между тѣмъ любилъ на сторонѣ разсказывать о своихъ подвигахъ, рисуясь передъ провинціальными барышнями. Моншеръ всѣми силами добивался одного: чтобы о немъ говорили; заводилъ обширный кругъ знакомства, хорошо танцовалъ, судилъ вкривь и вкось о французской литературѣ; записочки, даже къ казначею о присылкѣ »въ счетъ жалованья«, писалъ на раздушонныхъ бумажкахъ и величайшимъ

несчастіемъ въ жизни считалъ надѣть грязныя перчатки. Моншеръ всегда и вездѣ радъ былъ увильнуть отъ службы и опредѣлялся въ полкъ собственно для военнаго мундира, который даетъ извѣстную долю значенія въ обществѣ. Моншеръ въ караулѣ обыкновенно располагался какъ дома и стоялъ не такъ, какъ прочіе офицеры, что позволяли себѣ разстегнуть форму или заснуть какъ нибудь на неуклюжемъ диванѣ, а велѣлъ стлать себѣ пуховикъ, раздѣвался какъ слѣдуетъ и ложился на покой безъ церемоніи. И многимъ изъ нихъ это сходило съ рукъ, тогда какъ другой исправный офицеръ за бездѣлицу подвергался взысканіямъ. Истинный моншеръ не зналъ ни аза въ глаза въ службѣ, и, если ему доводилось командовать взводомъ, онъ портилъ ученье, ломалъ эскадронъ и потомъ безропотно отправлялся на гауптвахту. Онъ даже тщеславился этимъ и весело разсказывалъ кому-нибудь о своей продѣлкѣ. Однажды въ маѣ во время кампамента я былъ боленъ лихорадкой и лежалъ въ госпиталѣ. Хорошая погода вызвала меня въ садъ, и, блуждая по крайней аллеѣ, я прислушивался къ сигналамъ, раздававшимся на плацу, гдѣ начальникъ штаба смотрѣлъ полкъ нашъ. Раздался конскій топотъ. Передо мною остановился корнетъ К...

— Что ты? спросилъ я, поздоровавшись.

— Отправлюсь, моншеръ, на гауптвахту.

— За что?

— Цѣлая исторія! Ха-ха-ха! Представь: скомандовали по моему взводу строить полкъ налѣво.

— То-есть перемѣна фронта?

— Не знаю. Мнѣ вахмистръ подсказалъ, что командовать, но я ошибся, и вслѣдствіе этого полкъ построился хвостами къ генералу. Ха-ха-ха!

— И распекли?

— Налетѣли, какъ ястребы. На гауптвахту на недѣлю!

— Мнѣ помнится, тебѣ ни одно ученье не проходило даромъ.

— Послѣ кампамента выпрошусь въ отпускъ, а тамъ или поѣду за ремонтомъ, или пойду въ адъютанты къ генералу Н...

— То-то заживешь!

— Ужъ, конечно, задамъ не такого тону.

Нашъ кавалерійскій моншеръ имѣлъ кое-какія средства, потому что званіе его требовало иногда издержекъ, немыслимыхъ при одномъ жалованьи; но пѣхотные моншеры, какъ люди преимущественно недостаточные, ухитрялись моншер-

ствовать и при весьма ограниченномъ содержаніи. Но въ какой бы ни былъ моншеръ формѣ, — въ адъютантской ли, полковой, наконецъ, въ гарнизонной, — онъ оставался вѣренъ своему призванію и, несмотря ни на какую, даже самую неблагопріятную обстановку, наслаждался жизнью, разумѣется по своему, настолько, наско́лько могъ, покупая эти наслажденія кучею распеканцій, долговременнымъ арестомъ, неочереднымъ карауломъ и т. п. Моншеръ не пропускалъ ни одного бала не только у сосѣднихъ помѣщиковъ, но и въ другихъ губерніяхъ, за всѣми хорошенькими ухаживалъ сплошь и рядомъ, бывалъ иногда влюбленъ (произнося это слово съ носовымъ *н*) и во имя этой любви готовъ былъ на всякія глупости, особенно если послѣднія, по его мнѣнію, требовались для поддержки тону.

Моншерство, какъ я уже говорилъ, не простиралось далѣе ротмистра, во-первыхъ, потому, что истинный моншеръ рѣдко дослуживалъ и до этого чина, во-вторыхъ; — съ лѣтами, соскучась бить баклуши и не будучи уже въ состояніи скакать на балахъ, многіе переставали жить для тону и начинали обдѣлывать дѣлишки. Моншеры, впрочемъ, не составляли особой касты, но при встрѣчѣ другъ съ другомъ охотно сближались и задавали тону всевозможными способами, нерѣдко переходя безъ церемоніи границу благоразумія.

Кавалерійскій моншеръ вообще любилъ побуянить, особенно тамъ, гдѣ надѣялся на поддержку товарищей, но буйство его не заходило дальше какой-нибудь исторіи со статскимъ или пѣхотинцемъ, которые въ то время, не знаю ужъ почему, пасовали передъ кавалеристами. Мы такъ были увѣрены въ своемъ превосходствѣ передъ пѣхотой, что съ явнымъ высокомѣріемъ смотрѣли на этотъ родъ войска и какъ бы считали обязанностью дѣлать разныя штуки пѣхотинцамъ. Въ это время дразнили ихъ фразой: »пѣхота, не пыли!« На смотрахъ, гдѣ сталкивались войска разнаго рода оружія, послѣ дождя, когда бывало кавалерійская колонна несется на рысяхъ мимо пѣхотнаго строя, брызжетъ грязью на бѣлые панталоны, и какой-нибудь отчаянный всадникъ произнесетъ эту фразу, — пѣхота выходитъ изъ себя и, несмотря, что во фронтѣ, осыпаетъ кавалеристовъ ругательствами. Кавалерійскій моншеръ важничалъ передъ пѣхотинцемъ, потому что прекрасный полъ того времени бредилъ кавалеристами. Столкновенія съ пѣхотой у насъ были иногда чрезвычайно комичны, и я здѣсь кстати не могу не припомнить одного происшествія, которое нѣсколько

обрисуетъ нравы и обычаи эпохи и вмѣстѣ покажетъ отношенія войскъ обоихъ родовъ оружія. Полкъ нашъ стоялъ въ поселеніи. На работы къ намъ приходила резервная пѣхотная дивизія. Для пѣхотныхъ батальоновъ устроены были особые бараки, и пѣшіе офицеры не только не смѣшивались съ нами, но рѣдко даже встрѣчались и не были знакомы. Изрѣдка развѣ любопытные смотрѣли ученье — мы у нихъ, они у насъ, причемъ наши обыкновенно надъ ними подсмѣивались. Даже кавалерійскіе солдаты подшучивали надъ пѣхотинцами

Былъ у насъ изъ вольноопредѣляющихся одинъ юнкеръ М., добрый малый лѣтъ за двадцать-пять, но такой страшный картежникъ, что постоянно день и ночь металъ и понтировалъ. Иногда бывало продуется до нитки и сидитъ дома безъ рейтузъ, иногда навыигрываетъ пропасть денегъ, вещей, экипажей, лошадей, серебра — и тогда у него разливное море. Ѣздилъ онъ какъ-то въ корпусную квартиру и возвратился оттуда въ прекрасной коляскѣ, навезъ вещей, золота и ассигнацій. Разумѣется, первымъ дѣломъ было созвать товарищей, задать пиръ, а потомъ пустить выигрышъ въ дѣло. Въ штабѣ находились многіе офицеры, всѣ юнкера, такъ что на пирушку собралось человѣкъ тридцать. Дѣло происходило лѣтомъ. М. въ пышномъ халатѣ и вышитой ермолкѣ, сидя у окна, курилъ изъ дорогаго янтаря не простой жуковъ, а пятирублевый Р. А., — табакъ, считавшійся верхомъ роскоши. Къ намъ только что опредѣлился юнкеръ З., молоденькій мальчикъ, едва успѣвшій надѣть форму. Онъ подходилъ уже къ квартирѣ М. и, увидя хозяина въ окнѣ, остановился съ нимъ разговаривать. Въ это время по какому-то случаю проѣзжалъ мимо командиръ резервнаго батальона. И теперь пѣхотинцы не мастера ѣздить верхомъ, но въ то время невозможно представить себѣ ничего комичнѣе пѣхотнаго ученья, на которомъ разъѣзжали штабъ-офицеры и адъютанты, часто на упряжныхъ лошадяхъ, принимая самыя уморительныя позы. Господа эти при встрѣчѣ съ нами обыкновенно ѣхали шагомъ, потому что на этомъ аллюрѣ могли еще сохранить кавалерійскую посадку. Замѣтивъ кружокъ офицеровъ и юнкеровъ, пѣхотный майоръ подбоченился молодцомъ и даже подобралъ лошадь. Юнкеръ З., засмотрѣвшись ли на ѣздока или по оплошности, не снялъ фуражки, и майоръ, подъѣхавши къ нему, началъ распекать молодаго человѣка. Тогда М., обратясь къ З., закричалъ ему:

— Г. юнкеръ! извольте отправиться на гауптвахту, вы

забываетесь! А васъ, г. майоръ, прошу извинить новичка: онъ плохо еще понимаетъ дисциплину.

Майоръ раскланялся и, позабывъ осторожность, пустился рысью, причемъ потерялъ посадку, одно стремя и скрылся за лавки, болтая локтями. Мы едва удерживались отъ смѣха въ продолженіе всей этой сцены. На другой день полковникъ смотрѣлъ юнкерскую ѣзду въ манежѣ. Не знаю уже зачѣмъ батальонному командиру нужно было видѣть нашего полковника; онъ пріѣхалъ прямо въ манежъ и остался смотрѣть юнкеровъ по приглашенію послѣдняго. М. ѣздилъ первымъ нумеромъ. Замѣтивъ пристальные взгляды майора, онъ по возможности старался отворачиваться и дѣлалъ страшныя гримасы, чтобъ не быть узнаннымъ. Майоръ, обратясь къ одному изъ пѣшихъ юнкеровъ, спросилъ фамилію перваго нумера.

— Юнкеръ М., отвѣтилъ спрошенный и догадался прибавить: — у него есть братъ, который командуетъ эскадрономъ.

Майоръ удовольствовался отвѣтомъ.

Изъ моншеровъ бывали и картежники, но это случалось довольно рѣдко, потому что картежникъ не имѣлъ времени жить »для тону«, а моншеръ не могъ существовать иначе. Задавать тонъ при какихъ бы то ни было условіяхъ, во что бы то ни стало, даже въ ущербъ своему карману и репутаціи — моншеръ считалъ первой обязанностью и продѣлывалъ »для тону« такія вещи, какія теперь не могутъ придти въ голову новѣйшимъ самодурамъ.

Въ то время Печоринъ казался недосягаемымъ героемъ, — а это былъ одинъ изъ лучшихъ людей, человѣкъ съ образованіемъ. Чѣмъ же могло казаться большинство армейскихъ офицеровъ, воспитывавшихся много-много что въ какомъ-нибудь пансіонѣ? Не говорю собственно о служакахъ, фронтовикахъ, которые, сроднившись съ формалистикой, рѣшились всю жизнь оставаться на службѣ — кто изъ желанія чего-нибудь добиться, кто сколотить копѣйку, а кто просто изъ любви къ искусству: эти служили, понимая свои обязанности по своему. Но молодежь, такъ называемые панычи, имѣвшіе состояніе, опредѣлявшіеся въ полкъ для мундира — тѣ рѣшительно въ полномъ смыслѣ слова убивали время. И я право не вижу, отчего моншеръ »для тону« убивалъ его не приличнѣе, нежели другой для кутежа и тому подобныхъ удовольствій, поглощавшихъ не только досуги, но и недосуги субальтернъ-офицеровъ. Съ небольшимъ какихъ-нибудь десятка три

лѣтъ, а какъ подумаешь — становится страшно даже при воспоминаніи о той безотрадно-глухой порѣ, въ которую провинціальная жизнь представляла какое-то безвыходное болото, втягивавшее въ себя молодыя силы. Въ то время, когда въ столицѣ люди начинали выработывать здоровыя понятія о жизни и пускать ихъ въ оборотъ, насколько было у нихъ возможности, провинція спала непробуднымъ сномъ, и лишь молодежь, разумѣется не вся и то до окончанія курса, трудилась для науки и выказывала благородныя стремленія. Но съ аттестатомъ въ рукахъ юноша поскорѣе записывался въ полкъ или въ канцелярію, спѣшилъ проникнуться убѣжденіями новой среды, незамѣтно и быстро втягивался въ рутину и послѣ самъ же смѣялся надъ своими прежними вѣрованіями и воззрѣніями.

Молодежь прозябала въ полномъ смыслѣ слова, и поэтому-то моншеры, при строгомъ взглядѣ на предметъ, не должны казаться аномаліей. Теперь молодой человѣкъ, прослуживъ немного въ полку и видя, что военная служба не его призваніе, дѣлается мирнымъ гражданиномъ и занимается сельскимъ хозяйствомъ или становится торговцемъ, или пріобрѣтаетъ какія-нибудь спеціальныя познанія, и никто не ставитъ ему въ укоръ никакого честнаго занятія, разумѣется за исключеніемъ тѣхъ мѣдныхъ лбовъ, которые были, есть и будутъ въ каждомъ обществѣ. Но въ то время — другое дѣло. Барышничать, напримѣръ, лошадьми и надувать что называется отца роднаго — не считалось предосудительнымъ, но заняться торговлей — фи, какой срамъ! Впрочемъ на это все дворянство смотрѣло подобными глазами. Помѣщикъ, самъ копавшійся въ навозѣ, пересчитывавшій тальки, собиравшій гнилыя яблоки и торговавшій всякой дрянью въ имѣніи, свысока третировалъ купечество и низачто не очутился бы за офиціальнымъ прилавкомъ. Предразсудки такъ еще были тверды въ то время, что величайшимъ оскорбленіемъ считался »неровный бракъ«, то-есть если супруги происходили не изъ одной и той же среды. Какой-нибудь молодой человѣкъ, увлекшійся страстью, женился, напримѣръ, на бѣдной гувернанткѣ. Мало того, что родители иногда лишали его за это наслѣдства и предавали проклятію, но и посторонніе кричали, что онъ »опозорилъ сѣдины отца«, »бросилъ неизгладимое пятно на древнее имя«, »поругался надъ законами приличія«. Всѣ эти формы, впрочемъ, повторяются и до настоящаго времени въ извѣстномъ кругу общества, омертвѣвшемъ въ своемъ печаль-

номъ застоѣ. Слой этотъ оградилъ себя прочною стѣною отъ всякаго соціальнаго движенія впередъ и упорно продолжаетъ выполнять отжившія преданія, несмотря на то, что отовсюду жизнь двинулась къ лучшимъ стремленіямъ.

Великосвѣтскіе франты, будь они сорванцы, шелопуты, служили образцомъ »хорошаго тона« даже для людей, стоявшихъ неизмѣримо выше ихъ по развитію и образованію. Этотъ несчастный »хорошій тонъ« погубилъ не одну даровитую натуру, не могшую подняться выше уровня свѣтскости, окончательнаго тогдашняго мѣрила всѣхъ достоинствъ человѣческихъ. У насъ въ арміи, гдѣ все служили провинціалы, не видавшіе столицы, образцами для подражанія были отпускные гвардейцы, которые считали обязанностію задавать тонъ въ провинціи. Конечно теперь танцы потеряли много, хотя все еще ничуть не выводятся: въ благородномъ собраніи, напримѣръ, въ Петербургѣ нерѣдкость видѣть полькирующими и колѣноподобную лысину, и почтенныя сѣдины; но въ эпоху, о которой рѣчь, танцы составляли, во-первыхъ, единственное общественное развлеченіе, во-вторыхъ, служили средствомъ выказывать свои достоинства. Отличный мазуристъ или вальсеръ нерѣдко пользовался снисхожденіемъ начальства, и не одинъ офицеръ попадалъ въ адъютанты только за то, что не имѣлъ соперника въ танцахъ. Теперь если безъ танцевъ можно слыть порядочнымъ человѣкомъ и побѣждать женскія сердца, то прежде въ провинціи, да еще офицеру, немысленно было считаться порядочнымъ, если онъ танцовалъ дурно. Не танцовать рѣшительно не допускалось.

Вслѣдствіе этого и моншеры, къ какому бы роду оружія ни принадлежали, непремѣнно были записные танцоры и любили первенствовать на всѣхъ балахъ, тщеславясь своими хореграфическими способностями. Нѣкоторые изъ нихъ посвящали цѣлые дни на изобрѣтеніе какой-нибудь замысловатой фигуры въ мазуркѣ, показавъ которую на балѣ, бывали довольны не менѣе авторовъ, присутствующихъ въ театрѣ при первомъ представленіи своей пьесы. Танцоровъ преимущественно обожали барышни, и были примѣры, что хорошенькая и образованная дѣвушка влюблялась въ обыкновеннаго господина только потому, что онъ ловче другихъ танцовалъ и умѣлъ рисоваться по баламъ. Конечно и не изъ моншеровъ встрѣчались хорошіе танцоры и страстные любители этого искусства въ ту танцовальную эпоху, однако моншеры занимались этимъ исключительно и вездѣ получали пальму пер-

венства. Въ какой бывало домъ ни пріѣдешь, гдѣ только есть дѣвицы и какое-нибудь фортепьяно, наконецъ разбитый органъ, тотчасъ затѣвались танцы въ четыре, даже въ двѣ пары и продолжались до разсвѣта, возобновляясь на другой день, послѣ завтрака, и могли бы образовать perpetuum mobile, еслибы пàры могли не раставаться. Для влюбленнаго много прелести въ танцахъ, въ которыхъ дѣйствительно удобно и говорить, и показывать чувства, но истинные полотеры въ наше время не смотрѣли на это, а отхватывали до утра изъ любви къ искусству, собственно занятые процессомъ, и были такіе, извѣстные, впрочемъ, далеко въ околоткѣ, которыхъ хозяева наперерывъ приглашали на балы, потому что эти неутомимые плясуны танцовали сколько и съ кѣмъ угодно, лишь бы совѣсть оставалась чиста, что они не пропустили ни одного танца. Такому аматеру хозяйка могла смѣло предложить не только для легкихъ танцевъ и кадрили, но и на мазурку всѣ бальные обноски, всю калѣчь, не находившую добровольныхъ мучениковъ, а лишь та хозяйка казалась вполнѣ гостепріимной и популярной, у которой въ домѣ всѣ танцовали. У иныхъ помѣщиковъ обыкновенно послѣ ужина вытаскивались изъ-за картъ и толстяки, и старцы, и тутъ-то примѣнялась гоголевская фраза: »пошла писать вся губернія!«

Моншеры знали всѣ балы за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ въ смежныхъ уѣздахъ и губерніяхъ, и будь пора ученій, караульная очередь или смотръ, — моншеръ летѣлъ на балъ пожинать лавры, еслибы за это долженъ былъ поплатиться долговременнымъ арестомъ или предложеніемъ начальства оставить полкъ.

Однимъ словомъ моншеры всегда и вездѣ были вѣрны себѣ, вѣрны своему принципу и, не составляя отдѣльной, замкнутой касты, дѣйствовали единодушно для тону, жертвуя иногда и личной свободой, и служебной карьерой.

Штабъ —скаго уланскаго полка походилъ на прочія поселенныя деревни утомительнымъ однообразіемъ построекъ, одинаковостью крышъ, ставень и только кое-гдѣ отличался пышными деревьями, которыхъ не успѣли вырубить начальники, заботившіеся объ истребленіи дорогихъ садовъ, воспитанныхъ нѣсколькими поколѣніями. На половинѣ длинной, тянувшейся на нѣсколько верстъ улицы разбита была правильная площадь, посреди которой стояла церковь, а вокругъ съ двухъ сторонъ шли офицерскіе дома, совершенно одинаковой архитектуры,

обнесенные выбѣленными заборами и обстроенные необходимыми службами, тоже стоявшими въ ранжиръ, словно на парадѣ. На третьей во всю длину стоялъ госпиталь съ недурнымъ садомъ, а на четвертой сторонѣ площади вытянулись небольшой гостиный дворъ, трактиръ и въ самомъ углу гауптвахта, противъ квартиры полковаго командира. У нѣкоторыхъ домиковъ, огороженныхъ палисадниками, росли кустарники, и цвѣты, но общій видъ на эту площадь и на все село производилъ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Въ извѣстные часы двигались по площади извѣстные люди, проходили смѣны часовыхъ, проводили лошадей на водопой, да подъ вечеръ выходило гулять все чиновное населеніе. Въ довершеніе всего ни одна проѣзжая дорога не пролегала чрезъ поселеніе, и въ немъ никого не было видно кромѣ военныхъ. Одна только круглая шляпа, принадлежавшая откупному повѣренному, нарушала однообразіе форменныхъ фуражекъ, да статское платье носили нѣсколько лакеевъ у записныхъ франтовъ. Нѣкоторые джентльмены шили слугамъ партикулярное платье изъ шику, а другіе для того, чтобы на балахъ подтрунивать надъ статскими щеголями.

Въ одномъ изъ офицерскихъ домиковъ три окна на улицу были украшены кисейными занавѣсками, и на нихъ стояло нѣсколько алебастровыхъ фигуръ, доставляемыхъ намъ итальянцами, которые разносятъ ихъ не только по столицамъ, но и въ провинціи. Это была квартира поручика Балабайкина, перваго франта въ полку и отъявленнаго моншера. Внутренность его помѣщенія такъ рѣзко не походила на помѣщенія прочихъ офицеровъ, что молва объ этомъ далеко разнеслась по окрестнымъ помѣщикамъ, и каждый изъ постороннихъ, кто по какому бы то ни было случаю попадалъ въ штабъ полка, считалъ обязанностью посѣтить Балабайкина и собственными глазами убѣдиться въ роскоши и изысканности мебели и комфорта. Собственно говоря, ничего этого не было у франта-поручика, но, принявъ во вниманіе, что прочіе офицеры жили далеко не комфортабельно и рѣшительно не заботились объ убранствѣ квартиръ, меблировка и разныя вещи Балабайкина могли казаться чѣмъ-то необыкновеннымъ. Въ прихожей комнатѣ у него всегда торчалъ опрятно одѣтый мальчикъ, »грумъ« на языкѣ офицерскомъ и »громъ«, какъ называли его солдаты, въ будничные дни снимавшій шинели и вообще ничего не дѣлавшій, но который по праздникамъ никого не пускалъ безъ предварительнаго доклада. Послѣднее заведено было Балабай-

кинымъ »для тону«, что сперва оскорбляло товарищей, которые впрочемъ привыкли къ подобному порядку впослѣдствіи. Изъ передней дверь вела въ гостиную, довольно большую комнату, гдѣ сносная мебель загромождала все пространство, такъ что пройти было негдѣ. На овальномъ столѣ передъ диваномъ стояла бронзовая лампа, а по угламъ этажерки съ разными незатѣйливыми бездѣлками. Полъ покрытъ былъ полинялымъ ковромъ; на стѣнахъ въ золоченыхъ рамкахъ висѣли плохія гравюры. На спинкахъ креселъ и стульевъ висѣли антимакассары, а на диванѣ лежали три или четыре вышитыхъ подушки — сувениры знакомыхъ барышень, за которыми ухаживалъ неутомимый Балабайкинъ. Но что больше удивляло посѣтителей — это кабинетъ франта-поручика, то-есть большая длинная комната, которую ситцевая перегородка раздѣляла на двѣ неровныя части. Въ этой комнатѣ въ углу стояло тусклое трюмо, а противъ окна небольшой столъ съ высокимъ зеркаломъ, отъ верху котораго полосы кисеи спускались до самаго пола. Самый столъ покрывался такой же кисеей, и на немъ въ удивительномъ порядкѣ разложены и раставлены были различныя туалетныя принадлежности, даже въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Вдоль перегородки стоялъ низенькій диванъ, а передъ нимъ пяльцы, служившіе Балабайкину пріятнымъ развлеченіемъ въ минуты скуки, потому что поручикъ буквально ничего не читалъ, во-первыхъ, по весьма плохому знанію грамоты, во-вторыхъ — по отзывамъ львовъ ближайшаго губернскаго города, находившихъ, что чтеніе вообще и въ особенности по русски свойственно людямъ mauvais genre и прилично только учителишкамъ и тому подобнымъ ничтожествамъ. Балабайкинъ преимущественно сидѣлъ въ кабинетѣ, а въ гостиную выходилъ когда собиралось довольно товарищей, которые, впрочемъ, не слишкомъ любили посѣщать его по причинѣ этикета, господствовавшаго у него въ квартирѣ. Однажды у Балабайкина подали чай въ чашкахъ, и когда офицеры, привыкшіе попивать этотъ напитокъ большими стаканами, начали протестовать, онъ объявилъ, что въ губернскомъ городѣ у аристократовъ нигдѣ не подаютъ иначе и пить чай изъ стакана — просто *мове*, словно въ трактирѣ, а онъ живетъ рѣшительно »для тону«.

Владиміръ Аркадьевичъ Балабайкинъ, сынъ достаточнаго помѣщика, до двѣнадцатилѣтняго возраста находился подъ надзоромъ гувернантокъ и гувернеровъ, бѣгло болталъ по французски, по нѣмецки, но положительно не учился ничему на

томъ основанiи, что былъ единственный сынъ и страшный баловникъ матери. Отецъ его проводилъ весь вѣкъ на охотѣ, и всѣ заботы о воспитанiи сына возложилъ на жену, происходившую изъ старосвѣтскаго дома и вслѣдствiе этого питавшую къ наукамъ порядочное отвращенiе. Она разсуждала, что мальчику, положимъ, полезно еще говорить по французски и по нѣмецки, потому что въ свѣтѣ это принято и молодой человѣкъ безъ этого прослыветъ необразованнымъ; но учить *русскiя книжки* или какую-нибудь *латынь* подобно семинаристу или гимназисту — по ея мнѣнiю неприлично дворянину. Нѣкоторые сосѣди по благодушiю убѣждали ее въ противномъ, однако добрая женщина твердо стояла на своемъ и такъ разбаловала Володю, что когда пришло время отдать его хоть года на два въ пансiонъ, для чего мать переѣхала въ губернскiй городъ, — Володя оказался безграмотнѣе семилѣтняго мальчика. Содержатель пансiона смекнулъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло, нѣкоторые учителя тоже, поваръ Балабайкиныхъ былъ хорошъ, деревня близко — и Володя въ теченiе двухлѣтняго пребыванiя мало подвинулся впередъ на поприщѣ образованiя. Тупость его и невѣжество доходили до того, что онъ служилъ единственнымъ примѣромъ воспитанника, который въ четырнадцать лѣтъ не умѣлъ отличать имени прилагательнаго отъ существительнаго. Писалъ онъ ужасно, читалъ едва не по складамъ, но акуратно получалъ похвальные листы за успѣхи и благонравiе. Плотный рослый мальчуганъ, онъ казался гораздо старѣе своихъ лѣтъ, и кулакъ его сдѣлался грозою для насмѣшниковъ, имѣвшихъ частые поводы допекать ему по всѣмъ предметамъ, исключая однихъ танцевъ, въ которыхъ Володя былъ неподражаемъ и считался первымъ танцоромъ въ пансiонѣ. Всѣ трудныя, но употребительныя въ то время па Володя выдѣлывалъ искусно и отчетливо. На публичномъ экзаменѣ сама директорша нашла, что Балабайкинъ »душка«, а на вечерахъ, гдѣ по недостатку военныхъ фигурировали гимназисты и пансiонеры, въ Володю серьезно влюбилась одна взрослая дѣвица. На вакацiяхъ Балабайкинъ, объѣвшись фруктовъ, заболѣлъ лихорадкой и не могъ прiѣхать въ срокъ для окончанiя курса; потомъ, осенью, отецъ подарилъ ему верховую лошадь и началъ брать съ собою на охоту; это занятiе очень понравилось мальчику, и онъ остался дома до семнадцатилѣтняго возраста. Проѣзжiй ремонтеръ взялся опредѣлить Володю въ полкъ, и дѣло было кончено. Отбывъ кое-какъ юнкерскую службу, изъ которой далась ему

одна верховая ѣзда, Балабайкинъ былъ произведенъ въ корнеты, часто ѣздилъ въ губернскій городъ, отличался на балахъ, съ дочерьми начальника дивизіи танцовалъ мазурку и сдѣлался записнымъ моншеромъ, усвоивъ себѣ кое-что отъ заѣзжихъ гвардейцевъ и отъ мѣстныхъ губернскихъ львовъ, получившихъ названіе »gants jaunes«, »genre fracas, incroyables«, и т. п. На большихъ торжественныхъ балахъ губернскаго города эти джентльмены являлись въ чулкахъ и башмакахъ, что дѣлали и пріѣзжіе гвардейцы, а Балабайкинъ съ прискорбіемъ узналъ, что гвардейскіе уланы и при дворѣ появляются не иначе какъ въ сапогахъ, хотя все-таки на всякій случай заказалъ себѣ башмаки съ великолѣпными пряжками.

Балабайкинъ недурно говорилъ по французски, имѣлъ порядочную коляску, четверню сѣрыхъ и потому принятъ былъ хорошо не только у помѣщиковъ, но и въ высшемъ свѣтѣ губернскаго города, лежавшаго недалеко отъ полка и приманивавшаго офицеровъ своими посильными развлеченіями — плохимъ театромъ, ресторанами, балами и проч. Начальство смотрѣло на Балабайкина какъ на безвреднаго офицера, который не дѣлалъ ничего предосудительнаго, и оказывало снисхожденіе, потому что онъ былъ ѣздокъ и имѣлъ отличную ординарческую лошадь. Если онъ не приносилъ пользы въ караулахъ и на ученьяхъ, то на смотрахъ всегда почти являлся на ординарцѣ и съ пріѣзжими генералами разговаривалъ по нѣмецки, что очень нравилось послѣднимъ. Моншерство обнаруживалось въ немъ еще съ юнкерскаго чина, но такъ какъ надобно было служить и подчиняться дисциплинѣ, то Балабайкинъ ограничивался какимъ-нибудь несоблюденіемъ формы на балахъ, вполнѣ же въ моншера преобразился по производствѣ въ корнеты, когда съ матерью съѣздилъ въ Москву и провелъ тамъ, кажется, три недѣли. Навезъ онъ оттуда разныхъ вещицъ, понабрался разныхъ привычекъ, тотчасъ же завелъ грума, о которомъ сказано было выше, и потомъ не измѣнялъ уже своимъ обыкновеніямъ. Постепенно въ полку онъ забиралъ въ свои руки законодательство моды и тона, такъ что самые порядочные офицеры, стоявшіе выше его по образованію, приходили къ нему справляться о примѣненіи того или другаго приличія къ данному случаю, и Балабайкинъ съ видомъ авторитета разрѣшалъ спорные вопросы по части причесокъ, французскихъ фразъ, поздравленій и тому подобныхъ мелочей, занимавшихъ и занимающихъ до сихъ

поръ извѣстнаго рода человѣчество. Балабайкинъ держалъ себя прилично, въ карты не игралъ, вообще не дѣлалъ значительныхъ долговъ, не кутилъ, но постоянно разъѣзжалъ по гостямъ и усердно поклонялся прекрасному полу. Съ товарищами онъ не водилъ особенной дружбы, хотя и не имѣлъ недоброжелателей; онъ держался какъ-то въ сторонѣ отъ офицеровъ — во-первыхъ, по чрезвычайной сухости натуры, а во-вторыхъ, оттого, что съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ понятіе о своемъ превосходствѣ и считалъ товарищей »мовешками«, которые не въ состояніи были поддержать въ обществѣ хорошаго тона. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ стремились подражать ему, и къ этимъ онъ немного благоволилъ, потому что имѣлъ случай выказывать свои познанія въ дѣлѣ моды, но избраннымъ губернскимъ львамъ невыгодно отзывался о своихъ офицерахъ.

Балабайкинъ былъ большаго роста, красивъ собой, одѣвался щегольски и, несмотря на свою неразвитость и тупоуміе, слылъ у окрестныхъ барышень »интереснымъ кавалеромъ«, танцовать мазурку съ которымъ считалось особенной честью, такъ что дѣвица, удостоиваемая этой чести, смотрѣла уже на прочихъ, неудостоенныхъ съ какимъ-то высокомѣріемъ. Балабайкинъ влюблялся довольно часто и могъ бы составить партію, какъ говорится въ свѣтѣ; его даже ловили не въ одномъ домѣ; но на женитьбу онъ имѣлъ свои воззрѣнія и мечталъ или о какой-нибудь княжнѣ, или о московкой купчихѣ, за которой дали бы большое приданое. Въ описываемую эпоху аристократы самой чистой крови пошатнулись уже въ своихъ принципахъ и словомъ mésalliance обозначали только союзъ съ дѣвушкой, стоявшей ниже по общественному положенію, которая не приносила значительнаго приданаго. Балабайкинъ не принадлежалъ къ *сливкамъ*, однако считалъ себя аристократомъ и, усвоивая понятія этого класса, волочился за хорошенькими безъ всякой матримоніальной цѣли, а такъ, для удовлетворенія самолюбія. Раза два серьезно ухаживалъ онъ за богатыми и знатными дѣвицами, но какъ-то не умѣлъ возбудить симпатіи, потому ли, что дѣвицы эти считали его ниже себя, или можетъ быть онъ встрѣчался съ образованными личностями, которыя, не прельщаясь наружностью, искали въ человѣкѣ чего-нибудь важнѣе красиваго лица и ловкихъ танцевъ. Конечно, подобныя дѣвицы въ то время попадались очень рѣдко, однако нельзя же сказать, что бы ихъ не было безусловно.

Несмотря на видимое знаніе свѣтскости, на умѣнье рисоваться, манеры Балабайкина были не только не джентльменскія, а напротивъ, въ нихъ замѣчалось что-то болѣе ухорское, и какъ онъ ни корчилъ гвардейскаго моншера, ему никогда не удавалось это подражаніе. Положимъ, и петербургскій пустозвонъ могъ быть точно такой, какъ Балабайкинъ, могъ даже танцовать хуже нашего поручика, но самыя глупости говорилъ какъ-то мягче, не такъ ломался, умѣлъ подлетѣть къ дамѣ и вообще могъ доказать, что ему нипочемъ паркеты, тогда какъ иной армейскій моншеръ серьезно боялся паркета, какъ большой рѣдкости въ провинціи. Паркетъ можно было встрѣтить развѣ у очень богатаго помѣщика, да и то если послѣдній не принадлежалъ къ числу людей, которые придерживались старосвѣтскихъ обычаевъ. До какой степени паркеты не были знакомы большинству, можно видѣть изъ того, что многіе танцоры и танцорки натирали себѣ подошвы мѣломъ, изъ боязни упасть на балѣ, и если съ кѣмъ случалась подобная катастрофа, то это нисколько не конфузило, потому что на паркетѣ, между тѣмъ растянувшійся на обыкновенномъ полу подвергался насмѣшкамъ.

Въ полку, въ которомъ служилъ Балабайкинъ, было довольно женатыхъ офицеровъ, и дамы жаловали красавца-поручика, такъ что если моншеръ не уѣзжалъ никуда въ окрестности, онъ не имѣлъ времени скучать и пріятно проводилъ свои дни и вечера. Большинство офицеровъ, не любившее »бабскую компанію«, нисколько ему не завидовало, и только молоденькіе юнкера да три-четыре корнета посматривали на моншера съ завистью и называли его счастливцемъ. Балабайкинъ дѣйствительно имѣлъ успѣхъ у прекраснаго пола, иной разъ перебивая дорогу людямъ, гораздо его достойнѣйшимъ, но которые не обладали ловкостью красиваго невѣжды, имѣвшаго »умъ въ ногахъ«, доставлявшихъ ему всю его громкую извѣстность. Къ нему заходили товарищи, преимущественно приготовляясь къ баламъ, иные прямодушно выспрашивать какихъ-нибудь новѣйшихъ обыкновеній, новыхъ фигуръ, а другіе — узнать обо всемъ этомъ исподтишка, не унижаясь до открытаго признанія моншерскаго авторитета. Балабайкинъ не замѣчалъ этого и всѣмъ одинаково объяснялъ разныя нововведенія въ кодексѣ модъ и приличій, особенно по возвращеніи изъ губернскаго города, гдѣ онъ постоянно посѣщалъ мѣстныхъ аристократовъ, дружился со львами и заботливо справлялся у единственнаго парикмахера о современномъ раз-

витіи его искусства. Довольный подобнымъ посѣтителемъ, болтунъ-французъ выдумывалъ порой ужасную ерунду и всегда сбывалъ ему нѣсколько флаконовъ разныхъ разностей для укрѣпленія волосъ, нѣжности кожи, блеска усовъ и т. п. Немногіе свободные часы во время пребыванія на стоянкѣ, гдѣ онъ акуратно дѣлалъ визиты, Балабайкинъ посвящалъ уборкѣ волосъ съ помощью небольшихъ щипцовъ и заботливой чисткѣ ногтей, а если оставался по какому-нибудь случаю дома, то садился за пяльцы и порядочно вышивалъ по канвѣ гарусомъ. Послѣднимъ обстоятельствомъ Балабайкинъ рѣшительно покорялъ сердца чадолюбивыхъ маменекъ, которыя ставили его въ примѣръ взрослымъ сыновьямъ и умиляясь представляли имъ восхитительное зрѣлище, какъ храбрый воинъ не предается кутежу, подобно буйнымъ товарищамъ, а отдыхъ отъ трудовъ находитъ въ мирныхъ занятіяхъ. Конечно, мирное это занятіе не находило подражателей, и матушкины сынки предпочитали свободное время коротать или въ оргіяхъ, или за карточнымъ столомъ, однако шитье по канвѣ всетаки оставалось лишнимъ хорошимъ качествомъ для Балабайкина. А ужъ его мать какъ радовалась этому направленію и всегда защищала его противъ отца, который, не видя въ немъ страсти къ псовой охотѣ, не показывалъ ему особенной нѣжности и въ шутку называлъ его »бабой«, совѣтуя выучиться обращенію съ прялкой.

При всей своей пустотѣ Балабайкинъ очень хорошо усвоивалъ новѣйшія приличія и, владѣя порядочно разговорнымъ французскимъ языкомъ, довольно ловко подражалъ тогдашней модѣ мѣшать русскія фразы съ французскими, что заслужило ему особенное расположеніе эскадроннаго командира, который, самъ ничего не зная, лѣзъ приступомъ въ моншеры, хотя и былъ службистомъ въ глазахъ самаго требовательнаго начальства. Ротмистръ Переѣловъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, пріобрѣтя съ трудомъ познанія въ россійской грамотѣ, былъ записанъ въ полкъ однимъ благодѣтелемъ и прилежаніемъ и строгимъ исполненіемъ обязанностей скоро достигъ офицерскаго чина. Онъ былъ не умнѣе Балабайкина, но, не имѣя даже фальшиваго лоска, полученнаго послѣднимъ, не могъ играть ни малѣйшей роли въ женскомъ обществѣ, до котораго былъ большой охотникъ, и притомъ танцовалъ чрезвычайно плохо. Безъ всякихъ средствъ, живя однимъ жалованьемъ, Переѣловъ постоянно казнился мыслью, что онъ хуже другихъ, но помочь горю не видѣлъ никакой возможности. Судьба толкнула

его въ образцовый полкъ, гдѣ получилъ онъ чинъ за отличіе, а по возвращеніи изъ Петербурга ему неожиданно достался эскадронъ, представлявшій въ то время извѣстныя выгоды. Не успѣлъ Переѣловъ скопить сотни двѣ-три рублей, то есть составить такъ называемую экономію, какъ у него возгорѣлась охота учиться по французски и на фортепіано. Еслибы онъ учился иностранному языку съ цѣлью расширить кругъ своихъ познаній знакомствомъ съ новой литературой и еслибы принялся за музыку по призванію, объ этомъ слѣдовало бы отозваться только съ похвалою; но Переѣловъ и то, и другое дѣлалъ собственно изъ моншерства, чтобы понравиться барышнямъ и прослыть у нихъ образованнымъ человѣкомъ. Въ штабѣ поселеннаго полка еще можно было найти какія-нибудь средства научиться читать или болтатъ по французски, но музыкальнаго учителя не было положительно, а Переѣлову хотѣлось играть хоть какъ-нибудь во что бы то ни стало. Посовѣтовавшись съ однимъ юнкеромъ, взявшимся давать ему уроки французскаго языка, молодой ротмистръ рѣшился купить разбитое фортепіано, объявленное въ продажу лекаремъ, который подалъ въ отставку; а какъ въ полку ни изъ офицеровъ, ни изъ юнкеровъ никто не зналъ музыки, капельмейстеръ же былъ одинъ на цѣлую дивизію, и на зиму всѣ трубачи собирались въ дивизіонный штабъ, то, къ прискорбію Переѣлова, долго не могло начаться его музыкальное образованіе. Препятствія разжигаютъ желаніе, а Переѣлову, какъ говорится, приспичило играть на фортепіано непремѣнно по нотамъ, для чего и выписалъ онъ фортепіанную школу. Переиспытавъ безуспѣшно всѣ способы отыскать какого-нибудь музыканта, ротмистръ рѣшился на послѣднее средство. Однажды при утреннемъ рапортѣ онъ приказалъ вахмистру развѣдать подъ рукою — нѣтъ ли въ эскадронѣ такого солдата, который смыслилъ бы что нибудь въ музыкѣ. Послѣ обѣда вахмистръ пришелъ доложить, что въ третьемъ взводѣ есть карабинеръ Головко, отданный въ солдаты изъ дворовыхъ, который игралъ у помѣщика на скрипкѣ и можетъ настраивать фортепіано. Переѣловъ едва не подпрыгнулъ отъ радости и велѣлъ позвать драгоцѣннаго карабинера. Объ этомъ, впрочемъ, надо передать словами самого Переѣлова, какъ онъ разсказывалъ пріятелямъ, которые нарочно подбивали его на разсказъ занимательнаго событія.

»Входитъ Головко, дубина вершковъ десяти. Я его зналъ хорошо: онъ былъ извѣстный пьяница, но славный ѣздокъ и

исправный солдатъ, только любилъ, чтобъ его раза два въ мѣсяцъ выпороли. Недавно еще передъ тѣмъ я ему задалъ жаркую баню.

»— Ты умѣешь играть на фортепьянахъ? спрашиваю его.

»— Умѣю, в. б—іе.

»— И ноты знаешь?

»— И ноты знаю.

»— Отчего же ты не объявилъ? Тебя взяли бы въ трубачи.

»— Виноватъ, в. б—іе. Во фронтѣ получше, да признаться мнѣ и у барина надоѣло въ музыкантахъ.

»— А можешь ты, примѣромъ, обучать?

»— Смогу, в. б—іе.

»— Еслибы я приказалъ обучать меня, можешь?

»— Не смѣю, в. б—іе.

»— Какъ не смѣешь!

»— Помилуйте, в. б—іе: наука извѣстно...

»— Да чего же, говорю, ты боишься?

»— Да какже, в. б—іе, учить эскадроннаго командира.

»— Я буду стараться.

»— Вы не выучитесь, в. б—іе. Примѣрно ученикъ долженъ бояться своего учителя.

»— Ну ты мнѣ хорошенько разсказывай.

»— Это не поможетъ, в. б—іе. Меня учили нѣмецъ Карло Карлычъ и какъ ни разсказывали, бывало ничего въ толкъ не возьмешь, а если отдубасятъ по пальцамъ линейкой или, взявши за чубъ, пригнутъ къ клавишамъ, гдѣ и умѣнье возьмется.

»— Такъ ты, бестія, говорю, хочешь и меня валять по пальцамъ?

»— Сохрани Богъ, в. б—іе.

»— А ты учи меня хорошенько, тебѣ же будетъ лучше.

»— Радъ стараться, в. б—іе.

»— Съ сегодняшняго же дня, говорю, я тебѣ положу по рублю въ мѣсяцъ жалованья. Ну, садись-ка за фортепьяны и сыграй что нибудь.

»Головко сѣлъ и какъ началъ бестія перебирать по клавишамъ, просто я удивился. Мы и начали уроки. Признаюсь, трудно мнѣ было понять ноты; я уже думалъ, что у меня нѣтъ никакихъ способностей, и разъ даже, скрѣпя сердце, хотѣлъ приказать Головкѣ отвалять меня по рукамъ линейкою, но подумалъ, что могу уронить свое достоинство. Полагалъ я было

за каждый неудачный урокъ бранить учителя, но тоже разсудилъ, что это не поведетъ ни къ чему, и изобрѣлъ новое средство. Знаете, дѣйствительно учителю трудно втолковать безъ угрозы, вотъ я и говорю Головкѣ:

»— Всякій разъ, когда я буду брать урокъ, мы позовемъ пуделя Валета — пусть лежитъ возлѣ. Чуть я что не такъ, ты и ругай его какъ самъ знаешь и даже можешь вытянуть хлыстомъ: ты сорвешь сердце, а я буду лучше стараться.

»Такъ мы и сдѣлали. Что же вы думаете? Ученье мое пошло гораздо успѣшнѣе. Только и помѣхи, если мой учитель запьетъ, а его послѣ этого выпорютъ хорошенько: дня два притворялся больнымъ. Послѣ этого онъ бываетъ очень золъ и лупитъ бѣднаго Валета за малѣйшую мою ошибку. Но послѣднее время Валетъ сталъ пропадать дня по два, такъ что мы съ учителемъ оставались въ затруднительномъ положеніи«.

Съ помощью карабинера Переѣловъ въ годъ умѣлъ бренчать нѣсколько маршей и вальсовъ, а его знаніе французскаго языка простиралось до того, что онъ могъ уже, разумѣется, очень плохо, болтать съ барышнями, и то больше предлагая вопросы, потому что отвѣчать могъ не всегда, съ трудомъ понимая особенно быстрыя фразы. Но во всякомъ случаѣ онъ достигъ цѣли: о немъ заговорили, какъ о человѣкѣ образованномъ, который игралъ на фортепіано и говорилъ по французски.

Какъ ни простъ былъ Балабайкинъ, однако видѣлъ плохіе успѣхи своего эскадроннаго командира и понималъ, что не слѣдовало заявлять объ этомъ Переѣлову, а лучше хвалить въ глаза и такимъ образомъ пріобрѣтать расположеніе ближайшаго начальства. При встрѣчѣ гдѣ бы то ни было съ Переѣловымъ Балабайкинъ начиналъ разговоръ по французски, что очень льстило ротмистру, который предложилъ поручику быть на балахъ постояннымъ vis-à-vis и по временамъ посылалъ ему четверти двѣ овса для упряжныхъ лошадей — въ знакъ признательности.

Былъ еще въ полку младшій лекарь, вродѣ моншера, большой охотникъ плясать и увиваться за барышнями, но этотъ при всемъ стремленіи къ джентльменству не могъ отрѣшиться отъ чарки и льнулъ душою преимущественно къ партіи, гдѣ козыряли отъ утра до утра, а на балы смотрѣли какъ на службу, требовавшую извѣстной формы и извѣстныхъ условій. Впрочемъ, по понятіямъ Балабайкина, усвоеннымъ впослѣдствіи и его эскадроннымъ командиромъ, лекарь не могъ

быть членомъ высшаго общества на томъ основанiи, что получалъ деньги за трудъ. Такъ Балабайкину изъяснялъ одинъ губернскiй левъ, служившiй для всего аристократическаго круга оракуломъ моды и утонченныхъ обычаевъ.

Въ окрестностяхъ полка, о которомъ рѣчь, всѣ помѣщики жили открыто и радушно принимали офицеровъ, какъ гостей, помогавшихъ убивать время, и какъ жениховъ для многочисленныхъ невѣстъ, изобиловавшихъ въ околодкѣ. Кавалеристы въ дѣйствующихъ полкахъ не могли назваться охотниками до женатой жизни, но въ полкахъ поселенныхъ брачныя узы не казались обременительными, и поэтому обзаводились семьей многiе офицеры даже изъ тѣхъ, которые жили однимъ жалованьемъ. Самый небогатый помѣщикъ, не могшiй дать за дочерью денегъ, всегда имѣлъ возможность посылать ей провизiю, снабжалъ прислугою, и такимъ образомъ женатый офицеръ по крайней мѣрѣ не терпѣлъ недостатка. У женатыхъ проживали обыкновенно свояченицы, и въ иномъ полку имѣлось постоянно значительное женское общество, вслѣдствiе чего завязывались будущiя интимныя отношенiя. Между офицерами и окрестными помѣщиками существовала тѣсная связь, такъ что околодокъ на извѣстное пространство считалъ полкъ чѣмъ-то роднымъ, тѣмъ болѣе, что сосѣдняя молодежь поступала въ него преимущественно. Если, напримѣръ, офицеры пикировались съ офицерами другаго полка, то и барышни считали обязанностью становиться въ враждебныя отношенiя къ сосѣднимъ. Нѣкоторыя изъ дѣвицъ отличались такою приверженностью къ своему полку, что ленты и отдѣлку платья носили по цвѣту киверовъ, и измѣненiе подобной формы казалось имъ нарушенiемъ долга. Нерѣдко дѣвицы вступали между собою въ серьезный споръ о превосходствѣ того или другаго полка не только относительно любезности и образованности офицеровъ, но просто даже выѣзда лошадей, выправки солдатъ, выказывая при этомъ нѣкоторыя познанiя въ службѣ.

При подобныхъ отношенiяхъ трудно представить себѣ, чтобы офицеры не заводили волокитствъ по окрестнымъ помѣщикамъ, и дѣйствительно половина, т. е. за исключенiемъ женатыхъ и кутилъ, увивалась за барышнями, которыя въ свою очередь восхищались — кто красотой, кто ловкими танцами, кто щегольствомъ и тому подобными качествами, отличавшими въ то время молодца-офицера. Часть, разумѣется, самая маленькая, волочилась съ матерiальной

цѣлью, другіе для препровожденія времени, третьи отъ нечего дѣлать, а четвертые для тону и вмѣстѣ для удовлетворенія самолюбія. Волочились и эскадронный командиръ, и моloденькій юнкеръ, и даже остзейскій нѣмецъ, который въ прочихъ случаяхъ ничего не дѣлалъ безъ намѣренія, а тутъ измѣнялъ нѣмецкому правилу и усердно вытанцовывалъ на балахъ и вечеринкахъ. Порой и нѣкоторые полковые командиры изъ холостыхъ пускались въ танцы, но тѣ уже съ болѣе опредѣленной цѣлью, предпочитая барынь, а на дѣвицъ обращали вниманіе только тогда, если послѣднія пользовались соблазнительнымъ титуломъ »богатой невѣсты«.

Описываемый полкъ походилъ на прочіе полки своей дивизіи, имѣя только ту разницу, что окруженъ былъ имѣніями достаточныхъ помѣщиковъ. Мы уже видѣли, что первымъ щеголемъ въ немъ считался поручикъ Балабайкинъ, который круглый годъ разъѣзжалъ по баламъ, ухаживая за всѣми хорошенькими, отбивалъ возлюбленныхъ у товарищей, бѣсилъ всѣхъ статскихъ кавалеровъ и упивался своими побѣдами. По крайней мѣрѣ, по его мнѣнію, онъ не имѣлъ соперниковъ, и лишь на балахъ въ губернскомъ городѣ смущали его иногда пріѣзжіе гвардейцы, передъ которыми онъ почти переставалъ рисоваться и думалъ только объ одномъ, какъ бы не уронить своего достоинства. Перѣловъ, несмотря на чинъ ротмистра, на умѣнье болтнуть кое-что по французски и пробарабанить на фортепіано небольшую пьесу, отодвигался на второй планъ и въ тайнѣ завидовалъ поручику, который ухаживалъ за кѣмъ хотѣлъ и слылъ въ обществѣ образцомъ любезности. Былъ еще одинъ офицеръ, штабъ-ротмистръ Колѣнцовъ, котораго нельзя не причислить къ моншерамъ: во-первыхъ, потому что онъ поминутно употреблялъ это слово, во-вторыхъ, выдѣлывалъ иногда такія вещи, какія не снились самому Балабайкину. Онъ скорѣе принадлежалъ къ категоріи кутилъ, не проявляя однако же ни цинизма, ни наклонностей къ буйству, а напротивъ, охорашивался передъ барышнями и, если не очень нализывался, пожалуй, не прочь былъ и приволокнуться. Ему чрезвычайно понравилась фраза »для тону», входившая какъ-то въ моду въ дивизіи между моншерами, и онъ сперва насмѣхался надъ послѣдними, потомъ началъ сближаться съ ними и, наконецъ, взялъ себѣ за правило озадачивать ихъ самыми нежданными выходками. Всегда прежде исправный офицеръ по службѣ, онъ сталъ удивлять выходками, свойственными развѣ молоденькому мальчику, и, разу-

мѣется, подвергался взысканіямъ. Въ трезвомъ состояніи онъ еще мало обнаруживалъ оппозиціи, но чуть »убилъ муху« или »урѣзалъ«, какъ говорилось, тогда ему хоть трава не расти, и Колѣнцовъ непремѣнно считалъ обязанностью надѣлать штукъ, которыя, несмотря на вредныя для него самого послѣдствія, разсмѣшили бы товарищей. Такъ его одинъ разъ обошли чиномъ поручика...

Разсказывая собственно о моншерахъ, я не касаюсь всего полка, въ которомъ были порядочные люди, хотя, конечно, не въ большомъ количествѣ, а обрисовываю только личности, имѣющія отношенія къ настоящей повѣсти. Конечно, офицеровъ, зараженныхъ моншерствомъ, было нѣсколько, но они еще не успѣли достаточно сформироваться, чтобы вполнѣ перейти въ эту категорію, какъ перешелъ сознательно Балабайкинъ и безсознательно ротмистръ Переѣловъ, странно умѣвшій сочетать педантизмъ служаки съ вертопрашествомъ патентованнаго моншера. По поводу послѣдняго между офицерами завязывались иногда жаркіе споры, куда отнести Переѣлова: къ служакамъ-ли, потому что дѣйствительно эскадронъ его былъ изъ порядочныхъ, или къ »верхолизкамъ«, какъ назывались отъявленные поклонники прекраснаго пола. Въ томъ же полку служилъ одинъ штабъ-ротмистръ Вардаковъ, слывшій за очень умнаго и дѣльнаго человѣка, — по крайней мѣрѣ такого мнѣнія о немъ были большинство товарищей и начальство. Офицеръ этотъ, безъ образованія, любилъ кое-что почитывать и не прочь былъ приводить иногда цитаты для подкрѣпленія своихъ аргументовъ. Но, кажется, не столько это способствовало его авторитету, сколько громкій и рѣзкій голосъ, которымъ онъ, словно трубою, заглушалъ возраженія своихъ противниковъ, вслѣдствіе чего постоянно оставался побѣдителемъ. Вардаковъ слѣдующимъ образомъ выражался о Переѣловѣ.

— Чортъ его знаетъ, какъ и понимать этого человѣка! На службѣ собаку съѣлъ, ѣздитъ отлично, уставъ знаетъ, не пропуститъ ни малѣйшей неисправности, — а заиграла музыка, мелькнула юбка — онъ уже растаялъ, какъ самый молоденькій верхолизка. Первая попавшаяся дѣвчонка будетъ водить его за носъ, и я самъ свидѣтель, какъ онъ ухаживалъ за тринадцатилѣтней дочкой помѣщика Тайтанова. Кто верхолизничаетъ, какъ, напримѣръ, Балабайкинъ, тотъ не смыслитъ ни аза въ глаза въ службѣ, а Переѣловъ и молодцомъ ведетъ эскадронъ, и пускаетъ слюнки передъ каждой юбкой.

Глазолизничать, верхолизничать и еще третьимъ глаголомъ обозначалось ухаживанье или волокитство безъ цѣли, а просто изъ любви къ искусству, въ чемъ упражнялись офицеры особенно съ тѣхъ поръ, какъ ухорство пошатнулось въ своемъ основанiи и уже перестало быть главнымъ мѣриломъ достоинства. Верхолизки служили разсадникомъ моншерства, которое опредѣлялось и облекалось въ замѣтныя формы послѣ значительнаго количества кадрилей, отплясанныхъ на всевозможныхъ вечеринкахъ, начиная отъ поповской свадьбы до баловъ у такъ называемыхъ аристократовъ.

Вардаковъ не принадлежалъ ни къ числу верхолизокъ, ни къ моншерамъ, ни даже къ партiи красносизыхъ носовъ, а представлялъ типъ тѣхъ самозванныхъ ораторовъ, которые, воображая себя мудрецами, а главное обладая громкимъ голосомъ, существуютъ только для того, чтобъ защищать свое мнѣнiе, какъ бы оно ни было нелѣпо, и поставить на своемъ съ помощью неугомоннаго горла. Люди, подобные Вардакову, во всѣхъ слояхъ общества кончаютъ тѣмъ, что прiобрѣтаютъ себѣ кругъ постоянныхъ слушателей и распоряжаются въ немъ деспотически, становясь непогрѣшимымъ авторитетомъ какъ для него, такъ и для новичковъ, не дающихъ себѣ труда вникнуть въ предметъ спора. Нѣсколько офицеровъ поумнѣе, но миролюбиваго характера, хотя и давали Вардакову настоящую цѣну, однако не имѣли охоты пробовать съ нимъ силу горла и не вступали ни въ какiя пренiя, а остальные вѣровали въ него, какъ въ оракула. Балабайкинъ и Переѣловъ просто его боялись, потому что Вардакову ничего не значило разсказать въ обществѣ какiя нибудь смѣшныя ихъ продѣлки. Конечно, здѣсь не было ничего непрiязненнаго, и Вардаковъ трубилъ не съ цѣлью обидѣть товарищей, но любилъ выводить на чистую воду волокитство моншеровъ, чтобъ посмѣяться, а больше показать свое посильное остроумiе. Напримѣръ о Балабайкинѣ, въ присутствiи послѣдняго и какой-нибудь изъ его возлюбленныхъ, онъ выражался громогласно:

— Нашъ Балабайкинъ хорошiй ѣздокъ и добрый товарищъ, но такой отъявленный волокита, что готовъ ухаживать въ одно и то же время за барышней и за горничной. Я самъ былъ свидѣтелемъ подобнаго случая.

И Вардаковъ разсказывалъ одну сцену изъ жизни Балабайкина, гдѣ моншера дѣйствительно барышня, за которой онъ ухаживалъ, застала въ пламенномъ объясненiи съ горничной.

Разумѣется, Балабайкинъ не съ удовольствіемъ выслушивалъ подобныя вещи и всѣми возможными способами старался задобрить горластаго штабъ-ротмистра, который иногда съ особеннымъ рвеніемъ допекалъ моншеровъ, особенно если послѣдніе овладѣвали вниманіемъ прекраснаго пола, что, впрочемъ, случалось обыкновенно. Переѣлова доѣзжалъ онъ его музыкальными уроками, разсказывая, какъ строгій карабинеръ училъ его нотамъ и какъ отдувался бѣдный Валетъ за ошибки своего барина. Положимъ, эти разсказы постоянно бывали одни и тѣ же, однако, тѣмъ не менѣе, ихъ герои не всегда находили умѣстнымъ передаваніе во всеуслышаніе приключеній изъ своей жизни.

Фраза »для тону« повторялась нѣсколькими офицерами и юнкерами, готовыми усвоить моншерскіе принципы, но собственно два человѣка примѣняли ее къ дѣйствительной жизни: Переѣловъ, жертвуя только матеріальными средствами, да Балабайкинъ, который не останавливался ни передъ выговорами начальства, ни передъ арестомъ. Оба одѣвались франтами, съ тою только разницею, что ротмистръ позволялъ себѣ отступленіе отъ формы на балахъ, а поручикъ выѣзжалъ иногда и во фронтъ. О бальномъ его костюмѣ и говорить нечего: у него, напримѣръ, былъ колетъ съ бархатными отворотами, который онъ сдѣлалъ къ одному большому балу, за что и сидѣлъ цѣлую недѣлю на гауптвахтѣ.

Въ описываемомъ полку произошло довольно важное событіе. Полковой командиръ, добрый человѣкъ и большой хлѣбосолъ, выходилъ въ отставку и приготовлялся сдавать полкъ, — обстоятельство, представлявшее въ то время немало затрудненій. Новый полковникъ, прибывшій изъ другаго корпуса, смотрѣлъ какимъ-то нелюдимомъ и весь погрузился въ счеты, желая получить больше съ своего предмѣстника, и потому во всемъ полку закипѣла дѣятельная работа; безпрерывно въ штабъ съѣзжались эскадронные командиры на совѣщаніе, а штабные ни минуты не имѣли покоя, исполняя приказаніе то стараго, то новаго полковаго командира. Когда, наконецъ, дѣло удалось съ помощью начальника дивизіи, все общество рѣшилось дать прощальный балъ прежнему командиру, во-первыхъ, для заявленія единодушной любви къ нему, во-вторыхъ, для показанія новому, что подчиненные умѣютъ цѣнить заслуги начальства. Подписная сумма была живо собрана, назначены распорядители, а Вардаковъ, Переѣловъ и Балабайкинъ поѣхали приглашать помѣщиковъ по окрестности.

Балъ вышелъ на славу. Веселились до упаду. Балабайкинъ рѣшительно пожиналъ лавры: всѣ хорошенькія дѣвицы оказывали ему особенное расположеніе, такъ что Вардаковъ разсердился и обѣщалъ оборвать моншера при удобномъ случаѣ. На проводы полковаго командира собрались рѣшительно всѣ офицеры, даже тѣ, къ кому не весьма благоволилъ онъ, и только недоставало одного штабъ-ротмистра Колѣнцова. Никто не зналъ причины, потому что Колѣнцовъ подписалъ больше многихъ, всѣ видѣли его передъ вечеромъ здравымъ и невредимымъ, и хотя онъ, пожалуй, могъ закутить, однако трудно было предположить, чтобы ему подобная штука пришла въ голову. Генералъ послалъ освѣдомиться. Колѣнцовъ передалъ, что не можетъ пріѣхать по случаю нездоровья. А дѣло было въ томъ, что послѣ какой-то распеканціи Колѣнцовъ далъ товарищамъ честное слово не говорить съ полковникомъ иначе какъ по службѣ.

Балъ заключился шумнымъ ужиномъ, послѣ котораго уѣхали дамы, а офицеры остались пировать до разсвѣта. Тамъ же было рѣшено проводить стараго полковаго командира верхомъ до горы, лежавшей верстахъ въ трехъ отъ селенія. Дѣйствительно, на другой день возлѣ экипажа прежняго начальника скакали офицеры, юнкера и подъѣзжали справа и слѣва разговаривать съ генераломъ и съ генеральшей. Когда въ сопровожденіи шумной свиты карета взъѣхала на гору и всѣ остановились, чтобы еще разъ попрощаться, одинъ юнкеръ закричалъ, что кто-то несется во всѣ лопатки изъ штаба. Всѣ оборотились и узнали Колѣнцова, который летѣлъ, какъ изъ лука стрѣла, на своемъ Коршунѣ. Очевидно, онъ спѣшилъ попращаться со старикомъ, и послѣдній былъ тронутъ. Колѣнцовъ однако же разыгралъ никѣмъ неожиданную сцену. Пріѣхалъ онъ на попонкѣ съ бутылкой шампанскаго въ рукѣ и поклонился генералу. Не успѣлъ послѣдній опомниться, какъ онъ выхватилъ саблю, отбилъ горлышко, осушилъ бутылку, поклонился вновь, поворотилъ направо-кругомъ и пустился назадъ въ карьеръ въ одно мгновеніе ока. Когда товарищи догнали его, онъ объяснилъ, что, обѣщавъ не говорить со старикомъ, онъ сдержалъ слово, но попрощаться пріѣхалъ изъ желанья показать, что позабылъ его несправедливость.

— Лихо, моншеръ, для тону! сказалъ Балабайкинъ. — Вотъ это я люблю.

Колѣнцовъ, посмотрѣвъ на него, покачалъ головою.

— Для тону, да для тону! А что вы дѣлаете для тону?

Пугнете какого-нибудь штафирку или надѣнете лорнетъ на ученье!

— А что же прикажешь дѣлать, моншеръ?

— Пронесемся маршъ-маршъ мимо квартиры полковаго командира! отозвался молоденькій корнетъ.

— И будетъ глупо, замѣтилъ Колѣнцовъ. — Нѣтъ, давай, Балабайкинъ, съ тобою на пари: отмочимъ какую-нибудь штуку для тону.

— Изволь. Я, напримѣръ, проѣду съ дамскимъ зонтикомъ по улицѣ.

— Чортъ знаетъ какая дичь! Господа, кто держитъ дюжину шампанскаго: я на своемъ Коршунѣ проскачу взадъ и впередъ по госпитальному корридору.

— Ай да молодецъ! раздались голоса.

Всѣ подъѣхали, и Вардаковъ началъ утверждать, что Колѣнцовъ этого не сдѣлаетъ.

— Ну, когда не сдѣлаю, дюжина за мною, а проскачу, — ты угощаешь всѣхъ.

— Cela bon, чортъ побери, для тону! сказалъ Переѣловъ съ нѣкоторою завистью, что ему не пришла подобная штука въ голову, и съ грустью, что еслибы и пришла, то ему нельзя было бы исполнить ее въ качествѣ эскадроннаго командира.

Колѣнцовъ подбоченился и поѣхалъ крупной рысью къ селенью, послѣдуемый всѣми товарищами, изъ которыхъ старики разсуждали, что блажитъ малый и нарочно проигрываетъ шампанское. Всѣ, однако, спѣшили за удалымъ штабъ-ротмистромъ, направлявшимся прямо къ госпитальнымъ воротамъ. У входа обыкновенно стоялъ часовой, который, увидя толпу прискакавшихъ офицеровъ, сталъ въ порядокъ, вытянулся и сдѣлалъ »саблю впередъ« для отданія должной почести. Онъ даже не обратилъ вниманія, что, взлетѣвъ на лошади на крыльцо, Колѣнцовъ вскочилъ въ корридоръ и, къ величайшему изумленію больныхъ и здоровыхъ, поскакалъ на другой конецъ по гладко-вымощенному полу. Черезъ минуту онъ возвратился назадъ съ торжествующей улыбкой.

— Молодецъ! Для тону! Лихо! Браво! раздались голоса.

Но по госпиталю распространилась тревога. Дежурный офицеръ смѣялся, хватаясь за бока, но лекарь долженъ былъ послать къ старшему доктору. Смотритель прибѣжалъ въ испугѣ, больные переполошились, и произошелъ необыкновенный скандалъ. Вардаковъ поставилъ дюжину, но Коленцову она

обошлась очень дорого, потому что онъ долженъ былъ перемостить полъ, на которомъ остались глубокіе слѣды отъ подковъ, да келейно обязанъ былъ удовлетворить кого слѣдовало, чтобъ избѣжать формальнаго дѣла. Полковой командиръ по этому случаю ѣздилъ къ начальнику штаба, и Колѣнцовъ просидѣлъ мѣсяцъ на гауптвахтѣ.

Въ губернскомъ городѣ готовился цѣлый рядъ баловъ по какому-то случаю, и какъ въ провинціи балы удаются только тогда, когда много военныхъ кавалеровъ, то въ описываемый полкъ прислали десятка полтора билетовъ и, кромѣ того, нѣсколько именныхъ, въ числѣ которыхъ разумѣется и Балабайкину. Полкъ зашевелился, потому что предстоявшіе балы выходили изъ ряда обыкновенныхъ и требовали какъ формы и костюма съ иголочки, такъ и больше времени, потому что должны были продолжаться почти цѣлую недѣлю. Хотя послѣ кампамента продолжительная отлучка не представляла затрудненій, однако же надо было кому выпроситься, кому достать денегъ, кому перемѣниться караульною очередью и т. п. Балабайкинъ, какъ истый моншеръ, о подобныхъ пустякахъ не заботился: дня за три до перваго бала онъ уѣхалъ, взялъ въ долгъ новенькую форму и принялся за обычный образъ жизни, разъѣзжая по мѣстнымъ аристократамъ съ визитами въ своей коляскѣ съ грумомъ на запяткахъ.

Остановился онъ въ Петербургской гостинницѣ, преимущественно посѣщаемой военными, гдѣ буфетчики, номерные, дворники не только знали всѣ полковыя различія, но и всѣхъ почти офицеровъ и ихъ біографіи. Ближніе помѣщики, особенно семейные, никогда уже тамъ не останавливались, во-первыхъ, во избѣжаніе какого-нибудь происшествія, во-вторыхъ — по отсутствію спокойствія, потому что вокругъ въ номерахъ происходили вещи, пояснять которыя считаю излишнимъ. Балабайкинъ занялъ большой номеръ, съ цѣлью помѣстить въ немъ Переѣлова, и, размѣстивъ удобно всѣ свои принадлежности, приготовился провести пріятно цѣлую недѣлю.

Наканунѣ бала, когда уже гостинница биткомъ была набита пріѣзжими офицерами, передъ вечеромъ какой-то проѣзжій чиновникъ занялъ послѣдній маленькій номеръ по сосѣдству съ Балабайкинымъ. Проѣзжій этотъ, слыша вокругъ пѣсни, шумъ, позвалъ было номернаго и просилъ о возстановленіи тишины, но получилъ отвѣтъ, что здѣсь стоятъ »офицера« и что у нихъ такая уже поведенція. Удовольствовался ли про-

ѣзжій отвѣтомъ, разсудилъ ли, что надо подчиниться обстоятельствамъ и, потребовавъ себѣ ужинать, легъ спать, обѣщая выѣхать на разсвѣтѣ.

Часу въ одиннадцатомъ вечера Балабайкинъ возвратился изъ театра и, отказавшись отъ картежи, ходилъ по своему номеру, обдумывая новую фигуру для мазурки, которою ему хотѣлось блеснуть на балѣ и пустить пыль въ глаза одному изъ губернскихъ львовъ, славившемуся въ этомъ отношеніи. Притомъ же Балабайкинъ былъ немного встревоженъ: въ театрѣ онъ видѣлъ двухъ или трехъ гвардейцевъ, на которыхъ обращены были всѣ бинокли мѣстныхъ »сливокъ« — обстоятельство, всегда отравлявшее самыя лучшія радости нашего моншера.

Вдругъ въ корридорѣ произошелъ шумъ, и раздался особенный звукъ.

— Я вамъ докладывалъ, ваше благородіе, что всѣ номера заняты.

— Я знать ничего не хочу, понимаешь ли ты, моншеръ? возразилъ кто-то спокойно. — Я привыкъ здѣсь останавливаться и иначе не могу.

— Я же чѣмъ виноватъ!

— Какъ, моншеръ! Развѣ ты не знаешь, что меня пригласилъ генералъ-губернаторъ? Ну, извини за обиду: полуимперіалъ за мной. Только номеръ мнѣ непремѣнно.

— Боже мой, что же мнѣ дѣлать? Послѣдній номеръ занялъ недавно проѣзжій.

— А кто онъ?

— Какой-то штатскій.

— Штатскій! И ты, болванъ-моншеръ, не могъ мнѣ сказать! Въ которомъ онъ номерѣ?

— Въ семнадцатомъ, ваше благородіе.

Балабайкинъ отворилъ дверь и увидѣлъ красиваго гусарскаго офицера, который съ хлыстомъ въ рукѣ подошелъ къ сосѣднему номеру и постучался.

— Кто тамъ? раздался изнутри голосъ проѣзжаго.

— Послушай, моншеръ-штатскій: уступи мнѣ свой номеръ.

— Что это такое?

— Я иначе не могу!

Высокій унтеръ-офицеръ появился въ корридорѣ. Но многія двери уже отворились, и офицеры повысовывали головы. Балабайкинъ выскочилъ изъ номера.

— У меня большая квартира, сказалъ онъ, обращаясь къ

гусару: — неугодно ли пока помѣститься со мною? Оставьте проѣзжаго въ покоѣ.

— Благодарю, моншеръ.

— Эй, Пантюшка! ступай помоги вносить вещи, сказалъ Балабайкинъ своему жокею.

Жокей бросился исполнять приказаніе, а гусаръ вошелъ въ номеръ къ Балабайкину.

— Имѣю честь рекомендоваться: корнетъ Самограевъ.

— Поручикъ Балабайкинъ.

— Вы на балъ?

— Даже на три.

— Лихо! Я пріѣхалъ верстъ за триста для тону. Хочу ближе познакомиться съ здѣшнимъ обществомъ. Я только бывалъ здѣсь проѣздомъ и всегда останавливался въ этой гостинницѣ, потому что она военная.

— Пожалуйста, моншеръ, будьте какъ дома. Вы на почтовыхъ?

— На курьерскихъ, моншеръ, я иначе не могу.

— И прекрасно. У меня своя коляска къ вашимъ услугамъ.

— А нельзя ли достать карету для тону?

— Въ самомъ дѣлѣ недурно. Мы завтра разузнаемъ.

— Надо правду сказать, моншеръ, ваши уланы не умѣютъ жить для тону.

Балабайкинъ сперва хотѣлъ было обидѣться, но подумалъ, что дѣйствительно истинный джентльменъ ѣдетъ на балъ въ каретѣ, и отвѣтилъ:

— Да у насъ это не принято.

— То-то не принято! Значитъ мове́.

Въ это время нѣсколько офицеровъ вошли къ Балабайкину познакомиться съ пріѣзжимъ гусаромъ, а поручикъ Сазинъ объявилъ, что у нихъ идетъ стосикъ для препровожденія времени.

— Я въ карты не играю, сказалъ Самограевъ и занялся чисткою ногтей небольшимъ опилкомъ.

— Отчего же? спросилъ Сазинъ. — Это такое интересное занятіе. Вѣрно у васъ въ полку играютъ?

— И очень; но у меня есть болѣе серьезныя занятія.

— Нѣтъ, господа, сказалъ Балабайкинъ: — ступайте себѣ играть, а Самограеву нужно отдохнуть съ дороги, приготовиться къ балу.

— А напрасно, замѣтилъ Сазинъ: — мы съ братомъ сегодня мечемъ неудачно: рублей двѣсти уже проиграли.

Самограевъ оказался ремонтеромъ-дилетантомъ, рыскавшимъ безъ всякой цѣли. Ему видимо понравился Балабайкинъ, и оба моншера по уходѣ лишнихъ завели интимный разговоръ, въ которомъ однако же и тотъ, и другой вдавались поминутно въ хлестаковщину. Кликнувъ своего слугу, завитаго франта, подъ названіемъ Санкюлота, Самограевъ скинулъ дорожную форму, облекся въ шелковый халатъ съ кистями, надѣлъ ермолку, приказалъ разложить на столѣ туалетныя принадлежности и закурилъ трубку изъ дорогаго чубука съ янтаремъ, разлегшись на трактирномъ диванѣ. Не желая ударить лицомъ въ грязь передъ гусаромъ, Балабайкинъ тоже нарядился въ щегольской халатъ и закурилъ богатую трубку.

— Не поужинать ли намъ, моншеръ? обратился онъ къ своему гостю.

— Пожалуй, только я думаю здѣсь мове.

— А не лучше ли одѣться и съѣздить въ Hôtel du Nord?

— Не хочется выходить изъ халата. Мы потребуемъ сюда карту, и я распоряжусь какъ слѣдуетъ. Моншеръ! обратился онъ къ лакею: — сходи, принеси карту и кстати подай сюда буфетчика.

Черезъ нѣсколько минутъ молоденькій помощникъ буфетчика явился съ почтительнымъ поклономъ и подалъ карточку ужина.

— Фи, какая мерзость! отозвался Самограевъ. — Здѣсь ничего ѣсть нельзя порядочному человѣку. Я не понимаю, какъ уланы это терпятъ. Помилуй, моншеръ: котлеты съ горошкомъ, мозги, жаркое гусь! Начто это похоже? Позволь, Балабайкинъ, я распоряжуся ужиномъ.

— Сдѣлай милость, моншеръ, будь какъ дома.

— Буфетчикъ, послушай: подать намъ паштетъ изъ дичи, жаркое куропатки и хорошее мороженое.

— Пашкету вовсе не имѣется, куропатки вышли, а мороженое приготовимъ-съ.

— Знать ничего не хочу, потому что я иначе не могу, гу, гу! Понимаешь? Я не привыкъ ужинать посвински. Я плачу вдвое, только желаю поужинать хорошенько для тону.

— Какъ же пашкетъ...

— Можешь послать въ Hôtel du Nord.

— Это нельзя, ваше благородіе.

— Не разсуждать! Я заказалъ ужинъ. Маршъ! И помни, что корнетъ Самограевъ иначе не можетъ.

Растерянный буфетчикъ вышелъ. Балабайкинъ безмолвно

удивлялся новому пріятелю, и у него уже вертѣлась мысль перейти въ гусары, гдѣ, по всему видно, служили люди лучшаго тона. Самограевъ послалъ приказаніе подогрѣть къ ужину бутылку лафиту и заморозить бутылку шампанскаго, и въ ожиданіи наговорилъ Балабайкину съ три короба о своей стоянкѣ и о своихъ офицерахъ. Балабайкинъ съ своей стороны описывалъ бытъ поселеннаго полка и окрестныхъ помѣщиковъ, но у него недоставало духу прихвастнуть порядкомъ, потому что Самограевъ безъ церемоніи дѣлалъ свои замѣчанія о видѣнныхъ имъ поселенныхъ офицерахъ и рѣшилъ, что между ними трудно встрѣтить истинный тонъ, такъ сказать genre fracas, который изъ всей кавалеріи возможенъ только въ гусарахъ и то въ полкахъ извѣстныхъ.

— Я по всему вижу, что ты, моншеръ, составляешь исключеніе, заключилъ Самограевъ, — и потому мнѣ пріятно сойтись дружески съ тобою.

Балабайкинъ молча протянулъ руку гусару, и на лицѣ его просіяла радость.

— Благодарю тебя, моншеръ; теперь я могу откровенно признаться, что думаю перейти или въ гвардію, или въ гусары.

— Зачѣмъ въ гвардію! Я своего полка не промѣняю ни на какой гвардейскій. Во-первыхъ, тамъ строгости въ службѣ, во-вторыхъ, чтобъ жить весело, надо имѣть огромное состояніе.

— У насъ очень скучно.

— Еще бы, моншеръ, закупориться въ поселеніи! Духъ не тотъ. Положимъ и въ нашихъ полкахъ большая часть офицеровъ мове, — зато отчаянные сорвиголовы.

— Кутить-то мастера и наши.

— Какіе у васъ кутежи! Я видѣлъ, моншеръ, вашихъ ремонтеровъ: просто срамъ, дрожатъ надъ каждой копѣйкой.

— Народъ все небогатый.

— Стало быть дрянь, моншеръ! Они, положимъ, хорошіе люди, но у нихъ за душой нѣтъ ни гроша.

Въ подобныхъ разговорахъ моншеры дождались наконецъ ужина, который былъ принесенъ самимъ буфетчикомъ.

— Я тобой очень доволенъ, сказалъ ему Самограевъ. — Помни, что если чего требуетъ гусаръ, слово »нельзя« должно быть вычеркнуто изъ твоего лексикона. Понимаешь?

— Понимаю, в. б—іе.

— Ступай! Полуимперьялъ за мной!

Братья Сазины оба являлись приглашать Самограева на

стосикъ и божились, что имъ не везетъ ужасно, однако Самограевъ отказалъ на-отрѣзъ и прибавилъ, что играетъ въ карты въ одномъ только случаѣ: если неудастся интересное волокитство.

Послѣ ужина Самограевъ потребовалъ номернаго.

— Послушай, моншеръ, сказалъ онъ ему: — когда проснется штатскій, скажи, чтобъ зашелъ ко мнѣ передъ отъѣздомъ. Скажи, молъ, полковникъ Самограевъ требуетъ.

— Слушаю, в. б—іе.

— Онъ долженъ извиниться передо мной, потому что я иначе не могу. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ну, пошелъ. Полуимперьялъ за мной.

— Это уже будетъ другой.

— Какъ!..

— Одинъ обѣщали, когда изволили ударить меня по уху.

Самограевъ на ночь намазалъ лицо какой-то помадой и предложилъ тоже сдѣлать Балабайкину, который непреминулъ воспользоваться дружескимъ совѣтомъ.

Самограевъ, личность исключительная даже между моншерами, былъ очень неглупъ и порядочно образованъ, но, что называется, напустилъ на себя ультра-моншерство и сперва дурачился въ тѣсномъ кружкѣ, а потомъ это вошло у него въ привычку, и онъ хоть и сознавалъ смѣшное въ иныхъ своихъ выходкахъ, однако зашелъ уже такъ далеко, что не имѣлъ силы отрѣшиться отъ принятой роли. Самограевъ дѣлалъ все »для тону«, но главной черты его шалостей невозможно передать перомъ, потому что она заключалась въ интонаціи и манерахъ, съ которыми произносилъ онъ свои фразы. Такъ иногда приходила ему фантазія повторять по нѣскольку разъ окончаніе каждаго слова. »Я иначе не могу, гу, гу;« »мнѣ это нравится, авится«; »я тебѣ говорю, рю, рю« и т. п. Всѣ эти выходки смѣшили товарищей, изъ которыхъ иные пускались тотчасъ же въ подражаніе, но дурачество Самограева выходило у нихъ чрезвычайно нелѣпо. Каждую офицерскую шалость того времени Самограевъ передѣлывалъ на свой ладъ »для тону« и былъ неистощимо разнообразенъ въ своихъ выходкахъ, доставившихъ ему извѣстность даже между начальствомъ. На смотрахъ порой строгій генералъ, не взирая на свою серьезную мину, часто недовольный исполненіемъ того или другаго маневра, при встрѣчѣ съ Самограевымъ не-

всегда могъ удержаться отъ смѣха. Въ одномъ уѣздномъ городкѣ западныхъ губерній, гдѣ стоялъ полкъ ихъ, въ ненастное время почва превращалась въ невылазную грязь, такъ что перебраться черезъ улицу невозможно было иначе какъ верхомъ и другаго средства не представлялось попасть изъ квартиры въ квартиру. Евреи тотчасъ изобрѣли способъ передвиженія: за ничтожную плату они перевозили желающихъ на спинѣ, и многіе гусары такимъ образомъ совершали даже довольно продолжительныя путешествія. Наконецъ евреи, изъ желанія имѣть большую практику, придѣлывали себѣ на спину нѣчто вродѣ сѣделъ съ веревочными стременами. Разумѣется молодежь не упускала случая пошалить, хотя это возмутительно теперь, но въ то время нѣкоторые шпорили евреевъ, строили иногда въ шеренгу, заставляли ихъ идти въ галопъ, однимъ словомъ находили въ этомъ шумное развлеченіе. Самограевъ для тону выбралъ себѣ отличнаго еврея; но вскорѣ моншеру это надоѣло, потому что стало дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Во время хорошей погоды онъ въ тайнѣ отъ товарищей устроилъ себѣ богатый паланкинъ съ занавѣсками, заключилъ контрактъ съ четырьмя дюжими евреями и послѣ перваго дождя, когда молодежь выѣхала по улицамъ на двуногихъ буцефалахъ, Самограевъ показался въ своемъ красивомъ паланкинѣ въ великолѣпномъ халатѣ, въ ермолкѣ и съ завѣтнымъ янтаремъ, пуская клубы дыма. Зрѣлище было такъ ново и интересно, что самъ полковой командиръ долго смотрѣлъ на него изъ оконъ и только замѣтилъ Самограеву, чтобы онъ ѣздилъ въ сюртукѣ, во избѣжаніе скандала. Долго тѣшился моншеръ для тону, пока кто-то другой не сдѣлалъ паланкина, а послѣ этого тотчасъ же торжественно сжегъ свои носилки и ѣздилъ уже просто верхомъ на евреяхъ. Анекдотовъ о Самограевѣ ходило множество, но были между ними и такіе, которые переходили границу всякаго вѣроятія и дѣлали изъ него сказочнаго героя. Иногда ему самому случалось выслушивать разсказы, переиначенные стоустою молвою, что его чрезвычайно утѣшало, и моншерство наконецъ поглотило всѣ его помышленія Сознавая иной разъ самъ нелѣпость какого-нибудь своего поступка, Самограевъ не могъ однакожъ удержаться. Сначала при первомъ знакомствѣ онъ велъ себя какъ слѣдуетъ и только спустя нѣкоторое время позволялъ себѣ разныя выходки; но послѣ прямо начиналъ своей ролью и не выходилъ изъ нея, потѣшая почтеннѣйшую публику. Дошло наконецъ до того, что если Самограевъ говорилъ

порядочно, не ломался, не употреблялъ своихъ выраженій съ извѣстными пріемами, на него смотрѣли какъ на человѣка въ ненормальномъ положеніи и каждое серьезное слово считали шуткой.

Надобно сказать, что тогда въ кругу помѣщиковъ, особенно въ южныхъ губерніяхъ, при многочисленныхъ съѣздахъ, мужчины по утрамъ долго сидѣли по своимъ комнатамъ, собираясь чаще гдѣ-нибудь въ просторной квартирѣ, и кромѣ записныхъ картежниковъ, по суткамъ продолжавшихъ игру, всѣ занимались болтовней и выходками спеціалистовъ по части шутокъ съ какимъ-нибудь бѣднякомъ или идіотомъ, служившимъ обыкновенно игралищемъ сосѣдей. Но гдѣ появлялся Самограевъ, тамъ слушали только его одного, и онъ иногда вралъ такую ахинею, что помѣщики надрывались со смѣху, тѣмъ болѣе, если онъ избиралъ для своихъ нападеній какую-нибудь не безотвѣтную личность. Самограевъ такъ уже самъ привыкъ къ своей роли, что нерѣдко дома съ человѣкомъ разговаривалъ извѣстной манерой, описывая большимъ пальцемъ впереди себя кругъ по усвоенному издавна обычаю.

Имѣя хорошее состояніе, Самограевъ никогда не стѣснялся относительно исполненія своихъ прихотей, и если даже во фронтъ выѣзжалъ не всегда въ строгой формѣ, то можно себѣ представить его бальные костюмы, особенно гдѣ-нибудь въ захолустяхъ, куда по его соображенію не могло заглянуть высшее начальство. У него былъ доломанъ съ толстыми снурками, между которыми блестѣли крупныя стразовыя пуговицы. Несмотря на уничтоженіе у армейскихъ гусаръ чикчировъ и ботфортъ, Самограевъ носилъ чикчиры, буквально всѣ вышитые золотомъ, ботфорты же заказалъ чисто фантастическіе. какихъ вѣроятно не создавало ни одно воображеніе: переды изъ лакированной кожи, каблуки окованы серебромъ съ золотыми шпорами, голенища бархатныя съ небольшими шелковыми отворотами, на которыхъ болтались кисточки изъ серебряной канители. Въ то время у армейскихъ гусаръ оставались еще вице-мундиры и Самограевъ являлся на балы не иначе какъ въ вице-мундирѣ, въ чулкахъ, башмакахъ и при шпагѣ, разумѣется, гдѣ-нибудь по ярмаркамъ. Временные коменданты уже и не привязывались къ Самограеву, потому что онъ въ сущности былъ добрый малый. Притомъ Самограевъ и ему подобные моншеры имѣли привычку ссылаться на новые приказы, въ силу которыхъ они будто бы надѣвали ту или другую форму.

Проснувшись довольно поздно, моншеры усѣлись въ халатахъ за чай и, покуривая трубки, толковали о предстоявшемъ вечерѣ. Балабайкинъ, довольно впрочемъ несмѣло, заявилъ опасеніе относительно нѣсколькихъ гвардейцевъ.

— Кавалеристы или пѣхота? спросилъ Самограевъ.

— Кажется все пижосы.

— Да хоть бы и кавалеристы, моншеръ, — не обращать на нихъ вниманія, и дѣло съ концомъ!

— Положимъ такъ, да наши дамы очень падки на гвардейцевъ.

— Надобно, моншеръ, показать себя и заставить этихъ франтихъ отдать намъ полную справедливость.

— Притомъ же у насъ въ полку мало тонеровъ, и всего человѣкъ пять говоритъ по французски, да и то съ грѣхомъ пополамъ.

— Я видѣлъ разъ здѣшнее общество: оно очень бонтонно.

— Какъ ты получилъ приглашеніе къ генералъ-губернатору?

— Я, моншеръ, не получалъ никакого приглашенія, а пріѣхалъ просто для тону.

— И къ губернскому предводителю?

— То же самое. Помилуй, моншеръ, они должны за честь считать мое посѣщеніе.

Балабайкинъ уставилъ глаза на собесѣдника: ему казалось, что гусаръ шелъ прямо вопреки приличій. Самограевъ должно быть понялъ это и улыбнулся.

— У насъ такъ, погусарски, моншеръ, сказалъ онъ: — и если ты незнакомъ съ дамами, я тебя представлю какъ моего пріятеля.

— Я знакомъ съ первыми аристократическими семействами.

— Радуюсь твоей радости. Меня только смущаетъ одно... Сказать откровенно?

— Напримѣръ?

— Я хотѣлъ ѣхать въ чулкахъ и башмакахъ при шпагѣ... Но эти гвардейцы!.. Впрочемъ истинный дженльтменъ не долженъ робѣть ни въ какомъ случаѣ. Эй, Санкюлотъ!

Явился камердинеръ.

— Подать мнѣ лучшаго портнаго!

— Здѣсь лучшій военный портной Пырѣевъ вѣроятно заваленъ работой, да онъ и не поѣдетъ, замѣтилъ Балабайкинъ.

— Вотъ вздоръ. Поѣзжай, Санкюлотъ, къ этому Пырѣеву, скажи, молъ гусарскій корнетъ Самограевъ требуетъ, и прибавь для тону, что платитъ безъ торгу. Маршъ!

Въ это время вошли къ Балабайкину нѣсколько товарищей и въ томъ числѣ Вардаковъ, который, потребовавъ трубку и чаю, улегся на широкомъ креслѣ. Самограевъ посмотрѣлъ на него какъ-то непріязненно, тѣмъ болѣе что Вардаковъ явился въ засаленомъ халатѣ, немытый и съ необыкновенно нахальной физіономіей.

— Ну что, Балабашка, сказалъ горластый штабъ-ротмистръ: — приготовляешься плѣнять, побѣждать? А?

— Имѣю уже на три кадрили и на мазурку.

— А мазурку съ кѣмъ, позвольте спросить?

— Съ Тетеркиной.

— Вишь верхолизка!

— А что, моншеръ, эта Тетеркина порядочная? спросилъ Самограевъ.

— Образованная и милая дѣвица, отвѣчалъ Балабайкинъ.

— Только очень уже задираетъ носъ, такъ что и проучить не мѣшало бы, замѣтилъ Вардаковъ.

— Можетъ быть просто дѣвица хорошаго тона? сказалъ Самограевъ.

— Что значитъ хорошій тонъ! закричалъ Вардаковъ. — На балѣ всѣ кавалеры равны, а она перебираетъ. Я сдѣлаю ей исторію — вотъ и все.

— Только не тогда какъ будетъ танцовать со мною, молвилъ спокойно Балабайкинъ.

— А еслибы и тогда!

— Значитъ, надо имѣть исторію со мной.

— Полноте, господа! вмѣшался толстый поручикъ: — гдѣ еще балъ, какъ еще будетъ вести себя Тетеркина, а вы уже готовы поссориться!

— Да что жъ это такое въ самомъ дѣлѣ! горячился Вардаковъ. — Она мнѣ никогда не даетъ слова на мазурку. Что я не франтъ, не болтаю по французски, не умѣю верхолизничать...

Но въ эту минуту вслѣдъ за Санкюлотомъ вошелъ въ нумеръ высокій малый.

— Вотъ портной, сказалъ камердинеръ.

— Ты, моншеръ, самъ хозяинъ? спросилъ Самограевъ.

— Никакъ нѣтъ, в. б—іе, — подмастерье. Нашъ хозяинъ очень занятъ.

— Все равно. Возьми мои новые варшавскіе рейтузы и къ вечеру сдѣлать мнѣ по этой мѣркѣ черные, съ золотыми лампасами, только чтобъ сидѣли какъ вылитые.

— Слушаю. Будутъ готовы. А какого это полка?

— Шампанскаго гусарскаго.

Подмастерье улыбнулся.

— Такого полка не слыхали.

— Много будешь знать, моншеръ, скоро состарѣешься. Но не въ томъ дѣло. Хороши выйдутъ рейтузы, поспѣютъ во время, — получишь полуимперьялъ на водку; испортишь, — не заплачу денегъ. Маршъ!

Подмастерье улыбнулся.

Балабайкину очень непріятно было присутствіе товарищей, которые повидимому стѣсняли Самограева, но выжить ихъ онъ не могъ придумать средства, тѣмъ болѣе что Вардаковъ укоренился въ креслѣ, готовясь произнести какой-нибудь спичъ по поводу Тетеркиной, дѣвы довольно зрѣлой, но за которой, какъ носилась молва, давали сто тысячъ приданаго. Вардаковъ давно уже мѣтилъ на нее, но какъ онъ былъ дуренъ собой и неуклюжъ, то Тетеркина тяготилась даже видѣть его въ числѣ своихъ поклонниковъ.

Между тѣмъ подошли еще офицеры и составилось шумное совѣщаніе относительно костюма: иные полагали не отступать ни на волосъ отъ формы, но нѣкоторые рѣшались явиться въ бальныхъ эполетахъ, съ бальными сабельками и волосы завить по послѣдней модѣ. Кто-то отозвался, что страшный начальникъ штаба заболѣлъ, и вслѣдствіе этого можно было позволить себѣ маленькую вольность въ костюмѣ. Самограевъ молчалъ и только улыбался, потому что онъ еще ни разу въ жизни не одѣвался какъ прочіе, и ему было странно слушать, что этому придавали такую важность кавалерійскіе офицеры. Соскучивъ однако же въ этомъ обществѣ, онъ предложилъ Балабайкину потолкаться по магазинамъ съ цѣлью встрѣтить гдѣ-нибудь хорошенькихъ.

— Нѣтъ ужъ лучше, моншеръ, сказалъ Балабайкинъ, — ты одѣнься какъ слѣдуетъ: я лучше познакомлю тебя съ однимъ домомъ, а оттуда проѣдемъ къ здѣшнимъ львамъ, съ которыми не мѣшаетъ сойтись.

— Штатскіе?

— Да, служатъ, или лучше сказать считаются при генералъ-губернаторѣ. Это, моншеръ, не простые штафирки, а genre fracas.

— Ну, пожалуй, только прежде къ барышнямъ, потому что я давно не волочился.

— Поѣхалъ бы и я съ вами, отозвался Вардаковъ, — да вы, какъ вижу, оба порядочные бонжуры. А что, ребятежь,

обратился онъ къ прочимъ офицерамъ, — не пойдемъ ли ужарить на белендрясѣ?

Всѣ изъявили согласіе и ушли въ бильярдную, а моншеры занялись туалетомъ и въ колясвѣ Балабайкина поѣхали съ визитами.

Балабайкинъ представилъ Самограева въ двухъ аристократическихъ домахъ какъ своего лучшаго пріятеля, и всѣ дамы нашли гусара очень интереснымъ, который дѣйствительно былъ красивый, неглупый малый и на первое знакомство не чудилъ, не ломался, недурно говорилъ по французски и велъ себя очень прилично. Мѣстные львы тоже нашли въ Самограевѣ всѣ условія истиннаго джентльмена, и какъ они оба жили вмѣстѣ и были дружны съ Балабайкинымъ, то обѣщали гусару приглашеніе на прочіе балы.

Моншеры обѣдали за общимъ столомъ, гдѣ Самограевъ погусарски угостилъ всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ шампанскимъ, такъ что самъ Вардаковъ нашелъ его добрымъ малымъ. Но цѣль Самограева была не удовлетвореніе самолюбія, не выпивка для тону, а пріобрѣтеніе себѣ поддержки на случай исторіи съ гвардейцами, о которыхъ онъ за обѣдомъ и пустилъ въ ходъ мысль, что они-де обыкновенно смѣются надъ армейцами при каждомъ удобномъ случаѣ. Подгулявшая компанія уланъ единодушно объявила, что на балѣ у генералъ-губернатора должны хозяйничать мѣстные кавалеры, а не какіе-нибудь чужіе шаркуны.

Къ концу обѣда пріѣхалъ Переѣловъ и съ первыхъ же минутъ не только полюбилъ Самограева, но предался ему душою и послѣ нѣсколькихъ бокаловъ шампанскаго предложилъ гусару быть на ты и танцовать съ нимъ постоянно vis-à-vis. Но въ послѣднемъ предупредилъ его Балабайкинъ, что чуть не привело Переѣлова въ отчаяніе.

Передъ баломъ всѣ легли уснуть для подкрѣпленія силъ, а когда Самограевъ проснулся, портной давно уже ожидалъ его съ новыми рейтузами. Получивъ деньги за работу, подмастерье счелъ ихъ и переминался съ ноги на ногу.

— Я тобой очень доволенъ, сказалъ ему гусаръ.

— В. б—іе изволили обѣщать на водку.

— Ты уже получилъ, моншеръ, полтинникъ.

— Помнится, вы посулили полуимперьялъ...

— Это говорится, моншеръ, для тону.

Къ десяти часамъ всѣ офицеры длинной вереницей потянулись къ дому генералъ-губернатора.

Пышность въ то время начинала уже входить въ провинціи въ обыкновеніе, особенно въ описываемомъ городѣ она сдѣлалась необходимостью извѣстнаго круга, и балъ у инаго мѣстнаго аристократа нерѣдко поглощалъ полугодовой доходъ его. Съ пріѣздомъ генералъ-губернатора, пышнаго вельможи, изнѣженнаго гастронома, роскошь начала доходить до ужасающихъ размѣровъ, такъ что нѣкоторые члены губернскихъ »сливокъ« мигомъ вошли въ неоплатные долги изъ желанія не отстать отъ другихъ, и веселость закипѣла въ городѣ. Разорительнѣе всего въ этомъ случаѣ были дамскіе туалеты и великолѣпные ужины, такъ что принадлежности для первыхъ выписывались изъ Петербурга и даже изъ Парижа, а для вторыхъ нанимались въ столицѣ повара за баснословную цѣну. Строй тогдашняго провинціальнаго общества сохранился до нынѣ и главной преобладающей чертой его было слѣпое подражаніе обычаямъ каждаго новаго начальника. Казалось бы, иному частному и вполнѣ независимому человѣку не предстояло никакой надобности обезьянничать и перемѣнять свои привычки; но такова уже закваска высшаго провинціальнаго общества, что недѣлимыя, его составляющія, изъ всѣхъ силъ стремятся за временнымъ свѣтиломъ и дѣлаются неотступными его спутниками. Генералъ-губернаторъ любилъ поѣсть — и всѣ мѣстные аристократы спѣшили задавать обѣды, а какъ въ провинціи трудно имѣть подъ рукою необходимые припасы, то нерѣдко живые осетры или какіе-нибудь рѣдкіе плоды привозились за сотни верстъ на курьерскихъ. Генералъ-губернаторъ любилъ хорошихъ лошадей — и мѣстные аристократы заводили орловскихъ рысаковъ, закладывали имѣнія, женины брилльянты, чтобъ только не ударить въ грязь лицомъ и не отставать отъ прочихъ. Однимъ словомъ, все высшее общество только и думало какъ бы угодить вельможѣ и быть въ числѣ избранныхъ, то-есть кого приглашаютъ не только на парадные балы, но и на домашніе вечера, въ близкій кружокъ, куда разумѣется попадали весьма немногіе. Генералъ-губернаторъ былъ человѣкъ умный и образованный, но слишкомъ гордый, чтобы допускать сближеніе съ униженными губернскими тузами, разбогатѣвшими — кто посредствомъ взятокъ, кто откупами; съ другой стороны, любя общество, онъ не хотѣлъ быть одинъ и потому окружилъ себя весьма небольшимъ кружкомъ изъ тѣхъ, кого нашелъ порядочнѣе. На маленькихъ вечерахъ онъ и жена его знали всѣхъ гостей, но на большихъ офиціальныхъ балахъ, на которые приглашалось полгорода, хо-

зяева считали обязанностью только раскланиваться привѣтливо и разсыпать мимоходомъ самыя любезныя фразы.

Въ девять часовъ подъѣздъ генералъ-губернаторскаго дома былъ освѣщенъ великолѣпно, и къ нему безпрерывно подъѣзжали разнообразные экипажи отъ щегольской вѣнской кареты до дрянныхъ извозчичьихъ дрожекъ, привозя гостей, изъ которыхъ иные взбѣгали на лѣстницу просто какъ домой, а другіе съ трепетомъ сердца и дрожаніемъ поджилокъ. Дамы, коротко знакомыя съ хозяевами, презрительно оглядывали дамъ, являвшихся два раза въ годъ; львы въ бѣлыхъ галстукахъ съ сожалѣніемъ смотрѣли на джентльменовъ, одѣтыхъ не въ шикарное платье, и даже ливрейное лакейство фамильярно кивало головою тѣмъ, кто былъ вхожъ къ генералъ-губернатору, а незнакомымъ гостямъ выказывало свое холопское высокомѣріе. Дежурные адъютантъ и чиновникъ встрѣчали дамъ въ передней и проводили въ залу, гдѣ волновалась значительная толпа, а на хорахъ играла музыка.

По провинціальному обычаю дамы стояли и сидѣли особо, а мужчины особо; изрѣдка только адъютантъ или мѣстный левъ рѣшались нарушить это обыкновеніе, да пріѣзжіе гвардейцы, бойко скользя по паркету, ходили съ двумя сестрами, считавшимися самыми гордыми и недоступными дѣвицами. Моншеры наши, въ томъ числѣ и Переѣловъ, пріѣхали въ то время, когда хозяйка приказала играть вальсъ, которымъ начинали уже открывать балы вмѣсто полонеза.

Балабайкинъ, какъ человѣкъ, танцовавшій раза два-три съ генералъ-губернаторшей, смѣло подошелъ къ ней, и раскланявшись, представилъ ей своего эскадроннаго командира Переѣлова и искренняго друга Самограева. Послѣдній, проговоривъ нѣсколько французскихъ фразъ, видимо понравился хозяйкѣ, которая очень любезно приняла заѣзжаго гусара. Тутъ же стояла ея наперсница, довольно полинялая, но еще интересная барыня, и генералъ-губернаторша передала ей Самограева.

— Возьми, ma chère, сказала она, — пріѣзжаго на свою отвѣтственность. Уланы — наши всегдашніе гости, они здѣшніе, а гусаръ не имѣетъ никого знакомыхъ. Вы конечно танцуете? спросила она Самограева.

— Непремѣнно, какъ истинный гусаръ, замѣтилъ Балабайкинъ, которому было досадно, что его не удостоили самой простой фразы.

Самограевъ самодовольно осмотрѣлся и отставилъ впередъ

одну ногу, любуясь новенькимъ блестящимъ лампасомъ. Онъ былъ въ вицъ-мундирѣ, почти неотступавшемъ отъ формы, только вмѣсто суконнаго съ бархатнымъ воротникомъ, на которомъ положена была не простая цифровка, а фантастическое шитье, разбросанное прихотливыми арабесками. На шею намоталъ онъ длинную цѣпочку отъ лорнета, изъ-подъ вицъ-мундира болталось множество привѣшенныхъ къ часамъ брелоковъ. Но главное украшеніе Самограева составляла шляпа съ султаномъ, которые впрочемъ были уже отмѣнены у фронтовыхъ офицеровъ, а носились еще подъ шумокъ, особенно моншерами. Султанъ у него былъ дѣйствительно необыкновенный: такое изобиліе перьевъ и такихъ длинныхъ трудно себѣ представить, и Самограевъ нарочно держалъ шляпу лѣвою рукою такъ, чтобъ всѣмъ въ глаза бросался великолѣпный султанъ, дѣланный ему на заказъ въ Варшавѣ за какую-то баснословную цѣну.

— Я еще незнакомъ съ его превосходительствомъ, сказалъ Самограевъ, обращаясь къ хозяйкѣ, — былъ бы счастливъ, еслибъ могъ быть представленъ очаровательнѣйшею изъ дамъ.

Это было проговорено съ такой миной, что будь даже генералъ-губернаторша не такъ хороша собою, она не могла бы не принять на свой счетъ. Она немного сконфузилась, но ее выручила наперсница.

— Очаровательная изъ женщинъ, видите, какъ занята — сказала она — безпрерывно прибывающими гостями, а если позволите, васъ представитъ генералу обыкновенная смертная.

Моншеръ поклонился.

— Я никогда не назвалъ бы васъ простой смертной: вы такъ любезны, у васъ столько изящнаго вкуса, такая жантильность, просто première qualité à la Pompadour.

Хозяйка и ея наперсница разсмѣялись.

— Надо правду сказать, замѣтила послѣдняя, — что эти гусары незамѣнимы. Пойдемте, mon protégé, я представлю васъ генералу. Васъ, monsieur Балабайкинъ, нечего рекомендовать.

Балабайкинъ бряцнулъ шпорами.

— Я имѣю счастье быть знакомымъ и только представлю ротмистра Переѣлова.

— Смотрите, однакоже, господа, въ кабинетѣ сидитъ гроза всѣхъ военныхъ — начальникъ штаба Зворскій.

При этомъ извѣстіи Балабайкинъ смѣшался немного, по-

тому что хотя онъ и не посмѣлъ надѣть неформеннаго платья, однако особенный заказной этишкетъ свой развѣсилъ точь-въ-точь эксельбантъ, полагая навѣрное не встрѣтить начальника штаба. Но раздумывать было некогда, и онъ съ Переѣловымъ отправился вслѣдъ за баронессой, которая вела Самограева.

Въ кабинетѣ сидѣло нѣсколько военныхъ и статскихъ генераловъ, которые переливали изъ пустаго въ порожнее. Генералъ-губернаторъ привсталъ при входѣ офицеровъ. Баронесса отъ имени супруги отрекомендовала ему Самограева, а Балабайкинъ представилъ Переѣлова. Хозяинъ, принявъ ихъ очень любезно и поговоривъ нѣсколько минутъ съ гусаромъ по французски, просилъ молодыхъ людей быть безъ церемоніи и танцовать какъ можно побольше. Зворскій давно уже пристально разсматривалъ всѣ отступленія отъ формы у офицеровъ и не могъ вытерпѣть.

— Вы какого полка? спросилъ онъ, обращаясь къ Самограеву.

— *** гусарскаго.

— Вѣроятно вышла недавно новая форма?

— Недавно, отвѣчалъ моншеръ.

— Удивляюсь, какъ я пропустилъ приказъ. А шляпа съ султаномъ?

— Мы донашиваемъ, ваше пр—во.

— Такъ. А у васъ, поручикъ Балабайкинъ, тоже вышли новые этишкеты?

— Знаете что, генералъ, замѣтилъ хозяинъ: — я желалъ бы видѣть всѣхъ своихъ гостей веселыми и довольными. Пойдемте лучше составимъ партію, а молодежь пусть танцуетъ.

— Я только такъ, в. п—во, сказалъ начальникъ штаба.

Раскланявшись, моншеръ поспѣшилъ выдти въ залу.

Самограевъ предложилъ руку баронессѣ и послѣдуемый Балабайкинымъ съ его эскадроннымъ командиромъ, торжественно шелъ по направленію къ хозяйкѣ, возлѣ которой въ граціозной позѣ стояли два пѣхотныхъ гвардейца, завитые и раздушенные. Балабайкинъ и Переѣловъ тотчасъ же присмирѣли при видѣ петербургскихъ героевъ, но Самограевъ почувствовалъ противоположное стремленіе, гордо выпрямился и распустилъ до полу косицы своего султана. Ловко составленной французской фразой обратился онъ къ хозяйкѣ съ просьбой осчастливить его какой-нибудь кадрилью.

— Очень жалѣю, отвѣчала генералъ-губернаторша, — а должна отказать вамъ, потому что послѣднія двѣ кадрили

отдала гг. гвардейцамъ; но если хотите, могу танцовать съ вами мазурку.

— Почту за счастіе, сказалъ Самограевъ и посмотрѣлъ на гвардейцевъ съ видомъ, что-де не одни вы имѣете право на вниманіе.

Балабайкинъ съ Переѣловымъ только переглянулись. Первый однако же сдѣлалъ шагъ впередъ къ хозяйкѣ дома и сказалъ по французски:

— По крайней мѣрѣ на балѣ у губернскаго предводителя позвольте надѣяться на кадриль?

— Охотно.

Моншеръ отошелъ, охорашиваясь, а Переѣловъ хотѣлъ было и себѣ пригласить важную даму, но оробѣлъ и не могъ проговорить ни слова. Между тѣмъ много гостей уже вальсировало, а вокругъ танцующихъ образовалась густая стѣна зрителей.

Не считаемъ необходимымъ описывать этотъ балъ, похожій на всевозможные балы, да это и не было у насъ въ предположеніи, но представимъ читателю нѣсколько эпизодовъ, поясняющихъ дѣйствующія лица нашего разсказа.

Въ одной изъ гостинныхъ комнатъ, убранныхъ съ большимъ вкусомъ и роскошью, на мягкомъ диванѣ, прислонясь уютно въ уголъ, сидѣла баронесса, возлѣ нея дѣвица Тетеркина, а подальше одна молоденькая дама, ушедшая отъ быстрыхъ танцевъ и рѣшившаяся отдохнуть передъ долговременной мазуркой. Вокругъ на креслахъ и стульяхъ въ болѣе или менѣе живописныхъ позахъ помѣщались Самограевъ, Переѣловъ, Балабайкинъ, мѣстный левъ князь Калгаяровъ и одинъ изъ гвардейцевъ, затянутый въ блестящій мундиръ и обутый въ щегольскіе лакированные полусапожки. Баронесса, фамилію которой рѣдко кто зналъ, извѣстная всѣмъ подъ именемъ Генріеты Карловны, была барыня среднихъ лѣтъ, но во-первыхъ она очень хорошо сохранилась, во-вторыхъ тогда Бальзакъ пустилъ въ ходъ поклоненіе немолодымъ женщинамъ, убѣдивъ львовъ, что сорокъ лѣтъ для женщины — вѣкъ истинной красоты, и только доживъ до этого почтеннаго возраста красавица достигаетъ своего апогея. Генріета Карловна не достигла еще магической цифры, но обладала тайной освѣженія прелестей и, проживая у генералъ-губернаторши въ качествѣ пріятельницы, служила предметомъ всеобщаго вниманія. Полная, бѣлая, съ высокоразвитою грудью, при умѣньи одѣваться къ лицу, Генріета Карловна была недурна собою, и

обладая способностью переливать изъ пустаго въ порожнее, пользовалась репутаціею умной и острой собесѣдницы, каламбуры которой повторялись въ высшемъ обществѣ.

Дѣвица Тетеркина — кумиръ холостяковъ, худощавая дѣвица далеко за двадцать за пять, съ большими черными глазами, съ маленькой ножкой — не такъ еще давно заблистала на горизонтѣ губернскаго свѣта. До двадцати двухъ лѣтъ ее никто не зналъ, потому что она была дочь какого-то неважнаго чиновника и появлялась лишь на вечерахъ купеческаго собранія, гдѣ танцовали съ ней знакомые студенты и канцелярскіе, но не только безъ цѣли сдѣлать ей предложеніе, а даже не удостоивали мимолетнымъ волокитствомъ. Вдругъ, какъ-то неожиданно, досталось ей большое наслѣдство, и съ тѣхъ поръ Тетеркина, попавъ въ высшій свѣтъ, сдѣлалась предметомъ постояннаго поклоненія. Воспитанная на сантиментальныхъ романахъ, на жизнь смотрѣла она съ особенной точки зрѣнія и, влюбившись въ осьмнадцать лѣтъ въ одного красавца-студента, который постоянно насмѣхался надъ нею, долго не могла позабыть своего идола. Когда неожиданное богатство, закруживъ ей голову, сперва перестало уже для нея казаться сновидѣніемъ, когда она узнала настоящую ему цѣну, идолъ ея давно уже былъ женатъ и мало-по-малу началъ изглаживаться изъ ея памяти. Желаніе выйти замужъ снова овладѣло Тетеркиной, но богатая наслѣдница рѣшилась отдать свою руку только по самой страстной любви, и вслѣдствіе этого она была разборчива. Здѣсь не шли въ разсчетъ пожилые совѣтники и полковники, но самую молодежь держала она очень строго, и если иной изъ ея поклонниковъ, для краснаго словца, выражался какъ-нибудь легкомысленно о любви, тотчасъ же терялъ въ ея мнѣніи. Окрестные офицеры ухаживали за нею, но не смѣкали въ чемъ самая суть, а мѣстные львы не могли плѣнить ее, потому что она знала ихъ прежнія шашни, а ей хотѣлось сердца дѣвственнаго, которое только къ ней забилось бы любовью впервые. Вслѣдствіе этой idée fixe Тетеркина преимущественно обращала вниманіе на юнкеровъ и студентовъ, но какъ тогдашняя молодежь не умѣла притворяться, а личность Тетеркиной была не изъ тѣхъ, чтобъ могла вдохнуть обожанье, то и поиски ея за страстно влюбленнымъ мужемъ не подвигались далеко, и она уже начинала сомнѣваться въ существованіи любви, какая описывалась въ романахъ. Ни Правины (»Фрегатъ Надежда«), ни Джелалледины (повѣсть Зенеиды Р.) не попадались ей въ обществѣ, а она была настолько опытна,

чтобы прочихъ поклонниковъ не отнести къ искателямъ богатаго приданаго. Ее даже заглазно сваталъ одинъ вице-губернаторъ, но когда она увидѣла длинную высохшую фигуру нѣмца въ рыжемъ парикѣ, который каждыя пять минутъ набивалъ носъ табакомъ, ей даже сдѣлалось дурно, и мысль быть важной дамой, немного ее занимавшая, отлетѣла безвозвратно. Никакія убѣжденія родныхъ и знакомыхъ не могли поколебать ея рѣшимости, и она прямо отказала высохшему нѣмцу. Въ описываемое время ей нравился немного Балабайкинъ, хотя моншеръ вообще не отставалъ отъ своей привычки и любезничалъ со многими. Съ Тетеркиной онъ нѣженъ былъ собственно потому, что она считалась дѣвицей высшаго круга и кромѣ того имѣла за сто тысячъ приданаго. Появленіе Санограева и двухъ гвардейцевъ измѣнило нѣсколько мысли Тетеркиной, и она рѣшилась кокетничать съ пріѣзжими, вслѣдствіе чего принялась разыгрывать роль веселой и беззаботной, хохотала, острила и вертѣлась какъ шестнадцатилѣтняя дѣвочка. Третья дама была хорошенькая жена одного чиновника особыхъ порученій, которая не любила разговаривать и только хохотала, что бы ни разсказывали.

На этотъ разъ вниманіе всѣхъ мужчинъ, сидѣвшихъ въ маленькой гостиной, обращено было на Тетеркину, и даже Самограевъ, дѣйствовавшій всегда по вдохновенію, думалъ избрать ее предметомъ своихъ преслѣдованій до мазурки, во время которой рѣшился для тону пріударить за генералъ-губернаторшей.

Баронесса постоянно покровительствовала Тетеркиной. Трудно судить, было-ль это изъ привязанности или изъ какихъ видовъ, но всегда и вездѣ Генріета Карловна отзывалась о Тетеркиной самымъ лучшимъ образомъ и всячески старалась устроить судьбу ея, хотя богатая невѣста и противилась этимъ стараніямъ. Предположивъ Самограева богатымъ человѣкомъ, баронесса тотчасъ же вознамѣрилась раскинуть на него сѣти для своей protegée, но затруднялась во-первыхъ, присутствіемъ другихъ поклонниковъ, во-вторыхъ — она не знала понравился ли гусаръ самой невѣстѣ. Не теряя однако же изъ виду своего предположенія, не смотря на неблагопріятную обстановку, боронесса рѣшилась дѣйствовать энергически и завела съ Самограевымъ разговоръ, который, по ея мнѣнію, могъ всетаки служить ея цѣли.

Только-что Перѣловъ окончилъ какой-то безсвязный разсказъ о приключеніи своемъ во время поѣздки изъ полка,

стараясь вводить побольше французскихъ рѣченій, какъ баронесса обратилась къ Самограеву:

— Вотъ вы, гусары, только вѣтреничаете, сказала она: — говорятъ у васъ въ полкахъ небольше какъ по два, по три женатыхъ офицера. А брали бы примѣръ съ нашихъ уланъ.

— Уланъ гусару не указчикъ, это первое; второе — истинный гусаръ долженъ жить для тону.

— А развѣ жениться — не въ тонѣ?

— Смотря какъ жениться. Вотъ пѣхота женится на каждой дневкѣ. Повѣрьте, если встрѣтится приличная партія, порядочный человѣкъ рискнетъ и закается.

Баронесса взглянула на Тетеркину, а послѣдняя опустила глаза и покраснѣла, считая себя приличной партіей.

— Что же у васъ называется приличной партіей? спросила баронесса.

Самограевъ протянулъ ноги, приставилъ къ глазамъ лорнетъ, и нѣсколько секундъ глядѣлъ на свою собесѣдницу.

— Приличная партія требуетъ, чтобы невѣста была не mauvais genre, образована, и... pour la bonne bouche, имѣла не менѣе тысячи душъ.

— Ого! этакихъ невѣстъ немного. А любовь не входитъ въ разсчетъ.

— Безъ любви се тре маль, замѣтилъ Перѣловъ.

— Любовь, говорилъ Самограевъ, не обращая вниманія на слова ротмистра, — штука хорошая, но въ супружествѣ невсегда полезная.

— Какъ? невольно спросила Тетеркина, которая начинала было заинтересовываться Самограевымъ.

— Это ужъ, извините меня, чисто по гусарски, сказалъ гвардеецъ, поглаживая свои полуказенныя, полудипломатическія бакенбарды.

— А позвольте васъ спросить, monsieur, что вы разумѣете подъ словомъ по гусарски? отозвался спокойно Самограевъ, обращаясь къ гвардейцу и наводя на него лорнетъ.

— Я разумѣю... то-есть вы сами очень хорошо знаете, что у васъ въ гусарахъ смотрятъ довольно легло на извѣстныя вещи.

— Можетъ-быть у васъ въ гвардіи.

— Но мы удалились отъ предмета разговора, продолжалъ Самограевъ.

— Да я хотѣла бы знать, сказала Тетеркина, — какъ это любовь мѣшаетъ супружеству?

— Потому что не позволяетъ дѣйствовать разсудку.

— Но какъ же можно жениться или выходить замужъ безъ любви? спрашивала Тетеркина.

— Также точно какъ можно любить, не имѣя намѣренія жениться или выйти замужъ. Очень просто, отвѣчалъ Самограевъ.

— Села маль, отозвался Переѣловъ.

— Вы проповѣдуете ужасныя вещи, monsieur Самограевъ, вымолвила баронесса, — и, вѣроятно, не безъ причины.

— Нѣтъ дѣйствія безъ причины, села веритѐ, вмѣшался Переѣловъ: — это сказалъ какой-то философъ.

— А ты вѣришь, моншеръ, философамъ? Они врутъ, замѣтилъ Балабайкинъ, которому давно хотѣлось сказать что-нибудь.

— Есть такіе добрые люди, сказалъ мѣстный левъ, слушавшій до сихъ поръ небрежно бесѣду окружавшихъ. — Хороши всѣ эти древніе философы, ходившіе въ грязныхъ рубищахъ, жившіе въ бочкахъ, являвшіеся босыми...

— Фи, какая гадость! воскликнула наконецъ, захохотавъ жена чиновника особыхъ порученій: — вы разсказываете гадости.

— Просто историческіе факты. Я внимательно слушалъ интересный споръ о современномъ вопросѣ, какъ ротмистру угодно было упомянуть про философа.

— Но, вы, князь, какого мнѣнія о любви? спросила Тетеркина, искоса поглядывая на Самограева.

Левъ презрительнымъ взоромъ окинулъ всѣхъ собесѣдниковъ, не исключая и пріятеля своего Балабайкина.

— Я не выслушалъ еще всѣхъ мнѣній, но мнѣ кажется, что monsieur Самограевъ не слишкомъ удалился отъ истины. Любовь, какъ описываютъ ее въ въ романахъ, невозможна, а та, что встрѣчается въ жизни — неудовлетворительна.

— Позвольте, замѣтилъ гвардеецъ! — можетъ-быть та любовь, что встрѣчается въ жизни вообще и неудовлетворительна, но которая принята въ порядочномъ кругу, между людьми хорошаго тону...

— Если я говорю о жизни, отвѣчалъ левъ, сдѣлавъ презрительную мину, — то неужели вы полагаете, могу подразумѣвать какое-нибудь мѣщанство или общество нашихъ уѣздовъ?

— Фи! сказала баронесса.

— Надо брать чисто большой свѣтъ въ полномъ значеніи этого слова, молвилъ гвардеецъ, лаская бакенбарды: — именно

тотъ, гдѣ все безукоризненно, гдѣ блестящіе умы сообразили каждую вещь и назначали ей настоящее мѣсто.

Левъ немного сконфузился, но Самограевъ замоталъ правою рукою, описывая спиральные круги указательнымъ пальцемъ.

— Вы хотите сказать, обратился онъ къ гвардейцу, — что на жизнь смотрятъ правильно только въ столичномъ высшемъ кругу общества. Я спорить не буду съ вами даже и для тону. Но позвольте вамъ замѣтить, что аристократъ въ душѣ одинъ и тотъ же въ столицѣ и въ провинціи.

— Я объ этомъ ничего не говорю, отвѣчалъ гвардеецъ съ двусмысленной улыбкой: — во многихъ губернскихъ городахъ избранный кругъ почти тотъ же, что и въ столицѣ, но тамъ онъ очень великъ.

— Но позвольте, господа, этакъ я никогда не выскажу моего мнѣнія о любви, началъ левъ. — Я хотѣлъ только сказать, что пламенная или страстная любовь, о которой мечтаютъ молодыя дѣвицы не должна входить въ разсчетъ при женитьбѣ порядочнаго человѣка

— Ну это ужъ слишкомъ! воскликнула Тетеркина.

— Мнѣ кажется, можно примирить разногласіе, отозвался гвардеецъ: — я принимаю любовь необходимой для брака, но любовь, какъ она понимается въ высшемъ кругу общества.

— Развѣ любовь разбираетъ званія? вмѣшался Переѣловъ. — Села этонné. Конечно необходимо образованіе, нужно говорить по французски, танцовать, играть на фортепьянахъ...

— Все это дичь, моншеръ, перебилъ Самограевъ: — можно говорить по французски, играть на фортоплясѣ и быть мовешкой. Одинъ лишь истинный аристократъ въ душѣ можетъ жить для тону.

— Какое же это все имѣетъ отношеніе къ любви? добивалась баронесса, желавшая выяснить себѣ образъ мыслей Самограева.

— Вы, напримѣръ, способны влюбляться?

Гусаръ замоталъ указательнымъ пальцемъ.

— Всегда способенъ, только боюсь, чтобъ не потерять свободы, которая дороже всего истинному гусару. Ухаживать для тону — готовъ во всякое время.

— Вотъ monsieur Балабайкинъ, я увѣрена, другаго мнѣнія.

— Я могъ бы сильно любить только тогда, еслибы я видѣлъ взаимность, иначе я слишкомъ гордъ.

— Такъ неужели же дѣвица сама должна показать свое чувство?

6*

— Села офансè! замѣтилъ Переѣловъ.

— Такую дѣвицу трудно замѣтить, молвилъ гвардеецъ, — развѣ ужъ съ позволенія сказать — отъявленная кокетка.

— Села ранконтръ, сказалъ Переѣловъ: — у насъ въ полку одному офицеру дѣвица сама объяснилась, и онъ послѣ того сдѣлалъ ей предложеніе.

— Эта дѣвица мове-тонъ, воскликнулъ Самограевъ. — Женщина можетъ кокетничать сколько ей угодно, можетъ дѣлать авансы, но признаваться въ любви первой — фи!

— Всѣ наши разговоры ни къ чему не ведутъ, замѣтила баронесса: — никто изъ кавалеровъ не высказалъ положительнаго мнѣнія о женитьбѣ, а всѣ отдѣлываются только пустыми словами. Антрактъ кончился, заиграла музыка: пора въ залу.

И вся небольшая компанія встала съ своихъ мѣстъ, за исключеніемъ Самограева, который продолжалъ сидѣть, развалясь на креслѣ и протянувъ ноги.

— Здѣсь такъ хорошо, сказалъ онъ, — что я дорого бы далъ, еслибъ можно было остаться для тону...

— Кто-жъ мѣшаетъ? перебилъ Балабайкинъ.

— Нельзя, моншеръ: хозяйка мнѣ всучила на эту кадриль какую-то упитанную дѣвицу.

— Ахъ какой вы насмѣшникъ! проговорила Тетеркина: — съ вами опасно быть знакомой.

— Я иначе не могу...

Но Самограевъ не продолжалъ, потому что всѣ уже вышли изъ комнаты. Нехотя всталъ онъ съ кресла и поплелся въ залу, разсуждая самъ съ собою:

— Если правда, что за этой Тетерей сто тысячъ наличными, — кушъ чортъ побери заманчивый. Не пристроиться ли и не наклеить ли носъ всѣмъ этимъ обожателямъ? Уланье что-то киснетъ передъ нею. Но мнѣ она рѣшительно не нравится.

И вооружась лорнетомъ, Самограевъ отправился отыскивать свою даму.

Мазурка была полемъ торжества для нашихъ моншеровъ, въ особенности выдѣлывали чудеса Балабайкинъ и Самограевъ, такъ что гвардейцы, привлекшіе было вниманіе прекраснаго пола, отодвинулись на второй планъ и съ завистью смотрѣли иа армейцевъ, которыхъ постоянно выбирали во всѣ фигуры. Напрасно петербургскіе элеганты предлагали разныя нововведенія. Самограевъ, танцовавшій въ первой парѣ, от-

вергалъ всякое вмѣшательство и, подстрекаемый успѣхомъ, тутъ же импровизировалъ разнообразныя фигуры.

Окончивъ игру, генералъ Зворскій вышелъ въ залу и съ свойственной ему быстротой замѣтилъ всѣ отступленія отъ формы офицеровъ своего корпуса, за что мысленно рѣшилъ уже наказать провинившихся сообразно съ проступкомъ....

— Довольны ли вы нашей молодежью, в. п—во? спросилъ Зворскій, вытягиваясь во фронтъ передъ хозяйкой дома и заложивъ пальцы правой руки по квартирамъ.

— Чрезвычайно довольна, генералъ: ваши офицеры такіе любезные, и благодаря только имъ оживляются танцы.

— Весьма радъ, говорилъ Зворскій, искоса посматривая на Самограева.

— Ваши офицеры прекрасные молодые люди.

— А какъ вы изволите полагать, наши уступаютъ въ танцахъ гг. гвардейцамъ?

— У васъ много отличныхъ танцоровъ.

— Это правда, в. п—во, гораздо меньше исправныхъ служакъ.

— Развѣ одно мѣшаетъ другому?

— Этого сказать нельзя, и въ наше время дѣйствительно балы не мѣшали службѣ, а теперь...

Какъ нарочно хозяйку выбралъ гвардеецъ и увелъ на средину залы.

И моншеръ съ большимъ еще одушевленіемъ пустился выдѣлывать фигуры мазурки. Подъ конецъ онъ однако жъ усталъ и, надо сказать правду, въ буфетѣ неумѣренно подкрѣпился шампанскимъ, такъ что любезность его истощилась и онъ уже не могъ поддерживать веселой болтовни. Но моншерскіе принципы и здѣсь его не оставили. Наклонясь немного къ своей дамѣ, онъ хотя и не говорилъ ни слова, однако шевелилъ губами и улыбался, для показанія постороннимъ, что онъ съ ней въ короткихъ отношеніяхъ.

Переѣловъ даже приходилъ въ отчаяніе: бывъ нѣсколько разъ въ домѣ генералъ-губернатора, онъ никогда еще не рѣшался просить на кадриль хозяйку, а гусаръ во-первыхъ, танцовалъ съ ней мазурку, а во-вторыхъ обходился безцеремонно.

— Посмотри, сказалъ онъ Вардакову, — полюбуйся: вотъ дьяволъ!

— Ужаснѣйшій угаръ и больше ничего. Видишь, какъ нашоптываетъ ей разныя финтифлюшки.

— Я думаю, что нашъ Балабайкинъ совсѣмъ противъ него пасъ.

— Убирайся ты съ своимъ Балабайкинымъ! Онъ таетъ передъ этой Тетерей, которая водитъ его за носъ и баста.

— Однако они частенько танцуютъ вмѣстѣ мазурку.

— А пусть сдѣлаетъ предложеніе и останется съ носомъ. Дѣвка упрямая и надутая. Надобно бы ее проучить. Не знаю отчего нѣтъ Колѣнцова, а онъ могъ бы выкинуть ей штуку.

Въ это время какъ нарочно пронесся мимо ихъ съ своей дамой Балабайкинъ. Задѣтый за живое громаднымъ успѣхомъ Самограева и обезкураженный холодностью Тетеркиной, которая, подтрунивая надъ нимъ, безпрестанно выбирала высокаго гвардейца, Балабайкинъ старался превзойти себя и удивительно вытанцовывалъ мазурку. Послѣднюю фигуру онъ все время употреблялъ вновь изобрѣтенное имъ па и такъ-сказать проѣзжалъ на шпорахъ отъ одного конца залы до другаго.

За ужиномъ, который приготовленъ былъ на маленькихъ столикахъ, каждый кавалеръ садился возлѣ своей дамы, съ кѣмъ танцовалъ мазурку. Одного Самограева судьба лишила этого удовольствія, потому что его дама въ качествѣ хозяйки должна была обходить всѣхъ гостей и каждому сказать какую-нибудь офиціальную любезность.

За однимъ столикомъ, гдѣ сидѣли Перѣловъ и Балабайкинъ со своими дамами, къ Тетеркиной пристроился гвардеецъ и любезничалъ съ нею напропалую, къ величайшему огорченію ея кавалера, который, истощивъ безполезно всѣ средства къ заявленію своего неудовольствія, злился и молилъ судьбу, чтобъ только товарищи не замѣтили его неудачи. Видѣлъ ли Самограевъ это обстоятельство или не видѣлъ, но, соскучась одиночествомъ, подошелъ къ своему новому пріятелю и ударилъ его по плечу.

— Ты кажется, моншеръ, не въ своей тарелкѣ? сказалъ онъ.

— Усталъ, Самограевъ: поминутно выбирали.

— Что же это, моншеръ, ты позволяешь другимъ любезничать съ твоей дамой? шепнулъ гусаръ: — у меня этотъ щеголь скоро потерялъ бы охоту пользоваться чужой собственностью.

— Право, моншеръ, не хочется заводить исторію, тѣмъ болѣе что, говоря откровенно, я здѣсь равнодушенъ: мой предметъ далеко отсюда.

— Все равно, если я ухаживаю и для тону, никто не

смѣй становиться мнѣ на дорогѣ. Это мовѐ, и еслибъ ты служилъ у насъ въ гусарахъ, тебя осмѣяли бы товарищи.

Балабайкинъ сидѣлъ какъ на иголкахъ. Положимъ, Перѣловъ, занятый составленіемъ французскихъ фразъ, не замѣтилъ положенія моншера; пусть даже Самограевъ, мнѣніе котораго было дорого для Балабайкина, видѣлъ ясно предпочтеніе, оказываемое гвардейцу; но это все еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ, еслибы прочіе товарищи замѣтили его отставку, то есть полученіе носа именно въ то время, когда онъ подготовлялъ торжественную побѣду, которою заблаговременно хвасталъ въ кругу товарищей. Не успѣлъ онъ подумать объ этомъ, какъ уже судьба послала ему самое горькое испытаніе. Вардаковъ, весь вечеръ находившійся въ раздраженномъ состояніи и куликнувшій довольно неумѣренно, давно уже искалъ случая придраться къ Тетеркиной и усѣлся поближе къ ней, подобравъ себѣ компанію изъ нѣсколькихъ офицеровъ. Наблюдая за Тетеркиной и увидавъ, что любезность ея относилась не къ товарищу-сопернику, а къ заѣзжему гвардейцу, Вардаковъ ощутилъ нѣкоторое удовольствіе, и хоть душа его не переставала требовать мести за оскорбленіе самолюбія, однако месть эта сдѣлалась гораздо легче и наконецъ перешла только въ желаніе подсмѣяться надъ Балабайкинымъ. Вслѣдствіе этого горластый штабъ-ротмистръ всталъ и подошелъ къ нашему моншеру.

— Ну что, Балабашка, сказалъ онъ по обычаю громко: — доволенъ ли своимъ вечеромъ?

— Какъ тебѣ сказать?..

— Да что тутъ говорить! Видно явились почище бонжуры, что спустилъ носъ на квинту — вотъ и все.

Балабайкинъ боялся уже не за то, чтобъ Вардаковъ не замѣтилъ его печальнаго положенія, а страшился скандала со стороны послѣдняго, такъ какъ Вардаковъ не стѣснялся никакими приличіями.

— Балъ былъ такой веселый, началъ онъ.

— Разсказывай! Знаемъ мы твою веселость. Тàкъ тебѣ и надо! впередъ будешь умнѣе.

Балабайкинъ очень хорошо понималъ къ чему клонилась рѣчь Вардакова, но жертвуя своимъ самолюбіемъ, онъ уже не оспаривалъ, а придумывалъ средство, какъ бы приличнѣе отдѣлаться отъ угрожавшей опасности.

— Я вѣдь говорилъ тебѣ, продолжалъ Вардаковъ, — не связывайся съ тѣми, кто задираетъ носъ высоко.

Рѣзкій и громкій голосъ Вардакова непріятно подѣйствовалъ на Тетеркину, которая оборотилась и, вѣроятно опомнившись, что оставила безъ вниманія присяжнаго кавалера, начала разговаривать съ Балабайкинымъ. Послѣдній повеселѣлъ немного и невольно взглянулъ на Вардакова.

— Послѣ ужина горчица! проговорилъ горластый штабсъ-ротмистръ.

Но тутъ очень кстати явилась баронесса и предупредила исторію, могшую принять непріятное направленіе. Она намекнула кавалерамъ, что хотя и не предполагалось никакого тоста за ужиномъ, но не мѣшало бы выпить за здоровье хозяйки, которая такъ радушно принимала своихъ посѣтителей. Кавалеры поспѣшили схватить свои бокалы, и скоро генералъ-губернаторшу окружила толпа съ шумными восклицаніями.

Послѣ ужина, вопреки провинціальному обычаю, танцевъ не было и гости начали разъѣзжаться.

Когда моншеры начали спускаться съ лѣстницы, Самограевъ, бренча по ступенькамъ распущенною саблею, — пріемъ, въ то время принадлежавшій моншерамъ, потому что порядочные офицеры пѣшкомъ носили ее на крючкѣ, — обратился къ Балабайкину.

— Знаешь ли, моншеръ, сказалъ онъ: — я придумалъ великолѣпную штуку.

— Напримѣръ?

— Завтра для развлеченія поѣдемъ къ Тетеркиной, я приглашу ее на мазурку и сдѣлаю ей предложеніе.

— Какъ!..

— Просто для тону! Неужели ты думаешь, что Самограевъ рѣшился бы жениться на этакой картофели?

Балабайкинъ, который не могъ еще простить Тетеркиной предпочтенія, нѣсколько обрадовался.

— Да ты шутишь? проговорилъ онъ, когда гусаръ приказалъ кричать экипажъ Самограева, и два-три голоса повторили это приказаніе.

— Стану я шутить! Притомъ же, кажется, она пожала мнѣ руку...

— Однако ты позабылъ, что мой кучеръ не знаетъ твоей фамиліи? Постой-ка, я скомандую.

Когда раздался крикъ: »экипажъ поручика Балабайкина!« коляска мигомъ подъѣхала, и моншеры поплелись по ужаснѣйшей мостовой къ своей гостинницѣ.

— Такъ ты не шутя, Самограевъ, готовъ отколоть для тону отличную штуку?

— Я иначе не могу, гу, гу!.. Только ты пожалуйста никому не разсказывай.

Всѣ вообще офицеры были утомлены порядочно, и потому, добравшись до номеровъ, поспѣшили залечь, и даже самые записные картежники рѣшились отложить до утра свое обычное занятіе.

Моншеры проснулись позже другихъ и какъ только за чаемъ Самограевъ завелъ разговоръ о хорошенькихъ, которыхъ замѣтилъ на вчерашнемъ балѣ, то Балабайкинъ подумалъ, что вѣроятно гусаръ позабылъ свое предположеніе, высказанное вполпьяна, спускаясь съ лѣстницы.

— А что же, моншеръ, поѣдемъ къ Тетеркиной? спросилъ онъ.

— Непремѣнно, и ты посмотришь, какъ я сыграю свою роль.

— Мнѣ все не вѣрится, Самограевъ; притомъ же она не такая дѣвица, чтобы можно было позволить съ ней обидную шутку...

— Какъ я вижу, моншеръ, вы просто прокисли въ своихъ поселеніяхъ... Дай мнѣ только завиться и вычистить ногти, а то они съ трауромъ по королевѣ мадагаскарской, — и ты увидишь, какъ обдѣлываютъ дѣла истинные гусары.

Самограевъ кликнулъ Санкюлота, которому велѣно было приготовить знаменитый доломанъ, фантастическіе чикчиры, ботфорты и всѣ принадлежности самаго торжественнаго туалета. Послѣ этого гусаръ, занявшись чисткою ногтей, началъ развѣдывать про обстановку Тетеркиной и къ удовольствію узналъ, что она принимала гостей почти одна, ибо хотя при этомъ и присутствовала старушка тетка, однако глухота послѣдней гарантировала вообще отъ всѣхъ дальнѣйшихъ пересудовъ и перетолковъ.

— Ну, а если Тетеркина приметъ твое предложеніе? спросилъ серьезно Балабайкинъ.

— А ты, моншеръ, испугался, ха-ха-ха! Утѣшься, я постараюсь сдѣлать предложеніе такимъ образомъ, чтобы она попросила сроку обдумать.

— Я ничего... мнѣ все равно...

Пришло нѣсколько посѣтителей посмѣяться надъ неудачей Балабайкина, возвратился и Переѣловъ, который съ ранняго утра уходилъ куда-то за покупками, но моншеры, не сообщая

никому своего плана, начали одѣваться и часу во второмъ выѣхали съ визитами.

Когда пріятели позвонили у Тетеркиной, она была уже одѣта и приняла ихъ чрезвычайно любезно, хотя человѣку болѣе внимательному чѣмъ моншеры нетрудно было замѣтить принужденность въ каждомъ ея словѣ. Она какъ будто прислушивалась къ стуку каждаго проѣзжавшаго экипажа. Начался пустой, ничего незначащій разговоръ, темой котораго служилъ вчерашній балъ. Черезъ нѣсколько минутъ однако же Тетеркина оживилась, и хотя косвенно, однако несовсѣмъ умѣренно начала хвалить любезность гвардейцевъ.

— Неужели вы не допускаете любезности и въ арміи? спросилъ Самограевъ.

— Я этого не сказала.

— Но подумали!.. Вѣрьте, что и армейскія, особенно кавалерійскія сердца умѣютъ биться при встрѣчѣ съ достойной и прекрасной особой...

Тетеркина взглянула какъ-то особенно на Самограева, который сидѣлъ, скрестивъ руки и положа ногу на ногу.

— Чувствамъ этимъ вообще трудно вѣрить скорѣе, нежели столичнымъ любезностямъ.

— Я не могу васъ понять, monsieur Самограевъ: вчера вы проповѣдывали совсѣмъ другое.

— Въ большомъ обществѣ не говоришь всего что на сердцѣ.

— Вы отвергали даже любовь...

— Отвергалъ для тону. А между тѣмъ видѣлъ тамъ особу, красота, любезность и вкусъ которой...

Онъ какъ будто замялся, вынулъ лорнетъ и навелъ его на Тетеркину, покраснѣвшую отъ неожиданнаго оборота разговора.

— Вѣроятно генералъ-губернаторша?..

— Къ сожалѣнію дѣвица.

— Отчего же къ сожаленію?

— Оттого что она легко можетъ не повѣрить... Да вотъ напримѣръ еслибы я вамъ сказалъ, что я васъ люблю больше всего въ мірѣ, что я страдаю...

Тетеркина окончательно смѣшалась, тѣмъ болѣе что тутъ же торчалъ Балабайкинъ, который издали напѣвалъ ей о нѣжности. Но и ее, и Самограева спасъ отъ скандала новый звонокъ, вслѣдъ за которымъ въ гостиной появился вчерашній гвардеецъ. Твердой поступью подошелъ онъ къ хозяйкѣ, освѣ-

домился о здоровьи и развязно сѣлъ на указанное кресло, слегка поклонившись моншерамъ. Черезъ минуту робко вошелъ Перѣловъ, и затѣя Самограева не могла уже исполниться. Гусару даже не удалось воспользоваться и мазуркой, которая вчера еще обѣщана была гвардейцу.

Когда пріятели садились въ коляску, Балабайкинъ замѣтилъ, что не помѣшай посѣтители, штука удалась-бы отлично.

— Развѣ, моншеръ, ты не замѣтилъ, что Тетеркина глупа и мове во всѣхъ отношеніяхъ? Притомъ же она должно быть очень скупа, потому что отъ нея несло московской помадой... Поѣдемъ лучше, моншеръ, являться къ коменданту: не будетъ ли веселѣе?..

Балы у губернскаго предводителя и еще у одного аристократа не отличались ничѣмъ отъ генералъ-губернаторскаго, но имѣли особую важность только для Балабайкина, потому что Тетеркина успѣла влюбиться въ одного изъ гвардейцевъ, который предложилъ ей руку, сердце и чинъ штабсъ-капитана. Балабайкинъ, какъ истинный моншеръ, не показалъ даже виду, что это ему непріятно, и тутъ же началъ ухаживать за какой-то молоденькой дѣвушкой и первый распустилъ подъ рукою, что сто тысячъ приданаго не болѣе какъ пуфъ. Вѣсть эта достигла чудовищныхъ размѣровъ по разнымъ гостинымъ. Моншеру хотѣлось только отбить у Тетеркиной жениха, который однако жъ вѣроятно навелъ болѣе положительныя справки и съ удвоенной нѣжностью преслѣдовалъ предметъ своего поклоненія.

Отпировавъ всѣ балы, на которые не по формѣ являлся одинъ Самограевъ, моншеры сблизились между собою такъ, что разставаться имъ было довольно грустно, особенно Балабайкину съ гусаромъ. Новые пріятели однако жъ рѣшили, что Балабайкинъ подастъ переводъ для совмѣстнаго служенія съ Самограевымъ, который назовется его двоюроднымъ братомъ. При переходѣ изъ одного полка въ другой требовались уважительныя причины, то-есть близкое родство, безъ котораго переводъ могъ состояться только тогда, если этого желало само начальство.

По возвращеніи въ полкъ Балабайкинъ поспѣшилъ подать переводъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, въ губернскомъ городѣ пошатнулась его репутація — допущеніемъ отбить у себя невѣсту, во-вторыхъ, товарищи безпрестанно допекали ему этимъ обстоятельствомъ. На время, пока шла переписка, Балабайкинъ выпросился въ отпускъ, прожилъ довольно долго у ма-

тери и когда уже вышелъ переводъ, тогда только счелъ обязанностью прибыть въ полкъ и угостить на славу прежнихъ товарищей.

Надѣвъ красивую форму —скаго гусарскаго полка, Балабайкинъ еще нѣсколько дней порисовался въ сосѣднемъ губернскомъ городѣ, въ особенности передъ Тетеркиной, которая приготовлялась къ свадьбѣ. Обѣ эти личности находили удовольствіе пикироваться и пускались иногда въ такія глупыя разсужденія, что, несмотря на обыкновенную дичь, преобладавшую въ разговорахъ большаго свѣта, ораторство это казалось невыносимымъ. Самый избранный губернскій левъ Кошельковъ никогда не несъ такой ахинеи, какую пускалъ Балабайкинъ подъ вліяніемъ неудавшагося волокитства. Зато моншеръ въ новомъ нарядѣ произвелъ большой эффектъ въ домахъ сосѣднихъ помѣщиковъ, куда ѣздилъ съ прощальными визитами. По немъ нѣкоторыя дѣвицы просто страдали, и надарили ему множество сувенировъ, что чрезвычайно польстило его самолюбію.

По пріѣздѣ въ новый полкъ Балабайкинъ не засталъ Самограева, который рыскалъ гдѣ-то въ качествѣ ремонтера; но общество офицеровъ приняло его привѣтливо, и онъ съ первыхъ же дней началъ моншерствовать, задавая тону. Служба въ полевыхъ полкахъ была гораздо легче нежели въ поселеніи, а потому Балабайкинъ, при отличномъ умѣньи ѣздить и при кое-какихъ познаніяхъ во фронтѣ, прослылъ хорошимъ служивымъ.

Къ осени явился и Самограевъ, который, поиздержавшись значительно и промахнувшись на ремонтѣ, рѣшился прожить цѣлый годъ въ полку для поправленія обстоятельствъ. Ему нетрудно было устроить назначеніе въ одинъ эскадронъ съ Балабайкинымъ, и тутъ-то моншеры въ мѣстечкѣ, окруженномъ помѣщиками, собирались вполнѣ развернуть свою дѣятельность.

Недалеко отъ эскадроннаго штаба въ богатомъ имѣніи графа М*** жилъ управляющій, скромный дворянинъ, обремененный большимъ семействомъ. У него были двѣ взрослыя дочери, изъ которыхъ меньшая слыла красавицей и сводила съ ума офицеровъ. Молодежь безпрестанно навѣщала управляющаго, всѣ наперерывъ ухаживали за хорошенькой Машей, однако никто и не думалъ о предложеніи. Самограевъ тоже былъ въ числѣ ея поклонниковъ и даже пользовался расположеніемъ дѣвушки, хотя волочился для тону и только замѣчая, что кто нибудь начиналъ перебивать ему дорогу, дѣлалъ Машѣ полу-

серьозные намеки. Старикъ управляющій видѣлъ все это, и по свойству ли своего миролюбиваго характера, увѣренный ли въ красотѣ дочери — удерживался высказать молодымъ людямъ неумѣстность частныхъ визитовъ. Въ околодкѣ трубили о сговорѣ Маши то за одного, то за другаго изъ офицеровъ, даже поздравляли ее, но дѣло не подвигалось ни на волосъ впередъ, и самый пламенный ея обожатель увлекся какой-то княжной и неожиданно уѣхалъ за ремонтомъ. Маша плакала, грустила послѣ отъѣзда Самограева и начала вести себя осторожнѣе съ прочими офицерами.

Самограевъ тотчасъ же сообщилъ Балабайкину о своемъ романѣ и выразился, что еслибъ Маша была не такого темнаго происхожденія да имѣла тысячъ пятьдесятъ приданаго, онъ незадумался бы жениться. Балабайкинъ зналъ Машу и принимался уже волочиться за нею, но дѣвушка держала себя такъ, что въ полку никто не могъ похвалиться ея особеннымъ вниманіемъ. На другой или на третій день своего пріѣзда Самограевъ предложилъ пріятелю отправиться къ Машѣ провести вечеръ. Балабайкинъ согласился съ удовольствіемъ.

Лѣтнимъ вечеромъ по берегу извилистой рѣчки ѣхали моншеры въ открытой коляскѣ, и Самограевъ разсказывалъ Балабайкину нѣкоторыя подробности изъ своего волокитства за Машей и признавался, что, несмотря на ухаживанье для тону, были моменты, когда онъ серьезно думалъ сдѣлать этой дѣвочкѣ предложеніе.

— Она дѣйствительно очень хороша, замѣтилъ Балабайкинъ.

— Восхитительная, моншеръ, особенно физика, чортъ возми!

— И я удивляюсь, какъ она до сихъ поръ не вышла замужъ.

— Голь, — вотъ вся бѣда.

— Что жъ, ты опять примешься за старое?

— Врядъ ли, моншеръ. Мы были съ ней въ отличныхъ отношеніяхъ, да я разомъ покончилъ, увлекся одной княжной для тону и уѣхалъ за ремонтомъ. Въ обожателяхъ, я думаю, нѣтъ недостатка: не только офицеры, но и юнкера присутствуютъ тамъ на безсмѣнныхъ ординарцахъ. Выходила бы замужъ лучше было бы.

— Повѣса ты, Самограевъ.

— Я иначе, моншеръ, не могу, гу, гу.

Когда коляска подъѣхала къ деревянному дому, занимаемому управителемъ, вся семья за исключеніемъ Маши выбѣ-

жала на встрѣчу Самограеву, потому что его всѣ любили, въ особенности меньшія дѣти, которымъ онъ возилъ гостинцы. Мелюзга эта повторяла его фразы и пищала разными голосами. Самограевъ дружески со всѣми поздоровался и представилъ Балабайкина.

— Мы уже имѣли удовольствіе видѣть ихъ у себя, сказала хозяйка и попросила гостей въ залу, чай пить.

— А гдѣ же Марья Константиновна?

— Маса замузъ идетъ! обозвался черноглазый мальчуганъ.

— Какъ?

— Для тону, отвѣчала кудрявая дѣвочка лѣтъ одиннадцати.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ старикъ: — третьяго дня былъ сговоръ.

— За кого это? спросилъ Самограевъ нѣсколько измѣнившимся голосомъ.

— За Готлиба Крестьяныча, нашего почтеннаго аптекаря.

Самограевъ не сказалъ ни слова, и всѣ вошли въ залу.

— Гдѣ же наши женихъ съ невѣстой? хлопотала мать. — Гриша! бѣги отыщи ихъ по саду и скажи Машѣ, что пора чай пить и старый молъ знакомый пріѣхалъ.

Мальчуганъ побѣжалъ исполнить приказаніе.

Усѣвшись поближе къ столу и закуривъ трубку, Самограевъ пустился разсказывать свои ремонтерскія похожденія, но какъ ни старался онъ казаться веселымъ, не могъ замаскировать своего волненія и безпрестанно поглядывалъ на дверь балкона. Старшая сестра Маши, недурная собой дѣвушка, очевидно знавшая многое изъ отношеній сестры къ Самограеву, съ какимъ-то сожалѣніемъ смотрѣла на моншера и казалось одна не рада была его посѣщенію. Но вотъ на балконѣ послышались шаги, зашумѣло легкое платье, и въ залу вошла высокаго роста стройная блондинка, съ откинутыми назадъ локонами. Прямо, безъ жеманства подошла она къ Самограеву и дружески поздоровалась.

— Давно ли въ нашихъ мѣстахъ? спросила она.

— Недавно. А васъ можно поздравить? сказалъ нѣсколько иронически Самограевъ.

— Можно.

— Отъ души поздравляю. Гдѣ же вашъ избранный?

— А вотъ кажется откашливается на крыльцѣ.

Черезъ минуту вошелъ небольшого роста господинъ въ парикѣ, отъ котораго несло всевозможными духами, какіе только существуютъ въ уѣздной аптекѣ.

— Рекомендую, господа, это будущій зять нашъ Готлибъ Крестьянычъ, прошу любить и жаловать, сказалъ хозяинъ.

Балабайкинъ поклонился, а Самограевъ подалъ ему руку, какъ знакомый. Когда его начали поздравлять, добрякъ немного сконфузился, потому что при его невзрачной фигурѣ, въ пятьдесятъ лѣтъ жениться на молодой красавицѣ, ему самому казалось нѣкотораго рода преступленіемъ. Онъ зналъ очень хорошо, что рѣдкій офицеръ въ полку не ухаживалъ за его невѣстой, а Самограевъ просто считался ея женихомъ.

Готлибъ Крестьянычъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ нѣмцевъ, которые, родясь и выросши въ провинціи, теряютъ большую часть жесткихъ нѣмецкихъ качествъ, оставляя только аккуратность, любовь къ пиву, сигарѣ и сантиментальность. У столичныхъ нѣмцевъ, напримѣръ, послѣднее проходитъ очень скоро, но у обрусѣлыхъ провинціаловъ держится очень долго. Въ пятьдесятъ лѣтъ Готлибъ Крестьянычъ читалъ Вертера со слезами и могъ влюбиться подобно юношѣ, что онъ и доказалъ на дѣлѣ. Случай вышелъ очень простой. Маша какъ-то гостила у своей двоюродной сестры возлѣ города и, простудившись, заболѣла. Въ это время случился тамъ Готлибъ Крестьянычъ и предложилъ свои услуги. Дѣвушка хворала съ недѣлю, аптекарь ежедневно посѣщалъ ее, возилъ лекарства и ухаживалъ какъ за дочерью. Какъ-то вечеромъ больная сидѣла вдвоемъ со своимъ докторомъ, и они разговорились о людяхъ, о волокитствахъ, о непостоянствѣ молодыхъ людей и такъ далѣе. Маша не питала ни къ кому особенной привязанности, ей нравился когда-то Самограевъ, но онъ показалъ очень ясно, что его ухаживанье было безъ цѣли, а послѣ него хоть и встрѣчались офицеры, увѣрявшіе въ пламенной любви, однако цѣль ихъ Маша уже понимала изъ безцеремонныхъ намековъ... Кромѣ того въ семьѣ начали раздаваться сперва глухія жалобы, а впослѣдствіи довольно явственныя, что посѣщеніе гостей разорительно, а понятно, гости пріѣзжали собственно для Маши. Несмотря на свою доброту, однажды мать выразилась въ такомъ смыслѣ, что »ты-де приманиваешь толпу, кокетничаешь, а не сумѣла выбрать жениха. Меньшія сестры подрастаютъ, братьевъ нужно отдавать учиться, а мы проѣдаемъ и пропиваемъ доходы.« Вслѣдствіе этого Маша и уѣхала къ двоюродной сестрѣ въ деревню, вблизи уѣзднаго города. Заведя интимный разговоръ съ аптекаремъ, какъ тонкая женщина, понявъ тотчасъ же, что старикашка растаялъ, она рѣшилась окончательно поко-

рить старика холостяка, но считала необходимымъ предварительно узнать, имѣетъ ли онъ порядочное состоянiе. Готлибъ Крестьянычъ, влюбленый уже до-нельзя, объявилъ всѣ свои банковые билеты, сумма которыхъ была достаточна, чтобъ при безбѣдной жизни пользоваться кое-какими удовольствiями, и робко сдѣлалъ предложенiе, обѣщая лелѣять Машу и баловать какъ ребенка. Разумѣется, дѣвушка сослалась на папеньку и маменьку, но съ своей стороны изъявила согласiе. На другой же день двоюродная сестра поѣхала къ старикамъ объяснять дѣло, и счастливый Готлибъ Крестьянычъ сталъ женихомъ Маши. Все это совершилось довольно скрытно, и въ полку еще ничего не знали.

Смотря на красавицу-невѣсту, Балабайкинъ разсчитывалъ, что когда она выйдетъ замужъ и поселится въ уѣздномъ городѣ, всѣ офицеры станутъ жить при штабѣ, и тогда-то пойдетъ настоящее волокитство. Но Самограевъ думалъ совершенно иначе. Полгода почти онъ пользовался взаимностью дѣвушки, которая хоть и не признавалась ему открito въ любви, но позволяла цѣловать ручку, искала съ нимъ уединенной бесѣды, охотно слушала намеки монпера, который въ иныя минуты разсуждалъ, что онъ непрочь подумать и о семейной жизни. Однимъ словомъ Самограевъ разволновался и, позабывъ свое монперство, неволъно дѣлался человѣкомъ.

Маша однако же старалась быть веселой, заливалась своимъ звонкимъ смѣхомъ и шутила то съ Балабайкинымъ, то съ Самограевымъ, но такъ, что шутки ея не огорчали жениха, а напротивъ вызывали и у него веселую улыбку.

Послѣ чаю, когда общество удалилось отъ стола, улучивъ удобную минуту, Самограевъ шепнулъ Машѣ, что хотѣлъ бы сказать съ ней нѣсколько словъ.

— Для тону? спросила она его улыбаясь.

Самограевъ посмотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ упрекомъ.

— Ну, пойдемте ходить по залѣ, сказала она.

— Что заставляетъ васъ выходить за этого Кардуса-Бенедиктуса?

— Нужда. Я уже въ тягость семейству, а онъ добрый человѣкъ и очень любитъ меня.

— И вамъ не стыдно?

— Я васъ не понимаю.

— Подумали-ль вы что дѣлаете?

— Разумѣется подумала.

— За что же губить молодость?

— Такъ или сякъ ей надобно погибнуть: лучше же погибая сдѣлать кого-нибудь счастливымъ.

— Не поторопились ли вы?

— Я иначе не могу! проговорила дѣвушка, пародируя моншера и подошла къ жениху.

Весь вечеръ Самограевъ не имѣлъ уже возможности говорить съ Машей безъ свидѣтелей и, скрѣпя сердце, городилъ чепуху, смѣшившую все общество. Послѣ ужина моншеры раскланялись, давъ слово пріѣхать на свадьбу, которая была назначена черезъ недѣлю. Всю дорогу Самограевъ молчалъ, притворившись спящимъ, но въ сущности его заботила неотвязная мысль помѣшать какъ-нибудь свадьбѣ Маши съ Кардусомъ-Бенедиктусомъ. Снова начать волокитство было уже невозможно, а допустить молодую красавицу сдѣлаться женой старикашки казалось моншеру безжалостнымъ поступкомъ. Возвратясь въ эскадронъ, Балабайкинъ началъ подтрунивать надъ товарищемъ, а Самограевъ засмѣялся, выпивъ бутылку шампанскаго, легъ спать и сказалъ:

— Утро вечера мудренѣе, моншеръ.

Скоро по окрестности разнеслась вѣсть о замужествѣ Маши, и весь полкъ, званые и незваные, собрался къ ней на свадьбу.

За часъ до вѣнчанья домикъ управляющаго до того былъ наполненъ гостями, что старикъ-хозяинъ серьезно началъ бояться за невозможность угостить всѣхъ и просто терялся. Самограевъ поминутно подходилъ ко многимъ офицерамъ и шептался, очевидно приготовляя какую-нибудь штуку. Наконецъ появилась заплаканная, но прелестная невѣста. Послѣдовала сцена благословенія, и молодые отправились пѣшкомъ въ церковь, находившуюся тутъ же, за садомъ. Когда уже было все готово, и Готлибъ Крестьянычъ сталъ возлѣ невѣсты, а священникъ приготовился начать обрядъ, сквозь толпу пробрался полковой лекарь и сказалъ Готлибу Крестьянычу:

— Инспекторъ врачебной управы у крыльца и проситъ васъ по крайне экстренному дѣлу на два слова.

— Какъ? спросилъ озадаченный женихъ, у котораго забѣгали по тѣлу мурашки при мысли объ одномъ слѣдствіи.

— Только на два слова, но проситъ непремѣнно.

Шепнувъ что-то Машѣ, женихъ юркнулъ въ толпу, но въ ту же минуту на его мѣстѣ очутился Самограевъ въ знаменитомъ доломанѣ.

— Маша! хотите быть моей женой?

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

Дѣвушка раскрыла глаза.

— Я васъ спрашиваю не для тону: медлить нечего.

Маша вспыхнула. Глаза загорѣлись. Возлѣ нея стоялъ молодой человѣкъ, котораго она любила.

— Что же это значитъ?

— Дорога каждая секунда. Бога-ради! Я васъ такъ люблю, Маша!

— Дѣлайте, что хотите.

Толпа начала волноваться. Глухо слышался голосъ аптекаря, котораго не пускали.

— Батюшка! вѣнчайте меня съ Марьей Константиновной, сказалъ Самограевъ.

— Какъ?

— Я согласна, говорила Маша съ сверкающими глазами: — я добровольно иду за Самограева.

Офицеры подвинулись. Послѣдовало нѣсколько словъ между ними и священникомъ. Обрядъ начался, но многіе изъ присутствовавшихъ не знали ничего о совершившемся, такъ что когда повели молодыхъ вокругъ налоя, тогда только замѣтили, что Маша вѣнчалась не съ аптекаремъ, а съ Самограевымъ

Скандалъ произошелъ ужасный. Аптекарь выходилъ изъ себя, грозилъ стрѣляться, жаловаться, потомъ перешелъ къ упрекамъ, что издержался, но Самограевъ, обѣщавъ завтра же вознаградить убытки, просилъ убираться подобру-поздорову. Родители поломались нѣсколько, но сообразили, что новый зять во всѣхъ отношеніяхъ лучше и выгоднѣе прежняго, благословили юную чету, а товарищи распорядились послать въ ближайшее мѣстечко за шампанскимъ, и пиръ продолжался до бѣлаго свѣта.

— Я иначе не могу, говорилъ Самограевъ: — мнѣ жаль было уступить Машу этому Кардусу-Бенедиктусу въ парикѣ, и я отбилъ у него невѣсту не какъ-нибудь, но какъ истинный джентльменъ, для тону, подъ самымъ вѣнцомъ.

Впослѣдствіи онъ остепенился и былъ хорошимъ мужемъ.

Балабайкинъ попалъ въ бригадные адъютанты, перешелъ потомъ въ штатскую службу и потерялся между моншерами Невскаго проспекта.

БУРБОНЪ.

БУРБОНЪ.

Въ кавалерійскихъ полкахъ прежняго времени, особенно гдѣ носилась не дорогая форма, какъ напримѣръ, въ уланахъ и драгунахъ, нерѣдкость было встрѣтить офицеровъ изъ »палочной академіи«, или такъ называемыхъ бурбоновъ, которые, происходя изъ солдатъ, достигали иногда и значительныхъ чиновъ, оставаясь однако же весь вѣкъ тѣми же солдатами. Бурбонъ, былъ ли онъ гвардейскій или армейскій, всегда строго держался въ сферѣ своего типа и никогда не измѣнялъ своимъ привычкамъ, почерпнутымъ въ казармѣ или на конюшнѣ; пренебрегалъ солдатскимъ обществомъ, боялся офицерскаго, вытягивался въ струнку передъ старшимъ и давилъ подчиненнаго, всей тяжестью ложно понятой дисциплины. Буква всякаго положенія была для него выше всего на свѣтѣ, и если уже бурбонъ выступалъ изъ своей колеи, то не иначе какъ вслѣдствіе какихъ нибудь особенныхъ причинъ, и это составляло весьма рѣдкое исключеніе. Бурбона можно было узнать издали, по походкѣ, въ обществѣ среди множества офицеровъ, и онъ никогда не покидалъ ни своей солдатской выправки, ни неуклюжихъ манеръ, ни своихъ стереотипныхъ фразъ, въ родѣ »здравія желаю«, »счастливо оставаться«, »не могу знать«, »никакъ нѣтъ« и т. п. Въ полку обыкновенно бурбоны держались своего кружка, и очень естественно, потому что если ихъ встрѣчалось три или четыре человѣка, связанныхъ общими интересами, общими воспоминаніями, кружокъ этотъ блаженствовалъ и бесѣда его принимала самое естественное направленіе. Но въ кругу офицеровъ, чувствуя себя не на своемъ мѣстѣ, бурбоны стѣснялись, особенно если присутствовали чины нѣсколько повыше. Отношенія ихъ къ товарищамъ были въ высшей степени натянуты. Молодежь и теперь любитъ пошколь-

ничать, несмотря на многіе серьезные вопросы, ежедневно возникающіе, а въ то время — апатіи и инерціи, шалость между игрой, кутежемъ и волокитствами составляла единственное развлеченіе. Кто же больше какого нибудь безотвѣтнаго бурбона могъ служить постояннымъ игралищемъ или посмѣшищемъ; а если старшіе офицеры порой выражали мнѣніе, что человѣкъ, носящій одинъ мундиръ, не долженъ исполнять роль шута »хоть при чужихъ«, то сами даже старики не могли иногда удержаться отъ смѣха, при видѣ безвыходно-смѣшнаго положенія, въ которое молодежь ставила бурбона. Порицать это съ современной точки зрѣнія было бы несправедливо, потому что въ эту эпоху кастовыя отношенія до такой степени вкоренились съ малолѣтства, что люди даже съ высшимъ образованіемъ, приводившіе цитаты изъ нѣмецкихъ философовъ, тузили своихъ деньщиковъ и на мужика смотрѣли, какъ довлѣло россійскому дворянину. Я говорю о военныхъ кружкахъ, гдѣ особеннаго развитія не было, да и не могло быть по замкнутости среды, особенно на стоянкѣ въ военномъ поселеніи, въ которомъ полковая семья жила своей особенной жизнью.

Хоть бы и у насъ въ полку бурбоны считались чуть не паріями и не потому, чтобы это были люди дрянные, глупые и недобросовѣстные, а потому что никто не вникалъ въ ихъ внутреннее содержаніе, и каждый смотрѣлъ на нихъ просто какъ на существо самаго нисшаго разряда, усвоившее иныя понятія и даже исполнявшее долгъ свой совершенно подъ другими формами. Никому не приходило въ голову подумать, что бѣдный бурбонъ, тяжело пережившій урочное время съ рекрутства до эполетъ, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о военной чести, которая, въ свою очередь, и всѣми-то была понимаема по-своему, ни о правилахъ офицерскаго товарищества и, разумѣется, объ общежитіи, и что, можетъ быть, бурбонъ, доведенный шалунами до какого нибудь комическаго положенія въ чуждой ему сферѣ, былъ не столько смѣшенъ, какъ его образованные преслѣдователи. Иные бурбоны за рубль серебромъ нанимались отстоять очередь въ караулѣ, и это ставилось имъ въ вину, а офицеръ изъ аристократовъ, обиравшій нижнихъ чиновъ, или, какъ говорилось, »заѣдавшій солдатскую копѣйку«, считался молодцомъ. Бурбона упекали при первой возможности въ разныя тяжелыя порученія, и если даже наваливали на него сверхъ силъ, онъ не смѣлъ отказываться и несъ безропотно за другаго подъ часъ утомительныя обязанности. Полковые командиры старались поручать имъ швальни и другія мастерскія и если удѣ-

ляли имъ крохи отъ доходовъ, давая, какъ милость, ничтожную сумму, на это иной смотрѣлъ какъ на неблагородный поступокъ, а между тѣмъ тотъ же полковой командиръ дѣлился съ казначеемъ и квартермистромъ экономіей отъ полка,— и это считалось дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Но и у бурбоновъ былъ свой point d'honneur, особенно если они нѣсколько понатерлись въ полку и присмотрѣлись къ обычаямъ. Я не помню, чтобъ бурбонъ при какой бы то ни было нуждѣ обратился за помощью къ дворянину офицеру, хотя, правду сказать, имъ и не встрѣчалось особенной нужды при суровомъ и простомъ образѣ жизни, къ которому они привыкли съ дѣтства. Встрѣчались между ними индивидуумы, которые считали необходимостью заводиться разными даже ненужными для поддержанія, по ихъ мнѣнію, офицерскаго достоинства, вещами, но это были гвардейцы, кое что видавшіе въ Петербургѣ, а настоящіе сѣрые наши армейскіе бурбоны ничѣмъ, кромѣ формы, не отличались отъ простыхъ унтеръ-офицеровъ. Что бурбонъ цѣнилъ эполеты, гордился ими и покланялся имъ, — объ этомъ и говорить нечего, если принять во вниманіе сколько въ теченіе солдатской и унтеръ-офицерской службы перенесъ онъ тычковъ, фухтелей и палокъ. Производство же въ офицеры не только устраняло отъ него возможность быть битымъ, но даже избавляло отъ крупныхъ выраженій начальства. Это такъ естественно. Но часто у бурбоновъ есть, или по крайней мѣрѣ была, черта, ставившая меня втупикъ, — это безпощадная строгость къ нижнимъ чинамъ и при малѣйшей возможности жестокое обращеніе. Казалось бы, человѣкъ, самъ вышедшій изъ солдатской среды и на своей спинѣ извѣдавшій всю тягость начальничьяго произвола, долженъ бы всѣми силами облегчать участь нижняго чина, а на дѣлѣ выходило всегда иначе, и бурбонъ оказывался безчеловѣчнѣе даже остзейскаго нѣмца, если ему поручалась какая нибудь экзекуція.

Я никогда не забуду перваго моего знакомства съ этою чертою бурбонскаго характера, тѣмъ болѣе меня поразившею, что индивидуумъ прежде не обнаруживалъ ни малѣйшихъ признаковъ звѣрства, стоявшаго впрочемъ въ числѣ необходимыхъ условій дисциплины. Я зналъ одного вахмистра, человѣка лѣтъ за сорокъ, отличнаго фронтовика, распорядительнаго, честнаго, извѣстнаго даже балагура, шуточки котораго повторялись не только по эскадрону, но и по полку, и который постоянно обращался съ нижними чинами какъ съ дѣтьми, особенно къ рекрутамъ былъ снисходителенъ до послабленія, за что не разъ

получалъ выговоры. Однажды я засталъ его на конюшнѣ въ чрезвычайно грустномъ расположенiи духа.

— Что съ вами? нездоровы? спросилъ я.

(У насъ между юнкерами и унтеръ-офицерами постоянно употреблялось это мѣстоименiе).

— Какое нездоровъ? Рохмистръ обругали при всѣхъ и еще пригрозили поколотить.

— Мнѣ это странно.

— Ужъ и не говорите! Семь лѣтъ служу ему вѣрой и правдой.

— Какая же причина?

— Смотрѣлъ третью смѣну. »Ты, говоритъ, разболовалъ у меня рекрутъ и не смотришъ за ними.« Знаете, бѣдняги сробѣли, какъ онъ на нихъ раскричался. Извѣстно, я молчу, а подлецы, какъ нарочно, такъ дурно ѣздили, что будто и на кордѣ не бывали. Уже онъ валялъ ихъ бичемъ, валялъ почемъ попало, человѣкъ пять отпоролъ при себѣ, а послѣ плюнулъ и велѣлъ мнѣ всѣхъ передрать послѣ ученья. »По сто, говоритъ, розогъ каждому, а не то галуны спорю«. Извѣстно, командирскiй приказъ — святое дѣло, но вѣдь подумайте, — рекрутъ и безъ того бѣдняга запуганъ, колотятъ его чуть не каждый день, а тутъ вины никакой — гдѣ имъ было еще и выучиться-то ѣздить въ смѣнѣ! Вотъ послѣ ученья я ихъ и выдралъ, только взялъ грѣхъ на душу и далъ по пятидесяти. И пятьдесятъ вѣдь нелегкое дѣло. Вечеромъ одинъ рекрутокъ и похвались деньщику поселеннаго офицера, что такъ, молъ, и такъ — рохмистръ велѣлъ влѣпить по сту, а Пахомъ Кондратьичъ смиловался и далъ только по пятидесяти. Тотъ разсказалъ своему поручику, а поручикъ пошелъ къ рохмистру играть въ карты, да и доложилъ. Сегодня при рапортѣ эскадронный командиръ и намылилъ мнѣ голову, да такъ, что я думалъ уже пошлетъ подъ арестъ и долой съ вахмистерства, обѣщалъ послѣ обѣда выйти на пѣшее и самъ перепороть всю смѣну. Пусть бы это еще были старые солдаты, и тѣхъ грѣшно бить безвинно, а то глупые рекрута — что твои младенцы.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда я уже былъ въ отставкѣ, мнѣ довелось встрѣтить Пахома Кондратьича поручикомъ въ — ской дивизiи. Взводъ его стоялъ верстахъ въ десяти отъ городка, въ которомъ надобно было мнѣ прожить недѣли двѣ, и я поѣхалъ навѣстить стараго товарища. Лишнимъ будетъ разсказывать, какъ обрадовался мнѣ Пахомъ Кондратьичъ, который порядочно растолстѣлъ, къ чему показывалъ наклонность еще и въ вахми-

стерскомъ званіи, и какъ не зналъ, что называется, гдѣ посадить дорогого гостя. Разумѣется, мы вспомнили старину, толковали о службѣ въ новомъ полку, о разныхъ перемѣнахъ по фронту и т. п., о чемъ можно потолковать съ бурбономъ. Послѣ чаю я хотѣлъ уѣхать, но по усиленной просьбѣ поручика остался у него отвѣдать борщу, который деньщикъ его приготовлялъ на славу. Въ обхожденіи Пахома Кондратьича съ деньщикомъ я замѣтилъ какую-то натянутость, довольно впрочемъ обыкновенную, особенно со стороны нижняго чина, который не можетъ не смотрѣть съ завистью на человѣка, вышедшаго изъ одного съ нимъ званія. Поручикъ однако же не выругалъ его ни разу, а только покрикивалъ: »эй, животной!« или: »поварачивайся у меня, скотина«, фразы, по которымъ еще нельзя судить объ интимныхъ отношеніяхъ. Вечеромъ пришелъ взводный вахмистръ съ рапортомъ. Пахомъ Кондратьичъ все время сидѣлъ въ архалукѣ, но когда услышалъ за дверью знакомый кашель, тотчасъ же бросился въ уголъ, вынулъ изъ сундука сюртукъ съ эполетами, надѣлъ, застегнулся и крикнулъ.

— Череденко! войди!

Въ избу вошелъ старый унтеръ-офицеръ въ шинели, при саблѣ и, вытянувшись у двери, проговорилъ извѣстную фразу, что при такомъ-то взводѣ все обстоитъ благополучно.

— Извините, обратился ко мнѣ хозяинъ: я долженъ поговорить по службѣ.

— Сдѣлайте одолженіе, Пахомъ Кондратьичъ, я вамъ не мѣшаю.

Взглянувъ на поручика, я замѣтилъ, что лицо его приняло серьезное, безстрастное выраженіе.

— Объ рекрутахъ узналъ? спросилъ онъ вахмистра.

— Узналъ, в. б—іе. Точно, два изъ нихъ ходили пьянствовать.

— А третій?

— Оставался дома, в. б—іе.

— Но онъ зналъ объ отлучкѣ товарищей?

— Зналъ, в. б—іе.

— И тебѣ не донесъ?

— Никакъ нѣтъ, в. б—іе.

— Что-жъ они, отпираются? оправдываются?

— Говорятъ, в. б—іе, что въ чужомъ селѣ водка дешевле.

— Дешевле! Ну, такъ смотри же, завтра утромъ на зарѣ приведи ихъ сюда, и чтобъ были добрыя розги. Мы пьяницамъ влѣпимъ по двѣсти, а тому, что не донесъ, сотню горячихъ.

— Слушаю, в. б—іе. Больше ничего не прикажете?

— Ахъ, да, отлупи самъ Халанцова за то, что сѣдлать не умѣетъ.

— Осмѣлюсь доложить, в. б—іе, сами уже собственноручно изволили отвалять Халанцова.

— Не разсуждать! Приказано выпороть и баста! Ступай!

Вахмистръ поворотился налѣво кругомъ и вышелъ, бросивъ скороговоркой стереотипную фразу: »Счастливо оставаться!«

Меня это возмутило.

— Не ожидалъ я, Пахомъ Кондратьичъ, сказалъ я, чтобъ вы были такимъ несправедливымъ и жестокосердымъ.

Поручикъ улыбнулся.

— Какъ? спросилъ онъ, уставивъ на меня глаза.

— За отлучку въ сосѣднее село — давать по двѣсти. Вопервыхъ, это безчеловѣчно, во-вторыхъ, вы не имѣете никакого права.

— Помилуйте, какое тутъ право: эскадронный командиръ велитъ всѣхъ драть, какъ сидоровыхъ козъ. Вы еще не знаете, какіе у насъ есть подлецы!

— Вы ли это говорите, Пахомъ Кондратьичъ! А помните, однажды еще вахмистромъ, что вы говорили мнѣ о рекрутахъ? Помните?

— Какъ не помнить, отвѣчалъ, нѣсколько сконфуженный поручикъ. Ну, да тогда было другое дѣло: я не понималъ своей обязанности.

— Напротивъ, тогда то и понимали, видѣли всю несправедливость придирки, были истиннымъ человѣкомъ.

Я всталъ съ своего мѣста.

— Куда же вы?

— Я не могу болѣе съ вами оставаться: лучше позабыть прежнее знакомство, нежели считать товарищемъ человѣка, который сдѣлался лютымъ звѣремъ.

— Помилуйте! Да какъ же быть-то! Съ насъ требуетъ начальство — мы не причиною.

— Вы можете пожурить, но вдругъ давать двѣсти розогъ рекруту за ничтожный проступокъ... фи, какъ это гадко!

— Да я... если прикажете... для васъ по пятидесяти сбавлю.

Поручикъ произнесъ эту фразу такъ наивно, такимъ робкимъ голосомъ, что, несмотря на желчь, я разсмѣялся невольно.

— Вы совсѣмъ не должны бить ихъ, если хотите, чтобъ я остался ужинать.

— Да какъ же-съ? Я очень радъ васъ видѣть, а опять нельзя и имъ простить... Позвольте хоть по 75.

— Ну, прощайте!

— Александръ Степановичъ! Ей Богу, мнѣ можетъ достаться! Хоть для острастки позвольте вспрыснуть...

— Не позволять не имѣю никакого права, а какъ стараго товарища прошу и не только на этотъ разъ, но и всегда быть тѣмъ добрякомъ, котораго я зналъ много лѣтъ назадъ.

Поручикъ смѣшался окончательно.

— Ну, быть по вашему, сказалъ онъ; я не буду наказывать ихъ завтра, но, ужъ извините, не могу не отвалять хоть собственноручно, потому что послѣ надо мной же будутъ смѣяться.

Я больше не настаивалъ и даже не былъ увѣренъ, сдержалъ ли Пахомъ Кондратьичъ данное мнѣ слово.

Въ военную службу поступали рекруты изъ податнаго состоянія: весьма въ небольшомъ количествѣ наемщики, за извѣстную сумму замѣнявшіе какого нибудь богатаго хозяйскаго сына, и обыкновенно сдаточные, раздѣлявшіеся на два отдѣла—на простыхъ очередныхъ и отданныхъ за дурное поведеніе обществами, а преимущественно помѣщиками. Всѣ эти категоріи, по прибытіи въ полкъ, несмотря иногда на рѣзкое индивидуальное различіе, скоро принимали мѣстный характеръ и черезъ годъ много два подходили подъ одинъ общій уровень, проведенный сотнями палокъ съ одной стороны, а съ другой поддерживаемый неизмѣнными правилами и преданіями. Многіе погрѣшаютъ, воображая, что солдатъ одно и то же существо въ разныхъ родахъ войскъ: не только, напримѣръ, пѣхотинецъ разнится отъ кавалериста, а этотъ отъ артиллериста, но нерѣдко духъ и нѣкоторыя особенности быта не сходны въ полкахъ даже одной дивизіи. Кавказецъ гораздо развитѣе и смышленнѣе солдата, стоящаго во внутреннихъ губерніяхъ Въ мое время поселенныя войска значительно рознились отъ дѣйствующихъ. Разумѣется, общія черты у каждаго солдата тѣ же: пугливая торопливость передъ начальствомъ, суета при крикахъ послѣдняго, постоянная боязнь наказанія такъ, ни за что, ни про что, и мелочная заботливость о своей собственности, хоть бы она состояла изъ одной рубашки и двухъ, трехъ тряпокъ.

Выходя изъ подобной среды, бурбонъ и послѣ производства въ офицеры очень долго не привыкалъ къ новому званію. Онъ сознавалъ очень хорошо, что эскадронный командиръ не имѣлъ права отдуть его палками, что самъ онъ могъ отколотить по

зубамъ недавняго товарища, что ему не нужно было, идя по улицѣ, нести въ рукахъ фуражку при частыхъ встрѣчахъ съ *господами*; но не зналъ куда дѣвать въ обществѣ руки, привыкшія опускаться по швамъ, не смѣлъ облокотиться и вставалъ при каждомъ вопросѣ старшаго чиномъ. Иной всю жизнь не могъ разстаться со своими неуклюжими манерами и оставался тѣмъ же вахмистромъ въ эполетахъ; но бывали бурбоны, особенно не старые, которые изъ всѣхъ силъ хлопотали походить на дворянъ офицеровъ — и тутъ то имъ встрѣчался камень преткновенія, спотыкаясь о который, они служили предметомъ для шутокъ нашей разгульной и праздной молодежи. Поддѣть какъ нибудь бурбона, подсмотрѣть его слабую струнку и выставить на потѣху въ незатѣйливомъ помѣщичьемъ кружкѣ — было спеціальностью нѣкоторыхъ офицеровъ, и сколько происходило смѣху, если случалось, что за обѣдомъ какой нибудь Хандыковъ посолитъ мороженое, или Поросятниковъ выпьетъ теплую воду, подаваемую для полосканья. Иныхъ даже нарочно учили танцовать и возили съ собой по баламъ потѣхи ради. Бѣдняки рѣшительно не понимали цѣли товарищей и только порой смутно догадывались о неловкости своего положенія, и разсыпая вокругъ нелѣпыя фразы, переданныя имъ какъ образецъ свѣтскости, смѣшили общество, которое въ то время конечно гораздо менѣе, чѣмъ нынѣшнее имѣло средствъ и цѣлей для болѣе серьезныхъ занятій.

Анализъ нравственнаго содержанія, какъ я уже говорилъ, никому не приходилъ въ голову. Бурбонъ, отторгнутый въ молодости отъ плуга, ремесла и отъ семейной жизни, переработанный въ полковой лабораторіи въ какую-то пасссивную машину, усвоившій впослѣдствіи всѣ обычаи и привычки среды, въ которой долго ходилъ учебнымъ шагомъ, ѣздилъ на кордѣ, поворачивался не иначе, какъ налѣво кругомъ, отрѣшившійся отъ возможности разсуждать и даже боявшійся этого дѣйствія, какъ навлекавшаго строгое наказаніе, — былъ и по производствѣ въ офицеры существомъ безсильнымъ, безотвѣтнымъ, языкъ котораго машинально повторялъ только: »слушаю-съ, не могу знать и радъ стараться!« И гордость-то, весь палладіумъ его жизни — эполеты, имѣли для него значеніе лишь передъ нижними чинами, потому что дворяне офицеры смотрѣли на свое званіе, какъ на принадлежащее имъ по праву, и не могли раздѣлять мнѣнія, которое имѣлъ о себѣ бурбонъ, достигшій эполетъ, пройдя многотрудныя и часто нечеловѣческія испытанія. Инстинктивно понималъ онъ, что на

сочувствіе новыхъ товарищей разсчитывать нечего, а вслѣдствіе убѣжденія, что офицеръ долженъ держать себя отъ нижнихъ чиновъ далеко, бурбонъ постоянно находился между небомъ и землею. Конечно въ нравственномъ отношеніи это выходило созданіе уродливое, которому сложившаяся среда придала вѣковые пріемы, однако любопытно было бы прослѣдить и проявленіе этого *я* въ сферѣ частной его жизни въ столкновеніи съ личными интересами, и житейскія отношенія, и наконецъ страсти, которыя все же остаются въ самомъ загнанномъ, самомъ ненормальномъ индивидуумѣ.

Здѣсь впрочемъ необходима одна оговорка, что бурбоны изъ писарей, составляя большую рѣдкость — у насъ они выходили въ аудиторы и чиновники военнаго вѣдомства — были невыносимы. Писаря вообще, привыкнувъ по канцеляріямъ и дежурствамъ къ крючкотворству и разнымъ подъяческимъ уловкамъ, вносили этотъ элементъ и въ офицерское званіе, а понатершись нѣсколько или, лучше сказать, нахватавшись фразъ изъ книженокъ, постоянно щеголяли краснорѣчіемъ и вламывались въ амбицію. Даже въ семьѣ бурбоновъ подобный господинъ казался чѣмъ-то уродливымъ — и порочныя его наклонности носили отпечатокъ нестерпимаго безобразія. Если обыкновенный бурбонъ напивался пьянъ, онъ осматривался робко, спѣшилъ домой лечь спать и никогда не буянилъ; но бурбонъ-писарь, сознавая, что бояться некого, пускался разглагольствовать, пожалуй, придирался, а иногда лѣзъ ко всѣмъ, навязывая дружбу и хвастаясь своими успѣхами у прекраснаго пола. Бурбоны—писаря иногда овладѣвали простаками полковыми командирами, поступали на хлѣбныя должности, и тутъ-то во всей силѣ проявлялись ихъ нечестная личность и грязные инстинкты.

Въ разсказѣ нашемъ главную роль играетъ сѣрый бурбонъ, и потому мы не будемъ удаляться отъ этой категоріи. Я видѣлъ ихъ много, сталкивался съ ними часто, случалось иногда, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, живалъ вмѣстѣ, но, каюсь, смотрѣлъ на нихъ глазами прочихъ товарищей, хотя и не выдѣлывалъ съ ними штукъ изъ-за ихъ безропотности и униженнаго потворства. Черты ихъ домашняго быта однако же ярко нарисовались на моей памяти, и я могу безъ затрудненія возсоздать какой нибудь образъ, изъ числа этихъ жалкихъ личностей, игравшихъ незавидную роль въ кругу людей по большей части необразованныхъ, но гордо считавшихъ себя представителями образованности и хорошаго тона.

Въ свободное время, а его у молодаго офицера очень много, наконецъ и при встрѣчѣ съ бурбонами чужихъ полковъ, я обыкновенно заводилъ съ ними рѣчь о ихъ прошед шемъ и старался узнавать подробности ихъ до военнаго быта. Съ поступленія въ рекруты у всѣхъ одна и та же исторія съ небольшими перемѣнами, но разсказы о деревенской жизни бывали иногда занимательны и по содержанію, и по замѣчательной обстановкѣ. Передавая крестьянскія воспоминанія — чего не всегда легко было достигнуть, бурбонъ всегда почти дѣлался мягче, человѣчнѣе, хотя и не могъ уже отрѣшиться отъ извѣстныхъ фразъ, вошедшихъ въ плоть и кровь его во время пребыванія въ казармѣ и на конюшнѣ. Всѣ они по большей части отличались въ домашней жизни разсчетливостью и, несмотря на недостаточность содержанія, особенно въ кавалеріи — чрезъ нѣсколько лѣтъ попроизводствѣ умѣли собрать деньжонки. Въ этомъ впрочемъ и нѣтъ ничего удивительнаго, потому что бурбонъ имѣлъ, такъ сказать, неизносимое платье, которое холилъ, самъ чистилъ, чинилъ и берегъ пуще глаза, а полуновый его сюртукъ, разумѣется, пріобрѣтавшій это названіе послѣ нѣсколькихъ годовъ службы въ качествѣ новаго, бывалъ сильно потертъ по швамъ и едва держался на плечахъ по причинѣ ветхости. Форма тоже у бурбона, если не на смотру или передъ глазами высшаго начальства, отличалась замѣчательной чернотой; толстое бѣлье и самые простые сапоги носилъ онъ бережно, а продовольствіе обходилось ему столько же, сколько и въ унтеръ-офицерскомъ званіи. Хотя самоваръ можно было найти у каждаго бурбона, однако чай пили они не всѣ и не всегда: иной при гостяхъ, другой только по праздникамъ, а табакъ употребляли махорку или крымскій, слывшій подъ именемъ турецкаго, такъ что бурбона всегда окружала свойственная ему атмосфера, не исключая даже запаха конюшни, присущаго кавалерійскому солдату, потому что бурбонъ постоянно возился въ своемъ взводѣ съ лошадьми и присутствовалъ при утренней и вечерней уборкѣ. Впрочемъ иной изъ франтовъ покупалъ *ладиколонъ*, который однако же не былъ настолько силенъ, чтобы уничтожить разные другіе запахи. Надо сказать правду, что, несмотря на жалкую роль бурбоновъ въ офицерскомъ обществѣ, на постоянныя надъ ними насмѣшки и шутки, попасть подъ начальство бурбону старшему чиномъ — считалось величайшимъ несчастьемъ. Тутъ уже бывало съ ними ничего не подѣлаешь, а стараешься только избѣгать непріятностей. Въ особенности тяжело подчиняться

бурбону въ караульной очереди, когда подобный господинъ назначается дежурнымъ по карауламъ. Полковой командиръ скорѣе пропустить какой нибудь недосмотръ или легкую неисправность, а ужъ отъ бурбона не жди пощады, а главное тяготило то, что стой передъ нимъ на вытяжку и не смѣй оправдываться, потому что какъ разъ представитъ рапортомъ. Разумѣется, послѣ дѣло уладятъ, рапортъ онъ возьметъ назадъ, однако чрезъ это возникали разныя неудовольствія. Приходилось въ караулѣ переживать отвратительныя сутки, потому что буквально всѣ двадцать четыре часа бурбонъ дежурный по карауламъ толчется на гауптвахтѣ. Къ этому времени какъ нарочно пригонятъ наказаніе деньщиковъ и солдатъ, зная вкусъ и манеры дежурнаго, который кромѣ того придирается къ командѣ и не слушаетъ никакихъ представленій и просьбъ караульнаго офицера. У насъ былъ одинъ, не знаю уже почему любившій присутствовать, когда арестантамъ брили головы. Сколько разъ приходилось мнѣ стоять въ караулѣ, я никогда не видѣлъ этой операціи, но однажды бурбонъ дежурный доставилъ мнѣ это удовольствіе.

Было холодное осеннее утро, кругомъ грязь, моросилъ дождь и по улицамъ пустыннаго мѣстечка проходили только смѣны часовыхъ, потому что безъ особенной надобности никто не рѣшался выглянуть на улицу. Выходя въ разводъ безъ чаю, я велѣлъ принести себѣ всѣ припасы на гауптвахту. Смѣнилъ я товарища, вступилъ въ караулъ, принялъ арестантовъ и ушелъ въ свою комнату отогрѣваться чаемъ. Самоваръ былъ готовъ, мой Иванъ возился около чайника, дежурный изъ бурбоновъ уже сѣкъ кого-то. Исторія эта впрочемъ была такая обыковенная, что на нее не обращалось вниманія, — иными по привычкѣ, другими по необходимости, потому что какъ бы ни возмущался человѣкъ — все напрасно. Идя въ караулъ и готовишься уже бывало къ экзекуціямъ, и нерѣдко получались billet doux слѣдующаго содержанія:

»Любезный NN, посылаю моего подлеца, выдери при себѣ хорошенько.«

Или:

»Надѣюсь на твою дружбу, что ты при себѣ прикажешь выпороть моего мерзавца, какъ сидорову козу, и если не скучно, вели влѣпить сотни три.«

Есть у меня одна и такая записка.

»Мой деньщикъ выпилъ всю мою водку и разбилъ завѣтный янтарь. Вели пожалуйста, драть его черезъ каждый часъ

по сотнѣ, этакъ на сумму пятьсотъ. Я самъ пришелъ бы заняться дѣломъ, да сочиняю письмо своей М... надобно, знаешь, понѣжнѣе«...

И это писали не бурбоны.

Когда въ сѣняхъ не слышно уже было криковъ и хлестанья лозы, я выглянулъ изъ своей комнаты — не ушелъ ли дежурный. Но онъ самъ руку подъ козырекъ — подходилъ ко мнѣ.

— Рекомендую, г. корнетъ, что у васъ команда сегодня неисправная. Извольте быть осторожнѣе.

— Слушаю.

— А пуще смотрите за часовыми: передъ смѣной не мѣшаетъ взлупить хорошенько.

— А еще что?

— Ничего. Я самъ буду часто навѣдываться.

— Не хотите ли стаканъ чаю, у меня самоваръ готовъ.

— Ой ли! Дѣло! Ахъ, нѣтъ нельзя, я позабылъ.

— Что такое.

— Сегодня суббота.

— Поститесь что ль по субботамъ?

— Какое пощусь! Сегодня вѣдь брѣютъ арестантовъ.

— Не понимаю.

— Помилуйте, наша обязанность, и это такъ любопытственно.

— Вотъ ужъ я не вижу ничего любопытнаго, да и къ чему вамъ быть при этомъ.

— Знаете, опасно... можетъ вырвать бритву у »цилюрика« и зарѣзаться.

— А при васъ развѣ не вырветъ?

— Какъ же онъ смѣетъ, когда знаетъ, что закачу пятьсотъ.

— Ну, заходите послѣ бритья.

— Нешто послѣ.

И поручикъ юркнулъ въ караульню. Я вошелъ къ себѣ и хотѣлъ было приняться за чай, но мнѣ пришла такая охота посмотрѣть на дежурнаго въ его сферѣ, что я рѣшился пойти къ арестантамъ присутствовать при отвратительной операціи.

Вся команда стояла на вытяжку и два часовыхъ съ обнаженными саблями находились у двери въ арестантскую. Посреди караулки на скамейкѣ сидѣлъ арестантъ, надъ которымъ цырюльникъ, намыливъ ему бороду и половину головы, усердно упражнялся въ своемъ искусствѣ. Противъ арестанта

сидѣлъ поручикъ, курилъ коротенькую трубку и покрикивалъ на цырюльника:

— Живѣй! что ты копаешься!

Брили преклоннаго старика, не помню за что сидѣвшаго на гауптвахтѣ. Поручикъ увидѣлъ меня.

— А! г. корнетъ! Милости просимъ, садитесь. Эй, подать скамейку г. караульному офицеру.

— Благодарю васъ, я на минуту.

— Нѣтъ позвольте, только выбрѣютъ стараго чорта, будетъ веселѣе: этотъ подлецъ молчитъ и смотритъ исподлобья.

Цырюльникъ скоро управился, и арестантъ, бренча цѣпями, ушелъ въ свою камеру. На смѣну ему появился рыжеватый молодой человѣкъ, бойко сказалъ »здравія желаю!« и сѣлъ на скамейку. Посмотрѣлъ на него внимательно, поручикъ мигнулъ мнѣ однимъ глазомъ.

— Ты вѣрно дезертиръ? обратился онъ къ арестанту.

— Точно такъ, в. б — іе.

— Ахъ, ты — подлецъ? а? Такъ и отвѣчаешь прямо... А рожа какая! посмотрите, рожа чуть не лопнетъ. Значитъ, неправда, что худо въ кандалахъ. А зачѣмъ бѣгалъ?

— Такъ пришлось, в. б — іе.

— Ахъ, ракалія! и ты Бога не боишься! Да какъ же ты смѣлъ? А скоро пойдешь по зеленой дорожкѣ?

— Не могу знать, проговорилъ глухо арестантъ и посмотрѣлъ искоса на поручика, но посмотрѣлъ такъ, какъ смотритъ связанный звѣрь.

— Ну, братецъ, ужъ я такъ и быть попрошусь къ тебѣ на экзекуцію. О, да выпорю же бестію! Тебѣ за первый побѣгъ слѣдуетъ пятьсотъ, а я сдѣлаю изъ пятисотъ двѣ тысячи, хи, хи, хи!

Арестантъ молчалъ. У цырюльника даже дрогнула рука и вѣроятно онъ обрѣзалъ дезертира, потому что тотъ поморщился.

— Что искривился? Бритва тупая! Да я этакого подлеца велѣлъ бы брить тупою щеткою. Что ты »цилюрикъ« съ нимъ церемонишься!

Но операція кончилась, и изъ арестантской вышелъ небольшой солдатъ съ сережкой въ ухѣ.

— А! знакомый! проговорилъ поручикъ.

Арестантъ сѣлъ на скамейку и улыбался.

— Что, небось, весело за рѣшеткой? А? Ты, чай, и здѣсь воруешь.

— Никакъ нѣтъ, в. б — іе.

— Ну, не ври: безъ этого не проживешь. А давно драли?

— Еще ни разу, в. б — іе.

— Худо дѣло. Зачѣмъ же смотрятъ дежурные и караульные? Эй, унтеръ-офицеръ! Если этотъ подлецъ сдѣлаетъ хоть малость какую, либо грубость, доложить г. корнету, или, нѣтъ, лучше мнѣ, я его отлично выпорю на гулянкахъ послѣ обѣда. Воровать, братецъ, скверно, а ловиться еще хуже: поймался, значитъ, ну, и терпи!

Понимая, что арестанту приходилось жутко, цырюльникъ спѣшилъ исполнить свою обязанность. На скамейкѣ очутился молодой парень изъ поселянъ и робко посматривалъ на окружавшихъ.

— А ты, душечка, за что попался? спросилъ поручикъ.

— За »корчебство«, в. б — іе. (Существительное это такъ писалось и въ оффиціальныхъ бумагахъ того времени).

— За корчебство! Тоже, братъ, по зеленой дорожкѣ. А ты не проноси вольной водки, не дѣлай подрыву откупщику, онъ деньги за то плотитъ. Еслибы не проносилъ водки, не сидѣлъ бы здѣсь и не пошелъ бы сквозь строй. Вы, подлецы, знаете примѣромъ, какъ за корчебство поступаютъ, а хотите провести начальство. Ну, что жъ, самъ своей спины не жалѣешь.

— Я, в. б — іе, и пронесъ-то одну бутылку.

— А ты не долженъ проносить и капли. Вотъ и отжарятъ... А? да какъ еще отжарятъ. Ты видѣлъ ли сѣкуцію?

— Видѣлъ, в. б — іе.

— Что жъ, хорошо!

— Гдѣ ужъ хорошо!

— Нѣтъ, ничего: трубачи играютъ тревогу, лоза свиститъ... ха, ха, ха! Да что ты, цилюрикъ, много казеннаго мыла издерживаешь, что жалѣешь этихъ бестій? Валяй, какъ попало въ суходерку!

Я ушелъ. Но впослѣдствіи узналъ, что поручикъ каждый разъ присутствовалъ при операціи бритья и каждый разъ говорилъ объ одномъ и томъ-же съ арестантами.

Одно, что можно сказать въ похвалу бурбонамъ — это безусловное исполненіе ими возложенныхъ на нихъ обязанностей: бурбонъ не отступалъ ни на волосъ отъ приказанія, и все что относилось къ службѣ — считалъ наравнѣ со святыней. Съ бурбономъ однако-же можно было дѣлать многое ласкою, особенно если онъ замѣчалъ, что ему и совѣтуютъ по товарищески и надъ нимъ не насмѣхаются; тутъ онъ готовъ былъ съ своей

стороны оказать безкорыстную услугу и порой вызывался самъ быть полезнымъ.

Мы слишкомъ съ высока смотрѣли на бурбоновъ и, разумѣется, нисколько не старались къ смягченію или исправленію ихъ извращенной натуры, тѣмъ болѣе, что, несмотря на свой грубый, закоренѣлый солдатизмъ, бурбонъ не чуждъ былъ возможности сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ. Я не говорю о рѣдкихъ личностяхъ, достигавшихъ изъ солдатскаго званія до высокихъ чиновъ, — исключительное положеніе и случай тѣмъ болѣе въ военное время способствовали иногда быстрому возвышенію бурбона — но въ обыкновенной ихъ средѣ въ арміи, они носили общій отпечатокъ, а главное, какъ я уже сказалъ, служили для товарищей цѣлью шутокъ и насмѣшекъ. Я зналъ одного ожесточеннаго бурбона, не глупаго отъ природы человѣка, который, сознавая несправедливость къ себѣ дворянъ офицеровъ, но не имѣя достаточно энергіи заявить протестъ свой, дичился офицерскаго общества и впослѣдствіи спился съ круга, такъ что долженъ былъ выйти въ отставку. Видѣлъ я его потомъ въ Харьковѣ просящаго милостыню по гостинницамъ. Бывало, отворитъ дверь въ нумеръ, проговоритъ, не подымая глазъ, заученную фразу — и вдругъ неожиданно встрѣчаетъ прежняго товарища. Сперва въ такихъ обстоятельствахъ онъ краснѣлъ, даже плакалъ и убѣгалъ поспѣшно, но втянулся и, пользуясь товариществомъ, канючилъ на пропитаніе семейства, котораго у него никогда не было.

Еще я замѣтилъ одну черту въ бурбонахъ той эпохи: если изъ нихъ бывали наушники и шпіоны у властей, то не изъ любви къ этому искусству, а изъ слѣпой преданности къ начальству, которое въ ихъ мнѣніи было непогрѣшимо уже по одному качеству начальства. Встрѣчались полковые командиры и власти повыше, которые возводили шпіонство на степень добродѣтели и широко награждали клевретовъ. И если человѣкъ, гордившійся своимъ происхожденіемъ и понимавшій всю мерзость наушничества и шпіонства, принималъ на себя подобную обязанность иногда безкорыстно, то можно ли винить наушника — бурбона, который просто на просто видѣлъ въ этомъ волю начальства и прямое исполненіе своего долга. Однажды во время моихъ неудовольствій съ полковымъ командиромъ, когда мнѣ угрожала участь быть переведеннымъ въ пѣхоту, ко мнѣ пришелъ одинъ изъ бурбоновъ и подъ секретомъ сообщилъ, что полковникъ ему велѣлъ исподтишка наблюдать за мною, но что онъ, помня »мое благодѣяніе« — я

подарилъ ему пару эполетъ — пришелъ предостеречь меня. Между тѣмъ мы всѣ знали его за полковницкаго наушника и при немъ ничего не говорили о полковомъ командирѣ. Здѣсь кстати замѣтить, что система шпіонства гораздо больше была развита у поселеннаго начальства: тамъ каждый вахмистръ и каждый унтеръ-офицеръ, деморализованные и деспотизмомъ, и взяточничествомъ, передавали высшимъ властямъ малѣйшее происшествіе и хитрыми сплетнями нарушали иногда самыя пріятельскія отношенія.

Нашъ бурбонъ вообще не упускалъ случая »проздравить« начальство и всѣхъ товарищей съ чѣмъ бы то ни было — съ именинами, днемъ рожденія, новой наградой, однимъ словомъ придирался къ случаю войти къ офицеру, не стѣсняясь, а нѣкоторымъ образомъ по праву, и, конечно, въ надеждѣ выпить и закусить лучше обыкновеннаго. Зовете ли вы его тогда на вечеръ, на обѣдъ или не зовете, — для него это все равно, онъ непремѣнно придетъ, усядется, положимъ, будетъ молчать все время, но не оставитъ васъ, пока не разойдутся всѣ, хотя бы офицеры и до разсвѣта заигрались въ карты. Любилъ онъ также навѣщать въ госпиталѣ больныхъ офицеровъ, не спрашивая пріятно или нѣтъ его посѣщеніе: по крайней мѣрѣ онъ считалъ обязанностью спросить о здоровьи, обнадежить въ скоромъ выздоровленіи и ввернуть замѣчаніе, что лѣкарямъ вѣрить не слѣдуетъ. Иногда, бывало, подобнаго утѣшителя просто прогонишь безъ церемоніи, если надоѣстъ, но иной разъ, особенно когда онъ дежурный — этого сдѣлать не хотѣлось, чтобъ не огорчить простаго человѣка.

Впослѣдствіи бурбономанія начала проходить въ арміи, и унтеръ-офицеры, прослужившіе двѣнадцать лѣтъ, по большей части предпочитали эполетамъ шевронъ, который, во-первыхъ, избавляетъ отъ тѣлеснаго наказанія, во-вторыхъ, приноситъ двѣ трети корнетскаго жалованья и на случай выхода въ отставку — сохраняетъ одну треть пожизненнаго пенсіона. По крайней мѣрѣ, пользуясь огромными сравнительно преимуществами, унтеръ-офицеръ не выходитъ изъ своей среды, можетъ жить припѣваючи и отстраняетъ отъ себя всѣ тѣ непріятности, лишенія и неудобства, какія ожидаютъ бурбона въ офицерскомъ званіи.

Въ небольшой горенкѣ довольно опрятной и свѣтлой, за сосновымъ столомъ, покрытымъ дырявой скатертью, сидѣлъ поручикъ Емельянъ Даниловичъ Мукосѣевъ. Въ углу стояла

перекосившаяся кровать съ ситцевымъ одѣяломъ и такими же подушками. Возлѣ, на небольшомъ сундукѣ лежало платье, завернутое въ грязную простыню, а дальше на лавкѣ размѣщались картонные ящики съ формой, новые сапоги со шпорами и погребчикъ на одинъ стаканъ. На окнѣ разставлена была кое какая посуда. На стѣнѣ на гвоздикахъ, вколоченныхъ сквозь листы исписанной бумаги, красовались фуражка, сабля на старой портупеѣ, старая лядунка и манежный бичъ, необходимая принадлежность каждаго кавалериста, который любилъ лошадей или занимался ими по обязанности. На столѣ стояло маленькое зеркальце и разложены были въ порядкѣ бритвы, точильный ремень, щеточка, мыльница и синяя банка грошевой помады. Подальше стояли графинъ съ бурой водкой, солонка и кусокъ ржанаго хлѣба на выщербленной тарелкѣ. Мукосѣевъ задумчивый сидѣлъ на шаткомъ стулѣ и, заложивъ ногу на ногу, барабанилъ по столу пальцами. Въ этой задумчивости однакоже было много тревожнаго, потому что онъ то прислушивался, то вздрагивалъ, то по временамъ наливалъ въ рюмку глотокъ водки и машинально осушалъ ее.

Емельянъ Даниловичъ происходилъ изъ бурбоновъ. До поступленія на службу, онъ принадлежалъ къ довольно зажиточному мѣщанскому семейству на югѣ, получалъ нѣкоторое время денежное вспомоществованіе изъ дому, но потомъ вслѣдъ за прекращеніемъ субсидій узналъ, что родители его умерли, имѣніе разстроилось, братья не выдѣлили ему никакой части — однимъ словомъ случилось то, что случается сплошь и рядомъ на бѣломъ свѣтѣ. Взгрустнулось Мукосѣеву, но какъ онъ скоро былъ на хорошей дорогѣ, т. е. прослуживъ года три взводнымъ вахмистромъ, попалъ въ старшіе, положеніе его значительно улучшилось, такъ что когда произвели въ офицеры, онъ могъ обмундироваться собственными средствами, безъ всякой подписки. Ему совѣтовали было отказаться отъ эполетъ и просить шеврона, но Мукосѣевъ былъ еще не старъ и надѣялся со временемъ выйти въ люди. Правда, бѣдность одолѣвала его на первыхъ порахъ, при экстренныхъ расходахъ жалованья не хватало и на самое необходимое, но года черезъ три онъ началъ уже сколачивать вторую сотню, и въ тихомолку помышлялъ объ эскадронѣ. Нрава онъ былъ довольно смирнаго, даже миролюбиваго, хоть молодежь выдѣлывала надъ нимъ каверзы, однако онъ старался отдѣлываться отъ школьниковъ и держалъ себя подальше отъ общества, а отъ нижнихъ чиновъ на недосягаемой высотѣ поручичьяго чина. Жизнь онъ велъ болѣе

одинокую, посѣщая по временамъ двухъ товарищей бурбоновъ, священника и тайно отъ другихъ пріятельски принималъ казначейскаго писаря, съ которымъ у него были какія-то денежныя шашни. Мукосѣевъ, разумѣется, былъ необразованъ, мужиковатъ, грубъ, но велъ себя хорошо, не пьянствовалъ, службу зналъ отлично, во фронтѣ являлся лучше многихъ, да и лошадь его считалась почти ординарческою. Мукосѣевъ любилъ и пошутить, передавая разныя приключенія изъ походной жизни, но какъ только замѣчалъ, что молодежь смѣялась не отъ его разсказовъ, а надъ нимъ, онъ началъ воздерживаться, пересталъ мало по малу бывать у всѣхъ, исключая эскадроннаго командира и то по приглашенію, да ходилъ »проздравлять офицеровъ со днемъ ангела или съ монаршею милостью.« Занятый постоянно службою, онъ не зналъ, что̀ такое праздность, а дома перебиралъ старый хламъ, чинилъ бѣлье, одежду, вколачивалъ гвоздики, чистилъ форму, ругалъ поминутно деньщика, и только въ праздникъ шелъ куда нибудь, а если оставался дома, то училъ хозяйскихъ ребятишекъ выправкѣ и маршировкѣ. Офицеры считали его нулемъ и еще больше пренебрегали имъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ утѣшать ихъ глупостями; нижніе чины не любили по весьма единственной причинѣ, изложенной выше, и Мукосѣевъ короталъ вѣкъ свой между службой и домашними дрязгами. Собой онъ былъ некрасивъ, высокій, рябоватый, неуклюжій, съ выгнутыми ногами, какъ у истаго стараго кавалериста, носилъ толстые солдатскіе сапоги, голову примачивалъ обыкновенно квасомъ и только въ праздники намазывался отвратительной помадой, а усы и бакенбарды фабрилъ восчечкомъ по солдатски. Однимъ словомъ это былъ сѣрый армейскій бурбонъ въ полномъ смыслѣ слова. Попривыкнувъ къ офицерскому званію, Мукосѣевъ не гордился уже эполетами, но въ завѣтныя минуты вынималъ патенты на два чина и съ наслажденіемъ ворочалъ ихъ въ рукахъ, то разсматривая извѣстную арматуру, то приглядываясь къ восковой печати, то читалъ по складамъ текстъ, доводившій до свѣдѣнія всѣхъ, что такого то числа въ такой то чинъ производится Емельянъ Даниловъ Мукосѣевъ. Порывался онъ было съѣздить на родину показаться роднымъ и знакомымъ во всемъ блескѣ полной парадной уланской формы, готовъ былъ даже проѣздить половину накопленной суммы, но его удерживала мысль увидѣть развалины нѣкогда хорошаго состоянія и встрѣтиться съ братьями, которые, пользуясь его отсутствіемъ и безгласностью, лишили его части слѣдуемаго наслѣдства. Относительно женить-

бы Мукосѣевъ подумывалъ еще въ вахмистерскомъ званіи, но какъ онъ былъ отъ природы робокъ съ женщинами, да и къ тому же нѣсколько ему знакомыхъ вахмистершъ не отличались мягкостью характера, а потому онъ и остался холостымъ, откладывая женитьбу не ранѣе какъ до полученія эскадрона. А между тѣмъ, несмотря на видимое ко всему равнодушіе и на боязнь въ домахъ семейныхъ офицеровъ при встрѣчѣ съ женщинами, Емельянъ Даниловичъ далеко не былъ ненавистникомъ прекраснаго пола и засматривался исподтишка на хорошенькихъ. У него даже сохранилось одно розовое воспоминаніе, о которомъ онъ любилъ разсказывать въ прежнее время, но когда поэтическій этотъ эпизодъ былъ осмѣянъ молодежью, Мукосѣевъ старался избѣгать и намека о немъ въ обществѣ. Вскорѣ послѣ производства въ корнеты и по прибытіи въ новый полкъ, онъ представлялся начальнику дивизіи. Генералъ хлѣбосолъ имѣлъ обыкновеніе приглашать къ обѣду всѣхъ безъ разбора, и Мукосѣевъ получилъ подобное приглашеніе. Все его занимало въ квартирѣ генерала, но больше всего понравилась ему младшая дочь начальника дивизіи молоденькая дѣвушка. Послѣ обѣда, за которымъ бурбонъ, по его словамъ, боялся взяться за каждое блюдо, »чтобъ не острамиться«, всѣ ушли въ садъ пить кофе. Но я не могу не прибѣгнуть къ его собственному устному разсказу, который мы знали наизустъ отъ частаго повторенія.

— Иду, знаете, позади съ юнкаремъ сродственникомъ его превосходительства и разговариваю. А эта барышня, то есть генеральская дочка, пустилась въ перегонки съ адъютантомъ — стало быть кто кого перегонитъ. Раскраснѣлась, будто наливное яблочко, бѣжитъ и машетъ ручками, а платьице на ней, должно быть изъ дорогой матеріи, такъ и лопотитъ. Гдѣ уже имъ бѣжать маленькими ножками! Вотъ, вотъ адъютантъ догоняетъ, а они прямо на меня, схватили за руку, толкнули на адъютанта, а сами въ ходъ. Всѣ засмѣялись, а я свѣта не взвидѣлъ, т. е. не зналъ смѣяться или какъ, а по душѣ, знаете, такъ мягко и сладко отъ этихъ бѣленькихъ ручекъ. Генералъ смѣялся больше всѣхъ и назвалъ ее шалуньею.

— Какая ты, говоритъ, стрекоза! чуть было не уронила корнета. Ступай сейчасъ, проси у него извиненія.

Мнѣ стало еще моторошнѣе, и не успѣлъ я опомниться, а она передо мной, какъ листъ передъ травой.

— Какъ васъ зовутъ? спрашиваетъ.

— Емельянъ Даниловъ сынъ Мукосѣевъ, ваше превосходительство, отвѣчаю.

Она какъ захохочетъ.

— Ну, говоритъ, извините, Емельянъ Даниловичъ, я васъ толкнула.

— Ничего, говорю, ваше превосходительство, хорошо, что не заорали носомъ по дорожкѣ.

Она посмотрѣла на меня, губенки задрожали, вѣрно хотѣла засмѣяться, да удержалась.

— Вы, говоритъ, забавны.

— Радъ стараться, ваше превосходительство.

А въ это время у нея съ груди оторвался цвѣтокъ и упалъ на дорожку. Я поднялъ и подаю.

— Хотите, говоритъ, Емельянъ Даниловичъ, я подарю вамъ этотъ цвѣтокъ на память.

Я просто сгорѣлъ, однако поблагодарилъ.

— А вы, говоритъ, въ горѣлки играете?

— Когда еще жилъ дома для чего не играть, а на службѣ такими пустяками некогда заниматься.

Цвѣточекъ я заложилъ за лацканъ и какъ замѣтилъ прежде, что мой рохмистръ часто клалъ какіе-то цвѣты въ книжку, такъ я и свой запряталъ въ молитвникъ. И теперь цѣлъ.

— А послѣ встрѣчали вы эту барышню? спрашиваешь бывало его.

— Видѣлъ сколько разъ издалека и сымалъ фуражку, а они мнѣ, вотъ такъ, ручкой дѣлали.

И бурбонъ съ особеннымъ наслажденіемъ дѣлалъ своей ручищей извѣстный жестъ нѣжности.

Но задумчивость Мукосѣева въ началѣ разсказа происходила не отъ воспоминаній о прежней тяжелой службѣ или о красивой барышнѣ, подарившей цвѣтокъ на память, а отъ важной неожиданной причины, ставившей Емельяна Даниловича въ новое положеніе. Нѣсколько времени назадъ онъ получилъ извѣстіе о смерти своего дяди, который оставилъ исключительно ему въ наслѣдство все свое состояніе, а какъ оно заключалось въ капиталѣ, нажитомъ торговлей, то и не могло вызвать спору со стороны прочихъ родственниковъ. Надо сказать, что Мукосѣевъ, поступивъ на службу, какъ-то скоро научился писать и аккуратно посылалъ къ родителямъ письма, наполненныя извѣстными солдатскими фразами. Потомъ по смерти отца и матери онъ началъ было переписку съ братьями, но когда поссорился съ послѣдними, считалъ обязанностью писать къ дядѣ, который въ отвѣтахъ своихъ постоянно жаловался на недостатки

и совѣтывалъ племяннику беречь копѣйку на черный день. Старикъ жилъ въ Одессѣ холостякомъ, торговалъ какой-то старой рухлядью и прервалъ всякія сношенія съ братьями Емельяна Даниловича, которые не оказывали ему нисколько уваженія. Обстоятельство это послужило въ пользу нашему бурбону, и онъ сдѣлался наслѣдникомъ тридцати тысячъ ассигнаціями. Въ описываемый день онъ ожидалъ прибытія почты изъ города, за которой посылали обыкновенно офицера, если суммы были значительны: Мукосѣевъ долженъ былъ получить банковые билеты, вытребованные черезъ полкъ, по соблюденіи всѣхъ довольно долгихъ формальностей.

Въ сѣняхъ послышался легкій топотъ, означающій околачиванье пыли или грязи, и скоро въ комнату вошелъ небольшаго роста толстенькій писарь и почтительно остановился у двери. Мукосѣевъ всталъ со скамейки.

— А, здорово, братъ Холодовниковъ!

— Здравія желаемъ, ваше бродіе.

— Да что же ты сталъ у двери, Климъ Назарычъ, вѣдь чужихъ никого нѣту-ти.

— Помилуйте, ваше бродіе, должность наша такая.

— Э, полно, мы вѣдь старые знакомые. Аль думаешь, что я разбогатѣлъ, такъ и зачванился.

— Точно, сердце у васъ очинно доброе, ваше бродіе, говорилъ писарь скороговоркой: и можетъ быть безъ измѣненія касательно необуянія васъ гордостью; одначе какъ повелѣваетъ воинскій артикулъ — чинъ чина почитай.

— Все это хорошо при людяхъ, а у насъ вѣдь съ тобою есть дѣлишки. Садись-ка, Климъ Назарычъ.

Писарь расшаркался и сѣлъ возлѣ порога.

— Не хочешь ли водочки?

— Можно, ваше бродіе, и пропустить одну, другую по трудамъ — совсѣмъ умаялся.

Мукосѣевъ налилъ рюмку бурой настойки, выпилъ самъ и потомъ предложилъ гостю.

— На много лѣтъ здравствовать вашему бродію! Дай Богъ скорѣе »проздравить« васъ съ слѣдующимъ чиномъ и съ пріумноженіемъ капитала.

— Ну, спасибо, братъ.

— А осмѣлюсь спросить на какой предметъ я вамъ понадобился.

— Видишь ли, Климъ Назарычъ, ты вѣдь человѣкъ бывалый и знаешь денежную часть, мнѣ хотѣлось посовѣтываться

съ тобою на счетъ билетовъ: держать ли ихъ въ полковомъ ящикѣ, или какъ скажешь.

— Замѣчаю, признательно сказать, ваше бродіе, что вы произошли своимъ понятіемъ многихъ настоящихъ офицеровъ, т. е. дворянскаго происхожденія. Деньги, Емельянъ Даниловичъ точно кругленькія, скоро умѣютъ раскатываться, и вы очень хорошо дѣлаете, что о нихъ заботитесь. Оно точно, имъ въ полковомъ ящикѣ спокойно, только вы будете получать казенный процентъ по билету, а еслибы захотѣли пустить ихъ въ ходъ, хоть въ Харьковъ купцамъ напримѣръ, можно бы получать выгоды значительнѣе-съ, ваше бродіе.

— Одначе могутъ и пропасть деньги.

— Для чего пропасть, ваше бродіе! Точно, если отдавать зря, можетъ произойти несчастіе, убытки и потери; но слѣдуетъ ссужать подъ залогъ домовъ или драгоцѣнностей..

— Гдѣ же мнѣ изъ полка ѣздить въ Харьковъ!

— Будьте безъ сумлѣнія. Пусть узнаютъ, что у васъ есть капиталъ, сами понаѣдутъ-съ. Не безъизвѣстно вамъ, что многіе поселенные офицеры занимаются подобными оборотами, и для веденія дѣлъ я могу указать вашему бродію отличнаго человѣчка, который съ нашимъ удовольствіемъ устроитъ вамъ авантажъ за весьма сходную сатисфакцію.

— И значитъ бояться нечего.

— Помилуйте, ваше бродіе, согласно вашего желанія, можно будетъ поговорить предварительно, и какъ нашъ г. казначей сами люди денежные, они могутъ вамъ засвидѣтельствовать объ аккуратности рекомендованнаго мною человѣчка. Мое мнѣніе, сдѣланное въ умѣ, когда ваше бродіе получили еще только радостное извѣстіе, было посовѣтовать вамъ о пущеніи капитала въ оборотъ, дабы устранить казенное малое приращеніе.

— Ужъ ты хлопочи какъ у васъ тамъ по законамъ, а я тебѣ того, Климъ Назарычъ.

— Я никогда не имѣлъ сумлительства, ваше бродіе, потому всегда изволилъ вамъ служить, могу сказать, болѣе нежели отцу родному. Хотя бы сто рублей вашихъ, которые пропадали на поручикѣ Сивоглазовѣ, вы думаете, ваше бродіе, легко было выхлопотать, но потому люди мы тертые, по денежной части не безъ знакомствія въ дивизьонномъ штабѣ, касательно покромочки, иногда и суконца, супротивъ чего нашъ г. казначей не оказываютъ никакой строптивости. Пословица говоритъ: »не плюй въ колодезь, придется и самому воды напиться«.

— А что жъ, Климъ Назарычъ, эта пословица хорошая. Вотъ я примѣромъ: дяденька были бѣдны, а я какъ есть племянникъ — письма посылалъ къ нимъ будто къ родителю, просилъ благословенія, въ концѣ каждаго письма цѣловалъ ручки, и они меня зато не оставили.

— Опять вы человѣкъ, хотя изъ нижнихъ чиновъ, одначе можно сказать учливые и великатные, сами покойникъ дядюшка знали, что вы не простой племянникъ ему приходитесь, а по монаршей милости — ваше бродіе, вотъ они и оставили вамъ отъ своихъ трудовъ.

— Скажи, пожалуйста, Климъ Назарычъ, если я не буду брать процентовъ, они скоро наростаютъ?

— Для этого есть исчисленіе согласно каждаго процента, напримѣръ по сколько съ тысячи. Но ваше бродіе, ввѣряя деньги въ частныя руки, предпочтительнѣе получать проценты въ срокъ, а собравши сумму, можно и въ полку давать подъ залоги по 5, а иногда и болѣе въ мѣсяцъ, гг. офицерамъ, кого мы знаемъ и порекомендуемъ не опасно и подъ простыя росписки, потому жалованье у насъ въ рукахъ, а другимъ надо подъ вѣрные залоги.

— Боюсь, Климъ Назарычъ, да и, говорятъ, неловко самому мнѣ заниматься.

— Опять таки скажу, что этимъ дѣломъ и не слѣдъ заниматься вашему бродію, разъ оно зазорно, а второе опасно. А мы уже найдемъ способъ или посредствомъ поселеннаго вахмистра, у котораго подобныхъ дѣловъ довольно, или отыщемъ вамъ какую нибудь унтеръ-офицершу.

— Гм! такъ это выгодно.

— Безпремѣнно выгоднѣе, а такъ какъ гг. офицеры и богатенькіе юнкера нуждаются постоянно, то въ годъ можно заработать.

— А когда же привезутъ билеты?

— Извольте пожаловать часамъ къ пяти въ канцелярію,— почта прибудетъ къ тому времени.

— Признаться, Климъ Назарычъ, я никогда въ жизнь не видѣлъ банковыхъ билетовъ.

— Хе, хе, хе, ваше бродіе, я и много видѣлъ, одначе у себя ни одного не имѣю. Ничего, поприсмотритесь и войдете во вкусъ.

— Проказникъ ты, Климъ Назарычъ. Такъ знаешь что, пришли мнѣ дать знать, когда привезутъ почту.

— Слушаю, ваше бродіе. А насчетъ человѣчка прикажете завтра навѣдаться.

— Навѣдайся и приведи его съ собой.

— Очинно хорошо. Счастливо оставаться.

— Куда же ты?

— Жена ждетъ съ обѣдомъ, ваше бродіе, нельзя же—люди семейные

— А жена-то у тебя разлюли, Климъ Назарычъ.

Писарь улыбнулся.

— Вотъ устрой только дѣла, а я ужъ насчетъ подарочка тебѣ и твоей супругѣ.

— Покорно благодаримъ, Емельянъ Даниловичъ, я никогда не сумлѣвался и всегда былъ доволенъ вашимъ бродіемъ.

Холодовниковъ вышелъ, а Мукосѣевъ, присѣвъ къ столу, принялъ прежнюю позу. Онъ былъ задумчивъ, но мысли его блуждали въ какихъ-то непостижимыхъ сферахъ. Конечно онъ очень часто останавливался на суммѣ 30,000, но воображеніе бурбона, несмотря на свою бѣдность, на все убожество представленій — Мукосѣевъ только и могъ мечтать о служебномъ повышеніи, наградахъ и т. п.—порывалось за предѣлы узкой сферы и очерчивало ему то пріятности супружеской жизни съ какой нибудь дворянкой, то всеобщее уваженіе въ разныхъ формахъ, доступныхъ бурбону, то наконецъ прелести богатства, доставляющаго человѣку независимое положеніе. Но послѣдняя картина представлялась ему слабѣе, потому что Мукосѣевъ не думалъ выходить въ отставку. Наконецъ, онъ попалъ на любимую тему и пламенно замечталъ сдѣлаться эскадроннымъ командиромъ, завести дрожки, собственную тройку, повѣсить на окнахъ занавѣски, такія какъ у полковника, купить семью крестьянъ, въ которой былъ бы и кучеръ, и лакей, и прачка, и кухарка, которыхъ онъ, разумѣется, держалъ бы въ ежовыхъ рукавицахъ. Два раза деньщикъ приходилъ спрашивать— не пора ли обѣдать? Но Мукосѣевъ, потерявшій аппетитъ, приказывалъ »погодить маненько« и только по временамъ наливалъ глотокъ настойки, выпивалъ и закусывалъ кускомъ чернаго хлѣба съ солью.

Надобно сказать, что когда возникла еще переписка о наслѣдствѣ Мукосѣева, вѣсть эта была встрѣчена въ полку съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, и положеніе бурбона оставалось прежнее, но когда пришло извѣстіе, что билеты лежатъ на почтѣ, иные офицеры разомъ измѣнились и начали обращаться съ Емельяномъ Даниловичемъ какъ съ равнымъ, конечно не безъ затаенной мысли воспользоваться его расположеніемъ. По мягкости его сердца, можетъ быть бурбона и поддѣли бы на удочку,

но у него былъ менторъ въ особѣ Холодникова, который раскрылъ ему глаза, хоть и не изъ прямаго участія, а скорѣй изъ своихъ выгодъ, и Мукосѣевъ съ первыхъ же поръ не повѣрилъ этимъ заискиваньямъ. Больше всего юлили около него картежники, хоть и очень хорошо знали, что Емельянъ Даниловичъ ни во что больше не игралъ, кромѣ въ дурачки и носки, не зналъ даже подкаретной; но люди этого сорта имѣютъ какое-то неотразимое влеченіе къ чужому капиталу и, не стѣсняясь самой безпощадной возможностью поживиться, всетаки не прочь присосѣдиться къ богатому человѣку на всякій случай. Иной подъѣзжалъ къ нему съ предложеніями уступить лошадей, экипажъ, вещи, воображая, что разбогатѣвшій бурбонъ захочетъ пощеголять, другіе брались пристроить его капиталъ въ вѣрныя руки, третьи совѣтовали ѣхать за ремонтомъ и взять ихъ въ помощники,—однимъ словомъ подъѣзжали со всѣхъ сторонъ; однако Мукосѣевъ, по наставленіямъ Холодникова, прямо отказывался отъ самыхъ блестящихъ предложеній. Онъ инстинктивно даже чувствовалъ здѣсь ловушку, между тѣмъ какъ въ писарѣ видѣлъ человѣка, не разъ доказавшаго ему на дѣлѣ готовность стоять за его интересы.

Наконецъ Мукосѣевъ пообѣдалъ на скоро, но не легъ спать, а ушелъ проходиться за деревню, разсчитывая, что проведетъ время до пяти часовъ въ полѣ, а когда возвратится, то почта будетъ получена. Дѣйствительно, когда онъ вошелъ въ канцелярію, толпа офицеровъ разбирала письма и посылки, и бурбону торжественно были вручены 30,000 банковыми билетами. Холодниковъ шепнулъ ему, что вѣроятно товарищи будутъ называться на пирушку, что отказывать не слѣдуетъ, а надо пожертвовать какую нибудь сотню, но совѣтовалъ держаться туго и никому не обѣщать взаймы ни копѣйки.

Всѣ наличные офицеры тотчасъ же пристали къ Мукосѣеву насчетъ вспрысковъ наслѣдства, и онъ пригласилъ ихъ на другой день къ себѣ на чай и на выпивку. Въ тотъ же вечеръ по всему мѣстечку разнеслась вѣсть, что Мукосѣевъ дѣйствительно получилъ 30,000, и на пиръ къ нему съѣхались товарищи изъ ближайшихъ эскадроновъ.

Кто незнакомъ съ южными нашими степями, тому трудно составить о нихъ понятіе, а заниматься ихъ описаніемъ право не достанетъ духу, какъ во избѣжаніе безполезныхъ повтореній предшественниковъ на этомъ поприщѣ, такъ и изъ боязни накликать на себя подозрѣніе въ томъ псевдолиризмѣ, кото-

рый давно уже преслѣдуется въ литературѣ. А степи дѣйствительно исполнены поэзіи также, какъ небо, какъ море, хотя эти предметы сдѣлались томительно-общими мѣстами. Для меня въ особенности, это камень преткновенія потому, что съ южными степями неразрывно связаны воспоминанія и о лучшихъ годахъ юности, когда смотрѣлось на жизнь сквозь розовое стеклышко надежды, и о послѣдней моей поѣздкѣ въ Новороссію, когда я скитался тамъ хоть и въ зрѣломъ уже возрастѣ, однако находилъ еще поэзію и въ безграничной синей дали, и въ серебристыхъ коврахъ ковыли, и въ тихомъ говорѣ кургана съ вѣтромъ, какъ-то понятномъ уху украинца. Нѣтъ, читатель, не стану я утомлять тебя описаніями степей: если ты ихъ видѣлъ, описаніе мое будетъ блѣдной и довольно прозаической копіей, если же не видѣлъ, то лучше я предоставлю твоему собственному воображенію эту картину дикую, однообразную, но на которую, подъ часъ, весною, особенно при закатѣ солнца, нельзя достаточно налюбоваться. Отъ поэзіи я поведу тебя въ міръ дѣйствительный—къ быту степныхъ помѣщиковъ, но не тѣхъ, которыхъ называютъ теперь нашими южными янки, которые возятся уже съ паровыми локомобилями, одѣваются въ парижскій костюмъ и слѣдятъ за развитіемъ прогресса, а познакомлю съ бытомъ героевъ давно минувшаго времени, жившихъ по старосвѣтски, хозяйничавшихъ по своему и употреблявшихъ для распространенія благосостоянія только три элемента: кулакъ, плеть и розгу. Правда, что и въ эпоху гораздо къ намъ ближайшую эти три двигателя считались едва-ли не единственными, какъ для собственнаго благоденствія, такъ и для счастья крестьянъ, однако обаяніе кулака, плети и розги сильно измѣнилось въ иныхъ мѣстахъ, и просвѣщеніе сдѣлало свое дѣло даже въ отдаленныхъ степныхъ захолустьяхъ.

Эпоха настоящаго очерка была эпохой того печальнаго, невозмутимаго застоя, когда военныя поселенія, покончивъ съ народомъ, поработивъ его совершенно, начали уже дѣло съ новымъ поколѣньемъ и разстилали надъ громадной мѣстностью свой мрачный саванъ, сквозь который ни сверху не могъ проникнуть горячій лучъ солнца, ни снизу не могли пробиться глухой стонъ и неясный ропотъ сотень тысячъ людей, утратившихъ значеніе человѣка и гражданина и названныхъ военными поселянами.

Неудивительно, что вокругъ мѣстностей, занятыхъ военнымъ поселеніемъ — и у казенныхъ и у помѣщичьихъ крестьянъ

администрація носила на себѣ аракчеевскій отпечатокъ. Рѣзкости этого милаго отпечатка сглаживались только съ значительнымъ удаленіемъ отъ населенныхъ округовъ, считавшихся, не знаю почему, образцомъ благоустройства. Причина такого колорита понятна: всѣ окрестные помѣщики, а слѣдовательно и чиновники по выборамъ, служили въ поселенныхъ дивизіяхъ, — управляющіе, прикащики, разсыльные — все это выходило прямо изъ конюшни, манежа и заводило свои любимые порядки въ мирныхъ областяхъ благодатнаго, урожайнаго края. Обаяніе военныхъ поселеній было такъ велико, что въ ближайшихъ къ нимъ вольныхъ деревняхъ народъ носилъ военныя фуражки и стригъ волосы подъ гребенку. Самая грамотность въ массу мелкопомѣстнаго дворянства проникала изъ поселенныхъ округовъ, и не разъ мнѣ приходилось видѣть помѣщичьихъ сыновей, воспитывавшихся у какого нибудь писаря, которые кромѣ грамматики и ариѳметики, выдолбленныхъ наизустъ, бойко знали кавалерійскіе »сигналы«. Чтобы нижніе чины поспѣшнѣе изучали сигналы, для послѣднихъ сочинены были слова, въ родѣ стиховъ, которые часто, по отсутствію смысла, затрудняли только изученіе самыхъ мотивовъ. И эти то слова распѣвались и подъ кровлями помѣщичьихъ домиковъ. Вотъ нѣкоторые сигналы для примѣра. Рысь: »Рысью размашистою, но не распущенною для сбереженія коней«. Галопъ: »Ну, въ галопъ, скорѣе шенкель въ бокъ, и свернется конь въ клубокъ!«.

Лакеи въ передней, фельдшера, музыканты у помѣщика — все это носило воинскую печать, потому что образовывалось въ поселеніяхъ, въ кантонистскихъ эскадронахъ и госпиталяхъ, и соблюдало военную выправку, подражая во всемъ лихимъ солдатикамъ. На бытѣ окрестныхъ помѣщиковъ не могло не отразиться это вліяніе, и въ иныхъ мѣстностяхъ доходило до того, что по милости услужливыхъ братцевъ, пріѣзжавшихъ съ товарищами, барышни знали не только сигналы, но порой рекрутскую школу и эскадронное ученье. Общеніе съ военными поселеніями у окрестныхъ помѣщиковъ было большое, а зимою послѣдніе очень часто пріѣзжали въ штабы полковъ, гдѣ обыкновенно устраивались собранья. Нечего и говорить, что офицеры и юнкера — волокиты то и дѣло шныряли по помѣщикамъ, и видѣть гдѣ нибудь на балѣ фракъ, казалось чрезвычайной рѣдкостью. Короче, въ ту эпоху большинство дѣвицъ считало какъ бы безчестьемъ выходить за статскаго, и нѣкоторыя невѣсты говорили: »бабушка и маменька моя

были за военными, такъ мнѣ уже не слѣдуетъ измѣнять обыкновенія«.

Въ —скомъ уѣздѣ, почти по границѣ, на нѣсколько верстъ тянется овражистая мѣстность, поросшая кое гдѣ кустарникомъ, а въ долинахъ — и небольшими рощами, въ особенности по берегамъ рѣчки, извѣстной подъ названіемъ Татарлука. Описываемый уголокъ лежитъ вдали отъ какой бы то ни было почтовой или транспортной дороги, и видѣлъ его развѣ тотъ, кого вела туда крайняя необходимость, но ужъ никакъ не любопытство. На этой мѣстности разбросано было довольно помѣщичьихъ владѣній, между которыми на далекое разстояніе не встрѣчалось ни одной деревни, и небольшіе хуторки въ нѣсколько избъ, изобличавшіе мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. Два только помѣщика имѣли душъ по семидесяти, остальные владѣли пятью, шестью и много десятью семействами и жили себѣ въ уединенномъ, пустынномъ затишьѣ. Хутора эти лежали кое гдѣ верстахъ въ трехъ, четырехъ одинъ отъ другаго, но помѣщики самые дальніе были знакомы и соблюдали изстари заведенный обычай съѣзжаться въ извѣстные дома на извѣстные годовые праздники, не говоря уже объ именинахъ, свадьбахъ, похоронахъ, крестинахъ, требовавшихъ поголовныхъ сосѣднихъ съѣздовъ. Не буду здѣсь распространяться о житьѣ бытьѣ всѣхъ членовъ околодка, но попрошу читателя обратить вниманіе на нѣсколько лицъ, имѣющихъ отношеніе къ нашему разсказу. Я говорилъ уже выше, что въ окрестностяхъ поселеній все носило военный отпечатокъ, а потому и уголокъ, о которомъ идетъ рѣчь, наполненъ былъ отставными штабъ и оберъ-офицерами и классными чиновниками военнаго вѣдомства, такъ что на разстояніи какихъ нибудь сотень квадратныхъ верстъ жилъ только одинъ титулярный совѣтникъ, котораго всѣ, впрочемъ, любили, но называли не иначе, какъ строкой или подъячимъ. Вся эта колонія, отдѣльные члены которой горячо иногда спорили за нарушеніе границъ своихъ владѣній, ссорилась и мирилась, смотря по обстоятельствамъ, признавая надъ собою власть полковника Сосунова, во-первыхъ, какъ самаго богатаго изъ владѣльцевъ, во-вторыхъ, какъ человѣка съ самымъ крупнымъ чиномъ и служившаго при дивизіонномъ штабѣ. Въ обыкновенныхъ случаяхъ поссорившіеся сосѣди прибѣгали къ третейскому суду Сосунова и, по большей части, покорялись его рѣшенію, въ случаѣ же особой важности, всетаки шли къ нему за совѣтомъ, а если возникало дѣло, касавшееся общихъ интересовъ, Сосуновъ

отправлялся къ предводителю или ѣхалъ въ губернскій городъ, гдѣ его знали почти всѣ власти, хотя иной разъ онъ появлялся тамъ лишь на выборахъ или на Троицкой ярмаркѣ для сбыта шерсти.

Сосуновъ принадлежалъ къ числу лицъ и понынѣ еще попадающихся въ обществѣ, которыя, по непостижимымъ причинамъ, пользуются всеобщимъ уваженіемъ, не только его не заслуживая, но порой употребляя даже различные пріемы, чтобъ уничтожить ни на чемъ не основанное обаяніе своей особы. Сосуновъ былъ глупъ отъ природы, не получилъ никакого образованія, всю службу низкопоклонничалъ, находясь квартермистромъ, сколотилъ деньгу, потомъ попалъ въ старшіе адъютанты, выгодно женился, купилъ имѣніе и вышелъ въ отставку, не только не оказавъ никакихъ услугъ обществу, а напротивъ не въ состояніи даже былъ исполнять, какъ слѣдуетъ, своихъ обязанностей. Начальство очень хорошо видѣло его тупоуміе, понимало, что другой могъ бы замѣнить Сосунова съ большею пользою для службы; но Сосуновъ постояннно смотрѣлъ начальству въ глаза, прежде всего исполнялъ личную волю власти и лѣзъ изъ кожи, какъ бы угодить всѣмъ, кто стоялъ повыше. При этомъ съ ранней юности обнаруживалъ онъ склонность къ такъ называемой порядочности, заключавшейся, преимущественно, въ наружной опрятности, въ щепетильности и, наконецъ, въ скупости, которая, особенно въ молодые годы, можетъ бросаться въ глаза какимъ-то достоинствомъ — людямъ, не допускающимъ въ молодомъ человѣкѣ ни страстей, ни увлеченій. Благодаря подобному характеру, Сосуновъ шелъ хорошо по службѣ, а главное, умѣлъ обворожить маменьку одной достаточной невѣсты. Короче — въ небольшихъ чинахъ Сосуновъ былъ нетерпимъ товарищами, но, добравшись до густыхъ эполетъ и до званія старшаго адъютанта, началъ считаться человѣкомъ достойнымъ уваженья. И холостымъ онъ не былъ никогда вѣтренъ, не кутилъ, не игралъ въ карты, а женясь, конечно, сдѣлался еще солиднѣе, и вотъ скоро по всей дивизіи прославили его положительнымъ человѣкомъ и стали обращаться къ нему за всевозможными совѣтами. Сосуновъ въ большей части случаевъ не понималъ сущности дѣла, которое предлагали ему для разрѣшенія, но, привыкнувъ къ рутинѣ немногосложныхъ дѣлъ по дежурству, излагалъ кое какъ свое, часто нелѣпое мнѣніе. Совѣтъ иногда выходилъ далеко несообразный съ здравымъ разсудкомъ или законами, но въ тѣ блаженныя времена одни спеціалисты имѣли

понятіе о законахъ, тѣмъ болѣе, что воля начальства была едва ли не сильнѣе всякаго закона. Пробывъ довольно долго старшимъ адъютантомъ и ведя кое какъ дѣла при помощи писарей, Сосуновъ не зналъ ни одного положенія, зато въ точности зналъ привычки всѣхъ начальниковъ, унижался предъ корпуснымъ штабомъ — даже необходимые писаря тамъ получали отъ него извѣстную дань — вслѣдствіе чего, къ дежурству его не было никакихъ придирокъ. Въ то время старшій дивизіонный адъютантъ, не краснѣя, пользовался безгрѣшными доходами, заключавшимися въ приношеніяхъ полковыхъ командировъ, которымъ обычай вмѣнялъ въ обязанность дѣлиться экономіей съ дежурствомъ вообще, со старшимъ адъютантомъ въ особенности. Ума и образованія отъ этого адъютанта не требовалось — личные должны были отличаться свѣткостью — потому что обязанность его такъ легко исполнялась при помощи порядочныхъ писарей, работавшихъ иной разъ безъ устали. Сосуновъ служилъ себѣ, да служилъ, сколачивалъ деньгу, и когда дошелъ до майорскаго чина — предѣлъ, далѣе котораго нельзя было оставаться въ настоящей должности, — онъ рѣшился попытаться счастья перейти въ корпусный штабъ, если нѣтъ, то прослужить немного во фронтѣ, чтобъ выйти въ отставку подполковникомъ. Въ корпусѣ не было вакансіи, и потому Сосуновъ принялъ дивизьонъ, командуя которымъ, не только ничего не нажилъ, а еще прожилъ свое и оставилъ службу, сопутствуемый роскошнымъ прощальнымъ обѣдомъ, какъ человѣкъ, безукоризненно окончившій свое поприще. Дѣйствительно, во все время онъ не сдѣлалъ ни одного предосудительнаго поступка, и если бралъ взятки, то это было весьма натурально въ тотъ вѣкъ, когда военные открыто называли плутами и взяточниками гражданскихъ чиновниковъ, а сами наживались на счетъ казны и безотвѣтнаго солдата. Подчиненныхъ онъ держалъ всегда въ ежовыхъ рукавицахъ, безпощадно сѣкъ писарей, праваго и виноватаго, чтобъ ревностнѣе исполняли свою обязанность, приказаніе начальства самое дикое считалъ непогрѣшительнымъ и старался выполнить его даже въ ущербъ своему карману; съ товарищами обходился вѣжливо, даже церемонно, съ женою жилъ по закону, строго придерживаясь извѣстнаго правила, слышаннаго подъ вѣнцемъ: »жена да боится своего мужа«, и никогда не задолжалъ ни на одну копѣйку. Вотъ все, чѣмъ заслужилъ онъ всеобщее уваженіе, которое не оставило его въ полку, а ушло вслѣдъ за нимъ въ гражданскую жизнь, гдѣ разрослось еще больше, до

значительныхъ размѣровъ. Прежде выхода въ отставку онъ купилъ имѣніе у двухъ помѣщиковъ сосѣдей, соединилъ оба хутора въ одинъ и занялся сельскимъ хозяйствомъ, очутясь самымъ значительнымъ тузомъ среди мелкопомѣстныхъ дворянъ, заселявшихъ упомянутый выше околодокъ — по туземному названію — Землянки. Появленіе въ околодкѣ подполковника и кавалера, обладателя семидесяти слишкомъ душъ, который притомъ долго еще былъ старшимъ адъютантомъ, произвело своего рода замѣшательство въ Землянкахъ, наполненныхъ старыми служаками; но когда Сосуновъ, познакомясь со многими, обошелся почти какъ съ равными, а у себя принялъ всѣхъ довольно ласково, авторитетъ его разомъ упрочился и распространился на всю колонію.

Сосуновъ, какъ и многіе ограниченные люди, имѣлъ нѣсколько странныхъ привычекъ, изъ которыхъ, въ особенности, была замѣчательна одна, — повтореніе словъ совершенно безъ всякой надобности и еще какимъ-то пѣвучимъ голосомъ. Были у него и завѣтныя фразы, употребляемыя въ разговорѣ кстати и некстати. Подобныя поговорки въ прежнее время служили извѣстнымъ пріемомъ комизма, и авторъ надѣлялъ какимъ нибудь словцомъ лицо, которое хотѣлъ выставить смѣшнымъ. Но я не съ этою цѣлью упоминаю о недостаткѣ Сосунова, — а не отступаю отъ истины собственно для полноты характеристики подполковника. Кромѣ того, онъ имѣлъ привычку во время разговора, по его мнѣнію серьезнаго, разставлять ноги и, заложивъ руки за спину, покачиваться на одномъ мѣстѣ и терпѣть не могъ возраженій. Сперва сосѣди рѣшались съ нимъ поспорить, но онъ обыкновенно заносилъ такую ахинею, кричалъ такъ громогласно, что слушатели его невольно опускали руки по швамъ и, позабывъ объ отставкѣ, считали себя предъ могущественнымъ и разгнѣваннымъ командиромъ.

Жена Сосунова, не молодая уже барыня, полная, вся въ веснушкахъ — представляла типъ старинной помѣщицы, которая, безъ всякаго образованія, безъ всякаго развитія, не знала ничего умнѣе мужа, каждое его слово считала закономъ и, отъ нечего дѣлать, любила посплетничать. Она чванилась древностью своего рода, богатствомъ прежней фамиліи и была отъ головы до пятокъ проникнута аристократизмомъ степныхъ помѣщиковъ, имѣвшимъ свой особенный запахъ. Г-жа Сосунова, напримѣръ, умерла бы съ досады и отъ огорченія, еслибы ее посадили не на первомъ мѣстѣ, еслибъ ей не первой подали кушанье, а на конвертѣ не надписали бы »ея высокоблагоро-

дію«; она открыто требовала себѣ наружнаго почтенія, не только въ качествѣ жены подполковника, самаго значительнаго владѣльца въ околодкѣ, но и потому, что отецъ ея былъ отставной генералъ и въ своемъ кругу пользовался почетомъ. Выѣзжала она не иначе, какъ въ коляскѣ съ форрейторомъ, за которой долженъ былъ торчать слуга въ деньщичьемъ мундирѣ, и если случалась какая нибудь ломка въ коляскѣ, или лакей былъ въ отсутствіи, она не ѣхала въ бричкѣ и предпочитала терпѣть лишенія, нежели, по ея мнѣнію, осрамить себя въ глазахъ свѣта. Однимъ словомъ, это была одна изъ тѣхъ ничтожныхъ барынь, которыя не перевелись еще въ высшемъ кругу, но которыхъ, слава Богу, мало встрѣчается въ деревняхъ, потому что какъ-то трезвыя понятія зашевелились уже внизу, предоставляя такъ называемому бомонду пробавляться всѣми нелѣпостями, занесенными къ намъ отъ развращеннаго двора нѣсколькихъ Людовиковъ. Давно истлѣли Ментенонъ, Помпадуръ и Дюбарри, мало осталось истинъ и отъ самыхъ энциклопедистовъ, а пудра, бритье усовъ, различныя ливреи продолжаютъ еще играть свою роль, и что хуже, въ высшихъ слояхъ общества сохранили еще свою силу понятія маршальши Граммонъ, Шуазель и т. п. милыхъ личностей. Разумѣется, Сосунова не только не читала записокъ той эпохи, даже врядъ ли и слыхала когда нибудь о Версали, но строго слѣдила за исполненіемъ всѣхъ преданій относительно выѣздовъ, угощенія, пріема, хозяйства, а также воспитанія дѣтей и тщательной классификаціи, что прилично или неприлично въ домѣ столбовой дворянки. Благодаря тупости мужа и машинальной разсчетливости жены, безусловно отданной фамильнымъ преданіямъ, домъ Сосуновыхъ походилъ на механическій театръ, въ которомъ въ извѣстные часы появляются куклы, исполняютъ какое нибудь дѣйствіе, сообразно съ давленіемъ пружины, и уходятъ за кулисы. Самый пріѣздъ гостей почти не нарушалъ заведеннаго однообразія, потому что хозяева умѣли вселить въ своихъ сосѣдей боязнь нарушить стѣснительный порядокъ, существовавшій въ домѣ подполковника.

Положимъ, послѣднее было нисколько неудивительно: сосѣди, — отставные офицеры, вышедшіе изъ бѣдныхъ дворянъ или изъ бурбоновъ, невидѣвшіе никогда быта выше той среды, въ которой вращались, могли считать образцемъ обычаи, наблюдаемые въ домѣ подполковника, бывшаго старшимъ адъютантомъ и женатаго на генеральской дочери. Но странно, что, не взирая на присутствіе въ околодкѣ нѣсколькихъ умныхъ и

практическихъ людей, могло возникнуть вліяніе такого тупоголоваго господина на всю окрестность, вызвавшее всеобщее уваженіе. Нѣсколько случаевъ ясно доказывали, что подполковникъ подавалъ самые нелѣпые совѣты, прямо служившіе во вредъ дѣлу, — однако, печальные результаты — послѣдствіе его совѣтовъ — не поколебали ни слѣпаго къ нему довѣрія, ни всеобщей готовности снова прибѣгнуть къ посредничеству Сосунова.

Одинъ только изъ числа, можетъ быть, двадцати помѣщиковъ Петръ Ивановичъ Бакрѣевъ, постоянно оказывалъ оппозицію Сосунову, и если не грозилъ вполнѣ подорвать авторитетъ его, то, во всякомъ случаѣ, былъ словно бѣльмо на глазу у подполковника, который въ душѣ сознавалъ превосходство Бакрѣева и побаивался его вліянія. Петръ Ивановичъ — отставной аудиторъ 9 класса, происходилъ изъ писарей и былъ, что называется, »строка« и порядочная проныра. Въ полку онъ недурно обдѣлывалъ свои дѣлишки, но пилъ запоемъ и потому не могъ составить состоянія. Какъ-то удалось ему жениться на вдовѣ, помѣщицѣ душъ въ тридцать, доброй женщинѣ, хорошей хозяйкѣ, которая уговорила Петра Ивановича выдти въ отставку, надѣясь, что съ удаленіемъ мужа отъ разгульнаго общества, пройдетъ его дурная привычка. И точно, Бакрѣевъ, не глупый отъ природы, человѣкъ незлаго сердца, бездомный пролетарій, очень хорошо видѣлъ, что пріобрѣлъ себѣ и привязанную подругу, и теплый уголъ, и вѣрный кусокъ хлѣба, и какъ ни соблазнительно было для него воображаемое тогда повсемѣстно, да и теперь еще не вездѣ исчезнувшее, право распоряжаться женою, однако, понималъ, что гораздо лучше сохранять добрыя супружескія отношенія. Вслѣдствіе этого онъ съ женою былъ мягокъ, услужливъ и даже въ самомъ хмѣлю отдѣлывался шуточками и посильными любезностями. Между прочимъ, удалясь изъ полка и попавъ въ кругъ сосѣдей, гдѣ хоть и бывали попойки, однако только при какомъ нибудь случаѣ и недоходившія до безобразія, Петръ Ивановичъ какъ-то отсталъ понемногу отъ запоя и дѣятельно занялся сельскимъ хозяйствомъ и воспитаніемъ падчерицы, т. е. обученіемъ ея грамотѣ.

Бакрѣевъ поселился въ Землянкахъ гораздо позже пріѣзда Сосунова и засталъ уже вліяніе послѣдняго распространеннымъ до крайнихъ предѣловъ. Отставной аудиторъ очень хорошо зналъ подполковника и по дѣламъ дежурства, и по разсказамъ писарей — прежнихъ товарищей, которые хотя и дрожали предъ

грознымъ адъютантомъ и оказывали ему наружное подобострастіе, однако, въ тихомолку подвергали строгой критической оцѣнкѣ его служебную дѣятельность, и не разъ черновыя бумаги Сосунова ходили по рукамъ, какъ доказательство глупости и безграмотности. Изъ всѣхъ бурбонскихъ разрядовъ, самый развитый, конечно, писарскій, въ которомъ отличительной чертой остается надолго и по достиженіи высшихъ степеней — какая-то безотчетная ненависть къ сословію, гнетъ котораго выносилъ писарь, затаивъ злобу, порой видя явную несправедливость и сознавая свое моральное превосходство. Бурбонъ изъ писарей, по производствѣ въ офицеры или классный чинъ, въ самый день полученія приказа уже сбрасываетъ съ себя форму тупой покорности, ловко раскланивается при встрѣчѣ съ офицерами; отпускаетъ даже остроты, не прочь показать при случаѣ, »что мы теперь сами ужъ ваше благородіе«, и не преминетъ вломаться въ амбицію. Положимъ, у него, по большей части, натура извращенная, но тѣмъ не менѣе онъ дѣлается спѣсивымъ противъ бывшихъ товарищей и гордымъ противъ новыхъ изъ высшаго званія, и если порой поколотитъ зубы писарю, съ которымъ недавно сидѣлъ рядомъ, то не позволитъ и какому нибудь офицеру наступить на ногу. Петръ Ивановичъ былъ представителемъ этихъ принциповъ по производствѣ въ аудиторы, застарѣлъ въ нихъ, а когда, выйдя въ отставку, сдѣлался помѣщикомъ, понятія его, выработанныя въ прежней средѣ, только окрѣпли и обнаруживались энергически при каждомъ столкновеніи. Петръ Ивановичъ никогда не могъ позабыть перваго своего визита къ Сосунову. Приладивъ свою старенькую бричку на заднихъ рессорахъ, на парѣ чалыхъ, отправился онъ въ первое воскресенье на хуторъ къ подполковнику, въ мундирѣ, при шпагѣ и въ замшевыхъ перчаткахъ, какъ слѣдовало къ вліятельному штабъ-офицеру. Аудиторъ засталъ уже у подполковника нѣсколькихъ сосѣдей, пріѣхавшихъ поздравить съ праздникомъ, и вошелъ въ залу въ ту минуту, когда собравшіеся гости приступали къ водкѣ и закускѣ. Сосуновъ и Бакрѣевъ не были знакомы лично, потому что когда служили въ одной дивизіи, то состояли въ разныхъ полкахъ, а когда первый поступилъ старшимъ адъютантомъ, Бакрѣева перевели аудиторомъ въ другую дивизію.

— Г. подполковникъ, имѣю честь рекомендоваться, отставной 9-го класса Петръ Ивановъ сынъ Бакрѣевъ. Недавно здѣсь поселился.

— А! Очень радъ.

— Прошу любить и жаловать.

— Да мы, кажется, знакомы.

— Наслышанъ въ бытность вашу старшимъ адъютантомъ какъ отъ офицеровъ, равно и отъ писарей.

— Да не валялъ ли я, братъ, тебя палками, если не ошибаюсь?

— Точно, г. подполковникъ, не обходился я и безъ палокъ, что грѣха таить, такая ужъ доля, только я, во-первыхъ, не служилъ подъ вашимъ начальствомъ, а во-вторыхъ, такое напоминаніе и еще у себя въ домѣ — обидно. Я нынѣ чиновникъ 9-го класса и помѣщикъ.

— Ну полно, братецъ, братецъ, что ты! Я такъ, право такъ.

— И я такъ, г. подполковникъ.

Сосѣди раскрывали рты, отъ удивленія, а Сосуновъ немного сконфузился.

— Вотъ вамъ, господа, сказалъ онъ, наука: съ законникомъ, законникомъ не связываться. Имъ не клади, не клади пальца въ ротъ.

— Откуситъ, проговорилъ съ улыбкой одинъ усатый отставной штабсъ-ротмистръ и поглядѣлъ на общество съ цѣлью замѣтить, — какое произвела впечатлѣніе его находчивость.

— Законы, г. подполковникъ, для всѣхъ одинаковы, а если мы, по своему званію, знаемъ въ нихъ больше, то тѣмъ паче не упустимъ случая защитить себя.

— Такъ, такъ! Ну, милости просимъ. Скидай, братъ, аммуницію, аммуницію, и водочки. Господа! прошу покорно.

Всѣ глядѣли на аудитора, какъ на смѣльчака, и хоть многіе были съ нимъ уже знакомы, и всѣ знали, что у него какихъ нибудь тридцать душъ, однако отвѣты его Сосунову произвели благопріятное впечатлѣніе, какъ и всякая вообще попытка противъ моральнаго гнета, тяготящаго общество. Сосуновъ, конечно, скрылъ свое неудовольствіе, старался даже быть съ аудиторомъ вѣжливѣе, нежели съ другими, но съ той же минуты въ душѣ у него затаилась противъ этого человѣка непріязнь и вмѣстѣ боязнь — не пошатнулъ бы онъ его авторитета. Когда Сосунова обошлась съ Бакрѣевымъ по обычаю высокомѣрно и почти сдѣлала ему выговоръ за то, что супруга его не удостоила ее своимъ посѣщеніемъ, подполковникъ самъ явился на выручку новаго сосѣда и прибавилъ, что нельзя отъ всѣхъ требовать знанія утонченныхъ приличій.

Вскорѣ послѣ этого въ Землянкахъ началъ проскакивать, не скажу, духъ партій, потому что въ обществѣ слишкомъ

вознесли Сосунова и дали ему большую волю, но возникло какое-то сомнѣніе въ непоколебимость этого колосса. Раза два схватывался онъ съ аудиторомъ относительно законовъ и оба раза, если не призналъ себя побѣжденнымъ, то ужъ никакъ не могъ считаться побѣдителемъ. Въ описываемую эпоху аудиторъ имѣлъ уже сторонниковъ на другомъ концѣ Землянокъ и началъ нѣчто въ родѣ либеральнаго направленія, только все это глухо, въ тишинѣ, выжидая какого нибудь особеннаго случая. Правда, къ Сосунову достигали слухи о какихъ-то замыслахъ, но онъ слишкомъ былъ гордъ и крѣпко еще вѣрилъ въ свое могущество, чтобъ предаваться унынію, а напротивъ, приходило иногда на мысль обуздать неугомоннаго аудитора. Послѣдній, однакожъ, велъ себя осторожно, и хоть не упускалъ случая поспорить съ подполковникомъ, однако навѣщалъ его и являлся въ праздники съ поздравленіемъ.

Кромѣ этихъ личностей, читателю нужно еще познакомиться съ Маврой Осиповной Козелковой — ближайшей сосѣдкой Сосунова и родственницей Бакрѣева, которая, заслуживъ всеобщую извѣстность своими великолѣпными вареньями, была почетной гостьей во всѣхъ домахъ, потому что ни одна хозяйка не обходилась безъ ея совѣта по части этой спеціальности. Мавра Осиповна, болѣе извѣстная подъ именемъ глухой ротмистерши — по причинѣ небольшой глухоты — вдова отставнаго ротмистра принадлежала къ числу тѣхъ деревенскихъ барынь, какія лѣтъ тридцать назадъ въ провинціи водились еще въ изобиліи, и о которыхъ говорилось какъ-то въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ — »не злая и не глупая женщина«. Дѣйствительно, въ ней не было ничего положительно глупаго и злаго, хотя не заключалось также особенныхъ ума или доброты, и Мавра Осиповна Козелкова, едва умѣвшая читать и подписываться каракульками, управляла своимъ хуторкомъ изъ тридцати душъ отлично и даже держала въ рукахъ мужиковъ, чѣмъ и заслуживала похвалу отъ всѣхъ сосѣдей, вообще, и отъ Сосунова въ особенности. Мавра Осиповна лишилась мужа лѣтъ десять до начала нашего разсказа, имѣя на рукахъ полдюжины дѣтей, изъ которыхъ однакожъ осталась только единственная дочь Таня, баловница не только матери, но и всего околодка. Дѣвочка эта еще ребенкомъ привлекала своею красотою, роскошными свѣтлыми кудрями и большими темно-голубыми глазами, сверкавшими, словно яркія звѣздочки. Всѣ ей пророчили въ дѣтствѣ счастливую будущность. И точно, для Тани сложилась было интересная доля, какъ бы для

оправданія сосѣдскихъ предсказаній. Ротмистръ ѣздилъ какъ-то въ Воронежъ на богомолье со всѣмъ семействомъ, довольно тогда многочисленнымъ, и случайно встрѣтился съ одной богатой старухой, которая не отпускала отъ себя недѣли двѣ Козелковыхъ. Барыня эта полюбила красавицу Таню, и изъ желанія ли сдѣлать ближнему добро, изъ эгоизма ли пріобрѣсти новую игрушку, неотступно начала просить Козелковыхъ отдать ей дѣвочку на воспитаніе, обѣщая устроить ея судьбу впослѣдствіи. Бѣдные люди, обремененные семействомъ, даже не по силамъ, считая, что самъ Богъ посылалъ малюткѣ счастье, рѣшились разстаться съ Таней, для ея же блага, и уступили настояніямъ старухи. Сдѣлали они это тѣмъ болѣе, что барыня, при огромномъ, повидимому, богатствѣ, не предавалась мірскимъ удовольствіямъ, а постоянно ѣздила по монастырямъ и жертвовала значительныя суммы на разныя мужскія и женскія обители, что для Козелковыхъ служило гарантіей воспитанія дочери въ страхѣ Божіемъ. Тотчасъ же дѣвочка изъ бѣднаго ситцеваго платья облеклась въ шелкъ и бархатъ, окружена была игрушками, и хоть отъ нея требовали ежедневнаго посѣщенія обѣдень, вечерень и всенощныхъ, однако она, разомъ освоившись съ роскошью, удобствами и блескомъ, безъ особеннаго сожалѣнія разсталась съ родителями. Старуха, пріютившая Таню, тотчасъ же озаботилась объ ея воспитаніи, тамъ же, въ Воронежѣ, наняла француженку-гувернантку, а чтобъ дитя не избаловалось — приставила къ ней свою любимицу, опытную ханжу — неизвѣстно какого происхожденія, но отличавшуюся ярымъ порицаніемъ всего современнаго, свѣтскаго и служившую грозой для прислуги.

Дѣвочка начала оказывать значительные успѣхи, и хоть чопорная ханжа всѣми средствами старалась испортить молодое созданіе, однако въ Танѣ было столько природныхъ силъ, что, несмотря на четырехлѣтнее пребываніе подъ тяжелой ферулой, нравственная порча еще не могла повредить ей существенно. По четырнадцатому году дѣвочка почти уже сформировалась, и до такой степени была хороша, что по церквамъ заглядывались на нее мужчины, преслѣдовали по улицамъ и тѣмъ самымъ осуждали Таню на строгія эпитемьи со стороны ея надзирательницы, да и сама Хмырская выговаривала ей за вѣтренность и легкомысліе. Нѣсколько развитая дѣвочка начинала уже сознавать тягость положенія и выпадали минуты, когда она готова была, бросивъ роскошную обстановку, безпрерывныя путешествія въ каретѣ, со всѣми удобствами, воз-

вратиться подъ родимую соломенную кровлю, которая смутно сохранилась въ ея памяти. Ее влекло еще иногда домой и то обстоятельство, что изъ писемъ родителей она постепенно узнавала о смерти своихъ сестеръ и братьевъ, хотя ей безпрестанно набивали голову сентенціями о суетѣ мира, его грѣховности, о блаженствѣ заключиться въ монастырской кельѣ и т. п. Ее даже по два мѣсяца оставляли въ одномъ женскомъ монастырѣ, подъ надзоромъ суровой игуменьи; но молоденькія сестры украдкой старались развлечь бѣдную дѣвочку, которая иначе умерла бы со скуки, не чувствуя ни малѣйшей склонности къ монашеской жизни. Неизвѣстно, что вышло бы изъ Тани, и какія послѣдствія повлекло бы дальнѣйшее пребываніе ея у Хмырской, еслибы особенный случай не вмѣшался въ ея судьбу и не измѣнилъ ея совершенно. Старуха, которой, впрочемъ, было пятьдесятъ съ небольшимъ, бодрая и полная, захворала какъ-то серьезно, и ей лучшіе медики посовѣтовали непремѣнно ѣхать за границу. Средства ей позволяли дѣлать огромные расходы, и потому, недолго думая, она выхлопотала паспорты и почти со всѣмъ домомъ отправилась на воды въ Германію. Въ нѣсколько мѣсяцевъ она поправилась, и внявъ совѣту знакомыхъ, рѣшилась вторично посѣтить Парижъ, въ которомъ бывала въ молодости и который потомъ называла не иначе какъ новымъ Содомомъ. Пожила она мѣсяца четыре въ Парижѣ, и къ удивленію всѣхъ, на пятьдесятъ третьемъ году вышла замужъ за тридцатилѣтняго маркиза де-Перваль, который былъ извѣстенъ, какъ самый красивый мужчина, имѣвшій успѣхъ у женщинъ и жившій постоянно на счетъ разныхъ немолодыхъ благотворительницъ. Какъ это случилось, — размѣры разсказа не позволяютъ распространяться, но совершившійся фактъ повелъ къ тому результату, что красивый маркизъ перешелъ въ православіе и присягнулъ на подданство Россіи, заключивъ, кажется, до вѣнца, предварительное условіе, по которому сдѣлался обладателемъ всего движимаго и недвижимаго имущества своей влюбленной половины. Маркизъ, однако же, далъ торжественное обѣщаніе — какъ отецъ заботиться о Танѣ, и съ первыхъ же дней оказалъ ей необыкновенную ласку, измѣнилъ ея обстановку, нанялъ лучшихъ учителей, а главное, устранилъ ее изъ-подъ надзора ханжи, которая, впрочемъ, чтобъ заслужить расположеніе новаго господина, готова была сдѣлаться чѣмъ угодно. Въ первомъ пылу восторга маркиза чуть не становилась на колѣни передъ мужемъ, который велъ себя съ нею очень любезно, и

тайкомъ пользовалась всевозможными секретами модистокъ и куаферовъ, чтобы поддерживать сильно поизмятую наружность. Она словно не хотѣла понять, что маркизъ не обращалъ на это никакого вниманія и безъ зазрѣнія совѣсти наслаждался всѣми удовольствіями Парижа. Однажды, незадолго до отъѣзда въ Россію, Таня, распустивъ пышную косу, чесалася передъ зеркаломъ. Лучи солнца прямо падали на стройную молоденькую дѣвочку, полуобнаженныя и полуразвитыя прелести которой прикрывались только роскошными золотистыми прядями волосъ, сквозь которые нѣжное, бѣлое тѣло казалось еще нѣжнѣе и бѣлѣе. Словно мимоходомъ, нечаянно, маркизъ завернулъ въ комнату Тани и, подкравшись, обнялъ ее за талію. Дѣвочка слегка вскрикнула и начала отталкивать человѣка, который до сихъ поръ ничего не оказывалъ ей, кромѣ ласкъ и вниманія. Маркизъ шепотомъ просилъ только одного поцѣлуя и обѣщалъ удалиться, но Танѣ требованіе это почему-то казалось неумѣстнымъ, и она продолжала сопротивляться... Въ это время на порогѣ показалась маркиза. Замѣшательство сдѣлалось общимъ. Старуха едва не упала въ обморокъ, дѣвочка расплакалась, а маркизъ, какъ ни въ чемъ не бывало, началъ приводить въ чувство свою влюбленную половину. Скандала не произошло никакого, но на третій день утромъ, когда маркизъ отправился съ пріятелями завтракать, Таню отправили къ родителямъ, въ сопровожденіи прежней надзирательницы, съ письмомъ, въ которомъ изъявляли сожалѣніе, что, исполпяя волю мужа, не могутъ долѣе держать у себя воспитанницу и принуждены ее отослать домой. обѣщавъ пять тысячъ на приданое. Разумѣется, дѣвочкѣ отдали весь ея гардеробъ, вещи, книги, но прочли на дорогу наставленіе, что изъ нея не выйдетъ ничего путнаго. Такимъ образомъ, Таня, поѣздивъ довольно по Россіи, привыкнувъ къ роскоши, не окончивъ и поверхностнаго образованія, наглядѣвшись на иностранные города, въ особенности на Парижъ, очутилась въ убогомъ домикѣ матери, уже не заставъ въ живыхъ отца, умершаго отъ холеры.

Съ тѣхъ поръ Таня не выѣзжала никуда изъ Землянокъ и не видала уже ни одной книги, кромѣ привезенныхъ съ собою, потому что въ околодкѣ никто не занимался »такими пустяками«, обыкновенно выражаясь такъ: »почитать бы можно, да достать книгъ негдѣ, а покупать не стоитъ, — вѣдь прочтешь и бросишь, а деньги пригодятся на другое«.

Въ эпоху нашего разсказа Танѣ шелъ двадцать второй

годъ. Дѣвушка развернулась окончательно, и хоть тонкія черты ея нѣсколько огрубѣли, и вообще красота ея не исполнила тѣхъ обѣщаній, какія давала еще въ четырнадцать лѣтъ, однако, нельзя было не остановить на ней взора и въ толпѣ хорошенькихъ. Въ особенности поражала она стройностью, и несмотря на дурно сшитыя платья, на какое-то ломанье, — смѣсь хуторскихъ помѣщичьихъ манеръ съ великосвѣтскими, — нельзя было не замѣтить ея граціозныхъ контуровъ и художественнаго сложенія. Ее даже не портили волосы, изъ золотистыхъ сдѣлавшіеся рыжеватыми. Однимъ словомъ, это была особа замѣчательной наружности. Что касается до внутренняго ея содержанія, то она представляла такой смѣшанный характеръ, котораго опредѣлить почти невозможно. Съ десяти лѣтъ, съ одной стороны, ее начали портить ханжествомъ и всѣми способами, внушающими наружное смиреніе, а съ другой, въ то же время предъ глазами пытливаго ребенка велись разговоры и даже происходили сцены, рѣзко противорѣчившіе сухимъ наставленіямъ, такъ что къ Танѣ разомъ прививались и лукавство — повиновеніе самымъ скучнымъ требованіямъ — и любопытство проникнуть истинный смыслъ разговоровъ и сценъ, не всегда искусно скрываемыхъ передъ нею. Въ два года подобной жизни, на глазахъ властей — она была совершенная смиренница, а гдѣ нибудь въ дѣвичьей, на свободѣ, обнаруживала признаки далеко не дѣтскихъ понятій. Умная гувернантка ея, по несчастью, была слишкомъ апатична къ своей питомицѣ и если добросовѣстно передавала ей знанія, то совершенно не заботилась о ея нравственности. Посѣщая монастыри, дѣвочка нисколько не обращала вниманія на религіозную сторону затворническаго быта, потому что и въ домашней жизни постоянно должна была бить поклоны, молиться нѣсколько разъ въ день, читать или слушать Четьи-Минеи, но знакомилась съ пріѣзжими семействами и, найдя сверстниковъ и сверстницъ, старалась воспользоваться возможностью пошалить въ ихъ обществѣ. Подготовленная подобнымъ образомъ, Таня быстро начала развиваться со времени знакомства съ маркизомъ де-Перваль, который, бывъ прельщенъ богатствомъ старухи и добиваясь руки этой отжившей барыни, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду воспитать для себя красавицу, которая услаждала бы ему жизнь въ снѣгахъ Россіи. Мы уже видѣли, что замыслы маркиза разстроились.

Восемь лѣтъ тихаго существованія на хуторѣ, то въ одиночествѣ, въ сферѣ мелочныхъ домашнихъ заботъ, то въ кру-

гу необразованныхъ людей, хотя и не могли искоренить въ ней всего дурнаго, привитаго ханжествомъ и опытнымъ развратомъ, однако, успѣли сгладить многое и затемнить яркія воспоминанія о парижской жизни. Первое время, несмотря на свиданія съ матерью, Таня была близка къ помѣшательству отъ скуски, и ни заботливость, съ какой лелѣяли ее, ни безграничное баловство, ни, наконецъ, самопожертвованіе и отказъ себѣ во всемъ, чтобы пріобрѣсти лишній нарядъ Таничкѣ, ничто не утѣшало молоденькое существо, грезившее о блистательной будущности и неожиданно брошенное въ пустынныя степи. На другой годъ природа начала брать свое. Окончательное физическое развитіе — сдѣлало свое дѣло, а знакомство съ нѣсколькими офицерами и юнкерами ближайшихъ полковъ — начало примирять Таню съ дѣйствительностью, такъ что въ послѣднее время, отказавшись отъ неопредѣленныхъ радужныхъ надеждъ, она предавалась и удовольствію кружить головы военной молодежи, и желанью выйти замужъ за какого-нибудь хорошенькаго, богатаго офицера. Въ околодкѣ помѣщики жили довольно патріархально, однако, въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, въ тѣхъ домахъ, гдѣ имѣлись невѣсты, по извѣстнымъ семейнымъ праздникамъ бывали и танцы, привлекавшіе офицеровъ — единственныхъ жениховъ, на которыхъ можно было разсчитывать. За отсутствіемъ оркестра вечеринки проходили подъ звуки фортепьяно, а какъ инструменты находились лишь въ трехъ или четырехъ домахъ, то въ урочный день они перевозились иногда верстъ за нѣсколько, а музыкальный учитель, дававшій уроки въ околодкѣ, словно былъ обязанъ играть для танцевъ — и, развѣ уже въ случаѣ крайней усталости, его смѣняли дѣвицы и бренчали по очереди. Съ нѣкоторыхъ поръ молодежь чаще и чаще заглядывала въ Землянки, гдѣ подросло цѣлое поколѣніе невѣстъ, между которыми, безспорно, Таня была и красивѣе, и образованнѣе. Но уже и въ ту эпоху господства любви, когда каждый молодой человѣкъ не считалъ предосудительнымъ страдать и вздыхать публично, и тогда уже всемогущій Гименей началъ терять авторитетъ, если дѣло касалось »презрѣннаго металла«. Ухаживать-ухаживали многіе изъ новаго поколѣнія, но жениться какъ старые, такъ и молодые рѣшались преимущественно тогда, если къ милому существительному присоединялось приличное »прилагательное«. Бывали и исключенія, иногда молоденькіе офицерики, ускользавшіе, по стеченію какихъ нибудь обстоятельствъ, изъ-подъ опеки семейныхъ властей, женились законнымъ путемъ на

бѣдныхъ дѣвушкахъ, не выкрадывая ихъ изъ родительскаго дома, но подобные случаи встрѣчались рѣдко и не входили въ разсчетъ, какъ положительныя надежды на сбытъ невѣстъ. Вслѣдствіе разныхъ матеріальныхъ разсчетовъ, нѣсколько подругъ Тани, и некрасивыхъ и безъ образованія — сдѣлались поручицами и ротмистершами, а она, мимо фаланги обожателей, мимо первенства на вечеринкахъ, не находила для себя выгодной партіи. Былъ одинъ хорошій офицеръ, который любилъ ее страстно и вызвалъ со стороны дѣвушки нѣчто въ родѣ взаимности, какъ натура честная и въ высшей степени симпатичная, но, къ сожалѣнію, круглый бѣднякъ, обязанный содержать еще старушку мать, не имѣвшую пристанища. Романъ этотъ, длившійся около года, окончился тѣмъ, что офицеръ, сознавая невозможность брака и не желая терпѣть постоянно пытку вблизи Тани, перешелъ въ пѣхоту и потерялся изъ вида въ какихъ-то сѣверныхъ губерніяхъ. При разлукѣ съ нимъ Таня плакала, обѣщала помнить его, обнадеживала, что, можетъ быть, со временемъ и устроится ихъ судьба; но это говорили хорошенькія губки молоденькой дѣвушки, а сердце подавало довольно слабый голосъ. Въ числѣ ея знакомыхъ оставалось еще довольно богатенькихъ юнкеровъ и корнетовъ, увивавшихся за нею, что называется взапуски. Мать, до слабости любившая Таню, хотя и говорила ей о необходимости выдти замужъ, однако, предоставляла дѣвушкѣ полную волю выбора, и когда въ послѣднее время присватывался къ Танѣ сосѣдъ—вдовецъ, и небогатый, и старый, она первая отказала ему, даже не спрашивая дочери. Бѣдной женщинѣ самой казалось невозможнымъ, чтобы Таня осталась въ дѣвушкахъ. Прежде она пускала подъ рукою слухъ, что маркиза подарила ей порядочный капиталецъ, конечно, разсчитывая на данное слово, но какъ духъ скептицизма повѣялъ на жениховъ, а маркиза не отвѣчала на всѣ письма, то о значительномъ капиталѣ не было уже и помину, и Таня оставалась владѣтельницей тридцати душъ и ста двадцати десятинъ, заложенныхъ въ мѣстномъ приказѣ общественнаго призрѣнія — состояніе далеко неудовлетворительное. Съ завистью смотрѣли мать и дочь, если какая нибудь свадьба затѣвалась въ околодкѣ, и въ интимныхъ разговорахъ между собою перебирали всѣхъ жениховъ, изъ которыхъ иные, считаясь не бѣдными, были неравнодушны къ Танѣ. Но эти женихи при всей любезности не высказывались, и какъ будто не понимали краснорѣчивыхъ намековъ чадолюбивой Мавры Осиповны, которая пускала въ ходъ

все, что было ей извѣстно по части подобной тактики. Козелкова даже прибѣгала къ содѣйствію подполковника и Бакрѣева, сперва окольными дорогами, а впослѣдствіи прямо просила пріискать Танѣ хорошаго человѣка, выставляя на видъ свое безпомощное состояніе. И Сосуновъ, и аудиторъ изъявили свое согласіе — первый потому, что Мавра Осиповна постоянно возила его женѣ варенья, аудиторъ же по родству и, какъ онъ выразился, по христіанскому долгу. Козелкова больше полагалась на Бакрѣева и не ошиблась въ своихъ предположеніяхъ.

Одинъ изъ землянковскихъ владѣльцевъ, жившій на самой границѣ, не могъ никакъ поладить съ экономіей богатаго сосѣдняго помѣщика и подвергался разнымъ нападеніямъ со стороны нѣмца — управляющаго. Напрасно обиженный подавалъ жалобы, земская полиція не обращала на нихъ вниманія и на ходатайство самого Сосунова исправникъ отозвался: »охота-девамъ заступаться за какого-то ябедника«. Подполковникъ, конечно, не передалъ этого просителю, но изъявивъ сожалѣніе о безуспѣшности ходатайства, совѣтовалъ смириться передъ сильнымъ и тѣмъ избавиться отъ разорительнаго процесса. Не такъ посмотрѣлъ на это дѣло Бакрѣевъ. Разобравъ сущность его, перечитавъ всѣ бумаги, онъ объявилъ, что процессъ у богача можно выиграть и заставить послѣдняго заплатить протори и убытки. Разумѣется, обиженный началъ умолять аудитора взяться за тяжбу и, въ случаѣ успѣха, обѣщалъ третью часть, принимая на себя всѣ расходы. Пораздумавъ, что хозяйствомъ можетъ позаняться жена, Бакрѣевъ рѣшился ѣхать въ губернскій городъ, твердо надѣясь на свои познанія въ законахъ и кое на какія знакомства въ приказномъ мірѣ. Такъ онъ и поступилъ. Дѣло дѣйствительно было вопіющее, которое если и могло окончиться въ ущербъ обиженному, то развѣ уже на основаніи самаго дикаго произвола, или за отсутствіемъ всякаго ходатайства. Но процессъ этотъ не входитъ въ предѣлы нашего разсказа и, пропустивъ всѣ подробности, могущія занять двѣ-три главы описаніемъ подъячихъ, столь уже извѣстныхъ по многочисленнымъ статьямъ, мы ограничимся нѣсколькими словами и скажемъ, что аудиторъ поставилъ очень ловко вопросъ и поворотилъ все дѣло на сторону своего довѣрителя. Бакрѣеву оставалось подождать одной необходимой окончательной справки. Воспользовавшимъ этимъ временемъ, онъ рѣшился съѣздить домой провѣдать семейство. По дорогѣ чрезъ штабъ —скаго полка онъ заѣхалъ переночевать къ аудитору,

служившему у него нѣкогда писаремъ. Хозяинъ былъ радъ такому гостю, велѣлъ поскорѣе ставить самоваръ, очень жалѣлъ, что жена уѣхала къ роднымъ и некому приготовить хорошей закуски, но распорядился послать за травничкомъ и ромомъ, желая угостить бывшаго начальника. Скоро старые товарищи закурили трубки и усѣлись бесѣдовать. Разумѣется, на первомъ планѣ у нихъ была служба собственно по судебной части, наконецъ, когда подали самоваръ, и пуншъ задымился въ стаканахъ, Бакрѣевъ круто поворотилъ разговоръ.

— Вотъ, Павелъ Кириллычъ, сказалъ онъ, ты бы сослужилъ службу: нѣтъ ли хорошаго женишка на примѣтѣ.

— Кажись, ваша падчерица еще подросточекъ.

— Не о падчерицѣ рѣчь, это еще клопъ, а у меня есть родственница — дѣвка, братъ, важная.

— Должно быть, Козелкова-съ?

— Она самая.

— О нихъ много произносятъ у насъ молодые офицера. Вѣрно, красавицы?

— Просто писаная. А какъ воспитана! Но, знаешь, приданое небольшое, и женихи не являются.

— Здѣсь, Петръ Ивановичъ, не что иное, какъ судьба-съ.

— Судьба то судьба, да надо бы пособить горю. Мать стара, дѣвка на порѣ — просто кровь съ молокомъ и, кажется, ей желательно выйти замужъ.

— Какой дѣвицѣ не желательно! Примѣромъ у насъ полковницкая дочь — на что всего довольно, словно сыръ въ маслѣ, а и то влюбилась въ корнета Цоколя и, кажется, дѣло идетъ на ладъ.

— А онъ съ достаткомъ?

— Пятьсотъ душъ, да малый мотыга,— Боже сохрани! въ картишки отца роднаго проиграетъ.

— А, можетъ, остепенится.

— Конечно, бываютъ примѣры. Ахъ, да, Петръ Ивановичъ, знаете ли, у меня есть женихъ на примѣтѣ!

— Ну?

— У насъ вышла исторія. Вамъ знакомъ Емельянъ Даниловичъ Мукосѣевъ!

— Нѣтъ.

— Онъ изъ вахмистровъ — отличный человѣкъ, скромный и хозяйственный.

— Да вѣдь, братъ, изъ вахмистровъ,— значитъ, кромѣ жалованья — ничего.

— То-то и есть, что получилъ наслѣдство отъ дяди, тридцать тысячъ.

Бакрѣевъ соскочилъ съ своего мѣста.

— Тридцать тысячъ? спросилъ онъ.

— Истинно такъ, самъ видѣлъ билеты.

— Павлуша, голубчикъ, вѣдь этого упускать не слѣдуетъ.

— И какъ еще не слѣдуетъ, Петръ Ивановичъ. Знаете майора Дрейцена — онъ уже захаживаетъ около Мукосѣева, чтобъ сбыть свою бѣлобрысую дочку.

— Ишь плюгавый нѣмецъ! Ну?

— Это не удается. Видите ли, Мукосѣевымъ завладѣлъ совершенно казначейскій писарь, помѣщаетъ его деньги и, конечно, не безъ выгоды для себя.

— А нельзя ли подать сюда этого писаря.

— И въ самомъ дѣлѣ! Эй, Живановъ!

— Сей часъ, откликнулся деньщикъ.

— Сбѣгай къ казначейскому писарю Холодовникову, знаешь? и скажи, молъ, Павелъ Кирилловичъ проситъ придти по весьма нужному дѣлу, — да проворнѣй! Скажи, молъ, непремѣнно просили.

— А что, душа Павлуша, можетъ и сварганимъ.

— Радъ бы душевно, а женихъ, скажу вамъ, больно хорошій. У насъ есть изъ вахмистровъ, такъ куда противъ него.

— А я и не слыхалъ объ этомъ.

— Да, почитай, не болѣе двухъ недѣль, какъ получилъ деньги.

— Говорили что-то осенью, да я пускалъ мимо ушей, думалъ, такъ себѣ, бабьи сплетни.

— Видите ли, мы прежде поговоримъ съ писаремъ, и если пойдетъ на ладъ, завтра можно будетъ и жениха позвать на закуску.

Черезъ четверть часа явился знакомый намъ казначейскій писарь въ новомъ сюртукѣ и гладко прилизанный. Онъ, однако-же, остановился у порога и проговорилъ:

— Здравія желаемъ! Зачѣмъ изволили требовать, ваше бродіе?

— Никто, любезнѣйшій, не требовалъ, отозвался хозяинъ, а вотъ пріѣхалъ прежній сослуживецъ, такъ надо поговорить кое о чемъ. Садись-ка, будешь гостемъ, пуншику напьемся.

— Много благодарю, ваше бродіе, только неловко передъ господами чиновниками.

— Э, братъ, что за церемоніи! сказалъ весело Бакрѣевъ: —

эти чиновники изъ тѣхъ же писарей, а дастъ Богъ, — самъ будешь аудиторомъ.

— Вашими бы устами медъ пить, ваше скобродіе.

— Однако, садись. Какъ имя, отчество?

— Климъ Назаровъ, сынъ Холодовниковъ.

Много, однако-же, хозяину стоило труда усадить писаря, хоть они еще не такъ давно были товарищами по канцеляріи. Бакрѣева уже подмывало поскорѣе приступить къ дѣлу, но Павелъ Кирилловичъ знаками совѣтывалъ не торопиться.

— Видишь ли, дружище, началъ послѣдній: это Петръ Ивановичъ Бакрѣевъ.

— Много наслышаны.

— Они въ дружбѣ съ вашимъ оберъ-аудиторомъ, можетъ быть, и тебѣ понадобится ихъ услуга, а ты бы вотъ познакомилъ ихъ съ Мукосѣевымъ.

Писарь быстро взглянулъ на Петра Ивановича.

— Ихъ скобродію желательно позаимствоваться.

— Э, нѣтъ, любезный, мы ни у кого не заимствуемся.

— Извините, полагалъ только: потому Емельянъ Даниловичъ осчастливлены своею судьбою.

— Ничего, ничего, тутъ дѣло другаго рода, сказалъ Павелъ Кирилловичъ. Всѣ мы, братъ, одного поля ягоды, и ты, и я, и Петръ Ивановичъ, проходили службу по канцеляріямъ, такъ намъ нечего скрываться другъ передъ другомъ. У нихъ есть племянница.

— А! желаютъ сочетать законнымъ бракомъ.

— У! да какой онъ догадливый, замѣтилъ Бакрѣевъ.

Писарь улыбнулся.

— Нашему брату такъ и слѣдуетъ, сказалъ Павелъ Кирилловичъ.

Холодовниковъ засмѣялся, раскрылъ уже ротъ гораздо шире послѣ подобныхъ ободрительныхъ фразъ, почувствовавъ всю важность своего значенія.

— Доложу вамъ, ваше скобродіе, Петръ Ивановичъ, что точно Емельянъ Даниловичъ не безъ нѣкоторыхъ помышленій о законномъ бракосочетаніи, потому, люди не старые; одначе, какъ сами разсудить изволите, такой важный шагъ потребуетъ разсужденія въ своихъ мысляхъ.

— Это, братъ, все околичности! Ужъ если мы предлагаемъ невѣсту, такъ ломаться нечего, а ты лучше скажи, можешь ли обдѣлать дѣльце, и что за труды потребуется?

— Оно точно, ваше скобродіе, мы люди маленькіе и жа-

лованьишка не токмо, что не хватаетъ, а и всѣ посторонніе доходцы, имѣемые по милости его скобродія, г. казначея, проживаемъ.

— Мнѣ кажется такъ, вмѣшался Павелъ Кирилловичъ: — ты помѣщаешь выгодно капиталы Мукосѣева и получаешь отъ него награду. Хорошо. Женимъ его на племянницѣ Петра Ивановича, и ты опять останешься ворочать капиталомъ.

— Не сумлительно, ваше бродіе, что нѣкоторое время я могу имѣть доходъ, но супруга могутъ завладѣть Емельяномъ Даниловичемъ, тогда капиталъ приметъ свою очертацію

— Ты—ловкая бестія, Климъ Назарычъ, замѣтилъ Бакрѣевъ.

— Радъ стараться, ваше скобродіе!

— Мы лучше дадимъ тебѣ единовременно, а кромѣ того, назначимъ въ годъ повозки двѣ провизіи?

— Это было бы сообразнѣе.

— Ну, такъ начинай же дѣло. А тамъ, Климъ Назарычъ, помни, что и наша денежка не щербата. Сколько тебѣ лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи?

— Десять съ хвостикомъ, ваше скобродіе.

— Ну, вотъ видишь, я при случаѣ поговорю съ оберъ-аудиторомъ, да и въ корпусномъ штабѣ перемолвлю съ кѣмъ слѣдуетъ, и это будетъ невзачетъ.

— Много благодарны. Вамъ желательно познакомиться съ Емельяномъ Даниловичемъ?

— Этого мало, а надобно, чтобъ ты его настроилъ — понимаешь?

— Какъ не понимать, ваше скобродіе. Только уже на вашей душѣ будетъ грѣхъ, если произойдетъ какое неудовольствіе касательно супружества.

— Ничего не произойдетъ. Племянница у меня дѣвка отличная, имѣньице у нея хоть маленькое, однако, деньгами можно его прекрасно поустроить.

— Деньги великое дѣло, ваше скобродіе, притомъ и Емельянъ Даниловичъ люди весьма хозяйственные. Только они, по ихъ словамъ, не думаютъ оставлять службы, а желаютъ добиться эскадрона.

— Что жъ? Можно: будущая теща займется хозяйствомъ, зятекъ пусть себѣ служитъ, да служитъ.

— А какъ, примѣрно, могу надѣяться на счетъ награды?

— Чтобъ не тянуть канители, дадимъ тебѣ пятьсотъ рублей и годовую провизію.

— Маловато, ваше скобродіе.

— Э, Климъ Назарычъ, не ломайся, братъ, сказалъ хозяинъ: пятьсотъ — деньги хорошія, при томъ же ежегодно будешь получать все готовое продовольствіе.

— Оно точно, потому разомъ сумма не маловажная, но, изволите ли видѣть, касательно полученія провизіи можетъ произойти недополученіе.

— Произойти не можетъ: теща дастъ тебѣ росписку, а мы съ Павломъ Кириллычемъ — поручители.

— Такъ и быть согласенъ, и обнадеженъ, что ваше скобродіе не позабудете шепнуть словечко г. оберъ-аудитору.

— Это своимъ порядкомъ. Ну, по рукамъ что ли?

— Дѣлать нечего.

— Пошли-ка, братъ Павелъ Кирилловичъ двѣ бутылки шипучки атаманскаго — разопьемъ на радостяхъ, ибо я увѣренъ, если Климъ Назарычъ возьмется за дѣло, — дѣло будетъ въ шляпѣ.

— Не имѣйте сумлительства, ваше скобродіе, но слѣдуетъ соблюдать осторожность. Завтра вы познакомитесь съ Емельяномъ Даниловичемъ, якобы желательно позаимствоваться на короткій срокъ подъ залогъ имѣнья, а я, съ своей стороны, подведу статейки; потомъ можно будетъ и жениха представить невѣстѣ.

— Резонъ, тѣмъ болѣе, что у насъ скоро балъ у Сосунова.

— Не знаю, кажется по баламъ-то — не охотникъ.

— Это ужъ будетъ твое дѣло уговорить.

— Постараюсь.

— А что того, сказалъ хозяинъ, я слышалъ — никакъ и здѣсь Емельяну Даниловичу находятся невѣсты.

— Это одинъ близиръ, ваше бродіе. Въ точности майоръ Дрѣцынъ призывали меня и говорили, т. е. обинякамы закидывали на счетъ разнаго прочаго, одначе, какъ сами изволите знать, — дѣло неподходящее. Оно можно имѣть разсужденіе — невѣста скобродная, и возрастъ ничего — имъ еще двадцать пять, да видите ли, разъ — никакого вношенія и второе — возникаетъ сумлительство на счетъ карахтера-съ.

— Притомъ же лютеранскаго вѣроисповѣданія.

— Объ этомъ майоръ тоже намекали, что только-бъ устроить дѣло, а провославіе невѣста — принять согласны-съ.

— Признайся, ты говорилъ Мукосѣеву?

— Попрежъ меня засылали сваху, знаете Агафію Ивановну. Одначе, Емельянъ Даниловичъ, какъ есть люди осто-

рожные, не сказали ей никакого рѣшенія, а совѣтовались со мною.

— Что-жъ ты посовѣтовалъ?

— Извѣстно, ваше бродіе, какъ пораскинулъ я умомъ разумомъ — говорилъ я Емельяну Даниловичу, что теперача съ капиталомъ о невѣстахъ мало хлопотъ, повременить надо, да и за супругою желательно взять примѣрно какое ни на есть имѣніе съ крестьянами, аль по купечеству десятокъ, другой тысячъ.

— Правда, сказалъ Бакрѣевъ, а у этой майорской дочки, чай, и тряпья-то не имѣется?

— Истинно такъ, ваше скобродіе. Жизнь ихъ, можно сказать, при бѣдности. Извѣстно, дивизіонерскіе какіе доходы — много, много, что упряжныхъ лошадей прокормятъ эскадронные командиры. А дѣтками Богъ благословилъ: окромѣ барышни еще три сынишка, по формуляру же не значится никакого родоваго имѣнія.

— Ну, такъ ты хлопочи, братъ, Климъ Назарычъ.

— Съ нашимъ удовольствіемъ, ваше скобродіе, совѣтъ преподамъ отъ искренности, а тамъ ужъ будетъ ваше дѣло ограничить Емельяна Даниловича. При этомъ, смѣю спросить, имѣнице за невѣстою кругленькое?

— Не большое, Климъ Назарычъ, но хорошо устроенное: душъ тридцать крестьянъ и десятинъ сто земли. У матери одна дочь, а мать примѣрная хозяйка во всемъ околодкѣ.

— Слушаюсь. Примѣрно, приданное не супротивъ капитала, одначе, какъ ваше скобродіе такіе благодѣтели — обѣщали награжденіе, а болѣе того замолвить обо мнѣ словцо и г. оберъаудитору, я похлопочу и приложу всѣ средствія.

— Спасибо, Холодовниковъ, и вотъ тебѣ, между прочимъ, красненькая.

— Помилуйте, зачѣмъ, ваше скобродіе!

— Нѣтъ, братъ, я знаю пословицу »сухая ложка ротъ деретъ«. Возьми, это не задатокъ, — успѣешь — хорошо, не успѣешь — не разоримся.

Писарь взялъ деньги и началъ раскланиваться.

— Я сейчасъ же иду къ Емельяну Даниловичу, можетъ быть, они не спятъ, и поговорю, а завтра явлюсь съ докладомъ. Счастливо оставаться.

Холодовниковъ вышелъ и отправился прямо къ Мукосѣеву. Не стану передавать ихъ интимнаго разговора, длившагося за полночь; послѣдствіемъ бесѣды было то, что аудиторъ съ Ба-

крѣевымъ получили приглашеніе на чай и завтракъ къ Емельяну Даниловичу. Приведя гостей и познакомивъ съ хозяиномъ, писарь отправился въ канцелярію. Бакрѣевъ началъ съ займа тысячи рублей, которую Мукосѣевъ обѣщалъ приготовить на недѣлѣ и изъявилъ согласіе не только побывать у Петра Ивановича на хуторѣ, но и посѣтить балъ подполковника Сосунова. Рѣшено было Емельяну Даниловичу пріѣхать прямо къ Бакрѣеву, который, какъ хитрый человѣкъ, вполнѣ раскусилъ бурбона и построилъ уже рѣшительный планъ атаки.

Оставалось только дѣйствовать. Послѣ обѣда у Павла Кириллыча, за которымъ новые знакомцы подружились, выпивъ порядкомъ, Бакрѣевъ поспѣшилъ домой, и хоть была поздняя пора, когда онъ проѣзжалъ мимо домика Мавры Осиповны, однако, онъ заѣхалъ къ родственницѣ и по секрету сообщилъ ей о своихъ предположеніяхъ. Козелкова пришла въ восторгъ и, по уговору, не сказавъ дочери ни слова, принялась на другой день приготовлять ее къ достиженію цѣли, хотя и твердо знала, что Таня окажетъ немалое сопротивленіе.

Черезъ недѣлю, подъ вечеръ одного ненастнаго дня, по дорогѣ къ Землянкамъ проѣхало нѣсколько офицерскихъ колясокъ, тарантасовъ и телѣжекъ, запряженныхъ порядочными лошадьми въ блестящей сбруѣ и съ погремушками. Все это стремилось къ Сосунову, разсчитывая пріѣхать наканунѣ именинъ, чтобы воспользоваться и протанцовать лишній вечеръ, по заведенному обычаю. Проносясь на бойкихъ рысяхъ и маршъ-маршемъ, молодежь обгоняла поселянскую повозку парой, на которой возсѣдалъ, закутавшись въ теплую шинель, Мукосѣевъ, прикрывавшій полою чемоданъ съ новымъ мундиромъ и формой. Офицеры не вѣрили своимъ глазамъ, раскланиваясь съ бурбономъ, а иные даже останавливались, желая удостовѣриться.

— Какъ это вы, Мукосѣевъ, на балъ? отлично!

— Не хотите ли vis-a-vis, Емельянъ Даниловичъ?

— О, да онъ отобьетъ у насъ всѣхъ хорошенькихъ.

Емельянъ Даниловичъ конфузился.

— Я, признаться, господа, ѣду по дѣлу къ Петру Ивановичу Бакрѣеву, а на балъ — не знаю.

— Полноте, что за пустяки!

И товарищи мчались впередъ, а Мукосѣевъ плелся въ повозченкѣ, заботясь о чемоданчикѣ и сбрасывая съ шинели комья грязи, летѣвшіе отъ колесъ и отъ пристяжной лошади.

Бурбонъ, дѣйствительно, ѣхалъ къ Бакрѣеву, потому что везъ обѣщанную тысячу рублей въ карманѣ, но нельзя сказать, чтобъ онъ исключительно преданъ былъ однимъ денежнымъ разсчетамъ. Предстоявшій балъ, положимъ плохой, самая жалкая пародія на балъ — имѣлъ для Мукосѣева очень важное значеніе, и бурбонъ не могъ о немъ не думать безъ сердечнаго трепета, не утраченнаго еще Мукосѣевымъ, несмотря на пятнадцатилѣтнюю солдатскую службу, успѣвшую закалить его душу. Трепетъ этотъ не походилъ, однако же, на дрожь передъ какимъ нибудь смотромъ или ученьемъ строгаго командира, а по сердцу Мукосѣева пробѣгало то неизъяснимое чувство, несовмѣстимое съ бурбонской натурой, какое ощущаютъ, не скажу даже юноши, но скорѣе молоденькія пансіонерки. Во всю жизнь свою Мукосѣевъ одинъ только разъ былъ на балѣ, когда провожали прежняго полковаго командира, и этотъ праздникъ, гремѣвшій до разсвѣта въ богато убранной палаткѣ, долго не могъ изгладиться изъ его памяти. Бурбонъ провелъ всю ночь на ногахъ, смотря во всѣ глаза на хорошенькихъ барышень, одѣтыхъ въ воздушныя платья, и хоть ощущалъ неизвѣданное удовольствіе при видѣ молодости и красоты, однако, вмѣстѣ его давило и разъѣдающее чувство зависти къ товарищамъ, которые, обнявъ гибкій станъ какой нибудь дѣвушки, неслись въ вихрѣ вальса. Балъ этотъ сдѣлалъ на него такое впечатлѣніе, что послѣ мерещился ему едва не каждую ночь, и бурбонъ далъ себѣ слово не ходить на танцовальные вечера въ собранія. Замѣтивъ, что и пожилые офицеры пускались въ танцы, Мукосѣевъ хотѣлъ было даже выучиться танцовать втихомолку, но писарь Холодовниковъ въ интимной бесѣдѣ отговорилъ его, представляя резонъ, что ему приличнѣе »солидственность«. Впрочемъ, на бурбона не столько подѣйствовали убѣжденія писаря, сколько боязнь насмѣшекъ, и онъ покончилъ съ танцами. А его сильно подмывало пройтись рука объ руку съ хорошенькой дѣвушкой, понюхать вблизи, какъ пахнетъ отъ нея духами и помадой. Каждый разъ при подобной мысли Мукосѣеву приходила на память генеральская дочка, которая подарила ему цвѣтокъ, и порой, смотря на его строгое рябоватое лицо съ подфабренными усами и казенными бакенбардами, вамъ и въ голову не могло придти, что человѣкъ этотъ предавался мечтамъ какого нибудь молоденькаго юнкера. Закрывая полою шинели чемоданъ и отбрасывая комья грязи, Мукосѣевъ думалъ о предстоящемъ балѣ у подполковника, на который молодежь собиралась еще не-

дѣли двѣ назадъ, гдѣ предстояло встрѣтить нѣсколько хорошенькихъ. Сперва Емельянъ Даниловичъ хотѣлъ было ѣхать послѣ именинъ Сосунова, но писарь убѣдилъ, что почему же человѣку въ его званіи и съ такимъ капиталомъ не посмотрѣть другихъ и себя не показать, что за обѣдомъ будутъ подавать шампанское и сахарныя пирамиды съ вензелями. Весь вечеръ наканунѣ отъѣзда Мукосѣевъ не отпускалъ Холодовникова и искусно, насколько хватало у него дипломатіи, распрашивалъ, какъ ему вести себя съ дамами, полагая, что Климъ Назарычъ хоть и нижній чинъ, однако, по званію писаря, все же больше имѣлъ понятія объ обращеніи съ женщинами, нежели онъ, по званію вахмистра.

— Точно, в. бродіе, говорилъ ему Холодовниковъ, это особь статья съ женскимъ поломъ, такъ что иной разъ легче настрочить какой нибудь рапортъ начальнику дивизіи. Сидишь, случается, куракъ дуракомъ передъ хорошенькой дѣвицей и не знаешь, куда руки дѣвать, что болтнуть языкомъ.

— Это мнѣ и страшно, Климъ Назарычъ; съ руками-то еще кое-какъ, а вотъ проклятой языкъ...

— Да вы только смѣлѣе, Емельянъ Даниловичъ. Женскій полъ это очинно любитъ.

— Что же имъ говорить-то?

— Каплименты примѣрно. Только смотрите, в. бродіе, осторожнѣе — не сядьте на платье, не наступите на ногу.

— Ну, это уладимъ. А на счетъ каплиментовъ.

— Тоже особь статья. Примѣрно понравится барышня, — ей можно сказать: »вы, сударыня, пронзили мое сердце стрѣлою«.

— А непремѣнно развѣ сударыня?

— Нѣтъ, офицеры говорятъ больше »мадамъ« и »мамзель«, но, знаете, иногда можно сбиться.

— Что же тутъ сбиваться! Мамзель — это всякъ знаетъ, и какъ-то политичнѣе.

— Точно, в. бродіе, образованнѣе. Ну, можно и »мамзель«. А не то можно ей сказать: »вы, мамзель, не танцуете, а летаете по воздуху«.

— Э, братъ, гдѣ съ этими тонкостями! боюсь опростоволоситься. Нѣтъ, я каплиментовъ говорить не буду. А примѣрно уронитъ платокъ?

— Поднять, расшаркаться и подать.

— Что же говорить при этомъ?

— Ничего не говорите. Она сама поблагодаритъ.

— Ну, а за обѣдомъ, говорятъ, надо прислуживать?

— Можно и прислуживать, если сидишь рядомъ.

— Боюсь братъ, Климъ Назарычъ, вотъ какъ боюсь! А тутъ еще наши офицерики на смѣхъ подымутъ.

— И, в. бродіе, теперь каждый знаетъ, что у васъ капиталъ! Сегодня же вѣдь ротмистръ, Жемковъ, просилъ полтораста, а вѣдь это не зубоскалъ какой нибудь. Да сами принаравливайтесь, в. бродіе, какъ дѣлаютъ офицеры, такъ и вы.

— А чортъ ихъ услѣдитъ, что они дѣлаютъ, они съ измальства привыкли.

— Не святые же горшки лѣпятъ, в. бродіе.

— Оно такъ, а все не хотѣлось бы опростоволоситься. Теперича, примѣромъ, отрекомендовавшись, если просятъ садиться, надобно и садиться прямо?

— Нѣтъ, в. бродіе, надобно сказать: »не обезпокоилъ ли я васъ своимъ посѣщеніемъ«. Просятъ ли, не просятъ садиться, а сказать это надо по политикѣ.

— А послѣ?

— Послѣ — ничего — можно и садиться.

— Послушай, Климъ Назарычъ: правую руку я думаю за лацканъ, какъ дѣлаютъ офицеры.

— Что-жъ и за лацканъ! оно красивѣе. А еще лучше, какъ штабсъ-ротмистръ Мокрецовъ, тѣ, когда разговариваютъ съ барышнями, такъ постоянно играютъ кистями этишкетъ. Очень великатно, Емельянъ Даниловичъ.

Получивъ подобныя неопредѣленныя наставленія, Мукосѣевъ съ большой робостью мечталъ о предстоящемъ балѣ, и боязнь эта тѣмъ болѣе имъ овладѣвала, что, чувствуя себя человѣкомъ денежнымъ, а слѣдовательно, и не безъ нѣкотораго вѣса, онъ считалъ себя вправѣ раздѣлять и удовольствія общества. Слова нѣтъ, что̀ въ промежуткахъ, когда обаяніе капитала придавало ему хоть въ собственныхъ глазахъ кое какія достоинства, отдаленная надежда манила Емельяна Даниловича, что, можетъ быть, какая нибудь хорошенькая барышня, узнавъ, что онъ за человѣкъ, захочетъ поговорить съ нимъ, но подобныя утѣшительныя фантазіи вскорѣ поглощались безпощадной мыслью: »а какъ я сробѣю и осрамлюсь!« И несмотря на гадкую дорогу и на утомленныхъ лошадей, Мукосѣеву путь показался очень короткимъ, какъ это бываетъ со всѣми, кто у цѣли ждетъ чего нибудь неизвѣстнаго и въ разныхъ видахъ представляетъ себѣ это неизвѣстное.

Вечерѣло. Обнаженная дикая степь начала принимать овра-

жистый характеръ, и возница Мукосѣева обратился къ поручику.

— Вонъ, вонъ видны Землянки! сказалъ онъ, указывая вдаль кнутовищемъ.

— Какія Землянки?

— А такъ зовутъ панскіе хутора.

— Значитъ, скоро пріѣдемъ?

— Ого! Вѣдь вамъ къ аудитору?

— Да.

— Это еще хуторами верстъ семь добрыхъ будетъ.

— А подполковникъ?

— Тамъ же и подполковникъ, и глухая ротмистерша, и поручикъ Тулумбасовъ.

— Ты, смотри, вези прямо къ аудитору.

— Извѣстно, в. б—іе, къ Петру Ивановичу Бакрѣеву. Мы туда часто возимъ. У него племянница есть, добрая барышня, такъ ахвицера частенько наѣзжаютъ.

— И хорошенькая?

— Просто писанная картинка, в. б—іе. Она приходится дочка — глухой ротмистершѣ, а Петру Ивановичу, значитъ, племянница.

— Богатая?

— Кто ихъ знаетъ! Хуторъ плюгавый, мы поѣдемъ мимо. Ну, да батенька ихъ былъ волостнымъ командиромъ, должно быть нажился. На немъ, правда, былъ начетъ, да вѣдь съ деньгами дѣла обдѣлывать можно.

— Такъ эта барышня живетъ не у аудитора?

— Никакъ нѣтъ, в. б—іе, а завсегда бываетъ.

— И наши офицеры, говоришь, наѣзжаютъ?

— О, сколько ихъ было. Поручикъ Лымаревъ хотѣлъ сватать, да что-то не сошлись, Богъ ихъ знаетъ, а подалъ переводъ.

— А теперь никто не сватаетъ?

— Не могу знать. А ужъ барышня! лучше ея нѣтъ, да и танцуетъ чище всѣхъ. Обучалась, говорятъ, за границей.

— Ты же какъ видѣлъ?

— Помилуйте, в. б—іе. Вездѣ на балахъ у помѣщиковъ мы смотримъ, лѣтомъ въ окна, а зимою изъ прихожей, — позволяютъ. Простаго народу наберется толпа въ прихожей — лакеи, кучера, горничныя, и смотримъ, только не ругайся, не балуй, да не кури трубки. Вотъ у насъ въ полку, въ танцахъ, супротивъ юнкера Турчаева нѣтъ никого, и изъ офице-

ровъ никто не выйдетъ, даже самъ Мокрецовъ. Еще кадрель многіе господа хорошо танцуютъ, — а въ вальцѣ всѣхъ за поясъ заткнетъ.

Сердце Мукосѣева сжалось болѣзненно при мысли, что какой нибудь мальчишка, юнкеръ, котораго онъ имѣлъ право посадить подъ арестъ, и тотъ игралъ видную роль, между тѣмъ какъ поручикъ, вѣрой и правдой заслужившій эполеты, не умѣлъ сказать въ обществѣ слова, не можетъ ступить ногою въ танцахъ.

— Ну, пошелъ скорѣе! сказалъ онъ сердито и закутываясь въ шинель.

По дорогѣ начали мелькать хуторки, и скоро Мукосѣевъ подъѣхалъ къ порядочной усадьбѣ, господскій домъ которой весь освѣтился огнями.

— Вотъ, подполковникъ, должно быть много гостей, сказалъ извощикъ.

— А гдѣ же аудиторъ?

— Вонъ, полумашина съ ободраннымъ крыломъ — версты полторы! А вотъ гдѣ вербы, тутъ живетъ глухая ротмистерша.

Проѣзжая мимо, Мукосѣевъ, почему-то обратилъ особенное вниманіе на домикъ глухой ротмистерши, у воротъ котораго стояла бриченка, запряженная парой.

— Стало быть ѣдутъ къ подполковнику, замѣтилъ извощикъ.

— Пошелъ, однако жъ, поскорѣе, чтобъ намъ застать аудитора дома.

— Не разминемся, будетъ ѣхать сюда же. Никакъ и в. б—іе къ подполковнику.

— Еще посмотримъ.

Извощикъ подогналъ усталыхъ лошадей, и черезъ четверть часа Мукосѣевъ остановился предъ крыльцомъ небольшаго, чистенькаго домика, въ сѣняхъ котораго показался самъ Петръ Ивановичъ въ халатѣ изъ мерлушекъ, съ длиннымъ чубукомъ, и радушно привѣтствовалъ гостя. Емельянъ Даниловичъ вылѣзъ изъ повозки, велѣлъ нести за собою чемоданъ и околотивши грязь съ шинели и сапогъ, подошелъ къ хозяину.

— Мое почтеніе, Петръ Ивановичъ, не обезпокоилъ ли я васъ своимъ посѣщеніемъ?

— Помилуйте, я ждалъ васъ. Милости просимъ, будьте какъ дома.

— А вотъ укажите только, гдѣ сложить экипажъ (по солдатски пожитки), а мнѣ больше ничего не нужно.

— Вамъ приготовлена комната и все, какъ слѣдуетъ. Ну, раздѣвайтесь же и пойдемъ съ дороги чай пить, да надобно и къ подполковнику.

— Туда очень много понаѣхало.

И еще разъ отерши сапоги въ передней, Мукосѣевъ робко вступилъ въ залу, гдѣ накрытъ былъ столъ для чаю и хозяйка суетилась возлѣ самовара. Бакрѣевъ подвелъ къ ней поручика.

— Рекомендую, душка, гость, о которомъ говорилъ.

— Честь имѣю керемендоваться, поручикъ Емельянъ Даниловичъ, сынъ Мукосѣевъ.

— Очень пріятно. Много наслышана.

— Прошу любить и жаловать. Не обезпокоилъ ли я васъ своимъ посѣщеніемъ?

— Напротивъ, мы очень рады.

— Извините, что въ старомъ сюртукѣ — дорога такая грязная.

— Ничего, ничего, вотъ къ сосѣду вечеромъ можно примундириться, а у насъ все попросту.

Мукосѣевъ усѣлся, и только что собирался приняться за чай, какъ въ залу вошла дочь хозяйки, дѣвочка лѣтъ тринадцати, и бурбонъ счелъ обязанностью вскочить и расшаркаться.

— Это наша дочь, сказалъ Бакрѣевъ.

— Имѣю честь керемендоваться, поручикъ Емельянъ Даниловичъ, сынъ Мукосѣевъ, прошу любить и жаловать, проговорилъ бурбонъ скороговоркою.

Дѣвочка сдѣлала ему реверансъ и покраснѣла.

— Не обезпокоилъ ли я васъ своимъ посѣщеніемъ?

— Да что вы съ ней церемонитесь, Емельянъ Даниловичъ, она еще ребенокъ, пейте-ка чай, да не прикажите ли кизлярки?

— Нѣтъ не хочу, будетъ смердѣть въ обчествѣ.

— Какъ угодно. Да намъ и медлить нечего, напьемся чаю и маршъ; знаете, между народомъ будетъ веселѣе.

— Надо надѣть мундиръ, я полагаю.

— Можно въ сюртукѣ.

— Нѣтъ, на первый разъ, говорятъ, надо, а рейтузы сойдутъ и полуновые: я такъ надѣвалъ и въ дорогу.

— Вечеромъ никто не замѣтитъ.

— Одначе прежде надо бы потолковать о дѣлѣ: я привезъ, что вы желали.

— Благодарю васъ. Знаете ли, Емельянъ Даниловичъ, что мнѣ уже миновала надобность, я уладилъ дѣло.

— Какъ теперича? деньги ненужны?

— Могу обойтись. Мнѣ только пріятно, что нашелся добрый человѣкъ, который довѣряетъ. Надѣюсь, въ другой разъ не откажете?

— Съ нашимъ удовольствіемъ, говорилъ Мукосѣевъ, весело посматривая на аудитора и сразу возъимѣлъ высокое мнѣніе о человѣкѣ, который отказывался отъ денегъ.

— Вотъ жена, послалъ намъ Богъ знакомаго, и отличный офицеръ, и денежный, да кромѣ того добрый человѣкъ — сейчасъ готовъ выручить изъ бѣды.

— Помилуйте, мы съ нашимъ удовольствіемъ, завсегда.

— Семейные? спросила хозяйка, какъ ни въ чемъ не бывало, хотя ей очень хорошо было извѣстно, зачѣмъ бурбона вытащили въ Землянки.

— Никакъ нѣтъ.

— А что-жъ? Теперь самая пора обзавестись супругой. Въ молодыя лѣта жениться просто не слѣдуетъ, никакого не выходитъ толку. То ли дѣло мужъ пожилой, опытный, — и поучитъ, и побалуетъ, и остережетъ.

— Страшно, сударыня, особенно нашему брату: какъ его приступить.

— Да помилуйте, чего тутъ приступать: каждая порядочная мать отдастъ за васъ дочку съ руками и съ ногами, если узнаетъ что̀ вы за человѣкъ.

Бурбонъ улыбнулся.

— Я самъ думаю, что не обижалъ бы жену.

— Нельзя же, замѣтилъ Бакрѣевъ, безъ строгости, мужъ на то глава; но должно помнить, что жена не скотина какая нибудь, надо имѣть чувствіе.

— Безъ чувствія нельзя-съ, проговорилъ Мукосѣевъ, ободренный такимъ пріятнымъ разговоромъ: въ писаніи сказано »блаженъ аще и скоты милуетъ«. Дѣло другое, жена провинилась, надо поучить, а поступаетъ по закону, должно любить.

— Мнѣ кажется, вы будете любить свою супругу, сказала хозяйка.

— Не могу знать. Кажись, любилъ бы.

— Однако, Емельянъ Даниловичъ, пейте чай да пора одѣваться: ѣдемъ къ подполковнику, сказалъ аудиторъ. Тамъ увидите нашихъ землянковскихъ барышень. Только у насъ нѣтъ богатыхъ невѣстъ.

— Не въ богатствѣ счастье, а главное, чтобъ найти вѣрнаго друга, замѣтила Бакрѣева и съ особеннымъ чувствомъ посмотрѣла на Емельяна Даниловича.

Окончивъ стаканъ чаю и поблагодаривъ хозяевъ »за угощеніе«, бурбонъ, по указанію Петра Ивановича, отправился въ свою комнату, гдѣ ожидалъ его комнатный мальчикъ. Емельяну Даниловичу никто никогда не прислуживалъ, даже деньщикъ, который только обязанъ былъ вычистить сапоги, и присутствіе посторонняго лакея сильно смущало Мукосѣева, но изъ боязни поступить противъ правилъ общежитія онъ не отсылалъ мальчика, которому не зналъ какое поручить занятіе. Скинувъ сюртукъ и добывъ ключъ, привязанный къ ладонкѣ, Мукосѣевъ отперъ свой чемоданъ, вынулъ мундиръ, нацѣпилъ форму, переложилъ деньги и пошелъ одѣваться. Ему показалось красивѣе оставить лацкана открытыми. Черпнулъ онъ порядочное количество помады изъ синей банки, помазалъ голову и пригладилъ короткіе волосы роговой гребенкой. Нѣсколько минутъ Мукосѣевъ не рѣшался въ выборѣ между новыми и мытыми перчатками, наконецъ склонился въ пользу послѣднихъ, разсчитывая надѣть чистыя къ завтращнему балу, а цвѣтной бумажный платокъ въ родѣ фуляра напрыскалъ *ладиколономъ*. Хотя Мукосѣевъ курилъ изъ коротенькой трубочки преимущественно махорку, но имѣлъ на всякій случай перцовый чубучекъ и четверку Жукова, изъ которой и отсыпалъ нѣсколько въ ситцевый кисетъ съ разноцвѣтными по угламъ кисточками. Пока онъ сбирался, запиралъ чемоданъ и складывалъ бережно сюртукъ на диванчикѣ, къ нему вошелъ Бакрѣевъ, совсѣмъ одѣтый, съ длиннымъ чубукомъ и съ шелковымъ кисетомъ на пуговицѣ.

— А! вы уже готовы.

— Точно такъ.

— Да какимъ молодцомъ! Духи такъ и воняютъ на всю комнату. Настоящій женихъ.

— Какъ же-съ. Надобно напрыскаться, говорятъ, барышни очинно любятъ это.

— Да вы, какъ я вижу, большой охотникъ до барышень.

— Что-жъ! посмотрѣть не мѣшаетъ.

— Посмотрите, посмотрите. Ну, такъ ѣдемъ! Эй, узнай — поданы ли лошади.

Мальчикъ побѣжалъ и возвратился съ отвѣтомъ, что лошади у крыльца.

— Ѣдемъ, Емельянъ Даниловичъ, пора. Сегодня жена

останется дома, а завтра уже на парадный балъ и ее возьмемъ съ собою.

Черезъ полчаса аудиторъ съ Мукосѣевымъ подъѣзжали къ дому подполковника. На дворѣ стояло довольно экипажей. Окна вездѣ были освѣщены; прiѣзжiе кучера лакеи и горничныя, переносили постели, сундуки и чемоданы. Въ передней тоже толпилась прислуга. Въ залѣ слышался веселый говоръ, и Емельянъ Даниловичъ »сробѣлъ маленько« при мысли предстать предъ многочисленное общество.

— Ужъ вы пожалоста, Петръ Ивановичъ, откеремендуйте меня г. подполковнику и ихъ супругѣ.

— Объ этомъ не безпокойтесь.

И аудиторъ ввелъ своего спутника въ залу, по которой группами ходили дѣвицы въ сопровожденiи юнкеровъ и офицеровъ. Несмотря почти на отсутствiе освѣщенiя — четыре или пять свѣчей, торчавшихъ на столикахъ, едва озаряли большую комнату — Мукосѣеву, привыкшему довольствоваться сальнымъ огаркомъ, показалось, что онъ вошелъ въ какiе-то волшебные чертоги. Онъ не зналъ, какою ступать ногою, потому что боялся зацѣпить кого-нибудь, и на первыхъ же порахъ заявить свою бурбонскую неуклюжесть. Къ счастью, въ это время изъ гостинной показался Сосуновъ и привѣтствовалъ аудитора съ улыбкой, что дѣлалъ всегда, хотя и недолюбливалъ послѣдняго.

— Вотъ мой гость, сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Г. подполковникъ, имѣю честь керемендоваться: поручикъ Емельянъ Даниловъ, сынъ Мукосѣевъ, прошу любить и жаловать.

— Очень радъ.

— Не обезпокоилъ ли я васъ своимъ посѣщенiемъ?

— Помилуй, братецъ, видишь сколько у меня гостей.

— Имѣю честь проздравить съ будущими имянинами.

— Много обязанъ, прошу быть безъ церемонiи. Вы Петръ Ивановичъ, пососѣдски, озаботьтесь о дорогомъ гостѣ.

И Сосуновъ ушелъ дальше, а Бакрѣевъ повелъ бурбона въ гостинную, гдѣ представилъ его подполковницѣ. Тамъ же на диванѣ сидѣла и Козелкова. Хозяйка обошлась съ новымъ гостемъ церемонно, вѣжливо и указала мѣсто возлѣ себя. Мукосѣевъ сгорѣлъ со стыда и хоть проговорилъ уже завѣтную фразу, однако подумывалъ — не сказать ли еще: »покорно благодаримъ — насидѣлся въ дорогѣ«. Петръ Ивановичъ показалъ ему знакомъ, чтобъ садился.

— Вы изъ танцующихъ, или играете въ карты? спросила Сосунова.

— Емельянъ Даниловичъ не охотникъ до танцевъ, а въ карты никогда не играетъ, поспѣшилъ отвѣчать Бакрѣевъ, видя замѣшательство своего товарища.

— Такъ вамъ у насъ будетъ скучно, продолжала хозяйка, обращаясь къ Мукосѣеву.

— А я посмотрю, сударыня.

Козелкова постоянно наставляла ухо, чтобъ не терять нити разговора, и какъ собесѣдники имѣли привычку выражаться громко, то ей и нечего было бояться за свою легкую глухоту.

— Вы еще человѣкъ не старый, отозвалась она, почему бы вамъ и не танцовать.

— Съ измальства не обучался, отвѣчалъ Мукосѣевъ и завертѣлся на одномъ мѣстѣ, посматривая на Бакрѣева какъ на единственнаго спасителя.

— Это, Емельянъ Даниловичъ, моя родственница Мавра Осиповна Козелкова, а вамъ Мавруша, рекомендую моего прiятеля, о которомъ уже докладывалъ.

— Очень рада съ вами познакомиться. Мой мужъ тоже служилъ въ полку.

Мукосѣевъ хотѣлъ было встать »керемендоваться«, но Петръ Ивановичъ удержалъ его за руку.

— А гдѣ же Таня? Я въ залѣ ея не видалъ, сказалъ аудиторъ.

— Вѣрно гдѣ нибудь съ барышнями заболталась.

Хозяйку вызвали по поводу какихъ-то распоряженій, а Мавра Осиповна принялась за Мукосѣева, подсѣвъ къ нему поближе и усадивъ съ другой стороны родственника. Бѣдному бурбону, разнѣжившемуся отъ привѣтливости новыхъ знакомыхъ, и въ голову не приходило, что причиной этой прiязни были его тридцать тысячъ, которыми рѣшились овладѣть во что бы то ни стало.

— Я надѣюсь, Емельянъ Даниловичъ, что вы пожалуете и ко мнѣ въ домъ съ Петромъ Ивановичемъ.

— Очинно прiятно, только боюсь — не разсердился бы эскадронный командиръ, — онъ меня отпустилъ только на два дня.

— Ну, гдѣ два, тамъ и три, замѣтилъ Бакрѣевъ, при томъ же вы не часто уѣзжаете.

— Еще первый разъ за свою службу.

— Вотъ видите ли! Мнѣ братецъ Петръ Ивановичъ много о васъ сказывали.

— Я съ нашимъ удовольствіемъ.

— А вотъ и моя дочь! Таня, поди сюда!

Барышни проходили черезъ гостинную.

Красивая стройная дѣвушка отдѣлилась отъ нихъ и подошла къ Козелковой. Она была одѣта бѣдно, почти безъ вкуса, но все выкупалось ея изящной особой. Украдкой взглянувъ на незнакомаго офицера, Таня остановилась возлѣ матери.

— Это, душенька, пріятель дяденьки.

— Имѣю честь, мамзель, керемендоваться: поручикъ Емельянъ Даниловъ, сынъ Мукосѣевъ, прошу любить и жаловать, сказалъ бурбонъ, вставъ со стула и расшаркиваясь.

— Очень рада.

— Не обезпокоилъ ли я васъ своимъ посѣщеніемъ?

Дѣвушка во всѣ глаза посмотрѣла на бурбона.

— Емельянъ Даниловичъ и къ намъ обѣщалъ пріѣхать.

— Милости просимъ.

Не нужно было много наблюдательности, чтобы замѣтить перемѣну на лицѣ Мукосѣева. Онъ въ жизнь не видѣлъ подобной красавицы, передъ которой на его памяти разомъ стушевалась даже генеральская дочка, подарившая ему цвѣтокъ. Лицо Тани выражало скуку, и дѣвушкѣ хотѣлось поскорѣе въ залу, откуда несся веселый говоръ молодежи.

Въ гостинную вошелъ офицеръ изъ тогдашнихъ шикаровъ съ завитыми волосами, въ такъ называемыхъ бальныхъ, т. е. неформенныхъ эполетахъ и со шпорами о двухъ репейкахъ, отъ котораго на всю комнату понесло острымъ запахомъ пачули. Онъ прямо направился къ Танѣ.

— Татьяна Николаевна сегодня совершенная невидимка, сказалъ онъ и брязнулъ звенящими шпорами.

— Пріѣхали Салошины, такъ я съ ними разговаривала,— давно не видались.

— И по этому лишили всѣхъ удовольствія пользоваться вашимъ обществомъ, проговорилъ шикаръ, подбоченясь.

Таня улыбнулась.

— А! Мукосѣевъ! продолжалъ франтъ: какъ это вы попали на балъ?

— Пріѣхалъ по дѣлу.

— Что-жъ будемъ танцовать? Видите, мало кавалеровъ.

Бурбонъ принужденно засмѣялся.

— Съ нашимъ бы удовольствіемъ, да я не танцую.

— Барышни научатъ, замѣтилъ франтъ, разсмѣявшись.

Бакрѣевъ догадался, что его protégé угрожало какое ни-

будь неловкое положеніе, и хоть онъ былъ человѣкъ необразованный, однако смекнулъ въ чемъ дѣло.

— Танцуйте ужъ вы, молодежь, сказалъ онъ, а мы съ Емельяномъ Даниловичемъ посмотримъ, да полюбуемся.

Пользуясь случаемъ, Таня ускользнула въ залу.

Между тѣмъ молодежь уже начала распускать барышнямъ вѣсть, что пріѣхалъ бурбонъ, надъ которымъ можно будетъ позабавиться. Барышни обрадовались случаю и начали путешествіе мимо двери гостиной, чтобы разсмотрѣть любопытную личность, а юнкера и офицеры увивались за ними, разсказывая разные анекдоты о свѣтскости Емельяна Даниловича и передали его эпизодъ съ генеральской дочкой. Таня нѣсколько тревожная и разсѣяннѣе обыкновеннаго, какъ разъ натолкнулась на группу дѣвицъ, съ которыми ходилъ извѣстный ловеласъ, штабсъ-ротмистръ Мокрецовъ, покуривая изъ длиннаго черешневаго чубука, что въ то блаженное время не запрещалось и въ обществѣ женщинъ и въ самой бальной залѣ. Нѣкоторыя либералки изъ барышень, иной разъ украдкой отъ маменекъ просили у кавалеровъ затянуться, а иныя умѣли даже пускать дымъ колечками изъ своихъ хорошенькихъ губокъ. Тогда еще папиросъ никто не зналъ, и прекрасный полъ, нѣсколько эманципированный, покуривалъ втихомолку трубочку, несмотря на запрещеніе родителей. Штабсъ-ротмистръ преслѣдовалъ дѣвицъ, между прочимъ, какъ видно, въ ожиданіи Тани, потому что едва послѣдняя показалась на порогѣ, какъ онъ ловко выдернулъ фуляръ, отеръ мундштукъ и поднесъ ей съ улыбкой.

— Не прикажете ли-съ?

— Ахъ, что вы? Замѣтятъ.

— Вы такъ искусно надуваете всѣхъ, что никто и не замѣтитъ.

— Это каламбуръ?

— Ха, ха, ха! Вы проведете хоть кого.

— Нѣтъ, боюсь...

— А кого вы ищете своими хорошенькими глазками.

— Вотъ пустяки. Никого.

— Въ кабинетѣ?

— Отвяжитесь.

— А что, ma chère, вы видѣли бурбона, — спросила Таню одна молоденькая дѣвица.

— Видѣла. Бурбонъ, какъ бурбонъ.

— А знаете ли, подхватилъ одинъ развязный юнкеръ, при-

влеченный появленіемъ Тани, этотъ бурбонъ получилъ наслѣдство тридцать тысячъ.

— Быть не можетъ! Быстро воскликнула довольно зрѣлая толстая барышня, которой давно уже хотѣлось и пора было выдти замужъ.

— Это всему полку извѣстно.

— Тридцать тысячъ! сказала въ свою очередь Таня.

— Капиталъ порядочный, замѣтилъ Мокрецовъ и попадись онъ въ порядочныя руки, можно бы зажить припѣваючи.

— Онъ не пьетъ? спросила толстая барышня.

— Кто, бурбонъ? Развѣ на чужія деньги. Помилуйте, онъ скупъ до невѣроятности, сказалъ юнкеръ. Недавно одинъ товарищъ, богатый человѣкъ, просилъ у него взаймы сто рублей, такъ отказалъ.

— У насъ ужъ нѣкоторые теплые ребята хотѣли выучить его играть въ карты, такъ не поддается, сказалъ улыбаясь Мокрецовъ. По крайней мѣрѣ деньги достались бы порядочнымъ людямъ, а то судите сами — околѣетъ, и всѣ тридцать тысячъ уйдутъ къ чорту.

— А, можетъ быть, онъ женится, замѣтила толстая дѣва.

— Развѣ кто нибудь женитъ, отозвался Мокрецовъ и захохоталъ въ качествѣ полковаго остряка, при каждомъ словѣ котораго товарищи обыкновенно разражались смѣхомъ, — думая, что онъ непремѣнно что нибудь »сморозитъ«.

— Конечно съ деньгами нетрудно жениться, замѣтила Таня, понимавшая житейскія отношенія.

— Да вѣдь кто же порядочный пойдетъ за бурбона! сказалъ Мокрецовъ, повертываясь на одной ножкѣ.

— За примѣрами ходить недалеко, отвѣчала толстая дѣва: вотъ Лиденька же вышла за Рукавицина, тоже изъ писарей, — Груша вышла за Слабокишкина — бурбонъ, а посмотрите — какія барыни!

— Помилуйте, сказалъ нѣсколько обиженнымъ тономъ Мокрецовъ, уже одно то, что жить съ необразованнымъ чурбаномъ.

— А если нѣтъ жениховъ образованныхъ?

— При этомъ молодыя барышни сочли обязанностью удалиться, потому что въ естественномъ вопросѣ толстушки было много щекотливаго. Дѣйствительно офицеры не прочь были ухаживать за землянковскими дѣвицами, однако, ухаживанья эти не влекли за собой никакихъ важныхъ послѣдствій. Самъ Мокрецовъ почувствовалъ неловкость положенія — и вышелъ въ переднюю вычистить и набить трубку.

Въ это время въ залѣ раздались звуки разбитаго фортепьяно, на которомъ забренчалъ музыкальный учитель околодка. Дѣвицы усѣлись по мѣстамъ, кавалеры бросились къ фуражкамъ за перчатками, и скоро затѣялись деревенскіе танцы.

Атакованный съ одной стороны Маврой Осиповной, а съ другой аудиторомъ, Мукосѣевъ находился въ какомъ-то странномъ для него состояніи. Козелкова хоть и не дослышивала, однако помѣстилась близко къ бурбону и вызывала его на интимные разговоры, а Бакрѣевъ яркими красками описывалъ жизнь въ отставкѣ и семейное счастье. Емельянъ Даниловичъ подъ вліяніемъ этой бесѣды и новой для него обстановки, началъ мало по малу ощущать какую-то сердечную теплоту, разлившуюся внутри его неизвѣданнымъ наслажденіемъ. Стройная фигура Тани такъ и рисовалась въ его воображеніи, и бурбонъ, по обыкновенію, не краснорѣчивый, еще больше сбивался въ своихъ отвѣтахъ. Самые плохіе духи, которыми напрысканъ былъ платокъ молодой дѣвушки, произвели на него одуряющее дѣйствіе.

На бѣду Мавры Осиповны вѣсть о присутствіи холостаго обладателя тридцати тысячъ успѣла уже облетѣть всѣ углы дома, и къ Козелковой повидимому, но въ дѣйствительности къ бурбону подсѣло нѣсколько чадолюбивыхъ маменекъ. Завязался общій, ни для кого не интересный разговоръ, но Бакрѣевъ, предчувствуя, что со временемъ могла возникнуть какая нибудь конкуренція, предложилъ бурбону пойти затянуться и посмотрѣть на танцы. Бурбонъ тотчасъ же вскочилъ, обрадовавшись случаю увидѣть хорошенькихъ барышень, въ особенности Таню.

Нѣсколько паръ кружилось по залѣ, въ которой трубочный дымъ ходилъ облаками, такъ что свѣчи мерцали, словно въ туманѣ. Протанцовавъ нѣсколько туровъ съ Мокрецовымъ, Таня опустилась на стулъ у двери гостиной. Она раскраснѣлась и едва переводила духъ, а передъ ней уже стояли нѣсколько кавалеровъ и ожидали завидной очереди. Впереди всѣхъ рисовался молоденькій юнкеръ, съ которымъ она и пошла танцовать, отдохнувъ съ минуту.

— Славная дѣвка ваша племянница, Петръ Ивановичъ, сказалъ не смѣлымъ голосомъ Мукосѣевъ.

— Да, а — вотъ нѣтъ судьбы. Находятся женихи, но все не по мысли.

— Имъ примѣрно который годочекъ?

— А я думаю девятнадцать.

— Пора-съ. Они вѣрно оченно хорошо воспитаны.

— Даже слишкомъ хорошо, Емельянъ Даниловичъ.

— Видно охотницы танцовать.

— Всѣ онѣ охотницы, пока въ дѣвушкахъ, а выйдуть замужъ, тогда другія заботы.

— Точно такъ.

Таня еще болѣе усталая, снова усѣлась на прежнемъ мѣстѣ. Петръ Ивановичъ подошелъ къ ней.

— Что, весело? спросилъ онъ, взявъ ее за подбородокъ.

— Не очень, дяденька, а вотъ завтра привезутъ музыку, можетъ, будетъ веселѣе.

— Танцуй же, а мы съ Емельяномъ Даниловичемъ полюбуемся.

Таня посмотрѣла на бурбона и замѣтила, что онъ не спускалъ съ нея глазъ и стоялъ вытянувшись, какъ во фронтѣ. Ей любопытно было пристальнѣе взглянуть на человѣка, которому съ неба свалились тридцать тысячъ, потому что, правду сказать, въ гостиной она его и не замѣтила. Встрѣтивъ испытующій взоръ дѣвушки, бурбонъ почувствовалъ неловкость и началъ переминаться на мѣстѣ, притомъ же его тревожила мысль—не нашла ли она въ немъ чего нибудь смѣшнаго,—и вотъ захохочетъ; но безпокойство Мукосѣева продолжалось недолго. Таню подхватилъ одинъ корнетъ и пошелъ вальсировать.

— Ну, Емельянъ Даниловичъ, сказалъ Бакрѣевъ: — пойдемъ-ко въ кабинетъ къ хозяину, тамъ рѣжутся въ картишки, мы на свободѣ покуримъ, выпьемъ пуншу, а послѣ опять можемъ смотрѣть на молодежь.

— Съ нашимъ удовольствіемъ.

А въ это время мимо бурбона пронеслась стройная Таня и задѣла его платьемъ. Мукосѣева даже немного подернуло. Снова плохіе духи оказали на него одуряющее вліяніе, и Емельянъ Даниловичъ пошелъ за Бакрѣевымъ, безпрестанно оглядываясь.

Появленіе бурбона, надъ которымъ молодежь замышляла потѣшиться, произвело однако жъ совсѣмъ другой эффектъ, какъ на хозяина дома, такъ и на многихъ гостей, питавшихъ уваженіе къ чужимъ тысячамъ. Напрасно офицеры, любезничая, предлагали сыграть какую нибудь штуку съ Мукосѣевымъ и »пустить его въ игру«, какъ говорилось. Дѣвицы, конечно, по наставленію маменекъ, отказывались участвовать въ исполненіи коварныхъ замысловъ, да и нѣкоторыя изъ нихъ сами смотрѣли на бурбона болѣе съ любопытствомъ, нежели насмѣш-

ливо. Когда же подполковникъ вышелъ изъ кабинета подъ руку съ Мукосѣевымъ и провелъ его торжественно въ гостиную, самые записные шалуны увидѣли, что всякіе вообще штуки были бы неумѣстны.

Послѣ предварительныхъ переговоровъ съ мужемъ, Сосунова взяла Мукосѣева подъ свое особое покровительство и оказала ему такое вниманіе, — какимъ рѣдко кто пользовался отъ гордой помѣщицы. Была однако же причина, — почему спѣсивая барыня измѣнила своему обычаю: Сосунову предстоялъ случай выгодно купить тысячу овецъ, и онъ не зналъ, гдѣ достать необходимую сумму. Тѣмъ не менѣе эта привѣтливость благотворно подѣйствовала на Мукосѣева, который не понималъ, что со стороны Сосуновой играло роль наставленіе мужа, а со стороны прочихъ помѣщицъ надежда пристроить дочерей къ капиталу въ тридцать тысячъ ассигнаціями. Какъ бы то ни было, а Мукосѣева окружили въ гостиной барыни и наперерывъ осыпали его посильными любезностями, такъ что бурбону и хотѣлось въ залу, и не безъ удовольствія оставался онъ на своемъ мѣстѣ.

Сосунова однако же въ качествѣ хозяйки не долго могла занимать гостя, но Мавра Осиповна и еще одна косоглазая помѣщица рѣшительно завладѣли Емельяномъ Даниловичемъ. Послѣдняя рѣшилась даже дѣйствовать болѣе практическимъ способомъ — она кликнула свою дочь — недурную дѣвушку лѣтъ за двадцать и усадила возлѣ себя, подъ видомъ материнскаго попеченія объ ея здоровьи, »чтобъ дитя не затанцовалось«, но въ сущности съ цѣлью обратить на нее вниманіе капиталиста. Госпожа эта не знала, что тутъ же рядомъ сидѣла соперница, постигшая этотъ маневръ, и которая рѣшилась принять свои мѣры для достиженія той же цѣли. Мавра Осиповна отправилась прямо въ залу, взяла дочь за руку и провела въ гостиную.

— Бѣда съ этими дѣвченками, сказала она, завтра цѣлый день танцовать — еще имъ мало! Посмотрите, какъ раскраснѣлась.

— Я своей Машѣ ни за что не позволю уже вальсировать, сказала косая помѣщица: — кадрели такъ и быть.

— Я нисколько не устала, возразила Таня, удивленная маневромъ матери, которая рѣшительно никогда не мѣшалась въ ея танцы.

— Нѣтъ, посиди лучше съ нами, сказала Козелкова, — а то еще, пожалуй, напьешься холодной воды и заболѣешь.

Дѣвицы переглянулись. Мукосѣевъ откашливался, онъ собирался сказать какую нибудь любезность, тѣмъ болѣе, что, по стеченію обстоятельствъ, очутился между барышнями. Но на несчастье Емельяна Даниловича отсутствіе Тани было замѣчено въ залѣ и не прошло нѣсколькихъ минутъ — какъ ее окружили офицеры и юнкера, изъ которыхъ штабсъ-ротмистръ Мокрецовъ явно за ней ухаживалъ въ тотъ вечеръ. Послѣдній даже говорилъ, хоть плохо, по французски, и къ зависти многихъ говорилъ съ Таней на этомъ языкѣ, что еще болѣе обезкураживало бурбона. Дѣвицы сообщили кавалерамъ неожиданное запрещеніе маменекъ — на счетъ вальса — и кавалеры приступили съ просьбой къ Маврѣ Осиповнѣ и косой помѣщицѣ.

— Нѣтъ ужъ, кому какъ угодно, а я Танѣ не позволю, сказала Козелкова; помилуйте — завтра за цѣлый день развѣ не наскачется.

— Но, маменька, этого прежде никогда не бывало, и я не понимаю.

— Чего тутъ не понимать! твое же здоровье берегу.

Косая помѣщица, въ свою очередь разливалась въ доказательствахъ разумности запрещенія, такъ что кавалеры потеряли уже надежду... Но Мукосѣевъ неожиданно явился на выручку. Его возмутило родительское самовластіе, хоть онъ и не догадывался, что главную роль въ этомъ маневрѣ играла его особа, или лучше сказать, тридцать тысячь, но ему хотѣлось прислужиться барышнямъ, и онъ, къ удовольствію ихъ, явился за нихъ ходатаемъ. Долго Емельянъ Даниловичъ боролся съ робостью »неопростоволоситься бы«, наконецъ всталъ и вытянулся передъ Маврой Осиповной, словно передъ полковымъ командиромъ.

— Для чего, сударыня, не позволить молодымъ барышнямъ: это ихнее дѣло.

— Завтра натанцуются.

— Нѣтъ ужъ явите божескую милость, будьте отцомъ роднымъ...

— Какіе вы добрые! Ну развѣ для васъ. Благодари, Таня, Емельяна Даниловича.

Таня слегка поклонилась бурбону и покраснѣла, оттого что готова была расхохотаться надъ формой убѣжденія Мукосѣева.

— А я своей Машѣ не позволю, проговорила косая помѣщица, радуясь въ душѣ, что дочь ея останется въ гостиной.

— И васъ прошу, сказалъ ей Мукосѣевъ: явите божескую милость — пускай барышни веселятся съ нашими уланами.

— Я уже не люблю перемѣнять, — сказала, нельзя, такъ и нельзя: пусть лучше посидитъ возлѣ матери, отдохнетъ, да послушаетъ что нибудь полезное.

Маша опустила голову, а Таня, обрадовавшись позволенію, хотѣла было уже уйти въ залу.

— Постой, постой, сказала ей мать: ужъ если я не запрещаю, то по крайней мѣрѣ сама буду наблюдать за тобою. Пойдемте Емельянъ Даниловичъ, прибавила она, обращаясь къ бурбону: такъ какъ вы за нее заступались и выпросили, то и должны смотрѣть, чтобъ не слишкомъ вертѣлась.

— Съ нашимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ бурбонъ и брязнулъ шпорами.

Косая помѣщица почти побагровѣла при нежданномъ оборотѣ дѣла и прошептала вслѣдъ Козелковой, удалявшейся въ сопровожденіи Мукосѣева:

— Вишь глухой тетеревъ — куда она мѣтитъ; но погоди, голубушка, я подпущу тебѣ штучку — закорючку.

И, желая выдержать характеръ, она не отпускала дочери, пока молодые люди не прибѣгнули къ посредству хозяйки, которая и урезонила неугомонную матушку.

Мукосѣевъ очень весело послѣдовалъ въ залу за Маврой Осиповной и сдѣлался до того развязнымъ, что самъ рѣшился заговорить съ Таней.

— А молодцы наши офицеры, сказалъ онъ ей, брязнувъ шпорами и болтая этишкетами по наставленію писаря Холодовникова.

— Да.

— И ловко танцуютъ-съ.

— Напрасно только вы не танцуете.

— Съ нашимъ бы удовольствіемъ, да меня не обучали.

— Бурбонъ началъ уже приходить въ чрезвычайно мягкое настроеніе и дерзнулъ было присѣсть возлѣ Тани, но къ ней подошелъ Мокрецовъ и завелъ разговоръ по французски.

Танцы продолжались недолго. Скоро накрыли на столъ и всѣ разошлись, а ближайшіе сосѣди разъѣхались, чтобы на завтра собраться съ силами. Мукосѣевъ, несмотря уже на всю рѣшимость, не могъ приблизиться къ Танѣ, потому что за ужиномъ ее окружила молодежь, занявшая весь уголъ стола и наполнявшая залу хохотомъ.

Петръ Ивановичъ съ Мукосѣевымъ возвращались домой часу въ двѣнадцатомъ. Закрывшись отъ дождя, какъ только

можно было въ плохой бричкѣ, собесѣдники молчали нѣкоторое время.

— Ну, Емельянъ Даниловичъ, сказалъ наконецъ Бакрѣевъ, вы не сожалѣете, что познакомились съ подполковникомъ?

— Никакъ нѣтъ, Петръ Ивановичъ, мнѣ очинно пріятно. Вѣдь правду сказать — гдѣ и свѣтъ увидать нашему брату.

— А вы почаще къ намъ въ — Землянки.

— Нельзя, потому служба. Хорошо эскадронный командиръ отпуститъ, а я вотъ просрочу день, въ другой разъ не отпуститъ.

— Э, пустяки! была-бъ охота. А видите, какъ у насъ весело.

— Очинно весело.

— Какъ же вамъ понравились барышни?

— Пондравились, Петръ Ивановичъ. А вотъ ваша племянница будетъ почище всѣхъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ Бакрѣевъ съ видимымъ равнодушіемъ.

— Знаете, такая великатная, примѣрно все это у нихъ фигурное-съ.

— А что-жъ, и въ самомъ дѣлѣ дѣвка ничего. Да какая она хозяйка, Емельянъ Даниловичъ! Нужды нѣтъ, что будто бы модница, а дома то посмотри, какъ за всѣмъ старается, матери помогаетъ.

— Должно быть нѣжныя-съ.

— Не скажу. Есть, правда, грѣхъ, поизбалована была съ измальства, жила, знаете, у богатой барыни, да вѣдь эта дурь давно уже повышла изъ головы.

— А какой примѣрно обходительный г. подполковникъ.

— Да, онъ гостепріимный, только гордецъ и любитъ командовать.

— Немудрено, Петръ Ивановичъ, привыкли на службѣ.

— Ну, здѣсь не фронтъ и не дежурство. Смотри ка, братъ Емельянъ Даниловичъ, не подъѣхалъ бы онъ къ тебѣ за деньгами.

— А что? спросилъ Мукосѣевъ, невольно хватаясь за карманъ, въ которомъ лежали пачки ассигнацій.

— Ему очень нужно, хочетъ овецъ прикупить.

— Какъ же вы полагаете — можно дать-съ?

— Дать-то не страшно, только надо хорошенько сдѣлать: не иначе какъ подъ заемное письмо и не худо бы взять обезпеченіе.

— А вотъ я этихъ-то дѣловъ не маракую.

— И мараковать нечего: во-первыхъ, здѣсь я не дамъ въ обиду, а тамъ есть у васъ Холодовниковъ.

— Точно такъ. Если они положатъ хорошій процентъ, и вы говорите — дать не страшно, я могу дать. Для чего не дать, коли выгодно.

Разговаривая такимъ образомъ, спутники пріѣхали къ Бакрѣеву и скоро ушли спать, уговорившись — передъ отправленіемъ на имянины заѣхать съ визитомъ къ Маврѣ Осиповнѣ Козелковой, которая просила дорогихъ гостей на кофе.

Когда ушелъ полусонный мальчикъ, прислуживавшій Мукосѣеву, Емельянъ Даниловичъ долго еще ходилъ по небольшой комнаткѣ, и несмотря на то, что дома обыкновенно ложился очень рано, теперь »сонъ бѣжалъ его глазъ«, какъ говорилось въ прежнее время. Его развлекала исключительность положенія, въ которое онъ былъ поставленъ поѣздкою въ Землянки, и какъ ни были бы для другаго ничтожны событія дня, но на Мукосѣева они произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Собственно говоря, ему никакой веселости не было, съ барышнями онъ едва успѣлъ сказать нѣсколько словъ, но вечеръ, проведенный имъ въ обществѣ женщинъ, вѣжливости, которыми осыпали его барышни, жалкое брянчанье на фортепьяно, хорошенькія дѣвушки, а въ особенности Таня, все это вывело бурбона изъ колеи обыденныхъ мыслей о службѣ, эскадронѣ, и повѣяло на него воспоминаніями молодости. Отлично сохранившійся Мукосѣевъ почувствовалъ себя словно въ двадцать лѣтъ, и въ немъ разыгрались кровь и воображеніе. Позабывшись, онъ потянулся къ столу налить глотокъ бурой настойки, но опомнился и выпилъ залпомъ два стакана холодной воды, что охладило нѣсколько внутренній жаръ, и, выкуривъ коротенькую трубочку, легъ въ постель, позабывъ даже помолиться Богу по святцамъ, которыя привезъ съ собою въ чемоданчикѣ. Ворочаясь съ боку на бокъ, онъ долго еще строилъ по своему воздушные замки и уснулъ не скоро, дивясь своей безсонницѣ. Сновидѣнія его тоже отличались небывальщиной: на темномъ фонѣ конюшни между стойлами — вдругъ мелькало женское платье, въ манежѣ во время ѣзды рекрутъ, — будто пары кружились въ вальсѣ, а на гауптвахтѣ, куда онъ будто шелъ въ качествѣ дежурнаго, къ нему выбѣжалъ »вонъ« молоденькій караульный офицеръ въ образѣ Тани, который вмѣсто »на караулъ!« скомандовалъ »скорымъ шагомъ«, и Мукосѣевъ будто бы не распекъ неисправнаго офицера. Однимъ словомъ, ему въ голову лѣзло Богъ знаетъ что, и бурбонъ спалъ такимъ тре-

вожнымъ сномъ, какъ никогда въ жизни. Въ шесть часовъ однако жъ Мукосѣевъ проснулся, и только еще началъ соображать, гдѣ онъ, а дверь его комнаты отворилась, и аудиторъ въ халатѣ, со свѣчей въ одной и съ трубкой въ другой рукѣ, пожелалъ ему добраго утра.

— Заспались, Емельянъ Даниловичъ! Я уже больше часу какъ всталъ и заглядывалъ къ вамъ.

— Что-то необнаковенно, Петръ Ивановичъ, я никогда не спалъ такъ долго.

— Ну, вотъ же вамъ свѣчка, одѣвайтесь и выходите въ залу чай пить. Постойте, я пошлю мальчика.

— Не надобно, я привыкъ самъ убираться.

— Когда черезъ четверть часа бурбонъ вышелъ въ залу, Бакрѣева съ дочерью уже были одѣты и сидѣли за чайнымъ столикомъ. Мукосѣевъ долженъ былъ разсказать хозяйкѣ о вчерашнемъ вечерѣ, и онъ вдался въ чрезвычайно краснорѣчивое описаніе даже многихъ подробностей.

— А дамы были одѣты просто? спросила хозяйка.

— Гдѣ вамъ просто! все такія платья оттопыренныя.

— Безъ этого уже нельзя — такая мода.

— Извѣстно мода-съ.

— Кто же на вашъ вкусъ былъ изъ барышень лучше?

Бурбонъ потупилъ глаза.

— Думаю, что ваша племянница.

— Она точно дѣвушка хорошенькая, но кажется же тамъ были красивѣе.

— Никакъ нѣтъ-съ. Одна толстенькая точно ничего, потому и ходитъ, знаете, этакъ того, да куда же ей!

— Что вы разговаривали съ барышнями?

— Помилуйте еще не обзнакомленъ, при томъ же танцамъ не обучался.

— Это значитъ, Емельянъ Даниловичъ, что вы рѣдко бываете въ дамскомъ обществѣ. Вы человѣкъ еще молодой, вамъ надобно почаще пріѣзжать къ намъ. Что вы тамъ увидите въ полку?

— Нельзя — служба-съ. Вотъ я и нонеча просрочу, затѣмъ обѣщаніе далъ Маврѣ Осиповнѣ завтра къ обѣду.

— Намъ всегда будетъ очень пріятно. Мы каждый день видимся съ Маврой Осиповной и Таней, притомъ же и другіе сосѣди насъ не чуждаются.

Въ подобныхъ разговорахъ бурбонъ провелъ время часовъ до девяти, послѣ чего они приступили съ Петромъ Иванови-

чемъ къ туалету и оба въ полной формѣ отправились къ Козелковой.

Возвращаясь отъ Сосуновыхъ, Мавра Осиповна хотѣла было даже въ дорогѣ поговорить съ Таней, на счетъ Мукосѣева, но на свои предварительные вопросы, получивъ односложные отвѣты и заключивъ о дурномъ расположеніи духа дочери, Козелкова рѣшила дожидаться болѣе благопріятнаго времени, хотя надобно сказать правду — горѣла нетерпѣніемъ приступить поскорѣе къ дѣлу.

Мы уже сказали выше, что Таня не была никѣмъ занята серьезно, но позабыли упомянуть, что изъ числа ея поклонниковъ былъ одинъ — поручикъ Звонаревскій, который, хоть довольно неопредѣленными намеками, давалъ знать о скукѣ холостой жизни. Танѣ давно уже хотѣлось выйти замужъ, и послѣ разстроеннаго сватовства, она частенько думала какъ бы устроить свою судьбу, на что, повидимому, могла разсчитывать, судя по числу своихъ поклонниковъ. Но юнкера и корнеты дѣлали свое дѣло, волочились до упаду, а между тѣмъ — народъ этотъ и помышленія не имѣлъ о супружествѣ. Собираясь на вечеръ къ Сосунову, Таня имѣла въ виду встрѣчу съ Звонаревскимъ, съ которымъ рѣшилась быть нѣжнѣе чѣмъ съ другими, и тѣмъ самымъ навести, можетъ быть, его на болѣе интимную бесѣду. Звонаревскій, по самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, имѣлъ кое-что, былъ недуренъ собою, хоть безъ образованія, но держалъ себя пристойно, ловко танцовалъ и, повидимому, обѣщалъ быть хорошимъ мужемъ. А Танѣ надоѣло терпѣть недостатки, являться въ плохихъ нарядахъ, съ завистью смотрѣть на сосѣдокъ и ихъ частыя обновки, а главное, не имѣть надежды видѣть что нибудь, кромѣ скучныхъ, однообразныхъ Землянокъ. Мать она любила дѣйствительно и понимала всю заботливость о ней Мавры Осиповны, которая и жила только для своей Тани, но тѣмъ не менѣе, желала поскорѣй сдѣлаться самостоятельной хозяйкой. И вотъ ей представился Звонаревскій, какъ искатель пригодный, не только для бала и веселаго общества, но и для супружества, потому что могъ прилично содержать жену и доставлять ей посильныя удовольствія. Ѣхала Таня къ Сосунову веселенькая, говорливая, нѣжничала съ матерью, и все это вслѣдствіе надежды на свои голубые глазки, которыми мечтала окончательно поразить Звонаревскаго и въ два вечера довести его до вожделѣннаго предложенія. Надо быть справедливымъ и сказать, что даже сердечко Тани нѣкоторымъ образомъ билось сильнѣе:

Звонаревскій всегда ей нравился нѣсколько больше прочихъ,— во-первыхъ, своею почтительностью къ ней, во-вторыхъ, отсутствіемъ тѣхъ плоскостей, которыми отличалось большинство молодежи тогдашняго времени. Она старалась увѣрить себя — и кто знаетъ, сколько было искренности въ этомъ убѣжденіи — что даже была немного влюблена въ Звонаревскаго, и рѣшилась показать это ему при малѣйшемъ поводѣ. Но на возвратномъ пути Таня была задумчива, печальна, отвѣчала матери односложными словами и часто невпопадъ, такъ что, какъ мы уже видѣли, Мавра Осиповна отложила сообщить ей свое завѣтное намѣреніе. Разгадка очень проста и обыкновенна. Поручикъ Звонаревскій, подобно прочимъ товарищамъ, ухаживалъ за Таней безъ всякой цѣли, по мягкости сердца, показывалъ ей, можетъ быть, больше нѣжности, охотно танцовалъ съ нею мазурки, заявлялъ даже легкую ревность, если она была съ другими любезнѣе обыкновеннаго... но не искалъ руки хорошенькой Тани, задавъ себѣ задачей жизни — жениться не иначе какъ на богатой, или по крайней мѣрѣ достаточной невѣстѣ. Недѣли двѣ или три назадъ онъ пронюхалъ, что меньшая Салошина — пріятельница Тани, и которой недавно исполнилось шестнадцать лѣтъ, получила отъ крестной матери, богатой купчихи, билетъ въ десять тысячъ ассигнаціями, и рѣшился добиваться взаимности молоденькой дѣвушки, на которую прежде почти не обращалъ вниманія. Подозрѣнія въ корыстолюбіи быть не могло, потому что о билетѣ онъ узналъ и далеко и случайно, о чемъ даже не знали еще сосѣди, и потому, при первомъ появленіи Солошиныхъ въ залу, онъ тотчасъ же прильнулъ къ меньшой и пустилъ въ ходъ всѣ тогдашніе армейскіе пріемы для завоеванія ея сердца. Дѣвочка просто растаяла при видѣ вниманія лучшаго кавалера, который даже считался обожателемъ красавицы Тани, и наивно отвѣчала на любезности Звонаревскаго, увлекаясь сама пріятной игрой, почти ей незнакомой. За ней до сихъ поръ ухаживали только одинъ юнкеръ, да подслѣповатый корнетъ, на которыхъ она теперь смотрѣла чуть не съ явнымъ пренебреженіемъ. Дѣвочкѣ, какъ молоденькой и совершенно неопытной, хотѣлось поскорѣе придти къ развязкѣ, и она была такъ настроена, что пожми ей Звонаревскій руку, она не задумалась бы отвѣчать тѣмъ же. Таня не могла не замѣтить перемѣны направленія своего обожателя, и оскорбленное самолюбіе сильно заговорило въ ея сердцѣ. Но въ двадцать два года уже разсуждаютъ, хорошо умѣютъ притворяться, и потому, не подавъ вида огорченія, она попрежнему привѣт-

ливо обошлась съ Звонаревскимъ. Ее еще не покинула надежда — очаровать его любезностью, добротой и, блистая полнымъ цвѣтомъ красоты, оторвать вѣтреника отъ цвѣтка, только еще распускавшагося. Ей даже пришла мысль, не испытаніе ли это со стороны давнишняго обожателя. Но Звонаревскій провальсировалъ съ ней одинъ только разъ, первую кадриль танцовалъ съ меньшой Салошиной, вторую со старшей, третью опять съ меньшой, а ее пригласилъ только на четвертую. Скрѣпя сердце, дожидалась она этой кадрили, любезничала сквозь слезы съ прочими поклонниками и, жалуясь подругамъ на головную боль, ходила даже плакать втихолку. Когда Звонаревскій подошелъ къ Тачѣ и повелъ ее на мѣсто, они оба молчали, но, окончивъ первую фигуру, Таня спросила его весьма хладнокровно:

— Что васъ давно невидно?

— Занятъ былъ службой, и при томъ мы уѣзжали на балъ въ —скую губернію.

— Было весело?

— Да.

И Звонаревскій упорно смотрѣлъ направо, гдѣ, веселая и хорошенькая, рѣзвилась меньшая Салошина.

— А какъ Лиза похорошѣла, сказала Таня, закусывая губки.

— Очень.

— Теперь она полная невѣста, и я думаю за женихами остановки не будетъ.

— Намъ начинать.

Таня, съ уязвленнымъ сердцемъ, начала вторую фигуру. Кавалеръ ея молчалъ и все посматривалъ направо, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что встрѣчалъ оттуда самые нѣжные, самые вызывающіе взгляды.

— Вы что-то задумчивы, m-r Звонаревскій.

— Отчего же? нисколько.

— Э, полноте.

— Ей Богу, Татьяна Николаевна, я ничего.

И Звонаревскій спохватился. Бывало, прежде онъ истощалъ всѣ силы своего краснорѣчія, чтобъ занимать, смѣшить Таню, а теперь упорно молчалъ — будто не находилъ словъ.

— Признаться сказать не выспался, всю ночь игралъ въ карты.

— А!

И потомъ, впродолженіе всей кадрили, Таня перекидывалась со своимъ кавалеромъ лишь односложными словами. По

окончаніи танца, Звонаревскій очень вѣжливо раскланялся со своей дамой.

— Татьяна Николаевна! завтра...

Таню бросило въ краску.

— Что?

— Завтра будете танцовать со мной вторую кадриль?

— Вторую? спросила невольно Таня взволнованнымъ голосомъ, потому что привыкла танцовать съ Звонаревскимъ всѣ нечетныя кадрили и мазурки.

— Да.

— Извольте.

И, быстро поворотясь, Таня ушла, подхватила подъ руку Лизу Салошину и начала съ ней ходить по комнатѣ. Звонаревскій хотѣлъ было подойти къ новому предмету страсти, но удержался, и отправился затянуться, придумывая, какъ бы поудобнѣе покончить съ Козелковой.

До ужина и за ужиномъ Таня переломила себя, была со всѣми любезна, шутила, смѣялась и съ нетерпѣніемъ ожидала времени отъѣзда домой, чтобъ выплакаться въ своей убогой комнаткѣ, и похоронить еще одну надежду, которая, словно нарочно, улыбалась ей такъ недавно. Дорогой, допытавшись отъ дочери, что у нея болитъ голова, Мавра Осиповна ограничилась только замѣчаніями о дамскихъ туалетахъ и сообщила, что Лизѣ Салошиной крестная дала десять тысячъ на приданое. Но Таня давно уже знала объ этомъ, и сердце ея сжалось безотраднымъ чувствомъ отчаянія.

Не успѣли они войти въ переднюю, Таня тотчасъ же распрощалась съ матерью, ушла къ себѣ, раздѣлась наскоро и, отправивъ горничную, бросилась на постель, заливаясь слезами. Для нея было все кончено съ Звонаревскимъ, и мечты о замужествѣ должны были разрушиться. Уснула она, однако же, съ твердымъ рѣшеніемъ, не подать никогда и вида измѣннику, что ее огорчило его поведеніе.

Мавра Осиповна предавалась совершенно другимъ мечтамъ и всю ночь проворочалась въ постели, придумывая средство уговорить Таню — не брезгать женихомъ съ тридцатью тысячами, который, вслѣдствіе переговоровъ ея съ Бакрѣевымъ, могъ очень скоро сдѣлать предложеніе. Мавра Осиповна тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ спѣшила къ цѣли, что очень ясно видѣла, какъ прочія маменьки острили зубы на Емельяна Даниловича, и разсуждала, что вѣроятно онѣ не упустили слу-

чая сдѣлать дочерямъ должныхъ наставленій, а какъ въ Землянкахъ было довольно перезрѣлыхъ невѣстъ, даже съ приманкой воображаемаго приданаго, то и медленность казалась ей въ этомъ случаѣ непростительною. Проснувшись едва не съ зарей и напившись одна чаю, она нарочно не будила Таню, чтобъ дать дѣвушкѣ хорошенько выспаться. Между тѣмъ сама она позаботилась перемыть лучшій сервизъ, собрала густыхъ сливокъ, велѣла къ девяти часамъ сварить крѣпкаго кофе безъ цикоріи, отколотила горничную за нечистое серебро, убрала столъ и тогда только пошла будить дочь, когда по ея предположенію скоро должны были пріѣхать дорогіе гости.

По цвѣтистому предисловію и по какой-то хлопотливой нѣжности матери, Таня догадалась, что отъ нея чего нибудь желаютъ, но, проведя ночь неспокойно и находясь еще подъ вліяніемъ вчерашнихъ грустныхъ впечатлѣній, она не могла сообразить чего именно.

— Вставай, душечка Таня, скоро девять часовъ.

— Успѣю еще, маменька, вѣдь поѣдемъ не раньше двѣнадцати.

— Видишь ли, братецъ Петръ Ивановичъ обѣщался къ намъ заѣхать на кофе вмѣстѣ со своимъ гостемъ.

— А!

И Таня устремила на мать испытующій взоръ.

— Вамъ, значитъ, хочется, чтобъ я вышла къ бурбону.

— Онъ, душка, хорошій человѣкъ.

— Это все равно, маменька, я выйду и буду съ нимъ привѣтлива какъ съ гостемъ. Кликните мнѣ только Параску— я начну одѣваться.

— Благодарю, душечка Таня, ты у меня умница. Эй, Параска! ступай одѣвать барышню! А я похлопочу по хозяйству.

По уходѣ матери, Таня быстро вскочила съ постели и подбѣжала къ небольшому зеркалу. Особенной перемѣны въ лицѣ она не замѣтила, только вѣки немного припухли отъ слезъ, чему можно было пособить холодною водою.

— Меня хотятъ сосватать за бурбона! подумала она. Что жъ, тридцать тысячъ — кушъ, за который можно пожертвовать собою. И чего мнѣ ждать? Всѣ эти обожатели ищутъ приданаго, а бурбонъ, можетъ и добрый человѣкъ, по крайней мѣрѣ обезпечитъ мою будущность. И такъ, m-r Звонаревскій, надѣюсь, мы будемъ скоро квиты.

Черезъ полчаса, причесанная и одѣтая, Таня ходила уже по залѣ, и хоть она старалась быть веселою, что очень радо-

вало Мавру Осиповну, однако, первый пылъ мщенія прошелъ, и по сердцу дѣвушки пробѣгало мучительное чувство при мысли, что ей надо притворяться и обманывать. Когда подъ окномъ раздался стукъ экипажа, Таня вздрогнула и невольно присѣла возлѣ столика. Въ залу вошелъ Петръ Ивановичъ въ мундирѣ съ длинной трубкой и шелковымъ кисетомъ на пуговицѣ, а за нимъ робко выступалъ въ полной парадной формѣ и новыхъ рейтузахъ Емельянъ Даниловичъ Мукосѣевъ. Мавра Осиповна пошла на встрѣчу гостямъ.

— Хорошо сдѣлали, что пораньше пріѣхали, — мы и кофе напьемся и поговоримъ. Пожалуйте, Емельянъ Даниловичъ, вотъ и молодая хозяйка.

— Съ нашимъ удовольствіемъ.

И бурбонъ замялся, встрѣтивъ проницательный взоръ Тани, которая первый разъ обращала на него серьезное вниманіе.

— Наливай, Таня, кофе, да спроси Емельяна Даниловича — какъ любитъ онъ сладко или не сладко.

Бурбонъ уже развелъ руками и хотѣлъ отпустить какую-то фразу, но Таня предупредила его.

— Посмотрю — угадала ли вашъ вкусъ, сказала она, и набросала полстакана сахару.

У Мукосѣева вертѣлось на языкѣ: »вы, мамзель, пронзили мое сердце стрѣлою«, но въ это время собаченка вспрыгнула къ нему на колѣни и усердно облобызала гладко выбритое лицо его. Неожиданная ласка сконфузила бурбона, которому также пришло на мысль — не выпачкала ли собаченка лацкановъ, и онъ не зналъ сбросить ли ее, или, по правиламъ вѣжливости, оставить на колѣнахъ.

— Трезорка! Ахъ ты, подлецъ, закричала Мавра Осиповна, испугавшаяся серьезно. Извините, Емельянъ Даниловичъ,—трезорка любитъ сахаръ.

— Ничего, сударыня, вѣдь онъ не кусается.

— О, нѣтъ не кусается. Трезорка! пошелъ прочь, мерзавецъ! Это его Таня разбаловала.

И Мавра Осиповна ударила Трезора ложкой, которою набирала сливки изъ кринки, и въ этомъ волненіи не замѣтила, какъ снова начала набирать сливки тою же ложкой. Завизжавъ, собака ушла подъ столъ, а Таня подала стаканъ Мукосѣеву.

— Угодно сухариковъ или булки? Кушайте.

— Покорно благодаримъ. Очинно довольны.

— Ну что, какъ вы нашли вчерашній вечеръ?

— Вечеръ былъ великатный-съ.

— Вотъ вы почаще пріѣзжали бы къ намъ веселиться, въ Землянки.

— Нельзя-съ.

— А можетъ вы человѣкъ женатый?

И Таня покраснѣла.

— Никакъ нѣтъ, я примѣрно какъ есть — холостой.

— Теперь не въ модѣ жениться, замѣтила, смѣясь, Мавра Осиповна: кавалеры все ищутъ невѣстъ съ богатымъ приданымъ.

— Помилуйте-съ... Оно точно, кто себѣ врагъ, одначе не всѣ женятся и на богатыхъ. Какъ кому судьба-съ.

— Истинно такъ, Емельянъ Даниловичъ, безъ судьбы, говорятъ, и ласточка не совьетъ гнѣзда, не только, что дѣвушка не выйдетъ замужъ. Ну, да иногда судьба и случается, а добрые люди помѣшаютъ.

— Обнаковенно, люди всегда могутъ помѣшать, только къ чему ихъ слушаться, если человѣкъ взялъ себѣ примѣрно, въ голову намѣреніе.

— Не всѣ же такъ умно и, можно сказать, по христіанскому долгу разсуждаютъ какъ вы, Емельянъ Даниловичъ, а съ инымъ пойдите, потолкуйте.

— Не угодно ли еще кофе? спросила мягкимъ голосомъ Таня.

— Я еще и этого не выпилъ. Благодаримъ покорно.

— Нѣтъ, кушайте. Да что вы не курите.

— Я, признаться, накуримшись: цѣлое утро мы съ Петромъ Ивановичемъ курили-съ.

— Ей Богу, я такъ радъ знакомству и пріѣзду Емельяна Даниловича, какъ самому близкому родственнику, сказалъ Бакрѣевъ: — и не замѣтилъ какъ прошло время.

— А мнѣ, братецъ, нужно бы переговорить съ вами два слова; пускай молодая хозяйка занимаетъ гостя, а мы пойдемъ на минуту.

Догадливый Петръ Ивановичъ тотчасъ же послѣдовалъ за Маврой Осиповной въ другую комнату. Оставшись наединѣ съ хорошенькой барышней, бурбонъ »сробѣлъ« уже не »маленько«, а порядочно. Положеніе самой Тани тоже нельзя было не назвать щекотливымъ. Въ четверть часа она успѣла разглядѣть Мукосѣева и, какъ ни была озлоблена противу всѣхъ поклонниковъ вообще, а противъ Звонаревскаго въ особенности,

какъ ни увлеклась мыслію обладать тридцати тысячнымъ капиталомъ, однако, соединить на всю жизнь судьбу съ неотесаннымъ бурбономъ — показалось ей дѣломъ почти вопіющимъ. Молодость, красоту и дѣвическую свободу, хоть при довольно жалкой обстановкѣ, отдать немолодому уже салдафону и отдать безусловно, можетъ быть, черезчуръ въ грубыя руки — было по ея мнѣнію непозволительной жертвой. Предавшись, мгновенно подобнымъ мыслямъ, она снова устремила испытующій взоръ на бурбона, желая вычитать на его лицѣ хоть что нибудь утѣшительное. Строго-некрасивое лицо Мукосѣева было неподвижно, но въ сѣрыхъ глазахъ его свѣтилось что-то доброе; мягкое, и у Тани отлегло отъ сердца.

— Что вы такъ на меня смотрите? спросила она невольно.

— Вы, мамзель, пронзили мое сердце стрѣлою, брякнулъ Мукосѣевъ, помня наставленіе Холодовникова.

Дѣвушка вся облилась румянцемъ, услышавъ неожиданно подобную фразу, которой, впрочемъ, самъ бурбонъ не придавалъ особенно важнаго значенія.

— Такъ скоро! прошептала она не безъ нѣкоторой гордости, что сразу побѣдила самую простую натуру.

— Ей Богу-съ, примѣрно, вы лучше всѣхъ.

— Очень вамъ благодарна.

— Вы не танцуете, а летаете по воздуху.

— Ого, вы тоже мастеръ на комплименты!

Мукосѣевъ улыбнулся.

— Скажу вамъ, я никогда не видывалъ такой барышни.

— Не прикажите ли еще кофе? Ну, что угодила по вашему вкусу? спрашивала Таня, оправясь отъ замѣшательства.

— Очинно угодили.

Неизвѣстно, какой оборотъ принялъ бы tête-à-tête бурбона съ Таней, еслибы въ залу не вошли Бакрѣевъ и Мавра Осиповна.

— А что, Емельянъ Даниловичъ, не скучали? спросила послѣдняя.

— Помилуйте, чего скучать, Татьяна Николаевна такія хозяйки, что просто аккуратъ.

— Э, братъ, да ты еще не раскусилъ ее, отозвался Бакрѣевъ, она знаетъ даже кавалерійскіе сигналы.

— Не ужъ то, Петръ Ивановичъ! Вы не шутите?

— Чего шучу! Если хочешь она у подполковника — сыграетъ тебѣ ихъ на фортепьяно.

— Это любопытственно! проговорилъ бурбонъ съ восторгомъ.

Вообще ободренный вниманіемъ, Мукосѣевъ сдѣлался краснорѣчивѣе и старался понравиться. У Тани тоже какъ-то прошло печальное настроеніе и она даже подшучивала надъ бурбономъ, хотя и не могла позабыть его извѣстной фразы, которою онъ очень ясно выразилъ состояніе своего сердца. Она только боялась, чтобы бурбонъ прямо не приступилъ къ матери и не потребовалъ рѣшительнаго отвѣта.

Мавра Осиповна однакоже настойчиво наводила разговоръ на женитьбу, и Мукосѣевъ уже начиналъ высказывать свой взглядъ, но Таня, до которой это касалось ближе всѣхъ, встала и сказала, что пора одѣваться на имянины. Дѣлать было нечего: Бакрѣевъ предложилъ своему спутнику собираться, и бурбонъ съ сожалѣніемъ оставилъ домикъ Мавры Осиповны, давъ слово пріѣхать завтра къ обѣду.

Имянинный обѣдъ и потомъ балъ прошли безъ особенныхъ приключеній. Звонаревскій не отходилъ отъ Лизы Салошиной, которой чуть ли не сдѣлалъ въ мазуркѣ предложенія. Таня танцовала съ нимъ одну кадриль, но и виду не подала, что замѣчаетъ его настоящія чувства. Напротивъ Таня была очень весела, кокетничала со всѣми, и даже въ одномъ изъ антрактовъ, подсѣла въ гостинной къ Мукосѣеву и проговорила съ нимъ около четверти часа, что привело въ восторгъ Мавру Осиповну, но огорчило косую помѣщицу, которая замѣтила дочери втихомолку, что Козелкова вѣшается сама на шею жениху съ тридцатью тысячами. Мокрецовъ даже преслѣдовалъ ее Мукосѣевымъ, хотя былъ и далекъ отъ мысли, что такая образованная и хорошенькая дѣвушка могла имѣть виды на грубаго и неотесаннаго вахмистра.

Послѣ бала Таня возвращалась домой если не совершенно спокойная, то далеко не съ тѣми мыслями, какія возникали въ ея головкѣ утромъ, когда она сидѣла наединѣ съ бурбономъ. Какъ нарочно, весь вечеръ молодежь ей говорила такія глупости, ухаживала за нею такъ безцвѣтно. Сравнивая съ этими любезностями разговоръ Мукосѣева, она не нашла между ними значительной разницы. Правда, кавалеры ея были моложе, красивѣе, ловко танцовали, но предложи она сама любому изъ нихъ свою руку, врядъ ли они измѣнили бы свою тактику. Живѣе примѣра не могло быть какъ Звонаревскій; онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ напѣвалъ ей о своихъ чувствахъ, до нѣкоторой степени пользовался ея взаимностью и даже заговаривалъ кое о чемъ положительномъ... а явилась невѣста

съ десятью тысячами, и этотъ обожатель увлекся новымъ свѣтиломъ, хотя и самъ имѣлъ недурное состояніе. Изъ прочихъ же, хоть и были богатенькіе мальчики, но это все вѣтеръ — и ни одинъ изъ нихъ не походилъ на жениха. Оставался Мокрецовъ, но онъ жилъ однимъ жалованьемъ — и былъ по уши въ долгахъ. А Танѣ хотѣлось непремѣнно выйти замужъ, тѣмъ болѣе, что тутъ же на балѣ затѣялось въ родѣ сватовства поручика Хорькова съ дѣвицей Розмазовой, а ротмистръ Набѣгай готовъ уже былъ сдѣлать предложеніе Анютѣ Любенковой. Ей блеснула мысль предупредить Лизу Салошину и затмить ее блескомъ нарядовъ. Подобное намѣреніе сдѣлалось въ ней преобладающимъ еще за ужиномъ, и она противъ обыкновенія спѣшила домой, даже не осталась на послѣднюю кадриль. Конечно, здѣсь играло не послѣднюю роль оскорбленное самолюбіе; ей непріятно было видѣть Звонаревскаго — счастливаго съ соперницей. Но такъ ли, или не такъ, а уѣзжая, Таня напомнила бурбону, что ожидаетъ его къ обѣду.

— Съ нашимъ удовольствіемъ, проговорилъ Емельянъ Даниловичъ, тономъ гораздо веселѣе обыкновеннаго.

Дорогой Таня первая заговорила съ матерью и удивилась, что послѣдняя была не въ своей тарелкѣ. Мавра Осиповна, дѣйствительно, задумалась и мало обращала вниманія на болтовню дочери. Ей выпала на долю непріятность. Косая помѣщица, пронюхавъ, что на обѣдъ къ нимъ собирался Мукосѣевъ, сама назвалась къ ней обѣдать, конечно, съ цѣлью сблизить свою дочь съ Емельяномъ Даниловичемъ. Отказаться было невозможно, а между тѣмъ и дѣла не хотѣлось откладывать въ дальній ящикъ.

— Чего вы, маменька, такія странныя?

— Поневолѣ, душечка, будешь странною: этотъ, — прости Господи, — косой чортъ Василиса Ивановна притащится съ дочкой обѣдать.

— Ну, и пусть ѣдутъ.

— Видишь ли, мнѣ кажется неловко.

— Не потому ли, что у насъ будутъ еще гости.

— Конечно.

— Вы не безпокойтесь: ужъ это мое дѣло.

— Какъ, Танечка?

— Такъ, маменька: не скучала бы Василиса Ивановна, а Мукосѣевъ не соскучится,

— Ты у меня умное и доброе дитя, сказала Мавра Осиповна и бросилась обнимать Таню.

Какъ на другой день ни старалась косая помѣщица выѣхать пораньше отъ Сосуновыхъ, однако, за разными сборами опоздала значительно и прежде чѣмъ появилась у Мавры Осиповны, тамъ уже давно присутствовало все семейство Бакрѣевыхъ и веселый Емельянъ Даниловичъ. Таня принялась за бурбона съ такимъ усердіемъ, что онъ уже не только не дичился ее, но, позабывъ заученыя фразы, дѣлался естественнѣе и говорилъ по человѣчески. Желая ли показать ему любовь къ работѣ или съ другою цѣлью, Таня сѣла за пяльцы и усадила возлѣ себя Мукосѣева, который никогда не видалъ вблизи этого процесса, разсматривалъ съ наивнымъ любопытствомъ узоръ и гарусъ и удивлялся, какъ это на канвѣ выходили, словно живые, и цвѣты, и листья. Недолго думая, Таня заставила бурбона держать мотокъ гаруса и наматывала себѣ нужную тѣнь на карточку, что чрезвычайно утѣшило Мукосѣева, который исполнялъ свою обязанность также строго какъ во фронтѣ.

— А что, попался, братъ? сказалъ аудиторъ, увидя эту штуку: — здѣсь вѣдь тоже служба своего рода.

— Помилуйте, Петръ Ивановичъ, такая служба ничего — съ нашимъ удовольствіемъ.

— Небось возлѣ пялецъ дежурилъ бы хоть безъ смѣны, ха, ха, ха!

— Начальство-то здѣсь больно ласково.

— Однако, Таня, ты хоть бы позволила ему покурить.

— Ахъ въ самомъ дѣлѣ, курите, Емельянъ Даниловичъ! я заставлю Пашу подержать мотокъ. Пашенька!

На зовъ Тани появилась падчерица Петра Ивановича.

— Паша! сказалъ Бакрѣевъ: возьми въ передней кисетъ и трубку Емельяна Даниловича и смѣни его.

— Ай, ай, какой у васъ плохой кисетъ, Емельянъ Даниловичъ, сказала Таня.

— Мукосѣевъ сконфузился.

— Это мнѣ сшила Степанида Карповна — жена писаря Холодовникова.

— Какая безвкусица! развѣ нельзя было сшить изъ другой матеріи!

— Видите ли, я строилъ себѣ новыя ситцевыя рубахи, такъ оставалось ситчику-съ.

— А вотъ, если вы дадите слово пріѣхать къ намъ поскорѣе, я вышью вамъ кисетъ лучше нежели у дяденьки.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Непремѣнно вышью.

Въ залу ввалилась косая помѣщица и непріязненнымъ взоромъ посмотрѣла на группу у пялецъ. Выбѣжавъ изъ боковой комнаты, Мавра Осиповна начала разсыпаться въ любезностяхъ передъ гостьей, которой въ душѣ желала провалиться сквозь землю.

Таня, однакоже, не измѣнила своей тактикѣ: несмотря на присутствіе Маши, она умѣла соединить обязанность хозяйки и къ ней, и къ бурбону, который, не помня себя отъ восторга, забывалъ, что вечеромъ непремѣнно долженъ былъ воротиться въ эскадронъ.

Обѣдъ прошелъ благополучно. Таня распорядилась усадить Мукосѣева между собою и Машей и хоть косая помѣщица осыпала бурбона любезностями и Маша, въ свою очередь, старалась быть съ нимъ привѣтливой, — однако, Емельянъ Даниловичъ видимо находился подъ вліяніемъ Тани, что несказанно радовало Мавру Осиповну. Косая помѣщица почти потеряла надежду пристроить Машу, но приглашала Мукосѣева къ себѣ, такъ какъ она и дочь ея очень любили военныхъ. За бурбона отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, что они когда нибудь пріѣдутъ вмѣстѣ и подлилъ масла въ огонь, доказывая тѣмъ интимность отношеній.

Передъ вечеромъ бурбонъ, однакоже, уѣхалъ домой и поминутно подгонялъ извощика. Онъ спѣшилъ не изъ боязни распеканцій, а ему хотѣлось поскорѣе увидѣться и поговорить съ единственнымъ другомъ Климомъ Назаровичемъ Холодовниковымъ.

Не успѣлъ Мукосѣевъ вбѣжать въ свою квартиру и дождаться свѣчки, какъ тотчасъ же велѣлъ ставить самоваръ и послалъ за казначейскимъ писаремъ. Ему необходимо было отвести душу и разсказать всѣ подробности поѣздки, оставившей въ немъ много новыхъ, неизвѣданныхъ впечатлѣній. Холодовниковъ явился тотчасъ же.

— А! Климъ Назарычъ!

— Здравія желаю, ваше бродіе.

— Садись-ка, братъ, выпьемъ чайку.

— Много благодарны. Я признаться уже поужиналъ. Что, ваше бродіе, загостились видно и позабыли о службѣ.

— Загостился, братъ, Климъ Назарычъ. Постой-ка вотъ заварю чаю и поговоримъ. Достань-ка на полкѣ кизлярочки.

— Нешто перезябли съ дороги?

— Перезябъ само собою, да кромѣ того хочется выпить.

Писарь посмотрѣлъ на него съ улыбкою.

— А что, ваше бродіе, никакъ повеселились?

— Такъ, братъ, повеселился, какъ никогда не удавалось.

— Были у г. Сосунова?

— Какъ же, Климъ Назарычъ, и очённо хорошо принимали меня, и г. подполковникъ, и подполковница.

— Отчего же васъ и не принять, Емельянъ Даниловичъ, потому разъ — вы не иное что какъ офицеръ, а второе — люди съ капиталомъ.

— Останавливался я у Петра Ивановича.

— Кажется, отмѣнный человѣкъ.

— И! просто душа. Мнѣ у нихъ было куда лучше, нежели дома.

— Стало быть угощеніе и все прочее.

— И все прочее, братъ, Климъ Назарычъ. А вотъ у него племянница...

— То есть дѣвица или въ замужествѣ?

— Дѣвица, Климъ Назарычъ, и какая великатная.

— Воспитана?

— Такъ, братъ, по-французскому и рѣжетъ. На что хватъ Мокрецовъ, а и тотъ передъ нею рябѣетъ: онъ ей слово, а она ему десять.

— И барышня собой, то есть какъ примѣрно?

— Отродясь не видывалъ. Она дочь ротмистерши Мавры Осиповны Козелковой. Первый вечеръ я, знаешь, съ нею мало говорилъ, а на другой день ѣздилъ съ Петромъ Ивановичемъ къ ней на кофій, — такъ угощала, братъ, меня собственными руками. А сегодня мы тамъ обѣдали. Что же ты думаешь? »Я вамъ, говоритъ, Емельянъ Даниловичъ, шелковый кисетъ вышью.«

— Скажите! Значитъ барышня, какъ есть, разумная.

Мукосѣевъ вдругъ замолчалъ и забарабанилъ по столу пальцами.

— Вы никакъ на счетъ мечтательства, ваше бродіе, сказалъ Холодовниковъ съ улыбкою.

— Да, Климъ Назарычъ, дѣвка фигурная, чортъ бы ее взялъ.

— И примѣрно молодая?

— Девятнадцать годковъ.

— Самая пора замужъ, замѣтилъ писарь, посматривая въ сторону.

— Подливай, Климъ Назарычъ, кизлярочки.

— Съ нашимъ удовольствіемъ. И вамъ?

— И мнѣ. Еслибъ »не рябѣлъ«, кажется, посватался бы.

— Рябѣть-то нечего, ваше бродіе.

— А какъ не захочетъ?

— Главное дѣло, Емельянъ Даниловичъ, какъ приданое?

— Хуторокъ у нихъ есть и въ домѣ все, какъ слѣдуетъ,— всѣмъ гостямъ серебряныя ложки, да и крестьянъ никакъ душъ двадцать.

— Оно точно, ваше бродіе, какъ вы есть теперича денежные люди, о законномъ бракосочетаніи подумать не мѣшаетъ. Только нужно примѣрно разузнать о невѣстѣ — какая она такая.

— Да, да, не мѣшаетъ.

— Когда будетъ угодно вашему бродію, я наведу справочки. У меня въ шестомъ эскадронѣ старшій вахмистръ большой пріятель, онъ женатъ въ Землянкахъ на дочери отставнаго корнета.

— Наводи, Климъ Назарычъ, потому больно пондравилась Татьяна Николаевна.

— А ихъ зовутъ Татьяной Николаевной?

— Да, по фамиліи Козелкова.

— За здоровье Татьяны Николаевны!

И писарь разомъ осушилъ стаканъ пуншу.

— Эхъ, братъ, дѣвка — сказано картина!

— Сколько замѣчаю, и ваше бродіе имъ пондравились. Съ другой стороны не иначе я дѣлаю свое мнѣніе въ головѣ, что племянница Бакрѣева, должно быть, во всемъ акуратѣ, потому дяденька ихъ Петръ Ивановичъ дока.

— Хорошо, Климъ Назарычъ, а если напримѣръ жениться на барышнѣ — ее одѣвать станетъ дорого.

— Благоразумная барышня — лишняго не потребуетъ. Оно дѣйствительно, ихъ женскій уборъ съ нашимъ въ линію не приходится, да за то хозяйка въ домѣ — важная вещь, ваше бродіе.

— Такъ ты совѣтовалъ бы мнѣ жениться.

— Почему же, помогай Богъ, Емельянъ Даниловичъ. Каждому человѣку слѣдуетъ сочетаться законнымъ бракомъ.

— Мукосѣевъ пропустилъ стаканъ крѣпкаго пуншу.

— Ну, Климъ Назарычъ, наведи же справки, а я подумаю.

— Теперь вашему бродію, какъ женатымъ людямъ, поселенное начальство отведетъ особый домикъ, а будучи при су-

пругѣ, крестьяне могутъ обработывать огородъ и все какъ есть по хозяйству.

— Да я и не думаю въ отставку.

— Зачѣмъ выходить? Процентами жить весьма можно при жалованьи и еще откладывать, а тамъ дослужитесь эскадрона— пойдутъ доходы.

— Э, братъ, я сплю и думаю, какъ бы эскадронъ! А врядъ ли скоро: нашего брата какъ-то обходятъ.

— Ничего, ваше бродіе, у васъ есть капиталъ, и это особь статья. Одначе поздненько, Емельянъ Даниловичъ, мнѣ пора-съ.

— Куда же? Посиди!

— Не могу-съ. Завтра пораньше въ канцелярію — вѣдомость составляемъ.

— Ну, заверни хоть завтра передъ обѣдомъ.

— Съ нашимъ удовольствіемъ, а теперь прощенія просимъ; счастливо оставаться.

По уходѣ писаря, Мукосѣевъ долго еще оставался у стола. Ему, то и дѣло, мерещилась Таня, и представлялось ея обѣщаніе вышить шелковый кисетъ, въ которомъ онъ видѣлъ счастливый залогъ будущаго счастья. Наконецъ сонъ началъ клонить Мукосѣева. Отперевъ бережно чемоданъ, Емельянъ Даниловичъ вынулъ молитвенникъ и только что хотѣлъ помолиться Богу, какъ изъ книжки выпалъ порыжѣлый, засохшій цвѣтокъ — память генеральской дочки. Но бурбонъ посмотрѣлъ на него не съ прежнимъ уже благоговѣніемъ. Далекое воспоминаніе отодвинулось еще дальше, идеальный образъ замѣнился дѣйствительнымъ, и Мукосѣевъ, нисходя постепенно изъ области фантазіи, началъ серьезно думать о женитьбѣ, ободренный другомъ своимъ Холодовниковымъ.

Недѣли черезъ полторы, поспѣшая въ губернскій городъ, Бакрѣевъ заѣзжалъ уже прямо къ Емельяну Даниловичу, привезъ ему поклонъ отъ своихъ и сообщилъ, что отличный шелковый кисетъ ожидаетъ его въ Землянкахъ. У полковаго аудитора Петръ Ивановичъ имѣлъ тайное свиданіе съ писаремъ, которому и вручилъ подарокъ отъ Мавры Осиповны, состоявшій изъ деревенскихъ гостинцевъ, и передалъ самыя соблазнительныя обѣщанія въ будущемъ, въ случаѣ успѣха задуманнаго предпріятія.

Пропуская подробности этого сватовства, какъ всѣмъ и вездѣ извѣстныя, я скажу, что мѣсяца черезъ два, послѣ немалыхъ хлопотъ, хорошенькая Таня сдѣлалась поручицей Му-

косѣевой. Согласіе она изъявила довольно скоро, невѣстою была не совсѣмъ печальна, но когда дѣло дошло до развязки, душа ея словно проснулась послѣ долгаго сна, и молодая дѣвушка готова была отказаться. Борьба же впрочемъ не была продолжительна: поставивъ сама себя въ безвыходное положеніе согласіемъ на помолвку, она не рѣшалась уже отказаться, потому что не предвидѣла возможности — выдти за кого бы то ни было замужъ. При вѣсти о ея замужствѣ, молодежь, положимъ, и расходилась, но изъ этого движенія ожидать ничего не слѣдовало. Наконецъ, изъ среды этой молодежи многіе и даже, можетъ, большая часть, изъявляя состраданіе къ ея участи, радовались въ душѣ, что она поселится въ полку и, принадлежа неотесанному чурбану, захочетъ искать развлеченій...

Выпросивъ себѣ, по совѣту и наставленію Холодовникова, порядочный домикъ, Мукосѣевъ, влюбленный — насколько это было возможно для бурбона — раскутился и довольно сносно убралъ квартиру. Онъ даже, не поморщась, далъ будущей тещѣ двѣ тысячи на покупку приданаго, тѣмъ болѣе, что Мавра Осиповна просила денегъ у него, не желая закладывать земли, которая принадлежала Танѣ же, а слѣдовательно и Емельяну Даниловичу. Мукосѣевъ хотѣлъ и свадьбу отпраздновать пышно, но Таня уговорила его, во-первыхъ, воизбѣжаніе лишнихъ расходовъ, во-вторыхъ, ей не хотѣлось предъ многочисленною толпою стать подъ вѣнецъ съ пожилымъ и некрасивымъ бурбономъ. Вслѣдствіе этого свадьба отошла въ присутствіи родныхъ и самыхъ близкихъ сосѣдей, и молодые вскорѣ поѣхали на новое хозяйство.

Первые дни, конечно, самые интересные, прошли для Тани мучительнѣе, нежели она ожидала, и служили ей на первыхъ же порахъ наказаніемъ за столь обыкновенный, но унизительный торгъ собою, торгъ, къ которому такъ охотно ведутъ дочерей чадолюбивые родители, и который представляютъ они своимъ дочерямъ, какъ самый вѣрный и естественный путь къ счастью женщины. Описывать положеніе Тани въ первый мѣсяцъ супружества въ мѣстѣчкѣ, наполненномъ ея прежними обожателями, я не берусь, на томъ основаніи, что каждый день, взятый на выдержку изъ ея жизни, представлялъ бы картину, полную мученій, трудно передаваемыхъ перомъ, или, лучше сказать, которыя могутъ показаться преувеличенными для людей, не испытавшихъ ничего подобнаго. Уже одно прикосновеніе грубаго человѣка къ нѣжной, избалованной дѣвушкѣ,

человѣка, который и ласки свои выражалъ казарменными пріемами, достаточно, чтобы дать понятіе, какъ дорого купила Таня право выпросить у мужа лишнюю сотню рублей на ненужныя тряпки, безъ которыхъ она могла обойтись, или на пріобрѣтеніе безполезной дорогой вещицы.

Но въ мѣсяцъ она стала немного привыкать къ своей безрадостной долѣ. Ей показалось, что изъ Мукосѣева можно что нибудь сдѣлать, и она съ жаромъ принялась хоть за поверхностную обработку сыраго матерьяла. Можетъ быть, пользуясь вліяніемъ красоты, она и могла бы успѣть въ своемъ намѣреніи, но на бѣду ея — бурбонъ не прерывалъ дружбы съ Холодовниковымъ, коварства котораго не подозрѣвалъ, вѣруя въ него, какъ въ преданнаго человѣка.

Вскорѣ послѣ свадьбы, Емельянъ Даниловичъ зашелъ какъ то въ праздникъ къ Холодовникову и попросилъ послѣдняго выслать жену, имѣя поговорить по секрету. Степанидѣ Карповнѣ велѣно было выдти, и бурбонъ усѣлся противъ писаря.

— Ты, братъ, Климъ Назарычъ, любишь меня?

— Не имѣйте, ваше бродіе, ни малѣйшаго, сумнительства, потому вы завсегда были мнѣ, какъ отецъ родной.

— То-то же.

— И я завсегда доброжелатель вашему бродію, т. е. изволилъ вамъ услуживать по крайности моего разсужденія.

— Этимъ я, братъ, всѣмъ доволенъ, и дѣло выходитъ теперича другое. Подумай, Климъ Назарычъ, вѣдь я женатъ, а не знаю какъ обращаться съ женою.

— Такъ вотъ отчего сумлѣваетесь, ваше бродіе. Правда, это особь-статья, но наука не мудреная.

— Ты ужъ, яви божескую милость, поучи меня хоть немного. Видишь ли, на свадьбѣ подполковникъ отвелъ меня разъ въ сторону, а знаешь выпимши — и говоритъ: »ты, братъ, Мукосѣевъ, люби жену, да держи ее въ рукахъ, а то, говоритъ, тебя же осѣдлаетъ«.

— Оно точно, ваше бродіе, женскому полу только дай потачку, и готово, потому волосъ дологъ, а умъ коротокъ; одначе я можно сказать, бымши молодымъ человѣкомъ, съумѣлъ ограничить свою Степаниду Карповну. Отецъ ея былъ нѣкоторымъ образомъ изъ купеческаго званія, и она у него избаловалась, сдѣлалась капризная.

— Какъ же ты отучилъ, братецъ?

— Спервоначалу трудновато было, ваше бродіе. Ну, извѣстно наше простое званіе — коли что не такъ, — въ ухо разъ,

два, оно и не очень обидно и всетаки страхъ свой показываетъ. Одначе это не всегда дѣйствовало, такъ что одинъ разъ хотѣлъ положить подъ розги, на какой предметъ и пригласилъ товарища, тоже женатаго. Отпросилась и стала помягче, а послѣ и совсѣмъ ограничилъ.

— Какъ-то страшно бить спервоначалу, да еще дворянку.

— Ничего, ваше бродіе, и офицеры наказываютъ строптивыхъ женъ: ротмистръ Махалкинъ, примѣромъ, чубукомъ валяетъ, а поселенный майоръ Киргизовъ лупитъ жену нагайкой, какъ слѣдуетъ.

— Это уже за тяжкую провинность.

— Обнаковенно — не даромъ. Вѣдь грѣшно безвинно и кошку ударить. Если провинность небольшая, можно выбранить, пригрозить, а наказывать довлѣетъ только по необходимости.

— Одначе надо спервоначально показать себя, что я начальникъ, она должна повиноваться мнѣ, какъ раба.

— Это подлинно, даже по всѣмъ божественнымъ законамъ, да и пословица существуетъ, хотя въ простонародіи, что »жену люби, какъ душу, а тряси, какъ грушу.«

— Моя Татьяна Николаевна, надо правду сказать, до сихъ поръ была очень смирная, только все плачетъ.

— Это у нихъ заведенція такая, ваше бродіе, стало быть, плачетъ по своей дѣвической невинности, т. е. утратимши свои веселыя обнаковенія. На это смотрѣть нечего, женскія слезы, Емельянъ Даниловичъ, суть не важны.

— До сихъ поръ она исполняла мою волю, да я немного-то и приказывалъ, а вчера уже замѣтилъ сопротивленіе.

— Примѣрно какое, ваше бродіе.

— Я, знаешь, подсѣлъ къ ней — извѣстно, молодая жена, — да и говорю: ты, душаточка, поотдохнувши съ дороги, возьми-ка мои ветхія рубашонки и подштанники, да и позачинивай.

— Ну-съ!

— Она какъ вскочитъ отъ меня, словно ошпаренная. »Что вы, говоритъ, въ своемъ ли умѣ?« Я, знаешь, сробѣлъ, »Какъ же-съ, говорю, ты хозяюшка теперь у меня — кому же присматривать.« А она и говоритъ: »пожалуйста, бросьте вы это старое тряпье и носите бѣлье, которое мы вамъ сшили къ свадьбѣ, а то, говоритъ, съ вами и быть совѣстно.«

— Не иначе, дворянскіе капризы, ваше бродіе. И вы простили?

— Стыдно признаться, простилъ, Климъ Назарычъ.

— Нехорошо, ваше бродіе, тутъ-то и надобно на первыхъ порахъ ограничивать.

— А вечеромъ, знаешь ложимшись спать, я имѣю привычку портянки класть подъ головы, чтобы, примѣрно, были тутъ, какъ тутъ. Она какъ увидѣла, просто начала ругать, что это свинство, да и говоритъ: »Если вы не отстанете отъ своихъ привычекъ, я, говоритъ, велю стлать себѣ постель особо и никогда не лягу вмѣстѣ.«

— Не ужъ-то, Емельянъ Даниловичъ?

— Ей Богу!

— Это просто бунтъ! по моему мнѣнію въ головѣ, — жена не можетъ ложиться особо, потому нѣтъ такого закона, а мужъ, какъ вамъ извѣстно, глава — долженъ всѣми силами стараться жену ограничивать. Но, позвольте, любя васъ, какъ отца роднаго, я точно о васъ сожалѣю, одначе это не болѣе дворянскіе капризы. Вамъ только нужно пригрозить и дѣлать свое дѣло. Повѣрьте, все уладится. Поступайте только вопреки, говорите: »я такъ хочу!« и все пойдетъ, какъ по маслу. Я уже вамъ докладывалъ, Емельянъ Даниловичъ, что у насъ сперва съ Степанидой Карповной было не весьма благополучно, а теперь слава Богу.

— Оно, если хочешь, Климъ Назарычъ, мнѣ какъ-то боязно прикрикнуть на Татьяну Николаевну; по моему, отчего ее и не побаловать... но если мужъ по закону долженъ строго обращаться съ женою, такъ дѣлать нечего.

— Долженъ, ваше бродіе, безпремѣнно долженъ, иначе будетъ отвѣчать предъ Богомъ. Одно опять, какъ супруга ваша благороднаго воспитанія, имъ можно пригрозить и тѣмъ самымъ ограничить. А если начнетъ капризиться и требовать покупокъ противъ вашего желанія, тогда отказать, — и шабашъ! Жена обязана довольствоваться тѣмъ, что купитъ мужъ, потому онъ глава, какъ и значится въ законѣ.

— Ну, спасибо, братъ Климъ Назарычъ, за наставленія.

И Мукосѣевъ вышелъ, довольный, что расширилъ для себя горизонтъ пониманія супружескихъ отношеній.

Прошелъ годъ. Таня свыклась нѣсколько съ своей долей, и хоть ей не удалось передѣлать мужа, хоть слѣдуя совѣтамъ писаря и еще одного бурбона, Мукосѣевъ не сталъ мягче, однако, не употреблялъ съ ней крутыхъ мѣръ, и только отравлялъ женѣ жизнь просто уже своей неотесанной особой. У нихъ родился сынъ, и появленіе на свѣтъ маленькаго Муко-

сѣева было причиной, что бурбонъ, раскутясь, сдѣлалъ пышныя крестины, т. е. устроилъ пирушку, на которую, кромѣ родныхъ жены, созвалъ преимущественно духовенство и свою компанію. Съ тѣхъ поръ жизнь Тани стала нѣсколько сноснѣе. Правду сказать, положеніе ея не измѣнилось. Емельянъ Даниловичъ, по прежнему, никуда не отпускалъ ее, — но началъ оказывать ей больше снисхожденія, или, лучше сказать, смягчилъ свое самодурство, навѣянное извнѣ, и дѣлался по временамъ добрымъ человѣкомъ. Подчасъ, возясь съ ребенкомъ, онъ самъ ребячился, носилъ его на рукахъ, припѣвалъ обычныя глупости, коверкая языкъ, и разсказывалъ малюткѣ, какъ будетъ учить его на кордѣ и какъ изъ него выйдетъ лихой рубака.

Не смотря на затворническую жизнь и моральныя страданія, Таня мало перемѣнилась; по прежнему мимо ея домика прогуливались толпы молодежи, которая, однакоже, смотрѣла на постоянно закрытыя ставни — маневръ, присовѣтованный бурбону Холодовниковымъ. Мукосѣевъ рѣшительно не принималъ никого кромѣ женатыхъ, которые иногда дѣлали визиты его супругѣ, а если кто изъ холостыхъ отваживался зайти подъ какимъ нибудь предлогомъ, Емельянъ Даниловичъ усаживалъ гостя въ первой комнатѣ и запиралъ дверь, которая вела дальше. По большей части къ нему приходили занимать денегъ. По вечерамъ, весною и лѣтомъ, Мукосѣевъ отправлялся гулять съ женою, и тутъ иногда къ нимъ пристроивались офицеры, но какъ ни любезничали они съ Емельяномъ Даниловичемъ, какъ ни подъѣзжали, онъ не поддавался ни на какія удочки, а отдѣлывался безъ церемоніи отъ докучливыхъ спутниковъ. Юнкера просто не смѣли подступить къ Танѣ, потому что Мукосѣевъ не замедлилъ бы, придравшись къ чему нибудь, отправить ихъ на гауптвахту. Главныхъ обожателей, впрочемъ, не было: Мокрецовъ поступилъ въ бригадные адъютанты, а Звонаревскій женился и вышелъ въ отставку. Единственный домъ, гдѣ молодежь могла видѣть Таню—былъ домъ эскадроннаго командира, жена котораго принимала участіе въ молодой женщинѣ, частенько мылила голову Мукосѣеву и выпрашивала иногда у него Танѣ какія нибудь привиллегіи.

Съ матерью видѣлась Таня довольно часто, но больше пріѣзжала старуха, потому что бурбонъ рѣдко отпускалъ жену въ Землянки, какъ потому, что не хотѣлъ оставлять ее безъ надзора, такъ и потому, что не любилъ тещи, которая, не поладивъ съ писаремъ Холодовниковымъ, лишилась кредита у

Мукосѣева. Ни старанія Петра Ивановича Бакрѣева, ни совѣты полковаго аудитора не могли между зятемъ и тещей возстановить прежнихъ отношеній, такъ что послѣдняя уже не смѣла заикнуться о деньгахъ для исправленія своего хозяйства.

Мать и дочь поздно увидѣли свою ошибку въ разсчетѣ, но принуждены были покориться своей участи.

Въ началѣ осени полковой командиръ былъ произведенъ въ генералы, и скоро на его мѣсто пріѣхалъ новый изъ гвардіи, что въ то время уже сдѣлалось обыкновеніемъ. Сдача и пріемъ полка не входятъ въ сферу нашего разсказа, и потому, умолчавъ объ этомъ, мы только скажемъ, что при новомъ полковомъ командирѣ начали возникать новые порядки, перетасовался штабъ, появился новый фаворитизмъ и переведено было нѣсколько новыхъ офицеровъ.

Но мы не можемъ не остановиться на личности полковаго командира Андрея Ивановича Канцова. Это былъ высокій, стройный полковникъ, который еще недавно гремѣлъ саблей по Невскому въ обществѣ лихихъ товарищей и, очертя голову, пользовался столичными удовольствіями. Служа въ гваріи, онъ и кутилъ, и дѣлалъ долги, разумѣется, съ добрымъ намѣреніемъ расплатиться, тѣмъ болѣе, что ему обѣщанъ былъ армейскій полкъ, правда въ поселеніи, но который всетаки могъ доставлять приличную сумму. Канцову не было еще сорока лѣтъ. Въ Петербургѣ жилъ онъ въ порядочномъ кругу, пользовался значительнымъ успѣхомъ у женщинъ, вообще любилъ повеселиться и ни за что не оставилъ бы столицы, еслибы имѣлъ какую нибудь возможность безъ полка расплатиться съ долгами, дѣланными уже нѣсколько лѣтъ сряду въ счетъ будущаго благополучія. По пріѣздѣ на мѣсто и окончивъ, какъ слѣдуетъ, съ предшественникомъ, — онъ взялъ много уроковъ по этому предмету, находясь еще при образцовомъ полку, — Канцовъ началъ разсматривать своихъ полковыхъ дамъ и развѣдывать, есть ли въ окрестности хорошенькія помѣщицы. Но сама судьба устроила дѣло раньше, нежели онъ думалъ. Въ первое же воскресенье въ церкви онъ увидѣлъ Таню и узналъ, что это жена бурбона Мукосѣева. Какъ ловкій волокита и, притомъ, желая сохранить достоинство полковаго командира, Канцовъ не бросился преслѣдовать хорошенькую женщину и придумалъ маневръ, по его мнѣнію, обѣщавшій больше успѣха. Надо сказать, что при поселенныхъ полкахъ того времени находились кантонистскіе эскадроны, и тутъ уже

прямо все зависѣло отъ полковника. Въ полку, напримѣръ, пожелай, послѣдній лишить кого нибудь эскадрона изъ офицеровъ, могли бы возникнуть непріятности, запросы, пожалуй, и слѣдствія; съ кантонистскими эскадронными можно было и не церемониться. Такимъ образомъ, сдѣлавъ смотръ кантонистамъ, состоявшимъ при штабѣ, Канцовъ нашелъ все мерзко, гадко, распекъ эскадроннаго командира и отрѣшилъ его домашнимъ образомъ отъ командованія. Послѣ этого онъ потребовалъ у адъютанта списокъ поручиковъ и, остановясь на старшихъ, назначилъ Мукосѣева на томъ основаніи, что бурбонъ здѣсь могъ принесть наибольшую пользу службѣ. Вслѣдствіе этого и заготовленъ былъ приказъ по полку, о чемъ въ ту же минуту Холодовниковъ сообщилъ Емельяну Даниловичу.

Мукосѣевъ себя не помнилъ отъ радости. Хоть кантонистскій эскадронъ не то, что настоящій, однако, все нѣкоторымъ образомъ почетъ, притомъ же всякіе такіе доходы отъ мальчишекъ и взводъ одровъ (бракованыхъ лошадей) и, кромѣ всего этого, постоянное занятіе, безъ котораго бурбоны за частую или впадаютъ въ ханжество, или спиваются, бывало съ кругу.

Видя полковника только при представленіи, да на ученьяхъ, Мукосѣевъ не могъ еще составить себѣ о немъ понятія и потому, когда вѣстовой пришелъ звать его къ полковому командиру, Емельянъ Даниловичъ »сробѣлъ маленько« и пошелъ къ начальнику со страхомъ и трепетомъ.

Полковникъ принялъ его очень вѣжливо, тотчасъ же пригласилъ сѣсть и велѣлъ подать трубку. Мукосѣевъ уже слыхалъ объ обхожденіи полковаго командира, но не могъ не умилиться подобнымъ пріемомъ и почувствовалъ »на душѣ благодать«, какъ выразился потомъ Холодовникову. Переговоривъ о службѣ, давъ необходимыя наставленія и выразивъ надежду, что новый эскадронный командиръ доведетъ свою часть до совершенства, полковникъ разспросилъ Мукосѣева и о его домашней жизни. Адъютантъ замѣтилъ, что Емельянъ Даниловичъ не только женатъ на красавицѣ, но имѣетъ еще и порядочный капиталъ, что очень польстило Мукосѣеву. Первое это свиданіе подчиненнаго съ начальникомъ — не повлекло никакихъ послѣдствій, кромѣ того, что Емельянъ Даниловичъ принялъ эскадронъ до утвержденія высшими властями.

Между тѣмъ Канцовъ не дремалъ, собиралъ подъ рукою

всевозможныя свѣдѣнія о Танѣ и придумывалъ, какъ бы удобнѣе преступить десятую заповѣдь, во-первыхъ, чтобы не надѣлать скандала, во-вторыхъ, чтобы упрочить, если можно, связь съ молоденькой и хорошенькой поручицей. Нашлись люди, которые шепнули полковнику, что Мукосѣевъ въ рукахъ у казначейскаго писаря, вслѣдствіе чего однажды вечеромъ Холодовниковъ былъ потребованъ въ кабинетъ его высокоблагородія съ какими-то вѣдомостями. Что они говорили,— осталось тайной; только Климъ Назарычъ вернулся домой озабоченнымъ и на другой день рано утромъ имѣлъ аудіенцію у Мукосѣева.

Бурбонъ только что вышелъ и не рѣшился будить жену ранѣе шести часовъ, потому что она жаловалась съ вечера на головную боль, — какъ явился Холодовниковъ.

— А, Климъ Назарычъ, по добру, по здорову! Аль есть человѣчекъ?

— Просто съ неба свалился, ваше бродіе, даже не знаю какъ и доложить-съ.

— А кто такой?

— Дѣло великатное, Емельянъ Даниловичъ. Васъ можетъ ожидать, можно сказать, безпримѣрное счастье, да и мнѣ не безъ милости.

— Говори скорѣе.

— Вчера, примѣромъ, призываютъ меня черезъ вѣстоваго ихъ—скобродіе.

— Г. полковникъ?

— Они самые. Правду сказать, я уробѣлъ, будучи точно невиннѣе младенца по дѣйствіямъ, но не безъ того злые языки существуютъ, ваше бродіе, и думаю, — не произошло ли какого наговору. Боязнь была тѣмъ мучительнѣе, потому призывъ не черезъ моего прямаго начальника, г. казначея, а прямо отъ его скобродія »явиться немедленно и захватить черновую вѣдомость«, которую я изготовлялъ у себя въ домѣ. Прихожу бѣлѣе полотна, и меня требуютъ прямо въ кабинетъ. Я вошелъ и просто приросъ къ полу, по крайности, думаю, какъ прежній полковой командиръ, отчиститъ спервоначалу по зубамъ, а потомъ уже изволитъ разговаривать о дѣлѣ. И вѣрьте, ваше бродіе, отродясь, можно сказать, не видалъ такого великатнаго начальника, въ два, три слова изволилъ разспросить обо всемъ, что довлѣло. Вотъ потомъ и пожелалъ узнать — у кого можно позаимствовать недѣль на нѣсколько три тысячи, потому надо отправлять въ Петербургъ, а наличной суммы не

имѣется, ихъ же скобродію не хотѣлось объ этомъ объяснить даже г. казначею. Я хотѣлъ было указать на васъ, но ихъ скобродіе сами намекнули и сказали, что дадутъ хорошій процентъ.

— Вотъ оно что! Ну, я думаю, можно дать.

— Помилуйте, ваше бродіе, это небесная манна: одолжить начальство. Сами возьмите — полковой командиръ, въ одну минуту могутъ на всю жизнь сдѣлать несчастнымъ. По моему мнѣнію, которое я составилъ себѣ въ головѣ, вашему бродію слѣдуетъ надѣть мундиръ и отнести три тысячи, не брать процентовъ и не требовать росписки.

— А знаешь, братъ, я такъ и сдѣлаю. Говоришь: на нѣсколько недѣль?

— Думаю, что не больше. А между тѣмъ прощенія просимъ.

Мукосѣевъ дѣйствительно часовъ въ 8 былъ у полковника и понесъ ему деньги. Канцовъ очень благодарилъ его, предлагалъ процентъ и росписку, но бурбонъ отказался отъ того и отъ другаго, выразивъ, какъ умѣлъ, удовольствіе свое услужить начальнику.

Недѣли черезъ двѣ полковникъ потребовалъ къ себѣ Мукосѣева, возвратилъ деньги съ благодарностью, прося никому не разсказывать объ этомъ, и увѣдомилъ, что на другой день передъ вечеромъ хотѣлъ бы посмотрѣть его эскадронъ кантонистовъ. Не взирая на хорошія отношенія, Емельянъ Даниловичъ трухнулъ не на шутку, побѣжалъ къ себѣ, потребовалъ вахмистра и запоролъ горячку. »Дружба дружбой, а служба службой, думалъ онъ: не равно мои кантонистики не покажутъ себя, будетъ плохо. Хоть я тамъ послѣ передери весь эскадронъ, а если острамятъ, пропала моя голова«. Цѣлый день мучилъ онъ мальчиковъ, дѣлалъ разныя репетиціи, такъ что самъ умаялся не хуже подчиненныхъ, — однако вечеромъ послалъ за писаремъ, единственнымъ другомъ своимъ и совѣтникомъ. Холодовниковъ ровно ничѣмъ не могъ помочь ему. но Мукосѣевъ хотѣлъ поговорить съ нимъ, просто отвести душу, Впрочемъ, Климъ Назарычъ ободрялъ его и совѣтовалъ, если смотръ пройдетъ удачно, — пригласить полковника откушать чаю. Емельянъ Даниловичъ сперва не соглашался на подобную дерзость, но Холодовниковъ представилъ ему примѣры, что прежній полковой командиръ, хотя былъ и строгъ, все же не отказывался отъ хлѣба и соли.

— А вы посмотрите, ваше бродіе, прибавилъ писарь, —

какая очертація можетъ произойти изъ этого. Татьяна Николаевна, какъ еще барыня образованная, знаютъ французскіе діалекты и, примѣрно, могутъ вступить въ разговоры съ ихъ скобродіемъ, потому и г. полковнику скучно въ здѣшней сторонѣ, привыкнумши по Петербургу расхаживать.

Вслѣдствіе этой бесѣды, Емельянъ Даниловичъ приказалъ женѣ еще съ утра одѣться въ лучшее платье и быть готовой на всякій случай принять полковника, если онъ удостоитъ пожаловать на чай. Танѣ въ свою очередь хотѣлось поближе посмотрѣть на полковника, котораго она видѣла только во время разводовъ или у обѣдни, и молодая женщина охотно занялась приготовленіемъ всего необходимаго.

На другой день полковой командиръ, осматривая эскадронъ, нашелъ все въ отличномъ порядкѣ, поблагодарилъ кантонистовъ, а въ особенности Мукосѣева. Пользуясь этимъ случаемъ, бурбонъ, робѣя, проговорилъ приглашеніе.

— Очень радъ, но только вы женаты, а я въ сюртукѣ.

— Помилуйте, г. полковникъ, я за честь... я очинно доволенъ... осчастливьте, явите божескую милость.

И бурбонъ торжественно ввелъ въ гостиную полковника, который, очень вѣжливо раскланявшись съ Танею, просилъ у нея извиненія, что не успѣлъ еще сдѣлать ей визита. Таня съ достоинствомъ отвѣчала на любезность и, подавая чай, заговорила съ Канцовымъ по французски. Часа два потомъ полковникъ просидѣлъ у Мукосѣева, и Емельянъ Даниловичъ, гордясь, разсказывалъ потомъ Холодовникову, что онъ уже не слышалъ русскаго слова.

Вечеръ этотъ хоть еще не совсѣмъ рѣшилъ судьбу Мукосѣева, по крайней мѣрѣ былъ началомъ той драмы, которая выпала на долю нашему бурбону.

Таня, какъ и слѣдовало ожидать, увлеклась молодымъ свѣтскимъ полковникомъ. Сначала между ними происходила только пересылка книгъ, въ которыя вкладывались французскія записочки, потомъ Канцовъ устроилъ у себя дамскіе обѣды, вечера, на которыхъ бывала и Таня, а мѣсяца черезъ два все мѣстечко заговорило о связи полковника съ поручицей Мукосѣевой. Подобныя вѣсти, какъ извѣстно, позже всѣхъ достигаютъ до мужей, а потому Емельянъ Даниловичъ считалъ еще за честь вниманіе Канцова къ Танѣ и вездѣ разсказывалъ, что полковникъ иначе не говоритъ съ его женой, какъ по французски. Въ первое время послѣ паденія, Таня хитрила еще съ бурбономъ, но когда увлеклась искренно, когда полю-

била, она просто не могла выносить присутствія мужа, и, увѣренная въ защитѣ, начала гордо обходиться съ Мукосѣевымъ. Емельяну Даниловичу это очень не нравилось. Онъ коротко и ясно потребовалъ покорности и, крѣпкій надеждой на свою мужнину власть, пригрозилъ Танѣ хлыстомъ во время какой-то сцены. Таня, разумѣется, расплакалась, что смягчило бурбона, который дѣйствительно любилъ ее и не подозрѣвалъ ея настоящаго поведенія.

Увлекся ли и самъ Канцовъ серьезно, не желалъ ли разстаться съ молоденькой и хорошенькой женщиной, но и въ немъ окружающіе замѣтили большую перемѣну. Между тѣмъ каждый день можно уже было ожидать какой-нибудь скандальной развязки, Таня просто не могла жить съ мужемъ. Въ интимномъ разговорѣ съ Канцовымъ, она высказала послѣднему всю тягость безвыходнаго положенія и просила совѣта — что ей дѣлать и какъ дальше скрывать отъ мужа то, что извѣстно всему полку и окрестностямъ. Оставалось одно средство,—и къ нему рѣшились прибѣгнуть — подѣйствовать на Емельяна Даниловича черезъ писаря: нельзя ли какъ-нибудь разрѣшить вопросъ денежною сдѣлкою. Шагъ опасный, но единственный, который могъ безъ скандала прекратить натянутое положеніе, но могъ также и разрушить все какъ для полковника, такъ и для Тани. Канцовъ послалъ за Холодовниковымъ — и долго съ нимъ разговаривалъ. Прежде этой аудіенціи рѣшено было отправить Таню къ матери, что тоже не обошлось безъ затрудненій, потому что на силу уломали Мукосѣева отпустить жену съ сыномъ въ Землянки.

Оставшись совершенно одинъ, даже лишенный удовольствія баловать сынишку, Емельянъ Даниловичъ ходилъ по залѣ и серьезно задумался. Поведеніе Тани послѣднее время ставило его втупикъ, потому что еще никогда не замѣчалъ онъ за ней подобной строптивости. Мало того, что она совершенно его не слушалась, но постоянно избѣгала, жаловалась на болѣзнь, а между тѣмъ рядилась и не пропускала ни одного вечера у полковника. Мукосѣевъ, какъ мы уже видѣли, погрозилъ ей хлыстомъ однажды, но въ душѣ не рѣшался еще привести въ исполненіе свою угрозу и начиналъ уже раскаяваться, что женился на дворянкѣ. Женидьба эта убавила капиталъ его почти на треть: двѣ тысячи онъ отдалъ тещѣ, билетъ въ пять тысячъ перевелъ на имя жены, а около трехъ издержалъ на разныя обзаведенія. Конечно, онъ могъ порядочно жить и изъ двадцати тысячъ, но домашнее счастье его

пошатнулось и угрожало разрушеніемъ. Оставалось только употребить послѣднее средство — побои, о чемъ и подумывалъ Мукосѣевъ.

Раза три бурбонъ потянулъ уже бурой настойки и, набивъ свою коротенькую трубочку, съ наслажденіемъ закурилъ махорку, которой, по просьбѣ жены, никогда не курилъ въ комнатахъ.

Въ залу вошелъ озабоченный Холодовниковъ.

— Здравія желаю, ваше бродіе.

— А! Климъ Назарычъ, слыхомъ не слыхать! Гдѣ это запропастился?

— Очинно служба тяжела, ваше бродіе, все вѣдомости. Теперь, знаете, строго требуютъ. Кажись, г. казначей увольняются.

— Слышалъ, братъ, слышалъ. Нашъ полковникъ вѣдь ничего — добрый, добрый, а держи ухо востро.

— Истинно такъ, Емельянъ Даниловичъ. Такого начальника, какъ ихъ скобродіе, можно сказать, при всей молодости опытнаго, трудно найти во всемъ корпусѣ: не только рубли и копѣйки, а самыя чети въ мнѣніи своемъ раскидываютъ какъ на счетахъ. Вся канцелярія приходитъ въ изумленіе отъ нѣкоторыхъ бумагъ ихъ скобродія, и мы имѣемъ такое разсужденіе въ мысляхъ, что г. полковникъ находились въ прикомандированіи къ какому нибудь депертаменту военнаго министерства. Ума палата, ваше бродіе.

— Вишь ты!

— Кромѣ того, они отличаютъ истинныя заслуги, можно сказать, какъ отецъ родной, потому ободряютъ начальническимъ словомъ не только гг. офицеровъ, а и самый нижній чинъ не можетъ на нихъ пожаловаться.

Холодовниковъ переминался съ ноги на ногу.

— Садись, братъ Климъ Назарычъ.

— Покорно благодаримъ, Емельянъ Даниловичъ. Мнѣ бы надобно поговорить объ одномъ экстренномъ дѣлѣ, и я боюсь, чтобы постороннія уши не сдѣлали помѣшательства.

— Никого нѣтъ, бабье уѣхало, а деньщикъ на кухнѣ. На счетъ денегъ, что ли?

— Изволите ли видѣть, ваше бродіе, дѣло особой важности, можно сказать, секретное.

— Ну, послушаемъ.

— Только ваше бродіе, Емельянъ Даниловичъ, явите божескую милость. Въ этомъ дѣлѣ я сторона, и вы знаете поговорку, что »посла не сѣкутъ, не рубятъ«.

— Что-то мудрено.

— И такъ мудрено, что еслибъ не ихъ скобродіе, т. е. еслибъ не желательство ихъ скобродія, я, какъ есть маленькій человѣкъ, не осмѣлился бы приступить, потому легко можете изобидѣться, а болѣе меня изобидѣть.

— Это же за что?

Лицо Холодовникова приняло умилительное выраженіе.

— Вашему бродію извѣстно, что плетью обуха не перешибешь, что воля вышняго начальства — законъ подчиненнаго, а поелику мы обязаны повиноваться властямъ, то всякое свое мнѣніе въ головѣ супротивъ воли начальника должно почитаться за ничто.

— Какое уже тутъ мнѣніе, когда тебѣ приказываютъ!

— Подлинно такъ, ваше бродіе. Офицеръ вы, какъ есть въ акуратѣ, отличены начальствомъ, можете происходить чинами и гораздо выше, потому бывали примѣры — изъ нижняго званія дослуживались и до генеральства. Если будете себя соблюдать и повиноваться ихъ скобродію, можно не имѣть сумнительства, что и нынѣ за отличіе представятъ въ штабсъ-ротмистры.

— Да ты, братъ Климъ Назарычъ, говори прямо, а то вижу, что очинно подъѣзжаешь.

— Нѣтъ, я къ тому, ваше бродіе, что г. полковникъ могли бы оказать вамъ не маловажную протекцію.

— Ну?

— Холодовниковъ видимо замялся и замялся сильно, потому что началъ откашливаться, и на лбу его выступили капли пота.

— Нечего скрывать далѣе, Емельянъ Даниловичъ, проговорилъ онъ наконецъ: ихъ скобродіе очинно страдаютъ... пылаютъ... такъ сказать, ночи не спятъ.

— Заболѣлъ что ли?

— Это хуже всякой болѣзни, ваше бродіе! г. полковникъ влюбились.

— Вотъ что!

— И влюбились въ Татьяну Николаевну, произнесъ скороговоркою писарь и инстиктивно попятился къ двери.

Мукосѣева словно поразило громомъ. Онъ вытаращилъ глаза, выронилъ изъ рукъ трубку, и мгновенно густая краска сбѣжала съ лица его. Писарь испугался.

— Ты-жь почему это знаешь? глухо спросилъ Мукосѣевъ.

— Ихъ скобродіе самолично объявили мнѣ объ этомъ.

— А! такъ вотъ ѳно что!

Бурбонъ постепенно приходилъ въ себя и, облокотившись на столъ, закрылъ лицо руками.

— Не имѣйте сумнительства, ваше бродіе, я тутъ ничего, а исполняю только камандирское приказаніе.

— Онъ послалъ тебя, что ли, ко мнѣ? спросилъ Мукосѣевъ.

— Истинно такъ: я изъ своей головы не осмѣлился бы предстать предъ вашимъ бродіемъ.

Бурбонъ оборотился. Глаза его блестѣли, ротъ судорожно искривился.

— Что же это такое, братъ Климъ Назарычъ?

— Успокойтесь маленько, ваше бродіе, и выслушайте. Я какъ есть маленькій человѣкъ, а все имѣю чувствіе, и мнѣ жалко васъ, Емельянъ Даниловичъ, словно отца роднаго. Какъ я взялъ свое мнѣніе въ головѣ, такъ вамъ большаго ущерба не можетъ быть...

— Стало быть, онъ хочетъ отнять у меня жену.

— Помилуйте Емельянъ Даниловичъ, для этого самаго ихъ скобродіе и послали меня, какъ будучи извѣстны вашимъ соизволеніемъ ко мнѣ и полагали, что супротивъ меня и сами они не могутъ переговорить съ вами. Они только не хотятъ поступить безъ вашего вѣдома, какъ люди скобродные и образованные.

— А хочетъ, чтобъ я самъ привелъ къ нему жену?

— Помилуйте, ваше бродіе, такого разсужденія въ мысляхъ никогда не имѣли г. полковникъ. Не безъизвѣстно вамъ, что штаба начальникъ живутъ же съ супругой волостнаго командира: и ей хорошо, и мужу ежегодныя награды, а чтобъ его превосходительство часто безпокоили посѣщеніемъ — не слышно, потому заняты важными государственными дѣлами.

— Нѣтъ, Климъ Назарычъ, ни за что, я женился для себя и долженъ исполнять христіанскій законъ. Такъ и скажи полковнику. Теперь-то я начинаю смекать, что они снюхались. Но ей это не пройдетъ даромъ! сказалъ бурбонъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Ихъ скобродіе, между прочимъ, объяснили, что не прочь вамъ пожертвовать три тысячи единовременнаго, а Татьянѣ Николаевнѣ давать ежегодно приличное содержаніе.

Бурбона передернуло.

— Вона! кушъ порядочный! сказалъ онъ съ горькой ус-

мѣшкой. Нѣтъ, братъ, доложи полковнику, что Мукосѣевъ не продаетъ своей чести. Или, постой, лучше я самъ пойду къ нему.

— Явите божескую милость, ваше бродіе, не дѣйствуйте супротивно! Какъ вамъ будетъ угодно — согласны или несогласны — только не губите себя, а паче всего избѣгайте дерзостей.

— Ну, братъ Холодовниковъ, это уже мое дѣло.

— А мнѣ же что доложить ихъ скобродію.

— Доложи, что молъ самъ поручикъ Мукосѣевъ явится.

— Слушаю-съ. Когда же? спрашивалъ писарь, надѣясь, что бурбонъ не устоитъ противъ начальничьяго краснорѣчія.

— Только вотъ одѣнусь и пойду.

— Не имѣйте же супротивъ меня недоброжелательства, ваше бродіе, потому я здѣсь сторона и токмо дѣйствовалъ, не смѣя ослушаться приказанія.

Холодовниковъ вышелъ, и бурбонъ снова склонился къ столу, закрывъ лицо руками. Когда черезъ четверть часа онъ всталъ, глаза его были заплаканы. Въ этотъ короткій промежутокъ онъ выдержалъ сильную борьбу съ собою. Теперь ему представилось поведеніе жены въ настоящемъ свѣтѣ, и командирскія любезности, которыми онъ гордился, показались ему ясными, какъ день. Молча, прошелъ онъ въ спальню, отъ которой пахнуло на него могилой, съ грустью посмотрѣлъ на колыбель сына, махнулъ рукой и началъ одѣваться. Осушивъ залпомъ стаканъ бурой настойки, — твердой, ровной походкой отправился онъ къ полковому командиру.

Канцовъ пилъ чай и курилъ сигару въ кабинетѣ, когда ему доложили о приходѣ поручика Мукосѣева.

— Просить сюда! сказалъ онъ нетвердымъ голосомъ.

Бурбонъ вошелъ, вытянулся и проговорилъ:

— Имѣю честь явиться, г. полковникъ.

На лицѣ его незамѣтно было уже никакого волненія.

— Здравствуйте, Мукосѣевъ, покорно прошу садиться, сказалъ Канцовъ и заперъ дверь на задвижку.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

— У васъ былъ писарь Холодовниковъ? спросилъ, наконецъ, несмѣло Канцовъ, не рѣшаясь взглянуть въ глаза своему собесѣднику.

— Былъ, г. полковникъ.

— Слѣдовательно, намъ нечего говорить обиняками.

— Точно такъ, г. полковникъ.

— Согласны вы на мое предложеніе?

— Никакъ нѣтъ.

— Повѣрьте, любезнѣйшій Мукосѣевъ, мнѣ совѣстно было... но сдѣланнаго не воротишь... Мы съ Татьяной Николаевной любимъ другъ друга... Конечно, это грѣхъ, да вѣдь человѣкъ слабъ...

— На все есть законъ, г. полковникъ.

— Я и не спорю, но отъ судьбы не убережешься. Вамъ, вѣроятно, писарь все сказывалъ?

— Все сказывалъ, только я денегъ не возьму и чести своей не продамъ.

Канцовъ покраснѣлъ.

— Подумайте, Мукосѣевъ, каково будетъ вамъ жить: Татьяна Николаевна не любитъ васъ.

— А зачѣмъ шла за меня?

— Это другой вопросъ! Но вы посудите, что же ей дѣлать?

— А то, что выпорю ее хорошенько, и буду пороть пока не выкинетъ дурь изъ головы.

— И вы осмѣлитесь? закричалъ Канцовъ.

Бурбонъ попятился нѣсколько, но »не сробѣлъ.«

— Законъ мнѣ дозволяетъ, какъ я есть законный мужъ.

— Да знаете ли, что я съ вами сдѣлаю?

— Что будетъ вамъ угодно, — а жена моя.

— Послушайте, Мукосѣевъ, началъ полковникъ мягче: есть еще время уладить дѣло. Я дамъ вамъ пять тысячъ.

— Не возьму, г. полковникъ. Вы сбили съ толку мою жену, вамъ должно быть супротивъ меня стыдно, вы меня обидѣли, какъ я подначальный: что же вы со мною сдѣлаете?

— Право, окончимте, Мукосѣевъ, и будемъ друзьями: я представлю васъ за отличіе въ штабсъ-ротмистры, а тамъ подумаемъ и о настоящемъ эскадронѣ.

— Очинно благодарны. Нѣтъ, ужъ я лучше выйду въ отставку и буду землю пахать, г. полковникъ.

— Я даю вамъ два дня сроку.

— Черезъ два дня скажу тоже самое.

— Нѣтъ, сдѣлайте это для меня, разстанемтесь еще пріятелями, а тамъ приходите черезъ два дня и рѣшимъ окончательно.

— Мнѣ надо съѣздить за женою.

— Послѣ уже съѣздите. Я васъ прошу покорно. Забудьте,

что я полковой командиръ и сдѣлайте лично для меня это одолженіе.

— Извольте, г. полковникъ, только и черезъ два дня я скажу тоже самое. Счастливо оставаться.

Канцовъ отперъ дверь Мукосѣеву, который поспѣшными шагами ушелъ къ себѣ на квартиру. Пославъ за водкой, бурбонъ напился мертвецки пьянъ, какъ никогда въ жизни.

Тотчасъ же Канцовъ отправилъ нарочнаго къ Танѣ и, не обезкураживая ее совершенно, просилъ прислать немедленно Бакрѣева, котораго зналъ немного лично, а больше по разсказамъ Холодовникова и Тани, за человѣка, имѣвшаго на бурбона значительное вліяніе. Канцову казалось дѣло еще не потеряннымъ, если за него приняться умѣючи, и боясь, съ одной стороны, скандала, съ другой, не желая окончить интересную интригу, онъ рѣшился всѣми способами добиться благопріятнаго результата.

Петръ Ивановичъ, посвященный въ тайну племянницы гораздо больше, нежели Мавра Осиповна, въ тотъ же вечеръ прилетѣлъ въ мѣстечко и, приказавъ лошадямъ ѣхать къ аудитору, самъ забѣжалъ къ полковнику. Оттуда онъ ходилъ еще на совѣтъ къ писарю Холодовникову.

Рано утромъ отправился Бакрѣевъ къ Емельяну Даниловичу и засталъ уже его за штофомъ. Бурбонъ былъ въ полпьяна, но не потерялъ еще сознанія. Онъ даже встрѣтилъ Бакрѣева довольно привѣтливо, но не высказывался. Это, впрочемъ, не понравилось Петру Ивановичу. Послѣ разныхъ, ничего незначущихъ разговоровъ о томъ, о семъ, Емельянъ Даниловичъ освѣдомился о женѣ и сынѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Цѣлый часъ сидѣлъ Петръ Ивановичъ, цѣлый часъ бурбонъ пилъ и потчивалъ гостя, но отклонялъ разговоръ о томъ, что томило его душу, такъ что Бакрѣевъ, не зная, съ чего начать, ушелъ прямо къ полковнику. Долго они совѣтовались съ Канцовымъ, который видѣлъ хорошее предзнаменованіе въ пьянствѣ Мукосѣева и рѣшилъ, — узнавъ завтра положительный отвѣтъ бурбона, дѣйствовать уже, какъ потребуютъ обстоятельства. Но, во всякомъ случаѣ, они положили, если бурбонъ не согласится на сдѣлку, не пускать его къ женѣ, а ей не ѣхать къ мужу, предоставляя времени уладить какъ нибудь щекотливое обстоятельство.

Емельянъ Даниловичъ пропьянствовалъ до вечера одинъ одинехонекъ. Приходилъ было къ нему Холодовниковъ, но засталъ уже его въ блаженномъ состояніи, въ которомъ однако-

же бурбонъ не забывалъ своего несчастья и жаловался на безталанную долю. Писарь пробовалъ было его уговаривать съ обычнымъ краснорѣчіемъ, однако Мукосѣевъ погрозилъ разбить ему штофомъ голову, если онъ намекнетъ о какой бы то ни было сдѣлкѣ съ полковникомъ.

По утру роковаго дня, въ который слѣдовало дать рѣшительный отвѣтъ полковому командиру, Мукосѣевъ всталъ, какъ встрепаный, выпилъ кувшинъ квасу, окатилъ голову холодною водою и въ семь часовъ былъ готовъ представиться начальству. Въ то же время пришелъ и вѣстовой звать его къ полковнику. На этотъ разъ Емельянъ Даниловичъ не прикоснулся даже къ водкѣ и твердой поступью пошелъ по приглашенію.

По прежнему, заперевъ дверь на задвижку, Канцовъ пригласилъ садиться Мукосѣева.

— Ну что, сказалъ онъ, подумали хорошенько, Емельянъ Даниловичъ?

— Подумалъ, г. полковникъ.

— Какъ же вы рѣшили?

— Я вамъ уже докладывалъ.

— И не согласны ни на что?

— Какъ есть подначальный, во всемъ готовъ слушаться, а въ этомъ дѣлѣ нѣтъ у меня командира.

— Но разсудили ли вы, къ чему это поведетъ?

— Разсудилъ, г. полковникъ. Я завтра подаю въ отставку.

— Да вѣдь Татьяна Николаевна не хочетъ жить съ вами.

— Ее и спрашивать не будутъ.

— У нея есть свое имѣніе.

— Я куплю свое и вытребую ее по этапу.

— Но это безсовѣстно!

— Это по закону, г. полковникъ.

— Послушайте, Мукосѣевъ, неужели же у васъ нѣтъ сердца?

— Должно быть есть, г. полковникъ.

— Значитъ, вы объявляете мнѣ открытую войну?

— Никакой войны объявлять не смѣю, всѣ ваши приказанія исполняю, а у себя въ домѣ долженъ жить по закону.

— Это ваше послѣднее слово?

— Послѣднее, г. полковникъ.

— Ну, какъ знаете. Не пеняйте послѣ на меня.

— Кому прикажете сдать эскадронъ.

— Я объ этомъ и не думалъ: служба идетъ своимъ поряд-

комъ. Какъ полковой командиръ, я не имѣю ничего противъ васъ, какъ человѣкъ — никогда не прощу.

— Я вамъ ничего не сдѣлалъ, г. полковникъ. Счастливо оставаться.

— Прощайте, Мукосѣевъ, и помните, что если одумаетесь, я не откажусь отъ своихъ обѣщаній.

— Просимъ прощенія.

Дальнѣйшіе переговоры Бакрѣева и Холодовникова съ бурбономъ имѣли только то послѣдствіе, что еще болѣе ожесточили Емельяна Даниловича, который, между прочимъ, подалъ въ отставку. Полагая, что онъ не можетъ уѣхать къ женѣ безъ дозволенія, котораго никогда бы не получилъ отъ Канцова, и убѣжденный, что жена къ нему не пріѣдетъ добровольно, Мукосѣевъ весь день занимался службой, весь вечеръ пилъ водку — и словно позабылъ о существованіи семейства.

Такъ прошло около мѣсяца. Въ теченіе этого времени полковникъ успѣлъ уговорить Таню переѣхать на одинъ уединенный помѣщичій хуторъ, который нанятъ былъ съ этой цѣлью, и ѣздилъ по ночамъ тайкомъ на свиданіе. Любовники предавались отчаянію, но больше горевала Таня, которой не было рѣшительно никакого выхода.

По какому-то случаю полковникъ слишкомъ жестоко наказалъ своего кучера, посвященнаго въ тайну ночныхъ поѣздокъ и до того ожесточилъ послѣдняго, что тотъ, по выходѣ изъ лазарета, прямо отправился къ Мукосѣву и подъ клятвой не выдавать его — открылъ убѣжище Тани. Поклявшись передъ образомъ хранить тайну, Мукосѣевъ подарилъ кучеру двадцать пять рублей ассигнаціями.

Въ одинъ ненастный вечеръ, призвавъ своего вахмистра и приказавъ осѣдлать лучшую бракованную лошадь въ эскадронѣ, бурбонъ закутанный въ шинель, выѣхалъ изъ квартиры, крупною рысью, по направленію къ большому лѣсу. Окрестныя дороги были ему хорошо знакомы, и онъ часа черезъ полтора очутился въ небольшомъ хуторкѣ, состоявшемъ изъ господскаго домика и пяти или шести крестьянскихъ избъ, расположенныхъ вдоль неглубокаго оврага. Въ хатахъ было темно, но въ домикѣ виднѣлся свѣтъ сквозь щели ставень. Бурбонъ остановился у запертыхъ воротъ. На дворѣ залаяли собаки. Изъ кухни вышелъ солдатъ и грубо окликнулъ пріѣзжаго. Перемѣнивъ голосъ, Мукосѣевъ сказалъ, что онъ отъ полковника съ нужнымъ письмомъ къ Татьянѣ Николаевнѣ. Послѣ такого отвѣта солдатъ отперъ ворота, впустилъ посланнаго и

поспѣшилъ доложить барынѣ. Въ сѣни со свѣчкой вышла кормилица, ахнула при видѣ Мукосѣева и уронила свѣчку. Но бурбонъ уже отворилъ дверь въ первую комнату и столкнулся съ Таней, которая бѣжала ему на встрѣчу.

Предоставляю читателю судить о положеніи молодой женщины. Она лишилась чувствъ и грохнулась на полъ. Кормилица закричала. Прибѣжали солдатъ и одинъ мужикъ, но Мукосѣевъ выгналъ ихъ изъ комнаты. Горничная принесла воды и начала брызгать на лицо Тани, а Мукосѣевъ все время стоялъ неподвижно среди комнаты. Но едва Таня открыла глаза, бурбонъ бросился на нее, подобно разъяренному дикому звѣрю. Когда вбѣжавшіе люди отняли жену у Мукосѣева, — у него била изо рта пѣна.

Бурбонъ впалъ въ безпамятство. Его вынесли въ кухню, а солдатъ полетѣлъ доложить полковнику о чрезвычайномъ происшествіи.

Больныхъ на другой же день утромъ перевезли въ мѣстечко— въ квартиру Мукосѣева. У бурбона открылась нервная горячка, и долго опасались за его разсудокъ, но крѣпкая натура восторжествовала, и онъ черезъ два мѣсяца былъ здоровъ совершенно. Татьяна Николаевна долго мучилась, но благодаря молодости и усердію искуснаго медика — возвращена была къ жизни. Одного глаза у ней недоставало.

Исторію замяли, по крайней мѣрѣ офиціально отнесли къ нападенію разбойниковъ, что и было даже гдѣ-то напечатано въ газетахъ.

Канцовъ не возобновлялъ предложенія Мукосѣеву, который вышелъ въ отставку и поселился въ жениномъ имѣніи. Конечно, Таня не могла ни любить, ни уважать его, но убѣдясь, что служила только забавой человѣку, котораго любила истинно и который отказался отъ нея въ несчастіи, старалась загладить свой проступокъ противъ мужа.

Холодовниковъ скоро вышелъ въ аудиторы. Первый же его выѣздъ въ гости былъ на хуторъ къ Емельяну Даниловичу, который, обрадовавшись дорогому гостю, пригласилъ и Бакрѣева. Старинные товарищи, послѣ ужина, долго балагурили, попивая наливку. Постороннихъ никого не было. Наконецъ, какъ-то зашла рѣчь объ извѣстномъ событіи.

— А вѣдь вы, примѣрно, Емельянъ Даниловичъ, не умѣренно истиранили свою супругу, сказалъ Холодовниковъ.

— Развѣ, ты думаешь, я билъ ее въ своемъ умѣ? А все не раскаяваюсь. Бѣдняжка перенесла, я принялъ грѣхъ на

душу, да за то нонче живетъ ладно. Я люблю ее по старому, а эти волокиты теперь и не смотрятъ на нее.

— Справедливое мнѣніе имѣете въ головѣ, ваше бродіе, т. е. Емельянъ Даниловичъ, однако могли совершить уголовное преступленіе.

— Вотъ завели рѣчь, чортъ знаетъ о чемъ, замѣтилъ Бакрѣевъ: давайте-ка еще выпьемъ бутылку и припомнимъ пословицу: »что съ воза упало, то пропало«.

СТОЯНКА ВЪ ДЫМОГАРѢ.

(ДОНЪ-ЖУАНЪ.)

СТОЯНКА ВЪ ДЫМОГАРѢ.

(ДОНЪ-ЖУАНЪ.)

Въ эпоху, избранную мною для разсказа, все наше нравственное безобразіе ничѣмъ не прикрывалось передъ обществомъ, потому что общество вырабатывало всѣ необходимые элементы для этого безобразія, и людей, заявившихъ себя съ самой безнравственной стороны, принимало въ среду свою со всѣми знаками уваженія, если они успѣли нажить состояніе. Разумѣется, честные и образованные люди поодиночкѣ и тогда называли вещи ихъ собственными именами, но это были гласы, вопіявшіе въ пустынѣ, потому что большинство, особенно погрязшее въ крѣпостномъ правѣ, находило подобное положеніе непремѣннымъ условіемъ гражданскаго устройства и открыто покупало все, чѣмъ только могли торговать безсовѣстность, пронырливость, алчность и произволъ. Истинѣ много надо было усилій преодолѣвать препятствія, чтобы дойти до высшаго правительства, и хотя обнаруженныя злоупотребленія карались со всею строгостію законовъ, однако, если обвиненный обладалъ связями или »презрѣннымъ металломъ«, дѣло представлялось въ болѣе смягченномъ видѣ, и господинъ, нажившій сотни тысячъ, отставлялся только отъ службы и уѣзжалъ устраивать благопріобрѣтенное имѣніе. Иногда злоупотребленія покрывались для того, чтобы тѣнь не падала на вѣдомство, на томъ основаніи, что казна не обѣднѣетъ, а пострадаетъ честь мундира и т. п. Молодыя поколѣнія воспитывались въ такихъ же понятіяхъ. Честно служить наукѣ, искусству, промышленности — объ этомъ помышляли весьма немногіе; заботой и мечтой всѣхъ и каждаго была коронная служба, но лишь съ двоякой цѣлью: добиться почестей, или сколотить копѣйку. Общественная польза и гражданскій долгъ были только фразы,

и то у людей образованныхъ; необразованные же не употребляли и этихъ фразъ, а шли прямо къ цѣли — кто къ чинамъ и орденамъ, кто къ »презрѣнному металлу«. Слѣдуя за подобнымъ настроеніемъ общества, вникая въ принципы, вошедшіе въ плоть и кровь массы, вспоминая о тогдашнихъ взяточникахъ, казнокрадахъ и tutti quanti, нельзя сказать вообще. чтобы это были совѣмъ дурные или безнравственные люди; напротивъ, много изъ нихъ можно насчитать хорошихъ мужей, отличныхъ отцовъ семейства и добрыхъ людей, охотно помогавшихъ ближнему. Конечно, большинство брало, но брало, не подозрѣвая даже гнусности поступка. Напримѣръ, военные начальники отдѣльныхъ частей наживались въ полной увѣренности, что такъ слѣдовало, иначе быть не могло, и нѣкоторые изъ нихъ не знали даже о существованіи закона, преслѣдовавшаго злоупотребленіе полковымъ хозяйствомъ.

Не смотря на благопріятное мнѣніе меньшинства, направленнаго противъ взяточничества, казнокрадства и т. п., и теперь еще многіе наперерывъ добиваются тепленькихъ, доходныхъ мѣстечекъ, а лѣтъ тридцать тому назадъ, когда журнальныя статьи прямо назывались враками, нападки же на взяточниковъ »чесаньемъ досужихъ языковъ«, иные весьма почтенные люди были глубоко убѣждены, что на службѣ не только можно, но даже должно составлять себѣ состояніе. »Обдѣлывать дѣла«, обходя законъ, не считалось предосудительнымъ; напротивъ, тотъ, кто гнушался взяточничествомъ и съ негодованіемъ отворачивался отъ казнокрадства, получалъ названіе чудака, простофили и нерѣдко слылъ вреднымъ человѣкомъ, котораго товарищи, а подъ-часъ и начальники спѣшили выжить изъ службы. Но если въ послѣднее время казнокрадство и плутни начали, по крайней мѣрѣ, называться настоящими именами, и если особы, преданныя этимъ почтеннымъ занятіямъ, стараются, по возможности, дѣйствовать подъ сурдиной, то тридцать лѣтъ назадъ никто не стѣснялся ни общественнымъ мнѣніемъ, котораго не существовало, ни гласностію, которая только въ видѣ шутки пробовала выставлять отдѣльные лица и случаи. Тогда поступали открыто и безцеремонно высказывали убѣжденія. Отецъ охотно отдавалъ сына въ путейское вѣдомство на томъ основаніи, что путеецъ непремѣнно пріобрѣтетъ капиталъ; молодой человѣкъ просилъ перевода въ коммиссаріатскій или провіантскій штатъ, разсчитывая добиться теплаго мѣстечка; въ юстиціи тоже, какъ и въ другихъ министерствахъ, были завѣтныя должности; даже въ военной

службѣ командованіе частію представляло извѣстныя выгоды, и каждый, не краснѣя, говорилъ о своихъ безгрѣшныхъ доходахъ, какъ о чемъ-то присвоенномъ его званію. Однимъ словомъ, прямая честность, какъ понимаютъ ее теперь, была въ прежнее время рѣдкостію, и хотя по наружности уважалась всѣми, однако большинство называло ее нелѣпой фантазіей и смѣялось надъ бѣднякомъ, который могъ иногда пользоваться благами жизни, но не пользовался оттого, что считалъ безчестнымъ и незаконнымъ наживаться на чей бы то счетъ ни было. И теперь еще есть благодатныя мѣста, за которыя идетъ глухая борьба между конкурентами; но нынѣшніе конкуренты прикидываются уже прогрессистами, и многіе изъ нихъ по крайней мѣрѣ, говорятъ, что пора »очищать грязь«, »отряхать рутину« и т. п. фразы. Въ старые годы никто не прикидывался подобнымъ прогрессистомъ, потому что, пожалуй, не получилъ бы и тепленькаго мѣстечка. Теперь если берутъ, то стараются взять такъ, чтобы лѣвая рука не знала, что взяла правая, а въ былое время умѣнье брать было возведено въ систему и подчинялось подробной таксѣ. Послѣ крымской войны взяточничество перемѣнило форму, но осталось въ привычкѣ, потому что наслѣдственныя болѣзни, вѣковые обычаи не могутъ проходить отъ палліативныхъ средствъ. Въ доброе старое время славно было ловить рыбку въ мутной водицѣ.

Хотя въ моихъ »очеркахъ прошлаго« я описываю военный бытъ, однако считаю необходимымъ, въ общихъ чертахъ, сказать объ эпохѣ, потому что мой читатель имѣлъ бы полное право задуматься, встрѣчая несовмѣстимыя черты въ одномъ и томъ же характерѣ. Сѣчь con amore утромъ подчиненныхъ, а вечеромъ, въ обществѣ барынь, растрогиваться при чтеніи какого нибудь слезливаго романа; обирать казну и въ то же время съ негодованіемъ отзываться о чиновникѣ, взявшемъ взятку; надувать цыгана, еврея, даже родственника лошадьми и вызывать на дуэль товарища за двусмысленное выраженіе — по крайней мѣрѣ въ мое время было такъ обыкновенно, что человѣка, который вздумалъ бы удивляться подобному порядку вещей, сочли бы жителемъ другой планеты. Былъ даже одинъ видъ воровства, не считавшійся предосудительнымъ — это украсть собаку, какой бы она цѣнности ни была; но, кажется, этотъ похвальный обычай и понынѣ не исчезъ съ лица земли, потому что мнѣ очень недавно удалось слышать, какъ одинъ господинъ громогласно говорилъ своимъ знакомымъ, что въ Москвѣ »подтибрилъ« отличнаго водолаза. Но что страннѣе

всего въ описываемую эпоху, даже высшее образованіе не всегда спасало человѣка отъ міазмовъ рутины, и сколько бывало примѣровъ, что юноша чрезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи курса, попавъ на мѣсто казначея или квартермистра, обдѣлывалъ дѣлишки не только подобно малограмотнымъ предшественникамъ, но съ большею выгодою, какъ бы нарочно прилагая свои познанія къ неблаговидному дѣлу. Конечно, здѣсь играли большую роль начала, положенныя въ семействѣ, потому что иной разъ кое какое окончаніе курса въ университетѣ дѣлалось собственно для полученія степени; но, во всякомъ случаѣ, студентъ не могъ не понимать, что̀ было хорошо и что̀ дурно. Черезъ десять, пятнадцать лѣтъ службы — я не говорю — это другой вопросъ: тутъ уже всѣ гуманныя и прогрессивныя убѣжденія разбивались при столкновеніяхъ съ форменной дѣйствительностію — человѣкъ, втянувшійся въ службу съ тѣмъ, чтобъ добиться отъ нея вещественныхъ благъ, долженъ былъ подойти подъ извѣстный уровень; странно то, что молодежь развитая и образованная такъ скоро ломала свои нравы и обычаи.

Надо сказать, что и начальство того времени смотрѣло не весьма благопріятно на воспитанниковъ высшихъ заведеній, которые, по смыслу своего аттестата, получали первый чинъ черезъ шесть мѣсяцевъ. Впослѣдствіи — и я уже попалъ въ эту категорію — студенческое право ограничилось прибавкою: »буде познаніями по службѣ окажется того достоинъ«. Въ силу этой прибавки иные студенты служили юнкерами по два года, вслѣдствіе усмотрѣнія начальства. Разсказываю это мимоходомъ, кстати. Слова »ученый«, »физикъ« и »студіозъ« служили терминами распеканціи отъ властей, которыя прибавляли къ этому: »я вытрясу изъ тебя ученый духъ!« »я усмирю тебя....« и прочія любезности. Встрѣчались, однако жъ, полковые командиры и генералы, которые ласкали образованную молодежь и давали ей дорогу.

Всѣ субалтернъ-офицеры вели разсѣянную или разгульную жизнь, всѣ штабные и командиры частей, кромѣ этого заботились о хозяйствѣ, и если взять бытъ какого нибудь полка массой — немного можно было извлечь отраднаго. Нѣсколько личностей встрѣчалось достойныхъ и образованныхъ, но они стирались въ гнетущей, разъѣдающей средѣ картежи, оргій или сантиментальнаго волокитства.

Надо замѣтить, что была странная полоса времени, въ которую восхвалялась любовь платоническая, т. е. духовное обо-

жаніе безъ всякихъ земныхъ помысловъ, разумѣется на словахъ, потому что подобное чувство несовмѣстимо съ природой человѣка. Если средневѣковой рыцарь могъ быть влюбленъ порой заглазно въ даму своего сердца, то въ эпоху фанатизма можно еще допустить какую угодно нелѣпость; въ позднѣйшее же время это была напускная дурь, которая, впрочемъ, имѣла доступъ и въ кружки университетской молодежи. Офицеры, начитавшись тогдашнихъ романовъ и сладенькихъ стишковъ, любившіе, впрочемъ, проводить время весьма не платонически, считали обязанностію стоять за духовную любовь, которая называлась еще возвышенной, благородной, поэтической, въ отличіе отъ земной, вызывавшей, разумѣется, на словахъ, презрѣніе, но обыкновенно оканчивавшей многія платоническія затѣи. Неестественное чувство платонизма проповѣдывалось, конечно, не всѣми, но всегда можно было встрѣтить нѣсколько офицеровъ, которые защищали этотъ принципъ, стараясь доказать поэтичность своей природы, заключавшуюся, по ихъ мнѣнію, въ томъ, что поэтъ отрѣшается отъ всего земнаго и паритъ въ заоблачныхъ сферахъ. Такимъ, по ихъ словамъ, достаточно было упиваться взорами любимой особы, небесной улыбкой, а самая мысль объ обладаніи ею казалась уже преступленіемъ. Нелѣпая и невозможная эта доктрина поддерживалась молодежью даже въ офицерскихъ бесѣдахъ, гдѣ за стаканомъ пунша противники платонизма развивали свое ученіе, осыпая самыми циническими выходками донкихотовъ XIX столѣтія. Матеріалисты оказывались всегда правыми, потому что платоники не могли долго выдерживать своей роли и, поюродствовавъ нѣкоторое время, переходили въ лагерь противниковъ, насмѣхаясь надъ своей дикой утопіей. Кажется, можно сказать, что не было платониковъ по убѣжденію, но мода на эту доктрину господствовала повсемѣстно, и не одинъ лихой гусаръ пускался въ платоническія жмурки. Особенность эту я заношу потому, что она очень любопытна въ эпоху жестокости нравовъ, при полномъ могуществѣ крѣпостнаго права. Природа лучше всего доказывала несостоятельность платоническихъ тенденцій, земная любовь постоянно опровергала ихъ фактами; но отъявленный волокита и жеманная барыня или восторженная барышня старались на первыхъ порахъ разыгрывать роль платониковъ. Завязывалась возвышенная дружба и оканчивалась, по большей части, прозаическимъ образомъ. Впрочемъ, любить поэтически допускалось только женщину равнаго или высшаго сословія, а остальные классы не пользова-

лись этимъ предпочтеніемъ, такъ что самый ярый платоникъ, страдавшій по какой нибудь княжнѣ, довольствовавшійся одними вздохами, цѣловавшій ея бантики и ленточки, выпрашиваемые на память, въ то же время соблазнялъ мѣщанскую или крестьянскую дѣвушку, прикидываясь влюбленнымъ и расточая клятвы и увѣренія. Одно другому не мѣшало. Въ разговорахъ между товарищами возникали, впрочемъ, ссоры, если, напримѣръ, платоникъ описывалъ предметъ своей любви. розовыми красками, представляя его въ идеальномъ видѣ, а матеріалистъ дорисовывалъ образъ болѣе крупными чертами и употреблялъ не поэтическія, а обыкновенныя кавалерійскія выраженія.

Незнакомый съ подробностями тогдашняго общественнаго строя, критикъ новѣйшей эпохи развѣ не вправѣ назвать явнымъ вымысломъ лицо, которое утромъ наказываетъ подчиненныхъ, потомъ обманываетъ казну, послѣ обѣда клянется въ любви бѣдной крестьянской дѣвушкѣ съ цѣлью воспользоваться ея слабостію, потомъ ѣдетъ вздыхать предъ своимъ идеаломъ, и дома цѣлуетъ завядшій цвѣтокъ, выпрошенный на память. А, между тѣмъ, въ тѣ времена, подобныя личности, не скажу, попадались сплошь и рядомъ, но были далеко не рѣдки, хотя подобное настроеніе и не могло быть продолжительнымъ. Критикъ позднѣйшей эпохи можетъ счесть такую личность аномаліей и, пожалуй, посмѣется надъ авторомъ за выводъ на сцену характеровъ уродливаго свойства. У насъ же кстати нѣтъ или есть очень мало записокъ (мемуаровъ) того или другаго періода; остаются только литературныя произведенія да официальные архивы, но и тѣ и другіе не дадутъ понятія о данномъ времени. Литература тридцатыхъ годовъ не воспроизводила дѣйствительности, а подчивала публику героями; офиціальныя же дѣла производились такъ, что трудно на нихъ основываться.

Не знаю, будетъ ли особенностію взятаго мною времени — особенность эта проходитъ сквозь всѣ десятилѣтія, — но для полноты я долженъ сказать, что нѣмцы обдѣлывали въ службѣ свои дѣла гораздо лучше русскихъ. Какъ далъ ихъ Петръ I въ учители нашему племени, такъ они и оставались въ этомъ званіи, и если начальникъ какой нибудь части былъ изъ нѣмцевъ, то въ средѣ ему подчиненной появлялись его соплеменники и образовывали свою колонію. Въ то время уже переводились типы прежнихъ нѣмцевъ, потому что ихъ начали вытѣснять нѣмцы, выходившіе изъ кадетскихъ корпусовъ; но все

еще было довольно личностей, которыя чрезвычайно дурно говорили по русски. Личности эти считали излишнимъ учиться нашему языку и были убѣждены, что довольно кое какъ командовать и распекать. Начальникъ, коверкавшій русскую рѣчь, не стѣснялся этимъ, хотя подъ-часъ трудно было удержаться отъ смѣха. Анекдотовъ ходило множество, особенно у старыхъ офицеровъ, которые знавали начальниковъ, буквально не говорившихъ по русски.

Разсказывали, напримѣръ, что въ пріемной одного коменданта сошлись два офицера и, соскучась ожидать выхода генерала, разговорились между собою.

— Ви каво? спросилъ одинъ.

— Штабсъ-ротмистръ фонъ-Пфефферкухенъ.

— Ошенъ пріятно.

— А ви кому?

— Поручикъ фонъ-деръ-Мюленъ-Брюкке.

— Такъ ви нѣмецъ?

— Да.

— Скашите пошалюста! а я думаль, што ви русскій: ви такъ карашо каварить по русски.

И это ничуть не выдумка. Въ позднѣйшее время, два нѣмца сидѣли въ палаткѣ у товарища и разговаривали, и какъ послѣдній не принадлежалъ къ ихъ расѣ, то они бесѣдовали по русски. Зашла рѣчь о чьемъ-то семействѣ.

— У него одинъ только сестра не женатой, говорилъ сѣдой капитанъ, пыхтя изъ пѣнковой трубки.

— Какъ не женатой? Ха, ха, ха, Карлъ Карловичъ!

— Чего ви смѣется, Адамъ Ифанишъ?

— Какъ же не смѣются? столько лѣтъ слюжите и не умѣйтъ сказать! Ха! ха!

— Чѣмъ же не умѣю?

— По русски надо сказать сестра каластой!

Но вотъ фактъ гораздо интереснѣе. Былъ одинъ баталіонный командиръ изъ нѣмцевъ, который ни слова не зналъ по русски. Онъ обходился съ офицерами высокомѣрно, съ нижними чинами строго и ловко велъ свои дѣла. Адъютантъ у него былъ человѣкъ образованный и хоть говорилъ по нѣмецки, но какъ онъ не имѣлъ счастія принадлежать къ привилегированному племени, то скоро узналъ, что на его мѣсто ожидался другой кровный землякъ. Баталіонный командиръ командовалъ по бумажкѣ, на которой всѣ необходимые термины послѣдовательно адъютантъ писалъ нѣмецкими буквами, и все шло какъ

по маслу. Случился смотръ бригаднаго. Майоръ передъ этимъ какъ-то заносчиво обошелся съ адъютантомъ, и адъютантъ на послѣдяхъ вздумалъ сыграть съ нимъ штуку. Передъ смотромъ, майоръ, по обычаю, засунулъ бумажку за мундиръ и выѣхалъ! Вотъ пришлось ему командовать. Онъ поднялъ шпагу и вскрикнулъ громкимъ голосомъ:

Карашо птишки пѣли,
Карашо воспѣвали!
Ай лули! ай лули!

По фронту раздалось кое-гдѣ фырканье, но не послѣдовало исполненія команды. Майоръ повторилъ еще громче, но былъ во время остановленъ разсмѣявшимся генераломъ.

И это ровно ничего не значило. Да и могло ли это значить что нибудь тогда, когда теперь, въ 1863 году, иные академики петербургской академіи наукъ не умѣютъ писать по русски и продолжаютъ печатать на нѣмецкомъ языкѣ свои ученыя наблюденія для Россіи!

Нѣмецъ офицеръ выучивался кое-какъ командовать, объяснялся по немногу съ товарищами: чего же ему больше было надо? Онъ зналъ, что начальство, наполовину состоявшее изъ нѣмцевъ, дастъ ему ходъ, выдвинетъ его. Нѣмецъ жилъ аккуратно, бережливо, службу исполнялъ исправно, не отступая отъ буквы закона, и въ этомъ отношеніи, разумѣется, превосходилъ русскихъ, изъ которыхъ лишь меньшинство несло какъ слѣдуетъ службу, а остальные не заботились объ этомъ, по разнымъ причинамъ: кто располагалъ дослужиться до ротмистра и выйти въ отставку майоромъ, кто надѣялся на авоську, а иной разсчитывалъ, что лучше служить спустя рукава потому-де, что кто больше везетъ, того и погоняютъ. И я очень хорошо помню примѣненіе къ дѣйствительности послѣдняго правила. Просится, напримѣръ, въ отпускъ плохой служивый офицеръ: »ступайте, батюшка!« а попросись исправный офицеръ: »нельзя, будетъ скоро смотръ: кого же нарядить въ разводъ, кто пойдетъ на ординарцы?« У нѣмцевъ ничего этого не было. Нѣмецъ съ утра присутствовалъ въ своемъ взводѣ или эскадронѣ, не выходилъ иначе, какъ застегнутымъ на всѣ крючки и пуговицы, одѣвался прилично, разсчитывалъ каждую копѣйку, никогда не горячился, и если, по его мнѣнію, требовалось ударить собственноручно солдата, онъ прежде снималъ перчатку и тогда уже исполнялъ патріархальное обыкновеніе. Весьма немногіе изъ нѣмцевъ были истыми поклон-

никами Бахуса, но и тутъ не дѣлали скандаловъ. Въ самыхъ разгульныхъ полкахъ во времена отчаяннаго гусарства, нѣмцы держали себя въ сторонѣ и не дѣйствовали на авось даже въ надеждѣ на покровительство. Одинъ, два нѣмца въ полку немного значили; но если командиръ принадлежалъ къ нѣмецкой расѣ, тогда возлѣ него группировались земляки, и нѣмецкая партія овладѣвала всѣмъ, вытѣсняя русскій элементъ отвсюду, гдѣ только была хоть какая нибудь пожива. Гордясь происхожденіемъ отъ рыцарей, нѣмцы любили покричать о честности своей расы. И дѣйствительно, они вели себя хорошо, не входили въ долги и если брали взаймы, то аккуратно отдавали долгъ, держали данное слово; но если сидѣли на мѣстахъ, гдѣ можно было попользоваться на счетъ ближняго, тамъ они всегда бывало перещеголяютъ русскаго. Нѣмцы, вообще, слыли хорошими товарищами, но рѣдко заслуживали всеобщее расположеніе: ихъ формализмъ и педантизмъ не могли сдружиться съ размашистою русскою натурою. Во многихъ полкахъ они держали себя едва не отдѣльно отъ русскихъ, особенно тамъ, гдѣ служила богатая молодежь, предававшаяся кутежамъ и различнымъ скандаламъ. Нѣмецъ юнкеръ квартировалъ непремѣнно у своего земляка офицера и, ревностно занимаясь службой, рѣдко посѣщалъ своихъ товарищей.

Въ началѣ сентября, часу въ двѣнадцатомъ утра, красивый городъ Дымогаръ пришелъ въ большое волненіе, въ какое приходилъ лишь два раза въ годъ: во время пріѣзда губернатора или епархіальнаго архіерея. Всѣ жители были на ногахъ; иные въ разнородныхъ экипажахъ, иные пѣшкомъ спѣшили за московскую заставу полюбоваться на давно невиданное зрѣлище.

Спускаясь съ крутой горы, въ Дымогаръ вступалъ —скій уланскій полкъ, прикрытый, словно облакомъ, желтыми флюгерами. Впереди, на красивыхъ сѣрыхъ лошадяхъ, шли трубачи и довольно недурно играли маршъ изъ любимой въ то время оперы »Нормы«, звуки котораго далеко разносились по долинѣ и какимъ-то незнакомымъ трепетомъ наполняли сердца уѣздныхъ барышень. Полкъ вступалъ въ порядкѣ поэскадронно. Офицеры не смѣли гарцовать и носиться передъ фронтомъ, но всетаки, при видѣ шляпокъ и зонтиковъ, горячили и шпорили лошадей, которыя то шли траверсомъ, то взвивались на дыбы, что давало возможность ѣздокамъ порисоваться и показать свою ловкость. Даже усталые солдаты подобрались молод-

цами и, весело посматривая на горожанъ, старались каждый »чувствовать стременемъ своего товарища«.

Въ улицу полкъ вошелъ справа по шести, и всѣ эскадроны выстроились на городской площади. Послѣдовала обычная команда: »стой! слѣзай!« Штандарты съ церемоніей были отнесены въ квартиру полковаго командира, а эскадроны разошлись по квартирамъ, два съ тѣмъ, чтобъ размѣститься тутъ же въ пригородкахъ, а остальные отдохнуть и на другой день слѣдовать по разнымъ селеніямъ.

Черезъ часъ Дымогаръ закипѣлъ новой шумной жизнью, какой не испытывалъ уже давно, потому что съ незапамятныхъ временъ въ немъ не было другаго войска, кромѣ инвалидной команды.

Въ тотъ же вечеръ выпито было все наличное шампанское и группы офицеровъ весело, съ неумолкаемымъ говоромъ, расхаживали по лучшей улицѣ.

На другой день эскадроны разошлись по уѣзду и принесли съ собой новые нравы и обычаи въ среду патріархальныхъ обывателей. По проселочнымъ дорогамъ, по которымъ въ извѣстные дни тащились извѣстныя помѣщичьи колымаги, начали рыскать и хорошенькія коляски, и щегольскія нейтычанки, и затѣйливые тарантасы, и наконецъ, простыя телѣги, запряженныя тройками въ русскомъ наборѣ, т. е. съ разными бляхами и бубенчиками. Офицеры дѣлали визиты, и скоро по уѣзду завязали знакомство новые постояльцы. Офицерамъ предстояло обширное поле для волокитства, потому что на долю ихъ выпала мѣстность, въ которой тогдашнее молодое поколѣніе не видало кавалеристовъ, за исключеніемъ какого нибудь проѣзжаго ремонтера, и невѣсты считались десятками.

Собственно въ Дымогарѣ дворянское сословіе было многочисленно, во-первыхъ потому что многіе чиновники, понажившись, основывались домами, а во-вторыхъ, оттого, что городъ славился своими фруктами, и нѣкоторые помѣщики пріобрѣли и развели большіе сады, приносившіе хорошій доходъ. Кромѣ того, должностные, какъ-то: судья, исправникъ, городничій, почтмейстеръ и др., были люди женатые, иные изъ нихъ съ достаткомъ и, такимъ образомъ, дымогарское общество могло поспорить съ обществомъ большаго города, въ особенности количествомъ барышень, начиная отъ подростковъ до перезрѣлыхъ дѣвъ, которыя все еще требовали вниманія непрекраснаго пола. Дымогарское общество не раздѣлялось на высшій и средній круги, но во время прибытія улановъ расходилось на два ла-

геря, изъ которыхъ въ одномъ господствовала городничиха, а въ другомъ исправница, такъ что сторонники обѣихъ партій, хотя и были знакомы между собою, однако, посѣщали другъ друга только для визитовъ и въ экстренныхъ случаяхъ, пользуясь, разумѣется, всѣми возможными поводами посмѣяться насчетъ противниковъ и распуская подъ рукою взаимныя сплетни. Послѣднее обстоятельство служило иногда причиной серьезныхъ столкновеній, и тогда уже велась война по всѣмъ правиламъ уѣздной стратегіи. Открытая вражда, впрочемъ, велась недолго: при посредствѣ нѣкоторыхъ добродушныхъ личностей слѣдовало наружное примиреніе; но партіи, потрясенныя какой нибудь обидой, переходили на почву затаеннаго неудовольствія и вредили одна другой мелкими, но, тѣмъ не менѣе, ощутительными дрязгами. Городничій съ исправникомъ не имѣли ничего общаго по службѣ, а потому и непріятности, возникавшія между ихъ семействами, не влекли за собой послѣдствій, которыя вредили бы ихъ постояннымъ или случайнымъ доходамъ. По настоящему первенство должно было принадлежать судьѣ, какъ по занимаемой имъ должности, такъ и потому что онъ считался столбовымъ дворяниномъ; но судья неумѣренно употреблялъ спиртные напитки и рѣшительно не заботился о поддержаніи чести своего дома, а супруга его, расплывшаяся барыня и скряга въ высшей степени, лѣтомъ берегла садъ и сама отгоняла воробьевъ, а зимою чуть не по цѣлымъ днямъ нѣжилась въ постели. И вотъ между исправницей и городничихой возникла непримиримая вражда о первенствѣ въ городѣ, такъ какъ прочіе члены уѣздной іерархіи стояли ниже и не смѣли претендовать на всеобщее уваженіе. Во время перемирія исправникъ и городничій еще бывали другъ у друга, потому что оба любили поиграть въ картишки, особенно въ случаѣ пріѣзда какого-нибудь губернскаго чиновника; но жены ихъ тщательно избѣгали всякаго столкновенія, кромѣ обѣдни и прогулки, только въ годовые праздники, если, разумѣетя, не находились въ открытой войнѣ между собою. Было, впрочемъ, нѣсколько нейтральныхъ семействъ изъ неслужащихъ, у которыхъ собиралось общество, и если у кого нибудь изъ нихъ появлялись городничиха съ исправницей, находясь въ непріязненыхъ отношеніяхъ, то иногда дѣло обходилось безъ всякихъ происшестій, а случались и мелкіе скандалы, оканчивавшіеся, однако-жъ, словесной перестрѣлкой разнаго свойства, смотря по важности дѣйствительнаго или мнимаго оскорбленія.

Исправникъ, штабсъ-капитанъ Барнаульскій, служившій второе трехлѣтіе по выборамъ дворянства, былъ мелкопомѣстный владѣльцъ, плохо понимавшій хозяйство, но въ молодости еще проявлявшій необыкновенныя полицейскія способности. Въ школѣ онъ былъ тайный цензоръ, въ полку состоялъ при начальствѣ въ качествѣ развѣдывателя разныхъ происшествій и всегда мечталъ объ одномъ — занять мѣсто полиціймейстера или городничаго. Судьба не исполнила его желанія. Какъ ни вертѣлся Барнаульскій передъ властями, а ему не давали даже роты, и вотъ онъ, женясь на отставной фавориткѣ одного изъ сильныхъ міра, за которою получилъ порядочный капиталъ, задумалъ выйти въ отставку и попытаться въ статской службѣ вознаградить потерянное въ военной. Послѣ недолгаго пребыванія въ деревнѣ, онъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе дворянъ именно полицейскими способностями въ своемъ имѣніи, такъ что въ первые же выборы избранъ былъ въ исправники и какъ нельзя лучше оправдалъ оказанное ему довѣріе. Помѣщичьи интересы у него были прежде всего и даже если, въ ссорѣ какого-нибудь разночинца съ дворяниномъ, онъ имѣлъ въ виду получить отъ перваго благодарность болѣе чувствитетельную, то, скрѣпя сердце, становился на сторону послѣдняго, и такимъ образомъ ловко обдѣлывалъ свои дѣлишки.

Супруга его дородная барыня, нѣкогда красавица, положила себѣ задачей жизни играть первую роль въ обществѣ, на томъ основаніи, что она жила прежде въ Петербургѣ и была знакома съ людьми хорошаго тона. Увядшей красотой она не могла прельщать никого, но за то принесла мужу въ приданое, кромѣ денегъ, двухъ дочерей, хорошенькихъ дѣвушекъ, которыя въ описываемую эпоху считались невѣстами, и посредствомъ ихъ добивалась первенства. Дѣйствительно, дочери г-жи Барнаульской, хотя и не получили почти никакого образованія, однако умѣли наряжаться къ лицу, хорошо танцовали и кружили головы какъ мѣстнымъ, такъ и пріѣзжимъ джентльменамъ, но не выходили замужъ, потому что маменька ожидала для каждой изъ нихъ не иначе какъ блистательной партіи. Г-жа Барнаульская добивалась уже первенства въ Дымогарѣ — по крайней мѣрѣ, ея гостиная была на вакансіи первой гостиной въ городѣ, со смертью одной боТатой старушки — какъ неожиданно городничій былъ переведенъ въ другую губернію, а на мѣсто его пріѣхалъ отставной майоръ Фонаревскій. Это былъ пожилой человѣкъ, невзрачный, одно-

глазый, плѣшивый, крайне добродушный, и когда онъ сдѣлалъ всѣмъ визиты, исправница первая готова была взять его подъ свое покровительство и просила познакомитъ скорѣе супругу. Какъ истая уѣздная аристократка, она знала не только, что Фонаревскій женатъ, но что онъ не взялъ за женой ни копѣйки приданаго. Городничій поблагодарилъ обязательную барыню и обѣщалъ къ ней первой непремѣнно привезти жену съ визитомъ. Обѣщаніе это еще болѣе расположило Барнаульскую къ городничему; она подъ рукою начала распускать слухи, что городничиха отличная дама и хотя изъ бѣднаго семейства, однако получила воспитаніе въ домѣ какого-то генерала, и приготовляла ей ласковый пріемъ въ лучшемъ дымогарскомъ обществѣ. Городничій прибылъ прямо изъ губернскаго города, гдѣ былъ на испытаніи при губернаторской канцеляріи и потому во время этой полугодовой службы порядкомъ поиздержался, такъ что не имѣлъ возможности завести ни экипажа, ни лошадей, ни даже приличной обстановки. Городской голова Люлюкинъ, правда, далъ ему свои старосвѣтскія дрожки на время, но городничиха настолько была проникнута чувствомъ своего достоинства, что не рѣшилась дѣлать визитовъ въ такомъ неприличномъ экипажѣ, а потому поневолѣ откладывала знакомство съ мѣстными аристократами. Барнаульская узнала и объ этомъ и рѣшилась предложить свои услуги. Но судьба не дозволила совершиться этому событію, которое, кто знаетъ, къ какимъ бы привело результатамъ, потому что именно въ это время возвратился дымогарскій откупщикъ, отправлявшійся съ семействомъ на богомолье. Господинъ этотъ, съ цѣловальничьяго званія жившій въ хорошихъ отношеніяхъ съ полиціей, черезъ часъ по пріѣздѣ побывалъ у Фонаревскаго, имѣлъ съ нимъ интимный разговоръ и просилъ городничиху располагать его новой коляской во всякое время.

Такимъ образомъ, мадамъ Фонаревская, безъ ущерба самолюбія, могла исполнить долгъ вѣжливости и въ первый же праздникъ отправилась съ визитами, дѣйствительно начавъ съ дома Барнаульскихъ. Это была молоденькая и очень хорошенькая женщина, воспитанница какого-то незатѣйливаго пансіона, съ добрымъ сердцемъ, но въ высшей степени кокетливая. Замужъ вышла она за старика, разумѣется, не по собственному выбору, а по приказу, въ угодность маменькѣ, которая доказывала ей, что гораздо же лучше быть замужемъ за майоромъ-пенсіонеромъ и именоваться майоршей и кавалершей, нежели

обременять бѣдное большое семейство и вѣкъ оставаться въ дѣвушкахъ. Лизавета Антоновна — такъ звали городничиху— сдѣлавшись майоршей и кавалершей, казалось, мало чувствовала свое печальное положеніе, то есть жизнь въ семнадцать лѣтъ съ господиномъ въ пятьдесятъ, и на первыхъ порахъ требовала отъ мужа только романовъ, которые прежде ей запрещались, да обновокъ. Влюбленный майоръ и кавалеръ удовлетворялъ по возможности оба желанія, такъ что молодая супруга не чувствовала къ нему отвращенія и не весьма скорбѣла о своей долѣ. Когда же Фонаревскій, начавъ искать мѣста городничаго, былъ причисленъ къ губернаторской канцеляріи и переѣхалъ въ губернскій городъ, Лизавета Антоновна развлеклась окончательно и достигла сильнаго развитія кокетства, бывшаго всегда основной чертой ея характера. Хотя у Фонаревскаго сколочена была копѣйка, однако, проживаясь безъ мѣста, онъ не могъ много удѣлять женѣ на ея наряды, и тутъ-то молодая женщина, обладавшая вкусомъ и тактомъ, съ малыми средствами умѣла одѣваться довольно щеголевато и изъ поношенныхъ нарядовъ дѣлать свѣжіе, словно только что купленные. Въ провинціи, какъ и въ столицѣ, человѣчество не оставляетъ въ покоѣ хорошенькую женщину, въ какомъ бы сословіи она не встрѣтилась, и потому Лизавета Антоновна вскорѣ по пріѣздѣ стала предметомъ преслѣдованія многихъ джентльменовъ, а благодаря своей красотѣ попала на нѣсколько баловъ, гдѣ могла видѣть во всемъ блескѣ губернское общество. Ее очаровала одна львица, жена вице-губернатора; въ особенности ей понравилось, что эта барыня играла всѣми кавалерами какъ пѣшками, да и большинство дамъ увивалось за нею, хотя собственно потому что мужъ ея, за отсутствіемъ губернатора, исправлялъ должность послѣдняго. Тамъ же Фонаревская дала себѣ слово, какъ только сдѣлается городничихой, непремѣнно прибрать къ рукамъ все общество и во что бы то ни стало сдѣлаться первой дамой въ городѣ. Волокитства значительныхъ чиновниковъ быстро развили Лизавету Антоновну, и, когда мужъ ея былъ назначенъ градоправителемъ Дымогара, она даже знала приблизительно, сколько они могли получать годоваго дохода. Первою ея заботой было потребовать у мужа денегъ на наряды, которые въ губернскомъ городѣ поставляла пріѣзжая изъ Москвы француженка, потому что Лизаветѣ Антоновнѣ хотѣлось явиться въ уѣздъ со всѣмъ шикомъ губернской львицы. Фонаревскій, все еще, по обычаю, считая жену ребенкомъ, располагалъ начисто отка-

зать и началъ уже предисловіе съ этой цѣлью, но Лизавета Антоновна по пальцамъ перечла ему всѣ суммы, вскорѣ долженствовавшія очутиться въ его карманѣ. Разумѣется, послѣ этого не могло быть отказа, и Фонаревская пріобрѣла себѣ порядочный запасъ платьевъ, лентъ, шляпокъ, цвѣтовъ, парижскихъ перчатокъ и щегольскихъ ботинокъ. За все это Фонаревскій получилъ отъ жены торжественный поцѣлуй въ самый центръ лысины и, кромѣ того, обѣщаніе не скучать въ уѣздѣ послѣ развлеченій губернскаго города, что старика обрадовало гораздо больше поцѣлуя. Онъ не то, чтобъ былъ ревнивъ, однако, видя жену постоянно окруженную джентльменами, изъ которыхъ большинству не смѣлъ даже показать косаго взгляда, потому что все это было нѣкоторымъ образомъ начальство, онъ не разъ подумывалъ, что не мѣшало бы поскорѣе забраться въ какую нибудь глушь, гдѣ народъ противъ десятой заповѣди грѣшилъ гораздо меньше, нежели противу прочихъ. Конечно, въ этомъ отношеніи Фонаревскому надо было запасаться порядочною долею стоицизма, принимая во вниманіе, во-первыхъ, ариѳметическое отношеніе 50 : 17, во-вторыхъ, что не только въ уѣздахъ, но и въ деревняхъ такіе же человѣки, какъ и въ губернскомъ городѣ; но все это какъ-то не укадывается въ лысой головѣ, которая, овладѣвъ насильно молоденькой женщиной, думаетъ въ ослѣпленіи: »она должна любить меня и быть мнѣ вѣрною«. Соображаясь съ скандалезной хроникой губернскаго города, вѣрность Лизаветы Антоновны не подвергалась прямому осужденію, и только записные блюстители и блюстительницы чужой нравственности оставляли ее одинъ разъ въ сильномъ, а два раза въ обыкновенномъ подозрѣніи, но скандалезная хроника, какъ извѣстно, не любитъ никому потворствовать, и мы не рѣшаемся бросить камень въ хорошенькую барыню. По всѣмъ даннымъ изъ ея губернской жизни можно только судить, что она преуспѣвала въ кокетствѣ и любила видѣть вокругъ себя поклонниковъ, но украсилась ли отъ этого извѣстнымъ образомъ лысая голова Фонаревскаго, было покрыто мракомъ неизвѣстности. По крайней мѣрѣ, между супругами не произошло ни одной ссоры, и они дружелюбно подъѣхали къ своему новому владѣнію Дымогару, въ которомъ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, городничему могло быть болѣе нежели хорошо, если послѣдній не имѣлъ привычки сидѣть спустя рукава, предоставляя все естественному теченію.

Когда исправница узнала, что къ городничихѣ уже поѣхалъ откупщицкій экипажъ и что городничиха надѣла шел-

ковое платье ѣхать къ ней съ визитомъ, она, окруживъ себя дочерьми, усѣлась въ гостиной съ твердымъ намѣреніемъ не только обласкать молодую женщину, но и принять ее подъ свое покровительство, не безъ затаенной мысли увеличить кругъ своихъ сторонницъ. Для показанія же пріѣзжей, что въ аристократическомъ кругу Дымогара соблюдается весь должный этикетъ, она велѣла слугѣ запереть наружную дверь, одѣться въ праздничное платье и присутствовать въ передней. Лизавета Антоновна, съ своей стороны, не хотѣла явиться какъ нибудь, и хоть у нея не было еще слуги, однако у Фонаревскаго имѣлась въ запасѣ военная ливрея и потому, нарядивъ въ этотъ костюмъ расторопнаго полицейскаго десятскаго, она взяла его съ собою на козлы и, остановясь передъ домомъ исправника, послала его узнать, принимаетъ ли барыня. Десятскій, не видавшій никогда запертыхъ подъѣздовъ, прямо бросился отворять дверь, но, встрѣчая препятствіе, началъ дѣйствовать дюжимъ плечомъ и непремѣнно высадилъ бы дверь, но въ то же время лакей отперъ задвижку и показался на порогѣ.

— Ихъ высокоблагородіе пріѣхали. Дома ли барыня? сказалъ десятскій.

— Дома.

— Спроси, принимаютъ ли? отозвалась изъ коляски Фонаревская.

— Давно уже васъ ожидаютъ, проговорилъ лакей, знавшій еще съ утра о визитѣ городничихи.

Разодѣтая по послѣдней тогдашней модѣ и очень къ лицу, обутая въ хорошенькія ботинки, въ палевыхъ перчаткахъ, Лизавета Антоновна развязно вошла въ гостиную и — о ужасъ! — обратилась къ исправницѣ по-французски. Барнаульская покраснѣла, пробормотала обычное привѣтствіе и мигнула старшей дочери, которая въ дѣтствѣ училась немного, поддержать честь своего дома. Въ теченіе получаса, проведеннаго Лизаветой Антоновной въ гостиной исправницы, послѣдняя съ прискорбіемъ убѣдилась, что Фонаревская не только не обѣщала признать ея превосходства, но была способна къ преступному намѣренію первенствовать въ обществѣ, чему служили задатками и ея модный туалетъ, и французскій языкъ, и та нескрываемая иронія, съ какою молодая женщина отзывалась объ уѣздной жизни. Однимъ словомъ, съ перваго же посѣщенія дамы эти почувствовали другъ къ другу антипатію, выразившуюся очень ясно впослѣдствіи раздѣленіемъ общества на

два лагеря. Какъ только Фонаревская успѣла достаточно меблировать квартиру и послѣ большой ярмарки, подскочившей кстати, могла поставить домъ на порядочную ногу — а въ это время изучены были ею подробности домашняго быта дымогарскихъ обывателей — она устроила себѣ свой кружокъ и любезностію и гостепріимствомъ очень скоро упрочила себѣ популярность. Всѣ, кто сколько нибудь считался независимымъ отъ исправника, чьи отношенія не слишкомъ соприкасались съ земскимъ судомъ, всѣ прильнули къ дому городничаго, гдѣ и угощеніе было лучше, и радушія больше, и гдѣ, наконецъ, хозяйка старалась каждому оказать одинаковую любезность, гдѣ, наконецъ, у Фонаревскаго съ утра раскрывался зеленый столъ и за карты отписывалось не два, какъ у исправника, а просто полтора цѣлковыхъ. Семейство почтмейстера, аптекаря, смотрителя училища, откупщика, членовъ уѣзднаго суда, протоіерея перешли на сторону городничаго, и нѣкоторые холостые чиновники не замедлили образовать кругъ поклонниковъ хорошенькой Лизаветы Антоновны, Даже стряпчій, всеобщій ловласъ, который, впрочемъ, открыто ухаживалъ за младшей дочерью исправницы, и тотъ хитрилъ такъ, что находилъ возможность мотивировать свои посѣщенія къ Фонаревскому. Гостиная исправницы почти опустѣла, и въ ней появлялись только подчиненные да незначительные обожатели двухъ хорошенькихъ барышень. Даже пріѣзжіе губернскіе чиновники, любившіе прежде останавливаться у исправника, и тѣ, злодѣи, съ переселеніемъ въ Дымогаръ Лизаветы Антоновны, какъ хорошіе знакомые послѣдней, постоянно бывали у Фонаревскихъ.

Изъ этого краткаго очерка отношеній Барнаульской и Лизаветы Антоновны, читатель можетъ судить, какъ обѣ барыни любили другъ друга, а, однако, между ними не было постояннаго разрыва и онѣ, по временамъ, мѣнялись даже визитами, преимущественно на Святой, какъ бы слѣдуя христіанскому влеченію забывать къ этому дню всѣ обиды и неудовольствія. Исправникъ съ городничимъ жили, конечно, не весьма дружески, но и не ссорились, а городничій даже любилъ играть въ карты съ Барнаульскимъ, потому что послѣдній, какъ говорится, »плелъ лапти« и всегда приплачивался своимъ партнерамъ. Исправникъ же принадлежалъ къ числу аматеровъ, которые хоть и знаютъ, что выиграть никогда не въ состояніи, однако любятъ процессъ игры и готовы рѣзаться по маленькой до бѣла свѣта или до »куропѣнія«, по выраженію остряковъ дымогарскихъ. Оба страстные игрока, они, впро-

чемъ, не сходились безъ призыва, а въ случаѣ надобности каждый разъ приглашали другъ друга. Въ это время Барнаульская старалась быть какъ можно любезнѣе съ городничимъ, а о Лизаветѣ Антоновнѣ и говорить нечего: она до того ухаживала за исправникомъ, что послѣднiй, неизвѣстно, впрочемъ, съ какими замыслами, появлялся къ Фонаревскимъ не иначе какъ выбритый и въ новенькомъ сюртукѣ, что было бы, наконецъ, замѣчено его дражайшей половиной, еслибы приходъ полка не далъ другаго оборота общественной жизни Дымогара.

Изъ числа городскихъ дѣвицъ славились красотою обѣ падчерицы исправника и молоденькая дочь почтмейстера, Ѳеничка, недавно вышедшая изъ пансiона и возненавидѣнная дочерьми г-жи Барнаульской, какъ опасная соперница, тѣмъ болѣе, что она бѣгло болтала по французски. Фонаревская, напротивъ, обласкала дѣвушку, и хоть послѣдняя была и свѣжѣе и лучше ея, однако Лизавета Антоновна взяла Ѳеничку подъ свое покровительство, разсчитывая, что господство надъ сердцами тѣхъ, кого она считала для себя интереснѣе, не могло быть у нея исторгнуто пансiонеркой, хотя эта пансiонерка быстро формировалась и уже свела съ ума нѣсколькихъ канцеляристовъ. Прочiя дѣвицы были такъ себѣ, иныя даже съ порядочнымъ приданымъ, но какъ жениховъ съ вѣсомъ находилось въ городѣ всего два — стряпчiй и начальникъ инвалидной команды, которые оба на бѣду оказались разборчивы, то и серьезныхъ исканiй трудно было дожидаться некрасивымъ барышнямъ, въ присутствiи съ одной стороны падчерицъ исправника, а съ другой кокетства городничихи, подкрѣпленнаго красотой молоденькой Ѳенички.

Такъ какъ дочь почтмейстера будетъ играть не послѣднюю роль въ нашемъ разсказѣ, то читателю не мѣшаетъ познакомиться немного ближе съ этой особой и ея домашней обстановкой. Андрей Юрьичъ Поцѣлуйкинъ происходилъ изъ почталiоновъ и, женясь на дочери частнаго пристава, за которою взялъ рублей пятьсотъ приданаго, съумѣлъ бережливостью и разными спекуляцiями составить себѣ состояньице. Все это вещи обыкновенныя; но была у него одна черта, достойная замѣчанiя: это — глубокiя познанiя въ ябедахъ — обстоятельство тѣмъ болѣе поразительное, что, не служа ни въ одномъ присутственномъ мѣстѣ, онъ умѣлъ настрочить какое угодно прошенiе и вести дѣло съ посѣдѣвшими и самыми злокозненными подъячими. Такая была уже у него натура, и секретарь уѣзднаго суда, дока по своей части, не разъ ему говаривалъ:

— Эхъ, Андрей Юрьичъ, еслибъ вы начали службу съ канцеляриста, хоть бы у насъ, вы заткнули бы за поясъ любаго законника.

Поцѣлуйкинъ улыбался и исподтишка пользовался своими познаніями въ судейской тарабарщинѣ, такъ какъ въ то время не изданъ еще былъ »Сводъ Законовъ« и всѣ дѣльцы наживали порядочную копѣйку. Жена его, въ свою очередь, помогала мужу, старалась знакомиться съ помѣщиками, имѣвшими корреспонденцію, и какъ почтмейстеры того времени могли распоряжаться почтовыми лошадьми по своему благоусмотрѣнію почти произвольно, то она разъѣзжала и по деревнямъ, привозя въ городъ разныя хозяйственныя принадлежности. Семейство ихъ состояло изъ двухъ сыновей и дочери. На воспитаніе дѣтей Поцѣлуйкинъ смотрѣлъ, какъ вообще смотрѣли люди его среды, считая его роскошью, и, поучивъ сыновей въ уѣздномъ училищѣ, одного отдалъ въ уѣздный судъ, а другаго по случаю опредѣлилъ въ какой-то пѣхотный полкъ юнкеромъ, предоставивъ молодаго человѣка собственной находчивости. Дочери тоже предстояла незавидная участь — остаться при одной грамотности; но Ѳеничкѣ выпало на долю особенное обстоятельство. Дядя ея, по матери, женился на вдовѣ, содержательницѣ женскаго пансіона, и Ѳеня, по родству, получила кое-какое образованіе, а главное — умѣла болтать по французски и танцовать »по правиламъ«, что составляло особую важность, такъ какъ большинство уѣздныхъ барышень танцовали самоучкой. Ѳеня, хорошенькая, стройная брюнетка, училась очень плохо, несмотря на похвальные листы, но усердно перенимала у богатыхъ подругъ манеры, прихоти и нѣкоторые капризы. У содержательницы пансіона бывали вечера съ кавалерами, и когда Ѳеня оканчивала курсъ, то уже отлично умѣла вести себя съ обожателями, въ которыхъ у нея не было недостатка, такъ что когда, по выходѣ изъ пансіона, пріѣхала въ Дымогаръ, то уже пережила — разумѣется, головою — два, три собственныхъ романа. Это, впрочемъ, было не болѣе, какъ пансіонерское обожаніе учителей и любовь къ какому нибудь юношѣ сквозь окно. Дѣло въ томъ, что Ѳеня вернулась домой не тѣмъ наивнымъ ребенкомъ, какимъ добродушное человѣчество привыкло видѣть каждую только что вышедшую пансіонерку. Мать очень обрадовалась пріѣзду Ѳенички и гордилась мыслью, что ея дочь по образованію будетъ первая дѣвица въ городѣ; но отецъ поморщился, узнавъ, что для туалета ея необходимы деньги. Почтмейстеръ вообще не жаловалъ никакихъ пустыхъ,

по его мнѣнію, издержекъ. Когда же приступили къ нему съ неотступными просьбами, и городничиха нарочно пріѣхала сама уговаривать Поцѣлуйкина не поскупиться на необходимый костюмъ для молоденькой и такой образованной дочери, онъ расчувствовался, далъ денегъ и на другой же день принялся ревизовать почтовыя станціи, которыхъ у него въ уѣздѣ было семь и всѣ на порядочныхъ трактахъ. Ѳеничка умѣла кое-какъ бренчать на фортепьяно, и ей хотѣлось блеснуть своимъ музыкальнымъ талантомъ предъ дымогорцами; но инструментъ въ городѣ былъ всего одинъ у откупщика, да и тотъ стоялъ постоянно запертъ, потому что въ семействѣ виннаго аристократа никто не умѣлъ взять самаго простаго аккорда. Дѣвочка рѣшительно скучала въ Дымогарѣ, несмотря на удовольствіе обитать подъ родительскимъ кровомъ, и еслибы не Лизавета Антоновна, у которой она, во-первыхъ, бывала ежедневно, а во-вторыхъ, брала книги и писанные стишки, она, по своему характеру, скоро пришла бы въ отчаяніе. Молодые люди хоть и были въ городѣ, но все это народъ необразованный, а оба завидные жениха не могли похвалиться молодостью. Стряпчій, съ выгнутыми ногами, носилъ неуклюжій парикъ, сморкался съ оглушительнымъ трескомъ, за обѣдомъ ковырялъ въ зубахъ вилкой и обладалъ физіономіей, которая, не знаю уже почему, на русскомъ языкѣ получила названіе рожи. Начальникъ же инвалидной команды, штабсъ-капитанъ Подбоченовъ, хоть происходилъ изъ дворянъ и умѣлъ играть въ вистъ, бостонъ и банчикъ, однако усвоилъ себѣ всѣ солдатскія ухватки, носилъ огромныя сапожищи и за глаза пользовался титуломъ »гарнизы«. Ѳеничкѣ не съ кѣмъ было затѣять романа, а она только и бредила героями и героинями тѣхъ иностранныхъ книжонокъ, которыя, въ искаженномъ русскомъ переводѣ, услаждали досуги нашего прекраснаго пола.

Въ такомъ положеніи находилось дымогарское общество въ моментъ прибытія кавалерійскаго полка, который неожиданно направленъ былъ на эту мѣстность, такъ что жители узнали объ этомъ незадолго до его появленія.

Офицеры —скаго уланскаго полка отличались немного отъ прочихъ собратовъ, и полкъ изстари считался скромнымъ, то есть не буйствовалъ на стоянкахъ огуломъ, хотя, конечно, и въ немъ проявлялись личности, платившія дань тогдашнему духу времени. Кавалеристъ, да еще легкій, который не шалилъ, не придерживался бутылки, являлся бы, по прежнимъ понятіямъ,

аномаліей; однако, выбирались такіе индивидуумы и даже цѣлые эскадроны, въ которыхъ разгулъ и кутежъ принимали мягкія формы, подготовляя переходную эпоху и какъ бы поспѣшая хоть съ этой стороны на встрѣчу цивилизаціи. Въ полкахъ вѣдь существовали свои преданія, и та или другая репутація составлялась вслѣдствіе постояннаго направленія, овладѣвшаго большинствомъ. Даже новички, еще до поступленія, проникались извѣстными убѣжденіями полка и продолжали на службѣ развивать принятые ими принципы. Еще въ грубѣйшую эпоху пьянства и разгула, до войны двѣнадцатаго года, — скій уланскій полкъ отличался рыцарствомъ относительно женщинъ, за что старые гусары называли иногда офицеровъ его »самопрялками«, и за это названіе проливалась кровь на поединкахъ; но впослѣдствіи, когда уже и между истыми гусарами завелись волокиты и вздыхатели, въ этомъ полку усилилось свое направленіе.

Въ описываемое время, — скій полкъ не измѣнилъ своему призванію и не имѣлъ соперника въ дивизіи какъ въ щегольствѣ, такъ и въ ухаживаньи за прекраснымъ поломъ, что, однакожъ, не мѣшало ему стоять и въ первыхъ нумерахъ по службѣ. Всѣ вообще волокиты его не были заражены ересью моншерства, а гоняясь за хорошенькими иногда по сотнямъ верстъ, въ то же время не пренебрегали исполненіемъ своей обязанности. Въ этомъ заключался шикъ своего рода: въ свободное время уѣзжай хоть въ Константинополь, какъ говорилось, а караульная ли очередь, смотръ ли какой, ученье, всѣ, словно по щучьему велѣнью, находились на своихъ мѣстахъ, слетаясь изъ противоположныхъ, часто далекихъ концовъ сосѣднихъ губерній. Полковой командиръ, еще изъ рубакъ двѣнадцатаго года, любилъ и кутнуть, и загнуть уголъ, какъ человѣкъ, въ молодости проводившій досуги за бутылками и картами, но во время стоянки въ Парижѣ такъ поддался обаянію кокетливыхъ француженокъ, что изъ окуреннаго порохомъ солдата сдѣлался поклонникомъ красоты и любезничалъ напропалую. Подъ старость обыкновенно подобное направленіе усиливается, а потому не удивительно, что старый полковникъ, оправдывая на себѣ пословицу: »сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро«, въ присутствіи женщинъ таялъ, охорашивался и постоянно чернилъ волосы, усы и бакенбарды. Человѣкъ онъ былъ хорошій и принадлежалъ къ числу тѣхъ полковыхъ командировъ-хлѣбосоловъ, у которыхъ каждый офицеръ, пріѣхавшій въ штабъ, приходилъ и обѣдалъ безъ приглашенія. Въ этомъ была

своя добрая сторона: полковникъ могъ узнавать своихъ подчиненныхъ, да и офицеры остерегались пускать шалости далѣе извѣстныхъ границъ и, наконецъ, сближались между собою. Обычай этотъ, въ мое время, постоянно соблюдался въ артиллеріи, и оттого у̀ артиллеристовъ было согласное, дружеское общество, составляя какъ бы семейство и собираясь ежедневно у батарейнаго командира. Полковникъ Бѣлобоковъ не могъ похвалиться образованіемъ, но имѣлъ природный здравый разсудокъ и въ высшей степени обладалъ тактомъ въ обращеніи съ подчиненными. Смотря сквозь пальцы на обыкновенныя шалости молодежи, онъ не пропускалъ ни малѣйшаго проступка противъ службы, но въ то же время, взыскивая со всей строгостію, не позволялъ себѣ ни одного оскорбительнаго выраженія, не корилъ потомъ наказаннаго и горячо вступался за своихъ офицеровъ, какъ бы ни были они виноваты, если только послѣдніе приходили къ нему и откровенно признавались въ своихъ продѣлкахъ. Эта черта характера до того въ немъ преобладала, что, отстаивая офицера, прибѣгавшаго къ его покровительству, онъ готовъ былъ на многія непріятности. Тогда въ арміи часто происходили дуэли и, разумѣется, преслѣдовались закономъ; но если дуэлисты прямо съ барьера обращались къ Бѣлобокову, да еще если дуэль была за дѣвушку, то онъ мчался на почтовыхъ къ началнику дивизіи, а порой и къ корпусному командиру, чтобъ замять непріятное происшествіе. Обстоятельство это объясняется еще и тѣмъ, что Бѣлобоковъ былъ воспитанникомъ той эпохи, когда въ полкахъ рубились и стрѣлялись не только за двусмысленное слово, но и за косой взглядъ; слѣдовательно, хоть онъ и зналъ законъ, преслѣдовавшій поединки, однако не могъ отрѣшиться отъ убѣжденія, господствовавшаго въ арміи относительно возстановленія чести и благороднаго удовлетворенія. Офицеры любили и уважали Бѣлобокова, который жилъ въ ладу со всѣми, за исключеніемъ небольшихъ размолвокъ сь эскадронными командирами, конечно, за справочныя цѣны.

Штабъ его составляли порядочные офицеры, изъ которыхъ только одинъ казначей воспитывался на мѣдныя деньги, а квартермистръ и адъютантъ получили образованіе въ высшихъ заведеніяхъ.

Вообще, во всемъ полку мало можно было насчитать и ни къ чему негодныхъ офицеровъ, которые терпѣлись на основаніи какого-то особеннаго человѣколюбія и которые, не принося

пользы службѣ, не доставляя удовольствія товарищамъ, болтались изъ эскадрона въ эскадронъ, то рапортуясь больными въ страдную пору, то выдѣлывая штуки, выходившія изъ уровня обыкновенныхъ шалостей, и кончали тѣмъ, что выходили въ невольную отставку.

Одинъ только шестой эскадронъ словно не принадлежалъ полку, т. е. въ нравственномъ отношеніи. Начиная съ командира и оканчивая юнкеромъ, здѣсь не было ни одного волокиты, и оттуда постоянно сыпались разныя забавныя насмѣшки на дамскихъ угодниковъ. Всѣ офицеры шестаго эскадрона составляли какъ бы особой орденъ, въ которомъ случались и шумныя попойки, порой прорывались и оргіи, но какъ эскадронъ всегда выходилъ на всѣхъ смотрахъ отлично, то полковникъ и извинялъ разныя слабости исправныхъ подчиненныхъ. Командовалъ имъ сѣдой ротмистръ Холдуновъ, который, по его словамъ, родился чуть не на конѣ, выросъ на бивуакахъ и осуществлялъ собою героевъ Д. В. Давыдова, съ тою только разницею, что не напивался до чертиковъ и не безобразничалъ подобно собутыльникамъ, воспѣтымъ партизаномъ-поэтомъ. Не напивался онъ, впрочемъ, потому что напиться уже не могъ: никакой спиртъ не сшибалъ его съ мѣста, никакой хмѣль не властенъ былъ одолѣть его желѣзныхъ нервовъ. Это тотъ извѣстный Холдуновъ, который повѣрялъ знаменитаго моряка Лукина въ одномъ анекдотѣ. Въ тридцатахъ годахъ можно было еще слышать множество исторій о флотскомъ офицерѣ Лукинѣ, силачѣ, котрому не было равнаго, исторій, принимавшихъ баснословные размѣры. Но тогда еще встрѣчались очевидцы, разсказывавшіе о немъ дѣйствительно непостижимыя вещи. Изъ числа легкихъ анекдотовъ ходилъ между прочимъ, слѣдующій. Въ какомъ-то приморскомъ городѣ, не знаю уже гдѣ, въ одномъ изъ трактировъ было написано на стѣнѣ: »такого-то года, мѣсяца и числа, англійскій капитанъ NN выпилъ стаканъ мадеры и закусилъ *сорока селедками*«. Лукинъ это прочелъ и, потребовавъ себѣ обратное угощеніе, написалъ внизу: »А русскій лейтенантъ Лукинъ съѣлъ одну селедку и запилъ *сорока стаканами мадеры*«. Когда разсказали эту штуку Холдунову въ обществѣ веселыхъ товарищей, онъ призадумался и сталъ раскидывать умомъ-разумомъ, въ человѣческой ли возможности испытать подобное удовольствіе. Кто-то, какъ нарочно, отозвался:

— А что, Холдуновъ, какъ ты думаешь, найдется ли теперь такой молодчина?

— Найтись-то отчего не найтись, да надо знать величину стакановъ: если такіе, какъ у насъ пуншевые, то нельзя, а поменьше, то ничего нѣтъ удивительнаго.

— А ты выпилъ бы на пари?

— На пари — чортъ съ нимъ! неравно проиграешь, а сперва такъ, въ свободное время попробовать, пожалуй, только не на свой счетъ.

Товарищи тотчасъ же послали за мадерой, достали обыкновенный стаканъ, и Холдуновъ, несмотря, что уже пропустилъ довольно разныхъ напитковъ, осушилъ условленное количество стакановъ безъ всякихъ непріятныхъ послѣдствій. Вообще, если Холдуновъ перебиралъ черезъ край, то покачивался только на мѣстѣ и несвободно владѣлъ языкомъ. Нормальное же его положеніе было, какъ говорится, «на второмъ взводѣ«. Въ этомъ положеніи Холдуновъ былъ острякъ, балагуръ, неоцѣненный товарищъ и откровенно признавался, что безусловно трезвымъ случалось ему бывать не болѣе десяти минутъ послѣ пробужденія. Несмотря на это, онъ отлично занимался службою, зналъ толкъ въ лошадяхъ, держалъ въ необыкновенномъ порядкѣ эскадронъ, всегда присутствовалъ въ манежѣ и на ученьи и могъ назваться образцовымъ командиромъ. Случалось, что передъ какимъ нибудь смотромъ онъ, ради бодрости духа, переваливалъ за границу »втораго взвода«; но и тутъ невозможно было его замѣтить, потому что онъ держался въ сѣдлѣ какъ пришитый, командовалъ громко и отчетливо и мигомъ исправлялъ ошибку кого нибудь изъ подчиненныхъ. Въ послѣднее время Холдуновъ любилъ разнообразіе въ системѣ своего любимаго развлеченія. Попался ему какъ-то почтовый дорожникъ, и однажды, сидя по какому-то случаю въ одиночествѣ, Сила Ивановичъ Холдуновъ придумалъ оригинальный способъ путешествія, не выходя изъ квартиры. Деньщикомъ у него былъ мизерный солдатикъ изъ разжалованныхъ писарей, котораго онъ держалъ въ ежевыхъ рукавицахъ, но любилъ за необыкновенную расторопность. Деньщикъ Колотушка, прошедшій огонь и воду, не придерживался, къ удивленію, чарки, а любилъ только задавать тону, одѣвался въ партикулярное платье, игралъ на бильярдѣ, выдавалъ себя за дворянина, охотникъ былъ побуянить и поѣсть хорошенько, разумѣется, на счетъ тѣхъ, въ чей кошелекъ удавалось ему запустить ловкую лапу. За всѣ эти штуки онъ подвергался строгимъ взысканіямъ, но извѣстенъ былъ тѣмъ, что тотчасъ же послѣ экзекуціи равнодушно принимался за

исполненіе своихъ обязанностей и при первомъ же случаѣ не стѣснялся снова выкинуть какую нибудь продѣлку. Когда Сила Ивановичъ вздумалъ сдѣлать изъ почтоваго дорожника новый источникъ удовольствія, онъ тотчасъ же назначилъ Колотушку станціоннымъ смотрителемъ и вручилъ ему драгоцѣнную книгу. Съ утра онъ выбиралъ трактъ и отдавалъ приказаніе.

— Сегодня я путешествую изъ такого-то города въ такой-то.

Дѣло Колотушки было сосчитать, сколько на указанномъ трактѣ перегоновъ, и черезъ каждые полчаса звонить у двери въ большой колокольчикъ.

— Что, пріѣхали? спрашивалъ Сила Ивановичъ.

— Прибыли на такую-то станцію, в. б—іе! отвѣчалъ Колотушка.

— Лошадей, живо!

И вслѣдъ за этимъ передъ Холдуновымъ являлся стаканъ вина или рюмка водки, смотря по программѣ. Для этого были свои термины: путешествовать подъ именемъ сивалдая, ромула, виноградника, кизлярскаго или наливайки.

Такимъ образомъ Сила Ивановичъ предпринималъ путешествія по всѣмъ городамъ имперіи; если выбиралъ трактъ, по которому нельзя было доѣхать въ одинъ день и на курьерскихъ, то онъ останавливался на ночлегъ, и Колотушка обозначалъ крестикомъ станцію, съ которой на другой день долженъ былъ выѣхать Сила Ивановичъ.

Съ полковникомъ Холдуновъ жилъ въ отличныхъ отношеніяхъ, и когда бывало Бѣлобоковъ смотритъ шестой эскадронъ и заѣдетъ потомъ въ гости къ Силѣ Ивановичу, то не выберется иначе какъ на другой день, и то не весьма рано. Общество Холдунова напоминало полковнику его шумную молодость, и хотя, какъ мы уже видѣли, характеръ послѣдняго значительно измѣнился, однако не могло въ немъ изгладиться воспоминаніе о бивуачныхъ кострахъ, окруженныхъ »красносизыми носами«, и старые служаки, припоминая боевую жизнь, припоминали вмѣстѣ и тѣ знаменитые пунши, которые распивались во время оно. Полковникъ, впрочемъ, несмотря на рыцарскія привычки, въ этихъ случаяхъ нѣсколько іезуитничалъ: онъ до ужина и за ужиномъ, пока сидѣли офицеры, пилъ весьма умѣренно, за то когда оставался наединѣ съ Холдуновымъ, собесѣдники заваривали жженку, закуривали чудовищной величины трубки и передавали другъ другу бывалыя похожденія.

Холдуновъ никогда не выказывалъ ни малѣйшей оппозиціи Бѣлобокову, если послѣдній иногда прижималъ эскадронныхъ командировъ относительно фуражнаго продовольствія, не потому, что былъ внѣ тогдашнихъ понятій о наживѣ, а по совершенно особому обстоятельству. Холдуновъ велъ свое хозяйство такимъ образомъ, что выдавалъ фуражъ только лошадямъ офицерскимъ и унтеръ-офицерскимъ; рядовые же, по духу тогдашняго времени, должны были сами заботиться объ этомъ, и развѣ только въ случаяхъ исключительныхъ Сила Ивановичъ рѣшался на небольшіе расходы. Притомъ кавалерія размѣщалась обыкновенно на хлѣбородныхъ мѣстностяхъ, гдѣ торговыя цѣны на фуражъ стояли въ нѣсколько разъ меньше справочныхъ, слѣдовательно гдѣ и хлѣбъ, и сѣно находились въ изобиліи. Узнавъ о какомъ нибудь богатомъ селѣ, Холдуновъ отряжалъ опытнаго унтеръ-офицера съ рядовыми и посылалъ туда съ вѣстью, что намѣренъ перевести взводъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Жители, свободные отъ постоя, тотчасъ же пробовали вступать въ миролюбивую сдѣлку и жертвовали нѣсколько возовъ овса въ пользу эскадрона, а иногда и стогъ сѣна, такъ что, съ одной стороны, фуражъ, пріобрѣтаемый подобнымъ образомъ, а съ другой—добытый собственною изобрѣтательностію, обезпечивалъ продовольствіе строевыхъ лошадей, которыя у Холдунова всегда были въ красномъ тѣлѣ. При подобныхъ средствахъ, Сила Ивановичъ не имѣлъ большой надобности спорить съ полковникомъ за какія нибудь копѣйки отъ пуда и четверти. Командуя болѣе десяти лѣтъ однимъ и тѣмъ же эскадрономъ, Холдуновъ и офицеровъ подбиралъ себѣ подходящихъ, которые, во-первыхъ, отлично знали службу, а во-вторыхъ, не очень принадлежали къ числу плясуновъ, что, по мнѣнію Силы Ивановича, вело къ изнѣженности, къ пренебреженію обязанностей и служило однимъ изъ главныхъ поводовъ »обабиться«. Послѣднее обстоятельство считалось самымъ печальнымъ для офицера, и на женатыхъ товарищей онъ смотрѣлъ не иначе, какъ на погибшихъ людей, которыхъ назначеніе »няньчить ребятъ и возиться съ жениными юбками, а гдѣ ужъ заниматься службою«. Если только офицеръ не чувствовалъ призванія къ баламъ, не любилъ или не умѣлъ танцовать, да при этомъ могъ быть приличнымъ собутыльникомъ, онъ непремѣнно просился въ эскадронъ Силы Ивановича, для котораго, впрочемъ, было недостаточно этихъ условій, какъ скоро претендентъ не считался лучшимъ ѣздокомъ и не зналъ, какъ пять пальцевъ, эскадроннаго ученья.

— Офицеръ моего эскадрона, говаривалъ Холдуновъ, можетъ быть какимъ угодно угаромъ, пусть даже подъ-часъ примазывается къ юбкамъ, хоть это и очень нехорошо, но долженъ по службѣ заткнуть чорта за поясъ.

И дѣйствительно, офицеры его не только отчетливо исполняли свои обязанности, превосходно ѣздили, но и дѣлали это съ какимъ-то особеннымъ шикомъ, такъ что не было смотра, на которомъ бы Сила Ивановичъ не получалъ благодарности. Штабсъ-ротмистръ Солохинъ, два брата поручики Вихрецовы и корнетъ Мухорчиковъ, если не были похожи другъ на друга лицомъ и имѣли нѣкоторыя частныя отличія, то въ общихъ чертахъ сходились чрезвычайно: то же ухорство, та же нелюбовь къ женскому обществу и та же устойчивость при употребленіи спиртныхъ напитковъ. По утрамъ манежъ или ученье, потомъ обѣдъ у Силы Ивановича, если взводы стояли близко, если же нѣтъ, то вечеромъ непремѣнно у него чай и копѣечный бостонъ. Холдуновъ и самъ былъ непрочь перекинуться въ банчикъ, но не позволялъ себѣ играть съ своими офицерами, предоставляя послѣднимъ рѣзаться въ другихъ эскадронахъ. Литература не была у нихъ въ ходу. Кромѣ немногихъ книгъ военнаго содержанія, у Силы Ивановича не имѣлось ничего для чтенія, а у молодежи ходили по рукамъ только писаныя стихотворенія извѣстнаго поэта, который никакъ не можетъ быть напечатанъ, хотя слава его долго не умретъ въ потомствѣ. Считаю лишнимъ именовать этого поэта, обладавшаго несомнѣннымъ талантомъ, а по отдѣлкѣ стиха и богатству риѳмы стоявшаго выше своихъ современниковъ. Самъ Сила Ивановичъ зналъ изъ него наизустъ цѣлыя тирады и любилъ декламировать при извѣстномъ настроеніи духа. Дениса Давыдова онъ зналъ почти всего, за исключеніемъ любовныхъ пьесъ, которыя, по его мнѣнію, Денисъ Васильевичъ писалъ насухо, т. е. когда въ желудкѣ его не было ни одной капли водки. Шестой эскадронъ такъ и держалъ себя особнякомъ, и хотя въ полку можно было насчитать около десятка послѣдователей Силы Ивановича, однако они терялись въ массѣ большинства, отличавшагося, какъ я уже замѣтилъ, совершенно другимъ направленіемъ. Даже командиры прочихъ эскадроновъ, люди немолодые, видавшіе, что называется, виды, и тѣ оказывались болѣе или менѣе любезниками и звуки бальной музыки предпочитали звону стакановъ, хотя и не чуждались при случаѣ этой неизбѣжной гармоніи. Вотъ карты другое дѣло: эта грамота была въ большомъ ходу, и если не пред-

стояло танцевъ, офицеры засѣдали за зеленымъ полемъ, но играли честно и строго наблюдали, чтобъ не заводилось шулерства. Одинъ офицеръ, навострившійся гдѣ-то разнымъ продѣлкамъ, вздумалъ было пустить въ ходъ нѣкоторые пріемы, дающіе банкомету значительный шансъ, но товарищи скоро его раскусили и, какъ это случилось въ сентябрѣ, то, не говоря ему ни слова, приказали изготовить прошеніе объ отставкѣ по домашнимъ обстоятельствамъ, очень вѣжливо попросили артиста подписать и оставить полкъ безъ всякихъ оправданій и отговорокъ.

Несмотря на свое особенное направленіе, шестой эскадронъ жилъ очень дружно съ прочими товарищами, а если и случались пикировки, то все это дѣлалось шутя и деликатно, и не разъ какой нибудь шестоэскадронецъ ѣздилъ на балъ посмѣяться, а отчаянный какой нибудь волокита пріѣзжалъ къ Силѣ Ивановичу отвѣдать холдуновскаго пунша, извѣстнаго во всей дивизіи по свойству въ нѣсколько минутъ отуманить самую крѣпкую голову.

Офицеры прочихъ эскадроновъ были »добрые малые«, большинство безъ всякаго образованія, нѣсколько университетскихъ, человѣкъ шесть богатыхъ, человѣкъ пятнадцать съ состояніемъ, а остальные перебивались такъ себѣ, но всѣ, болѣе или менѣе, считались порядочными танцорами, читали разныя »книжки«, подъ-часъ пошаливали, но преимущественно упражнялись въ волокитствахъ и на постоянныхъ квартирахъ, и на походѣ. Много можно было бы назвать спеціалистовъ по этой части: всѣ штабные, напримѣръ, вертясь вѣчно по городамъ, были великіе мастера въ искусствѣ ухаживанья, но пальма первенства принадлежала четвертаго эскадрона поручику Винорѣцкому. Это былъ типъ тогдашняго Донъ-Жуана, передѣланнаго на русскіе и притомъ кавалерійскіе нравы, разбившійся теперь на нѣсколько видовъ. Типъ армейскаго записнаго волокиты конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ любопытенъ, хотя и попадался не во всѣхъ полкахъ, особенно когда кутежъ и разгульныя увеселенія были преобладающею чертою въ быту армейцевъ. Винорѣцкій, изъ достаточныхъ дворянъ, поступилъ въ полкъ прямо изъ дому, получивъ порядочное воспитаніе отъ хорошаго учителя, отставнаго инженера, и владѣлъ отлично французскимъ языкомъ, краеугольнымъ камнемъ тогдашняго образованія; въ военную службу онъ принесъ съ собою и мечтательность, и робость, и какую-то мягкость характера, нетронутаго школьнымъ товариществомъ.

Пятнадцати лѣтъ онъ уже былъ влюбленъ въ свою двоюродную сестру и хотѣлъ утопиться, когда она вышла замужъ. Около года любовь эта таилась у него въ сердцѣ, но, мало-по-малу, образъ измѣнницы началъ изглаживаться изъ его памяти, особенно когда съ родителями посѣтилъ онъ одну большую ярмарку. Здѣсь, кромѣ множества хорошенькихъ личикъ, юноша въ первый разъ увидѣлъ двухъ уланъ въ полной формѣ, которые очаровали его такъ, что онъ тутъ же началъ проситься въ военную службу. Хотя слово и было дано, однако мать цѣлый годъ еще отвлекала обѣщаніе подъ разными предлогами, въ теченіе котораго молодой человѣкъ ѣздилъ верхомъ, бралъ уроки фехтованія и, несмотря на свой миролюбивый характеръ, бредилъ кровавыми битвами, отличіями и, не разъ, предавшись мечтамъ, доходилъ до того, что воображалъ себя фельдмаршаломъ. Наконецъ, мечты юноши осуществились: отецъ отвезъ его къ прежнему своему сослуживцу, командиру одной уланской бригады, который не только опредѣлилъ Винорѣцкаго и взялъ подъ свое покровительство, но и помѣстилъ у себя на квартирѣ. Такимъ образомъ, служба на первыхъ уже порахъ улыбнулась молодому человѣку; онъ съ восторгомъ надѣлъ юнкерскій мундиръ и появился на балахъ губернскаго города. Надобно, однакожъ, отдать справедливость Винорѣцкому, что протекція бригаднаго командира не помѣшала ему заняться ревностно дѣломъ, и онъ не больше какъ въ годъ ѣздилъ отлично, узналъ все, что было ему необходимо для производства въ офицеры.

Красивый собой, ловкій, вкрадчивый, отлично сложенный и съ хорошимъ состояніемъ, Владиміръ Андреевичъ Винорѣцкій скоро сдѣлался баловнемъ женщинъ, и когда, надѣвъ эполеты, онъ простоялъ года съ два въ Варшавѣ, то рѣшительно сдѣлался отчаяннымъ волокитой. И говорить нечего, что кузина давно была забыта, да и нѣсколько юнкерскихъ страстишекъ отправились вслѣдъ за нею, а впослѣдствіи Винорѣцкій потерялъ уже счетъ возлюбленнымъ, потому что ухаживалъ вездѣ постоянно и за нѣсколькими особами разомъ. Это былъ своего рода псевдо-платоникъ: начиналъ онъ всегда мечтами и вздохами, но оканчивалъ нерѣдко болѣе матеріальнымъ образомъ, такъ что платоники причисляли его къ своей партіи, а матеріалисты къ своей, хотя онъ и не придерживался ни тѣхъ, ни другихъ, а дѣйствовалъ во всемъ самостоятельно, по вдохновенію. Открыто онъ говорилъ товарищамъ, что считаетъ женщинъ куклами, что любилъ всего одинъ разъ въ жизни и за измѣну

кузины будетъ до гроба мстить каждой юбкѣ, добиваясь взаимности и потомъ бросая обманутую жертву, чтобъ начать поиски за новой; но въ сущности происходило далеко не такъ, какъ говорилось. Винорѣцкій влюблялся почти въ каждое смазливое личико, добивался отвѣта, и чуть только ему уступали, онъ уже не довольствовался побѣдой, а устремлялся за другой, отыскивая новую пищу для своей дѣятельности. Конечно, здѣсь главную роль играло самолюбіе, потому что нерѣдко онъ ухаживалъ за дѣвушкой, которая расположена была къ другому, и старался только отбить ее у товарища, чему много способствовали его красивая наружность, ловкость и образованіе. Если же онъ встрѣчалъ холодность или нападалъ на болѣе опытную особу, которая сама любила водить за носъ поклонниковъ, то употреблялъ невѣроятныя усилія для овладѣнія непреклонной, влюблялся серьезно и страдалъ по мѣсяцу и по два, пока, наконецъ, не одерживалъ побѣды или не видѣлъ, что напрасны всѣ подступы и ухищренія. Но обаяніе между женщинами было такъ велико, что, несмотря на частыя невѣрности, на постоянныя измѣны, на не совсѣмъ иногда хорошія выходки съ предметами страсти, онъ умѣлъ входить въ довѣренность къ дѣвушкамъ и, начиная романъ, увѣрялъ, что любитъ первый разъ въ жизни, а все предыдущее называлъ вспышками молодости, поисками за идеаломъ и т. п.; однимъ словомъ, говорилъ извѣстныя сказки, которымъ давно не вѣрятъ вообще, но которыя нерѣдко находятъ вѣру въ частности, особенно у молоденькихъ дѣвицъ, жаждущихъ испытать такъ называемое »неземное чувство«. По поводу волокитства онъ имѣлъ нѣсколько исторій съ товарищами и одну серьезную дуэль, окончившуюся трагическимъ образомъ. Онъ вздумалъ какъ-то ухаживать за хорошенькой дѣвушкой, которая дала слово своему сосѣду и была уже помолвлена. Хитрыя исканія Винорѣцкаго, прикинувшагося безнадежнымъ страдальцемъ, проповѣдывавшаго горечь нераздѣленной любви, намекавшаго о самоубійствѣ, не имѣли успѣха, и дѣвушка оставалась вѣрна человѣку, съ которымъ готовилась соединить судьбу свою. Винорѣцкій рѣшился на послѣднее средство: написалъ ей пламенное письмо, которымъ умолялъ выдти на пять минутъ въ садъ, обѣщая, что онъ уже не будетъ надоѣдать любовью, а только хочетъ попросить у нея прощенія за свои преслѣдованія. Онъ прибавилъ, что удалится навсегда, тотчасъ же уѣдетъ на Кавказъ, гдѣ его, конечно, убьютъ и т. п. Разсчитывалъ ли онъ на этотъ эффектъ, дѣйствовалъ ли очертя голову, только при одномъ

знакомомъ соперника сказалъ товарищамъ, что пользуется расположеніемъ красавицы, и въ доказательство упомянулъ о назначенномъ свиданіи. Добродушная дѣвушка не знала намѣреній Винорѣцкаго и, считая чувство его истиннымъ, въ душѣ жалѣла молодаго человѣка, не разъ совѣтовала ему забыть ее, и когда получила извѣстное письмо, на которомъ брызнуто было нѣсколько капель воды, показавшихся ей слѣдами слезъ, она рѣшилась исполнить просьбу страдальца и вечеромъ вышла потихоньку въ садъ попрощаться съ нимъ навѣки. Винорѣцкій отлично сыгралъ свою роль, дѣвушка даже расплакалась, протягивая ему руку... Но вдали стоялъ женихъ, который только видѣлъ сцену, а не слышалъ разговора, и, вслѣдствіе этого, на другой же день, рано утромъ, недалеко въ рощѣ происходилъ поединокъ. Женихъ былъ раненъ тяжело, Винорѣцкій легко, и какъ въ старину подобныя вещи не возбуждали серьезныхъ преслѣдованій, то послѣдній хоть и былъ судимъ, однако отдѣлался долговременнымъ арестомъ и церковнымъ покаяніемъ. Катастрофа эта, впрочемъ, не послужила Винорѣцкому урокомъ: онъ по прежнему предавался волокитствамъ и даже недолго чувствовалъ угрызенія совѣсти, хотя былъ мягкій и добрый отъ природы, на томъ основаніи, что убить противника на поединкѣ, при соблюденіи всѣхъ дуэльныхъ формальностей, не считалось предосудительнымъ. Убѣжденіе это подкрѣплялось еще тѣмъ, что онъ уступилъ противнику первый выстрѣлъ, принадлежавшій ему по праву вызова. Лишь въ рѣдкія минуты образъ убитаго являлся укоромъ на памяти Винорѣцкаго и щемилъ его за сердце, когда онъ припоминалъ молодую дѣвушку всю въ черномъ, павшую жертвой его необдуманной вѣтренности.

Въ сущности это былъ добрый малый, отличный товарищъ, довольно начитанный для тогдашняго времени, любимымъ поэтомъ котораго былъ Байронъ, извѣстный ему, однакожъ, во французскомъ переводѣ, а впослѣдствіи, во время стоянки въ Польшѣ, и Мицкевичъ. Правда, что начитанность ему немного служила въ пользу: онъ ничего не почерпнулъ изъ серьезныхъ сочиненій, а только могъ пересказать содержаніе какого нибудь романа; за то довольно было сослаться, хоть и не кстати, на Вольтера, чтобы однихъ привести въ ужасъ, а другому показаться глубокимъ ученымъ. Вольтеръ у многихъ почтенныхъ людей и теперь считается идеаломъ безбожія и анархіи, хотя эти почтенные люди ни разу въ жизни не давали себѣ труда прочесть сочиненія прославленнаго атеиста. Я помню, какъ,

лѣтъ двадцать съ небольшимъ назадъ, образованныя матери чуть не на колѣняхъ умоляли сыновей не читать Вольтера и не набираться разныхъ такихъ идей, но о другихъ энциклопедистахъ и не упоминали, конечно, по невѣдѣнію. Винорѣцкій не занимался ничѣмъ серьезно, да и не имѣлъ времени: въ семнадцать лѣтъ окончилось его воспитаніе; если же, надѣвъ военный мундиръ, онъ не заботился о саморазвитіи, то этого нельзя было поставить ему въ вину, потому что въ ту пору и окончившіе курсъ въ университетахъ офицеры, поступивъ на службу, бросали всю школьную премудрость.

Впрочемъ, Винорѣцкій хоть и не получилъ основательнаго общаго образованія, какъ баловень невѣжественныхъ родителей, однако, обладая здравымъ смысломъ, былъ развитъ значительно болѣе многихъ товарищей, изъ которыхъ иные, кромѣ россійской грамоты, ничего не умѣли; были, правда, и такіе, что болтали по французски, но этою болтовнею и оканчивались всѣ ихъ познанія. Винорѣцкій зналъ кое-какъ географію, по крайней мѣрѣ могъ на картѣ отыскать данную мѣстность, тогда какъ для большинства и это было тарабарской грамотой. Наконецъ, онъ настолько помнилъ исторію, что, въ случаѣ общаго гдѣ нибудь разговора, не переносилъ лицъ одной эпохи въ другую и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на тѣхъ, которые во всеуслышаніе проповѣдывали, »что всѣ эти философы, физики и прочіе мудрецы были дармоѣды, которыхъ слѣдовало бы дуть безъ церемоніи фухтелями«. Винорѣцкій даже завидовалъ въ душѣ тому, кого считалъ образованнѣе себя; но это случалось уже во время скуки, въ большихъ антрактахъ между волокитствами, а то ему просто иногда не хватало досуга написать письма къ матери. Въ кутежахъ онъ участвовалъ неохотно, во первыхъ, не чувствуя къ нимъ никакого влеченія; во вторыхъ, каждый лишній стаканъ вина дѣйствовалъ на его натуру: Винорѣцкій заболѣвалъ послѣ самой мизерной попойки. Изъ всѣхъ полковыхъ развлеченій онъ любилъ больше всего охоту съ ружьемъ, къ которой и прибѣгалъ, если нужно было коротать такъ называемыя »потерянныя минуты«. Онъ, впрочемъ, постоянно рыскалъ по уѣзду и окрестностямъ, не пропускалъ ни одного бала и порой въ нѣсколькихъ мѣстахъ велъ ловкія волокитства, независимо отъ одного главнаго, нерѣдко требовавшаго дальнихъ поѣздокъ. Съ выходомъ полка, разумѣется, оканчивались всѣ эти привязанности, несмотри на слезы разлуки, на обѣщанія, на переписку, которая длилась иногда нѣсколько мѣсяцевъ; новыя знакомства, завязываемыя въ походѣ, балы на дневкахъ и надежды на не-

извѣстную даль служили Винорѣцкому достаточнымъ развлеченіемъ, а при вступленіи на новыя квартиры тотчасъ же у него возникали новыя сердечныя отношенія. Прочіе полковые волокиты, изъ которыхъ матеріалисты шли своимъ путемъ, а платоники витали въ сферахъ фантазіи, не были ему очень опасны не только потому, что онъ превосходилъ всѣхъ наружностью, но и оттого, что, при необыкновенной подвижности и дѣятельности, онъ легче другихъ успѣвалъ овладѣвать вниманіемъ одной или двухъ хорошенькихъ дѣвушекъ въ околодкѣ. Всѣ свои умственныя способности онъ сосредоточивалъ на волокитствахъ и такъ усовершенствовался на этомъ поприщѣ, столько представилъ доказательствъ изворотливости, іезуитизма и настойчивости, что товарищи не пытались уже перебивать ему дорогу изъ боязни, что Винорѣцкій изъ одной только прихоти можетъ разрушить собственное ихъ благополучіе, чему и бывали неоднократные примѣры. Честный и благородный во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, Винорѣцкій не внушалъ, однакожъ, ни малѣйшаго довѣрія, если дѣло шло о нѣжной страсти: въ этомъ случаѣ никто не искалъ его помощи, не спрашивалъ совѣта, напротивъ всѣ избѣгали ввѣрять ему малѣйшую тайну, потому что онъ тотчасъ пользовался оплошностью и неловкостью какого нибудь платоника или матеріалиста. Товарищи смутно понимали, что Винорѣцкій неискрененъ, что проповѣдывалъ онъ въ дѣлѣ любви индеферентизмъ чисто напускной, что онъ влюблялся, по выраженію тогдашняго времени, какъ кошка, однако, если нѣкоторые изъ нихъ пытались вредить ему у прекраснаго пола, разсказывая о его многочисленныхъ подвигахъ, то рѣшительно не имѣли успѣха. Это дѣлали, впрочемъ, новички; люди, ближе знакомые не пытались уже вести съ нимъ войну на поприщѣ волокитства.

Недалеко отъ границъ дымогарскаго уѣзда, въ лѣсистой части сосѣдней губерніи, надъ широкой рѣкой, лежало большое красивое село Зимницы, раскинувшись по извилистому нагорному берегу. Старинный помѣщичій домъ, съ антресолями, окруженъ былъ густымъ садомъ, въ концѣ котораго подымалась каменная церковь съ высокой колокольней, голубые куполы которой, испещренные золотыми звѣздами, виднѣлись на далекомъ разстояніи. Въ Зимницахъ не было прямыхъ улицъ, по обычаю всѣхъ селъ Малороссіи; но бѣлыя хаты, окруженныя тѣнистыми садами, разбросанныя въ безпорядкѣ, уходя вдаль амфитеатромъ, зеленые холмы, на которыхъ по праздникамъ собирался народъ, обиліе простыхъ цвѣтовъ, растущихъ въ огородѣ украинки, осо-

бенно весною и лѣтомъ, все это просилось на полотно пейзажиста. Зимницы принадлежали вдовѣ Балгановой, старушкѣ, жившей весьма уединенно, съ которой мало кто и былъ знакомъ въ сосѣдствѣ. Это была очень добрая и образованная женщина, слывшая, однакожъ, большой причудницей, и сперва, когда появилась она въ Зимницахъ, о ней ходило множество самыхъ разнообразныхъ толковъ, но впослѣдствіи у сосѣдей она стала извѣстна подъ именемъ оригинала безъ всякихъ уже комментарій. Были у нея и знакомые, но они жили далеко, посѣщали Балганову очень рѣдко, а въ своемъ уѣздѣ она принимала только предводителя да другихъ должностныхъ лицъ, если ей, по какому нибудь случаю, необходимо было свиданіе съ мѣстными властями, что, впрочемъ, приходилось весьма нечасто. Марья Семеновна Балганова принадлежала къ обломкамъ нѣкогда знатной фамиліи и воспитывалась во Франціи въ какомъ-то монастырѣ, извѣстномъ строгостью нравовъ. Въ молодости она вышла замужъ за любимаго человѣка, который, послѣ двухлѣтней супружеской жизни, былъ убитъ въ сраженіи. Дѣтей у Марьи Семеновны не было. Она предалась неутѣшной горести и хотѣла уже покончить съ міромъ, надѣвъ монашескую рясу, но въ это время умерла единственная ея сестра, оставившая двухъ сыновей и дочь безъ всякаго присмотра и при разстроенномъ состояніи. Измѣнивъ свое намѣреніе, Балганова рѣшилась заступить сиротамъ мѣсто матери. Она поѣхала въ имѣніе сестры, забрала дѣтей и посвятила имъ жизнь, отказавшись давно отъ всѣхъ свѣтскихъ удовольствій и развлеченій. Мальчики вскорѣ одинъ за другимъ умерли, и у Марьи Семеновны осталась на рукахъ одна племянница Наташа, на которой она и сосредоточила всю свою нѣжность и материнскую заботливость. Несмотря на хорошее образованіе, она не считала себя способною принять роль наставницы, и какъ только дѣвочкѣ минуло десять лѣтъ, тотчасъ же поѣхала въ Одессу и, при помощи одной старинной знакомой, выписала изъ Парижа немолодую, отлично образованную француженку, которой и поручила воспитаніе племянницы. По долгомъ совѣщаніи съ наставницей, Марья Семеновна рѣшилась учить Наташу всему, что необходимо было дѣвицѣ ея званія; но главнымъ условіемъ она постановила держать ее въ строжайшемъ невѣдѣніи всѣхъ жизненныхъ вопросовъ — идеалъ, къ которому, впрочемъ, еще недавно стремились многіе чадолюбивые родители. Конечно, Марья Семеновна думала составить этимъ счастье племянницы, потому что, по ея мнѣнію, только та дѣвушка имѣла право на всеоб-

щую любовь и уваженіе, которая, во первыхъ, смотрѣла на міръ глазами своей расы, а во вторыхъ, понимала природу по понятіямъ, нарочно извращеннымъ для дѣвичьяго воспитанія людьми, можетъ быть почтенными, но доводившими утопію свою до абсурда. Вслѣдствіе подобнаго плана воспитанія, мужчину представляли Наташѣ какъ нѣчто ненормальное, поселяли въ ней ужасъ къ непрекрасному полу, разумѣется, исключая героевъ и сильныхъ міра; но все то, съ чѣмъ могла она встрѣтиться въ обыденной жизни, описывалось ей и выставлялось въ заранѣе обдуманномъ цвѣтѣ. Самые простые и естественные вопросы дѣвочки тетка и наставница разрѣшали тотчасъ же, но давали всему такое ложное направленіе, что умная отъ природы Наташа лѣтъ въ двѣнадцать могла уже резонировать и не походила на ребенка. Не имѣя сверстницъ, бѣдное дитя лишено было всѣхъ удовольствій своего возраста, и если мелькомъ иногда видѣло игры крестьянскихъ ребятишекъ и ощущало непреодолимое желаніе вмѣшаться въ ихъ шумную толпу, то, заявивъ о томъ теткѣ или наставницѣ, которыя пріучили ее не скрывать ни малѣйшаго помышленія, выслушивало цѣлое поученіе, что играть прилично только мужикамъ, что благовоспитанной дѣвицѣ не пристало бѣгать и рѣзвиться, что это, наконецъ, грѣшно и что за пустой смѣхъ и праздныя забавы назначено суровое наказаніе на томъ свѣтѣ. И дѣвочка со стѣсненнымъ сердцемъ отворачивалась отъ веселаго хоровода, не отъ грусти, что ей нельзя въ немъ участвовать, но съ сожалѣніемъ за бѣдныя души, которыхъ некому остановить въ ихъ грѣшномъ препровожденіи времени. Сухія книжки, пустыя картинки и нѣсколько куколъ — вотъ все, что предоставлялось Наташѣ для ея развлеченія. Между тѣмъ, воспитаніе подвигалось своимъ чередомъ. Она знала уже очень хорошо географію, знакомилась съ исторіей по плану тетушки и наставницы, то есть съ точки зрѣнія французенокъ, изучала французскую литературу и выказывала большія способности къ музыкѣ. Наташа любила гулять, и ей позволялось, въ извѣстные часы, выходить только въ садъ, обнесенный высокимъ заборомъ, а по временамъ наставница каталась съ ней въ экипажѣ по окрестности или чинно отправлялась за деревню, избѣгая даже проходить по селу, чтобъ Наташа не увидѣла какой нибудь сцены, которая могла бы вредно подѣйствовать на нравственность дѣвочки. Однимъ словомъ, Наташу портили всевозможными средствами и физически и морально, приготовляя изъ нея съ одной стороны жертву флюсовъ, насморковъ и другихъ болѣзней, а съ другой насилуя прекрасную на-

туру нелѣпыми выдумками, ханженствомъ и прививая къ ней чудовищные принципы іезуитизма. Такимъ образомъ, Наташа дожила до шестнадцати лѣтъ, не видя никого, кромѣ крестьянъ, да какихъ нибудь пожилыхъ чиновниковъ, и сдѣлалась, въ нѣкоторомъ родѣ, дикаркой, безъ малѣйшаго понятія о жизни и обществѣ, радостяхъ и горестяхъ человѣчества. Она даже плохо знала по русски, и хоть старикъ-священникъ, преподававшій ей законъ Божій, не разъ говорилъ Марьѣ Семеновнѣ, что не мѣшало бы Наташу поучить родному языку, однако Балганова доказывала, что сама она почти не умѣла писать по русски, а живетъ и исполняетъ свои обязанности.

Въ шестнадцать лѣтъ Наташа сформировалась окончательно и, несмотря на тепличное воспитаніе, была стройна, гибка и имѣла прелестную симпатичную наружность. Это была дѣвушка довольно высокаго роста, съ овальнымъ, немного блѣднымъ лицомъ, темноголубыми глазами, небольшимъ, прекрасно обрисованнымъ ротикомъ и свѣтлыми шелковистыми волосами, которые носила она, по желанію француженки, разсыпавъ по плечамъ и завивая ихъ въ мелкія кудри. Наташу можно было бы назвать красавицей, еслибы слегка приподнятый носъ не портилъ ея профиля. Когда она достигла возраста, въ которомъ никакія куклы, никакія книжки съ картинками, издаваемыя для молодыхъ дѣвицъ, и никакіе краснорѣчивые разсказы о прелести уединенія не въ состояніи наполнить молодую, хотя и придавленную душу, Марья Семеновна начала серьезно совѣтоваться съ наставницей, какъ поступать дальше, чтобы предохранить дѣвушку отъ соблазновъ и треволненій свѣта. По должномъ обсужденіи дѣла, старуха рѣшила просить француженку остаться еще при Наташѣ руководить ее на пути жизни, укрѣплять въ ней правила благоразумія и нравственности, а потомъ года черезъ два, скрѣпя сердце, ѣхать въ Москву, гдѣ у нея были родственники, и съ ихъ помощью пристроить дѣвушку сообразно съ ея родомъ, разумѣется, не спрашивая согласія Наташи, которая должна была безропотно принять свое счастіе изъ рукъ благодѣтельницы тетки. Француженка согласилась; а чтобъ занять чѣмъ нибудь взрослую дѣвушку, онѣ вдвоемъ съ Марьей Семеновной придумали ей оригинальный способъ препровожденія времени. Музыка и французская литература продолжались своимъ чередомъ, однако много еще было свободныхъ часовъ, въ теченіе которыхъ Наташѣ могло придти Богъ знаетъ что въ голову, и потому надо было наполнить чѣмъ нибудь эти часы, идущіе такъ медленно

при уединенной, можно сказать, затворнической жизни. Марья Семеновна тотчасъ же собрала нѣсколько деревенскихъ дѣвочекъ, преимущественно сиротъ, велѣла дать имъ приличную одежду и поручила Наташѣ учить ихъ рукодѣлью. Шитье въ гладь и по канвѣ были главными предметами, нѣсколько знакомыми учительницѣ, и хоть не представляли особаго развлеченія, однако общество живыхъ существъ приносило Наташѣ больше удовольствія, нежели чтеніе сухихъ и скучныхъ книгъ, которыя давались ей въ видахъ назиданія.

Мадамъ Було, наставница Наташи, несмотря на строгость правилъ, внушаемыхъ питомицѣ, на рьяную нетерпимость личной свободы женщины, для которой, по ея словамъ, существовали самыя тѣсныя и узкія границы, была въ дѣйствительности далеко несогласна съ своими офиціальными убѣжденіями и все свободное время посвящала на чтеніе самыхъ страстныхъ и фантастическихъ романовъ, которыми всегда изобиловала французская литература. При всей скупости, она тратила порядочныя деньги на выписку книгъ и въ теченіе пяти или шести лѣтъ, проведенныхъ въ Зимницахъ, составила немалую библіотеку. Мадамъ Було, проповѣдуя Наташѣ, что въ дѣвушкѣ каждое чувство, кромѣ любви къ родителямъ и уваженія къ старшимъ, кромѣ общей любви къ человѣчеству— неискупимый грѣхъ, разумѣется, не раздѣляла этого убѣжденія; неизвѣстно, какъ она вела себя въ молодости, но, по крайней мѣрѣ, въ описываемое время она съ жадностью пожирала сцены, въ которыхъ описывалась любовь, и чѣмъ болѣе въ этихъ сценахъ было страсти, тѣмъ въ большій приходила она восторгъ и нѣкоторыя мѣста перечитывала по два, по три раза. Кромѣ множества тогдашнихъ романовъ разныхъ авторовъ, она читала и каждое новое произведеніе Поль де-Кока, что нисколько не шло ни къ ея суровому виду, ни къ строгой морали, которую, на каждомъ шагу, читала она молодой дѣвушкѣ.

Придавленная, ложно направленная натура Наташи не могла, однакожъ, вѣчно оставаться въ такомъ страдательномъ положеніи, и хотя въ дѣвушкѣ, по возможности, заглушенъ былъ голосъ природы, хотя она усвоила извращенныя понятія объ отношеніяхъ людей, но, оставаясь наединѣ съ собой, она всетаки мечтала о свѣтѣ, всетаки смутно догадывалась, что жизнь за Зимницами должна быть не такая, какою описывали ее тетушка и наставница, тѣмъ болѣе, что и въ быту крестьянскомъ видѣла она пляску и шумныя сборища и слышала по

вечерамъ пѣсни молодежи, которыя наводили какую-то непостижимую грусть ей на душу. Въ церкви, кромѣ крестьянъ, никого не бывало, и Наташа съ дѣтства была пріучена во время обѣдни или вечерни не смотрѣть по сторонамъ. Но, по выходѣ изъ храма, видѣла она веселыя лица дѣвушекъ, которыя, собравшись группами, расходились по селу въ обществѣ парней, и прежде спрашивала тетку или мадамъ Було, отчего же мужики допускаютъ сближеніе двухъ половъ. На это она получала самые нелѣпые отвѣты. Невѣдѣніе ея простиралось до того, что на самую свадьбу, о чемъ иногда при ней говорилось, она смотрѣла какъ на актъ, совершаемый въ крайнихъ случаяхъ, и привыкла вѣрить, что дѣвушка, выходившая замужъ, достойна была сожалѣнія. Въ подобномъ духѣ Марья Семеновна воспитывала свою племянницу и радовалась, что Наташа, жившая въ деревнѣ, была наивнѣе всякой институтки. Во время рѣдкаго пріѣзда старинныхъ знакомыхъ Марьи Семеновны, преимущественно весьма пожилыхъ барынь и одного древняго старца, проникнутыхъ одной идеей съ Балгановой, Наташа не только не оживала, а, напротивъ, положеніе ея дѣлалось тягостнѣе, потому что на мѣсто двухъ особъ, постоянно читавшихъ ей мораль, прибавлялись еще новыя, которыя, въ угоду хозяйкѣ и по личнымъ убѣжденіямъ, считали обязанностью поддерживать и укрѣплять ее на пути добродѣтели. Вскорѣ, однакожъ, случай вывелъ Наташу изъ узкой искусственной сферы и обратилъ въ ничто усилія тетки, направленныя въ теченіе шести лѣтъ на то, чтобъ убить въ дѣвушкѣ всякое живое чувство и помышленіе.

Не болѣе, какъ въ полуверстѣ за садомъ Балгановой, черезъ небольшой лугъ, начинался высокій лѣсъ, потянувшійся далеко. При началѣ этого лѣса лежало чистое и глубокое озеро, окруженное кудрявыми кустами шиповника и калины, которые придавали много прелести этому уединенному уголку: сперва огненные и красные цвѣты шиповника и бѣлыя кисти мелкихъ цвѣтковъ калины, а потомъ пунцовые плоды среди роскошныхъ листьевъ представляли чрезвычайно пріятную картину. Француженка, открывъ какъ-то существованіе озера, любила на живописныхъ берегахъ его читать свои задушевные романы. Наташа была уже по пятнадцатому году, когда мадамъ Було вздумалось посѣтить окрестности, и съ тѣхъ поръ для прогулокъ избирались зеленыя прибрежьи озера. Послѣ странныхъ подстриженныхъ аллей и прямыхъ, усыпанныхъ пескомъ дорожекъ, новая прогулка показалась Наташѣ

раемъ, тѣмъ болѣе, что отъ озера она видѣла съ одной стороны необозримыя поля, а съ другой луговую сторону рѣки, по которой, между раскиданными рощами, блестѣли куполы церквей и виднѣлись неизвѣстныя селенія. Марья Семеновна ничего не видѣла дурнаго въ этихъ прогулкахъ и только, въ видахъ предосторожности, просила мадамъ Було брать съ собою лакея Порфирія, который отъ старости едва передвигалъ ноги и, придя къ озеру, заваливался спать подъ первымъ кустикомъ, пока не будили его для обратнаго шествія. Навьючивъ Наташу книгами, скучными до тошноты, и запасшись какимъ нибудь занимателнымъ романомъ, мадамъ Було, особенно въ хорошую погоду, по цѣлымъ часамъ, какъ утромъ, такъ и послѣ обѣда, проводила съ нею на берегахъ озера. Читая собственно изъ повиновенія мертвыя описанія и приторную мораль, которымъ и теперь нерѣдко бываютъ обречены молодыя дѣвушки, Наташа подъ открытымъ небомъ, среди роскошной природы невольно переносила взоры съ утомительныхъ страницъ на окружающіе цвѣты или на волны озера, которыя при легкомъ вѣтрѣ тихо плескались о берегъ, и придавленное воображеніе ея начинало работать. Однажды, сидя возлѣ наставницы, она замѣтила на глазахъ послѣдней слезы. Дѣвушка бросилась къ ней, по безотчетному чувству участія.

— Что съ вами? спросила она.

— Ничего, милая, ничего.

— Вы плачете. Не больны ли?

— Нѣтъ, я читаю книгу и...

— А какая это книга?

Мадамъ Було спохватилась и отвѣчала, что ее поразило одно мѣсто изъ библейской исторіи.

Прошло нѣсколько дней. Получивъ позволеніе обойти вокругъ »озера дикихъ розъ«, какъ его называли, Наташа отправилась одна, робко заглядывая въ кусты, а мадамъ Було усѣлась на любимомъ мѣстѣ и принялась читать по обычаю. Когда молодая дѣвушка возвращалась назадъ, ей послышался хохотъ, и, не понимая причины, она выглянула изъ-за куста — убѣдиться, съ кѣмъ разговаривала наставница. Мадамъ Було сидѣла одна одинехонька и, смотря въ книгу, хохотала усерднымъ образомъ.

— Что вамъ такъ смѣшно? спросила она.

— Ахъ, это вы, Наташа! Начитала смѣшное мѣсто и не могу удержаться.

— Неужели въ библейской исторіи?

— О, нѣтъ, милая! я взяла книгу такъ себѣ — вздорную.

— Прочтите и мнѣ: я тоже посмѣюсь.

— Какъ можно! Вамъ рано еще читать такіе пустяки. Вы нарвали бы цвѣтовъ для маманъ. Мы скоро пойдемъ, вотъ только дочитаю главу.

Наташа ушла и принялась рвать цвѣты; но у нея не выходило изъ головы обстоятельство, что мадамъ Було надъ одной книгой плачетъ, надъ другой смѣется, и теперь она поняла, что первая не была библейская исторія, переплетъ которой ей былъ хорошо извѣстенъ. Соображеніе это было искрой, озарившей шестнадцатилѣтнюю головку, и дѣвушка начала разсуждать, что отъ нея многое скрывали, что книги, которыя часто получала мадамъ Було, вѣроятно, занимательнѣе книгъ, выдаваемыхъ ей, и что, наконецъ, въ книгахъ этихъ есть вещи, заставляющія плакать и смѣяться, тогда какъ въ ея повѣстяхъ только и встрѣчались послушныя дѣвицы, которыя за свою скромность и благоразуміе получали конфекты или похвалы, да шалуньи, заслужившія какое-нибудь наказаніе. Напавъ на подобную мысль, Наташа словно почувствовала, что поумнѣла, и въ ней съ необыкновенной силой пробудилось любопытство, котораго никогда на удовлетворяли, а старались обходить, или отдѣлывались пустыми фразами, или, наконецъ, твердили иной разъ, что вопросы ея просто неприличны. Послѣ этого Наташа, впрочемъ, довольно долго боролась между желаньемъ заглянуть въ запрещенную книгу и мыслью ослушаться старшихъ; но молодая натура требовала своихъ правъ и не находила исхода, а скука, безотчетно ее томившая, и однообразіе какъ жизни, такъ и занятій, разсчитанныхъ по часамъ, склонили ее вкусить запрещенный плодъ.

Хотя мадамъ Було соблюдала осторожность относительно своей библіотеки и тщательно запирала шкафъ съ книгами, однако, не замѣтивъ никогда стремленія питомицы познакомиться съ новыми изданіями и зная, до какой степени дѣвушкѣ внушены были правила благоразумія и послушанія, она не прибѣгала къ усиленнымъ мѣрамъ. Притомъ же, образъ жизни Наташи былъ такъ разсчитанъ, что послѣдняя не имѣла ни минуты свободной сдѣлать что нибудь украдкой: за каждымъ ея шагомъ ревностно слѣдили, и только когда Наташа учила маленькихъ дѣвочекъ, ей какъ бы предоставлялась свобода, но и то кажущаяся: не болѣе, какъ черезъ полчаса, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, къ ней являлись суровыя надсмотрщицы. Каждое притѣсненіе рождаетъ въ угнетаемомъ

стремленіе къ хитрости, и нѣтъ ничего удивительнаго, что молоденькая дѣвочка, олицетворенная покорность и наивность начала придумывать способы для удовлетворенія своего любопытства. По вечерамъ, Марья Семеновна и мадамъ Було любили вдвоемъ раскладывать какой-то мудренный пасьянсъ, продолжавшійся иногда часа по два слишкомъ. Въ это время Наташа обязана была сидѣть возлѣ и тутъ же у стола читать или заниматься какой-нибудь работой. Если же дѣвушка была нездорова, ей разрѣшалось уходить до ужина въ свою комнату, то есть въ комнату мадамъ Було, кровать которой стояла рядомъ съ ея кроватью. Иногда Наташа просто засыпала, а иногда долго не могла уснуть и читала какую-нибудь дребедень, насильно набивая свою головку хламомъ, поставляемымъ и теперь еще въ изобиліи такъ называемыми друзьями юношества. Разумѣется, ее навѣщали, давали разныхъ домашнихъ средствъ и при ней неотступно присутствовала няня, давно уже оглохшая. Няня эта любила разговаривать и знала много сказокъ: но мадамъ Було потребовала, а Марья Семеновна подтвердила разъ навсегда, чтобъ о сказкахъ не было помину, такъ какъ это противоположно плану ея воспитанія. Иной разъ, во время безсонницы, Наташа замѣчала, что мадамъ Було долго читала въ постели, но когда, задувъ свѣчу, ложилась спать, то до утра не могло разбудить ее ничто: даже во время сильной грозы, которой въ домѣ всѣ боялись, когда Марья Семеновна и вся женская прислуга стояли въ образной и молились, француженка спала, какъ убитая.

Дней черезъ нѣсколько послѣ извѣстнаго происшествія у озера, вечеромъ, подъ предлогомъ головной боли, Наташа удалилась въ свою комнату въ моментъ, когда долго не удавшійся пасьянсъ начиналъ склонятьтя къ благопріятному исходу. Перекрестивъ наскоро племянницу и обѣщавъ зайти провѣдать, Марья Семеновна всецѣло отдалась пасьянсу, вспомоществуемая француженкой. Прежде чѣмъ идти за няней и кликнуть горничную, Наташа отправилась прямо въ свою комнату. Не успѣла она переступить порогъ, какъ почувствовала лихорадочную дрожь, не отъ страха, что въ комнатѣ не было огня, а собственно при мысли, что первый разъ въ жизни рѣшилась исполнить безъ спросу свое желаніе. Зная хорошо расположеніе комнаты, она отправилась прямо къ постели мадамъ Було и взяла ключи подъ подушкой. Въ одну секунду она очутилась у шкафа и какъ ни была молода и неопытна, однако не брала книгъ, стоящихъ на виду, а запустила руку подальше

и вытащила первую попавшуюся изъ задняго ряда нижней полки книгу, въ которой, по ея мнѣнію, не было уже надобности наставницѣ. Съ замираніемъ сердца заперла она шкафъ, положила ключи на мѣсто, сунула добычу подъ свой тюфякъ и отправилась кликнуть няню и горничную. Съ ней дѣйствительно сдѣлалось нѣчто въ родѣ лихорадки, о чемъ тотчасъ же было доложено Марьѣ Семеновнѣ. Приняли мѣры: напоили Наташу липовымъ цвѣтомъ, укрыли потеплѣе, и дѣло приняло такой оборотъ, что дѣвушка, желая поскорѣе избавиться отъ докучнаго консиліума, рѣшилась притвориться спящею. Часа черезъ два все было тихо. Глухая няня улеглась на полу, мадамъ Було, почитавъ немного, захрапѣла по обычаю, и только слышно было, какъ въ саду перекликались соловьи, да за рѣкой ночные пастухи коротали время заунывными пѣснями. Лампадка слабо мерцала, затепленная передъ образами. Осмотрѣвшись внимательно, Наташа на цыпочкахъ встала съ постели, зажгла свѣчу и, положивъ возлѣ себя на маленькомъ столикѣ раскрытую библію, съ боязнію сердца добыла похищенную книжку. Это была »Саламандра« Е. Сю. Дѣвушка съ жадностью начала читать блестящую фантазію талантливаго романиста. Сперва она рѣшительно ничего не понимала, но, прочтя нѣсколько страницъ, начала ощущать неизъяснимое удовольствіе. Послѣ двухъ, трехъ главъ она почувствовала необходимость отдохнуть и отдать себѣ отчетъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ послышался скрыпъ тяжелой двери. Засунуть подъ подушку »Саламандру« и схватить Библію было дѣломъ одной минуты. Осторожно, съ лампадкой въ рукѣ, вошла Марья Семеновна.

— Ты не спишь, Наташа? Лучше ли тебѣ?

— Мнѣ очень хорошо, маманъ!

— Зачѣмъ же ты зажгла свѣчку?

— Не спится, такъ я читаю Библію.

— Хорошо дѣлаешь, дитя мое! Да ты раскрылась.

— Мнѣ жарко, маманъ!

— Смотри, не простудись, милая! А что ты читаешь?

— О потопѣ, сказала наугадъ дѣвушка, даже не замѣтивъ, на какомъ мѣстѣ раскрылась книга.

— Это назидательное мѣсто: ты видишь, что Господь, при всей благости своей, не могъ уже простить людямъ, которые упорствомъ своимъ навлекли на себя такое страшное наказаніе. Да, дитя мое, кто исполняетъ одну свою волю, а не слушается, не почитаетъ старшихъ, тому нѣтъ спасенія ни въ сей, ни въ

будущей жизни... Однако, ты не зачитывайся, а помолись Богу и ложись спать.

И, перекрестивъ дѣвушку, Марья Семеновна ушла въ свою комнату. Въ ту же ночь »Саламандра« была дочитана. Черезъ полгода въ библіотекѣ мадамъ Було мало оставалось книгъ, незнакомыхъ Наташѣ, которая уже безъ церемоніи брала романы во время прогулокъ и читала, сидя въ нѣскольскихъ шагахъ отъ своей наставницы. Передъ нею открывался новый, невѣдомый міръ, въ которомъ она хотя и не понимала многаго, однако составила уже себѣ кое-какія понятія о свѣтѣ и сознавала ясно, что жизнь представляли ей въ превратномъ видѣ, и что человѣкъ созданъ совсѣмъ не для той цѣли, о которой ей проповѣдывали. Она уже любила красиваго, молодаго героя, принимавшаго каждый день новые образы, но постоянно носившагося передъ нею, присутствіе котораго чувствовала она и въ полетѣ вѣтра, и въ ропотѣ волны, и, наконецъ, въ горячемъ дыханіи, обвѣвавшемъ ее порою во время безсонницы. Съ ней совершалась большая перемѣна: это не былъ уже тотъ послушный, угнетенный ребенокъ, который, по заведенному порядку, проявлялъ процессъ прозябанія, а молодая, пылкая дѣвушка, требовавшая и жизни, и свѣта, и ласки, стремившаяся всѣмъ существомъ къ смутно сознаваемой цѣли и хитро сопротивлявшаяся невыносимой опекѣ, которая, по своему, конечно съ желаніемъ ей добра, насиловала ея природу. Марья Семеновна и мадамъ Було замѣтили эту очевидную перемѣну, понимали, что въ дѣвушкѣ пробудились инстинкты, которыхъ не усыпишь ни ходячей моралью, ни пошлыми дѣтскими книжонками; но и въ голову имъ не приходило, что Наташа далеко не та, какою онѣ себѣ ее представляли. Старухи разливались въ краснорѣчіи, черня передъ нею свѣтъ и описывая прелесть уединенія, и послѣ многихъ преній рѣшились ей дать нѣкоторые романы Вальтеръ Скотта, тщательно заклеивъ иныя страницы, опасныя, по ихъ мнѣнію. Но что для Наташи значило чтеніе какого нибудь »Вудстока«, когда она знала и Жоржъ-Санда и Сю, Жюль-Жанена и Бульвера, и Поль-де-Кока и множество другихъ мало извѣстныхъ авторовъ, когда она по нѣскольку разъ читала книги, которыхъ и въ настоящее время нельзя дать въ руки молодой дѣвушкѣ.

Мадамъ Було неожиданно вдругъ получила письмо, отзывавшее ее за границу, по случаю смерти брата, послѣ котораго доставалось ей значительное наслѣдство. Съ непритворной грустью Марья Семеновна отпустила француженку, недоумѣвая, что пред-

принять съ Наташей, а въ это время въ Дымогаръ вступалъ —скій уланскій полкъ, съ пѣснями и музыкой.

Рисуясь по дымогарскимъ улицамъ на своей красивой лошади, Винорѣцкій видѣлъ нѣсколько хорошенькихъ женскихъ личикъ и хотя не остановился ни на одномъ изъ нихъ, потому что не зналъ еще какая обстановка ожидала его въ эскадронѣ, однако стройненькая фигура и свѣжія щечки Ѳени не могли остаться незамѣченными. Онъ, впрочемъ, и не знакомился ни съ кѣмъ, разсчитывая сперва обозрѣть свою стоянку, дать время штабнымъ и первому дивизіону завести волокитство, а потомъ уже, смотря по обстоятельствамъ, пріѣхать въ городъ, сдѣлать визиты и доставить себѣ удовольствіе, подгадить товарищамъ, т. е. ухаживать за ихъ влюбленными. Въ окрестностяхъ своего эскадрона, къ величайшему огорченію Винорѣцкаго, онъ не нашелъ ни одного порядочнаго сюжета: нѣсколько плотныхъ, необразованныхъ барышень, совершенно не въ его вкусѣ, не могли занять избалованнаго волокиту, и онъ уже подумывалъ переѣхать на время въ штабъ полка подъ благовиднымъ предлогомъ, какъ случайное знакомство дало совершенно другой оборотъ его предположеніямъ. Въ домѣ одного помѣщика встрѣтилъ онъ становаго пристава, извѣстнаго болтуна, который весь вечеръ разсказывалъ о Балгановой. Марья Семеновна у помѣщиковъ слыла за сумасшедшую, и потому всѣ нелѣпѣйшіе о ней разсказы выслушивались съ любопытствомъ; но Винорѣцкій изъ всего извлекъ только одно обстоятельство, что у Балгановой была хорошенькая племянница, которую старуха держала взаперти и которая никогда не разговаривала съ постороннимъ человѣкомъ. Винорѣцкій тутъ же началъ собирать необходимыя свѣдѣнія и узналъ, что деревня Балгановой была на самой границѣ губерніи и лежала ближе всего къ мѣсту расположенія шестаго эскадрона, т. е. была гарантирована отъ посѣщенія волокитъ, которые, сколько ему было извѣстно, давно уже сдѣлали рекогносцировку и повели свои атаки на хорошенькихъ, которыми счастливы были всѣ эскадроны, исключая четвертаго.

До Марьи Семеновны дошли слухи, что недалеко, въ дымогарскомъ уѣздѣ верстахъ въ десяти, расположились военные, и хотя это немного встревожило старуху, однако не принимая положительно никого изъ сосѣдей, она твердо вѣрила, что оградила себя отъ всѣхъ знакомыхъ, и не думала, чтобы къ ней рѣшились пріѣхать офицеры. Наташа, которая была далеко не такъ наивна, какъ думала тетушка, и которая по

отъѣздѣ мадамъ Було безъ церемоніи вступала въ разговоры и даже подружилась съ горничной, въ свою очередь, узнала о прибытіи военныхъ и сгорала нетерпѣніемъ увидѣть какого нибудь молодого человѣка въ блестящемъ мундирѣ, въ кирасахъ и шлемѣ, какъ она представляла себѣ рыцарей, не имѣя ни малѣйшаго понятія объ арміи. Ей хотѣлось узнать что нибудь положительное. Она была уже достаточно хитра для открытыхъ вопросовъ, научилась выпытывать у тетушки обиняками, а потому, заведя однажды съ Марьей Семеновной разговоръ объ исторіи, перешла къ войнамъ и какъ бы нечаянно спросила, много ли войска въ Россіи и гдѣ оно размѣщается. Марья Семеновна, какъ и всегда, не желая оставить вопросъ безъ отвѣта, назначила цифру нашей арміи по своему усмотрѣнію и прибавила, что войска стоятъ по всей имперіи и, вѣроятно, даже есть въ ихъ губерніи, но какъ Зимницы лежали на краю, то въ нихъ и не отводятся квартиры военнымъ.

Предчувствуя смутно, что какой нибудь офицеръ нечаянно могъ забрести къ ней въ деревню, и не желая лишить Наташу льготъ, которыми она уже пользовалась, старуха всетаки почла обязанностью позаботиться объ огражденіи нравственности племянницы отъ случайныхъ соблазновъ. Въ этихъ видахъ Марья Семеновна хотя и позволяла Наташѣ ходить къ озеру дикихъ розъ, однако не иначе, какъ подъ надзоромъ пожилой булочницы и старика Порфирія, которымъ вмѣнялось усердно охранять барышню отъ всевозможныхъ опасностей и докладывать ей, т. е. тетушкѣ, обо всѣхъ встрѣчахъ, которыхъ и предполагать было невозможно. Уѣзжая за границу, мадамъ Було уступила Балгановой свою библіотеку за дешевую цѣну, съ цѣлью не брать лишнихъ вещей въ дорогу. Увѣренная въ совершенномъ невѣдѣніи племянницы, старуха при себѣ заставила Наташу переписать заглавія всѣхъ пріобрѣтенныхъ сочиненій, переложила ихъ въ особый шкафъ, въ угловой пустой комнатѣ и, тщательно заперевъ, бросила ключъ въ одинъ изъ ящиковъ комода, куда сваливался разный хламъ, негодный къ употребленію. Въ тотъ же день ключъ перешелъ къ Наташѣ, и она продолжала упиваться недозволеннымъ наслажденіемъ.

Однажды утромъ, стоя у окна своей комнаты, дѣвушка увидѣла хорошенькій фаэтонъ, запряженный парой сѣрыхъ, который прямо подъѣхалъ къ крыльцу ихъ дома. Въ немъ сидѣлъ красивый молодой человѣкъ, съ черными усиками и въ незна-

комомъ ей нарядѣ, который она сочла военнымъ. Замѣтивъ ее, офицеръ вѣжливо поклонился и вбѣжалъ на крыльцо. Но тамъ уже стоялъ Порфирій и громко объявилъ давно отданное ему приказаніе, что барыня-де извиняется, она больна и никого не принимаетъ. Офицеръ повертѣлся, спросилъ стаканъ воды, выпилъ его въ передней и, нехотя садясь въ экипажъ, снова поклонился Наташѣ.

Отправивъ докучнаго посѣтителя, Марья Семеновна пошла къ племянницѣ и, какъ ни въ чемъ не бывало, завела разговоръ о какомъ-то возвышенномъ предметѣ.

— А кто это пріѣзжалъ къ намъ? спросила Наташа, успѣвшая уже оправиться отъ замѣшательства и жалѣвшая объ отказѣ красивому незнакомцу.

Какой-то офицеръ, Богъ его знаетъ.

— Какже маманъ, вы не оставили его обѣдать? вѣдь вы же оставляете предводителя и еще одного чиновника!

— Мнѣ, ma chère, неприлично принимать военныхъ. Еслибъ въ домѣ былъ мужчина — другое дѣло. Да и что намъ за компанія военные!

— А можетъ быть онъ образованъ и хорошей фамиліи?

— Вотъ Богъ дастъ чрезъ годъ уѣдемъ въ Москву: тамъ уже насмотришься на свѣтъ, хотя найдешь въ немъ много ложнаго и суетнаго.

— Мнѣ часто приходитъ на умъ, что я совершенная дикарка и что въ свѣтѣ, о которомъ недавно вы мнѣ начали говорить, я не буду умѣть вести себя.

— Наука немудреная. Впрочемъ, въ твои годы рано разсуждать объ этомъ: здѣсь главное дѣло скромность и послушаніе. Я въ семнадцать лѣтъ не читала ничего кромѣ Библіи, а тебѣ даютъ даже Вальтеръ-Скотта. Ты, надѣюсь, однакожъ, настолько умна, чтобъ не вѣрить романамъ. Дѣвицы, дѣйствительно, выходятъ замужъ, но первое условіе, что мужей имъ вюбираютъ родители или родственники, люди опытные, а второе — порядочная особа раньше двадцати одного года или двадцати двухъ лѣтъ и думать не должна о замужествѣ.

Наташа уставила было глаза на тетку, но спохватилась и такъ натурально приняла всю ходячую мораль и явный обманъ Марьи Семеновны за чистую монету, что старуха разнѣжилась особенно и вслѣдствіе этого начала еще болѣе мрачными красками описывать жизнь, думая что строгое воспитаніе достаточно убило въ дѣвушкѣ всѣ инстинкты и опасныя стремленія. Но Марья Семеновна плохо знала послѣдній годъ самовоспитанія

племянницы и совершенно не знала о существованіи молодыхъ людей, подобныхъ поручику Винорѣцкому.

Наслышавшись о красотѣ Наташи и о недоступности Балгановой, Винорѣцкій ѣхалъ въ Зимницы, влекомый однимъ любопытствомъ взглянуть на таинственную красавицу. Но когда въ окно онъ увидѣлъ прелестную дѣвушку во всемъ безъискусственномъ блескѣ молодости, въ душѣ его мгновенно вспыхнуло чувство гораздо сильнѣе обыкновеннаго волокитства, и всѣми помыслами его овладѣло желаніе преодолѣть всѣ препятствія и добиться взаимности. Первая неудавшаяся попытка ничуть его не испугала; получивъ довольно положительный отказъ, онъ нимало не смутился, а тотчасъ же прибѣгнулъ къ своей обычной изобрѣтательности. Прямо отъ Балгановой поѣхалъ онъ къ священнику и просилъ позволенія посидѣть нѣсколько времени, на томъ основаніи, что, разсчитывая провести часъ, другой у помѣщицы, онъ обманулся въ своемъ предположеніи, а, между тѣмъ, совершилъ довольно далекую поѣздку. Священникъ очень обрадовался визиту образованнаго и богатаго гостя, тотчасъ же распорядился накормить лошадей и, пока шли приготовленія, описалъ Винорѣцкому образъ жизни Марьи Семеновны. Онъ расточалъ похвалы кротости и добродѣтелямъ Балгановой, но не могъ не замѣтить, что она оригинально воспитывала племянницу и не только закрывала отъ нея дѣйствительную жизнь, а извращала и самыя понятія о жизни, представляя свѣтъ вертепомъ золъ и различныхъ бѣдствій.

Винорѣцкій вывѣдывалъ способы, какъ бы познакомиться въ домѣ, но изъ словъ священника замѣтилъ, что всѣ попытки оказывались безполезными, и потому для завязки романа съ Наташей требовались какіе нибудь особенные пріемы, или отчаянные, или въ высшей степени хитрые. Соболѣзнуя объ участи молодой дѣвушки, обреченной на строгое затворничество, Винорѣцкій искусно выпытывалъ объ образѣ жизни Балгановой и узналъ, что единственнымъ развлеченіемъ бѣдной жертвы была прогулка къ пустынному озеру, и то подъ прикрытіемъ дряхлаго старика и хромоногой старухи. Священникъ, въ свою очередь, распрашивалъ объ офицерахъ, и Винорѣцкій наговорилъ ему множество вещей, не позабывъ прибавить, что сосѣди, т. е. шестой эскадронъ, отличаются нелюбовью къ женщинамъ, и смѣялся, что нашла коса на камень.

— Какъ это? спросилъ священникъ.

— Очень просто: Балганова не терпитъ мужескаго общества, а ротмистръ Холдуновъ не можетъ видѣть ни одной юбки.

Очаровавъ семейство священника любезностію, Винорѣцкій отправился прямо домой и выпросилъ у эскадроннаго командира позволеніе перевести свой взводъ въ одну лѣсную деревеньку, прилегавшую къ Зимницамъ, разсказавъ откровенно, что ему предстояло необыкновенное волокитство, требовавшее особыхъ мѣръ и чрезвычайной хитрости. Командиръ 4-го эскадрона, ротмистръ Гребецкій, писавшій плохіе стихи въ альбомы барышень, прозванный »Сердечкинымъ« за наклонность къ прекрасному полу и боявшійся соперничества поручика, съ большимъ удовольствіемъ согласился на удаленіе опытнаго и опаснаго волокиты, тѣмъ болѣе, что въ сосѣдствѣ началъ уже пріударять за одной хорошенькой, для которой тщательно переписывалъ новую тогда поэму »Нищій« А. Подолинскаго.

— Смотрите же, сказалъ онъ Винорѣцкому: — уносясь въ заоблачныя сферы, не забывайте, что у васъ взводъ порядочно распущенъ послѣ корнета Жолтикова.

— Знаю.

— Я беру на себя переводъ вашъ въ Бѣлокаменцы съ тѣмъ, что вы не введете меня въ отвѣтственность передъ полковымъ командиромъ.

— Ни въ какомъ случаѣ. Вахмистръ мой хотя и запиваетъ, однако строгъ и исполнителенъ.

— Въ этомъ то и штука. Нельзя же наказывать вахмистра — это будетъ дурной примѣръ для взвода — а я боюсь, что онъ у васъ станетъ частенько придерживаться чарочки.

— Не безпокойтесь, сказалъ Винорѣцкій: — я, слава Богу, не тщедушный мальчикъ въ родѣ Жолтикова. Вахмистръ уже знакомъ съ моими внушеніями...

— Ну, это другое дѣло. Человѣкъ шесть у васъ порядочныхъ негодяевъ: слѣдуйте моей методѣ — не сдавайтесь на подчиненныхъ: если нужно кого наказать, займитесь этимъ сами.

— Не первый годъ служу, да я и не какая нибудь нюня: попадись кто, я не дѣлаю угрозъ, не откладываю расправы, а тутъ же на мѣстѣ преступленія...

— Обращайте, пожалуйста, вниманіе на фуражировъ. Я не хочу, чтобъ у меня въ эскадронѣ были происшестія. Вотъ у ротмистра Перещепина четыре человѣка попались на фуражировкѣ помѣщичьяго сѣна, и вышла непріятность.

— Вѣрно напились пьяны.

— Не знаю, — но Перещепину штука эта стоитъ рублей двѣсти... Пусть фуражируютъ, да не попадаются, а попадись

кто... Но довольно! Я убѣжденъ, что вы оправдаете мое довѣріе. Желаю вамъ отъ души успѣха, Винорѣцкій!

— А каковы, между прочимъ, дѣла ваши съ идеальной блондинкой?

— Острая дѣвочка!

— Вы, кажется, съ нею хотите попасть на седьмое небо.

— Не знаю. Вчера вечеромъ гуляли въ полѣ. Мы немного отстали. Вотъ у нея и развязался башмачокъ...

— Ну?

— Ну, я попросилъ позволенія завязать.

— И что же?

— Сперва покраснѣла, отговаривалась, а послѣ позволила. Ухъ! рука у меня задрожала...

— А потомъ?

— А потомъ насъ окликнули, зачѣмъ отстаемъ.

— Злодѣй вы, ротмистръ. Смотрите, попадетесь — и прощай свобода.

— Ха, ха, ха! Не въ такихъ бывали передѣлкахъ.

— А что за нею?

— Какіе-то пустяки. Нѣтъ, въ этомъ отношеніи, дѣло не подходящее. Ѣдемъ къ нимъ сегодня. Тамъ будетъ одна барынька, можетъ, вы займетесь, между прочимъ.

— Пожалуй.

Переселенію взвода не столько удивились жители Бѣлокаменецъ, сколько удивился командиръ шестаго эскадрона, который деревеньку эту считалъ своею собственностію.

Часу въ седьмомъ утра, ротмистръ Холдуновъ, оканчивая чай, собирался кликнуть Колотушку, чтобъ начать какое нибудь путешествіе, и отдалъ уже приказаніе идти домой вахмистру, приходившему съ рапортомъ, какъ послѣдній сказалъ:

— Виноватъ, в. б—іе, упомнилъ доложить объ одной новости.

— Чортъ тебя разносилъ съ новостями! Ну, что тамъ: поймался кто нибудь на фуражировкѣ?

— Никакъ нѣтъ, а въ деревню Бѣлокаменцы перешелъ взводъ 4 го эскадрона.

— Какъ?

— Не могу знать, только навѣрное тамъ уже квартируетъ 3-й взводъ поручика Винорѣцкаго.

— Гм! Странно! Кто же распорядился?

— Не могу знать, в. б—іе!

— Болванъ! зарядилъ одно »не могу знать«! Неужели ротмистръ Гребецкій не могъ меня увѣдомить, странно!

— А деревенька ничего, ваше благородіе! Овесъ хорошій, сѣна довольно и мужики очення глуповаты.

— Я самъ видѣлъ. Что нибудь да значитъ. Подождать до обѣда, и если не будетъ извѣстія, пошли къ поручику Винорѣцкому попросить ко мнѣ.

— Слушаю, в. б—іе!

— Ступай. Да пусть наши молодцы обдѣлываютъ дѣла у этой богатой старой карги, что на границѣ чужой губерніи: у ней на лугахъ стоговъ видимо-невидимо.

— Слушаю, в. б—іе... Вотъ насчетъ овса вездѣ неурожай, какъ я и докладывалъ.

— Маршъ! мнѣ теперь некогда.. Эй, Колотушка!

Поджарый деньщикъ явился съ рюмкой и штофомъ.

— Я сегодня ѣду изъ Кременчуга въ Полтаву.

— Слушаю.

И, поставивъ на столъ принадлежности путешествія, Колотушка схватилъ дорожникъ и мигомъ отыскалъ данный трактъ.

— Всего шесть перегоновъ, Сила Иванычъ! сказалъ онъ.

— Такъ мало, чортъ возьми! Ну, да можно будетъ сегодня доѣхать до Харькова.

Колотушка съ серьезнымъ видомъ позвонилъ въ колокольчикъ, а Холдуновъ налилъ рюмку, выпилъ, крякнулъ, закусилъ коркой чернаго хлѣба и скомандовалъ трубку.

— Что это наши офицеры не ѣдутъ такъ долго?

— Вихрецовы на проѣздкѣ, а во второмъ полуэскадронѣ не знаю что дѣлается.

Не проѣхалъ еще Сила Иванычъ и двухъ станцій, какъ подъ окномъ раздался лошадиный топотъ, и въ хату вошелъ Винорѣцкій.

— А! оберъ-гофъ-волокита! слыхомъ-слыхать! По добру ли, по здорову?

— Здравствуйте, почтеннѣйшій Сила Иванычъ!

— Прежде выпей водки, а потомъ садись — гость будешь.

Винорѣцкій выпилъ, закусилъ корочкой, а деньщикъ подалъ ему раскуренную трубку.

— Маршъ, Колотушка, въ кухню, да смотри, не прозѣвай станціи.

Деньщикъ вышелъ.

— Ты никакъ забрался въ мои владѣнія. Что это значитъ? спросилъ Холдуновъ серьезно.

— Не безпокойтесь, добрѣйшій Сила Ивановичъ, я затѣмъ и пріѣхалъ. У меня есть одно экстренное дѣло...

— Гм! юбка, безъ сомнѣнія.

— Да какая юбочка, Сила Ивановичъ! Переводъ взвода Гребецкій взялъ на себя и хотѣлъ лично переговорить съ вами, да, видно, некогда еще.

— Тоже глазолизничаетъ — знаю. Ну, Гребецкій хорошій товарищъ, только...

— Вы, пожалуйста, не безпокойтесь.

— То-то. Уговоръ лучше денегъ. Мнѣ до вашихъ волокитствъ нѣтъ дѣла — слава Богу, въ моемъ эскадронѣ этихъ мерзостей не водится, а не пострадалъ бы интересъ.

— Помилуйте! Мои фуражиры не пойдутъ въ вашъ районъ, а Бѣлокаменцы пустая деревушка.

— Разсказывай! Тамъ отличный урожай овса.

— Да вѣдь вамъ сколько остается богатыхъ селеній! Вѣрьте, Сила Ивановичъ, что не съ этой цѣлью.

— Да чортъ ли мнѣ въ вашихъ цѣляхъ!

— Не сердитесь, Сила Ивановичъ! Я съ своей стороны готовъ на какія угодно сдѣлки.

— А что? видно, забрало! Эхъ, вы, бабье, съ своимъ Гребецкимъ!

— Съ своей стороны я ставлю полдюжины шампанскаго, когда будетъ угодно пожаловать съ офицерами.

— По мнѣ хоть сегодня. Я доберусь еще довольно рано до Полтавы.

— Такъ вы не сердитесь?

Холдуновъ протянулъ руку.

— Къ чему сердиться! хотя пріятнѣе было бы имѣть сосѣдомъ кого-нибудь потеплѣе: ты вѣдь на третьемъ, четвертомъ стаканѣ пуншу являешься къ Блюхеру на ординарцы, а этого у насъ не водится.

У двери раздался ударъ »Валдая«, и Холдуновъ пропустилъ рюмку.

— За компанію? сказалъ онъ, посмотрѣвъ вопросительно на Винорѣцкаго.

Тотъ немного поморщился, но, желая задобрить Силу Ивановича, потянулся за рюмкой.

— Ты вѣдь, братъ, 4-го эскадрона, — модникъ: вамъ подавай сотерны да лафиты. Эхъ, вы, бабье!

И Холдуновъ просвисталъ.

— Весь полкъ хоть брось, продолжалъ онъ: — имъ бы

только юбки. Я даже не понимаю, какъ могли до такой степени перебабиться наши офицеры. Еще недавно я помню, когда былъ поручикомъ, въ полку водились теплые ребята. А теперь! Еслибъ не 6-й эскадронъ, вѣдь, ей Богу, стыдно бы показаться при сборѣ девизіи. Вотъ хотя бы и ты: посмотрѣть— такъ лихой уланъ и на конѣ собаку съѣлъ, а поставь передъ тобою бутылку столѣтней мадеры и какую-нибудь дрянную юбченку и предложи выборъ...

Винорѣцкій засмѣялся.

— Будто бы уже я никогда и пьянъ не былъ, сказалъ онъ.

— То-то и худо, что отъ двухъ, трехъ стакановъ пишешь мыслете: значитъ дрянь питухъ. Нѣтъ, братъ, еслибъ ты былъ кавалеристъ по заповѣдямъ отцовъ, ты, дослужась до чина поручика, втянулся бы уже такъ, что и полдюжины холдуновскихъ пуншей не сбили бы тебя съ толку.

— Когда надо, я не отстаю.

— Знаемъ мы васъ! Верхолизы вы и селадоны — больше ничего. Вотъ только умретъ Холдуновъ, семья его разойдется, потому что некому вручить пока 6-й эскадронъ, и тогда весь полкъ хоть заряди въ пушку и выстрѣли. Ну, скажи по совѣсти, мой эскадронъ какимъ поставишь нумеромъ по фронту?

— И говорить нечего — первымъ.

— Видѣлъ на смотру корпуснаго командира, что доказывалъ? А?

— Весь корпусъ видѣлъ.

— Знай же, братъ, что я и всѣ мои офицеры передъ смотромъ пили всю ночь и пили уже подъ-конецъ сивалдай, а замѣтилъ ли хотя кто-нибудь это. То-то же! Пей, да дѣло разумѣй. Эй, Колотушка!

— Чего изволите?

— Скоро ли станція?

— Вотъ уже видно, Сила Иванычъ, подъѣзжаемъ.

— Оселъ. Валяй ямщика...

Колотушка развонилъ въ колокольчикъ. Сила Ивановичъ выпилъ рюмку, крякнулъ и закусилъ.

— За компанію? сказалъ онъ Винорѣцкому.

— Откровенно сказать, ротмистръ, если я пью много водки, мнѣ бываетъ нехорошо.

— Что-о-о?

— Водка мнѣ вредитъ...

— Ха, ха, ха! И ты смѣешь громко говорить объ этомъ въ шестомъ эскадронѣ! Вотъ до чего доводятъ модное шарканье

и вздыхательство передъ бабами! Какъ еще ты куришь трубку: вѣдь и это, говорятъ, неприлично.

— Въ иныхъ гостиныхъ, дѣйствительно, не курятъ.

— Молодцы! Я никуда безъ трубки не сдѣлаю ни шагу, и если случается бывать, поневолѣ, въ гостяхъ, гдѣ присутствуетъ бабье со своими нѣжностями, такъ я имъ запускаю подъ носъ такую Виргинію, что только отчихиваются.

— Да, вы курите самый крѣпкій табакъ.

— Что-жъ прикажете мнѣ курить? капусту? Да ты, я думаю, разбабился уже до послѣдней степени: чего добраго, не можешь и высѣчь при себѣ какого-нибудь негодяя.

— Ну, на этотъ счетъ, Сила Ивановичъ, служба не можетъ пожаловаться. Нѣжности нѣжностями, а если надо задать страху, то, повѣрьте, я ни на волосъ не потеряю достоинства мужчины.

— То есть прикажешь вахмистру распорядиться.

— Ничуть не бывало: преспокойно наказываю у себя передъ глазами.

— Кой чортъ! Вы и наказывать-то не умѣете какъ слѣдуетъ. То ли было дѣло въ наше время! Теперь и порядки другіе. Напримѣръ, въ пятомъ эскадронѣ Швейнбергъ — онъ наказываетъ удовлетворительно, а безъ толку: только наводитъ страхъ — и больше ничего. Ты посмотри у меня: спуску не даю, но не иначе, какъ за дѣло. Швейнбергъ взыскиваетъ и съ праваго и съ виноватаго, какъ ему вздумается, а я праваго никогда и пальцемъ не трону. Притомъ у меня правило: провинился уланъ, что бы ни сдѣлалъ, приходи и признайся, »такъ молъ и такъ, ваше благородіе, виноватъ, больше не буду«, я на первый разъ прощаю, развѣ иногда для успокоенія совѣсти дамъ тычка. За то и любятъ меня, бестіи, какъ отца роднаго.

— Вашъ эскадронъ образцовый во всѣхъ отношеніяхъ.

— То-то образцовый. Посмотри у прочихъ командировъ, замѣтятъ, что солдатъ выпилъ чарку, его наказываютъ больше, нежели за нерадѣніе.

— Нельзя же...

— Че-е-во? Вздоръ! У меня, на половину кутилы, а найди хотя одного неисправнаго на ученьи или въ караулѣ. Нужно, братъ, умѣнье. Напримѣръ, какой-нибудь праздникъ. Нѣсколько человѣкъ и являются. — »Вы зачѣмъ?« спрашиваю. — »Позвольте погулять, ваше благородіе, Сила Иванычъ!« — Я усмѣхнусь. — »То есть какъ, говорю, подлецы?« — »Позвольте вы-

пить маленько.« — Вѣдь тоже, братецъ, люди; желудокъ такой же, а пожалуй и почище нашего. Вотъ и позволишь, съ условіемъ не драться, чтобъ, знаешь, не было синяковъ — гадко — да чтобъ на другой день явились какъ встрепаные. Ну, и встрѣтишь такого молодца на улицѣ: идетъ мимо тебя пошатываясь, но смотритъ весело, значитъ, человѣкъ не боится придирки и въ полномъ удовольствіи. На утро иду самъ на уборку — все въ порядкѣ; а чуть который не исправенъ, пусть не прогнѣвается.

— Такъ уже заведено у васъ, замѣтилъ Винорѣцкій.

— А отчего? вскрикнулъ Холдуновъ, ударивъ кулакомъ по столу: — оттого, что мы выросли не на балахъ да не подъ юбками, а на бивуакахъ подъ ядрами и подъ пулями. Насъ не обморочишь и не разжалобишь. Было время, ѣла маіорша сѣмя, а теперь и толкутъ, да не даютъ... Эй, Колотушка! Что же, подлецъ, скоро ли пріѣдемъ въ Полтаву?

Колотушка поспѣшилъ позвонить.

— Одинъ перегонъ остался, ваше благородіе!

Холдуновъ выпилъ, крякнулъ и закусилъ.

— За компанію? сказалъ онъ, обращаясь къ Винорѣцкому.

— Нѣтъ, увольте, Сила Ивановичъ!

Ротмистръ посмотрѣлъ на своего собесѣдника съ сожалѣніемъ, покачалъ головою и затянулся большимъ количествомъ дыму.

— Бабье! проговорилъ онъ.

Въ эту минуту вокругъ хаты раздался лошадиный топотъ, стукъ колесъ и громкіе голоса.

— Это мои ребята собираются къ обѣду, молвилъ Сила Ивановичъ.

Въ квартиру Холдунова вошли четыре офицера въ сюртукахъ безъ эполетъ, по домашнему, и, поздоровавшись съ хозяиномъ, удивились пріѣзду Винорѣцкаго, котораго, впрочемъ, встрѣтили радушно. Холдуновъ объявилъ только, что Винорѣцкій стоитъ близко со взводомъ и пріѣхалъ просить шестой эскадронъ на новоселье. Колотушка зналъ свое дѣло, принесъ водки, нѣсколько сельдей, кусокъ ветчины и цѣлый пукъ чубуковъ. Офицеры усѣлись. Пока завтракъ не былъ оконченъ, шли краткіе разспросы, а когда у всѣхъ задымились трубки, разговоръ принялъ оборотъ, какой онъ принималъ всегда при встрѣчѣ шестоэскадронцевъ съ чужими офицерами. Посыпались насмѣшки надъ волокитами, на которыя Винорѣцкій отвѣчалъ, подшучивая надъ кутилами; но какъ послѣднихъ было пять

противъ одного, то понятно, за кѣмъ оставалась побѣда. Такъ прошло время, пока ротмистръ доѣхалъ до Полтавы, и когда Колотушка прозвонилъ въ послѣдній разъ, Холдуновъ велѣлъ подавать обѣдать. За трапезой воды не полагалось, а стояло въ большихъ кувшинахъ сантуринское вино, довольно крѣпкое и очень дешевое, которое, по выраженію Силы Ивановича, »и въ мозгахъ забирало и кармана не разстроивало«. Послѣ обѣда Холдуновъ не предпринималъ уже никуда путешествія изъ Полтавы, разсчитывая на шампанское Винорѣцкаго; однако, чтобы не разстроивать обычнаго порядка вещей, приказалъ приготовить легкую пуншацію. Винорѣцкому это не очень нравилось, но, какъ мы уже сказали, онъ желалъ заслужить расположеніе Силы Ивановича, и, скрѣпя сердце, рѣшился принести себя въ жертву.

— Какіе прикажете пунши, в. б—іе, спросилъ Колотушка: — будничные, праздничные, торжественные или холдуновскіе?

Сила Ивановичъ съ улыбкой сожалѣнія посмотрѣлъ на Винорѣцкаго.

— Дѣлать нечего, давай будничные, сказалъ онъ: — видишь, у насъ гость моднаго воспитанія, а я, какъ хозяинъ, долженъ быть внимателенъ.

— Значитъ, чай наливать до половины.

— Болванъ! не знаешь что ли! Или нѣтъ, Колотушка, распорядись иначе: поручику Винорѣцкому будничный, гг. офицерамъ праздничный, а мнѣ торжественный.

— Слушаю, ваше благородіе!

— Нѣтъ ужъ лучше мнѣ мой собственный —холдуновскій: что канитель тянуть!

— Слушаю, Сила Ивановичъ!

— Да вѣдь и у Винорѣцкаго же, надѣюсь, будутъ подавать не гусиное шампанское, замѣтилъ корнетъ Мухорчиковъ.

— Что-о-о?

Корнетъ смѣшался.

— Не думаешъ ли ты записываться въ бабы?

— Не то, Сила Ивановичъ, а вечеркомъ бы лучше тово....

— Да много ли же ты выпилъ, что боишься спасовать? Рюмки три, четыре водки, стакановъ пять, шесть вина, и можетъ быть, достанется два, три пунша, и то лишь праздничныхъ. А хочешь, такъ и тебѣ велю подать будничный, сдѣлай одолженіе.

— Нѣтъ, Сила Ивановичъ, я такъ....

— То-то.

Черезъ нѣсколько минутъ Колотушка внесъ дымившіеся пунши на подносѣ и поставилъ на столъ. Въ одномъ стаканѣ была ложечка, который и предложили Винорѣцкому, какъ слабѣйшій. Сила Ивановичъ взялъ свою кружку, а остальные были разобраны прочими офицерами. Недовѣрчиво хлебнулъ Винорѣцкій изъ своего стакана и сдѣлалъ невольную гримасу, потому что для непривычнаго человѣка и этотъ пуншъ казался необыкновенно крѣпкимъ.

У Холдунова пунши различались по степенямъ: будничный — половина чаю, половина рому, праздничный — три-четверти рому, торжественный—нѣсколько ложечекъ чаю, а холдуновскій — какъ есть ромъ голякомъ, только съ примѣсью мелкаго сахару.

Послѣ двухъ стакановъ будничнаго пуншу, выпитыхъ тотчасъ послѣ обѣда, Винорѣцкій чувствовалъ тошноту и головокруженіе, между тѣмъ какъ шестоэскадронцы находились въ нормальномъ состояніи, и, по обыкновенію, разсказывали циническіе анекдоты. На дорогу Холдуновъ предложилъ выпить хорошей наливки, и часу въ четвертомъ все общество отправилось въ Бѣлокаменцы. Зная, съ кѣмъ предстояло дѣло, Винорѣцкій, кромѣ шампанскаго, приготовилъ еще и другихъ напитковъ, и когда послѣ ужина шестоэскадронцы садились на лошадей разъѣзжаться по домамъ, онъ опьянѣлъ совершенно, хотя пилъ весьма умѣренно, только для соблюденія приличія.

На другой день Винорѣцкій проснулся съ жестокой головной болью и далъ себѣ слово избѣгать подобныхъ попоекъ, хотя, для поддержанія хорошихъ отношеній съ шестымъ эскадрономъ, и невозможно было обойтись безъ жертвоприношеній Бахусу. Намочивъ темя и виски одеколономъ и усѣвшись за чай, онъ началъ обдумывать планъ своихъ дѣйствій, какъ ему поискуснѣе повести атаку на прекрасную и недоступную сосѣдку. Винорѣцкій давно уже упражнялся въ волокитствахъ, влюблялся болѣе двадцати разъ въ жизни, страдалъ за чужими женами, которыхъ берегли ревнивые мужья, заводилъ интриги съ пансіонерками и всегда и вездѣ успѣвалъ, не встрѣчая непреодолимыхъ препятствій. Случалось, что его не принимали въ иныхъ домахъ, но это уже впослѣдствіи — во время или по окончаніи развязки романа, потому что онъ необыкновенно искусно велъ самую трудную и для другаго безнадежную

интригу. Избалованный успѣхами, Винорѣцкій до такой степени предался своей профессіи, что для него было жестокимъ лишеніемъ провести одинъ мѣсяцъ безъ волокитствъ, и онъ постоянно въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ ухаживалъ за хорошенькими. Подъ часъ платоникъ, чаще матеріалистъ, иногда то и другое вмѣстѣ, онъ, однакожъ постоянно преслѣдовалъ одну цѣль — уклоняться отъ женитьбы, и если только замѣчалъ, что на него имѣли серьезные виды — а это случалось часто—тотчасъ же ловкимъ маневромъ оканчивалъ атаку и »перемѣнялъ направленіе«. Съ каждымъ годомъ женитьба представлялась ему въ болѣе ужасающемъ видѣ, а въ описываемое время онъ, кажется, не женился бы на первой въ свѣтѣ красавицѣ, собственно чтобъ не потерять свободы и возможности ухаживать за каждой интересной особой.

У него уже были, какъ онъ называлъ, »любовишки« въ двухъ мѣстахъ, и онъ разсчитывалъ, если не представится лучшее, убить кое-какъ время до зимы, а тамъ съѣздить въ Москву или въ Одессу пожуировать въ болѣе обширномъ размѣрѣ. Встрѣча съ Наташей измѣнила это предположеніе. Винорѣцкому еще никогда не представлялась такая хорошенькая дѣвушка и, главное, воспитанная въ четырехъ стѣнахъ, никого не видавшая, выросшая въ совершенномъ невѣдѣніи. Послѣднее обстоятельство еще болѣе подстрекало Винорѣцкаго начать романъ, обѣщавшій такую лакомую побѣду, для достиженія которой требовалось столько хитрости завязать знакомство. Объ открытомъ посѣщеніи дома Балгановой и думать было нечего, слѣдовательно оставалось только одно средство—встрѣча у озера; но какъ Наташа приходила туда въ сопровожденіи прислуги, то и требовалось дѣйствовать съ большою осторожностію. Въ тотъ же день Винорѣцкій рѣшился сдѣлать рекогносцировку мѣстности и, вскинувъ ружье на плечи, отправился по направленію къ озеру.

Версты за двѣ отъ Бѣлокаменецъ, черезъ поле, на которомъ изрѣдка еще стояли неубранныя копы хлѣба, подымался высокій лѣсъ по границѣ — ской губерніи. Осень начала уже расписывать своими красками разнообразныя породы деревьевъ, составляющихъ лѣса на Украйнѣ, и когда Винорѣцкій вышелъ на поляну, ему представилась чрезвычайно живописная картина. Группы кленовъ, берестовъ, ясеней, дикихъ грушъ и яблонь, группы осинъ, березъ, все это было покрыто разноцвѣтными листьями, которые, увядая, принимали колера каждый сообразно съ своей породой. Полюбовавшись нѣсколько минутъ

дикимъ сельскимъ пейзажемъ, Винорѣцкій спросилъ у пастуховъ дорогу къ Зимницамъ и пошелъ черезъ большой лѣсъ по указанной тропинкѣ. Благовѣстъ, раздававшійся впереди, служилъ ему указателемъ, и скоро Винорѣцкій очутился во владѣніяхъ Марьи Семеновны Балгановой. Дикія утки стаями неслись надъ его головою, и по направленію ихъ полета онъ догадывался о близости искомаго мѣста. Завидя голубые куполы церкви съ золотыми звѣздами, ему уже нетрудно было выйти къ берегамъ пустыннаго озера. Довольно большое водное пространство по опушкѣ лѣса окружено было густыми кустарниками и много еще сохранило прелести, потому что между увядавшими листьями алѣли роскошныя вѣтки калины. Пологіе берега, поросшіе зеленой травой, были ровны и чисты. словно о нихъ заботилась рука опытнаго садовника, а на южной оконечности нѣсколько плакучихъ ивъ спускали свои вѣтви прямо въ воду. Будь Винорѣцкій охотникъ въ душѣ, онъ присѣлъ бы гдѣ нибудь за кустами и пустилъ зарядъ въ стадо дикихъ утокъ, полоскавшихся по срединѣ озера; будь онъ простой любитель природы, онъ остановился бы полюбоваться живописнымъ видомъ поэтическаго уголка; но онъ прежде всего былъ волокита, и потому, не обращая вниманія на утокъ, которыхъ испугалъ своимъ появленіемъ, и на красоты пейзажа, поспѣшилъ обойти берега, чтобъ угадать любимое мѣсто Наташи. Винорѣцкій искалъ недолго: измятая трава, нѣсколько нитокъ гаруса и какой-той лоскутокъ, вѣроятно отъ легкаго кисейнаго платья, послужили ему указателемъ. Дѣйствительно, трудно было выбрать болѣе поэтическое мѣсто на всѣмъ прибрежьи. Съ одной стороны, къ самому озеру склонялись кусты калины и шиповника, съ другой открывался видъ на все зарѣчье, тянувшееся вдаль со всѣми своими живописными подробностями. Но Винорѣцкаго опять таки занимали не красы природы: онъ придумывалъ средство завязать знакомство съ Наташей, увѣренный напередъ, что удалось бы только поговорить ему съ нею, а въ успѣхѣ сомнѣнія не было. И волокита рѣшилъ предварительно написать письмо, отнести самому къ озеру, положить въ извѣстномъ мѣстѣ и тутъ же гдѣ нибудь неподалеку въ кустарникѣ ожидать результата. Зимницкій священникъ передалъ ему подробно образъ жизни Наташи, такъ что онъ смѣло могъ разсчитывать, часу въ двѣнадцатомъ утра, на встрѣчу съ интересной сосѣдкой. Оставалось приготовить письмо, которое могло бы подѣйствовать на дѣвушку, выросшую въ затворничествѣ, и это было главною заботою Винорѣцкаго. Возвра-

тясь на квартиру, онъ цѣлый вечеръ ломалъ голову и, не прежде какъ изорвавъ нѣсколько писемъ, согласился, наконецъ, на послѣднюю редакцію. Послѣ этого онъ переписалъ пламенное посланіе на раздушенномъ листкѣ бумаги съ виньеткой, изображавшей крестъ, якорь и сердце — эмблему, такъ нравившуюся провинціальнымъ барышнямъ.

Не будемъ передавать содержанія письма, смыслъ котораго весьма понятенъ, но приведемъ постскриптумъ, заключавшійся въ слѣдующихъ строчкахъ:

»Въ то время, когда небесные глазки ваши пробѣгаютъ эту страницу, несчастный, который рѣшился оскорбить васъ своимъ признаніемъ, будетъ, между жизнью и смертію, находиться въ калиновыхъ кустахъ, на сѣверной оконечности озера. Если въ васъ есть капля жалости, малѣйшая искра участія къ молодому безумцу, придите на одну только секунду, чтобъ я услышалъ ангельскій вашъ голосъ, хотя бы онъ изрекъ мнѣ вѣчное изгнаніе. О, есть какая-то роковая сила, которая мнѣ сулитъ или цѣлый рай блаженства, или адъ, исполненный самыхъ беззавѣтныхъ, стихійныхъ мученій«.

Читатель настоящаго времени, конечно, усумнится, чтобы образованные люди могли нести такую ерунду, но я скептиковъ отсылаю къ чувствамъ и разговорамъ героевъ Марлинскаго. Даже въ болѣе позднѣйшую эпоху, человѣкъ, повидимому образованный и говорившій хорошо, толково, какъ только брался за перо, тотчасъ становился на ходули и считалъ обязанностію пороть высокопарнѣйшую дичь, убѣжденный, что нельзя поступить иначе. Впрочемъ, если разсмотрѣть любовныя письма даже въ наши дни, то, надо правду сказать, не каждое изъ нихъ обойдется безъ ерунды, какъ бы узаконенной при этого рода эпистолахъ.

Когда, переписавъ письмо, Винорѣцкій прочелъ его еще разъ, онъ очень остался доволенъ своимъ произведеніемъ и, запечатавъ печатью, на которой вырѣзаны были накрестъ два пистолета и надъ ними слова: »за оскорбленіе«, на конвертѣ онъ просто надписалъ: »à mademoiselle Nathalie«, и легъ спать въ отличномъ расположеніи духа.

Какъ нарочно, на другой день утро было великолѣпное. Наташа, привыкшая вставать рано, окончила часамъ къ десяти всѣ свои занятія и попросилась у тетушки погулять на озеро. Разумѣется, отказа не послѣдовало; но съ нею отрядили обычный конвой изъ булочницы и Порфирія, которымъ дана была болѣе строгая инструкція относительно возмож-

ности встрѣчи съ военными и подтверждено не отпускать барышню ни на шагъ, дѣйствуя именемъ Марьи Семеновны. Послѣ визита Винорѣцкаго старушка потревожилась, и хоть она крѣпко была увѣрена въ прочности принциповъ, внушенныхъ племянницѣ, и не боялась со стороны послѣдней важныхъ отступленій, однако считала обязанностью устранять и малѣйшіе поводы къ соблазну молодой дѣвушки. Тревога ея вытекала чисто изъ инстинкта, потому что самый трудный пасьянсъ удавался ей нѣсколько разъ сряду, когда она задумывала о безопасности племянницы.

Захвативъ романъ Жоржъ-Санда и запасшись вязаньемъ и фруктами, до которыхъ она была большая охотница, Наташа съ какимъ-то тайнымъ предчувствіемъ отправилась къ озеру дикихъ розъ, въ сопровожденіи неизмѣнныхъ провожатыхъ. Глухая булочница и старый Порфирій едва успѣвали слѣдовать за нею, такъ что дѣвушка принуждена была умѣрять шаги свои изъ состраданія къ смиреннымъ и добродушнымъ спутникамъ. Но на полдорогѣ она далеко оставила ихъ за собою. Нѣсколько дней уже дѣвушку волновало новое безотчетное ожиданіе чего-то лучшаго, и ей смутно представлялась возможность встрѣчи съ хорошенькимъ офицеромъ. Перечитавъ такъ много романовъ, въ которыхъ происходили самыя необыкновенныя происшествія, Наташа была убѣждена, что все это случалось непремѣнно и что ничего нѣтъ легче завязать свой собственный романъ, какими бы дѣвушка ни была окружена неблагопріятными обстоятельствами. Она уже давно сознала несостоятельность нравоученій тетушки и наставницы, очень хорошо видѣла всѣ ухищренія извратить ея натуру, и если продолжала играть роль покорной, пассивной жертвы по наружности, то готова была при первомъ случаѣ промѣнять ее на роль какой нибудь героини. Винорѣцкій ей очень понравился; красивое, выразительное лицо его глубоко врѣзалось ей въ память, и Наташа, кромѣ естественнаго влеченія къ молодому человѣку, почувствовала къ нему любовь еще и вслѣдствіе постоянной экзальтаціи, возбужденной чтеніемъ книгъ, въ которыхъ многое оставалось для нея непонятнымъ. Несмотря на знакомство съ французской беллетристикой, Наташа всетаки не имѣла ни малѣйшаго понятія о жизни, и какъ изъ всѣхъ чувствъ человѣческихъ знакомѣе всего ей была любовь, да и то по описаніямъ нерѣдко разнорѣчивымъ, какъ, напримѣръ, у Жоржъ Санда и у Поль де-Кока, то всѣ помыслы и желанія ея стремились только къ одному — любить и быть

любимой до высочайшаго героизма. Прiѣздъ Винорѣцкаго не казался ей случайнымъ: она вѣрила, что это былъ тотъ идеалъ, который назначенъ ей судьбою, та половина души, которая, по утвержденiю поэтовъ, томилась и страдала въ поискахъ за другой половиной. Проникнутая подобнымъ убѣжденiемъ, Наташа нимало не сомнѣвалась, что Винорѣцкiй хоть видѣлъ ее сквозь окно и не сказалъ съ ней ни слова, однако отгадалъ близкое присутствiе родной души и долженъ искать случая встрѣтиться съ нею, несмотря ни на какiя препятствiя. Однимъ словомъ, она начинала жить тревожной жизнью молодости и предавалась уже не безплоднымъ фантазiямъ, а лелѣяла надежду, осуществленiе которой не казалось ей невозможнымъ.

Весело напѣвая какой-то мотивъ, приближалась Наташа къ озеру и, дойдя до кустарниковъ, бѣгомъ пустилась по знакомой тропинкѣ, но, достигнувъ берега, прiостановилась, чтобъ не испугать дикихъ утокъ, которыя плавали посрединѣ. Какъ нарочно, въ этотъ день дичи было множество, и молодая дѣвушка, позабывъ свои мечты, развлеклась при видѣ красиваго пейзажа, хотя видѣла его чуть не каждый день. Чистое озеро лежало невозмутимой гладью, въ которой, опрокинувшись, обрисовывались прибрежные кусты, увѣнчанные пунцовыми кистями калины. Вокругъ была тишина, только на противоположномъ берегу, на высокой сухой вѣтви дуба, сидѣлъ дикiй голубь и оглашалъ окрестность грустнымъ воркованьемъ своимъ, которое издали походитъ на отрывистые стоны. Машинально пошла Наташа на свое любимое мѣсто и тихо опустилась на траву, подъ тѣнью роскошнаго кустарника. Бросивъ на землю рабочiй ящикъ и собираясь достать книгу, она вдругъ замѣтила письмо и невольно задрожала; но прежде, чѣмъ схватить его, она оглянулась удостовѣриться, далеко ли ея спутники. Секунда — и письмо было въ ея рукахъ, на которомъ очень красиво и четко написано: »à m-lle Nathalie«. Вѣроятно, »онъ«, подумала Наташа и, спрятавъ драгоцѣнное посланiе за корсетъ, пошла по дорожкѣ назадъ, на встрѣчу своимъ провожатымъ. Старики только еще подходили къ озеру. И булочница, и Порфирiй, исполняя букву приказа, слѣдовали какъ могли за барышней, но, достигнувъ обѣтованной земли и, разумѣется, уставши послѣ невольной прогулки, садились тутъ же гдѣ нибудь подъ кустами, вынимали какiя нибудь лакомства, дружелюбно ѣли и потомъ все время проводили въ игрѣ въ свои козыри. Дождавшись вожделѣнной ми-

нуты, когда Порфирій вынулъ колоду засаленныхъ картъ, и партнеры, послѣ долгихъ споровъ, выбрали козырей, Наташа, чувствуя попеременно то жаръ, то ознобъ, отправилась на свое мѣсто, сѣла на траву и съ усиленнымъ біеніемъ сердца сорвала печать съ таинственнаго посланія. Нѣсколько минутъ не могла читать она: ровныя, мелкія строчки такъ и рябили въ глазахъ, тѣмъ болѣе, что она разомъ хотѣла схватить содержаніе. Но вотъ, мало по малу, взоръ ея прояснился и она пробѣжала и письмо, и постскриптумъ. Лицо ея, раскраснѣвшееся отъ прогулки и отъ волненія, просвѣтлѣло, и она съ какимъ-то удовольствіевъ, къ которому примѣшивался испугъ, взглянула направо. Она не ошиблась: онъ, этотъ хорошенькій офицеръ, полюбилъ ее и прямо въ своемъ письмѣ говоритъ, что она та самая половина души, которую онъ отыскивалъ по свѣту, мучимый сомнѣніемъ и печалью. Первымъ движеніемъ Наташи было бѣжать поскорѣе навстрѣчу Винорѣцкому; но вдругъ блеснула ей мысль: »а если онъ меня обманываетъ!« Мысль эта была очень естественна въ дѣвушкѣ, знакомой съ любовной литературой, хоть она и не могла выяснить себѣ, что собственно называлось обманомъ, а въ особенности обольщеніемъ. Но восторгъ быть любимой, и именно тѣмъ, кого она сама любила, поглотилъ всѣ предположенія, и Наташа быстро встала со своего мѣста. Но она не прямо пошла къ сѣверной оконечности озера. Въ ней уже пробудились хитрость и осторожность, которыя повели ее прежде въ противоположную сторону — показаться своимъ спутникамъ и усыпить съ ихъ стороны всякое подозрѣніе. Она объявила имъ, что кругомъ обойдетъ озеро. Провожатые предоставили ей полную свободу, занятые своей игрой, дошедшей до высшей степени интереса, именно когда съ одной стороны требовались осторожность и хладнокровіе къ достиженію побѣды, а съ другой искусство воспользоваться ошибкой своего противника, чтобы избѣгнуть окончательнаго пораженія.

Наташа пошла поспѣшными шагами вдоль озера и чѣмъ ближе достигала цѣли, тѣмъ больше усиливалось ея волненіе, такъ что когда она поравнялась почти съ кустами калины, образовавшими густую отдѣльную группу, бодрость ее оставила и во всемъ тѣлѣ проявились симптомы лихорадки. Слегка раздвинувъ вѣтки, въ новенькомъ сюртукѣ и блестящихъ эполетахъ, стоялъ предъ нею Винорѣцкій, со сложенными на груди руками, съ умоляющими взорами, и въ этой позѣ тихо опустился на колѣни.

На другой день Винорѣцкій не успѣлъ еще проснуться, какъ въ хату къ нему вошелъ эскадронный его командиръ, и какъ въ полку была вообще примѣняема къ дѣлу поговорка »дружба дружбой, а служба службой«, то ротмистръ, отказавшись отъ чаю, объявилъ, что прежде желаетъ осмотрѣть взводъ, и предложилъ поручику показать ему свою часть со всѣми подробностями.

Часа два продолжался осмотръ взвода. Гребецкій остался вполнѣ доволенъ. Двѣ или три лошади нашелъ онъ не въ должномъ порядкѣ, но даже не очень разсердился, далъ только два раза въ зубы вахмистру, да одного солдата велѣлъ высѣчь, за то всѣмъ остальнымъ изъявилъ благодарность и остался въ отличномъ расположеніи духа.

— Г. поручикъ, пожалуйста, наблюдайте за этими мерзавцами: они всегда у меня портятъ эскадронъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Винорѣцкому и указывая на провинившихся подчиненныхъ.

— Съ самаго начала командованія взводомъ я обратилъ на нихъ вниманіе, г. ротмистръ, и рѣдкій день проходитъ, чтобъ я не велѣлъ ихъ наказывать за малѣйшее упущеніе.

— И прекрасно дѣлаете. А ты, вахмистръ, держи ухо востро, потому что если уже вашего брата наказываютъ, то дѣло не обходится десятками и сотней, а будетъ хорошая ариѳметика. Слышишь?

— Слушаю, в. б—іе!

— Васъ разбаловалъ корнетъ Жолтиковъ, такъ что поручику теперь нелегко съ вами справиться, но я вѣдь тоже стою въ шести верстахъ. Ты понимаешь?

— Понимаю, в. б—іе!

— Ну, ступай! А этого подлеца изъ второй шеренги привесть во дворъ къ поручику.

— Осмѣлюсь спросить в. б—іе, когда прикажете?

— Сію же минуту. Хорошаго дѣла никогда не должно откладывать.

— Больше никакихъ приказаній?

— Ступай!

— Счастливо оставаться, в. б—іе!

— Теперь, Владиміръ Андреевичъ, — сказалъ Гребецкій — пойдемъ къ вамъ: я чертовски хочу выпить стаканъ чаю и затянуться.

Чрезъ десять минутъ ротмистръ съ поручикомъ сидѣли за столомъ, установленнымъ чайными принадлежностями.

— Ну-съ, оберъ-гофъ волокита, какъ называетъ васъ незабвенный Сила Ивановичъ, каково идутъ дѣлишки?

— Только что начались. А вотъ вы прежде, Петръ Степановичъ, разскажите относительно своей блондинки.

Ротмистръ улыбнулся.

— Ничего, бредетъ. Третьяго дня все время послѣ обѣда пробылъ.

— Что-жъ, образовываете понемногу?

— Брыкается, братъ, и все будто не понимаетъ; вчера, однакожъ, усадила меня за фортепьяно и учила по пальцамъ превосходный романсъ: »шарфъ голубой«.

— У насъ его отлично поетъ поручикъ Булавкинъ.

— Я на голосъ знаю и слова вытвердилъ, да акомпанеманъ труденъ.

— Ничего, блондинка выучитъ. Вы хотя и говорили, Петръ Степановичъ, что не думаете жениться, а видно...

— Вотъ вздумалъ! На кой чортъ мнѣ жениться! Ужъ еслибъ пришлось разстаться съ волюшкой, такъ, по крайней мѣрѣ, знать за что, а за ней всего тысячъ шесть, да и то говорила тетка.

— Маловато, чортъ возьми! А блондиночка лакомый кусочекъ.

— Нешто. Но блондинка сама собою, а вотъ, я вамъ скажу, къ намъ въ село прiѣхала гостить къ попу свояченица, такъ просто бутончикъ.

— И Петръ Степановичъ, конечно, закидываетъ издали удочку.

— Не удалось. Тамъ ежедневно бываетъ въ гостяхъ корнетъ Сосульковъ и, вѣроятно, вскружитъ голову дѣвченкѣ.

— Жаль что мнѣ некогда, а я постарался бы оставить Сосулькова съ носомъ, какъ помните на Волыни, когда онъ проигралъ пари.

— Да ужъ съ вами плохо тягаться — это всѣмъ извѣстно... Однако что же, Винорѣцкiй, насчетъ недотроги то?

— О, какая прелесть! Еслибъ вы увидѣли, Петръ Степановичъ! Согласитесь, что встрѣчалъ ужъ я хорошенькихъ на вѣку довольно, но, какъ благородный офицеръ, говорю, такой еще не попадалось.

— Дѣвушка образованная?

— Сколько можно судить по первому разговору, образованная, но рѣшительно ничего не видала въ жизни.

— Счастливецъ! А богатая?

— Говорятъ, очень.

— Ну, такъ зѣвать нечего.

Винорѣцкій помолчалъ съ минуту.

— Вы знаете, у меня свои понятія о женитьбѣ, Петръ Степановичъ, сказалъ онъ, прихлебывая чай изъ стакана. — Не такая моя доля. Не знаю, что изъ меня будетъ лѣтъ за тридцать, но теперь самая мысль о женитьбѣ деретъ меня словно морозъ по кожѣ.

— Ну, я никогда непрочь: попадись мамочка съ хорошимъ приданымъ. Однако, вы, значитъ, уладили съ этой теткой.

— О, нѣтъ, я познакомился прямо съ барышней и вступилъ уже въ дружбу.

— Ого! Пожалуйста, разскажите.

— Очень просто: узналъ, гдѣ она гуляетъ въ окрестности, положилъ нѣжное письмо, барышня прочла...

— Экой угаръ.

— Первое свиданіе, какъ водится, было очень глупо. Я поролъ ужаснѣйшую дичь о сродствѣ душъ, о магнетизмѣ взоровъ, о томъ, что видѣлъ ее въ мечтахъ еще ребенкомъ...

— А она?

— Развѣся уши, слушала, да восторгалась чистой дружбой... А глазенки горятъ, и отъ нея такъ и пышетъ жаромъ.

— Ну? спросилъ ротмистръ.

— Разумѣется, на первыхъ парахъ я поудержался и только поцѣловалъ ручку. Нельзя же пугать сначала такую молоденькую простушку.

— Счастливецъ вы, Винорѣцкій!

— Все это хорошо, да вотъ кончается осень, придетъ зима — гдѣ я буду видаться? Вѣдь тетка, старая вѣдьма, никого не принимаетъ.

— Скверная штука, въ самомъ дѣлѣ!

— Только, Петръ Степановичъ, пожалуйста, никому не разсказывайте. Я пока хочу сохранить въ тайнѣ свои похожденія.

— Э, братъ, мое ли это дѣло! Вы малый хорошій, исправный офицеръ, мнѣ никогда не перебивали вакансіи въ волокитствахъ. Я серьезно сожалѣю, что вамъ, значитъ, нельзя будетъ видаться съ своей мамочкой.

— »Авось« великій человѣкъ. Можетъ быть, и подвернется какой-нибудь случай.

Поговоривъ еще немного и напившись порядкомъ чаю, ротмистръ уѣхалъ на обѣдъ прямо къ своей блондинкѣ.

Проводивъ своего эскадроннаго командира и одѣвшись какъ можно щеголеватѣе, Винорѣцкій отправился поспѣшными шагами къ озеру дикихъ розъ, на свиданіе съ Наташей, которая дала ему слово выходить каждый день въ извѣстное время. На этотъ разъ онъ не обращалъ уже ни малѣйшаго вниманія на великолѣпный пейзажъ и весело мечталъ о предстоявшей встрѣчѣ съ хорошенькой дѣвушкой, которая, кромѣ инстинктивной, можетъ быть, робости, не имѣла другой защиты. Но, надо сказать правду, какъ ни былъ самъ увлеченъ Винорѣцкій, какъ ни лакома и соблазнительна представлялась ему побѣда, однако осторожность боролась еще въ немъ съ этимъ заманчивымъ увлеченіемъ. Не то, что ему хотѣлось продлить періодъ неопредѣленныхъ отношеній, а онъ полагалъ, что быстрымъ переходомъ отъ поэтическихъ фантазій къ болѣе прозаическимъ стремленіямъ онъ могъ испугать дѣвушку и пробудить въ ней невольное недовѣріе. Ему также пришелъ на мысль недавній разговоръ съ ротмистромъ и намекъ послѣдняго о женитьбѣ. Но Винорѣцкій улыбнулся при этомъ. Женитьба, какъ мы уже выше сказали, представлялась ему такимъ стѣсненіемъ свободы, что онъ твердо рѣшился избѣгать ея, несмотря ни на какую приманку. Наконецъ, какъ бы ни пришлось ему влюбиться въ Наташу, онъ зналъ, что любовь эта пройдетъ, стоитъ только завязать ему съ нею болѣе интимныя отношенія, а Винорѣцкій сознавалъ, что у него никогда постоянства не могло хватить на продолжительное время. Изъ матеріальныхъ же разсчетовъ жертвовать свободой онъ не имѣлъ надобности, потому что былъ обезпеченъ, и, не взирая на то, что уже обманулъ не одну дѣвушку, считалъ безчестнымъ проматывать женино состояніе.

Предавшись мечтамъ о свиданіи, манившемъ его новизною ощущеній, Винорѣцкій скоро очутился у озера и, справясь съ часами, которые показали условленное время, осторожно выглянулъ изъ кустарниковъ. Наташи еще не было. Пользуясь этимъ случаемъ, Винорѣцкій набилъ коротенькую трубочку, закурилъ ее и прилегъ на траву убить несносное время ожиданія. Но кейфъ его не былъ спокоенъ: каждый шорохъ заставлялъ молодаго человѣка прислушиваться, и Винорѣцкій безпрестанно высматривалъ изъ своей засады, ожидая увидѣть стройную фигуру хорошенькой дѣвушки. Прошло полчаса, прошелъ, наконецъ, часъ, въ теченіе котораго, чтобъ обмануть время, Винорѣцкій обошелъ вокругъ озера, и всетаки напрасно было его ожиданіе. Онъ рѣшился сидѣть на берегу, съ котораго

виднѣлся садъ Балгановой, и оттуда наблюдать появленіе Наташи. Но на всемъ пространствѣ никого не было, и только ближе къ Зимницамъ по полю проѣзжали возы со снопами, да проходили пѣшіе крестьяне, а у озера носились лишь стаи дикихъ утокъ. Истомясь напраснымъ ожиданіемъ, которое рождаетъ всегда дурное расположеніе духа, и одолѣваемый голодомъ, Винорѣцкій далъ себѣ сроку до двухъ часовъ; однако, и это время прошло безъ желаемыхъ послѣдствій. Онъ порывался уже было пойти въ Зимницы наудачу съ мыслью, не замѣтитъ ли его изъ саду Наташа, но одумался, что можно испортить все дѣло, и, скрѣпя сердце, потянулся домой, недоумѣвая о причинѣ, помѣшавшей назначенному свиданію.

Причина, впрочемъ, была если не важная, то неожиданная. Утромъ того дня, когда Марья Семеновна, послѣ утренняго кофе, начала раскладывать въ залѣ самый трудный пасьянсъ, а Наташа сидѣла за фортепьяно и, машинально разбирая какую-то симфонію, мечтала о скорой прогулкѣ къ озеру, у порога остановился прикащикъ и тихимъ кашлемъ давалъ знать о своемъ присутствіи. Онъ могъ бы кашлять цѣлый день и остаться не замѣченнымъ, потому что съ первыхъ же картъ старуха увидѣла огромныя препятствія къ выходу пасьянса, но Наташа вывела прикащика изъ затрудненія и доложила о немъ тетушкѣ.

— А, здравствуй, Матвѣй! сказала Марья Семеновна, положивъ карты на столъ, потому что считала долгомъ своимъ вмѣшиваться во всѣ хозяйственныя распоряженія, хотя и не имѣла объ этомъ ни малѣйшаго понятія.

— Маленькое несчастіе, сударыня!

— Ахъ Боже мой, что такое?

Наташа, въ свою очередь, перестала играть и прислушивалась.

— Ночью солдаты сѣно покрали.

— Какъ? Да вѣдь у насъ въ уѣздѣ ихъ не слышно.

— А недалеко въ —ской губерніи, въ дымогарскомъ уѣздѣ.

— И много сѣна?

— Стянули было много, да мы не дались въ обиду.

— Ну, и слава Богу.

— Только мы захватили у нихъ лошадь, и вотъ я пришелъ доложить, чтобъ вы были извѣстны.

— Богъ съ ними, Матвѣй! если наше сѣно цѣло, напрасно ихъ трогали.

— Помилуйте, сударыня, у насъ двухъ мужиковъ прибили.

Наташа начинала чувствовать тревогу при мысли, что, вѣроятно, тетушкѣ объяснится близкое сосѣдство Винорѣцкаго, и тогда могутъ возникнуть разныя препятствія.

— А близко стоятъ эти солдаты? спросила она у прикащика.

— Верстъ двѣнадцать, въ селѣ Грѣнкахъ. Мы узнали, ихъ старшій прозывается Холдуновъ. Надобно бы, сударыня, вамъ написать къ нему письмо.

— Ахъ, что ты, Матвѣй! съ какой стати мнѣ связываться съ военными.

— Нельзя же и такъ, сударыня: сегодня сѣно, завтра овесъ, и, какъ пойдутъ распоряжаться, будетъ плохо. Вѣдь мы не можемъ по всей степи ставитъ караульщиковъ. Хорошо, что молотники, идучи на хуторъ, набрели на нихъ возлѣ стога, а то, судите, двѣ повозки навалили, и еще двѣ были порожнія.

— Какъ это непріятно! А все-таки, Матвѣй, не надо бы ссориться. Не свести ли тебѣ самому лошади въ Грѣнки?

— Воля ваша, а безъ письма страшно.

Прикащикъ припомнилъ, что солдаты грозили приколотить, при случаѣ, рьяныхъ защитниковъ барской собственности,

— Ты не бойся, отъ моего имени попроси начальника, чтобъ его солдаты впредь не шалили, а лошадь отдай: не быть бы намъ въ отвѣтѣ.

— Сегодня, сударыня, никакъ не могу, развѣ завтра утречкомъ.

— Пусть лошадь накормятъ: она бѣдная невиновата, замѣтила Наташа.

— Обноковенно дали соломы.

— Нѣтъ ужъ вели дать сѣна, отозвалась Марья Семеновна: — а завтра утромъ отведи къ начальнику.

— Теперь, сударыня, надо беречься, сказалъ прикащикъ: — значитъ, они рыскаютъ по ночамъ. Сохрани Богъ какого случаю.

— Исправны ли у тебя сторожа на дворѣ?

— Будьте покойны: я завсегда наблюдаю. Это вѣдь конница: тутъ только береги овесъ и сѣно. Вотъ пѣхота, у той другіе порядки: тамъ, значитъ, ни овса, ни сѣна не требуется. Лѣтъ двадцать-пять назадъ стояли у насъ въ Зимницахъ, такъ мы знаемъ.

— Ну, ступай же, Матвѣй, да какъ нибудь доставьте эту лошадь въ Грѣнки, чтобъ не быть въ отвѣтѣ.

— По уходѣ прикащика, Марья Семеновна замѣтила Наташѣ:

— Теперь, милая, я не совѣтую тебѣ гулять къ озеру, а можешь сколько угодно ходить въ саду.

— Отчето же, маманъ? спросила Наташа съ особенной живостію.

— Видишь, несовсѣмъ безопасно.

— Какое же я имѣю отношеніе ко всему этому?

— Какъ нибудь можешь испугаться. Еслибъ еще мадамъ Було, а одной рѣшительно не позволю.

— Маманъ! погода стоитъ чудная, и я хотѣла бы воспользоваться послѣдними днями.

— Я не люблю, Наташа, когда ты просишь невозможнаго. Твоя обязанность повиноваться старшимъ. Ты не пойдешь къ озеру, пока не кончится дѣло съ этой лошадью. Въ саду гуляй хоть цѣлый день, а въ полѣ не позволю.

И Марья Семеновна устремила все свое вниманіе на пасьянсъ, первыя комбинаціи котораго сложились уже такъ, что требовалось все искусство направить дѣло къ благопріятному результату.

Запрещеніе прогулки печально подѣйствовало на Наташу, которая словно переродилась послѣ вчерашняго свиданія съ Винорѣцкимъ. Но воля тетки высказана была такимъ тономъ, что никакія просьбы, никакія представленія не могли имѣть успѣха, а, между тѣмъ, дѣвушка очень хорошо знала, что Вольдемаръ придетъ на берегъ озера. Наташа начала уже опасную игру съ опытнымъ волокитой, и это начало такимъ восторгомъ охватило ее, что продолженіе было неизбѣжно и представлялось ей въ самомъ обольстительномъ свѣтѣ. Она готова была заплакать при мысли огорчить Вольдемара, но подумала и, рѣшась завтра идти, во что бы то ни стало, къ озеру, превозмогла себя и безмолвно подчинилась тягостной необходимости. Послѣ этого соображенія въ Наташѣ явилась нѣкотораго рода хитрость полюбезничать съ теткой, и, не подавая вида, что отказъ огорчилъ ее, она подсѣла къ Марьѣ Семеновнѣ и довольно успѣшно помогала ей разсчитывать сложныя комбинаціи пасьянса. Добрая отъ природы старушка развеселилась, встрѣчая въ племянницѣ новыя способности, которыхъ она не подозрѣвала, и когда съ помощію послѣдней вышелъ головоломный пасьянсъ, Марья Семеновна предложила Наташѣ показать болѣе трудный въ двѣ колоды. Скрѣпя сердце и облегчая грудь тяжелыми вздохами, молодая дѣвушка прилежно изучала пріемы скучнѣйшаго изъ препровожденій времени, которому съ такимъ рвеніемъ предается по большей части отжив-

шее и неразвитое человѣчество. А между тѣмъ, часъ свиданія прошелъ, и дворецкій, обернувъ руку салфеткой, доложилъ, что кушанье подано.

У Марьи Семеновны, вообще, домашняя жизнь шла по часамъ, акуратно, какъ заведенная машина; одинъ разъ установленный порядокъ не нарушался ни въ какомъ случаѣ, и прислуга знала свои обязанности. Старушка любила покушать, ѣла съ толкомъ, съ разстановкой, и потому время ея обѣда длилось довольно долго, тѣмъ болѣе, что ежедневно готовили не менѣе пяти блюдъ, не говоря уже о праздникахъ. Не любившая ни въ чемъ излишества и роскоши, бывъ даже отчасти скуповата, Марья Семеновна за столомъ требовала нѣкотораго рода щегольства, и потому, во-первыхъ, бѣлье всегда подавалось чистое, во-вторыхъ, она не жалѣла ни серебра, ни хрусталя, ни дорогой посуды для ежедневнаго употребленія. Это была слабость старушки, и она такъ привыкла къ подобной обстановкѣ, что отлично приготовленное кушанье показалось бы ей невкуснымъ, еслибы подано было въ простой мискѣ и налито въ какую нибудь дрянную тарелку. Сообразно съ этимъ настроеніемъ, Марья Семеновна и на самый процессъ обѣда смотрѣла какъ на что-то серьезное и даже торжественное.

Къ столу дворецкій непремѣнно одѣвался въ ливрейный фракъ, ключница на особомъ столѣ разливала супъ, чисто одѣтый мальчикъ и хорошенькая горничная дѣвушка присутствовали тутъ же, первый для помощи дворецкому, послѣдняя лѣтомъ съ спеціальной цѣлью отгонять мухъ зеленой вѣткой, а зимою — на всякій случай.

Окончивъ свой супъ, Марья Семеновна замѣтила, что племянница и не притрогивалась къ своей тарелкѣ.

— Здорова ли ты, Наташа?

— Здорова, маманъ!

— Что же супу не кушаешь? Нехорошо, душечка: супъ всему обѣду фундаментъ. Вѣрно ты опять накушалась фруктовъ.

— Да, отвѣчала Наташа, краснѣя за явную ложь, но радуясь, что тетушка сама подсказала благовидную отговорку.

— Видишь, милая, что никогда не должно ослушиваться старшихъ, — сколько разъ я тебѣ говорила: не ѣшь до обѣда фруктовъ, не порть аппетита. Ты бы принудила себя скушать нѣсколько ложекъ супу, да съ хлѣбцемъ.

Волей-неволей Наташа принялась исполнять желаніе тетушки. Въ это время на дворѣ, подъ самыми окнами, раз-

дался громкій звонъ колокольчика. Марья Семеновна испугалась, Наташа вздрогнула и едва не уронила ложки, прислуга смотрѣла другъ на друга. Прежде всѣхъ опомнился дворецкій, поставилъ бифстексъ на столъ и поспѣшилъ въ переднюю, откуда слышался голосъ Порфирія:

— Барыня нездоровы и никого не принимаютъ.

— Ты мнѣ, лысый чортъ, не разсказывай вздору, говорилъ кто-то незнакомый — ступай и доложи барынѣ, что, молъ, пріѣхалъ ротмистръ Холдуновъ по дѣламъ службы.

Растерянный Порфирій явился передать порученіе пріѣзжаго.

— Какъ же я приму? хлопотала Марья Семеновна — еслибъ въ домѣ былъ мужчина...

— Это, вѣроятно, маманъ, насчетъ лошади, замѣтила шопотомъ Наташа, которая пришла въ себя, услыхавъ, что не Вольдемаръ пріѣхалъ.

Но прежде чѣмъ старушка успѣла отвѣтить, на порогѣ показалась низенькая, красноносая фигура Холдунова, въ сюртукѣ, съ огромной трубкой, и раскланялась со всей любезностію, на какую только былъ способенъ Сила Ивановичъ. Въ этотъ день ротмистръ совершилъ лишь небольшое путешествіе изъ Нѣжина въ Черниговъ — всего четыре перегона подъ именемъ простаго сивалдая, да выпилъ за обѣдомъ какихъ нибудь бутылки двѣ сантуринскаго.

— Имѣю честь рекомендоваться: Сила Ивановъ Холдуновъ, командиръ шестаго эскадрона. Извините, что обезпокоилъ.

— Мнѣ очень пріятно, отвѣчала, смѣшавшись, Марья Семеновна — не угодно ли садиться?

Но у ней тотчасъ же пробудился инстинктъ гостепріимства, и она не замедлила прибавить.

— Вѣроятно, вы еще не кушали.

— О, нѣтъ, сударыня, я вѣдь солдатъ и обѣдаю по христіански, ровно въ полдень, а вотъ если позволите...

И ротмистръ не договорилъ, потому что, окинувъ глазами столъ, не замѣтилъ ни рюмокъ, ни бутылокъ.

Наташа покраснѣла и подвинула ему графинъ съ водой.

Сила Ивановичъ засмѣялся.

— Я лѣтъ двадцать какъ не пью уже гусинаго шампанскаго, замѣтилъ онъ.

— Не прикажете ли вина? спросила Марья Семеновна.

— Вино веселитъ сердце человѣка, сударыня, отвѣчалъ Холдуновъ, который всѣми мѣрами старался быть любезнѣе

и, къ удивленію, удерживался отъ энергическихъ словъ, такъ и вертѣвшихся у него на языкѣ, по привычкѣ.

Дворецкому тотчасъ же отдано было приказаніе.

— Сдѣлайте милость, молвилъ Сила Ивановичъ, раскуривая свою трубку и пуская облака дыма въ комнатахъ, гдѣ, кажется, никогда еще не разносился запахъ табаку — обѣдайте, а я въ двухъ словахъ окончу дѣло.

Но у Марьи Семеновны исчезъ аппетитъ и ей поскорѣе хотѣлось отдѣлаться отъ нецеремоннаго гостя.

— Мальчикъ! подавать кушать барынямъ! скомандовалъ Сила Ивановичъ такимъ голосомъ, что мальчикъ тотчасъ же схватилъ бифстексъ и понесъ Марьѣ Семеновнѣ, хотя его обязанностію было: подавать горчицу, салатъ и т. п.

— Мы успѣемъ...

— Ничего, кушайте на здоровье. Я насчетъ лошадки, которую захватили ваши караульщики, продолжалъ Холдуновъ, придвигаясь къ столу и облокачиваясь.

— Ахъ, Боже мой, да я велѣла отвести къ вамъ лошадь; только прикащику было некогда.

— Мнѣ очень непріянто, что это случилось у меня въ эскадронѣ, и вотъ почему я рѣшился пріѣхать самъ лично, хоть, надо правду молвить, и не люблю, и не умѣю разговаривать съ барынями.

Наташа посмотрѣла на гостя съ изумленіемъ.

— Да и всѣ офицеры моего эскадрона одного со мною поля ягоды, продолжалъ Сила Ивановичъ: — рубиться, гарцовать мастера, пожалуй, и выпить разсудкомъ Богъ не обидѣлъ, а съ барынями не наше дѣло.

Въ это время буфетчикъ поставилъ передъ Холдуновымъ раскупоренную бутылку хересу и рюмку.

— Не угодно ли? сказала Марья Семеновна.

Ротмистръ отодвинулъ рюмку, взялъ безъ церемоніи стаканъ у Наташи, налилъ, выпилъ и крякнулъ.

— Induced Хересокъ ничего, молвилъ онъ, обтирая усы — и мы постараемся осушить его за ваше здоровье. Ну-съ! Вотъ я какъ узналъ, что мои негодяи пошалили у васъ на степи...

— Я не въ претензіи, поспѣшила заявить Марья Семеновна — только хотѣла написать вамъ письмо, чтобы ваши солдаты впередъ...

— Будьте покойны, сударыня! Я разобралъ дѣло и, вопервыхъ, пріѣхалъ извиниться, во-вторыхъ, съ покорнѣйшею просьбою.

— Увѣряю васъ, что лошадь приказано возвратить, и, если угодно, можете взять съ собою.

— Не то, сударыня! Разумѣется, лошадь казенная, но я пріѣхалъ нарочно показать вамъ, что не даю потачки своему эскадрону, и при васъ же высѣку своихъ негодяевъ.

— Ахъ, что вы, что вы! воскликнула въ испугѣ Марья Семеновна.

— Ничего, сударыня, долгъ службы.

— Я не въ претензіи.

— Но я въ претензіи. Помилуйте! пріѣхать воровать помѣщичье сѣно и пойматься такъ глупо, что отняли казенную лошадь...

— Я ихъ прощаю, Богъ съ ними! говорила встревоженная Марья Семеновна.

— Но я не прощаю, сударыня! Вотъ только изволите откушать, я ихъ накажу какъ лучше быть не надо. Они здѣсь.

— Бога ради, г. офицеръ, умоляю васъ.

— Э, полно, сударыня, вѣдь это по службѣ. Согласитесь, что нельзя же эскадронному командиру гладить по головкѣ за подобные поступки.

— Нѣтъ, избавьте меня... Да не угодно ли вамъ вина.

— Хересокъ очень недуренъ, говорилъ Холдуновъ, наливая въ стаканъ и смотря на свѣтъ. — Вы не извольте слишкомъ безпокоиться, а наказать накажу...

— Я васъ прошу, г. офицеръ: у меня никогда никого не наказываютъ.

— И дурно дѣлаете, сударыня! Посѣчь никогда не мѣшаетъ, а будешь спустя рукава, тебѣ же сядутъ на голову.

Наташа была словно на иголкахъ, и выраженіе страха не сходило съ лица ея.

— Посмотрите, какъ вы перепугали маманъ, рѣшилась она сказать Холдунову.

— Извините, пожалуйста.

— Будьте добры, простите своихъ солдатъ, упрашивала Марья Семеновна: — вы этимъ очень обяжете меня.

— Эти бабьи, или, извините, женскія нѣжности ни къ чему не ведутъ въ службѣ. Если вы ужъ такъ избалованы, что не можете слышать, какъ сѣкутъ негодяя, согласенъ, при васъ не буду, но въ эскадронѣ я не могу ихъ не высѣчь, потому что это необходимо для примѣра.

— Я попросила бы васъ...

— Ни за какія коврижки... Итакъ, сударыня, вы убѣждены, что сѣно таскали безъ моего приказанія.

— Помилуйте, могла ли я сомнѣваться.

— Въ такомъ случаѣ, за ваше здоровье, сказалъ Холдуновъ и налилъ стаканъ хересу. — Послѣ этого я могу васъ увѣрить, что ни одинъ шестоэскадронецъ не попадется. А въ случаѣ, если какой нибудь олухъ осмѣлится, вы только пришлите мнѣ сказать въ Грѣнки, и я ему задамъ такую баню, что небо съ овчинку покажется. Теперь не извольте безпокоиться.

— Благодарю васъ... Позвольте узнать имя и отчество.

— Сила Ивановъ, сударыня!

— Благодарю васъ, Сила Ивановичъ! Конечно, вы хотѣли наказать солдатъ изъ желанія удовлетворить мою претензію, но, какъ я уже сказала, не претендую ни на что — Богъ съ ними!

— Согласитесь, сударыня, что не всѣ же думаютъ подобно вамъ. Во-первыхъ, есть помѣщики, у которыхъ утащатъ вязанку сѣна, а они потребуютъ деньги за стогъ; во-вторыхъ, готовы подумать, что это по наущенію эскадроннаго командира.

— Я, слава Богу, ни то, ни другое, а живу смирно, въ уединеніи и никому зла не желаю.

— Тѣмъ болѣе мнѣ совѣстно, что я васъ обезпокоилъ. Можетъ быть, вы не любите трубки.

— Да... нѣтъ... я когда-то... мужъ мой курилъ, сказала, заминаясь и удерживаясь отъ кашля, Марья Семеновна, которая не терпѣла табачнаго дыма, но старалась не выводить гостя изъ хорошаго расположенія.

— Такая ужъ скверная привычка, сударыня: не успѣешь проснуться, вспомнишь ли лобъ перекрестить, а сосульку въ зубы.

— Да вѣдь вы военные. Не угодно ли вамъ пирожнаго?

И Марья Семеновна положила Холдунову на тарелку нѣсколько бисквитовъ, облитыхъ битыми сливками. Сила Ивановичъ съѣлъ пару, оставивъ на усахъ слѣды крема.

— Не солдатская ѣда, замѣтилъ онъ.

— А можетъ быть, выкушаете съ нами кофе?

— Какъ вамъ сказать! Еслибы можно убить медвѣдя — пожалуй.

Старушка вопросительно посмотрѣла на гостя.

— Ха, ха, ха! вы не понимаете. Медвѣдь значитъ кофе съ ромомъ.

— Ахъ, Боже мой, право, не знаю, есть ли у насъ. Спиридонъ! нѣтъ ли у тебя тамъ рому?

— Есть полбутылки, сударыня, отвѣчалъ буфетчикъ: — господинъ предводитель всегда кушаютъ съ чаемъ.

— Ну, такъ подай же поскорѣе, да чтобы сварили кофе побольше.

— Вотъ это дѣло. Медвѣдя бить согласенъ, но пить эту черную бурду — слуга покорный.

Когда буфетчикъ принесъ ромъ и поставилъ его передъ Холдуновымъ, ротмистръ предварительно освѣдомился и, найдя напитокъ добраго качества, пришелъ въ нормальное веселое расположенiе, тѣмъ болѣе, что ѣхалъ къ »бабѣ« въ полной увѣренности выйти насухо. Послѣ обѣда его попросили въ гостиную, гдѣ онъ и окончилъ битье медвѣдя и, разставаясь, увѣрялъ Марью Семеновну, что непремѣнно накажетъ каждаго солдата, который рѣшится сдѣлать какую-нибудь шалость въ ея деревнѣ. Старушка проводила гостя въ залу и рада была, когда на дворѣ раздался стукъ отъѣзжавшаго экипажа.

Отъ Балгановой Сила Ивановичъ заѣхалъ сдѣлать визитъ Винорѣцкому, который угрюмо сидѣлъ у стола и подумывалъ, куда бы поѣхать вечеромъ и вознаградить себя за неудавшуюся прогулку.

— Вотъ неожиданно, сказалъ онъ, поздоровавшись съ Холдуновымъ.

— Угадай прежде, гдѣ былъ?

— Вѣрно, у кого-нибудь на конномъ заводѣ.

— Вели прежде сдѣлать хорошаго пуншу, а я тебѣ поразскажу кое-что.

— Это будетъ приготовлено въ одну минуту. Эй, самоваръ, живо.

— Былъ, братецъ, въ Зимницахъ у барыни.

— Какъ, у Балгановой?

— У ней самой, если такъ называется старая карга, — и этого мало: видѣлъ твою Дульцинею.

— Видѣли? Ну, что? спросилъ Винорѣцкiй, съ любопытствомъ желая услышать мнѣнiе Холдунова.

— Хороша-то, хороша, чортъ ея не взялъ, да жидковата, еще не сложилась. Шея, правда, недурно поставлена и фронтъ ничего... однимъ словомъ, не то, что жидковата, а шилохвостая, братецъ!

Винорѣцкiй засмѣялся.

— По какому же случаю вы были у Балгановой?

— Цѣлая исторія. Видишь ли, фуражиры мои забрались къ ней въ степь, да слишкомъ ужъ, бестіи, разлакомились: начали просто валить сѣно на телѣги. А тутъ чортъ принесъ мужиковъ, человѣкъ двадцать — шли съ работы что ли — и накрыли дружковъ. Дѣло не подходящее. У моихъ арестовали лошадь. Унтеръ-офицеръ тотчасъ прискакалъ ко мнѣ и доложилъ. Что будешь дѣлать: лошадь казенная, поймались молодцы въ другой губерніи, могла выйти большая непріятность. Разумѣется, я всѣхъ перепоролъ, а самъ поѣхалъ выручать аманата.

— Какъ же васъ впустили? Вѣдь Балганова никого не принимаетъ.

— Какъ, — меня? Я просто вошелъ въ столовую, когда барыни сидѣли за обѣдомъ. И знаешь ли, напился хорошаго хересу и убилъ штуки три медвѣдей. Ромуловскій такъ себѣ, но хересина, братецъ, просто объяденіе. И гдѣ она покупала, старая вѣдьма! Янтарь, братецъ, такъ и таетъ. Я и не опомнился, какъ высуслилъ бутылку. Но вышла, братъ, умора. Я знаешь, нарочно предложилъ высѣчь моихъ негодяевъ, такъ баба въ слезы, и »простите ихъ!« и »Богъ съ ними!« и т. д. А я, знаешь, упираюсь и говорю, что при васъ, молъ, задамъ баню какую угодно. Просто, мнѣ смѣхъ. Я думаю, ни одна изъ нихъ не видала, какъ сѣкутъ, и это имъ кажется чѣмъ-то весьма необыкновеннымъ.

— Я думаю: женщины...

— Нѣтъ, братъ, и женщины есть бойкія: сама и по зубамъ отколотитъ и при себѣ выдрать прикажетъ.

— Такъ васъ хорошо приняли и угостили?

— Еще бы! Только умора, братецъ! Я подпустилъ имъ такую Виргинію, что не только у старухи, а у молодой, я думаю, въ носу закрутило. Ну, что-жъ! я не могу безъ трубки, у меня ужъ такое правило.

— Разумѣется, лошадь возвратили?

— Оказалось, что старуха распорядилась было ее отправить въ Грѣнки. А у чортовой бабы сѣна, братецъ ты мой, просто на всю дивизію. И сѣно словно настоящій шафранъ. Ты пойми, однакожъ, оберъ-гофъ волокита, чтобъ твои фуражиры не смѣли касаться до моихъ владѣній.

— Будьте покойны.

— Ну, что-жъ ты со своей Дульцинеей? Я какъ благородный человѣкъ, о тебѣ ни гугу: знаешь, чтобъ какъ нибудь не подгадить.

— Благодарю васъ. Мои дѣла еще плохи: меня пока не принимаютъ.

— Вздоръ, братецъ! ты по моему: не смотри ни на какіе доклады, а просто вали напроломъ. Кромѣ того, что угостятъ, но хересина-то какой, хересина, просто слюнки и теперь текутъ, какъ вспомню. А что же пуншу?

Но уже деньщикъ вносилъ самоваръ и всѣ прочія принадлежности. Сила Ивановичъ, какъ спеціалистъ, самъ распорядился. Онъ сперва хотѣлъ было выпить будничный за компанію съ Винорѣцкимъ, потомъ перемѣнилъ на праздничный, а послѣ махнулъ рукой и рѣшился выпить прямо холдуновскій.

— Напрасно и самоваръ ставили, замѣтилъ Винорѣцкій.

— Нельзя же, братецъ, надо для порядку; притомъ же ты, вѣрно, будешь хлыстать водицу съ сахарцемъ.

Вечеромъ Холдуновъ выѣхалъ почти съ багровымъ лицомъ, но сѣлъ въ тарантасъ бодро, закурилъ огромную трубку и крикнулъ кучеру:

— Пошевеливай!

Изъ разсказа Силы Ивановича Винорѣцкій заключилъ, что Наташа не выходила на свиданіе вслѣдствіе тревоги о нашествіи шестоэскадронцевъ, и у него отлегло немного отъ сердца. Но разсказъ Холдунова навелъ его на одну блистательную мысль, при исполненіи которой онъ надѣялся войдти въ домъ Балгановой. У него былъ во взводѣ одинъ солдатикъ, Косухинъ, естественный плутъ, и хоть рѣдкая недѣля проходила, чтобъ онъ не попадался и не платился спиною за разныя продѣлки, однако, гдѣ надо было необыкновенно ловкаго человѣка, тамъ всегда обращались къ Косухину. За нимъ-то послалъ Винорѣцкій, далъ ему три рубля и очень пунктуально назначилъ ему программу роли, которую тотъ долженъ былъ выполнить.

— Радъ стараться, в. б—іе! сказалъ Косухинъ, въ минуту смекнувъ, въ чемъ дѣло.

— Будешь исправенъ, еще дамъ столько же, а наглупишь, дорого поплатишься.

— Надѣюсь заслужить награду, в. б—іе!

— Ну, ступай. Сегодня можешь гулять, а завтра къ вечеру, чтобъ дѣло было сдѣлано.

На другой день Наташа раньше обыкновеннаго получила позволеніе идти гулять къ озеру. Винорѣцкій на этотъ разъ былъ счастливѣе, и хоть онъ далеко не простиралъ смѣлости, однако все время держалъ Наташу за руку и только на про-

щанье попросилъ поцѣлуя. Довѣрчивая дѣвушка, правда, сильно смѣшалась, но какъ она читала не разъ сцены любви и знала, что всѣ вообще влюбленные цѣлуются, и если не позволяла формально, то и не противилась. Истина, однакожъ, требуетъ сказать, что послѣ поцѣлуя Наташа тотчасъ же убѣжала, и когда Винорѣцкій хотѣлъ удержать ее за платье и умолялъ выходить завтра, она не сказала ни слова, и только, отбѣжавъ нѣсколько шаговъ, оборотилась и кивнула ему головкой.

Винорѣцкій понялъ этотъ жестъ и, довольный собою, пошелъ назадъ въ Бѣлокаменцы.

Въ тотъ же вечеръ прикащикъ доложилъ Марьѣ Семеновнѣ, что снова одинъ солдатъ попался въ воровствѣ овса, но дѣйствительно ли заболѣлъ, или притворился больнымъ, только стонетъ и не можетъ владѣть ногами. Старуха испугалась не на шутку.

— Да какъ же это, Матвѣй, вчера былъ ихній начальникъ и обѣщалъ.

— У этого, сударыня, другое начальство, которое стоитъ въ Бѣлокаменцахъ.

— Развѣ и въ Бѣлокаменцахъ военные?

— Есть, сударыня, только до сихъ поръ были смирны, такъ что и близко, а мы о нихъ ничего не слышали.

— Надо бы, Матвѣй, отправить солдата.

— Я и самъ думалъ бы, потому онъ ничего не укралъ, да хоть бы и стянулъ мѣрку, еще не бѣда; такъ просто не можетъ двинуться.

— Не было бы бѣды: онъ человѣкъ казенный. Съѣзди-ка завтра въ Бѣлокаменцы.

— Слушаю, сударыня!

— Вѣдь нехорошо, Матвѣй: тѣ ворожатъ около сѣна, эти возлѣ овса.

— Такая ужъ поведенція, сударыня! Не у однихъ насъ промышляютъ.

— Видишь, Наташа, сказала Марья Семеновна, по уходѣ прикащика — вокругъ военные, а ты рыскаешь по полямъ къ озеру.

— Вѣдь я же не сѣно и не овесъ, маманъ, отвѣчала Наташа, смѣясь — а вы слышали вчера, какъ этотъ офицеръ говорилъ, что ни онъ, ни его товарищи не любятъ женщинъ и не умѣютъ съ ними разговаривать.

— Это правда, что не умѣютъ. Вотъ тебѣ, ma chère, образчикъ полнѣйшаго мовежанра.

— Знаете, маманъ, ихъ надо приглашать въ гости, давать побольше вина, и они будутъ приказывать своимъ солдатамъ не трогать насъ.

— Кажется, что надо познакомиться съ этимъ, что въ Бѣлокаменцахъ: тогда, по крайней мѣрѣ, не будутъ пропадать сѣно и овесъ ни у насъ, ни у мужиковъ. Надобно только спросить Спиридона, есть ли запасы, потому что если и новый и такъ же пьетъ, какъ давишній, то придется отправить въ городъ за покупками.

Утромъ Марья Семеновна распорядилась было послать прикащика въ Бѣлокаменцы и собиралась уже научить его самымъ деликатнымъ выраженіямъ, но Порфирій вошелъ какъ-то особенно торопливо и подалъ ей щегольской конвертъ.

— Письмо отъ офицера изъ Бѣлокаменецъ, сказалъ онъ — привезъ нарочный и проситъ отвѣта.

Догадываясь, что дѣло шло о попавшемся солдатѣ, старуха безъ боязни разломила печать и подсѣла поближе къ окошку. При первыхъ же строчкахъ на лицѣ ея отразилось удивленіе, а потомъ она не выдержала и кликнула Наташу.

— Представь себѣ, Натали, что офицеръ написалъ ко мнѣ не только необыкновенно вѣжливо, но по французски и безъ малѣйшей ошибки.

— Скажите!

— Прочти сама. Такъ и видно, что изъ хорошаго дома и, должно быть, скромный и даже религіозный человѣкъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, маманъ! Онъ проситъ позволенія видѣть васъ.

— Надо будетъ просить. Если переговорю съ такимъ образованнымъ человѣкомъ, то онъ будетъ защищать насъ не только отъ своихъ солдатъ, но и отъ постороннихъ.

— Кто бы подумалъ?

— Я вовсе не ожидала. А какъ почтительно извиняется, какимъ языкомъ пишетъ, что за отборныя выраженія! Онъ говоритъ, что у него только и есть одинъ дурной солдатъ. Тѣмъ охотнѣе приму его, что онъ высказывалъ нелюбовь къ свѣтскимъ развлеченіямъ и обожаетъ уединеніе. За то другаго принимать не стану: накурилъ у насъ въ домѣ до обморока... Порфирій! скажи солдату, чтобъ кланялся своему офицеру и просилъ бы его къ намъ кушать въ три часа.

— Слушаю.

— Да есть ли у насъ вино?

— Какъ не быть. Вотъ рому не знаю, а пожалуй и завалилась гдѣ нибудь бутылка. — Я, сударыня, больнаго солдата помѣстилъ въ людскую: онъ слабъ.

— И хорошо сдѣлалъ. Да накормите его хорошенько, а ужъ я упрошу офицера, чтобъ его не наказывалъ. Только скажи ему, чтобъ въ другой разъ не дѣлалъ.

— Онъ и то божится, что не нарочно: хмѣленъ былъ, говоритъ, больно, и не помнитъ, какъ зашелъ въ Зимницы.

— Однако попалъ на овесъ.

— Боится, говоритъ, огорчить поручика, отцомъ роднымъ называетъ. Смирный, говоритъ, добрый, набожный.

— Ну, ступай. Мы какъ нибудь уладимъ.

Наташа, безъ большаго труда, выпросилась уже гулять къ озеру, и когда при встрѣчѣ съ Винорѣцкимъ разсказала ему, что къ нимъ долженъ пріѣхать одинъ офицеръ, то, къ удивленію, узнала, кто былъ этимъ неожиданнымъ гостемъ: ей не была извѣстна фамилія Вольдемара. Винорѣцкій просилъ ее только выдержать роль и не подать ни малѣйшаго подозрѣнія объ ихъ знакомствѣ, а, напротивъ, быть съ нимъ даже непривѣтливой, чтобы подольше съ большей ловкостью обманывать тетушку. Въ это свиданіе волокита былъ уже нѣсколько требовательнѣе, но дѣвушка сама, освоившись съ новымъ положеніемъ, не противилась ласкамъ, которыя, однакожъ, не обнаруживали пока ни малѣйшей попытки выйти изъ сферы платонизма.

Когда къ тремъ часамъ Винорѣцкій пріѣхалъ къ Марьѣ Семеновнѣ и съ робостію неопытнаго юноши началъ просить извиненія за поступокъ солдата, когда наговорилъ ей кучу вздора о томъ, какъ онъ никуда не ѣздитъ и занимается науками, облагороживаетъ своихъ подчиненныхъ и т. п., старуха была очень довольна посѣщеніемъ молодаго человѣка. За обѣдомъ же она просто пришла въ восторгъ, потому что гость почти ничего не пилъ, разсуждалъ о французской литературѣ и жаловался, что ему очень скучно среди товарищей, предающихся кутежу и разнымъ шумнымъ удовольствіямъ.

Однимъ словомъ, Винорѣцкій достигъ своей цѣли и, уѣзжая, просилъ позволенія Марьи Семеновны посѣщать ее когда нибудь по праздникамъ. Онъ также взялъ нѣсколько книгъ, посѣтилъ больнаго солдата, котораго пожурилъ ласково, и уѣхалъ, приглашенный бывать безъ церемоніи.

Наташа до конца выдержала свою роль и почти не говорила съ Винорѣцкимъ.

Прошло мѣсяца два. Въ Дымогарѣ и у помѣщиковъ по деревнямъ открылся рядъ увеселеній, состоявшихъ, разумѣется, изъ танцевъ, и уланы пировали на славу. Дымогарскія собранія, однакожъ, мало привлекали молодежи, развѣ изъ ближайшихъ эскадроновъ, потому что городскія дамы любезничали преимущественно со штабными. Кромѣ того, въ концѣ Дымогарскаго уѣзда, въ противоположную сторону отъ Зимницъ, жили почти рядомъ два богача помѣщика, у которыхъ чуть не ежедневно устраивались танцы, а для офицеровъ отведены были роскошныя помѣщенія. Молодежь и устремлялась къ этимъ помѣщикамъ, такъ что въ Дымогарскомъ собраніи иногда не составлялось и восьми паръ, за недостаткомъ кавалеровъ.

Офицеры сперва чрезвычайно удивлялись, не встрѣчая нигдѣ Винорѣцкаго, но, разумѣется, вскорѣ узнали законную причину, и нѣкоторые изъ ярыхъ волокитъ пытались было потягаться съ Донъ-Жуаномъ. Два, три корнета пріѣзжали въ Зимницы; однако Марья Семеновна, по совѣту Винорѣцкаго, не принимала никого, именно въ то время, когда она расположена была измѣнить обычаи и открыть свой домъ хотя для нѣсколькихъ постороннихъ.

Винорѣцкій совершенно очаровалъ Балганову, потому что, кромѣ умѣнья подлаживаться къ старухамъ, кромѣ потворства ихъ привычкамъ и мнѣніямъ, часто самымъ дикимъ, онъ зналъ большое количество всевозможныхъ пасьянсовъ, даже такихъ, о которыхъ и не слыхивала Марья Семеновна. Искусство это онъ вынесъ тоже изъ практики волокитства, ухаживая за женою одного господина, всю жизнь проводившаго за раскладываньемъ пасьянсовъ — личности, и теперь попадающіяся во многихъ уголкахъ нашего отечества. Есть семейства, гдѣ не только взрослые, но и дѣти предаются этому мертвящему, убивающему разумъ занятію, и хотя всѣ охотники до пасьянса оправдываются тѣмъ, что самъ великій Наполеонъ ревностно занимался раскладываньемъ картъ, однако не каждая же привычка великихъ людей должна служить примѣромъ разумному существу. Суворовъ, безспорно былъ великій полководецъ, а, между тѣмъ, кричалъ пѣтухомъ и выкидывалъ штуки, которыхъ повторить не рѣшится не только тотъ, кто мѣтитъ въ полководцы, а и молодой человѣкъ, готовый тотчасъ же на какую нибудь, порой не извинительную выходку. Винорѣцкій до того поддѣлался къ старухѣ угодливостію, до того заявилъ себя врагомъ всякаго живаго поэтическаго произведенія и по-

борникомъ всѣхъ сухихъ и мертвыхъ доктринъ, вошедшихъ въ плоть и кровь Марьи Семеновны, что она недоумѣвала, какъ такой »совершенный агнецъ невинности« могъ служить въ полку въ обществѣ Холдунова и ему подобныхъ. Надо сказать правду, что, при первомъ знакомствѣ, Марья Семеновна зоркими глазами смотрѣла за племянницей, желая прослѣдить впечатлѣніе, произведенное на дѣвушку молодымъ человѣкомъ, но Наташа, по наставленію Винорѣцкаго, такъ превосходно разыграла роль, что тетушкѣ пришлось уговаривать ее не дичиться скромнаго и образованнаго юноши. Все, что терпѣлось въ домѣ во время рѣдкихъ посѣщеній Винорѣцкаго, который сперва пріѣзжалъ къ обѣду по праздникамъ, вознаграждалось почти ежедневно у озера Дикихъ Розъ, куда Наташу отпускали безъ боязни, во-первыхъ, по увѣренію Винорѣцкаго, что вокругъ не представлялось никакой опасности, во-вторыхъ, уповая на бдительность преданной прислуги. Но въ то время, когда Порфирій и булочница до забытья играли въ свои козыри, саженяхъ въ тридцати, въ кустахъ, происходила игра болѣе азартная, способная повлечь за собою довольно серьезныя послѣдствія. Между тѣмъ, несмотря, что о Винорѣцкомъ и Наташѣ начинали ходить въ полку скандалезныя исторіи, несмотря даже на особенное отнѣкиванье поручика при встрѣчѣ съ товарищами, поздравлявшими его съ побѣдой, надобно сказать правду, дѣло Донъ-Жуана хотя и подвинулось далеко, однако не дошло до того результата, къ которому Винорѣцкій постоянно шелъ прямыми или косвенными путями. Какъ ни былъ опытенъ волокита въ достиженіи своей заповѣдной цѣли, какъ ни была наивна дѣвушка, почти не понимавшая жизни, но окончательному паденію Наташи мѣшали пока два обстоятельства: съ одной стороны положительная увѣренность въ побѣдѣ, съ другой смутно понятая изъ нѣсколькихъ романовъ мысль о предстоявшей опасности. Слѣдуй Наташа просто по пути, начертанному тетушкой и мадамъ Було, она, увлеченная любовью, давно пожертвовала бы всѣмъ для своего возлюбленнаго, не понимая даже этого пожертвованія, но, побывъ нѣсколько разъ на свиданіяхъ съ Вольдемаромъ и замѣтивъ въ его пріемахъ большую разницу съ тѣми пріемами, съ которыми онъ велъ себя сначала, Наташа невольно стала припоминать разныя вычитанныя сцены и нѣсколько догадывалась объ ихъ содержаніи. Разумѣется, всѣ эти средства не могли долго служить къ ея спасенію, потому что борьба происходила неравнымъ оружіемъ: однако долгъ справедливаго историка

заставляетъ насъ разсказать, какъ было дѣло. Однажды Наташа, объявляя Винорѣцкому, что съ наступающею глубокою осенью ей уже невозможно будетъ выходить къ озеру, бросила ему очень простую мысль, что имъ незачѣмъ скрываться отъ тетушки, которая, судя по всему, не будетъ противиться или, по крайней мѣрѣ, не окажетъ большаго сопротивленія на бракъ ея съ Вольдемаромъ.

Послѣ всѣхъ клятвъ и поцѣлуевъ, расточаемыхъ Донъ-Жуаномъ дѣвушкѣ, казалось, эта мысль была весьма естественна, однако Винорѣцкій слегка вздрогнулъ, услышавъ такія слова отъ Наташи.

— Ты думаешь? спросилъ онъ измѣнившимся нѣсколько голосомъ.

— Да, я думаю; только надо будетъ подождать года два, три, потому что, по словамъ маманъ, дѣвушкѣ ранѣе двадцати лѣтъ не должно думать о замужствѣ.

— Вотъ вздоръ! Ты только послушай свою маманъ, она тебѣ наговоритъ съ три короба!

— Нельзя же, Вольдемаръ: если я обманываю ее во всемъ, то хотя въ этомъ случаѣ не должна ослушаться.

— И ты была бы въ состояніи ожидать три года? Значитъ, ты не любишь меня ни на волосъ.

— Тебѣ это стыдно говорить, Володя!

— Ты настоящее дитя, Наташа! Три года! А если полкъ уйдетъ въ это время?

Дѣвушка задумалась.

— Я этого и не сообразила.

— Мало ли чего ты не соображаешь! притомъ же, я просилъ бы тебя нѣсколько мѣсяцевъ таиться передъ Марьей Семеновной. Есть обстоятельства, которыхъ ты не знаешь, т. е. мои семейныя дѣла.

— Что же такое? спросила Наташа, и личико ея приняло серьезное выраженіе.

— Такъ ничего... пустяки.

— Нѣтъ, Вольдемаръ, скажи, не мучь меня.

— Видишь ли, я однажды стрѣлялся за дѣвушку, съ которою нашъ офицеръ поступилъ нехорошо.

— Какъ?

— Ну, оклеветалъ ее. Я съ нимъ дрался на дуэли и за это состою на церковномъ покаяніи. Если начну искать твоей руки, до тетушки могутъ дойти слухи. Понимаешь? Мнѣ еще не окончился срокъ.

— Ахъ, Боже мой! Бѣдненькій! Такъ нечего и говорить объ этомъ.

И Наташа склонила голову на плечо Винорѣцкаго.

— Я и то боюсь, мой ангелъ, чтобъ кто изъ офицеровъ не проболтался. Оно, конечно, еслибъ Марья Семеновна узнала причину дуэли, но вѣдь у старухъ своя логика: былъ дескать на дуэли, значитъ вѣтренникъ и безбожникъ.

Наташа слегка дрожала.

— Что съ тобою? тебѣ холодно?

— Нѣтъ, Володя: мнѣ пришло на мысль, что еслибъ, Боже сохрани, тебя убили!..

— Такъ ты меня любишь?

— Вотъ странный вопросъ!

— Нѣтъ, Наташа, не странный. Ты подумай, сколько времени, какъ мы знакомы, а чѣмъ ты доказала мнѣ свою любовь?

Дѣвушка взглянула на него пристально, потомъ вдругъ опустила глаза и покраснѣла. Винорѣцкій прижалъ ее за талію.

— Ты вѣдь прочла книгу, которую намедни я далъ тебѣ?

— Прочла.

— И что жъ?

— Я не поняла ее хорошенько, Володя!

— Ну, не думаю... Мнѣ все кажется, что у тебя есть какая-то запасная мысль.

— Скажу тебѣ одно, Вольдемаръ, что во всѣхъ книгахъ, читаемыхъ мной тайкомъ отъ маманъ, влюбленные считаютъ высшимъ блаженствомъ супружество.

— Совершенно справедливо. Но развѣ ты не замѣтила, какія иногда приходится имъ преодолѣвать препятствія. Такъ вотъ и намъ: окончится срокъ моего церковнаго покаянія, я тотчасъ попрошу твоей руки у Марьи Семеновны. Тогда мы будемъ неразлучны.

Наташа чувствовала какой-то необыкновенный внутренній жаръ; сердце ея било ускоренную тревогу. Винорѣцкій словно угадывалъ, какой процессъ совершался въ дѣвушкѣ, и незамѣтно началъ привлекать ее къ себѣ ближе...

— Наталья Михайловна! Ау! гдѣ вы? раздался голосъ булочницы.

— Здѣсь, Домна Петровна, здѣсь!

— Пора, матушка, ко двору: не осердилась бы барыня. Да гдѣ вы тамъ, въ кустахъ что ли?

— Прощай, Володя, шепнула дѣвочка — да пріѣзжай поскорѣе.

И въ одну секунду она очутилась на берегу озера.

Винорѣцкій нахмуренный поплелся домой въ Бѣлокаменцы, упрекая себя, не первый разъ, въ слабости. Его озадачилъ также намекъ Наташи о женитьбѣ. Конечно, она представляла всѣ данныя для весьма интересной партіи, но мы знаемъ уже понятія Винорѣцкаго о бракѣ, и потому волокитѣ показалось страннымъ, откуда Наташѣ могла прійти подобная мысль въ голову. Разсчитывая на ея неопытность, онъ и эманципировалъ ее именно въ томъ направленіи, что люди создали себѣ множество предразсудковъ, къ числу которыхъ причислилъ и супружество, выставляемое имъ какъ лишнія и тяжелыя цѣпи, связывающія неразрывно. Онъ хотѣлъ привить Наташѣ убѣжденіе, что любовь требуетъ безграничной свободы и что совершеннолѣтняя дѣвушка, точно такъ же, какъ взрослый молодой человѣкъ, не должна руководствоваться ничѣмъ, кромѣ своего инстинкта и естественнаго влеченія. Безспорно, Наташа не вполнѣ понимала подобные принципы, хотя встрѣчала ихъ очень часто въ книгахъ, прочтенныхъ украдкой; но тамъ же гораздо рельефнѣе представлялся ей бракъ двухъ влюбленныхъ, и если супружества эти не всегда были счастливы, то все же она видѣла причины разладицы, а, между тѣмъ, герой и героиня непремѣнно стремились къ браку. Въ одномъ только случаѣ, когда *онъ* и *она* были не свободны, любовь искала другаго исхода, а потому Наташѣ казалось весьма естественнымъ сблизиться съ Винорѣцкимъ посредствомъ общеупотребительнаго условія. Притомъ же надо сказать, что, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, Наташа не захотѣла признаться Винорѣцкому въ знакомствѣ своемъ съ французской беллетристикой. Сперва сдѣлала она это безъ всякяго умысла, но какъ впослѣдствіи догадалась, что въ прочтенныхъ ею книгахъ были вещи, отъ которыхъ она безсознательно краснѣла сама передъ собою, то и разсудила не говорить до поры, до времени. Этому способствовало еще и то, что Винорѣцкій, желая поскорѣе овладѣть своей жертвой, давалъ ей тайкомъ именно тѣ самыя книги, которыя она уже читала, и старался, конечно, иносказательно, объяснять многія мѣста, бывшія для нея тайной. Винорѣцкій разсчитывалъ подѣйствовать на воображеніе дѣвушки, которое, по его мнѣнію, должно было довести ее до извѣстныхъ результатовъ. Хотя волокита постоянно досадовалъ на себя за особенную мягкость,

съ какою тянулъ канитель, однако не рѣшался поворотить дѣла круто. Интрига была слишкомъ соблазнительна для того, чтобы порѣшить ее разомъ, не обезпечивъ себѣ отступленія. Безъ сомнѣнія, сáмое удобное время для исполненія замысловъ миновало: въ домѣ Балгановой не могло уже предстоять ни той свободы, ни того уединенія, что на пустынныхъ берегахъ озера Дикихъ Розъ. Но Винорѣцкаго безпокоило не это обстоятельство, а намекъ Наташи о женитьбѣ. Возвратившись въ Бѣлокаменцы и велѣвъ запречь лошадей, онъ съ досады уѣхалъ къ своему эскадронному командиру.

Скоро выпалъ снѣгъ, и съ установившимся саннымъ путемъ уланы дѣятельнѣе начали разъѣзжать по помѣщикамъ и устраивали шумныя катанья на тройкахъ, что чрезвычайно нравилось барышнямъ и молодымъ дамамъ, но вызывало кислыя улыбки на лица дражайшихъ родителей и ревнивыхъ супруговъ. Въ прежнее время Винорѣцкій любилъ пощеголять и ухорской тройкой, и санками съ медвѣжьей полостью, и красивой упряжью, а главное удалой ѣздой, когда самъ бралъ возжи и пускалъ лошадей въ карьеръ, не обращая вниманія ни на какіе дамскіе крики. Но теперь его не видно было ни на одномъ катаньи, и хотя многимъ волокитамъ это приходилось по нутру, однако дамы, наслышавшись о его подвигахъ, сгарали любопытствомъ взглянуть на прославленнаго волокиту. Новички считали себя гарантированными, если передавали своимъ возлюбленнымъ похожденія Винорѣцкаго, налегая на его вѣтренность, но какъ они не могли скрыть, что вѣтренникъ этотъ уменъ, хорошъ, образованъ и не безъ состоянія, то понятно, какое возбудилось любопытство въ околодкѣ, во-первыхъ, собственно о личности Винорѣцкаго, во-вторыхъ, объ отношеніяхъ его къ племянницѣ Балгановой. Дѣйствительно, поведеніе героя нашего было нѣсколько странно для товарищей, которые привыкли видѣть его кипучую дѣятельность на поприщѣ волокитства, такъ что иные начали уже полагать, не измѣнилъ ли Винорѣцкій своимъ принципамъ и не задумалъ ли добровольно надѣть на себя узы Гименея. Справедливость требуетъ сказать, что Винорѣцкій ни на одно еще волокитство не тратилъ столько времени и усилій, сколько израсходовалъ того и другаго на овладѣніе молоденькой, неопытной дѣвочкой. Теперь слѣдуетъ весьма естественный вопросъ: ухаживалъ ли Винорѣцкій за Наташей вслѣдствіе холоднаго разсчета добиться цѣли, или имъ овладѣло болѣе сильное чувство при частыхъ

свиданіяхъ съ прелестнымъ существомъ, увлеченнымъ первой любовью? Отвѣтить на это довольно трудно, потому что въ первое время Винорѣцкій и самъ не въ состояніи былъ бы дать положительнаго отвѣта. Случай въ его практикѣ вышелъ исключительный: долговременныя безуспѣшныя старанія измѣнили нѣкоторымъ образомъ характеръ волокиты, разумѣется лишь въ подробностяхъ, потому что подобные характеры не могутъ подвергаться кореннымъ преобразованіямъ. Но, подчиняясь извѣстному закону настойчивости — добиться своего, и невольно завлекаясь самъ интересной особой, Винорѣцкій отсталъ нѣсколько отъ своихъ привычекъ ухаживать за всѣми безъ разбора: онъ имѣлъ на сторонѣ только двѣ. три интрижки, и то стараясь находить развлеченіе въ другой губерніи, куда не учащали товарищи.

Вообще жизнь волокиты проходила вяло и скучно безъ соперничества, безъ сильныхъ ощущеній, а отношенія къ Наташѣ, какъ мы уже видѣли, сложились въ какую-то путаницу. Были моменты, когда Винорѣцкій сознавалъ, что можетъ влюбиться въ неопытную дѣвушку, и тогда его тревожили весьма человѣчныя стремленія, но когда онъ начиналъ приходить къ мысли, что всѣ эти радужныя мечты ведутъ прямо къ супружеству, имъ овладѣвала тоска и онъ тяготился неопредѣленными отношеніями. Бывали минуты, когда онъ готовился подать переводъ куда нибудь на Кавказъ и въ ожиданіи покончить свое волокитство блистательнымъ, по его мнѣнію, образомъ; но всѣ, кто пріѣзжалъ съ Кавказа, обыкновенно разсказывали, что въ штабахъ полковъ еще можно завести интрижку, а въ походахъ надо было отказаться отъ такого пріятнаго препровожденія времени. Людямъ, подобнымъ Винорѣцкому, словно никогда не приходитъ мысль о старости: все будущее, даже самое отдаленное, представляется имъ однимъ обширнымъ поприщемъ волокитства и безграничной свободы располагать своимъ сердцемъ по усмотрѣнію. Ужъ если Донъ-Жуанъ нашъ, при свиданіяхъ съ Наташей, зная, что, кромѣ красоты и добраго сердца, она принесетъ мужу еще хорошее состояніе, ни разу не подумалъ о женитьбѣ, то ему предстояло навѣкъ оставаться холостымъ или жениться вслѣдствіе какого нибудь громкаго скандала. Но Винорѣцкій послѣднее время какъ-то сталъ обращать особенное вниманіе на семейную обстановку жертвы и никогда пристально не ухаживалъ за дѣвушкой, у которой были братья или вообще заступники, способные потребовать у него какихъ нибудь щекотливыхъ объясненій. Ко-

нечно, осторожность эту Винорѣцкій соблюдалъ не изъ трусости — онъ вѣдь стаивалъ у барьера — но боялся принужденной женитьбы пуще огня и избѣгалъ малѣйшаго къ ней повода. Наташа не представляла никакой опасности въ этомъ отношеніи.

Ухаживанье за »дикой розой«, какъ называлъ Винорѣцкій Наташу, хоть и доставляло ему много наслажденій въ настоящемъ и сулило гораздо больше въ будущемъ, но въ это время онъ истосковался, ведя несвойственный образъ жизни, будто въ заточеніи. По утрамъ онъ ходилъ къ озеру, но для этого достаточно было двухъ или трехъ часовъ, а что же оставалось дѣлать весь день и длинный осенній вечеръ молодому человѣку, привыкшему не только быть въ обществѣ, но и непремѣнно за кѣмъ нибудь ухаживать. Онъ ѣздилъ иногда къ Холдунову играть въ копѣечный бостонъ; но у Силы Ивановича вечеромъ за картами обыкновенно пили пуншъ, и хоть Винорѣцкому, изъ уваженія къ его »неопытности«, подавались пунши будничные, однако, мы знаемъ, каково было ихъ содержаніе. Пробовалъ волокита отправляться и въ эскадронный штабъ, но ротмистръ Гребецкій, осѣкшись, какъ говорится, въ волокитствѣ за своей блондинкой, перенесъ лагерь гораздо дальше и ухаживалъ за какой-то барышней верстахъ въ двадцати, такъ что очень рѣдко сидѣлъ дома. Было маленькое занятіе тутъ же въ штабѣ — подгадить корнету Сосулькову, который пріударялъ за поповской свояченицей, но она скоро уѣхала къ роднымъ, не успѣвъ ни покончить съ корнетомъ, ни начать съ поручикомъ. Однимъ словомъ обстановка Винорѣцкаго начинала тяготить его, и еслибы не два легкія волокитства въ другой губерніи, изъ которыхъ одно за какой-то хорошенькой вдовушкой пошло на ладъ, онъ не зналъ бы куда дѣваться отъ скуки. Но, съ окончаніемъ прогулокъ на берегъ озера, когда прекратились свиданія съ Наташей, Винорѣцкому оставались только праздники, которые обыкновенно съ утра онъ проводилъ у Балгановой. Въ это время имъ овладѣло неотразимое желаніе порѣшить свои отношенія къ »дикой розѣ«, потому что на другой сторонѣ уѣзда появилась какая-то красавица княгиня, настоящая аристократка, свернувшая голову многимъ офицерамъ, которая, какъ носилась молва, третировала армейцевъ съ высоты величія и подсмѣивалась надъ ними при каждомъ случаѣ. Винорѣцкій обыкновенно уѣзжалъ отъ Балгановой послѣ ужина, и старушка въ темныя осеннія ночи не разъ заявляла легкую боязнь, не сбился бы онъ гдѣ

нибудь въ лѣсу съ дороги. Въ одинъ ненастный вечеръ, когда на дворѣ расходился ливень, и Винорѣцкій послѣ ужина еще съ полчаса просидѣлъ съ Марьей Семеновной, помогая ей окончить благополучно самый трудный пасьянсъ, для чего укралъ незамѣтно одну необходимую карту, Балганова пришла въ умиленіе и предложила Винорѣцкому переночевать въ Зимницахъ. Волокита началъ было отказываться, но когда Порфирій сообщилъ, что на дворѣ лило какъ изъ ведра, Марья Семеновна рѣшительно не пустила своего гостя и велѣла приготовить ему постель въ диванной. Винорѣцкій, какъ бы нехотя, покорился своей участи и съ тѣхъ поръ, каждый разъ бывая у Балгановой, передъ ужиномъ нарочно начиналъ раскладывать такой пасьянсъ, который никакъ не могъ скоро окончиться. Вслѣдствіе этого, онъ началъ бывать въ Зимницахъ уже и не по праздникамъ, оставался ночевать, и диванная получила въ домѣ названіе комнаты Владиміра Андреевича. Надобно сказать, что Марья Семеновна, узнавъ, что Винорѣцкій хорошей фамиліи и съ порядочнымъ состояніемъ, начала посматривать на него, какъ на человѣка, который могъ составить партію ея племянницы.

Въ концѣ января Винорѣцкій сталъ уже пропадать изъ Бѣлокаменецъ по цѣлымъ недѣлямъ, и снова его тройка сѣрыхъ и щегольскія санки съ медвѣжьею полостью появились въ вереницахъ веселыхъ катаній у окрестныхъ помѣщиковъ. Барыни и барышни увидѣли, наконецъ, красавца поручика, который, словно стряхнувъ съ себя цѣпи, вырвался на свободу и привелъ въ разстройство нѣсколько интригъ, завязавшихся, повидимому, прочно между товарищами и хорошенькими помѣщицами. Очутясь въ своей сферѣ и желая вознаградить потерянное время, Винорѣцкій пустилъ въ ходъ давнишнюю свою тактику, т. е. старался овладѣть вниманіемъ всѣхъ интересныхъ.

Было морозное утро. Къ квартирѣ Винорѣцкаго подлетѣла тройка гнѣдыхъ и изъ санокъ вылѣзъ ротмистръ Гребецкій, закутанный въ енотовою шубу. Изъ сѣней выбѣжалъ слуга.

— Баринъ дома?

— Никакъ нѣтъ, в. б—іе!

— Гдѣ же онъ?

— Если прикажете, я пошлю верхомъ.

— Значитъ, недалеко?

Слуга улыбнулся.

— Понимаю. Ну, посылай. Скажи, молъ, дѣло очень спѣшное.

— Не прикажете ли самоваръ?

— И въ самомъ дѣлѣ, пока пріѣдетъ Владиміръ Андреевичъ, я успѣю напиться чаю.

И Гребецкій вошелъ въ квартиру поручика. Крестьянская чистая хата была убрана, какъ обыкновенно у достаточнаго офицера: полъ устланъ попонками, на стѣнахъ прибиты ковры, кое-гдѣ повѣшены гравюры, на столѣ разложены и разставлены разныя бездѣлки. Большая черная собака лежала, свернувшись на постели, застланной красивымъ шелковымъ одѣяломъ, и привѣтствовала ротмистра, какъ стараго знакомаго. Солнце сквозь небольшія окна наполняло яркимъ свѣтомъ хату и било прямо въ большое зеркало, привѣшенное надъ кроватью, отчего внутренность избы представлялась въ радужныхъ отливахъ. Вся утварь Винорѣцкаго давно была извѣстна ротмистру, который, однакожъ, въ ожиданіи чая не могъ не остановиться и не задуматься надъ ящикомъ со стеклянной крышкой. Это, какъ называлъ Винорѣцкій, была »хронологія его сердца«. Внутри ящика лежали разныя вещицы, принадлежавшія особамъ, за кѣмъ онъ ухаживалъ, начиная отъ кузины — предмета первой страсти — и оканчивая уже не Наташей, а хорошенькой вдовушкой, отъ которой онъ пріобрѣлъ знакъ памяти. Здѣсь лежали и носовые платки, и булавки, и сережки; лорнетки, ленты, цвѣты искусственные и натуральные, перчатки, лоскутки матерій, кораллы и, наконецъ, два-три башмака, изъ которыхъ одинъ порядочной величины, подававшій поводъ къ легкимъ насмѣшкамъ товарищей. Винорѣцкій держалъ эти воспоминанія не потому, что они были ему дороги, какъ свидѣтели забытыхъ наслажденій, не потому, чтобы, порой, переносясь въ прошлое, онъ припоминалъ тотъ или другой эпизодъ изъ своей кочевой жизни, но единственно съ цѣлью похвастать многочисленными побѣдами и разсказать подъ-часъ пріятелямъ какую нибудь свою выходку, прерывавшую иногда довольно скучное волокитство. Въ этихъ воспоминаніяхъ, впрочемъ, было много драматическаго, потому что если не всѣ женщины, то многія любили Винорѣцкаго и, разумѣется, вѣря въ его искренность, вправѣ были разсчитывать на благородство его исканій. Встрѣчались даже такія, которыя, послѣ самаго горькаго урока, стоившаго имъ обильныхъ слезъ, а порой и самыхъ тяжелыхъ непріятностей въ семействѣ, не переставали питать безнадежную любовь къ »очаро-

вательному Вольдемару« и долго втихомолку слѣдили за его судьбой, пока не уходилъ онъ съ полкомъ за тридевять земель, къ новымъ побѣдамъ, увлекая, впрочемъ, весьма пылкихъ особъ и во время похода. Гребецкій не разъ видѣлъ эту »хронологію сердца« и зналъ много эпизодовъ изъ похожденій поручика, но никогда не могъ безъ зависти смотрѣть на столько доказательствъ любви, и, сравнивая свои побѣды, даже и тѣ, которыя онъ присочинялъ для товарищей и которыя по давности лѣтъ пріобрѣли право на дѣйствительное существованіе, онъ не могъ насчитать и четвертой доли. А писемъ у Винорѣцкаго, начиная отъ каракулекъ, посаженныхъ на бумагу неловкой рукой необразованной барышни, до мелкаго французскаго почерка, было, по крайней мѣрѣ, около двухсотъ, и все это помѣчено въ хронологическомъ порядкѣ, даже съ коментаріями. Нѣсколько изъ нихъ, такъ же какъ и два, три сувенира, перевязаны были черными ленточками — признакъ траура по умершимъ красивицамъ. Двухъ послѣднихъ сувенировъ не зналъ, однакожъ, ротмистръ, именно голубаго бантика отъ платья и крошечной шелковой ботинки, и приписывалъ подарки »дикой розѣ«, какъ называлъ Винорѣцкій Наташу въ нѣжныхъ разговорахъ съ товарищами.

Пославъ гонца въ Зимницы за бариномъ, слуга очень скоро приготовилъ самоваръ, и Гребецкій усѣлся пить чай въ ожиданіи поручика, который не замедлилъ явиться на зовъ своего эскадроннаго командира.

— Извините, Владиміръ Андреевичъ, что васъ потревожилъ, сказалъ ротмистръ.

— Э, полноте, очень радъ!

— Гдѣ ужъ тамъ радъ!

— Безъ шутокъ, Петръ Степановичъ: мнѣ уже надоѣла »дикая роза«, и я непрочь освѣжиться.

— Вотъ какъ! Вы же говорите: красавица.

— И всякій это скажетъ; но большая разница смотрѣть на дѣвушку издали и быть съ ней въ болѣе близкихъ отношеніяхъ.

— А что?

Винорѣцкій засмѣялся.

— Мало ли что бываетъ... Объ этомъ когда нибудь послѣ. Но позвольте, и я за компанію напьюсь чаю. Эй, Филатка, налей и мнѣ стаканъ, да покрѣпче. Ну-съ, Петръ Степановичъ, вы по службѣ?

— По дѣламъ сердца.

— Тѣмъ пріятнѣе. Чѣмъ же могу служить?

И Винорѣцкій весело принялся прихлебывать чай, покуривая трехрублевый жуковъ.

— У насъ, у моей то есть барышни, затѣвается катанье.

— Значитъ, вы пріѣхали за мною.

— Разумѣется. Но дѣло вотъ въ чемъ: моя тройка послѣдній разъ погорячилась очень некрасиво.

— Не хотите ли мою?

— Всѣ ее знаютъ. Нѣтъ, я хочу попросить у Холдунова.

— А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, у него кони что называется »урви да подай« и больше стоятъ безъ дѣла на конюшнѣ.

— Я не прочь бы и купить.

— Ну, это врядъ ли, а дня на три онъ для васъ не откажетъ.

— Какая, впрочемъ, найдетъ полоса на него. Я, однакожъ на всякій случай, велѣлъ завернуть въ старую шубу полдюжины рому и столько же мадеры, и хоть невѣжливо ѣхать въ гости со своимъ угощеніемъ, но мы какъ нибудь надуемъ Силу Ивановича: скажемъ, напримѣръ, что я ѣду изъ города. Я сперва думалъ было пригласить его къ себѣ, но вы знаете, какъ онъ не любитъ разставаться со своимъ халатомъ.

— Что же тамъ, у вашей барышни, семейный праздникъ какой нибудь?

— День ея рожденія. Ну, родители и хотятъ потѣшить баловницу дочку. Катанье-то придумалъ я. Кавалеръ долженъ имѣть собственную тройку, а дамы по жребію.

— Отлично. Разумѣется, жребій выпадетъ вамъ по адресу.

— Конечно, такъ. Но вы себѣ не можете представить, какая охотница до лошадей моя Катишь. Видите ли, у насъ дѣло на полупризнаніяхъ. Когда я сообщилъ ей мысль о катаньѣ, она такъ нѣжно посмотрѣла на меня, что я подумалъ, вотъ добьюсь взаимности. Началъ я, знаете, этакъ издали, а она, правда, покраснѣла и говоритъ: »если на катаньѣ перегонимъ всѣхъ, тогда скажу«, и убѣжала.

— Счастливецъ! Ну, мнѣ кажется, здѣсь нечего прибѣгать къ Холдунову: всѣ постараются отстать.

— Этого не говорите: за моей Катишь порядочный хвостъ обожателей. Поручикъ Лазѣйкинъ даже коренника перемѣнилъ, а корнетъ Ландаровъ купилъ новую тройку у ремонтера.

— Въ такомъ случаѣ, возьмите у Силы Ивановича, а кромѣ того я постараюсь устранить всякія препятствія. Положитесь только на меня, а ужъ мы съумѣемъ оттереть всѣхъ этихъ обожателей.

— Благодарю васъ, Владиміръ Андреевичъ, и надѣюсь на ваше расположеніе. Ну, такъ ѣдемъ къ Холдунову что ли?

— Я готовъ. Да вы велите распречь своихъ: вѣдь намъ надобно же заѣхать обратно въ Бѣлокаменцы.

— Но знайте, что мы отправляемся дней на нѣсколько: отъ Катишь прямо на балъ къ Федяевымъ, а тамъ не меньше двухъ сутокъ, слѣдовательно вы, можетъ быть...

— Говорю вамъ откровенно, Петръ Степановичъ, что я радъ всякому развлеченію: вѣдь посудите, возлѣ одной цѣлыхъ три мѣсяца. Когда же это со мной бывало?

— Брависсимо!

Черезъ часъ товарищи подъѣзжали къ квартирѣ Холдунова, въ дорогѣ придумывая маневры, какъ бы добыть у него тройку, потому что Сила Ивановичъ хоть и не любилъ выѣзжать, однако берегъ своихъ лошадокъ и холилъ больше казенныхъ.

Сила Ивановичъ, предпринявшій въ то утро путешествіе изъ Одессы въ Кишиневъ и сидя въ совершенномъ одиночествѣ, дымилъ свою завѣтную трубку, разсчитывая по дорожнику, остановиться ли ему въ Кишиневѣ, или слѣдовать дальше до молдавской границы. Лицо его выражало какую-то весьма непріятную задумчивость, и видно было, что его тревожила упорная дума. Колотушка тоже стоялъ съ невеселой физіономіей; правая щека его, которая была нѣсколько выше и краснѣе лѣвой, доказывала, что между нимъ и Холдуновымъ произошли какія нибудь домашнія недоразумѣнія.

— Ба, ба! проговорилъ Сила Ивановичъ, завидя гостей — какими судьбами? Очень радъ.

— Да вотъ, по дорогѣ.

— Садитесь! Водки! Колотушка, анаѳема, не знаешь своего дѣла что ли?

— Да вы не торопитесь, Сила Ивановичъ, сказалъ Гребецкій — еще успѣемъ.

— Чортъ знаетъ, господа, какая непріятность! началъ Холдуновъ.

— Что такое? спросили оба гостя съ участіемъ.

— Видите эту рожу, говорилъ Сила Ивановичъ, указывая на деньщика — вчера не изволилъ мнѣ, подлецъ, сказать, что ромуловскій на выходѣ, объявилъ только сегодня. А у меня такая скверная натура: я пуншъ пью послѣ обѣда, и если не пропущу стакана, значитъ на другой день боленъ. Теперь извольте себѣ представить положеніе — городъ въ сорока вер-

стахъ: когда же возвратится мой посланный! Я хотѣлъ сейчасъ посылать къ тебѣ, Гребецкій, потому что на несчастіе мой ближайшій сосѣдъ »парле франсе«, и у него врядъ ли есть и сантуринскаго бутылка.

— Какое счастливое стеченіе обстоятельствъ, Сила Ивановичъ! сказалъ Гребецкій — я ѣду изъ города и какъ нарочно сдѣлалъ запасъ вина и рому.

— Какъ! спросилъ Холдуновъ, вскакивая съ мѣста — и все это съ тобою?

— Въ санкахъ.

— Ура! Ну, молись Богу, подлецъ, сказалъ Холдуновъ Колотушкѣ — а то не весело было бы тебѣ.

— Пожалуйста, Сила Ивановичъ, прикажите внесть бутылки.

— То есть ты мнѣ уступишь.

— Нѣтъ, это будетъ не по уланской совѣсти: я тебя угощаю.

— Ой ли! Да какъ же! Ты, братъ, вѣдь выжига; вѣрно, хочешь какъ нибудь надуть Силу...

Гребецкій немного сконфузился.

— Зачѣмъ же надувать, сказалъ онъ — дѣйствительно, у меня есть просьба, только безъ всякой надуванціи, — просьба товарища.

— Видишь, я угадалъ!

— Но, во всякомъ случаѣ, бери и пей ромъ на здоровье. Я пожалуй помогу.

— Мнѣ и питье будетъ неохотно, пока не узнаю, въ чемъ дѣло: такая ужъ у меня натура.

— Э, вздоръ какой!

Въ это время Колотушка, вѣрный своему обычаю, прозвонилъ.

Холдуновъ быстро оборотился.

— Пріѣхали въ Бендеры, в. б—іе!

— А! ну, дѣло.

Сила Ивановичъ пропустилъ рюмку, крякнулъ и предложилъ товарищамъ.

— А ромъ? спросилъ онъ у деньщика.

— И ромъ, и вино приняты, но мы ихъ не вносили въ теплую комнату съ мороза, а сперва поставили въ сѣняхъ въ кадку съ водой.

— Умно. Только, знаешь, братъ Колотушка, не мѣшало бы проѣхать до Кишинева на курьерскихъ: мнѣ и обѣдать хочется, и ромуловскій прибылъ. А каковъ — бѣлый или красный?

— Бѣлый, отозвался Гребецкій, который очень хорошо зналъ вкусъ Холдунова.

— Развѣ не прокатить ли мимо станціи, Сила Ивановичъ? спросилъ Колотушка.

— Оно можно бы и прокатить, да вѣдь ребятъ все равно съ обѣдомъ ожидать надобно. Нѣтъ, ужъ лучше доѣдемъ до Кишинева честнымъ образомъ. Маршъ на кухню и вели побольше битковъ приготовить.

— Мы нашли еще, в. б—іе, пару бутылокъ шампанскаго.

— Какъ?

— Да, я привезъ и шампанскаго, сказалъ Гребецкій.

Холдуновъ уставилъ на него глаза.

— И впрямь, Петруха, сказалъ онъ, ты затѣваешь какую нибудь каверзу. Маршъ, Колотушка!

Деньщикъ вышелъ.

— Ну-съ, обратился Холдуновъ къ Гребецкому — съ чѣмъ вы подъѣхали, Петръ Степановичъ?

— Вы не подумайте чего нибудь худаго, въ самомъ дѣлѣ, вмѣшался Винорѣцкій — вещь очень простая.

— Не хотите ли вы, верхолизы, помѣняться стоянкой? Шалишь!

— Нѣтъ, Сила Ивановичъ, я хочу просить тебя объ одномъ одолженіи, котораго никогда не забуду.

— Кой чортъ! тебѣ деньги нужны? проигрался что ли?

— Деньги есть. А вотъ ты одолжи мнѣ своей тройки денька на четыре.

— Какъ? Чт-о-о?

Гребецкій повторилъ.

— Моей тройки? Это что за исторія? Похвастать, небось, захотѣлось.

— Дѣло вышло такое, Холдуновъ, а я знаю, что въ полку нѣтъ быстрѣе твоей тройки.

— Еще бы! Но я, Гребецкій, въ толкъ не возьму...

— Долго тебѣ разсказывать. Однимъ словомъ, мнѣ необходимы твои лошади, чтобъ не лишиться блаженства...

— Эхъ, вы, юбочники! Понимаю. Только надѣюсь, ты, знаешь, что я своихъ лошадей не дамъ и отцу родному.

— Знаю.

— Что я ночью иногда иду на конюшню смотрѣть, все ли въ порядкѣ и есть ли свѣжая подстилка.

— Но тебя проситъ товарищъ.

— Во-первыхъ... Но прежде постой, разскажи, что будешь дѣлать съ моей тройкой?

— Лошади твои пойдутъ отсюда шагомъ къ мѣсту верстъ за тридцать, тамъ отдохнуть, и только одинъ разъ возьму я ихъ на катанье, а потомъ отпущу.

— Это еще небольшая бѣда, — разумѣется, съ моимъ кучеромъ. Но кто же на нихъ будетъ кататься? ты что ли?

— Я.

— И онъ? спросилъ Сила Ивановичъ, указывая на Винорѣцкаго.

— Нѣтъ, Холдуновъ, со мною поѣдетъ прелестное, неземное созданіе.

Сила Ивановичъ вскочилъ съ мѣста

— Какъ, на моихъ сѣрыхъ поѣдетъ юбка? И ты, Гребецкій, рѣшился мнѣ сдѣлать подобное предложеніе? Нѣтъ, лучше я не буду пить пуншу до вечера, не хочу твоего рому.

— А ромъ-то заграничный, Сила Ивановичъ! замѣтилъ Винорѣцкій.

— Варвары! что же вы со мною дѣлаете?

— Да полно, Холдуновъ, ребячиться: ужъ если ты боишься женщинъ, я запрягу свои санки.

— Не въ санкахъ дѣло. Но какъ я могу освоиться съ мыслью, что на холдуновской тройкѣ поѣдетъ баба. Вы же мнѣ послѣ глаза высмѣете.

— Даю тебѣ честное слово, что лошади будутъ сбережены такъ же, какъ и у тебя дома. Вѣдь онѣ стоятъ по недѣлямъ, и не мѣшаетъ ихъ проѣздить.

— Это правда, но какже имъ возить бабу? Вотъ гдѣ срамъ-то! Да тебя уже слишкомъ забрало, что ли?

— Врѣзался, братъ, по уши.

— Нюня ты, какъ я вижу. Однако, сказать правду, я не расположенъ исполнить твою просьбу.

— Какъ хочешь. Больше просить не буду, сказалъ Гребецкій — ужъ если отказываешь товарищу, который съ поручичьяго чина друженъ съ тобой, значитъ, лошади для тебя дороже.

— Эхъ, Петруха, неразсудная голова твоя! Какъ ты не хочешь понять, что Холдунову честь дороже всего на свѣтѣ.

— Я не понимаю, какое тутъ отношеніе къ твоей чести.

— Отношеніе! На моей тройкѣ публично поѣдетъ баба, и еще, можетъ быть, не одна, а двѣ...

— Во-первыхъ, одна; во-вторыхъ, еслибы ты увидѣлъ...

— Мало ли я ихъ видѣлъ! Хоть бы писаная красавица — однимъ словомъ, юбка — вотъ и все.

— Ну, если нельзя — и толковать нечего. Ѣдемъ, Винорѣцкій.

— Какъ, а обѣдать?

— Пообѣдаемъ у меня.

— А ромъ?

— Можешь оставить у себя — я своему слову невольникъ.

— Эхъ, Петруха, погибшая твоя голова, какъ вижу... Да неужели непремѣнно необходима моя тройка?

— Еслибъ не нужна, кто и просилъ бы...

— И на какой чортъ сажать бабу! Развѣ нельзя прокатиться одному?

— Какая же охота одному, когда вся исторія въ томъ, чтобы прокатиться самъ другъ!

— А что скажутъ въ полку?

— Ничего не скажутъ.

Холдуновъ протянулъ руку.

— Ну, садись, чортъ съ тобой. Только послѣ катанья лошадей отправляй назадъ, а сегодня выпьемъ...

— Это можно. Спасибо, Сила: ты сдѣлалъ меня счастливымъ человѣкомъ.

Въ это время Колотушка прозвонилъ. Холдуновъ выпилъ и крякнулъ.

— А ромъ-то весь бѣлый, в. б—іе! сказалъ деньщикъ.

— Знаю и безъ тебя. Самоваръ приготовь: видишь, у насъ будничный пуншъ будетъ... Да какъ же, Гребецкій, на моихъ лошадяхъ такъ и поѣдетъ юбка.

— Просто сядетъ и поѣдетъ.

— Стыдъ какой! Вотъ тебѣ честное слово, что никому изъ офицеровъ, даже полковнику не далъ бы своей тройки. Но вѣдь ты, Петруха, всегда былъ мнѣ пріятелемъ. Какъ вспомню, сколько мы разъ пивали съ тобой и чего только не перепили въ своей жизни!..

— Да, Холдуновъ, нѣтъ, я думаю, такого напитка, котораго бы мы не отвѣдывали.

— Этого мало: какъ были помоложе, помнишь, какія изобрѣтали микстуры, ха, ха, ха! Значитъ, мои ребята будутъ пить сегодня праздничные и торжественные, а мы съ тобой холдуновскіе.

— Идетъ.

— А послѣ въ бостончикъ.

— Гдѣ же, братъ, въ бостончикъ! Ты вели тройкѣ ѣхать ко мнѣ въ эскадронъ, я распоряжусь, да на ночь и сами выѣдемъ.

— Вона! А развѣ нельзя отъ меня?

— Никакъ нельзя. Но если ты хочешь кутнуть на порядкахъ, такъ послѣ бала я задамъ у себя выпивку.

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ на конюшню и посмотримъ на моихъ анаѳемъ. Да послушай, Гребецкій, я говорю серьезно, нельзя ли, чтобъ на нихъ не ѣздили бабы.

— Какой ты забавный, Холдуновъ! забралъ себѣ чортъ знаетъ что въ голову, и пошла писать! Вѣдь, послушай, если на то пошло, смотри, чтобъ не вывелъ на чистую воду.

— Я вообще чистой воды терпѣть не могу.

— А помнишь, Сила, какъ въ Орловской губерніи ухаживалъ за купчихой?

— Сила Ивановичъ улыбнулся.

— Да вѣдь она была такая толстая, жирная, сказалъ онъ.

— Не въ томъ дѣло, а всетаки баба: значитъ, ты не всегда смотрѣлъ на женщину такими глазами, какъ теперь.

— Еще бы ты видѣлъ меня мальчикомъ, когда не позволяли пить ни вина, ни водки. Молодость, братецъ, совсѣмъ другое.

Въ задорной юности моей
Я былъ жрецомъ прелестныхъ грацій.
Рогами украшалъ мужей...

— Ну, это ужъ для краснаго словца: ты никогда не былъ ходокомъ по этой части.

— Ей Богу, правда, Винорѣцкій, никогда не былъ ходокомъ, замѣтилъ Холдуновъ и засмѣялся. — Скажи-ка мнѣ, Петруха, или лучше ты, оберъ-гофъ-волокита, отчего теперь не слышно новыхъ стиховъ, знаешь, нашинскихъ, которые не стыдно было бы продекламировать въ квартирѣ Холдунова?

— Какъ не быть.

— Разумѣется, нѣтъ. Я поручаю своимъ ребятамъ, однако достаютъ лишь то, что мы давно знаемъ наизустъ.

— Теперь много стиховъ, разверни любой альманахъ, замѣтилъ Гребецкій.

— Эти, братъ, все по твоей части, а нѣтъ ничего торжественнаго, или лучше сказать, холдуновскаго.

— А помнишь, Сила, ты вѣдь разъ въ жизни написалъ стихи собственнаго сочиненія въ альбомъ женѣ прежняго полковаго командира.

— Какъ? спросилъ Винорѣцкій — Сила Ивановичъ написалъ стихи, да еще въ альбомъ женщинѣ, и никто не знаетъ объ этомъ!

— Это была совсѣмъ не женщина, сказалъ Холдуновъ: — т. е. нисколько не походила на бабу.

— Но вѣдь она же была и не мужчина.

— Эхъ, юбочники вы, юбочники! Вѣдь наша полковница стрѣляла изъ пистолета чуть ли не лучше всѣхъ офицеровъ, метала банкъ до разсвѣта, а пунши приготовляла и варила жженку, чортъ знаетъ какъ вкусно.

— Вы не помните этихъ стиховъ, Петръ Степановичъ? спросилъ Винорѣцкій.

— Какъ не помнить.

— Оставь, братъ Петруха!

— По какому же случаю Сила Ивановичъ написалъ?

— На прощанье полковницѣ. У насъ былъ одинъ поручикъ большой стихотворъ: онъ купилъ альбомъ и сварганилъ ей на отъѣздъ цѣлую оду. Послѣ этого полковница просила всѣхъ офицеровъ написать что нибудь на память. Я тоже смастерилъ ей стишки, сказалъ Гребецкій.

— Помню, отозвался Холдуновъ — съ амурами, зефирами и разной другой чертовщиной.

— Надо же было придумать что нибудь.

— То-то надо. Ко мнѣ самому пристала словно съ ножемъ къ горлу, ну я и наваляль. Хотѣлъ было написать что нибудь чужое, да я знаю наизустъ только самые забубенные стихи.

Гребецкій въ это время задумался.

— Вотъ что написалъ Сила Ивановичъ, сказалъ онъ:

„Юноны ваши тамъ и Цереры
По моему пустой наборъ словъ;
Боюсь я только одной Венеры,
А живу для службы рому и мадеры.
Поручикъ Сила Холдуновъ.“

— Браво, Сила Ивановичъ! Великолѣпно!

— Какъ умѣлъ, братъ, такъ и написалъ. Ну, теперь пойдемъ на конюшню посмотрѣть сѣряковъ. Да что-жъ это запропастился Колотушка! Эй!

— Чего изволите?

— Что же, подлецъ, неужто до самаго обѣда будемъ тащиться до Кишенева?

— А вотъ остался одинъ перегонъ, в. б—іе!

Деньщикъ прозвонилъ, Холдуновъ выпилъ, предложилъ товарищамъ, и всѣ вышли изъ хаты, но не прямо на конюшню, а прежде обозрѣли въ сѣняхъ бутылки, опущенныя въ кадку съ водою.

Такъ какъ волокитство Гребецкаго не относится прямо къ нашему разсказу, то мы опустимъ подробное описаніе знаменитаго катанья, но скажемъ, что главнымъ героемъ этого и всѣхъ послѣдующихъ увеселеній былъ нашъ Донъ-Жуанъ, который доказывалъ чудеса своего искусства, возведеннаго имъ до степени совершенства. Завлеченный новыми сюжетами, Винорѣцкій поѣхалъ отъ помѣщика къ помѣщику и не только отсталъ отъ своего эскадроннаго командира, но позабылъ даже о существованіи Наташи, къ которой онъ чувствовалъ уже своего рода охлажденіе, свойственное ему тотчасъ послѣ счастливой развязки какого бы то ни было волокитства. Двѣ хорошенькія дѣвушки, сразу показавшія ему благосклонность, довели Винорѣцкаго до его нормальнаго положенія, и онъ кинулся въ сферу прежняго образа жизни, посулившаго ему новыя удовольствія послѣ заточенія въ Бѣлокаменцахъ. Но, кромѣ завязавшихся легкихъ интригъ, его манила вновь пріѣзжая княгиня, съ которой ему хотѣлось познакомиться и, во что бы то ни стало овладѣть недоступной аристократкой.

Пробывъ, однакожъ, не болѣе недѣли въ отсутствіи, Винорѣцкій волей-неволей долженъ былъ возвратиться во взводъ, потому что, какъ мы выше замѣтили, офицеры —скаго полка, несмотря ни на какія развлеченія, не любили манкировать службой и постоянно держались этого правила. Послѣднее пребываніе его у помѣщика Лыкова было верстахъ въ сорока отъ Бѣлокаменецъ, и онъ выѣхалъ домой тотчасъ послѣ обѣда, въ сумерки, разсчитывая попасть во взводъ еще довольно рано, чтобъ отдохнуть отъ безсонныхъ ночей и отъ безтолковаго образа жизни во время кочевки въ теченіе цѣлой недѣли. Почти на половинѣ дороги была деревня возлюбленной его эскадроннаго командира; однако онъ рѣшился не заѣзжать, а слѣдовать прямо въ Бѣлокаменцы. Весь тотъ день былъ солнечный, но когда Винорѣцкій выѣхалъ отъ Лыкова за околицу, горизонтъ затянуло темной зловѣщей тучей, и постоянно усиливавшійся вѣтеръ свисталъ по пустынному пространству степи. По временамъ срывалась такъ называемая низовая мятель и поперечными полосами снѣга засыпала дорогу. Кучеръ обратилъ на это вниманіе барина; но тотъ, закутавшись въ

широкую шубу, выругалъ его и велѣлъ прибавить рыси. Не прошло получаса, какъ тучи надвинулись и густой мелкій снѣжокъ началъ скрывать отъ глазъ торчавшіе по сторонамъ стоги сѣна и небольшія отдѣльныя рощицы. Но дорога была очень хорошо укатана, и лошади бѣжали бодро, пофыркивая и прядая ушами. Вдругъ стемнѣло, разыгралась мятель низовая и верховая, степь покрылась сплошной бѣлой массой, снѣгъ залѣплялъ глаза, и скоро кучеръ остановился, доложивъ, что потеряли дорогу. Конечно, особенно пугаться было нечего, потому что въ Малороссіи не такъ скоро можно погибнуть въ самую злую мятель, принявъ во вниманіе и частые стоги сѣна, подъ которыми можно расположиться на ночлегъ, и рощи, и наконецъ, рѣчки, вдоль которыхъ доберешься до какого нибудь жилья; но, во всякомъ случаѣ, непріятно оставаться до разсвѣта, а иногда и весь слѣдующій день въ полѣ безъ пищи и, пожалуй, наткнувшись на стаю волковъ. Сообразивъ все это, Винорѣцкій, послѣ неудачныхъ попытокъ кучера отыскать дорогу, велѣлъ ѣхать, наблюдая, чтобъ вѣтеръ приходился въ правую сторону, надѣясь, такимъ образомъ, выѣхать къ рѣкѣ и попасть въ одно изъ береговыхъ селеній. Но, обыкновенно, во время сильныхъ мятелей вѣтеръ быстро мѣняетъ направленіе, и потому очень скоро путники побрели шагомъ на произволъ судьбы, осыпаемые со всѣхъ сторонъ тучами снѣга. Винорѣцкій рѣшился уже было остановиться у первой скирды, зажечь ее и, такимъ образомъ, дожидаться утра, но какъ только подъѣзжалъ къ сѣну, ему почему-то казалось, что недалеко селеніе. Наконецъ часовъ около восьми, когда ураганъ принялъ ужасающіе размѣры и морозъ началъ вдругъ быстро крѣпчать, Винорѣцкій отказался уже отъ всякой надежды ночевать въ крестьянской избѣ и приказалъ остановиться у перваго же стога, находя большимъ рискомъ подвигаться на авось и попасть въ какой нибудь оврагъ, гдѣ уже, конечно, немудрено погибнуть. Лошади едва шли, увязая въ глубокомъ снѣгѣ, что подало кучеру поводъ сдѣлать заключеніе, не вступили-ль они въ какую нибудь долину и не лучше ли возвратиться къ стогу, оставшемуся саженяхъ во ста. Но возвращеніе было немыслимо, потому что слѣдъ заметался въ ту же минуту. Въ моментъ этого печальнаго раздумья, впереди словно блеснулъ свѣтъ и тотчасъ же исчезъ, затопленный цѣлой массой снѣгу, закружившейся передъ лошадьми съ такой силой, что тройка остановилась, а кучеръ и баринъ должны были, закрывъ глаза, отворотиться. Послѣ жестокаго порыва насту-

пила, однакожъ, на нѣсколько секундъ тишина, и Винорѣцкій явственно разглядѣлъ впереди свѣтъ, а до слуха его долетѣлъ близкій лай собакъ, и хотя ураганъ снова расходился съ большею силою, однако сосѣдство деревни или какого нибудь жилья не подлежало сомнѣнію.

— Ну, слава Богу, Владиміръ Андреичъ, сказалъ кучеръ — отлегло отъ сердца.

— Держи только, Макаръ, немного правѣе, и мы переночуемъ не въ открытомъ полѣ.

Лошади тоже поняли培 минованье опасности и бодрѣе пошли по глубокимъ сугробамъ снѣга. Чрезъ нѣсколько минутъ замелькали яркіе огни, и цѣлая стая псовъ съ неистовымъ лаемъ привѣтствовала заблудившихся путниковъ. Санки неожиданно очутились среди двора, между нѣсколькихъ экипажей и прямо противъ цѣлаго ряда освѣщенныхъ оконъ, за которыми слышны были глухіе звуки музыки. Оставалось только освѣдомиться, куда занесла судьба, и просить гостепріимства. Изъ флигеля отворилась дверь, и двѣ женщины, закутавши головы, побѣжали въ домъ по направленію къ боковому крылечку. Винорѣцкій остановилъ ихъ и узналъ, что онъ въ казенномъ селѣ Дорошовкѣ, во дворѣ благочиннаго, и попалъ на свадьбу къ отцу Демьяну, который выдавалъ старшую дочь за богослова. Хотя искать ночлега въ другомъ мѣстѣ и не представляло затрудненій, однако Винорѣцкій, сообразивъ, что онъ найдетъ и стаканъ чаю, и ужинъ, и, можетъ быть, какое нибудь волокитство, рѣшился заѣхать къ благочинному, а послѣ уже, въ случаѣ надобности, покормивъ лошадей, поищетъ себѣ квартиры. Съ этою цѣлью онъ поручилъ работницамъ идти къ батюшкѣ и сказать, что офицеръ, сбившійся съ дороги, проситъ позволенія обогрѣться. Не прошло и трехъ минуть, какъ на порогѣ показался сѣдой старикъ и радушно просилъ офицера посѣтить домъ его въ самый счастливый день его жизни.

— Вы пожалуйте въ комнаты, а лошадей уберутъ и кучеръ обогрѣется.

Винорѣцкій разсыпался въ изъявленіи признательности и хоть былъ въ сюртукѣ безъ эполетъ, но, разсчитывая на незатѣйливое общество у священника въ казенномъ селеніи, не стѣснялся неприличіемъ своего туалета.

Въ довольно просторномъ домѣ отца Демьяна собралось множество гостей, состоявшихъ преимущественно изъ особъ духовнаго званія обоего пола, и пиръ шелъ горой, потому что благочинный выдавалъ замужъ любимую дочку. Въ большой

комнатѣ шли танцы, въ другихъ батюшки играли въ карты и пили пуншъ, а матушки чаевали, или, сложа чинно руки, разсуждали о чужихъ дѣлахъ, но тѣ и другія выходили въ залу полюбоваться дѣтками. Поповенъ наѣхало довольно, а въ кавалерахъ чувствовался большой недостатокъ: всего было три канцеляриста изъ уѣзднаго города, женихъ и еще одинъ богословъ, такъ что на одного танцора приходилось, по крайней мѣрѣ, по три дамы. Худощавый, долговязый канцеляристъ, служившій нѣкоторое время въ губернскомъ правленіи и какъ человѣкъ, видавшій больше свѣта, заправлялъ танцами, формируя то кадрили, то экосезы. Кавалеры кое-какъ исполняли свои обязанности, но дамы просто топтались на мѣстѣ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о танцахъ, и долговязый канцеляристъ тутъ же давалъ имъ уроки. Бѣдняку было много работы и съ музыкантами, мѣстными виртуозами, которые на крестьянскихъ свадьбахъ мастера своего дѣла, здѣсь знали одинъ экосезъ и и кое-какъ пилили »вальсъ сумасшедшаго«, гдѣ-то случайно выученный. При такомъ убогомъ репертуарѣ распорядитель танцевъ ухитрялся, однакожъ, сочинять свои »кадрели«, состоявшія въ ту эпоху изъ одного вальса и требовавшія только четыре пары. Французская кадриль только еще начинала входить въ употребленіе, но ее танцовали не вездѣ и въ высшемъ кругу, такъ какъ для этого требовалось изучить разныя, довольно трудныя, па, которыя выдѣлывались тогда со всею аккуратностію. Когда пробѣжала молва о пріѣздѣ офицера, общество молодежи оживилось, разсчитывая на прибавку лишняго кавалера, а многія поповны поспѣшили подбѣжать къ зеркалу и привести въ порядокъ свои незатѣйливые туалеты.

Войдя въ залу и раскланявшись съ гостями, Винорѣцкій быстрымъ взоромъ окинулъ общество, въ которомъ, какъ и слѣдовало ожидать, увидѣлъ длиннополые сюртуки и мѣшковатыя платья безъ талій, въ атмосферѣ свѣчнаго сала, винныхъ испареній и грошовой московской помады. Изъ передней выглядывали три музыканта въ однѣхъ рубашкахъ, а по всѣмъ направленіямъ бѣгали кучи дѣтей, подымавшихъ возню и разводимыхъ родителями или старшими въ семействѣ. Но вотъ онъ пристально взглянулъ на правый уголъ — и не вѣрилъ себѣ; онъ даже протеръ глаза, полагая, что послѣ мятели ему, Богъ знаетъ что, померещилось. Въ углу сидѣла молодая особа лѣтъ двадцати-двухъ, трехъ, въ изящномъ костюмѣ послѣдней моды, въ цвѣтахъ, въ щегольскихъ парижскихъ перчаткахъ и граціозно прохлаждала себя небольшимъ перламутровымъ вѣе-

ромъ. Возлѣ нея, въ почтительномъ положеніи стояли хозяйка и женихъ, первая держа на подносѣ чашку чаю, а послѣдній подавая на тарелкѣ сухіе крендели. Отецъ Демьянъ, расталкивая молодежь, повелъ Винорѣцкаго прямо къ этой особѣ.

— Вотъ, ваше сіятельство, сказалъ онъ — Господь послалъ намъ еще одного гостя.

Поручикъ отрекомендовался, недоумѣвая, въ какой край онъ попалъ и въ присутствіи какого сіятельства очутился.

— Я очень много слышала о васъ, проговорила молодая особа, пѣвучимъ голосомъ, по французски — потому что знакома съ нѣсколькими вашими офицерами.

— Значитъ, я имѣю удовольствіе видѣть княгиню Кольцыну.

— Къ вашимъ услугамъ.

Хотя и въ сюртукѣ безъ эполетъ, однако, по всегдашнему обычаю, Винорѣцкій одѣтъ былъ не только опрятно, а щеголевато и съ этой стороны могъ быть совершенно покоенъ. Въ карманѣ у него нашлась пара свѣжихъ перчатокъ, которыя онъ надѣлъ въ ту же минуту, въ восторгѣ отъ неожиданной встрѣчи съ предметомъ давнишнихъ помышленій.

Дѣло объяснилось позже. Винорѣцкій своротилъ съ дороги подъ прямымъ угломъ и проѣхалъ верстъ двадцать къ имѣнію княгини Кольцыной. Дорошовскій священникъ училъ княгиню еще малюткой закону Божію и, когда она воротилась изъ Петербурга снова въ деревню, возобновилъ старинное знакомство. Выдавая дочь замужъ, отецъ Демьянъ просилъ Кольцыну въ посаженыя матери, которая пріѣхала часа на два, но была застигнута мятелью и не знала что дѣлать. Попасть за шесть верстъ домой не представлялось никакой возможности; оставаться въ домѣ священника, гдѣ такая масса народу, тоже было неудобно. И вотъ, волей-неволей, петербургская барыня проводила вечеръ въ душной атмосферѣ, въ обществѣ людей чуждыхъ для нея во всѣхъ отношеніяхъ.

И говорить нечего, что Винорѣцкій тотчасъ же подсѣлъ къ Кольцыной, и у нихъ завязалась самая живая бесѣда, имѣвшая цѣлью съ одной стороны приковать къ своей колесницѣ извѣстнаго счастливца волокиту, а съ другой побѣдить неуловимую красавицу, которая, закруживъ головы многимъ офицерамъ, посмѣялась надъ всѣми обожателями. Когда, натѣшившись вдоволь надъ костюмами и манерами всего общества, разумѣется, по французски, Винорѣцкій и княгиня завели самый тонкій разговоръ о чувствахъ, о высокой любви, о могуществѣ комильфотности, — однимъ словомъ, понесли ерунду,

какую несутъ и теперь въ подобныхъ случаяхъ люди этого закала, — женихъ подскочилъ къ княгинѣ.

— Теперь, ваше сiятельство, сказалъ онъ, — и вамъ можно станцовать хоть одну кадрель съ ними, прибавилъ онъ, указывая на Винорѣцкаго.

— Право, не могу. Вы, пожалуйста, не думайте, чтобы я перебирала кавалеровъ — мнѣ все равно — а у меня болитъ нога, и я не въ состоянiи. А вотъ просите m-r Винорѣцкаго, сказала княгиня съ лукавой улыбкой — онъ считается первымъ танцоромъ въ полку.

— Сдѣлайте одолженiе, ваше благородiе, не откажите, вмѣшалась хозяйка, которая считала обязанностью присутствовать возлѣ именитой гостьи.

— Я .. готовъ, проговорилъ Винорѣцкiй.

— Что за кадрель! крикнулъ какой-то подгулявшiй гость — катай просто вальца, я самъ пущусь, пока есть силы.

— Позвольте, возразилъ женихъ — дадимъ мѣсто: вотъ господинъ офицеръ протанцуетъ и, можетъ быть, покажетъ новыя манеры.

Молодые люди мигомъ очистили мѣста, дамы усѣлись на стулья и потупили глаза, помышляя со страхомъ, кого-то выберетъ хорошенькiй офицеръ. Но выборъ былъ не труденъ, потому что вокругъ сидѣли такiя неуклюжiя дамы, съ которыми, повидимому, рѣшительно невозможно было вальсировать. При извѣстiи, что офицеръ пойдетъ танцовать, гости собрались въ залу, а музыка запиликала, разумѣется, въ разладъ, »вальсъ сумасшедшаго«.

— Боже мой! сказалъ Винорѣцкiй, обращаясь къ княгинѣ — какъ мнѣ пускаться съ этими чурбанами?

— Только смѣлѣе. Между дамами есть хорошенькiя.

— Но турнюры, но платья, но эти красныя руки...

— Я хочу непремѣнно видѣть, какъ вы танцуете: говорятъ неподражаемо.

Съ цѣлью порисоваться передъ княгиней, хоть и скорчивъ недовольную мину, Винорѣцкiй подошелъ къ ближайшей поповнѣ и ловко раскланялся.

— Не угодно ли? сказалъ онъ.

— Покорно благодарю, проговорила дѣвушка, вставая съ мѣста.

— Сдѣлайте одолженiе.

— Ей Богу, покорно благодарю. Я никогда вальца не танцовала, спросите у кого угодно.

Но уже мать дѣвушки замѣтила сцену и выскочила изъ противоположной двери.

— Что тутъ происходитъ? спросила она.

— Я приглашаю на вальсъ, отозвался Винорѣцкій.

— А она?

— Имъ не угодно.

— Танцуй, Маша!

— Я, маменька, не умѣю, можетъ быть, по ихнему.

— Танцуй, я приказываю! прикрикнула маменька, топнувъ ногой и поправляя чепецъ, свернувшійся на сторону.

Не ожидая вторичнаго приказанія, дѣвушка бросилась къ Винорѣцкому, схватила его за талію, какъ берутъ дамъ кавалеры и повлекла его на средину, кружась по извѣстнымъ ей пріемамъ и выказала такую силу, что поручикъ нескоро могъ справиться. Вокругъ раздался смѣхъ, вообще выражавшій удовольствіе, и даже княгиня, несмотря на аристократическія замашки — скрывать свои ощущенія — разсмѣялась, какъ самая наивная пансіонерка. Самъ Винорѣцкій не могъ удержаться, и хоть, наконецъ, удалось ему попасть на тактъ, однако онъ не съ умѣлъ отнять руку дамы отъ своей таліи и вальсировалъ съ ней во взаимныхъ объятіяхъ. Ошибка эта была принята обществомъ за нововведеніе, и тотчасъ же всѣ пары пустились подражать новой манерѣ, находя ее очень ловкой и удобной. Княгиня развеселилась и, кокетничая съ уланомъ, держала его, однакожъ, на весьма почтительномъ разстояніи. Это была брюнетка, очень хорошенькая, съ огненными глазами, съ маленькимъ ротикомъ и съ той немножко лукавой физіономіей, которой, не изучивъ, вы не узнаете, весела ли она, или серьезна. Балованное дитя богатыхъ родителей, Анна Сергѣевна Кольцына, попавъ съ малолѣтства въ омутъ столичной жизни, слишкомъ рано сознала въ себѣ предметъ многочисленныхъ исканій и, подъ вліяніемъ жены брата, сдѣлалась въ полномъ смыслѣ петербургской барышней того времени. Въ ея движеніяхъ не было ничего провинціальнаго; она держалась просто, смотрѣла на незнакомыхъ или на равныхъ гордо, а съ тѣми, кого считала ниже себя, обходилась довольно привѣтливо, разумѣется неискренно, потому что, собственно говоря, въ ней мало оставалось человѣческаго. Эта прекрасная молодая женщина была олицетворенная пустота, вышла замужъ по разсчету, имѣя одну цѣль въ жизни — блистать на балахъ да сводить съ ума мужчинъ, и если еще сохранилось въ ней желаніе, заставлявшее биться ея сердце, это — попасть хоть какъ нибудь

ко двору, куда, впрочемъ, попасть ей не представлялось возможности. Въ этихъ видахъ она заставила служить своего мужа, который вышелъ въ отставку, и страшно интриговала доставить ему видное мѣсто, на которомъ можно было пріобрѣсть положеніе, приближающее къ почестямъ. Но покровитель, одинъ весьма древній старецъ, обѣщавшій ей успѣхъ, отправился ad patres, и князь не могъ уже собственно своей особой добиться чего хотѣлось его хорошенькой половинѣ. Кольцыну, какъ говорится, не везло, во первыхъ, за неимѣніемъ протекціи, во вторыхъ, онъ былъ глупъ, а въ третьихъ, такой лѣнтяй, что еслибъ и могъ отличиться на своемъ мѣстѣ хоть усидчивостію, то и этому мѣшали сибаритизмъ и лежанье на покойномъ диванѣ. Правда, онъ имѣлъ хорошее состояніе, взялъ за женой столько же, но это привело лишь къ тому, что, угощая завтраками и обѣдами нужныхъ людей, онъ втянулся въ обжорство и высшимъ блаженствомъ въ жизни находилъ свѣжія устрицы да самый смрадный лимбургскій сыръ съ шевелящимися червями. Когда покровитель его умеръ, а новыя власти стали тянуть вверхъ своихъ protegés, очень явно въ ущербъ Кольцыну, княгиня попробовала еще пустить въ ходъ всѣ зависѣвшія отъ нея средства, но, увы, обожглась, не бывъ въ состояніи выхлопотать мужу не только повышенія, а ровно никакой награды. Обиженная барыня расплакалась, сдѣлала мужу сцену и, увѣривъ его, что онъ ни минуты не долженъ оставаться на службѣ, увезла въ деревню, пока tout le monde забудетъ сдѣланную ему несправедливость. Разумѣется, tout le monde скоро позабылъ князя, не такъ скоро хорошенькую княгиню, и отъѣздъ ихъ изъ Петербурга не произвелъ никакого эффекта, на который разсчитывала послѣдняя; только записные объѣдалы любили припоминать княжескаго повара, да нѣсколько волокитъ поскучали по княгинѣ, пока не нашли новыхъ предметовъ для выраженія своихъ подогрѣтыхъ чувствъ и напускнаго разочарованія.

Княгиня Анна Сергѣевна Кольцына никогда не любила своего мужа, хотя скандальная хроника того общества, въ которомъ она вертѣлась, не утверждала положительно, что она измѣнила супружеской вѣрности. Поговаривали, и то по секрету, ближайшія пріятельницы, будто-бы старецъ-покровитель пользовался особеннымъ ея расположеніемъ; но кто зналъ этого господина, едва державшагося на ногахъ, тѣ готовы были на пари, что съ этой стороны голова князя не могла опасаться никакихъ украшеній. Кузина Анны Сергѣевны однажды видѣла,

какъ почтенный старикашка стоялъ передъ княгиней на колѣняхъ въ будуарѣ и будто цѣловалъ ея ножку, но во первыхъ, это еще требовало подтвержденія, а во вторыхъ, есть благодушные старички, которымъ и подобная ласка служитъ уже высочайшимъ блаженствомъ. Съ молодыми людьми княгиня кокетничала на чистоту, т. е. вертѣла ими по произволу, завлекала въ свои сѣти, и когда иной изъ нихъ дѣйствительно къ ней привязывался, ловкая барыня принимала въ немъ участіе, выслушивала признаніе и дружески совѣтовала позабыть ее, на томъ основаніи, что она не измѣнитъ своему Этьену. Князь Степанъ, дѣйствительно, былъ, что называется, красавецъ мужчина, большаго роста, съ глазами навыкатѣ, хотя и блестящими, но безсмысленными, и когда молчалъ, то походилъ на умнаго человѣка. Но только князь Степанъ открывалъ ротъ, даже чтобъ потребовать стаканъ воды, онъ не могъ обойтись безъ того, чтобъ не сказать какой нибудь глупости и потомъ не расхохотаться, воображая, что съострилъ, и тѣмъ окончательно доказывалъ младенчество своего убогаго разсудка. Разговоръ же его вообще заслуживалъ исторической извѣстности: его собирались просто слушать. Конечно, все это для жены покроя Анны Сергѣевны были вещи постороннія, тѣмъ болѣе, что бесѣдовать и острить она имѣла возможность съ десяткомъ обожателей, но, какъ мужъ, князь Степанъ представлялъ изъ себя экземпляръ, не валяющійся по улицамъ.

Винорѣцкій ничего этого не зналъ, а видѣлъ передъ собою лишь »лакомый кусочекъ«, который не мѣшало бы приполучить, а когда еще, нарочно или случайно, княгиня приподняла немного платье, и Донъ-Жуанъ увидѣлъ ботинку самыхъ крошечныхъ размѣровъ, у него просто разгорѣлись глаза, и онъ не могъ не подумать:

»Экая крошка, чортъ побери! А у Наташи нога, по крайней мѣрѣ, въ полъаршина.«

Кромѣ счастливой и до-нельзя соблазнительной наружности, Анна Сергѣевна обладала еще даромъ болтовни, особенно со своими обожателями, разумѣется, на французскомъ языкѣ, такъ что Винорѣцкій довольно скоро увлекся неожиданной встрѣчей и разсчитывалъ провести день, другой въ обществѣ хорошенькой княгини. Конечно, здѣсь не послѣднюю роль играла мысль побѣдить барыню высшаго полета — обстоятельство не весьма обыкновенное въ жизни армейскаго офицера. По уѣзду и вообще по всей окрестности носилась молва, что домъ князя Кольцына принадлежалъ къ самому блистательному кругу въ

Петербургѣ, и хотя княгиня лучше другихъ знала, что ей не приходилось видѣть этого блистательнаго круга иначе, какъ въ театрѣ или на Невскомъ, однако она поддерживала мысль о принадлежности своей къ избранной аристократіи.

Между тѣмъ, танцы шли своимъ чередомъ. Винорѣцкій, для утѣшенія княгини, бралъ поочерди дамъ и выдѣлывалъ штуки, гости пили пуншъ и непритворно веселились, а мятель шумѣла и засыпала улицы, заборы, настилая въ иныхъ мѣстахъ снѣгу въ уровень съ крышами. Хотя княгиня и не скучала съ пріѣздомъ Винорѣцкаго, однако удушливая атмосфера и мысль провести ночь на бивуакѣ начали пугать ее, особенно съ тѣхъ поръ, какъ слуга, посланный на единственный постоялый дворъ, объявилъ, что комната есть, но такая грязная и холодная, что врядъ ли можно тамъ расположиться. Хозяйка предлагала самую лучшую горницу и посильныя выгоды, но княгиня очень хорошо знала, что хозяевамъ не выгонять же гостей на улицу; потому рѣшено было провести ночь на постояломъ дворѣ, а чтобъ княгинѣ не было страшно — она спать уже не предполагала — Винорѣцкій вызвался оберегать ее отъ всѣхъ опасностей. Съ этой цѣлью попадья отослала на постоялый дворъ все, что могла отдѣлить для такой именитой гостьи, горничная Анны Сергѣевны отправилась устраивать квартиру, и послѣ ужина, отъ котораго нельзя было отговориться, княгиня, въ сопровожденіи Донъ-Жуана и съ двумя верховыми, уѣхала на ночлегъ, который, къ счастію, былъ недалеко. Довольно просторная горница была наскоро прибрана, окна завѣшаны, столъ накрытъ чистой скатертью, и на большихъ нарахъ горничная постлала постель для своей барыни. Въ дверь не только дуло, а наносило мелкаго снѣгу, и хотя въ печкѣ трещалъ привѣтливый огонекъ, однако температура стояла ниже нуля; закрывать же скоро трубу было бы неблагоразумно. Княгиня, собственно изъ любопытства заглянула на свою постель и отошла съ продолжительной гримасой, потому что врядъ ли даже видѣла такія толстыя наволочки и такую неопрятную простыню. Въ постели, впрочемъ, не представлялось надобности, такъ какъ Анна Сергѣевна рѣшилась до утра просидѣть въ шубѣ, а Винорѣцкій испросилъ разрѣшеніе быть ея собесѣдникомъ. Горничная скоро задремала въ углу, склонясь на каретную подушку, и Донъ-Жуанъ съ княгиней съ глазу на глазъ оставались до разсвѣта. Разговоръ не прекращался, и хотя поручикъ, какъ искусный волокита, не начиналъ формальнаго признанія, однако, пробовалъ

напѣвать Аннѣ Сергѣевнѣ, что онъ не удивляется многимъ своимъ товарищамъ, которыхъ она свела съ ума и заставила дѣлать глупости. Княгиня выслушивала его намеки и смѣялась, а, между прочимъ, при каждомъ удобномъ случаѣ давала ему замѣтить, что ее нельзя поймать на обыкновенныя штуки. Тогда Винорѣцкій разомъ перемѣнилъ свою методу и началъ въ комическомъ видѣ откровенно описывать ей свои похожденія, разумѣется, присочиняя многое для красоты слога и пустивъ въ ходъ coup de maître, т. е. заявивъ, что готовъ отдавать женщинамъ полную справедливость, но что искрено любить никогда не въ состояніи.

Княгиня пристально посмотрѣла на своего собесѣдника.

— Это, впрочемъ, общая пѣсня молодежи, замѣтила она съ легкой улыбкой.

— Конечно, рѣдкій не прикидывается разочарованнымъ, но я выстрадалъ это убѣжденіе и желалъ бы остаться такимъ, какимъ былъ доселѣ.

— Отчего же?

— Гораздо покойнѣе.

— Значитъ, сколько я могу понимать, вы еще не вполнѣ увѣрены въ своемъ ледяномъ равнодушіи.

— Почти увѣренъ.

— Но съ какой же цѣлью эта масса похожденій, если ни въ одномъ изъ нихъ не участвуетъ сердце?

— Мнѣ необходима дѣятельность, и, бросившись въ этотъ разнообразный омутъ, я предохраняю себя отъ всего серьезнаго.

— Знаете ли, Винорѣцкій, мнѣ нравится ваша откровенность: мы можемъ, кажется, быть дружны съ вами. Я сама не прочь повеселиться, но, признаюсь, не люблю своихъ адорантовъ, если они уже черезчуръ надоѣдаютъ мнѣ пламенными вздохами.

— Я тотчасъ же подмѣтилъ вашъ характеръ и въ доказательство уваженія не сталъ маскироваться и высказалъ себя какъ есть.

— Мы, значитъ, понимаемъ другъ друга: я не могу никого любить, потому что вѣрна мужу, вы не поддаетесь нѣжной страсти; слѣдовательно, съ обѣихъ сторонъ была бы напрасная трата времени. Превосходно, Винорѣцкій! Я очень рада вашему знакомству, и если мы будемъ сходиться на здѣшнихъ балахъ, то посмѣемся. Надѣюсь, вы и къ намъ завернете.

— Знакомство съ вами давно уже интересовало меня, хотя,

признаться, и съ другой цѣлью. Теперь же я въ восторгѣ и боюсь только одного — наскучить вамъ своими посѣщеніями.

— Утромъ, когда утихнетъ мятель, я повезу васъ съ собою, познакомлю съ мужемъ, онъ васъ отлично накормитъ, вы прекрасно выспитесь, а вечеромъ посмѣемся, потому что, вѣрно, пріѣдетъ кто нибудь изъ сосѣдей.

Винорѣцкій упорно проповѣдывалъ неспособность свою влюбиться, княгиня ловко щелкала его, если онъ, позабывшись, адресовалъ ей какую нибудь утонченную любезность, и, такимъ образомъ, бесѣда длилась до разсвѣта. Мятель, между тѣмъ, поутихла, всѣ дорожные засуетились, и княгиня часу въ восьмомъ уѣхала домой, увезя молодаго человѣка, объявившаго себя застрахованнымъ отъ любви, но котораго она дала себѣ слово завертѣть, какъ шестнадцатилѣтняго мальчика. Съ подобными же надеждами и Винорѣцкій садился въ возокъ Анны Сергѣевны.

Съ Наташей произошла большая перемѣна. Послушная, наивная дѣвочка преобразилась въ пылкую любящую женщину, передъ нею уже ясно опредѣлилась цѣль жизни, и хотя Марья Семеновна продолжала обращаться съ ней, какъ съ ребенкомъ, однако начала заботиться и объ ея судьбѣ и о туалетѣ. Сближеніе племянницы съ Владиміромъ Андреевичемъ не возбуждало въ старухѣ никакихъ опасеній, на томъ основаніи, что воспитывая дѣвушку въ самыхъ строгихъ правилахъ добродѣтели, она была совершенно спокойна, тѣмъ болѣе, что молодые люди вели себя очень хитро и скрывали свои отношенія съ большою ловкостію. Посѣщенія волокиты доставляли удовольствіе тетушкѣ и племянницѣ, но наслаждались — одна разнообразными, трудными пасьянсами, а другая — восторгами любви, потому что Винорѣцкій, какъ мы уже видѣли, мало по малу началъ сокращать визиты къ Балгановой, а со времени встрѣчи съ княгиней по цѣлымъ недѣлямъ не навѣдывался въ Зимницы. Старуха искренно вѣрила отлучкамъ его по службѣ, но Наташа, чуяла ли она сердцемъ, догадывалась ли просто, часто плакала тайкомъ и при рѣдкихъ свиданіяхъ упрекала своего Вольдемара. Донъ-Жуанъ рѣшительно охладѣлъ къ Наташѣ; но, во первыхъ, онъ не хотѣлъ сказать этого дѣвушкѣ наотрѣзъ, зайдя съ ней слишкомъ далеко, во вторыхъ, княгиня обѣщала ему выхлопотать переводъ въ гвардію, въ третьихъ, онъ никогда не рѣшался на явный разрывъ, оставляя за собою лишнюю интригу на всякій случай. Пріѣзжая въ Зимни-

цы, онъ, однакожъ, прикидывался необыкновенно нѣжнымъ съ Наташей, не изъ желанія притворной любовью усыпить подозрѣнія дѣвушки, не изъ угрызенія совѣсти, а просто по привычкѣ, тѣмъ болѣе, что Наташа была очень хороша, и если имѣла какой нибудь физическій недостатокъ, это большую ногу, что, впрочемъ, и было первой причиной охлажденія Винорѣцкаго. Извиняя свои отлучки служебными занятіями, онъ кромѣ того увѣрялъ Наташу, что въ іюнѣ окончится его церковное покаяніе, за которымъ въ перспективѣ рисовалъ влюбленной дѣвушкѣ счастливое супружество. Бѣдняжка готова была вѣрить, но въ отсутствіе Вольдемара нерѣдко по цѣлымъ ночамъ плакала и подумывала объ измѣнѣ. При свиданіяхъ она не скрывала своихъ опасеній, хотя и не видѣла въ Вольдемарѣ особенной перемѣны.

Между тѣмъ, Винорѣцкій былъ далеко не тотъ... не говорю относительно Наташи, но и въ обыкновенномъ образѣ жизни. Встрѣча съ княгиней странно подѣйствовала на этого молодаго человѣка, который, не зная до сихъ поръ никакой преграды въ своихъ волокитствахъ, наскочилъ вдругъ не только на опытную кокетку, но на женщину, способную жестоко насмѣяться надъ оплошнымъ обожателемъ. Борьба на жизнь и смерть съ Анной Сергѣевной, объявленная подъ личиной дружбы, завлекая Винорѣцкаго, и заставлявшая его пустить въ дѣло всѣ доступные ему маневры, но, несмотря на то, приводившая къ однѣмъ неудачамъ, сильно подѣйствовала на нравственное состояніе волокиты. Встрѣчая въ Аннѣ Сергѣевнѣ нѣсколько перемѣнъ на день, отъ убійственнаго равнодушія и холодной насмѣшки до той ласкающей мягкости, которая готова ободрить самаго робкаго юношу, Винорѣцкій просто мучился въ этихъ переходахъ, но не могъ — ни овладѣть капризной красавицей, ни вырваться изъ сѣтей этого »демона въ юбкѣ«, какъ называли ее офицеры. Одно только примиряющее въ этой интригѣ было для нашего Донъ-Жуана: судя по наружности, товарищи могли считать его счастливцемъ, такъ какъ онъ по нѣскольку дней проводилъ у княгини, постоянно выѣзжалъ съ нею и почти прекратилъ всѣ постороннія волокитства.

Въ концѣ великаго поста княгиня неожиданно получила изъ Петербурга письмо, которымъ извѣщали ее, что князь, при небольшой настойчивости, могъ бы получить мѣсто, способное привести его на степень извѣстнаго значенія и почестей. Облѣнившійся князь Степанъ не слишкомъ-то былъ радъ безпокойному переселенію, но ловкая Анна Сергѣевна въ та-

комъ обольстительномъ свѣтѣ умѣла представить ему перспективу гастрономическихъ декорацій и до такой степени затронула его самолюбіе, что разжирѣвшій объѣдало далъ свое согласіе на переѣздъ въ столицу. Вѣсть эта поразила Винорѣцкаго, какъ громомъ, но княгиня ободрила молодаго человѣка, во первыхъ, обѣщаніемъ похлопотать о его переводѣ въ гвардію, во вторыхъ, дала ему почувствовать, что тамъ, въ роскошныхъ сферахъ блестящаго свѣта, среди вѣтреныхъ и перемѣнчивыхъ обожателей, ей отрадно будетъ встрѣчать преданнаго и испытаннаго друга.

Съ отъѣздомъ княгини, Винорѣцкій началъ чаще бывать въ Бѣлокаменцахъ, а слѣдовательно и у Балгановой; но, остынувъ совершенно къ Наташѣ, онъ продолжалъ обманывать дѣвушку собственно изъ любви къ искусству и больше потому, что наступившая весна испортила дороги и прекратила навремя сообщеніе съ дальними окрестностями. Случались моменты, когда онъ смягчался нѣжностію бѣдной покинутой дѣвушки, но это было рѣдко, и передъ нимъ уже въ обольстительномъ свѣтѣ рисовались петербургскіе салоны, гдѣ онъ надѣялся пожить полною роскошною жизнью.

Въ тотъ годъ, по распоряженію начальства, полковой кампанентъ назначенъ былъ нѣсколько ранѣе, и въ двадцатыхъ числахъ апрѣля всѣ эскадроны потянулись въ Дымогаръ, куда по этому случаю переѣхали многія помѣщичьи семейства. Уѣздный городъ принялъ оживленный праздничный видъ, и по всѣмъ улицамъ не было дома, въ окнахъ котораго до поздней ночи не блистало бы яркое освѣщеніе. Разумѣется, самые веселые и многолюдные съѣзды были у исправницы и у городничихи: тамъ постоянно каждый вечеръ танцовали, но и нѣкоторые изъ пріѣзжихъ собирали у себя кружки короткихъ знакомыхъ.

Въ Дымогарѣ болѣе чѣмъ когда нибудь общество разбилось на два враждебные лагеря, и если читатель припомнитъ отношенія, существовавшія между городничихой и исправницей въ началѣ разсказа, то выведетъ непогрѣшительное заключеніе, что съ приходомъ полка барыни эти не могли уже сблизиться ни въ какомъ случаѣ. Несмотря на то, что штабные офицеры, жившіе дружно между собою, старались объ этомъ сближеніи, несмотря даже на нейтралитетъ полковаго командира, который хотѣлъ соединить городское общество, духъ соперничества съ большей силой проявился между госпожами Барнаульской и Фонаревской, такъ что барыни дошли почти до открытой

вражды и старались выкинуть одна другой какую нибудь крупную штуку. Полковой адъютантъ началъ ударять за городничихой, а квартермистръ очаровался прелестями старшей падчерицы исправника, и какъ это были люди довольно вліятельные, то и подбирали себѣ товарищей, которые посѣщали исключительно то или другое общество. Полковникъ, старый волокита, хоть и любилъ посѣщать исправничиху, напѣвая дочерямъ ея легкія нѣжности, однако склонялся болѣе на сторону Фонаревской, которой даже по временамъ строилъ куры, разумѣется, безъ вознагражденія. Сторонницы той и другой партіи крѣпко держались своего знамени, и когда общество сходилось, напримѣръ, въ благородномъ собраніи или у полковника, то дамы, приверженныя, положимъ, къ Барнаульской, старались одѣваться, поддѣлываясь къ послѣдней, а партизанки Фонаревской соображали туалетъ свой съ туалетомъ городничихи и употребляли всѣ зависѣвшія средства затмить соперницъ. Въ теченіе зимы произошли многія столкновенія съ враждебными партіями, но, надобно сказать правду, не случилось ни одного публичнаго скандала, именно вслѣдствіе стараній полковаго командира, который, въ качествѣ перваго лица въ городѣ, хлопоталъ о мирѣ и согласіи. Знакомая намъ дочь почтмейстера, хорошенькая Ѳеня, не измѣняла городничихѣ и служила постояннымъ украшеніемъ вечеровъ Фонаревской; за ней увивались молодые офицеры, но преимущественно, и повидимому съ серьезнымъ намѣреніемъ, полковой штабъ-лекарь, сколотившій кое-какія деньжонки. Ѳеничка, въ полгода постигшая науку уѣздной жизни, всецѣло отдалась зимнимъ развлеченіямъ и находила спеціальное удовольствіе, конечно, не безъ вліянія Фонаревской, отбивать офицеровъ, посѣщавшихъ домъ исправничихи, постоянно увлекаясь тѣмъ или другимъ молоденькимъ корнетомъ. Но она очень хорошо видѣла, что обожатели, и даже самые пламенные, не могли составить партіи, а ей непремѣнно хотѣлось играть самостоятельную роль и имѣть собственную гостиную, въ которой она надѣялась затмить какъ Барнаульскую съ ея дочерьми, такъ и городничиху. Ѳеничка даже пробовала собирать къ себѣ гостей и успѣвала; однако отецъ рѣшительно отказалъ въ деньгахъ на необходимые расходы, и офицеровъ потчивали только плохимъ чаемъ да какими-то базарными коврижками. За ней долго не было серьезныхъ волокитствъ, или, лучше сказать, съ цѣлью супружества, потому что молодежь, любезничая, не помышляла объ узахъ Гименея. Но какъ-то случилось полковой штабъ-ле-

карь, протанцовавъ съ ней мазурку, разсмотрѣлъ поближе, и съ тѣхъ поръ сталъ чаще бывать у почтмейстера и тщательно зачесывать небольшую лысину. Штабъ-лекарь въ полку былъ на отличномъ счету и пользовался славой ученаго человѣка, отъ чего, конечно, и не отказывался, хотя очень хорошо зналъ, что подобное названіе было вовсе не заслуженное. Общее образованіе онъ получилъ жалкое, медицину изучилъ плохо, бывъ тупъ отъ природы, а дипломъ получилъ больше за хорошее поведеніе и долговременной службой добился до званія штабъ-лекаря. Какъ медикъ собственно онъ былъ плохъ, но солдатъ въ полку умирало немного, во первыхъ, потому, что русскій солдатъ имѣетъ крѣпкую натуру, во вторыхъ, младшій полковой медикъ, съ отличными способностями, дѣятельно занимался въ лазаретѣ. Штабъ-лекарь Сутковой, вскорѣ по выходѣ изъ медико-хирургической академіи, женился на богатой купчихѣ, которая года черезъ три умерла, оставивъ мужу значительный капиталецъ по духовному завѣщанію. Сутковой положилъ деньги въ ломбардъ, а самъ довольствовался жалованьемъ, кое-какой практикой и притомъ очень счастливо игралъ въ коммерческія игры. Онъ былъ немолодъ, во еще довольно свѣжъ и послѣ роковой мазурки задумалъ устроить судьбу свою. Всѣ въ городѣ тотчасъ замѣтили, къ кому онъ устремлялъ вздохи свои, а городничиха прибрала будущаго претендента къ рукамъ и начала выхвалять ему характеръ и образованіе почтмейстерской дочки. Разумѣется, исправничиха еще болѣе разсвирѣпѣла, потому что къ ея дочерямъ не адресовался никто, и хоть у старшей дочери постояннымъ обожателемъ былъ квартермистръ, однако она положительно узнала отъ мужа, что молодой человѣкъ всего только годъ въ должности, стоялъ съ полкомъ на очень невыгодныхъ мѣстахъ и не заработалъ больше, какъ тысячи двѣ съ половиной.

Городскія дамы и дѣвицы много слышали о Винорѣцкомъ, и когда весь полкъ собрался въ Дымогаръ, не одно сердечко забилось усиленно отъ желанія познакомиться поскорѣе съ знаменитымъ волокитой. Исправничиха просила квартермистра познакомить его у нихъ въ домѣ запросто, а Фонаревская потребовала отъ адъютанта, чтобъ онъ непремѣнно постарался привлечь такую знаменитость въ ея интимное общество. Послѣдняя, конечно, дѣйствовала не безъ запасной мысли; но адъютантъ былъ такъ самолюбивъ и увѣренъ въ преданности городничихи, что не видѣлъ тутъ никакой опасности и обѣщалъ употребить все вліяніе. Винорѣцкій, однакожъ, безъ всякихъ

постороннихъ внушеній сталъ бывать у Фонаревскихъ чаще, потому что ему приглянулась полногрудая Ѳеничка; и какъ особа эта напрактиковавшаяся уже отъ полугодовой стоянки офицеровъ, умѣла довольно ловко пользоваться всѣми своими преимуществами, то и показала себя съ очень выгодной стороны Винорѣцкому, который хоть и разсчитывалъ по временамъ навѣдываться къ Наташѣ, однако не прочь былъ завести волокитство и въ Дымогарѣ. Штабъ-лекарю это не очень понравилось, но Ѳеничка дѣйствовала съ большимъ искусствомъ и на первыхъ порахъ съумѣла усыпить кандидата въ женихи, питая, впрочемъ, тайную надежду выйти за богатаго и молодаго поручика.

Офицеры каждый вечеръ бывали гдѣ нибудь въ обществѣ, за исключеніемъ Силы Ивановича, который, подобравъ себѣ веселую компанію, рѣзался въ бостончикъ и, по обычаю, совершалъ небольшія путешествія по почтовому дорожнику.

Въ теченіе двухъ недѣль Винорѣцкій одинъ только разъ успѣлъ побывать у Балгановой, остальное же время, въ которое шла усиленная служба, посвящалъ волокитству за Ѳеничкой, старавшейся, какъ говорится, задѣть его за живое. Штабъ-лекарь очевидно уже косился на поручика, и хоть послѣдній, для отвода подозрѣній, иногда ударялъ за самой Фонаревской, однако у влюбленныхъ, да еще пожилыхъ джентльменовъ, какъ-то изощряется способность предвидѣнія. Въ домѣ почтмейстера на Сутковаго смотрѣли какъ на жениха, который, правда, и не сдѣлалъ еще формальнаго предложенія, но всѣ знали, что онъ отправилъ въ губернскій городъ коляску для передѣлки и заказалъ стегать двухспальное атласное одѣяло извѣстной мастерицѣ. Сутковой считалъ дѣло порѣшеннымъ и на томъ еще основаніи, что Ѳеничка принимала отъ него въ подарокъ конфекты и прочія сласти и всегда радушно встрѣчала его у себя дома, хотя онъ, по какой-то робости, не изъяснялся ей парадно въ любви, то есть, по тогдашнему обычаю, ставъ передъ нею на колѣни, не выразилъ чувствъ какими нибудь раздирательными фразами. Почтмейстеръ только и ожидалъ съ его стороны этого пассажа, почтмейстерша даже сама подталкивала Сутковаго: но штабъ-лекарь все собирался съ духомъ, а между тѣмъ, любезностью и угодливостью старался выиграть еще болѣе расположеніе дѣвушки. Ѳеничка хоть и видѣла все это, однако не спѣшила развязкой, во первыхъ потому, что ей весело было любезничать съ молоденькими офицерами и юнкерами, во вторыхъ, штабъ-лекарь ей

рѣшительно не нравился, а въ третьихъ, какая-то темная надежда нашептывала ей, что найдется женихъ и моложе, и красивѣе. Появленіе Винорѣцкаго разрѣшило эту темную надежду: на первомъ же вечерѣ она влюбилась въ него, встрѣтила съ его стороны особенное вниманіе и не могла уже не только чувствовать пріязни къ Сутковому, а, напротивъ, стѣснялась его казенными фразами, которыми обыкновенно штабъ-лекарь выражалъ свои любезности. Ѳеничкѣ не была неизвѣстна репутація Винорѣцкаго и даже послѣднее волокитство его за княгиней Кольцыной; Ѳеничка очень хорошо знала, какую затѣваетъ игру съ неотразимымъ волокитой, но Донъ-Жуанъ прикинулся такимъ смиренникомъ, повелъ дѣло по такому направленію, что дѣвушка рѣшительно сбилась съ толку и словно позабыла всякую осторожность. Винорѣцкій, конечно, далекъ былъ отъ женитьбы и зналъ намѣренія Сутковаго, который при видѣ угрожавшей опасности собирался съ духомъ сдѣлать предложеніе; ему даже одно время хотѣлось, чтобы штабъ-лекарь поскорѣе женился; но какой-то демонъ искуситель подталкивалъ его вести интригу дальше и только въ крайнемъ случаѣ уступить дорогу сопернику. Донъ-Жуанъ словно считалъ для себя оскорбленіемъ отказаться отъ побѣды, за которой устремлялись многіе безуспѣшно, и выпустить изъ рукъ непомятымъ цвѣтокъ для того, чтобъ передать его пожилому и плѣшивому соискателю. Но вмѣстѣ съ этимъ Винорѣцкій очень хорошо постигалъ домашнюю обстановку Ѳенички, а болѣе почтеннѣйшаго ея родителя, который ястребинными глазами слѣдилъ за дочерью и при малѣйшемъ поводѣ, казалось, готовъ былъ подать самое кляузное прошеніе. Волокита сообразилъ всѣ послѣдствія и вдругъ круто поворотилъ со своей интригой. Онъ два раза сряду посѣтилъ Барнаульскихъ и началъ напѣвать нѣжности меньшой падчерицѣ исправника. Разумѣется, маневръ этотъ породилъ нѣсколько различныхъ результатовъ и, само собой, поставилъ волокиту въ благопріятное положеніе. Штабъ-лекарь повеселѣлъ, Ѳеничка надула губки, городничиха оскорбилась, а почтмейстеръ, который посредствомъ писарей собралъ справки о недвижимомъ имѣніи Винорѣцкаго, покачалъ головой, но не сказалъ ни слова. Поцѣлуйкинъ, конечно, доволенъ былъ искательствомъ Сутковаго и даже досадовалъ на нерѣшительность штабъ-лекаря, который медлилъ съ предложеніемъ, но за Винорѣцкаго онъ охотнѣе отдалъ бы дочь, на томъ основаніи, что Сутковому необходимо хоть какое нибудь приданое, между тѣмъ какъ съ богатаго поручика можно было

стянуть и для себя малую толику. Притомъ же, почтмейстеръ, страшный проныра, какъ только замѣтилъ волокитство Винорѣцкаго за дочкой, ему неизвѣстно почему пришла въ голову мысль сочетать ихъ непремѣнно законнымъ бракомъ. Послѣ неожиданнаго оборота дѣла, когда Донъ-Жуанъ перенесъ лагерь свой въ домъ Барнаульскихъ, почтмейстеръ началъ дѣйствовать болѣе основательно и спеціально занялся перепиской Винорѣцкаго: всѣ письма, которыя отправлялъ или получалъ поручикъ, поступали на предварительное разсмотрѣніе Поцѣлуйкина, а какъ корреспонденція Винорѣцкаго производилась преимущественно по французски, то Андрей Юрьевичъ посвятилъ въ тайну аптекаря, который часто бралъ деньги у Поцѣлуйкина для разныхъ торговыхъ спекуляцій. Хотя переписка не открыла ничего особеннаго, кромѣ увѣдомленія, которымъ обнадеживали Винорѣцкаго о скоромъ переводѣ въ гвардію, однако послѣднее обстоятельство навело почтмейстера на мысль взять тонкія предосторожности и, подъ кровомъ строжайшей тайны, выжидать какого нибудь благопріятнаго случая.

Винорѣцкій круто поворотилъ собственно для двухъ цѣлей: ему хотѣлось посредствомъ этого маневра, во первыхъ, ослабить подозрѣніе штабъ-лекаря, во вторыхъ, узнать степень привязанности Ѳенички, что скоро должно было обнаружиться. Поведя дѣло по этому пути, Винорѣцкій не переставалъ бывать у городничихи и, между прочимъ, сталъ открыто подтрунивать надъ штабъ-лекаремъ, выставляя смѣшныя стороны послѣдняго при малѣйшей возможности. Первое время Ѳеня, вслѣдствіе особенной раздражительности, начала было защищать своего постояннаго обожателя, но Винорѣцкій былъ неотразимъ въ этого рода нападеніяхъ, а шутки и остроты его были такъ безпощадны, что, несмотря ни на какую защиту, Сутковой ежедневно подвергался какимъ нибудь уморительнымъ выходкамъ. Большинство молодежи охотно признавало превосходство Винорѣцкаго, и ему немудрено было настраивать юнкеровъ и корнетовъ на разныя школьничества, вслѣдствіе которыхъ Сутковой то падалъ въ танцахъ, то ловился на мистификацію и доставлялъ обществу обильную пищу для веселыхъ шутокъ, конечно, безобидныхъ, но разрушавшихъ его авторитетъ у прекраснаго пола.

Однажды, послѣ ученья, когда эскадроны разошлись по своимъ мѣстамъ, группа офицеровъ, къ которой примкнулъ и штабъ-лекарь на своемъ буцефалѣ, миновавъ заставу, подняла лошадей въ галопъ, съ цѣлью проѣхать молодцами мимо ин-

тересныхъ особъ и, разумѣется, у самыхъ оконъ почтовой конторы. Сутковой, державшійся кое-какъ въ сѣдлѣ, но имѣвшій претензію на ѣздока, не захотѣлъ отстать и тоже былъ не прочь порисоваться передъ Ѳеничкой, которая аккуратно послѣ каждаго ученья сидѣла у окна и высматривала предметъ своей страсти. Въ тотъ моментъ, когда кавалькада приближалась къ почтовой конторѣ и растворилось знакомое всѣмъ окно, одинъ изъ офицеровъ изловчился ткнуть ножнами сабли подъ брюхо лекарскую лошадь, которая, несмотря на все миролюбіе, дала порядочнаго козла и сбросила своего всадника прямо въ небольшую лужу. Произошла суматоха, Ѳеничка вскрикнула, офицеры мигомъ вскочили съ лошадей и поспѣшили на помощь къ Сутковому, который поднялся невредимый, но до того перепачканный, что всѣ окружавшіе, не исключая и Ѳенички, не могли удержаться отъ хохота. Когда лекарь ушелъ переодѣться, а молодежь устремилась погарцовать еще по улицамъ, Винорѣцкій, обскакавъ курцъ-галопомъ площадь, поворотилъ назадъ и подлетѣлъ къ самому окну Ѳенички, такъ что конь его, мотая головой, брызнулъ пѣной на легкое кисейное платье молодой дѣвушки.

Ѳеня встрѣтила Винорѣцкаго привѣтливо, но постаралась удержать недовольное выраженіе въ своей физіономіи. Впрочемъ, она потрепала по шеѣ красивую породистую лошадь.

— Вы бы посовѣтовали Сутковому ѣздить хладнокровнѣе, Ѳедосія Андреевна, а то захотѣлъ потягаться съ молодыми людьми и очутился въ лужѣ.

— Вы извѣстный насмѣшникъ, m-r Вольдемаръ, и васъ не смягчаетъ даже несчастіе ближняго. Васъ давно не видно.

— Былъ вчера у Барнаульскихъ.

Ѳеничка искоса посмотрѣла на своего собесѣдника.

— И весело провели время? спросила она.

— Отмѣнно скучно, отвѣчалъ Винорѣцкій, сдерживая лошадь, и, рисуясь при этомъ случаѣ, показывалъ всю гибкость своей таліи.

— Я васъ не понимаю.

— Это неудивительно. Меня рѣдко кто понимаетъ: такая ужъ доля.

— Вы хитрите.

— Нисколько, да и нѣтъ надобности.

— Вѣдь Липочка очень хороша собой и, говорятъ, бойкая.

— Если вамъ сказать правду, я не замѣтилъ ни того, ни другаго.

— Но вы съ ней два раза танцовали мазурку.

— Это ничего не доказываетъ; я могу танцовать съ ней еще нѣсколько мазурокъ.

— Такъ, значитъ, вы завлекаете бѣдную дѣвушку.

— И это неправда.

— Съ какой же цѣлью вы пристали къ ней? спрашивала Ѳеня, голосомъ нѣсколько мягче и съ просвѣтлѣвшей физіономіей.

— Съ досады, если не съ отчаянія, отвѣчалъ Винорѣцкій и посмотрѣлъ тѣмъ взоромъ, который нерѣдко оканчивалъ его провинціальныя побѣды.

— Проказникъ вы, m-r Вольдемаръ! А у Лизаветы Антоновны будете сегодня?

— Хотѣлъ бы и именно потому, что надобно поговорить съ вами.

— Со мной? спросила Ѳеничка быстро. — Тс! прибавила она тише и оглядываясь — кто-то идетъ.

И вскорѣ въ окнѣ показалось круглое, гладко выбритое лицо почтмейстера.

— Достойнѣйшему Владиміру, Андреевичу, наше рабское почтеніе. Вамъ есть вѣсточка за пятью печатями. Прикажете получить?

— Спѣшу переодѣться, Андрей Юрьевичъ!

— Все равно: я вамъ могу прислать на квартиру съ книгой. Только что разобралъ почту. Вамъ восемьсотъ рублей.

— Такъ мало?

— Помилуйте, еслибъ всѣмъ присылали по стольку... хе, хе, хе. Не угодно ли хоть рюмку водки?

— Право не могу. Извините.

И, раскланявшись, Донъ-Жуанъ отъѣхалъ немного траверсомъ, потомъ, круто поворотивъ направо кругомъ, поскакалъ на квартиру.

Вечеромъ къ городничихѣ собралось обыкновенное общество танцовать подъ фортепьяно, и, къ удивленію и удовольствію Лизаветы Антоновны, явился Винорѣцкій, который по всѣмъ разсчетамъ долженъ былъ присутствовать у исправника. Городничиха, однакожъ, не подала вида, что особенно обрадовалась появленію Донъ-Жуана, и приняла его безъ всякихъ выговоровъ, за что получила въ награду отъ Винорѣцкаго такое юмористическое описаніе семейства Барнаульскихъ, что хохотала до слезъ и не могла не подѣлиться съ восторгомъ со всѣми пріятельницами. Даже Сутковой, смутно догадывавшійся,

что въ паденіи его съ лошади не обошлось безъ участія Винорѣцкаго и тотъ разразился смѣхомъ. О Ѳеничкѣ и говорить нечего, потому что она была весела уже отъ одной мысли — услыхать отъ Винорѣцкаго тайну, содержаніе которой она предчувствовала.

Составились танцы, но, какъ Ѳеня ни хитрила, какъ ни изловчался Винорѣцкій, имъ рѣшительно было невозможно поговорить безъ свидѣтелей, потому что, какъ только они улучали удобную минуту, съ одной стороны подсаживался къ нимъ почтмейстеръ, а съ другой являлся штабъ-лекарь, на котораго нашла какая-то особенная полоса нѣжности. Двѣ, три французскія фразы, брошенныя вскользь, ничего не объяснили, и хотя Ѳеничкѣ очень хотѣлось услышать поскорѣе признаніе Винорѣцкаго, однако она сочла за нужное отложить свое блаженство до болѣе удобнаго времени. Винорѣцкій въ свою очередь не настаивалъ и, не добившись во весь вечеръ интимнаго разговора, сказалъ ей на прощанье по русски, что завтра пришлетъ обѣщанную книгу. Подвернувшійся тутъ же почтмейстеръ счелъ обязанностью поблагодарить Донъ-Жуана за вниманіе къ дочери, а Сутковой предложилъ будущей невѣстѣ проводить ее до дому.

Утромъ Винорѣцкій послалъ Ѳенѣ какой-то романъ, завернувъ его въ листъ бумаги и обвязавъ тесемкой, собственно потому что между листами вложена была маленькая французская записочка. Передъ вечеромъ онъ получилъ обратно романъ съ почталіономъ, который передалъ на словахъ, что эту книгу молъ читали, а просили одолжить другую. Винорѣцкій тотчасъ же послалъ первый попавшійся томъ и по уходѣ почталіона сталъ искать, въ свою очередь, записочки въ листахъ возвращеннаго романа. Въ пламенныхъ выраженіяхъ онъ умолялъ Ѳеничку о свиданіи, обѣщая ей полную исповѣдь сердца, каялся во всѣхъ своихъ волокитствахъ и признавался, что боится потерять разсудокъ. Ему такъ хотѣлось поговорить безъ свидѣтелей съ Ѳеней, что онъ рѣшался, конечно, на смѣлый шагъ, но увѣрялъ дѣвушку, что ей нечего бояться осчастливить его свиданіемъ и что ему необходимо переговорить съ нею въ виду сватовства штабъ-лекаря. Разумѣется, тутъ же были пущены въ ходъ общія мѣста о сродствѣ душъ, о поэзіи встрѣчи и т. п.

Отвѣтъ Ѳенички былъ гораздо короче, по русски, и написанъ весьма дрожавшей рукой, что Винорѣцкій изъяснялъ волненіемъ и робостію. Но его удивилъ казенный слогъ, и воло-

кита нашъ посмѣялся надъ запиской, предназначая ей мѣсто въ числѣ нѣсколькихъ юмористическихъ экземпляровъ, лежавшихъ въ его »хронологіи сердца«. Записка была слѣдующаго содержанія:

»Милостивый государь
Владиміръ Андреевичъ.

»Хотя я безъ позволенія родителей и не должна бы назначать вамъ свиданія, но поелику вы убѣдительно просите объ ономъ, то приходите во второмъ часу ночи. Почтовая контора постоянно бываетъ отворена, и вы, пробравшись въ ворота, обойдите домъ на другой конецъ. Второе окно отъ краю не будетъ затворено, и вы слегка постучите. Теперь ночи темныя; васъ никто не увидитъ, тѣмъ болѣе что папенька уѣхали ревизовать станціи«.

Ваша покорная къ услугамъ
Ѳ. П.

Казенный слогъ, впрочемъ, не помѣшалъ Винорѣцкому придти въ восторгъ отъ развязки интриги, и чтобъ какъ нибудь сократить время, онъ уѣхалъ изъ города, съ однимъ товарищемъ, къ знакомому помѣщику. Но въ двѣнадцатомъ часу онъ былъ уже въ городѣ и, приготовляясь на свиданіе, обдумывалъ, какъ ему вести себя, очутясь на единѣ съ хорошенькой, кокетливой дѣвушкой. Сутковой положительно объявилъ, что дѣлаетъ Ѳеничкѣ предложеніе, что почтмейстеръ согласенъ и барышня почти не колеблется, и вотъ Винорѣцкому блеснула мысль уговорить Ѳеню выйти за штабъ-лекаря, но вмѣстѣ съ этимъ признаться ей въ самой пламенной любви и открыть роковую тайну, что онъ находится на церковномъ покаяніи еще лѣтъ на пять по случаю дуэли. Это, впрочемъ, былъ обычный пріемъ его, потому что давнымъ-давно кончился срокъ его церковному покаянію. Во взаимности Ѳенички онъ не сомнѣвался и рѣшился подорвать супружеское благополучіе Сутковаго заблаговременно, а тамъ... Но тутъ ему начали мерещиться и переводъ въ гвардію, и блистательныя интриги среди шелка, бархата, кружевъ и раздушенной атмосферы въ золоченыхъ будуарахъ.

Въ назначенный часъ Винорѣцкій осторожно, вдоль заборовъ, пробирался къ почтовой конторѣ. Ему попались на встрѣчу нѣсколько товарищей, возвращавшихся домой, но онъ не подавалъ голоса и шелъ своей дорогой. Ворота конторы стояли настежъ, и на дворѣ не было ни души, словно въ необитаемомъ домѣ. Винорѣцкій обошелъ на другой конецъ и съ легкой дрожью

началъ на цыпочкахъ пробираться къ роковому окошку. Робко схватился онъ за раму, которая уступила легкому давленію, и тихонько постучался. На это отвѣчали едва слышнымъ кашлемъ. Бѣлая тѣнь мелькнула и исчезла въ глубь. Недолго думая, Винорѣцкій влѣзъ въ окно и остановился, притаивъ дыханіе.

— Вольдемаръ! послышался шопотъ.

— Теодози!

— Притворите окно и смѣлѣй идите ко мнѣ.

Исполнивъ приказаніе, Винорѣцкій ощупью пошелъ по направленію шопота. Вскорѣ мягкое, теплое, но дрожавшее существо прямо попало въ его объятія.

— Ахъ! что я дѣлаю! произнесъ молоденькій голосъ Ѳени.

Увлеченный прикосновеніемъ бархатнаго тѣла, Донъ-Жуанъ прежде успокоительныхъ фразъ хотѣлъ уже поцѣлуями заглушить робость своей жертвы, какъ вдругъ, словно на сценѣ театра, распахнулась дверь, блеснуло яркое освѣщеніе, и въ комнату вошли почтмейстеръ въ мундирѣ, его помощникъ, аптекарь, квартальный и два почталіона.

— Такъ-то поступаютъ благородные люди, милостивый государь! сказалъ почтмейстеръ Винорѣцкому, который, бывъ застигнутъ врасплохъ, не успѣлъ даже выпустить изъ рукъ Ѳеничку, лишившуюся чувствъ на груди его.

Разумѣется, Винорѣцкій не могъ представить никакихъ оправданій. Не стану описывать сцены, разыгранной почтмейстеромъ, какъ онъ увлекался оскорбленіемъ и какъ тотчасъ хотѣлъ послать за полковникомъ, — однимъ словомъ, надѣлать скандала.

Сцена, однакожъ, кончилась тѣмъ, что Винорѣцкій долженъ былъ сдѣлать формальное предложеніе, но кромѣ этого дать подписку на гербовой бумагѣ при свидѣтеляхъ — чрезъ недѣлю сыграть свадьбу, безъ чего Поцѣлуйкинъ не отпускалъ волокиту и не соглашался отложить посылку квартальнаго къ полковому командиру. Когда первыя минуты смущенія миновали и невѣста пришла въ себя, гостей позвали въ залу, почтмейстерша вынесла шампанскаго и, прослезившись, благословила свою Ѳеничку.

Рано утромъ дымогарскія улицы представляли необыковенную суматоху; по крайней мѣрѣ, невозможно объяснить того движенія экипажей и той поспѣшности, съ какой знакомые встрѣчались и расходились, перекинувшись двумя, тремя словами. Еще не было и девяти часовъ утра, какъ экипажъ исправ-

ничихи остановился у городническаго подъѣзда. Слуга очень удивился появленію Барнаульской, однако поспѣшилъ высадить ее изъ коляски.

— Дома Лизавета Антоновна?

— Недавно встали.

— Пожалуйте, пожалуйте! раздался голосъ городничихи: — я всегда вамъ рада.

Барнаульская почти вскочила въ залу.

— Теперь, душа моя, не такое время, чтобъ помнить разныя неудовольствія, начала она: — слышали новость?

— Не о Ѳеничкѣ ли?

— Ну, да.

— Знаю еще со вчерашняго дня. Мужа разбудили ночью и пригласили на сговоръ.

— Какая жалость! А я полагала сообщить вамъ первымъ.

— Покорно благодарю, напрасно безпокоились, отвѣчала съ иронической улыбкой Фонаревская — неужели же вы считаете моего мужа такимъ колпакомъ, что онъ не знаетъ о происшествіяхъ въ городѣ?

Исправница проглотила эту пилюлю.

— Если угодно, сказала Лизавета Антоновна — я могу сообщить вамъ подробности изъ первыхъ рукъ.

— Мнѣ также разсказывали свидѣтели. Но это въ сторону. Говорятъ, Винорѣцкій очень богатъ.

— Душъ около тысячи будетъ на его долю.

— Скажите! Но это безсовѣстно со стороны Ѳенички. Кто бы могъ подумать, что такая молоденькая дѣвушка и постоянно посѣщавшая такой порядочный домъ, какъ вашъ, рѣшилась завести связь съ офицеромъ...

— Я тутъ не вижу ничего особеннаго, да и тѣмъ болѣе, что она выходитъ за него замужъ.

— Говорятъ, штабъ-лекарь хочетъ вызвать Винорѣцкаго на дуэль.

— Мало ли чего говорятъ! Послушайте только, что разсказываютъ о васъ или обо мнѣ. Не прикажете ли чашку кофе?

— Нѣтъ, покорно благодарю: мнѣ надобно еще кое-куда. Очень жалѣю, что мой визитъ къ вамъ былъ неудаченъ.

— Напротивъ, я очень благодарна за доброе желаніе. Не ваша вина, что вы опоздали съ новостью.

Исправничиха въ сильнѣйшей досадѣ уѣхала отъ Лизаветы Антоновны и отправилась прямо къ Поцѣлуйкинымъ, такъ сказать, въ самый источникъ неслыханнаго скандала.

Секретарша уѣзднаго суда прибѣжала къ судьихѣ, которая составляла какую-то мудреную ратафію.

— Вотъ новости, Пелагея Кузьминишна!

— А что, мать моя?

— Вы ничего не слыхали?

— Нѣтъ.

— Эхъ, дайте духъ перевести! Знаете ли, что Винорѣцкій женится на Ѳеничкѣ?

— А пусть себѣ женится!

— Нѣтъ не то, а какъ женится?

— Конечно, по обряду христіанской церкви. Аль онъ басурманъ?

— Эхъ, Боже мой!..

Въ это время къ судьихѣ влетѣла засѣдательша и немного сконфузилась при видѣ секретарши, на которую взглянула исподлобья.

— Значитъ, Пелагея Кузьминишна, вамъ все извѣстно, сказала она съ нѣкоторымъ упрекомъ.

— Еще пока не все.

— Такъ я вамъ разскажу подробнѣе: мнѣ передавала Мавра Семеновна, а ей Степанида Марковна.

— А мнѣ разсказывала сама аптекарша, мужъ которой присутствовалъ въ качествѣ свидѣтеля, замѣтила секретарша.

— Видите ли, Поцѣлуйкинъ давно уже замѣтилъ, что Винорѣцкій подмазывается къ Ѳенѣ, и хоть за нее присватывался штабъ-лекарь, однако почтмейстеръ не промахъ: узналъ, что у Винорѣцкаго двѣ тысячи душъ.

— Не двѣ, а три, возразила секретарша.

— Двѣ въ Калужской, не то въ Московской губерніи.

— Три, и подъ самою подъ Москвою.

— Ну, чортъ съ ними, двѣ или три, вмѣшалась судьиха — не намъ вѣдь онѣ достанутся.

— Какъ провѣдалъ Поцѣлуйкинъ, что этотъ женихъ попригоднѣе, и задумалъ, какъ бы выдать за него дочку. А Винорѣцкій, говорятъ, такой безбожникъ, что о законномъ бракѣ никогда не думалъ, а только обманывалъ чужихъ женъ да неразумныхъ дѣвушекъ.

— Вишь пострѣлъ какой! воскликнула судьиха — значитъ, онъ фармазонъ проклятый.

— И таки фармазонъ отчасти, Пелагея Кузьминишна!.. Вотъ Ѳеня и начала съ нимъ шуры-муры: дѣвка, знаете, бойкая, молодецъ-то красивый. Нужды нѣтъ, что за нее сва-

тался почтенный человѣкъ, Сутковой: она думаетъ — женихъ женихомъ, а съ офицеромъ побаловать не мѣшаетъ, и назначь ему свиданіе у себя въ комнатѣ ночью.

— Какія мерзости! Ну, а отецъ и наскочилъ что ли?

— Вѣдь вы сами знаете Поцѣлуйкина. Пронюхалъ онъ какъ-то и приготовился.

— Ему, говорятъ, сказалъ деньщикъ Винорѣцкаго, перебила секретарша.

— Не деньщикъ, а записка попалась. Видите, вы не знаете, записку писалъ Винорѣцкій, а Поцѣлуйкинъ перехватилъ и распорядился. Только молодецъ пробрался въ комнату Ѳени и начали они тамъ любезничать въ потемкахъ, какъ почтмейстеръ въ полномъ мундирѣ при свидѣтеляхъ и вошелъ торжественно къ дочери.

— Винорѣцкій хотѣлъ застрѣлить Поцѣлуйкина, но квартальный отнялъ пистолетъ.

— Неправда, Винорѣцкій хотѣлъ уйти, а почтмейстеръ вынулъ шпагу и сказалъ: »женись, или тутъ же тебя смерти предамъ«.

— Ну и что-жъ?

— Разумѣется, Винорѣцкій повинился, подписалъ бумагу и сговоръ запили шампанскимъ. Однако, прощайте, Пелагея Кузьминишна: я только поспѣшила сообщить вамъ новость, а мнѣ еще надобно къ Поцѣлуйкинымъ, посмотрѣть, какъ у нихъ въ домѣ.

— Покорно благодарю.

Исправничиха встрѣтилась съ казначейшей.

— Я къ вамъ, сказала послѣдняя.

— Не съ новостью ли? я уже знаю и сама сообщила коекому.

— Какой казусъ!

— Да, скажите! Кто бы могъ предвидѣть? и откуда счастье такому мошеннику? Вѣдь, говорятъ, у Винорѣцкаго три тысячи душъ.

— Я слышала больше. Однако, онъ кажется раненъ.

— Какъ? я не слыхала.

— То-то же. Мнѣ говорила купчиха Перепечкина. Когда почтмейстеръ засталъ его у дочери, то напалъ на него со шпагой, Винорѣцкій вынулъ саблю и сталъ защищаться. Въ это время Ѳеничка бросилась ихъ разнимать, а почтмейстеръ задѣлъ Винорѣцкаго не то въ руку, не то въ ногу.

— Ахъ, страсти какія.

Собесѣдницы разстались.

Однимъ словомъ, вѣсть о ночномъ скандалѣ облетѣла по небольшому городу, разростаясь до чудовищныхъ размѣровъ, и въ комнатѣ у просвирни толковали уже о томъ, что почтмейстеръ знается съ нечистыми духами, именно, что онъ былъ за двадцать верстъ въ минуту свиданія, но вдругъ прилетѣлъ верхомъ на вѣдьмѣ, опустился въ трубу и накрылъ соблазнителя.

А дѣло было очень просто. Поцѣлуйкинъ узналъ изъ перехваченной записки суть, продиктовалъ дочери отвѣтъ, строго предписалъ ей извѣстную роль, самъ выѣхалъ за городъ, откуда въ сумерки пришелъ пѣшкомъ, и устроилъ сцену какъ слѣдуетъ.

Весь полкъ тоже скоро узналъ о происшествіи, разумѣется, не безъ разнообразныхъ комментарій. Во всемъ обществѣ, какъ гражданскомъ, такъ и военномъ, поднялась суматоха. Полковой командиръ тотчасъ же призвалъ Винорѣцкаго и хотя былъ готовъ принять его сторону, т. е. услать куда нибудь, а съ почтмейстеромъ войти въ денежную сдѣлку, но Поцѣлуйкинъ и слышать не хотѣлъ, имѣя въ рукахъ обязательство, подписанное при свидѣтеляхъ. Притомъ же, скандалъ совершился слишкомъ публично, и проволочка дѣла могла повлечь за собою серьезныя и непріятныя послѣдствія. Донъ-Жуану оставалось смириться и подвергнуться тому, чего онъ боялся больше всего въ жизни.

Штабъ-лекарь вздумалъ было вломиться въ амбицію и потребовалъ удовлетворенія отъ Винорѣцкаго, но офицеры доказали ему нелѣпость подобнаго требованія, такъ какъ онъ не былъ женихомъ, и сама дѣвушка предпочла ему соперника.

Больше всѣхъ участія Донъ-Жуану показалъ эскадронный его командиръ; но участіе это, разумѣется, ограничилось словами, потому что ничего нельзя было предпринять въ такомъ исключительномъ и завершенномъ дѣлѣ.

На Винорѣцкаго скандалъ подѣйствовалъ тяжелымъ образомъ, и невольный женихъ заперся въ квартирѣ, принимая только самыхъ близкихъ. Онъ даже принимался нѣсколько разъ плакать, разумѣется, безъ свидѣтелей.

Черезъ недѣлю Ѳеничка вышла замужъ. Вѣнчаніе происходило, по волѣ жениха, въ тайнѣ, въ бѣдномъ селѣ. Послѣ свадьбы, дня черезъ два, Винорѣцкій уѣхалъ въ отпускъ къ матери, оставивъ жену въ родительскомъ домѣ, выдалъ ей двѣ тысячи на содержаніе и подписалъ заемное письмо въ пятьдесятъ тысячъ.

Покидая Дымогаръ, Донъ-Жуанъ, хоть и не по дорогѣ, направилъ путь свой на Бѣлокаменцы. Это было передъ вечеромъ. Онъ оставилъ экипажъ въ сторонѣ и пошелъ пѣшкомъ къ озеру Дикихъ Розъ, не имѣя духу посѣтить Балганову. Имѣлъ ли онъ, или нѣтъ тайную надежду встрѣтиться съ Наташей, но, когда по знакомой тропинкѣ вышелъ на прибрежье, торопливо оглянулъ окрестность. Заходящее солнце золотило край озера, роскошные кусты зеленѣли, шиповникъ расцвѣчивался огненными цвѣтами, а соловьи разливались въ треляхъ на всемъ пространствѣ. Винорѣцкій обошелъ вокругъ, посидѣлъ, закрывъ лицо, на извѣстномъ мѣстѣ, потомъ махнулъ рукой и почти бѣгомъ пустился къ экипажу.

Съ тѣхъ поръ госпожа Винорѣцкая не встрѣчалась съ своимъ мужемъ, который сперва вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ, потомъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и исчезъ за границей при какомъ-то посольствѣ.

Въ Зимницы вѣсть о женитьбѣ Винорѣцкаго дошла нескоро, и, по странному стеченію обстоятельствъ, привезъ ее Сила Ивановичъ, который пріѣзжалъ къ Балгановой нанять для эскадрона нѣсколько десятинъ луга. Передавъ лаконически и своей манерой дымогарское событіе, Холдуновъ прибавилъ:

— Впрочемъ, я всегда этому юбочнику говорилъ, что быть бычку на веревочкѣ,

Но во время этого разсказа ни Холдуновъ, ни Марья Семеновна не замѣтили постепенной блѣдности на лицѣ Наташи, и, когда Сила Ивановичъ подкрѣпилъ послѣднюю фразу ударомъ кулака по столу, Наташа упала въ обморокъ.

Цѣлый мѣсяцъ бѣдная дѣвушка была больна горячкой. Начавъ оправляться отъ болѣзни, она чистосердечно разсказала Марьѣ Семеновнѣ свою тайну, послѣ чего старушка немедленно собралась и переѣхала въ Москву на жительство.

Передъ отъѣздомъ Наташа посѣтила въ послѣдній разъ любимое озеро, обошла всѣ тропинки и на мѣстѣ своихъ свиданій, подъ кудрявымъ кустомъ шиповника, долго плакала, какъ бы желая вылить въ слезахъ самое воспоминаніе о вѣроломномъ.

ПРАПОРЩИКЪ САФЬЯНЧИКОВЪ.

ПРАПОРЩИКЪ САФЬЯНЧИКОВЪ.

Предлагаемый разсказъ принадлежитъ къ той эпохѣ, когда молодечество считалось необходимою принадлежностію офицера, а молодечество заключалось въ кутежѣ, въ своего рода нахальствѣ и въ презрѣніи ко всему, что не облечено въ военную форму, — однимъ словомъ, ко всѣмъ статскимъ, носившимъ названія штафирокъ, рябчиковъ, фрачниковъ и т. п. Въ то время еще сильно бродила закваска, заведенная »ерами и забіяками«, которые очень вѣрно изображены въ стихотвореніяхъ Д. В. Давыдова, и побить какого нибудь почтеннаго господина »за здорово живешь« не только не считалось предосудительнымъ, а, напротивъ, придавало вѣсу въ глазахъ товарищей, убѣжденныхъ, что военный мундиръ надѣлялъ правомъ безнаказанно самоуправствовать въ обществѣ и оскорблять штафирокъ, слѣдуя прихотливой фантазіи. Буянъ былъ увѣренъ въ защитѣ, и если поступокъ его не всегда единодушно одобрялся товарищами, то все-таки честь мундира требовала — сперва защитить и отстоять буяна, а потомъ уже прочитать ему, пожалуй, и суровую нотацію. Честь мундира — я говорю о той отдаленной эпохѣ — понималась какимъ-то особеннымъ образомъ, и если молодой шалунъ оскорблялъ публично женщину, билъ кого нибудь, буйствовалъ на улицахъ, все это были поступки извинительные, — только бы его самого никто не ударилъ, но чуть чья нибудь рука прикасалась къ офицеру, онъ считался уже погибшимъ во мнѣніи товарищей и долженъ былъ, смотря по обстоятельствамъ, или *смывать кровью* обиду, или просто выходить въ отставку. Офицеръ держалъ себя гордо относительно всѣхъ, кого считалъ ниже, и, забываясь очень часто противъ общества, выходилъ изъ себя, если кто нибудь забывался противъ него, по его мнѣ-

нію. Это была самая печальная эпоха нашего военнаго быта, въ которую преданія Бурцовыхъ были еще слишкомъ свѣжи, а новая жизнь не вѣяла на эту среду, и хоть образовались уже кружки дамскихъ поклонниковъ »Сердечкиныхъ«, однако, спеціальность такихъ людей не въ состояніи была вліять на массу, особенно на господъ »съ красносизыми носами«, не признававшихъ ничего кромѣ военнаго кружка, попойки и тѣхъ милыхъ сценъ, которыя иногда срывались съ пера Д. В. Давыдова. Истинно порядочные люди составляли значительное меньшинство и если пользовались иногда любовью товарищей, какъ честные и умные люди, то все же носили названія »бабья«, »философовъ«, »физиковъ«, что на тогдашнемъ офицерскомъ языкѣ имѣло не совсѣмъ лестное значеніе. Молодежь разъѣзжала по помѣщикамъ, танцовала до упаду, волочилась, но это не мѣшало надѣлать дерзостей кому нибудь на балѣ, побить прислугу, сыграть штуку съ безотвѣтнымъ гостемъ, отнять силою квартиру и вообще напроказничать. Дуэли были тогда въ большомъ ходу, и между офицерами, несмотря на строгость закона, за какой нибудь взглядъ, за мнимую небрежность отвѣта, рубились и стрѣлялись, причемъ неутомимо дѣйствовали подстрекатели, потому что, если только дуэль не кончалась смертельною раною, мировую запивали дюжинами шампанскаго. Подобныя попойки влекли за собою какое нибудь другое трагическое приключеніе въ мѣстечкѣ, деревнѣ или городкѣ; но это уже считалось дѣломъ обыкновеннымъ. Избитый крестьянинъ или мѣщанинъ довольствовался, при содѣйствіи мѣстныхъ властей, денежнымъ вознагражденіемъ, а иногда и такъ долженъ былъ перенести побои, потому что обвинялся за дерзость противъ господъ офицеровъ, которая нерѣдко заключалась въ томъ, что онъ не скоро снялъ шапку или не поторопился дать дорогу.

Тогдашніе военные постои были очень тягостны для обывателей, и мѣстечко или селеніе de facto подчинялось командиру баталіона, роты, эскадрона, — разумѣется, не въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Исправникъ жилъ съ полковымъ командиромъ въ ладу, чего требовала обоюдная выгода; слѣдовательно, все, даже уголовныя преступленія скрывались по возможности, развѣ уже невозможно было замять дѣла, сопровождаемаго какими нибудь неблагопріятными условіями. Крестьянинъ свою собственность почти не могъ считать своею, и если, положимъ, у него не отымали чего нибудь силою, то брали втихомолку или вынуждали къ уступкѣ. Но домъ его при-

надлежалъ чисто постояльцу, который дѣйствовалъ по произволу. Разумѣется, между солдатами много добрыхъ людей, и съ такимъ постояльцемъ хозяину было еще сносно; а попадись солдатъ дурной нравственности — тутъ уже не представлялось спасенія. Кромѣ этого, въ то время обыватели содержали войска на своемъ продовольствіи; ибо хотя казна и отпускала на солдатъ муку и крупу, однако теперь уже не тайна, что провіантомъ пользовались командиры частей, добывая отъ общества квитанціи или за нѣсколько ведеръ водки, или при содѣйствіи мѣстной власти. Подобныя вещи, по тогдашнимъ понятіямъ, не марали мундира, а начальники частей славились изобрѣтательностью. Вѣроятно, въ числѣ изустныхъ анекдотовъ, многимъ приходилось слышать объ одномъ ротномъ командирѣ, на какую штуку онъ получилъ съ евреевъ хорошую контрибуцію въ многолюдномъ мѣстечкѣ. Когда этотъ капитанъ прибылъ на стоянку, то чрезъ своихъ довѣренныхъ послалъ сказать евреямъ: кто внесетъ извѣстную сумму, тотъ избавляется отъ постоя. Евреи народъ смышленный — тотчасъ составили митингъ и рѣшили ничего не давать капитану, а отбывать постой натурою, тѣмъ болѣе, что рота должна была стоять по деревнямъ, въ мѣстечкѣ же, при ротномъ дворѣ, оставалось человѣкъ пятьдесятъ — количество незначительное. Рѣшеніе митинга передано было капитану, который, какъ тертый калачъ, не пришелъ въ уныніе, а велѣлъ только передать евреямъ, что если по чести не хотѣли они дать съ дома по рублю серебромъ, то скоро явятся сами и будутъ предлагать по три, но онъ еще подумаетъ. Евреи было струхнули, боясь насилія; но въ первые дни со стороны ротнаго командира не происходило никакихъ непріязненныхъ дѣйствій. Самые робкіе, однако же, втихомолку явились къ капитану и принесли требуемую подать съ просьбою не говорить никому, потому что имъ могло достаться отъ своихъ. Принявъ приношеніе, онъ обѣщалъ не выдавать своихъ покорныхъ данниковъ. Солдаты стояли чрезвычайно смирно, и обыватели начинали считать капитанскую угрозу пустой угрозой, безъ всякихъ послѣдствій. Этакъ черезъ недѣлю ротный командиръ съ фельдфебелемъ обошелъ мѣстечко, отобралъ десятокъ лучшихъ домовъ и назначилъ по одному постояльцу и тутъ же при хозяевахъ строго приказалъ фельдфебелю внушить людямъ, чтобы не буянили, ничего не требовали, даже не просили, а довольствовались бы тѣмъ, что дадутъ, въ противномъ случаѣ обѣщалъ, по тогдашнему обыкновенію, перепо-

роть всѣхъ безъ милосердія. Ободренные подобнымъ приказомъ, евреи приступили было съ вопросомъ, зачѣмъ требуютъ солдатъ изъ деревень, но капитанъ коротко отвѣчалъ, что это его дѣло. И вотъ, съ пяти часовъ утра, въ назначенные дома къ каждому постояльцу являлись нѣсколько товарищей, унтеръ-офицеръ, и начинали учиться стойкѣ, выправкѣ и учебному шагу въ три пріема. Для большаго же эффекта приходилъ барабанщикъ и упражнялся въ своемъ искусствѣ. Можно представить себѣ положеніе еврея съ большимъ семействомъ? На другой же день хозяева отправились къ капитану и удостовѣрились, что ошиблись въ разсчетѣ: на рубль уже не обращено было вниманія, да и на три командиръ едва, едва изъявилъ согласіе. Такимъ образомъ, дня въ три внесена была приличная контрибуція, ученья по хатамъ прекратились, а капитанъ прибралъ къ рукамъ все мѣстечко.

То ли еще происходило, и если припомнить всѣ анекдоты и разсказы, то, пожалуй, иному покажется, что:

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“.

Въ большомъ казачьемъ селѣ, въ Малороссіи, въ темную сентябрьскую ночь свѣтилось еще въ нѣсколькихъ окнахъ. Это были квартиры офицеровъ **—скаго пѣхотнаго полка, который недавно пришелъ изъ похода. Офицеры не успѣли еще познакомиться у окрестныхъ помѣщиковъ и сходились коротать вечера другъ у друга. Надобно сказать, что въ ту отдаленную эпоху подчиненные не слишкомъ любили учащать къ начальству, особенно въ пѣхотѣ, да и самое начальство не охотно принимало подчиненныхъ, на томъ основаніи, что терялась дисциплина, ослабѣвала субординація и страдала самая служба. Но и тогда уже въ нѣкоторыхъ полкахъ ротные командиры принимали офицеровъ и даже юнкеровъ, и если у себя на квартирѣ требовали отъ юнкера и прапорщика чинопочитанія, то съ подпоручиками и выше обходились почти какъ съ товарищами. Особенно, гдѣ велась игра въ карты, тамъ и юнкеръ, разумѣется, со средствами, имѣлъ голосъ и вступалъ съ офицерами въ шумные разговоры. Ротный командиръ тогдашняго времени приглашалъ къ себѣ обѣдать и пить чай своихъ подчиненныхъ; но бывали и такія личности, которыя не сближались съ офицерами — одни изъ спѣси, а другія изъ скупости.

Въ тѣ времена ротный командиръ былъ непремѣнно из-

вѣстныхъ лѣтъ, иногда сѣдой капитанъ, протянувшій лѣтъ тридцать, едва умѣвшій подписать свое имя: такъ и неудивительно, что онъ по своему смотрѣлъ на молодежь и налегалъ и въ домашней жизни на дисциплину и субординацію. Но субалтернъ-офицеры, по обыкновенію, проводили время вмѣстѣ, и, если ротный командиръ былъ не общителенъ, они собирались у кого нибудь изъ товарищей и убивали вечеръ то за копѣечной игрой, то просто за рюмкою и болтовнею. Впрочемъ, если стоянка удавалась веселая и въ окрестности много жило помѣщиковъ, субалтернъ-офицеры безпрестанно ѣздили по гостямъ, пользуясь даровыми обывательскими лошадьми, которыхъ могъ брать безъ прогоновъ каждый офицеръ: стоило только накричать на сельское начальство.

Описываемая рота, не отличаясь отъ прочихъ ничѣмъ по службѣ, сложилась какъ-то странно относительно своихъ офицеровъ, начиная отъ командира, капитана Бобкова и оканчивая переведеннымъ изъ кавалеріи прапорщикомъ Сафьянчиковымъ. Капитанъ Бобковъ принадлежалъ къ тѣмъ неизвѣстнымъ уже теперь личностямъ, которыя, можетъ быть, гдѣ нибудь еще и доживаютъ вѣкъ въ отставкѣ или при покойныхъ должностяхъ, но не проявляютъ уже своихъ особенностей, рѣзко бросавшихся въ глаза во время оно. Происходя изъ оберъ офицерскихъ дѣтей, родившись гдѣ-то на походѣ, Бобковъ выросъ въ полку, выучился грамотѣ у ротнаго писаря, на четырнадцатомъ году поступилъ въ службу и въ сорокъ лѣтъ добился, наконецъ, капитанскаго чина и 3-й мушкатерской роты. Это былъ здоровый, полный мужчина, съ »майорскимъ брюшкомъ«. Онъ не читалъ ни одной книги, кромѣ рекрутской школы и устава, даже смѣялся надъ товарищами, которые наслаждались произведеніями Редклифъ, Августа Лафонтена и Дюкре-дю-Мениля, и рано началъ искать развлеченія въ дарахъ Бахуса. Съ чаркой онъ познакомился очень тѣсно, втянулся и могъ выпивать много безъ послѣдствій, такъ что напоить его можно было только значительнымъ количествомъ хорошей настойки. Капитанъ не любилъ общества, чуждался своихъ офицеровъ, не приглашалъ ихъ къ себѣ, молодежи говорилъ »ты«, игралъ при необходимости въ бостонъ, любилъ службу и преимущественно по утрамъ занимался экзекуціей, нерѣдко сидя за стаканомъ чая съ трубкой, при исполненіи своихъ приговоровъ. Любимой его цифрой и вообще нормой за проступокъ было по пятидесяти »отъ руки«. Теперь, когда въ арміи тѣлесныя наказанія ограничены de jure и de

facto, когда въ нравахъ молодаго поколѣнія они уже начинаютъ казаться чѣмъ-то гнуснымъ и прилагаются лишь по необходимости, съ отвращеніемъ,—можетъ быть, и, конечно, для многихъ непонятна фраза »отъ руки«. Но въ то доброе, старое время она употреблялась какъ общепринятая формула не только въ быту военномъ, но и помѣщичьемъ, потому что большая часть помѣщиковъ служила въ военной службѣ. Обыкновенно провинившагося наказывали два унтеръ-офицера, и каждый долженъ былъ дать извѣстное количество ударовъ; слѣдовательно, по пятидесяти »отъ руки« значило сотня. Впрочемъ, и здѣсь обходился законъ, опредѣляющій наказаніе въ количествѣ ударовъ. Виновный получалъ всегда больше, потому что наказывали и наказываютъ не розгой, т. е. прутомъ, а цѣлымъ пучкомъ гибкихъ прутьевъ, оконечности которыхъ производятъ, безъ сомнѣнія, не одинъ ударъ и не по одному мѣсту, а двадцать и болѣе ударовъ по поверхности тѣла, предназначенной для наказанія и названной когда-то мѣтко—*касательной линіей*. Это обстоятельство не мѣшало бы принять къ соображенію нашимъ криминалистамъ. Притомъ же, въ описываемое доброе, старое время, можно сказать, ни одинъ начальникъ не употреблялъ лозы или березы въ естественномъ состояніи: у иныхъ розги, для сохраненія гибкости и упругости, намачивались въ разсолѣ.

Но возвратимся къ Бобкову. Онъ былъ человѣкъ не злаго сердца, даже мягкій, если хотите, но—что теперь можетъ казаться невѣроятнымъ—считавшій суровое и жестокое обращеніе съ нижними чинами верховной добродѣтелью каждаго порядочнаго офицера. »Ихъ надо драть и драть безъ милосердія«, раздавалось сверху и донизу, если говорилось объ обращеніи съ солдатами, и это правило входило въ плоть и кровь тогдашнихъ офицеровъ, вопреки всѣмъ законамъ и постановленіямъ, которые шли впереди обычаевъ относительно гуманности и предписывали справедливость и умѣренность въ приложеніи наказаній. Но ложное направленіе вкоренялось глубоко, и произволъ вмѣнялся въ достоинство офицеру. Бобковъ, не выходя изъ себя, хладнокровно могъ двадцать человѣкъ на ученьи высѣчь при себѣ и потомъ меланхолически распѣвать, подъигривая на гитарѣ:

> Неси, уныла лира,
> Повсюду вѣсть, стеня и т. д.

или спѣшилъ освобождать муху, запутавшуюся въ паутинѣ Въ полку слылъ онъ отличнымъ ротнымъ командиромъ, хо-

рошимъ товарищемъ и человѣкомъ, пріобрѣтшимъ порядочный капиталецъ И точно: Бобковъ держалъ пару лошадей, имѣлъ крытую бричку, часы, серебряныя ложки, погребецъ, и порой, чтобъ составить партію баталіонному командиру, игралъ въ бостонъ по пятаку (ассигн.) — игра въ то время значительная.

Поручикъ Струнихинъ по цѣлымъ днямъ молчалъ, лежа на постели; подпоручикъ Куропѣгинъ, или, какъ называли его, »плакса«, приходилъ отъ всего въ умиленіе, и только одинъ прапорщикъ Сафьянчиковъ, переведенный изъ кавалеріи, разнообразилъ бесѣды товарищей. Два юнкера, почти безграмотные недоросли, появлялись иногда въ обществѣ офицеровъ, но предпочитали проводить время съ нижними чинами, занимаясь игрой въ носки, въ три листика, или рыскали по деревнѣ искать приключеній.

Я попрошу читателя остановиться немного на личности прапорщика Сафьянчикова, какъ на типѣ, если не невозможномъ въ наше время, то по крайней мѣрѣ довольно рѣдкомъ и проявляющемся при какихъ нибудь исключительныхъ условіяхъ. Это былъ молодой человѣкъ высокаго роста, отличнаго сложенія и красавецъ въ полномъ смыслѣ слова. Его тонкія черты, большіе черные глаза на выкатѣ, его густые въ кудряхъ волосы, жемчужные зубы, очертанія небольшаго рта, оттѣненнаго сверху темными усиками, — все это невольно заставляло заглядываться на Сафьянчикова. И дѣйствительно: трудно было встрѣтить подобнаго красиваго молодаго человѣка, который, кромѣ того, былъ ловокъ, граціозенъ и отлично танцовалъ, что, въ то время, е,ва ли не считалось высшимъ человѣческимъ достоинствомъ, а по выраженію одного остряка было »умъ въ ногахъ« своего рода. Но какъ Сафьянчиковъ былъ хорошъ по наружности, такъ нехорошъ внутреннимъ содержаніемъ и въ двадцать три года перешелъ уже всевозможные пороки: пьянство, кутежъ, буйство, картежъ, развратъ во всѣхъ видахъ, и пріобрѣлъ способность не разбирать средствъ для достиженія какой бы то ни было цѣли. Сынъ генерала, о которыхъ выразился Д. В. Давыдовъ:

„Пусть я буду генераломъ,
Какихъ много видѣлъ я“

первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ какомъ то губернскомъ пансіонѣ, откуда, задолго до кончанія курса, былъ взятъ отцомъ и записанъ въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ, гдѣ прямо попалъ въ общество забулдыгъ, тотчасъ же

сформировавшихъ новобранца. Пока живъ былъ отецъ, Сафьянчиковъ не доходилъ до крайностей; но когда старикъ умеръ, оставивъ сыну въ наслѣдство движимость и ломбардный билетъ въ тридцать тысячъ, молодой корнетъ пустился во всю ивановскую и въ одинъ годъ проигралъ и прокутилъ все, что у него было, до верховой лошади, даже до формы, такъ что въ одинъ прекрасный день остался въ старыхъ сапогахъ со шпорами и въ дырявой юнкерской шинели, которою покрывалъ свою собаку, тоже проигранную. Помощи ему было ждать не откуда. Обыгравшіе товарищи возвратили кое-что изъ платья; но съ тѣхъ поръ жить долженъ онъ былъ однимъ жалованьемъ да надеждой, конечно, смутной, не оставитъ ли кто нибудь ему наслѣдства, хотя у его отца родныхъ никого не было, да и мать, умершая очень давно, была круглою сиротою. Полковой командиръ, однакожъ, по отношеніямъ къ старику Сафьянчикову, принялъ участіе въ судьбѣ молодаго корнета, призвалъ его къ себѣ, намылилъ голову, экипировалъ на свой счетъ, далъ изъ фронта лошадь и сказалъ, что готовъ забыть все и помогать впередъ, если молодой человѣкъ образумится и будетъ прилично вести себя. Обѣщаніе было дано, а дня черезъ три проиграны лошадь и форма и все жалованье за будущую треть, которое, можетъ быть, и уцѣлѣло бы, еслибы самъ казначей не былъ въ числѣ счастливыхъ понтеровъ. Потомъ случилась исторія. Сафьянчиковъ присутствовалъ на вечерѣ, гдѣ нѣсколько офицеровъ обыграли ремонтера чужаго полка, вслѣдствіе чего затѣялась ссора, кончившаяся дуэлью. Хоть Сафьянчиковъ въ дуэли не участвовалъ, однако, какъ человѣкъ вредный въ полку, былъ представленъ къ переводу въ пѣхоту. Для кавалериста пѣхота считалась въ то время ссылкой, и, такимъ образомъ, вслѣдствіе какого-то ложнаго понятія, унижена была лучшая и существеннѣйшая часть арміи. Впрочемъ, въ кавалеріи и до сихъ поръ еще принято считать пѣхоту ниже, хотя теперь для этого нѣтъ рѣшительно никакого основанія. Въ ту эпоху общество кавалерійскихъ полковъ было замѣтно лучше пѣхотныхъ, по той естественной причинѣ, что въ первыхъ служили люди преимущественно со средствами, слѣдовательно болѣе образованные, а теперь, когда всѣ роды войскъ наполнены воспитанниками кадетскихъ корпусовъ, значитъ людьми съ одинаковымъ образованіемъ, кавалеристъ предъ пѣхотинцемъ можетъ хвастаться развѣ состояніемъ, но не ученостію, или »тономъ«, какъ говорилось нѣкогда. Два-три кавалерійскіе

офицера той эпохи, особенно гусарскіе, рѣшительно господствовали на какомъ нибудь балѣ, гдѣ присутствовалъ цѣлый пѣхотный полкъ, и имъ все подчинялось, словно высшимъ существамъ, обитавшимъ въ недосягаемомъ мірѣ. Дѣйствительно, въ кавалерійскихъ полкахъ прежняго времени, офицеры жили дружнѣе, дисциплина соблюдалась лишь во фронтѣ, въ обществѣ было больше самостоятельности, а присутствіе людей со значительными средствами уравновѣшивало отношенія, и какой нибудь корнетъ, получавшій тысячъ двадцать въ годъ, принималъ у себя нерѣдко полковаго командира. Въ пѣхотѣ совершенно другое: во-первыхъ, въ ней почти не было людей со средствами, во-вторыхъ субординація переходила даже мѣру, предписанную закономъ. Самая служба въ кавалеріи была гораздо легче: офицеры безпрерывно ѣздили по отпускамъ, часто рыскали безъ спросу, исключая нѣмцевъ, которые всегда отличались аккуратностію, вслѣдствіе чего брали вездѣ верхъ. Но надобно отдать и честь нѣмцамъ: никто строже ихъ не исполнялъ своей обязанности. Кавалерія отличалась также красотою мундира, и молодой человѣкъ въ гусарскомъ доломанѣ или пестромъ уланскомъ колетѣ всегда бралъ перевѣсъ у барышень надъ скромнымъ егеремъ или мушкетеромъ, какихъ бы послѣдніе ни были достоинствъ. И теперь еще многія барыни сходятъ съ ума отъ разныхъ воинскихъ украшеній, и теперь еще въ глуши провинцій прибытіе кавалерійскаго полка составляетъ эпоху, вноситъ въ воздухъ элементъ любви, кокетства, матримоніальныхъ сдѣлокъ; но много лѣтъ назадъ, когда не воинъ назывался штафиркой, а фракъ служилъ предметомъ насмѣшекъ и шутокъ со стороны военной молодежи, кавалерійскій офицеръ былъ идеаломъ прекраснаго пола. Вотъ почему переводъ офицера изъ кавалеріи въ пѣхоту былъ тяжелымъ наказаніемъ. И—подивитесь духу времени — такой офицеръ дѣлался тотчасъ же предметомъ подражанія для пѣхотинцевъ извѣстнаго кружка и нерѣдко становился законодателемъ. Конечно, изъ переведенныхъ бывали и хорошіе люди, удаляемые изъ кавалеріи по случаю, но большинство переводилось за буйство, шалости, хотя въ кавалеріи буянили и пили не въ мѣру и доходили до возмутительныхъ продѣлокъ.

Сафьянчиковъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, о которыхъ говорятъ: »пусть перебѣсится«, въ надеждѣ, что впослѣдствіи выйдетъ изъ нихъ прокъ: это была натура, глубоко павшая и погибшая безъ возврата. Онъ со-

знавалъ безвыходность своего положенія, но ни разу искренно не захотѣлъ честно бороться съ бѣдностію, а все мечталъ о случайномъ поправленіи своихъ тяжелыхъ обстоятельствъ. Приказъ о переводѣ въ пѣхоту сильно обезкуражилъ Сафьянчикова, тѣмъ болѣе, что засталъ его и безъ копѣйки и съ долгомъ. Товарищи, однакожъ, сдѣлали подписку, собрали ему немного денегъ на дорогу, и онъ уѣхалъ потихоньку изъ того полка, гдѣ нѣкогда задавалъ тону, гдѣ кормилъ и поилъ тѣхъ самыхъ, которые нехотя подписывали для него пятирублевую ассигнацію. Было у него нѣсколько волокитствъ, и довольно удачныхъ но какъ въ послѣднее время онъ ходилъ оборванцемъ и не имѣлъ своихъ лошадей разъѣзжать по помѣщикамъ, а товарищи не брали его, во избѣжаніе скандала, то судьба лишила его и этого утѣшенія. Въ новый полкъ Сафьянчиковъ прибылъ въ то время, когда полкъ этотъ только что остановился на зимнихъ квартирахъ. Незатѣйливую пѣхотную форму онъ пріобрѣлъ довольно дешево, но не имѣлъ ни вещей, ни бѣлья и пріѣхалъ лишь съ однимъ чубукомъ, который и составлялъ всю его движимость. Полковникъ, длинный, сухой старикъ, внимательно осмотрѣлъ своего новаго офицера, разспросилъ, за что перевели, прочелъ нотацію за усы, совѣтовалъ заниматься службой и вести себя смирно, а иначе грозилъ перевести въ горнизонъ, который отличался тогда желтымъ воротникомъ и состоялъ преимущественно изъ бурбоновъ. Въ канцеляріи назначили Сафьянчикова въ баталіонъ, и онъ долженъ былъ явиться къ баталіонному командиру въ полной формѣ. Послѣдній, худенькій сѣдой майоръ, старый холостякъ, тотчасъ же напустился на него.

— Вы, сударь, въ кавалеріи привыкли буянить, а маршировать порядочно не умѣете. Извольте учиться, да учитесь мнѣ въ три пріема учебнымъ шагомъ.

Сафьянчиковъ трухнулъ немного и успокоился лишь тогда, когда его записали въ третью мушкетерскую роту и онъ явился къ Бобкову. Капитану прапорщикъ понравился. Бобковъ обошелся съ нимъ не гордо и замѣтилъ, что и въ пѣхотѣ есть порядочные люди, потомъ сталъ его утѣшать тѣмъ, что еще небольшое несчастіе быть переведеннымъ изъ гусаръ въ мушкетеры, когда иныхъ переводятъ просто въ гарнизу. Полюбезничавъ по своему, Бобковъ, однакожъ, не оставилъ новаго прапорщика обѣдать, не изъ разсчета, а потому что у него было правиломъ обѣдать въ одиночествѣ и съ послѣднимъ кускомъ заваливаться на боковую, а онъ не любилъ, чтобы

его стѣснялъ кто нибудь посторонній. Если хотите, правило это было нелѣпо, и въ то уже время многіе ротные командиры приглашали къ обѣду офицеровъ: но у каждаго барона своя фантазія. Призвавъ фельдфебеля и приказавъ отвести для прапорщика квартиру, Бобковъ позволилъ Сафьянчикову отдохнуть дня два съ дороги, а потомъ велѣлъ выходить на ученье и привыкать къ пѣхотнымъ порядкамъ.

У Сафьянчикова не было ни денегъ, ни постели, — однимъ словомъ, ничего, кромѣ формы, чубука и двухъ ситцевыхъ рубашекъ. Фельдфебель отвелъ его въ хорошую, свѣтлую хату и, проговоривъ обычное: »счастливо оставаться«, хотѣлъ уже оставить прапорщика; но послѣдній удержалъ его. Несмотря на наружность чистой, но совершенно пустой хаты, Сафьянчикову сдѣлалось вдругъ необыкновенно грустно, такъ что онъ готовъ былъ заплакать, однако стыдъ взялъ верхъ надъ слабостію, и прапорщикъ началъ освѣдомляться о товарищахъ. Фельдфебель объяснилъ ему, что поручикъ Струнихинъ и подпоручикъ Куропѣгинъ жили близко, что послѣдній, на прежней стоянкѣ, довольно часто ѣздилъ къ помѣщикамъ, но что здѣсь не успѣлъ еще познакомиться. Сафьянчикову хотѣлось узнать, дома ли обѣдали товарищи, но было совѣстно; думалъ онъ призанять рублей пять у фельдфебеля, но разсудилъ, что на первыхъ порахъ неловко, и ограничился просьбой указать ему квартиру поручика. Фельдфебель отвелъ его и, уходя, доложилъ, что деньщикъ ему будетъ назначенъ черезъ полчаса. У Струнихина, высокаго блондина, который лежа курилъ трубку, сидѣлъ низенькій рябоватый Куропѣгинъ и бренчалъ на гитарѣ. На перекосившемся столѣ лежалъ кисетъ съ табакомъ. На окнѣ торчало складное зеркальце, а на лавкѣ валялся чемоданчикъ. На гвоздикахъ развѣшена была аммуниція. Офицеры радушно встрѣтили новаго товарища, пригласили вмѣстѣ пообѣдать и вообще наперерывъ старались обласкать молодаго человѣка. Выпивъ двѣ, три рюмки водки и осушивъ миску щей, Сафьянчиковъ оправился, позабылъ свое сиротство и началъ безстыднѣйшимъ образомъ врать о причинѣ своего перевода. Товарищи слушали, развѣсивъ уши, и къ вечеру Сафьянчиковъ сдѣлался въ ихъ глазахъ безвиннымъ страдальцемъ, героемъ и молодцомъ, какого у нихъ въ полку еще не бывало. Онъ вызывался передѣлать пѣхотные обычаи по кавалерійски. Товарищи порадовались.

Возвратясь къ себѣ и заставъ лысаго деньщика на квартирѣ, Сафьянчиковъ поколотилъ его для острастки и велѣлъ,

во что бы то ни стало добыть подушку и свѣчку. Деньщикъ тотчасъ же вытребовалъ и то, и другое у хозяйки и постлалъ постель по своему крайнему разумѣнію. Сафьянчиковъ долго не могъ уснуть, обдумывая, какъ бы выпутаться изъ печальныхъ обстоятельствъ. Офицеры описали ему Бобкова скрягой, нелюдимомъ, но совѣтовали не спорить съ нимъ, потому что »онъ-де крутъ«.

Прошло двѣ недѣли со времени прибытія Сафьянчикова въ роту капитана Бобкова. Какъ настоящій кавалеристъ того времени, прапорщикъ не имѣлъ понятія не только о пѣшемъ строѣ или о ружейныхъ пріемахъ, но даже и о маршировкѣ, и привелъ капитана въ совершенное отчаяніе. Въ оправданіе свое, Сафьянчиковъ замѣтилъ, что въ кавалеріи этого никто не зналъ, и привелъ примѣръ, что еслибъ пѣхотинца перевести въ кавалерію и, посадивъ на лошадь, поставить передъ взводъ, то положеніе было бы тоже незавидно. Бобковъ согласился, но требовалъ, чтобы прапорщикъ всю зиму учился ружьемъ и бралъ уроки маршировки у товарищей, иначе съ весной предстояло какъ ему много арестовъ, такъ и самому ротному командиру могло достаться за слабое смотрѣніе. Сафьянчиковъ обѣщалъ, но и не думалъ исполнять обѣщанія.

Въ описываемый вечеръ офицеры, по обычаю, собрались у Струнихина, куда пришелъ также одинъ юнкеръ, малый лѣтъ двадцати-пяти, съ рѣзкими чертами лица и солдатскими ухватками. Общество размѣстилось у стола, вокругъ сальной свѣчки, за исключеніемъ хозяина, который по привычкѣ лежалъ на постели и курилъ изъ коротенькой трубочки, поплевывая съ особеннымъ присвистомъ. Въ пѣхотѣ въ то время субалтернъ-офицеры рѣдко пили чай, т. е. не держали у себя чаю, который употреблялся только ротными командирами да людьми достаточными, а какъ Струнихинъ и Куропѣгинъ изъ дому ничего не получали, то обыкновеннымъ угощеніемъ были: водка, черный хлѣбъ, лукъ, соленые огурцы или кислая капуста. Всѣ эти припасы почти ничего не стоили, съ водкой включительно, потому что штофъ отличной трехпробной можно было купить за пять копѣекъ, а прочіе продукты доставлялись хозяевами разныхъ приписныхъ квартиръ безденежно. Послѣднее обстоятельство можетъ показаться сомнительнымъ читателю, но это было въ нравахъ того отдаленнаго времени. Офицеру назначались двѣ, три квартиры; на одной онъ жилъ, а прочія пользовались свободой отъ солдатскаго постоя, въ

замѣнъ чего доставляли офицеру продовольствіе. Вѣдь субалтернъ офицеръ не имѣлъ никакихъ доходовъ, исключая деньщичьяго пайка, который также, особенно въ Малоросссіи, не представлялъ выгоды, потому что нельзя же было слишкомъ поднять справочныя цѣны, когда пудъ ржи продавался по три, много по четыре копѣйки. Струнихинъ, впрочемъ, имѣлъ деньги, по весьма простой причинѣ; онъ нигдѣ не бывалъ, платье носилъ по нѣскольку лѣтъ, на сапоги всегда получалъ даровой товаръ отъ казначея или отъ ротнаго командира, незатѣйливую форму берегъ пуще глаза и, такимъ образомъ, въ годъ откладывалъ одну треть жалованья, а какъ онъ служилъ офицеромъ лѣтъ около двѣнадцати, то и сколотилъ нѣсколько сотъ рублей, тщательно скрытыхъ отъ взоровъ завистливыхъ товарищей. У Куропѣгина денегъ никогда не водилось, потому что онъ былъ франтъ, любилъ разъѣзжать по помѣщикамъ, волочился за барышнями, для чего требовались и лишній мундиръ, и сапоги, порой и новыя перчатки. Кромѣ того подпоручикъ держалъ гитару, по возможности, со всѣми струнами, на которой игралъ »вальсъ сумасшедшаго офицера«, »похоронный маршъ Людовика XVI« и два, три тогдашнихъ модныхъ романса. Куропѣгинъ постоянно забиралъ треть впередъ и зачастую не могъ поставить товарищамъ угощенія, особенно когда Струнихинъ отказывалъ дать взаймы двугривенный или пятіалтынный.

Компанія офицеровъ собралась по обыкновенію, а юнкеръ былъ приглашенъ по особому случаю: Куропѣгинъ и Сафьянчиковъ посылали его на развѣдки по окрестнымъ деревнямъ, много ли и какіе гдѣ живутъ помѣщики, есть ли хорошенькія барышни, богатыя невѣсты, гдѣ предстоятъ балы. Юнкеръ, исполнивъ порученіе, пришелъ отдать отчетъ, и хоть это собственно не относилось къ Струнихину, который, вообще, »бабья терпѣть не могъ«, но какъ онъ не выходилъ никуда, то собраніе и устроилось у него на квартирѣ. Поручикъ, впрочемъ, объявилъ товарищамъ, что радъ принимать ихъ каждый день, потому что скучно одному лежать цѣлый вечеръ, но предложилъ за водкой посылать по очереди, обязываясь доставлять гостямъ хлѣбъ, соленые огурцы и капусту. Зная это обстоятельство, Куропѣгинъ зналъ и то, что Струнихинъ ему больше денегъ не дастъ, имѣя за подпоручикомъ около трехъ рублей (ассигн.). Онъ съ трудомъ занялъ цѣлковый и посылалъ за водкой по очереди за себя и за Сафьянчикова. Бесѣда длилась довольно поздно. Юнкеръ привезъ самыя разно-

образныя вѣсти. Вблизи помѣщиковъ немного, но за то двѣ богатыя невѣсты, а подальше значительное количество барышень, которыя умирали по кавалерамъ, потому что на балахъ принуждены бывали танцовать другъ съ дружкой. И теперь въ провинціи безъ военныхъ балы почти пусты, а въ то время, когда статскій танцоръ равнялся нулю, да ихъ и было весьма немного, приходъ полка оживлялъ цѣлую окрестность, давалъ толчекъ общественной дѣятельности, иногда разомъ измѣнялъ экономическій бытъ и даже отношенія многихъ семействъ, и если это былъ полкъ пѣхотный, не одна счастливая пара соединялась, по тогдашнему выраженія, »узами Гименея«.

— Славно, чортъ побери! воскликнулъ радостно Куропѣгинъ — не унывай, братъ Сафьянчиковъ! въ воскресенье поѣдемъ знакомиться, а тамъ...

И подпоручикъ закатилъ глаза подъ лобъ, а руки, лежавшія на гитарѣ, покоившейся у него на колѣняхъ, невольно начали наигрывать мотивъ чувствительнаго романса:

»Ночною темнотою
Покрылись небеса...«

— Да ужъ мы себя покажемъ, отозвался Сафьянчиковъ, выпивъ залпомъ рюмку водки — у насъ въ кавалеріи на этомъ собаку съѣли. А каковы, юнкеръ, куши за невѣстами?

— Не могу доложить настояще, потому на первый разъ трудно было узнать; но думаю, что за Телюковской тысячъ семь или восемь, а у вдовы Черепенковой хуторъ, душъ около восьмидесяти со всѣми угодьями и деньжонки.

— Браво! произнесъ Сафьянчиковъ, сверкая глазами — я думаю за вдовушкой, а ты, Куропѣгинъ, можешь вздыхать за кѣмъ хочешь.

— Посмотримъ, посмотримъ...

— Молоды вы оба, какъ я вижу, молвилъ Струнихинъ, плюнувъ съ особеннымъ присвистомъ — еще чего добраго раскваситесь.

— А что же тутъ худаго? спросилъ Куропѣгинъ.

— А то, что такимъ нюнямъ и обабиться ничто не помѣшаетъ. Лизуны вы, ей Богу.

— Да вѣдь и у насъ въ кавалеріи на что молодцы, тянутъ мертвую, и не одну сильвупле, кутить мастера, буянить тоже, а смотри, какъ увиваются за юбками — только пыль летитъ.

— Кавалерія намъ не указъ; да ты, я думаю, и самъ знаешь пословицу...

— Знаю, знаю: глупая пословица, которую не совѣтую говорить при кавалеристахъ.

— Эка штука! Вѣдь не я сочинилъ ее.

И Струнихинъ засмѣялся.

Сафьянчиковъ хотѣлъ было обидѣться, но, разсудивъ, что это можно сдѣлать впослѣдствіи, ограничился замѣчаніемъ, что, конечно, бываютъ неучи и въ кавалеріи, но щеголей въ пѣхотѣ нѣтъ, да и быть не можетъ въ мундирѣ »съ говядиной«, такъ нѣкоторые кавалеристы называли красный цвѣтъ воротника и обложки, бывшей на фалдахъ пѣхотнаго мундира.

— Ну, нельзя же сказать, чтобы ужъ нашъ мундиръ былъ такой некрасивый, отозвался Куропѣгинъ нѣсколько обидчиво — влюбляются же барышни и въ нашего брата. Не всѣмъ вѣдь быть гусарами.

— Да что ты его слушаешь, плакса! сказалъ Струнихинъ. поворачиваясь къ собесѣдникамъ — что онъ носится съ своей кавалеріей! Нешто мы не знаемъ въ самомъ дѣлѣ: небось у нихъ служатъ все одни богачи.

— Да ужъ, по большей части, народъ достаточный и образованный.

— То есть банжуры, — это правда. Небось, и ты парле франсе?

— А то какъ же! отвѣчалъ не безъ гордости Сафьянчиковъ.

— Какъ, въ самомъ дѣлѣ? спросилъ съ завистью Куропѣгинъ — значитъ на балахъ будешь отличаться. У насъ въ полку только два офицера говорятъ по французски.

— И еще надо знать, какъ говорятъ, замѣтилъ Сафьянчиковъ, входя въ свою роль — можетъ быть, и говорятъ-то плохо.

— А ты?

— Извѣстно, у насъ въ кавалеріи валяютъ молодцами. На паркетѣ, моншеръ, не дадимъ маху; вотъ дайте только развернемся.

— А маршировать не умѣютъ, сказалъ Струнихинъ, разсмѣявшись. А я вотъ всѣхъ этихъ банжуровъ поставилъ бы въ шеренгу, да въ три пріема учебнымъ шагомъ, ей Богу?

— Но еслибы и васъ въ манежѣ на корду, хороши, нечего сказать, были бы фигуры!..

— Струнихинъ только плюнулъ, а собесѣдники продолжали прерванный разговоръ до полуночи, послѣ чего всѣ разошлись по своимъ квартирамъ.

Обезпеченный относительно освѣщенія и продовольствія, Сафьянчиковъ, возвратясь къ себѣ, пришелъ, однакожъ, въ уныніе. Какъ ни улыбалась ему мысль проводить весело время на балахъ, выпить порядочнаго вина, хорошенько выспаться на пуховикахъ и поволочиться за богатыми невѣстами, однако для всего этого нужны были деньги, которыхъ прапорщикъ не могъ имѣть въ виду до январьской трети, а костюмъ у него становился не весьма приличнымъ, сапоги начинали »просить ѣсть«, подбитая же вѣтромъ шинелишка не представляла обезпеченія на зиму отъ холода. Необходимо было достать хоть одну пару перчатокъ, пару сапоговъ, табаку, помады, — однимъ словомъ, разныхъ разностей, рублей на двадцать ассигнаціями — сумма, въ то время считавшаяся довольно крупною, особенно у армейскаго офицера. Долго просидѣлъ Сафьянчиковъ, склонясь на руки головою, и рѣшился завтра же идти къ капитану просить денегъ въ счетъ жалованья, и съ этой мыслью уснулъ на жесткой хозяйской подушкѣ.

Черезъ нѣсколько дней, подъ вечеръ, подпоручикъ Куропѣгинъ, въ сопровожденіи смуглаго юнкера, пошелъ гулять за деревню съ цѣлью встрѣтить Сафьянчикова, который, занявъ у капитана десять рублей, отправился въ городъ для нѣкоторыхъ закупокъ и долженъ былъ еще вчера возвратиться. Надобно сказать, что Сафьянчиковъ рисовался передъ товарищами, какъ жертва произвола, вслѣдствіе котораго богатый дядя его не давалъ будто бы ему денегъ. Дядя этотъ, по его словамъ, имѣлъ нѣсколько сотъ душъ крестьянъ, кучу денегъ, былъ бездѣтенъ и не имѣлъ другихъ наслѣдниковъ кромѣ Сафьянчикова. По этому на прапорщика смотрѣли какъ на человѣка, подвергшагося временной опалѣ, и уважали въ немъ генеральскаго сына — обстоятельство, которое и теперь многихъ простаковъ приводитъ еще въ умиленіе. На этомъ-то основаніи и ротный командиръ открылъ ему кредитъ, не подозрѣвая, что генеральскій сынъ и наслѣдникъ богатаго дяди не имѣлъ въ виду ни гроша, не говоря уже о долгахъ, оставленныхъ въ прежнемъ полку и записанныхъ мѣломъ на стѣнкѣ. Сафьянчиковъ прихватилъ и у Куропѣгина нѣсколько рублей, занятыхъ послѣднимъ, но обѣщалъ не только отдать, а и въ свою очередь подѣлиться по полученіи отъ дяди, который, по его словамъ, долженъ же былъ смягчиться, наконецъ, надъ судьбою племянника. Но, кромѣ встрѣчи товарища, Куропѣ-

гинъ имѣлъ еще и другую цѣль: у него не было ни на трубку табаку, потому что Сафьянчиковъ обкурилъ его совершенно и далъ слово привести изъ города самаго свѣжаго. Достать въ деревнѣ этого зелья было нельзя: капитанъ никогда не давалъ взаймы, а Струнихинъ курилъ махорку, конечно изъ экономіи, но, по словамъ его, оттого, что всякій другой табакъ былъ для него вродѣ капусты.

Выйдя за околицу, откуда дорога, извиваясь, пошла подъ гору, пересѣкая небольшія рощи, и откуда представлялась панорама сжатыхъ полей, между которыми еще кое-гдѣ краснѣла гречиха, Куропѣгинъ остановился невольно и, вдыхая свѣжій осенній воздухъ, схватился за кисетъ набить трубку. Но, увы, въ кисетѣ оставалась лишь мелкая пыль, не представлявшая возможности насладиться ни одной затяжкой.

— Эхъ, чортъ побери, сказалъ онъ — какая славная погода, а табаку ни крошки! Да что же это такъ долго нѣтъ Сафьянчикова.

— Вѣрно, скоро будетъ, отвѣчалъ юнкеръ, вынимая трубку и набивая махоркой. А вотъ вы бы, Макаръ Андреичъ, по нашему — махорочки-съ: и дешево, и ощутительно.

— Ну, братъ, пробовалъ, да горло деретъ.

— За то не деретъ кармана, ха, ха, ха! Матвѣй Сидорычъ Струнихинъ курятъ же, а вѣдь состоятъ въ чинѣ поручика.

— Это уже отъ скупости. А потомъ, любезнѣйшій, какъ у помѣщика при дамахъ курить махорку?

— Оно справедливо разсуждать изволите, да вѣдь турецкій дорогъ проклятый.

— Дорого да мило. Однако, посмотри вонъ, за мостикомъ, не видишь ли ты, ѣдетъ кто-то?

Юнкеръ прикрылъ глаза рукой отъ свѣта.

— Точно, Макаръ Андреичъ, никакъ прапорщикъ: лошади обывательскія, только въ лицо не могу признать.

— Должно быть, онъ. Ну, пойдемъ скорѣе на встрѣчу: смерть хочется затянуться.

Съ этимъ словомъ, Куропѣгинъ прибавилъ шагу, желая ускорить вожделѣнную минуту, а юнкеръ высѣкъ огня, закурилъ махорку и догналъ подпоручика, который почти бѣжалъ и мучился при мысли — не обмануться бы въ ожиданіи и не встрѣтить другаго, вовсе не разсчитывая, что Сафьянчиковъ могъ не привезти табаку по какимъ нибудь причинамъ. Юнкеръ навелъ его, однакожъ, на эту грустную мысль.

— Ну, что, Макаръ Андреичъ, сказалъ онъ, придавливая на ходу ногтемъ большаго пальца трутъ, чтобы не сдуло вѣтромъ — если, примѣрно, прапорщикъ табаку не привезетъ?

— Какъ?

— Да такъ, не привезетъ и шабашъ!

— Можетъ ли это быть?

— А если, примѣрно, кутнетъ по кавалерійски.

— Что ты, Богъ съ тобою! Много ли надо денегъ на табакъ-то, а онъ же знаетъ, съ чѣмъ я оставался... Нѣтъ, я и думать не хочу, говорилъ Куропѣгинъ, а у самого еще при вопросѣ юнкера забѣгали по спинѣ мурашки.

— Тогда знаете, что Макаръ Андреичъ?

— Ну?

— Можно будетъ достать табаку,

— Ты думаешь у капитана?

— Гдѣ уже достать у капитана, а вотъ у нашего каптенармуса можно.

— Какъ, неужели эта бестія куритъ турецкій?

— И еще какъ! А что вы думаете каптернармусъ? Да не только у насъ въ ротѣ, а я думаю и въ другихъ офицеры такъ не живутъ. Доходы доходами, а смотрите сколько денегъ загребаетъ съ процентовъ. Кто ему не долженъ?..

— Развѣ капитанъ.

— Да Матвѣй Сидорычъ (Струнихинъ). А онъ вѣдь не даетъ въ займы безъ процентовъ. Конечно, онъ человѣкъ добрый и угоститъ тебя, если знаетъ, и залогу не возьметъ, но процентикъ положитъ,

— Однако, смотри, вѣдь это, ей Богу, Сафьянчиковъ.

— Кажется, офицеръ.

— Да. О, есть табакъ, есть! говорилъ Куропѣгинъ, подпрыгивая, какъ мальчикъ, ожидающій гостинца изъ города. А что за пріятность будетъ затянуться на этомъ пригоркѣ! Тутъ видишь, какъ вокругъ весело: лѣсочки, рѣченка, вонъ потянулась почтовая дорога, обсаженная ветлями.

— Однако, Макаръ Андреичъ, врядъ ли это Сафьянчиковъ, потому что я очень хорошо вижу фуражку съ бѣлымъ околышкомъ.

— Быть не можетъ?

— Точно такъ-съ. Не угодно ли самимъ присмотрѣться.

У Куропѣгина стѣснилось дыханіе.

— Да, пробормоталъ онъ, постепенно охлаждаясь отъ восторга — точно бѣлый околошыкъ. Но нѣтъ, это Сафьянчиковъ!

— Позвольте, пусть подъѣдетъ ближе.

— Лучше побѣжимъ: скорѣе узнаемъ.

И Куропѣгинъ пустился порядочною рысью. Юнкеръ, нехотя, послѣдовалъ тѣмъ же аллюромъ. Но повозка скрылась въ ближайшей долинѣ, а когда выѣхала на гору, взорамъ Куропѣгина явственно виденъ былъ Сафьянчиковъ, который, ухорски заломивъ на бекрень фуражку съ бѣлымъ околышкомъ, сидѣлъ молодцомъ и курилъ изъ витаго чубука большую трубку. Онъ замѣтилъ товарищей, погналъ извощика и быстро приблизился.

— Стой! скомандовалъ онъ громкимъ голосомъ. Ну, что, Каропѣгій (Сафьянчиковъ уже далъ это дружеское названіе подпоручику), продолжалъ онъ — небось сидишь безъ табаку? Вотъ кисетъ, а въ повозкѣ пять фунтовъ... слышишь ли?

Но подпоручикъ вырвалъ кисетъ, набилъ трубку, закурилъ и тогда только съ умиленіемъ обнялъ товарища.

Юнкеръ покраснѣлъ немного въ это время.

— Ну, спасибо, голубчикъ, а я смерть хочу затянуться: съ самаго утра не было ни крошки.

— Теперь можешь ѣсть хоть съ хлѣбомъ. А! каково у насъ въ кавалеріи? Эй, г. юнкеръ! Извольте садиться на этого осла, колотите его въ шею и маршъ-маршъ въ деревню прямо ко мнѣ на квартиру. Прикажите лысому чорту (деньщику), чтобъ досталъ, гдѣ хочетъ самоваръ и наставилъ. У меня въ чемоданѣ есть чай и сахаръ — будемъ пить чай — да тамъ, въ повозкѣ, боченокъ съ сантуринскимъ: пусть снесутъ въ комнату. Распорядившись, сходите, къ Струнихину и скажите, что я зову его къ себѣ на имянины... ха, ха, ха! Ну, разумѣется, и сами приходите на чай и прочее.

— Покорно благодарю-съ. Только вашъ Ховринъ врядъ ли гдѣ достанетъ самоваръ, ужъ позвольте мнѣ распорядиться.

— Позволяю, только маршъ живѣе: я чертовски пересидѣлъ ноги и хочу пройтись.

— Не ожидая повторенія приказа, юнкеръ вскочилъ на телѣгу, погналъ извощика и понесся въ деревню.

— А, каково у насъ по гусарски? спросилъ Сафьянчиковъ.

Куропѣгинъ курилъ трубку съ жадностію и, придя въ восторгъ какъ отъ этого благополучія, такъ и отъ мысли кутнуть, и не замѣтилъ особенностей въ костюмѣ Сафьянчикова, рѣзко бросавшихся въ глаза, о которыхъ юнкеръ разсуждалъ цѣлую дорогу.

— Ты, просто, душка, вотъ что! отозвался подпоручикъ — значитъ, одолжишь и мнѣ полфунтика...

— Эхъ ты, нюня каропѣгая! полфунтика! Ну, чего хнычешь? раздѣлимъ, какъ есть, пополамъ.

— Голубчикъ! Вѣрно, дядюшка...

— Тетушка... Сказано пижосъ, пижосомъ и останешься..... Да неужели у тебя глаза вылѣзли?.

— Что такое?

— Ну, смотри на меня...

Куропѣгинъ взглянулъ.

— Ахъ, да у тебя кавалерійская фуражка. Я это замѣтилъ еще на дорогѣ.

— Слава Богу! А это что?

И Сафьянчиковъ выставилъ ногу.

— И синія брюки.

— Не брюки, а рейтузы и даже шпоры — вотъ, смотри!

И Сафьянчиковъ ловко щелкнулъ шпорами, какъ дѣлывали когда-то, да и теперь дѣлаютъ, раскланиваясь, носящіе эту штуку.

— Неужели же ты опятъ переведенъ въ кавалерію?

— Ну, нѣтъ? скоро такъ не переводятъ обратно. Я получилъ свои вещи. Вѣдь я имѣю право донашивать прежнюю форму.

— Кажется, можно дома.

— Какъ дома?

— На ученьи нельзя.

— Да чортъ ли въ ученьи! Нѣтъ, я говорю на балъ куда нибудь.

— Я думаю, можно?

— Эхъ, братъ Каропѣгій, ментика не прислали. А какое у меня было платье — изъ Харькова отъ Росланевскяго — академія и только. Ну, все равно и пѣхотный мундиръ сбредетъ при кавалерійскихъ рейтузахъ. Да и задамъ же я мазуречку... пусть ваши пижосы только посматриваютъ. Однако, пойдемъ: кажется, еще съ версту будетъ.

— Вѣрно, деньги отъ дяди...

— Да, прислалъ старикъ двѣсти рублей, а я не промахъ: у квартермистра сѣлъ въ банчишку, потомъ сдѣлалъ у себя вечеръ и облупилъ всѣхъ, какъ бѣлокъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Еще бы! У насъ въ кавалеріи, знаешь, какъ играютъ! Да дрянь, братъ, игрочишки, алтынники, играютъ семпелями,

а банкометъ бастуетъ, чуть наколотитъ десятка два рублей. Спасибо поддержалъ какой-то прiѣзжiй коммиссiонеръ, заложилъ цѣлыхъ сорокъ золотушекъ, я какъ пошелъ отъ двухъ съ полтиной и не отгибался, пока не сгребъ.

— Даже вѣрить трудно...

— Э! то ли мы доказывали въ кавалерiи!

— И у тебя столько денегъ?

— Нѣтъ, спустилъ на половину, однако, все еще осталось. Вотъ я и тебѣ долженъ рубля четыре, и отдамъ.

— Спасибо голубчикъ!

— Да что толковать! — И Сафьянчиковъ полѣзъ въ карманъ. — Возьми красненькую, а осталные отдашь, когда будутъ.

Куропѣгинъ не помнилъ себя отъ радости и положилъ на ходу десятирублевую въ пустой кошелекъ, весело затягивался изъ длиннаго чубука съ неизмѣннымъ бисернымъ чахломъ, шагая за Сафьянчиковымъ, который неправильно насвистывалъ какую-то арiю и строилъ разные планы, толпившiеся у него въ головѣ отъ самаго города.

Скоро товарищи подошли къ квартирѣ прапорщика, гдѣ деньщикъ усердно раздувалъ самоваръ, а юнкеръ разставлялъ на столѣ чайникъ и стаканы, добытые у священника.

— Ну, что, лысый чортъ, сказалъ Сафьянчиковъ, входя въ хату — все ли безъ меня было въ порядкѣ?

— Въ порядкѣ, в. б—iе!

— А ты не пьянствовалъ?

— Никакъ нѣтъ, в. б—iе!

— То-то, смотри у меня. Живо самоваръ! выбралъ вещи изъ повозки?

— Все выбралъ.

— Шевелись! А вы, юнкеръ, были у Струнихина?

— Былъ и пригласилъ на чай.

— Ну, что-жъ?

— Обѣщали придти...

— Не сходить ли еще мнѣ? отозвался Куропѣгинъ: — а то вѣдь онъ, лѣнтяй, пожалуй, не подымется съ постели.

— Сходи, да и тащи его.

Подпоручикъ вышелъ, а Сафьянчиковъ, скинувъ сюртукъ, остался въ гусарской фуражкѣ, рейтузахъ и сапогахъ со шпорами. Въ ожиданiи товарищей онъ пересчиталъ свои деньги и усѣлся съ трубкою на лавкѣ, предаваясь мечтанiямъ. Самоваръ былъ поданъ, чай сдѣланъ, и скоро вокругъ стола усѣ-

лась знакомая компанія; даже Струнихинъ, въ своемъ зеленомъ тулубчикѣ, не завалился на постель, а, поджавъ подъ себя ноги, помѣстился на широкой лавкѣ и, прихлебывая изъ стакана, слушалъ о похожденіяхъ Сафьянчикова. Послѣ чаю, съ приправой бутылки рому, поставили боченокъ сантуринскаго, содержаніе котораго было выцѣжено до полуночи, и все общество уснуло на мѣстѣ, не исключая и деньщика, умѣвшаго очень ловко воспользоваться и виномъ, и ромомъ.

Ознакомясь нѣсколько съ Сафьянчиковымъ, читатель, я полагаю, не совсѣмъ повѣритъ его разсказу, и потому необходимо вернуться за нѣсколько дней назадъ и изложить похожденія забубеннаго прапорщика. Занявъ у Бобкова десять рублей и вытребовавъ себѣ подводу по дѣламъ службы, Сафьянчиковъ отправился въ городъ за покупками, какъ говорилъ онъ, но уѣхалъ собственно отвести душу, кутнуть, имѣя неопредѣленную надежду на авось, которая каждому сродна въ двадцать лѣтъ, особенно, если нѣтъ денегъ въ карманѣ. Десять рублей ассигнаціями, конечно, въ то время значили что нибудь, но у кого не было бѣлья, сапоговъ, табаку, и имѣлся еще кутежъ въ виду, то, естественно, подобная сумма ничего не значила. У полковника денегъ просить Сафьянчиковъ не смѣлъ, у казначея не рѣшался, и всю дорогу обдумывалъ, нельзя ли какъ нибудь занять у евреевъ на вексель, распустивъ слухъ о своемъ богатствѣ. Послѣдняя мысль у него сдѣлалась idée fixe при въѣздѣ въ городъ, но тотчасъ же и оборвалась. Конечно, евреевъ постоянно разоряли на такую штуку, суля большіе проценты, но для этого нужны были обстановка, кутежъ, мотовство и какія нибудь вещи, служившія доказательствомъ состоянія. Между тѣмъ, Сафьянчиковъ явился оборваннымъ бѣднякомъ, безъ вещей, на постояломъ дворѣ; это сдѣлалось извѣстно, и потому на желаніе его занять денегъ подъ вексель факторъ отказался хлопотать, а подъ закладъ обѣщалъ достать сколько угодно. Сафьянчиковъ плюнулъ ему въ бороду и хотѣлъ побить, но еврей ускользнулъ и изъ-за порога повторилъ, что подъ закладъ достанетъ тысячу и двѣ, даже больше. Прапорщикъ пустилъ въ него стаканомъ, но факторъ опять увернулся и, кланяясь, извинялся, что подъ вексель достать денегъ невозможно.

Не желая еще разстаться съ деньгами, прапорщикъ не приступалъ къ покупкамъ и пошелъ бродить по городу, влекомый той неопредѣленной надеждой на авось, о которой упомянулъ

я выше. Городокъ былъ небольшой, и прапорщику немного стоило труда обойти узкія некрасивыя улицы. Подмѣтивъ, что изъ иныхъ оконъ на него посматривали недурныя головки, онъ охорашивался, заламывалъ фуражку и думалъ: »Эхъ, чортъ возьми, еслибы на мнѣ былъ хоть старенькій доломанъ!« И Сафьянчикову пришла мысль познакомиться въ какомъ нибудь домѣ, гдѣ была хорошенькая. И теперь еще въ провинціи знакомство завязывается очень легко; но въ то время военному оно не представляло никакихъ затрудненій: стоило только войти, отрекомендоваться — и дѣло сдѣлано. Подмѣтивъ въ угловомъ домѣ хорошенькую брюнетку, прапорщикъ тотчасъ же отправился въ лавки, купилъ банку помады, кстати взялъ четверку табаку и рѣшился поискать приключеній. Подходило время обѣда, значитъ, знакомство могло привести къ двумъ результатамъ — поволочиться и вмѣстѣ пообѣдать, что, при скудныхъ средствахъ Сафьянчикова, не могло не имѣть соблазна. Только что вышелъ онъ изъ постоялаго двора, какъ на встрѣчу ему попался низенькій, толстенькій офицеръ съ горбатымъ носомъ, съ плутоватыми глазами, безъ перчатокъ и съ кольцомъ на каждомъ пальцѣ.

— Мое почтеніе.

— Здравствуйте.

— Кажется, вы прапорщикъ Сафьянчиковъ.

— Точно такъ. Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Поручикъ Мамаджановъ.

— Почему же вы узнали меня?

— Во первыхъ, я знаю всѣхъ офицеровъ, стало быть новый прапорщикъ долженъ быть Сафьянчиковъ; во вторыхъ, у насъ всѣ брѣютъ усы, а вы съ усами, а въ третьихъ, и во мнѣ заговорила кавалерійская кровь.

— Какъ? вы служили въ кавалеріи?

— Служилъ юнкеромъ въ уланахъ и, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, былъ переведенъ въ пѣхоту.

— Дайте вашу руку: мы, значитъ, товарищи по оружію.

Послѣдовало дружеское рукопожатіе.

— Вы въ штабъ по службѣ?

— Нѣтъ пріѣхалъ по своимъ дѣламъ.

— Куда же вы?

— Безъ цѣли.

— Не угодно ли ко мнѣ обѣдать?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

И новые знакомцы, повернувъ за уголъ, скоро очутились

въ квартирѣ Мамаджанова. Довольно большая комната поручика была загромождена разными вещами; на столѣ лежали нѣсколько разнообразныхъ часовъ, бронзовые подсвѣчники, шкатулочки, на окнахъ эполетные ящики; на стѣнѣ, надъ кроватью, прибитъ коверъ, увѣшанный оружіемъ. На другомъ небольшомъ столикѣ постлана была довольно грязная салфетка и приготовленъ приборъ для обѣда.

— Эй! скомандовалъ хозяинъ — еще приборъ, водки, бутылку мадеры и обѣдать!

Проворный деньщикъ, съ лукавой физіономіей, мигомъ исполнилъ приказаніе, и Мамаджановъ радушно началъ угощать товарища. Сафьянчиковъ, какъ человѣкъ неопытный, сначала подумалъ, что старый кавалеристъ отъ души приласкалъ его, и предался живости своего характера, но, побывавъ не разъ въ передѣлкахъ весьма щекотливаго свойства, началъ внимательно осматривать квартиру неожиданнаго амфитріона. Разнообразное оружіе, множество часовъ, кольца на рукахъ Мамаджанова,—все напоминало ему одного извѣстнаго штабсъ-ротмистра Мерпильева, исключеннаго изъ службы, который давалъ ему первые уроки въ банкъ и штосъ и который выигралъ у него все почти состояніе. Послѣ двухъ, трехъ рюмокъ мадеры, плотно поѣвъ горячихъ щей и жирныхъ свиныхъ котлетъ, Сафьянчиковъ немного задумался.

— О чемъ замечтался, дружище? спросилъ Мамаджановъ, сдѣлавъ знакъ деньщику, который мигомъ убралъ со стола.

— Да такъ; плохо нашему брату гусару между этими пѣхоташками.

— И какъ плохо! никакого товарищества, все это мелкота, алтынники такіе, скажу вамъ, что ужасъ.

— Но вы войдите въ мое положеніе: какъ бы то ни было, я генеральскій сынъ, наслѣдникъ богатаго дяди, привыкъ всегда быть въ блестящемъ обществѣ, а тутъ засадили въ третью мушкетерскую.

— А! у Бобкова! Это чудакъ извѣстный, да и офицеры у васъ — Струнихинъ скряга, а Куропѣгинъ...

— Я его называю Каропѣгій...

— Ха, ха, ха, Каропѣгій! Отлично! Это просто плакса, никогда ни гроша за душой.

— Хоть въ гробъ ложись! Бостончикъ бы составить отъ скуки, и того нѣтъ, не говоря уже о скороспѣлкѣ.

— А вы того?

— Нельзя же! вы знаете, у насъ въ кавалеріи...

— Гм! такъ не угодно ли, перекинемся по маленькой.

Сафьянчиковъ слегка вздрогнулъ. У него давно вертѣлась мысль обыграть кого нибудь. Вещей онъ у Мамаджанова видѣлъ довольно, да и по всему предполагалъ найти и деньги; но какое-то невольное чувство будило въ немъ боязнь, что партнеръ не по силамъ.

— Мы перекинемся по маленькой, сказалъ Мамаджановъ вкрадчивымъ голосомъ.

— Идетъ по маленькой, отвѣчалъ Сафьянчиковъ, давъ себѣ слово быть внимательнѣе и не зарываться.

— Эй, карты! Я думаю, можно играть въ старыя.

— Конечно, по маленькой новыхъ не стоитъ, сказалъ прапорщикъ и подумалъ: надо смотрѣть, не крапленыя ли.

Сафьянчиковъ имѣлъ кое-какое понятіе о крапѣ. Зналъ онъ также легкіе вольты, небольшую подтасовку, но не употреблялъ еще въ дѣло, боясь неловкости.

— Подали карты. Мамаджановъ вынулъ и положилъ на столъ синенькую. Знакомый съ правилами игры, Сафьянчиковъ положилъ на столъ такую же сумму и хотѣлъ себя увѣрить, что, можетъ быть, партнеръ его игрокъ такъ себѣ на счастье. Предположеніе это показалось ему даже справедливымъ, когда Мамаджановъ сталъ тасовать карты: пальцы ходили у него словно у неуча и карты почти валились изъ рукъ.

— Кто же закладываетъ? спросилъ онъ.

— Да какъ угодно, хоть я заложу.

— Я вообще не люблю понтировать, замѣтилъ Сафьянчиковъ, осматривая карты.

— Это, все равно: закладывайте вы.

Прапорщикъ погадалъ, выбралъ синюю колоду, стасовалъ и срѣзалъ.

— Готовъ, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше мечите банкъ: я понтирую только противъ банка, а самъ мечу штосъ — у меня такое правило.

Сафьянчиковъ не понималъ.

— Развѣ не все равно!

— Совершенно все равно, но у меня такое правило.

— Что-жъ пѣхотное что ли? спросилъ съ улыбкою прапорщикъ.

— Нѣтъ, я соблюдалъ его и въ кавалеріи.

— По мнѣ какъ угодно — банкъ такъ банкъ. Сымите.

Мамаджановъ снялъ и поставилъ полтину. У Сафьянчикова задрожали немного руки, потому что у него не было уже и десяти рублей въ карманѣ, а онъ зналъ, что отъ полтины въ три карты съ небольшимъ мазомъ банкъ его могъ быть сорванъ.

— Да не много ли вы ставите? Ставьте меньше.

— Ну, хорошо. Четверть.

Сафьянчиковъ убилъ. Поручикъ выбиралъ карты, ставилъ, горячился и въ какихъ нибудь полчаса проигралъ десять рублей.

— Довольно! не везетъ! сказалъ онъ. Ну, батюшка, вы мастеръ.

Сафьянчиковъ улыбнулся и съ особенно пріятнымъ ощущеніемъ разглаживалъ двѣ синенькія.

— Кавалеристы не трусятъ, сказалъ онъ, почти убѣдясь въ своемъ счастьи и въ *честности* своего противника — а вы уже и спасовали.

— По неволѣ спасуешь, когда бьютъ и плакать не даютъ.

— Рискните-ка.

— Нѣтъ, ужъ развѣ я промечу, говорилъ Мамаджановъ, прищуривая глазки — авось отыграю хоть половину.

— Да вы какъ мечете Качаловскій?

— Конечно Качаловскій.

— Хорошо. Велите подать стаканъ мадеры.

— Вонъ стоитъ на окнѣ, прикладывайтесь! Что за церемоніи!

Сафьянчиковъ налилъ стаканъ, поставилъ возлѣ себя, стеръ щеточкой мѣсто, провелъ красивую бровку и приготовился понтировать.

Положивъ на столъ синенькую, Мамаджановъ началъ тасовать карты съ прежней неловкостью, гадалъ раза два, снова тасовалъ, наконецъ выбралъ колоду, срѣзалъ и произнесъ.

— Готовъ!

— Полтина! произнесъ Сафьянчиковъ, выдернулъ на удачу карту, посмотрѣлъ и, написавъ кушъ, прикрылъ его.

— Откройте.

— Три съ боку.

— Я не бью темныхъ.

— Какъ угодно.

Полтина была убита. Сколько потомъ ни ставилъ картъ Сафьянчиковъ, всѣ были биты, такъ что онъ взялъ одинъ лишь семпель, загнулъ транспортъ, и пяти рублей не бывало.

Въ полчаса всѣ деньги перешли къ Мамаджанову, который невозмутимо сидѣлъ, держалъ карты и ожидалъ.

— Рубль, произнесъ Сафьянчиковъ обрывающимся голосомъ, потому что у него уже оставалось лишь нѣсколько копѣекъ.

Руки Мамаджанова оставались неподвижны.

— Что же? спросилъ, волнуясь, Сафьянчиковъ.

Поручикъ пальцемъ указалъ на деньги.

— Съ собой нѣтъ больше.

— Такъ нечего и канитель тянуть.

— Да у меня двѣсти рублей лежатъ на почтѣ.

— Почта — не карманъ, сказалъ Мамаджановъ и улыбнулся, какъ человѣкъ недовѣрчивый.

— Что-жъ, вы думаете, я не отдамъ?

— Ничего не думаю, а на мѣлокъ не играю.

Положивъ карты, Мамаджановъ снялъ со стола деньги, спряталъ ихъ въ шкатулку и началъ что-то насвистывать.

— Какъ, вы серьезно не играете?

— Серьезно не играю.

— Развѣ въ кавалеріи дѣлаютъ подобныя штуки?

— Отчего же не дѣлать! Мѣлокъ вещь прескверная: можно проиграть все и запутаться въ безвыходный долгъ. А то ли дѣло чистаганъ! У насъ въ полку, т. е. въ уланахъ, была въ ходу извѣстная пѣсня, которую, вѣрно, и у васъ пѣли:

„На зеленомъ, други, полѣ
Заложу я банчикъ.
Ставь, что хочешь, въ твоей волѣ, —
Только чистаганчикъ!"

— Знаю, знаю.

— Нѣтъ, позвольте, другой куплетъ.

— Знаю, онъ оканчивается:

„Только уберите, братцы,
Глупый мѣлъ и щетки!"

— А! видите.

— Однако же я проигрался.

— Ха, ха, ха, проигрался! Заплатилъ девять рублей, а самъ же говоритъ, что двѣсти на почтѣ.

— То само по себѣ.

— А отыграться подмываетъ? Ну, дѣлать нечего, согласенъ. Только мечите вы, значитъ не произойдетъ зарыванціи.

— Метать, такъ и метать. Закладываю десять рублей на честное слово.

И, бойко расчеркнувшись, прапорщикъ нарисовалъ кругъ и поставилъ въ немъ цифру 10. Онъ взялъ карты уже не дрожащими руками, потому что въ метаньи Мамаджанова не замѣтилъ никакихъ фокусовъ, почти удостовѣрился въ его невинности и приготовлялся пустить въ ходъ передержку, потому что успѣлъ замѣтить нѣкорыя карты.

Приготовясь понтировать, Мамаджановъ, какъ нарочно, сразу открылъ карту, еще даже не объявляя куша. Сафьянчиковъ стасовалъ въ то время. Шла на рубль десятка, которая, къ прискорбію прапорщика, должна быть дана, потому что лежала четвертой картой. Но Сафьянчиковъ рѣшился. Онъ покраснѣлъ и передернулъ. Десятка выпала направо.

— Неискусно! проговорилъ спокойно Мамаджановъ — порядочные люди не такъ дѣлаютъ.

Сафьянчиковъ растерялся и отодвинулся немного.

— Какъ?

— Да такъ. Эти штуки и канцеляристъ замѣтитъ.

— Я васъ не понимаю.

— Нѣтъ, хорошо понимаете. Неловко передернули. Ха, ха, ха!

Положеніе Сафьянчикова сдѣлалось невыносимо. Отговариваться было невозможно, обратить въ шутку неловко.

— Ничего, батенька, молоды еще, говорилъ хладнокровно Мамаджановъ — а руки у васъ золотыя.

Сафьянчиковъ бросилъ карты и потянулся за фуражкой.

— Послѣ такихъ подозрѣній, я жалѣю, что игралъ съ вами, проговорилъ онъ несмѣло.

— Куда же вы? Ха, ха, ха!

— Я не понимаю вашего смѣха. Вы знаете, чѣмъ это пахнетъ.

— Мой смѣхъ? А вашъ неловкій вольтъ чѣмъ пахнетъ, какъ вы думаете? Ха, ха, ха! Ну, довольно! Садитесь: я пошутилъ.

Мамаджановъ полѣзъ въ шкатулку, досталъ девять рублей и подалъ ихъ изумленному Сафьянчикову.

— Вотъ ваши деньги. Садитесь и будемъ пріятелями. Я пошутилъ.

— Но вѣдь я проигралъ.

— И не думали. Вы отличный молодой человѣкъ.

Сафьянчиковъ рѣшительно не понималъ этой сцены, но взялъ деньги и сѣлъ.

— Трубочку?

— Пожалуй.

— Эй, трубокъ!

Деньщикъ мигомъ внесъ двѣ раскуренныя трубки.

— Маршъ въ кухню! скомандовалъ ему Мамаджановъ.

Сафьянчиковъ терялся въ догадкахъ.

— Ну-съ, началъ хозяинъ — хотите имѣть деньги?

— Какъ не хотѣть.

— Вы и будете ихъ имѣть, только признайтесь прежде, что нѣтъ никакихъ двухсотъ на почтѣ.

— Но...

— Безъ но. Вы хотите имѣть деньги и должны быть откровенны.

— Ну, нѣтъ на почтѣ.

— И богатаго дяди тоже?

— Положимъ, нѣтъ и дяди...

— Давайте руку! Васъ изъ кавалеріи перевели за картежъ?

— Почти.

— Значитъ, мы одного поля ягода. Видите ли, и въ кавалеріи есть простаки, которые попадаются, хотя и лучше васъ дѣлаютъ вольты, знаютъ тасовки и другія штуки. Какъ же вы не замѣтили, что я металъ семіабцужный штосъ, которымъ можно снять послѣднюю рубашку, и не видѣли, что у васъ въ рукахъ были не карты, а боченки.

— Неужели? спросилъ Сафьянчиковъ.

— То-то, неужели? Ну, знайте же, что мы встрѣтились очень кстати. Хотите играть со мной въ половинѣ?

— Какъ не хотѣть! вы просто мой избавитель.

— Только вы меня не надуйте и не подведите, а останетесь довольны. Вотъ въ чемъ дѣло: въ городъ пріѣхалъ коммиссіонеръ, да не тотъ, что жалованье развозитъ, а который закупаетъ провіантъ, и денегъ у него — куры не клюютъ. Намедни у адъютанта лекарь заложилъ пять червонцевъ, такъ и метать не сталъ. Ему, видите, мало, а сѣлъ въ бостонъ по гривнѣ и проюрдонилъ рублей полтораста. Сегодня онъ у квартермистра, вѣроятно, расходится, не мѣшало бы и намъ приполучить.

— Я не знакомъ.

— Эка штука церемониться со штабными, идите прямо и баста! А я, знаете, явлюсь прежде и скажу, что срѣзался съ вами и вы меня обыграли.

Вооруженный всевозможными наставленіями и получивъ отъ Мамаджанова десять червонцевъ для игры на всякій случай,

Сафьянчиковъ ушелъ къ себѣ, помечталъ немного на диванѣ съ трубкой и въ сумерки отправился къ квартермистру. Тамъ уже собралось довольно офицеровъ. Хозяинъ принялъ Сафьянчикова привѣтливо, и къ прапорщику подошли знакомиться многіе товарищи.

— Ну, батюшка, честь вамъ и слава, сказалъ квартермистръ — вы, наконецъ, обыграли нашу Мамалыгу (такъ въ полку, шутя, называли Мамаджанова).

— Да, мы познакомились и срѣзались.

— У насъ въ полку еще никто не видалъ его денегъ. Очень радъ, что вы играете. Сегодня у меня будетъ коммиссіонеръ: очень можетъ быть, что послѣ бостона мы и банчишку состряпаемъ.

— Что-жъ, я готовъ съ выигрыша.

— Мамалыга говоритъ, что вы десять червонцевъ у него цапнули.

— Цапнулъ, отвѣчалъ Сафьянчиковъ съ улыбкой.

— Ну, садитесь же, курите и пейте чай.

Въ это время вошелъ высокій коммиссіонеръ — одна изъ тѣхъ личностей, какія хотя и теперь еще попадаются, но уже въ другой, болѣе приличной формѣ. Господинъ этотъ происходилъ изъ писарей. Долго бѣдствовалъ онъ и былъ въ черномъ тѣлѣ, но когда разбогатѣлъ и разжирѣлъ, физіономія его приняла шарообразные размѣры, а постоянное бражничанье выразилось одутловатостью, а еще болѣе пунцовымъ цвѣтомъ носа. Гладко выбритый, въ засаленномъ форменномъ сюртукѣ и въ огромныхъ сапожищахъ, при двѣнадцати вершкахъ роста, коммиссіонеръ обращалъ на себя особое вниманіе тѣмъ, что, при геркулесовскомъ сложеніи, говорилъ тоненькимъ голосомъ и носилъ огромную мѣдную серьгу въ ухѣ.

Коммиссіонеръ сѣлъ и взялъ стаканъ чаю. Мамаджановъ подошелъ къ нему.

— Ну-съ, Михайло Михайловичъ, сказалъ онъ — пріѣхалъ одинъ офицеръ, такъ просто дока.

— Напримѣрича?

— Наказалъ меня на десять золотушекъ.

Коммиссіонеръ раскрылъ широкій ротъ.

— Видно — дока.

— Однако, горяченькій. Конечно, игрокъ опасный, не отгибается, да за то же и пролупиться можетъ.

— А мы его пощупаемъ ха, ха, ха!

— Не везетъ что-то.

— Только, скажу вамъ, я не люблю играть эфтой манерой: ставятъ по гривеннику, дрожатъ надъ картой. У насъ на чистоту — ва банкъ, аль треть и уголъ! По крайности, душа расходится. Люблю кавалеристовъ: тамъ и проиграть весело.

— Не тѣ у насъ достатки. А, впрочемъ, этотъ офицеръ, прапорщикъ Сафьянчиковъ, переведенъ изъ кавалеріи.

— За что, напримѣръ?

— Должно быть, кутила.

— А деньжаты?

— Присылаютъ изъ дому. Онъ генеральскій сынъ.

— А!

Мамаджановъ, вообще, старался сблизиться съ коммиссіонеромъ, съ цѣлью »раскусить его«, по выраженію игроковъ, и не дать маху, чего пуще всего боялся онъ, и, для избѣжанія какого нибудь скандала, самъ проигрывалъ небольшіе куши. Словомъ, это былъ осторожный и, разумѣется, опасный шулеръ, не разъ бывавшій въ передѣлкахъ, битый, мятый, но еще въ юности, когда пальцы его дѣйствовали неискусно и ватага учителей въ дебошахъ портила все дѣло. Доказательствомъ осторожности Мамаджанова служитъ то, что, находясь два года въ полку, онъ даже не подалъ повода подозрѣвать свое настоящее ремесло, и хоть, конечно, пользовался мелочными суммами, но съ искусствомъ, просто походившимъ на счастье. Притомъ же, онъ обыгрывалъ только новичковъ, которыхъ каждый обыгрывалъ и которые сами набивались. Какъ опытному игроку, ему коммиссіонеръ не казался опаснымъ; однако, все же не мѣшало походить около него.

— Вы, кажется, говорили, что порядочно проиграли артиллеристамъ, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, пустяки — сотъ семь рублей.

— Метали или понтировали?

— И то и другое, но метать я люблю лучше: знаете, вѣрнѣе, а то наскочишь на шулера...

— Да, точно, говорилъ равнодушно Мамаджановъ, а самъ внутренно смѣялся при видѣ простоты коммиссіонера, который даже не зналъ, что и банкометовъ обираютъ, какъ липокъ. — Всего лучше метать, продолжалъ онъ — особенно въ незнакомомъ обществѣ.

— И въ знакомомъ.

Но тутъ явился молодой майоръ, извѣстный бостонистъ, и хозяинъ сдѣлалъ распоряженіе раскрывать столы, добытые въ

нѣсколькихъ домахъ, и подавать карты. Устраивались партіи, но большинство офицеровъ ожидало »направо, налѣво«. Мамаджановъ отказался отъ всего и подсѣлъ къ коммиссіонеру. Молодежь усѣлась возлѣ круглаго стола, и какой-то пузатый капитанъ заложилъ четвертную (25 р. асс.). Субалтернъ-офицеры играли весьма почтительно. Сафьянчиковъ спустилъ два червонца.

— Вотъ и кавалеристъ нашъ проигрываетъ, сказалъ лекарь — а вы же что, Мамалыга?

— Да что, пробубенился сегодня: будетъ съ меня.

— Э, молоды еще, отыграетесь. Примажтесь-ка, что торчать возлѣ бостонистовъ? знаете пословицу: пятый игрокъ подъ столъ.

Коммиссіонеръ наклонился къ Мамаджанову.

— А знаете, батенька, не заложить ли намъ вмѣстѣ?

— Боюсь.

— Волка бояться — въ лѣсъ не ходить. Я люблю работу: здѣсь буду играть въ бостонъ, зашибать деньгу, а вы тамъ не зѣвайте.

— Пожалуй. По скольку же?

— Да вѣдь понтеры-то грошевые: заложимъ на первый разъ по сту.

— Развѣ съ вами, а самъ бы ни за что; боюсь этого забулдыги.

— Прорвется.

И коммиссіонеръ, доставъ изъ кармана сторублевую бумажку, отдалъ ее Мамаджанову, который вынулъ такую же и подошелъ къ круглому столику.

— Полно вамъ, господа, канитель тянуть, сказалъ онъ: — закладываю вамъ двѣсти, рвите на здоровье, а сорвете, еще раскошелимся.

— Да и пора уже, я вотъ срываю капитанскій банкъ, идетъ рѣшительная карта.

— И дѣйствительно: послѣдняя карта была дана, и четвертная перешла къ лекарю, а пузатый капитанъ, пыхтя, отеръ лицо и проговорилъ:

— Рвите еще красненькую.

— Куда же съ своей красненькой. когда Мамалыга предлагаетъ двѣсти!

— Сорвите мою, а тамъ за Мамалыгину.

— Нѣтъ, нѣтъ, раздались голоса — если хотите проиграть. можете и пропонтировать.

— А неравенъ часъ и отыграешься, говорилъ майоръ, сидѣвшій близко банка — кончимъ, и я приставлю.

— А вы, компаньонъ, отозвался тонкимъ голосомъ коммиссіонеръ — жарьте ихъ такъ, чтобъ небо съ овчинку показалось.

— Не поджарили бы насъ, Михайло Михайловичъ, что-то сердце вѣщуетъ.

— А вы плюньте на сердце, да задайте легкую пуншацію.

— А что же, въ самомъ дѣлѣ, хозяинъ, отчего не подаютъ пуншу? спросилъ майоръ.

— Сейчасъ, сейчасъ.

Мамаджановъ уже усѣлся возлѣ стола, положилъ возлѣ себя четыре колоды запечатанныхъ картъ, придвинулъ два подсвѣчника съ сальными свѣчами и разстегнулся.

— Господа, хоть это и всѣмъ извѣстно, однако я не могу начинать безъ пѣсни такого важнаго дѣла.

И онъ запѣлъ:

> На зеленомъ, други, полѣ
> Заложу я банчикъ,
> Ставь, что хочешь, въ твоей волѣ —
> Только чистаганчикъ.

Многіе засмѣялись, а нѣкоторые проговорили:

— Какъ же безъ мѣлу? Нельзя, да и у васъ лежатъ сотенныя.

— Не безпокойтесь, казначей знаетъ свое дѣло. Смотрите, онъ уже считаетъ на окнѣ деньги — будутъ всякія, и для красы засверкаютъ новенькіе четвертаки и полтинники. Вона! засвѣтились и червончики.

Присутствовавшіе волею-неволею добыли деньги съ извѣстными пріемами: у кого ихъ было довольно, тѣ раскрывали бумажники и вытаскивали сколько нужно, а у кого мало, тотъ потихоньку подъ столомъ вынималъ послѣднюю синюху и серебряную мелочь.

— А куши какіе можно ставить? спросилъ Сафьянчиковъ, на котораго всѣ смотрѣли съ любопытствомъ, считая его ловкимъ игрокомъ.

— Отъ гривенника до двухсотъ рублей, по желанію. Мы не стѣсняемъ понтеровъ.

— Вотъ это хорошо, сказалъ одноглазый офицеръ, вертѣвшій въ рукахъ нѣсколько двугривенныхъ — можно будетъ позабавиться.

— Можно, можно, отвѣчалъ весело Мамаджановъ и, спря-

тавъ десяти-рублевую въ карманъ, высыпалъ изъ кошелька столько же серебряной монеты. Милости просимъ. Ну, что-жъ, извольте занимать мѣста, мѣлъ и щеточки вонъ. Маршъ!

Публика усѣлась. Сафьянчиковъ помѣстился поближе къ банкомету. Началась игра. Первая талія прошла безъ послѣдствій, нѣкоторые куши были убиты, нѣкоторые даны; одинъ лишь Сафьянчиковъ придвинулъ къ себѣ нѣсколько червонцевъ. Прочіе игроки посмотрѣли на него съ уваженіемъ. Счастіе не везло особенно никому, но мелкіе капиталисты поотстали, опустошивъ свои кошельки, и только смотрѣли да совѣтывали, хотя никто не слушалъ ихъ совѣтовъ. Между тѣмъ оканчивался бостонъ. Коммиссіонеръ справился о положеніи кассы и получилъ удовлетворительный отвѣтъ. Но вотъ быстро повезло Сафьянчикову.

— Атанде! воскликнулъ онъ.

Банкометъ остановился.

— До-банку!

И, поискавъ карту, прапорщикъ вынулъ туза изъ колоды.

— Да вѣдь до банку болѣе ста рублей, замѣтилъ Мамаджановъ.

— А мнѣ что за дѣло, небрежно произнесъ Сафьянчиковъ — хоть бы и двѣсти.

— Молодецъ! послышалось въ толпѣ, и всѣ тѣснѣе сдвинулись.

— Михайло Михайловичъ! закричалъ банкометъ коммиссіонеру — подойдите-ка сюда: идетъ рѣшительная карта.

— Некогда, батюшка: сейчасъ восемь безъ трехъ въ сюрахъ, чортъ побери!

— Ставятъ до-банку. Метать?

— Валяйте!

Еще абцугъ, — и банкъ былъ сорванъ.

Мамаджановъ бросилъ карты.

— Этакого дьявольскаго счастія не видывалъ! Нѣтъ, г. Сафьянчиковъ, я не могу больше метать противъ васъ.

— Имѣето полное право, но прежде потрудитесь прислать мнѣ всѣ эти бумажки и червончики.

— Да въ сорочкѣ, батенька, родились.

— У насъ такъ въ кавалеріи.

— А что, братъ Мамалыга, проговорилъ пузатый капитанъ — видно, моя очередь закладывать красненькую: авось отыграешься.

— Да, проигравши сто рублей?

Коммиссіонеръ подошелъ къ столу.

— Что? Распечатали? плохо. Постойте, мы кончимъ игру, немного осталось ремизовъ, опять заложимъ, да я самъ буду метать.

Пузатый капитанъ заложилъ таки красненькую и усѣлся наслаждаться обычнымъ препровожденіемъ времени. Сафьянчиковъ, въ числѣ прочихъ, поставилъ карту, положилъ подъ нее деньги и открылъ по первому абцугу. Капитанъ и не подозрѣвалъ штуки, билъ гривенники и пятіалтынные, но когда положилъ налѣво карту Сафьянчикова, послѣдній снялъ ее, и взорамъ изумленнаго банкомета представилась красненькая. Вокругъ раздался дружный хохотъ. Капитанъ исподлобья посмотрѣлъ на прапорщика, пыхтя, отодвинулъ ему ассигнацію, сгребъ нѣсколько мелочи въ кошелекъ, всталъ и произнесъ:

— У насъ такъ не играютъ.

Никто на этотъ возгласъ не обратилъ вниманія. Послѣ бостона завязалась игра серьезнѣе. Коммиссіонеръ закладывалъ раза два пополамъ съ Мамаджановымъ, и всѣ банки срывалъ Сафьянчиковъ. Это взбѣсило коммиссіонера.

— Заложу еще одинъ! пропищалъ онъ, высыпая кошель червонцевъ — чортъ его знаетъ сколько здѣсь — рвите, только на чистаганъ. Посмотримъ на эту шельму фортуну — долго ли она будетъ ко мнѣ оборачиваться задомъ.

Игроковъ прибавилось; даже офицеры съ опустошенными кошельками взяли по немногу у казначея, и начался настоящій бой на зеленомъ полѣ. Сафьянчиковъ не горячился, но ничего не сдѣлалъ; и только лекарь да Мамаджановъ поминутно щипали коммиссіонера: послѣдній навѣрную, а первый потому, что придерживался иногда картамъ Мамалыги. Игра кончилась далеко за полночь порядочнымъ разбитіемъ коммиссіонера, и, разумѣется, значительная часть его проигрыша досталась новымъ пріятелямъ. Но Сафьянчиковъ былъ рѣшительнымъ героемъ вечера; даже самъ майоръ потрепалъ его по плечу и сказалъ, что изъ него выйдетъ ловкій гренадеръ; только надо сбрить усы, а то неравно полковой командиръ посадитъ на гауптвахту.

Отъ квартермистра Сафьянчиковъ зашелъ къ Мамаджанову и долженъ былъ честно раздѣлаться. Первоначально онъ имѣлъ было въ виду утаить нѣсколько золотушекъ, но когда Мамаджановъ, не приступивъ еще къ ревизіи суммы, сказалъ, сколько должно быть денегъ въ карманѣ у Сафьянчикова, прапорщикъ молча взялъ свою часть, которая составляла болѣе 400 р. асс.

Опытный пріятель разрѣшилъ Сафьянчикову день остаться въ городѣ, купить что нужно, отправляться въ роту и ожидать увѣдомленія. Прапорщикъ долго не могъ уснуть и все пересчитывалъ деньги, которыхъ давно уже не видѣлъ въ такомъ количествѣ. Съ зарей онъ всталъ, призвалъ портнаго, заказалъ ему кавалерійскіе рейтузы, чтобъ были готовы къ слѣдующему утру, зашелъ къ шапочнику, велѣлъ сдѣлать бирюзовую фуражку съ бѣлымъ околышкомъ и отправился къ Мамаджанову. Послѣдній принялъ его дружески и усадилъ за чай.

— Ну, что коммиссіонеръ ѣдетъ сегодня? спросилъ прапорщикъ.

— Непремѣнно, да и чортъ съ нимъ! Пріѣдетъ въ другой разъ, мы его не такъ облапошимъ. Сегодня, пожалуй, у меня поиграемъ, только на чистое счастье. Понимаете.

— Понимаю.

— Я отложилъ золотушки три, четыре проиграть, и вамъ совѣтую тоже, тогда наши дѣла пойдутъ отлично.

— Ну, я согласенъ. Только знаете, сейчасъ же хочу напиться и пойду...

Сафьянчиковъ подмигнулъ. Мамаджановъ засмѣялся.

— Пойдемъ что ли вмѣстѣ, продолжалъ прапорщикъ — я поставлю бутылку, другую, а тамъ...

— Не такъ! Вотъ мой совѣтъ: ты не пей мертвецки, а натянись, что называется *на второмъ взводѣ*. Я помогу, пожалуй. Туда не ходи совсѣмъ: во первыхъ, мерзость, во вторыхъ, стыдно, братецъ, живешь въ деревнѣ. А надо сдѣлать вотъ какъ: ступай къ штабнымъ и къ прочимъ офицерамъ, съ кѣмъ познакомился, да и пригласи съ выигрыша на вечеръ.

— А въ самомъ дѣлѣ! Лихой ты, братъ, товарищъ, Мамалыга; видно, что кавалерійская кровь.

— Въ трактирѣ прикажи приготовить битковъ, купи бутылки двѣ рому, полдюжины мадеры, чаю, сахару, табаку, а мы достанемъ столовъ, посуды, займи еще комнаты двѣ на постояломъ, прикажи фактору быть для услугъ, деньщиковъ можешь взять у меня, у квартермистра, и этимъ вечеромъ сдѣлаешь себѣ въ полку отличную репутацію.

— Эхъ, Мамалыга, да какже безъ шампанскаго!

— Въ твоей волѣ, только дорого.

— Такъ и быть три бутылки!..

— О, да изъ тебя будетъ прокъ, какъ я вижу, сказалъ Мамаджановъ, засмѣявшись. Дѣлать нечего: я уже берусь

устроить это дѣло. А о картахъ тебѣ заботиться нечего, потому что я доставлю. Понимаешь?

— Понимаю.

Сафьянчиковъ потиралъ руки отъ удовольствія и обѣщалъ Мамаджанову не пить слишкомъ; а главное — не ходить туда, куда тотъ не совѣтовалъ. Закупивъ все необходимое, онъ кликнулъ фактора, пошелъ съ нимъ по офицерскимъ квартирамъ и пригласилъ товарищей къ себѣ на вечеръ. Всѣ изъявили согласіе, тѣмъ болѣе, что Сафьянчиковъ говорилъ, прощаясь: »у меня будетъ все очень просто; но найдете и гусарскія сливки и бутылку, другую шампанскаго«. Обѣдалъ онъ въ трактирѣ и выпилъ только графинчикъ водки и стакана три дрей-мадеры, что привело его въ отличное расположеніе духа. Пришелъ домой онъ бодрымъ шагомъ, улегся на диванъ и, закуривъ трубку, предался разнымъ фантазіямъ. Прапорщику пришла мысль, что было бы недурно, еслибъ къ вечеру поспѣла хоть гусарская фуражка, и съ этой цѣлью онъ кликнулъ фактора, которому велѣлъ сходить къ шапочнику и вмѣстѣ принести ему нѣсколько паръ сапоговъ для выбора и хорошія шпоры. Пока факторъ исполнялъ порученія, Сафьянчиковъ, утомленный безсонной ночью и затронутый дрей-мадерой, захрапѣлъ богатырски и проспалъ часовъ до четырехъ. Факторъ, мальчикъ изъ лавки съ сапогами и другой съ нѣсколькими парами шпоръ почтительно ожидали въ передней. Факторъ раскаявался въ душѣ, что огорчилъ прапорщика отказомъ достать денегъ и, разсуждая, что, можетъ быть, далъ маху, придумывалъ способы поправить дѣло и началъ лавочнымъ мальчикамъ расписывать Сафьянчикова самыми лучшими красками. Наконецъ, прапорщикъ проснулся, выбралъ сапоги и велѣлъ привинтить шпоры. Но тутъ оказалось, что этой операціи никто не могъ сдѣлать, и только догадливый факторъ побѣжалъ къ адъютантскому деньщику. Сафьянчикову хотѣлось погулять; но онъ рѣшился подождать сапоговъ со шпорами, чтобъ хоть немного казаться кавалеристомъ. Каково же его было удивленіе, когда факторъ, торжественно неся пару сапоговъ, привелъ и шапочника, который, низко кланяясь, вручилъ Сафьянчикову красивую гусарскую фуражку. Распорядившись, чтобъ хозяинъ очистилъ еще одну комнату, и пославъ фактора за столами, посудой и деньщиками, прапорщикъ въ кавалерійской фуражкѣ и сапогахъ со шпорами отправился прямо въ трактиръ, гдѣ много офицеровъ и юнкеровъ играли на бильярдѣ. Сафьянчиковъ

игралъ на этомъ инструментѣ плохо, но, не желая уронить своего достоинства, предложилъ одному изъ товарищей партію по рублику, проигралъ три или четыре, потомъ на бутылку шампанскаго, которую тоже подали на его счетъ, и уже собирался увеличить кушъ, какъ, на счастье его, появился Мамаджановъ, ежедневно упражнявшійся въ шарокатаніи и извлекавшій копѣечные барыши »для успокоенія совѣсти«. Мамаджановъ игралъ отлично и не находилъ себѣ партнера иначе, какъ давая впередъ очковъ сорокъ. Свои почти съ нимъ не играли, а развѣ какой пріѣзжій или помѣщикъ попадался ему на удочку. Шулерства собственно нѣтъ на бильярдѣ, но шулера отличаются тѣмъ, что, играя превосходно, маскируютъ игру, даютъ сперва впередъ очень мало, даже проигрываютъ первыя партіи для завлеченія жертвы и, прибавляя »форо« постепенно, обираютъ деньги навѣрняка.

Партнеру Сафьянчикова было непріятно появленіе сильнѣйшаго игрока, потому что партнеръ этотъ разсчитывалъ уже на порядочный кушъ съ разгорячившагося прапорщика, который, дѣйствительно для поддержанія кавалерійскаго тона, не хотѣлъ отступать ни передъ какой ставкой.

— Ну, что, спросилъ Мамаджановъ Сафьянчикова — ты и на бильярдѣ такой же мастеръ, какъ въ картахъ?

— Помилуй, совсѣмъ не въ ударѣ: спустилъ уже рублей пять и бутылку шампанскаго.

— Играете такъ и такъ?

— Я не могу дать имъ впередъ, проговорилъ, нѣсколько смутившись, партнеръ Сафьянчикова — они иногда дѣлаютъ удивительные шары.

— А можетъ быть со мной? сказалъ Мамаджановъ, дѣлая глазами знакъ Сафьянчикову.

— Нѣтъ, довольно, я проспалъ послѣ обѣда, а мнѣ нужно идти домой распорядиться.

Мамаджановъ остался въ трактирѣ живиться гривенниками и пятіалтынными.

Къ Сафьянчикову собралось довольно товарищей, которые получили о немъ высокое мнѣніе послѣ шумнаго венера. Игра шла на счастье и кончилась бы ничѣмъ; но Мамаджановъ, вѣрный своему обѣщанію, прометалъ семіабцужный штосикъ, противъ котораго понтировалъ и Сафьянчиковъ, для отвлеченія подозрѣнія, и нѣсколько десятковъ рублей перешло въ карманъ Мамалыги. Когда всѣ разошлись, послѣдній подѣлился съ Сафьянчиковымъ, такъ что прапорщику вечеръ обо-

шелся недорого, и совѣтовалъ ему непремѣнно уѣзжать въ роту. Такимъ образомъ Сафьянчиковъ поправилъ обстоятельства, купилъ что нужно, а главное пріобрѣлъ рессурсъ въ будущемъ и, въ гусарской фуражкѣ и сапогахъ со шпорами, отправился къ своему мѣсту.

На довольно большое разстояніе въ окрестности, въ которой расположилась знакомая намъ рота, не было богатыхъ помѣщиковъ, а жили мелкопомѣстные дворяне и такъ называемые *полупанки*, т. е. отставные чиновники, выслужившіеся изъ казачьяго званія и отличавшіеся отъ крестьянина только тѣмъ, что ходили не въ народной одеждѣ и говорили нѣсколько ломанымъ русскимъ языкомъ. Впрочемъ, изъ послѣднихъ встрѣчались люди радушные и не безъ средствъ, особенно если кому удавалось занимать мѣсто, приносившее доходы. Паны, однакожъ, рѣдко принимали ихъ въ свое общество, не потому, чтобы полупанки рѣзко отдѣлялись отъ массы мелкопомѣстныхъ — масса, вообще, была необразована — а въ силу того же страннаго обыкновенія, которое запираетъ дверь аристократа передъ людьми другой породы. Случалось, что въ большомъ селѣ подобные отставные чиновники населяли цѣлыя улицы и, расходясь съ народомъ изъ нелѣпой спѣси, составляли свои собственные кружки, въ которые вносили мѣщанскіе нравы и обычаи, хотя работали точно такъ же, какъ и крестьяне. Иные, кому удалось на службѣ нажить деньги, строили домики изъ трехъ-четырехъ комнатъ и вели не крестьянскій образъ жизни, знаясь лишь съ подобными себѣ да съ духовенствомъ. Женское общество этого сословія, при совершенномъ невѣжествѣ, всегда составляло значительную цифру, потому что дочь полупанка не всегда находила жениха, считая низкимъ выйти за крестьянина. Обыкновенно, цѣлью ихъ были судовые *панычи*, канцеляристы; но тѣ женились только на невѣстахъ съ приданымъ. *Панночки* эти, по большей части, были даже безграмотны, хотя держали себя довольно спѣсиво относительно крестьянокъ, и въ праздники составляли свое общество — поболтать, пощелкать орѣховъ и погадать на картахъ. Изъ военныхъ въ этомъ обществѣ бывали иные юнкера, на которыхъ, какъ на жениховъ, панночки не разсчитывали, но, тѣмъ не менѣе, молодые люди влюблялись подъ-часъ взаимно и проводили время не безъ удовольствія. Въ домахъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, съ приходомъ полка, особенно гдѣ были невѣсты, возникали нѣкоторыя улучшенія,

и барышни каждый праздникъ одѣвались тщательнѣе къ обѣднѣ, въ надеждѣ увидѣть офицеровъ.

По справкамъ, собраннымъ нашими знакомцами, помѣщики побогаче жили довольно далеко, и Сафьянчиковъ рѣшилъ не знакомиться съ разною этакою мелочью, а поѣхать прямо къ вдовѣ Черепенковой, пока представится случай попасть куда нибудь на балъ или на имянины. Въ первый же праздникъ, по возвращеніи прапорщика изъ города, назначено было путешествіе на хуторъ вдовы, верстъ за десять, и только въ случаѣ, еслибы не было ея дома, заѣхать къ другимъ помѣщикамъ, во первыхъ, чтобъ не остаться безъ обѣда, во вторыхъ, не даромъ проѣздиться. Наканунѣ воскресенья, товарищи, по обычаю, сидѣли у Струнихина, предаваясь разнымъ мечтамъ, надъ которыми поручикъ смѣялся, лежа на постели, покуривая трубочку и поплевыя съ особеннымъ присвистомъ. Сафьянчиковъ все время былъ въ духѣ, съ нетерпѣніемъ ждалъ записки отъ Мамаджанова и порывался веселиться. Куропѣгинъ тоже не привыкъ сидѣть на квартирѣ, тѣмъ болѣе, что на прежней стоянкѣ »онъ катался какъ сыръ въ маслѣ«, по его собственному выраженію, и даже былъ помолвленъ. Чувствовавшему превосходство Сафьянчикова, Куропѣгину не весьма было пріятно его сообщество, и онъ предпочелъ бы ѣхать безъ него ухаживать за хорошенькими, но какъ прапорщикъ на этотъ разъ обладалъ денежными средствами, то и надо было покориться необходимости. Впрочемъ, Куропѣгинъ утѣшалъ себя тѣмъ, что не всѣ же влюбятся въ Сафьянчикова и что собственная его, куропѣгинская, фигура производила иногда впечатлѣніе на сердце дѣвицъ, несмотря на присутствіе офицеровъ и богаче, и молодцоватѣе. Сафьянчиковъ объявилъ торжественно, что если вдовушка хороша и у нея довольно денегъ, онъ во второй же пріѣздъ сдѣлаетъ предложеніе.

Утромъ, часу въ одиннадцатомъ, на тройкѣ обывательскихъ съ колокольчикомъ, валявшимся издавна у Струнихина, два товарища отправились дѣлать визиты. Куропѣгинъ надѣлъ новенькій мундиръ и ужасно хлопоталъ, чтобы не замѣтили заплатки на правомъ сапогѣ, которую ротный сапожникъ хотя и обѣщалъ наложить искусно, однако не сдержалъ обѣщанія. За то Сафьянчиковъ, нарядившись въ кавалерійскіе рейтузы и сапоги со шпорами, былъ очень доволенъ собою и, нафабривъ усы, замѣтилъ Куропѣгину, что »кавалеристъ всегда останется кавалеристомъ, хотя бы и принужденъ былъ носить на шеѣ говядину«. На это подпоручикъ не возражалъ,

но замѣтилъ въ свою очередь, что если рейтузы и шпоры дѣйствительно придаютъ красоты пѣхотному мундиру, то, съ другой стороны, при встрѣчѣ съ начальствомъ можно за эту красоту дорого поплатиться.

— Боюсь я!... отвѣчалъ Сафьянчиковъ.

Молодые люди весело разговаривали на телѣжкѣ, которая катилась по гладкой дорогѣ порядочной рысью, и помнутно набивали трубки, съ наслажденіемъ затягиваясь на свѣжемъ воздухѣ.

— Знаешь ли, что я выдумалъ? сказалъ Куропѣгинъ.

— Вѣрно какой нибудь вздоръ! Ха, ха, ха!

— Ты вѣчно смѣешься. Нѣтъ, не вздоръ, а дѣло.

— Какое, у чорта, можетъ быть у тебя дѣло?

— А вотъ какое. Ты ѣдешь волочиться за вдовушкой, имѣешь намѣреніе жениться, а я же какъ?

— А мнѣ что за надобность?

— Развѣ это по товарищески! Нѣтъ, братъ Сафьянчиковъ, не знаю, какъ у васъ въ кавалеріи, но у насъ въ пѣхотѣ должно стоять горой другъ за дружку.

— Гдѣ надо и постоимъ, а здѣсь какой резонъ! Не хочешь ли ты самъ, пижосъ этакій, пріударить за вдовушкой и выхватить лакомый кусокъ у меня изъ-подъ носу? Дудки, братъ!

— Этой низости я никогда не сдѣлаю, но и ты обязанъ помогать товарищу.

— Не прочь.

— То-то. Видишь ли, я для тебя ѣду къ вдовушкѣ, буду сидѣть дуракъ-дуракомъ въ то время, какъ вы начнете изъясняться въ любви; но оттуда ты долженъ заѣхать со мною къ этой... какъ бишь ее... Телюковской, гдѣ за невѣстой шесть тысячъ приданаго.

— А если она хорошенькая?

— Такъ что же? Значитъ, мнѣ же лучше.

— Ну, нѣтъ, лучше тебѣ ѣхать къ нимъ одному.

— Зачѣмъ?

— А затѣмъ, что отобью, и баста!

— Какъ! у товарища?

— Эхъ, башка ты каропѣгая! Да развѣ можно быть съ хорошенькой и не разсыпаться передъ ней мелкимъ бѣсомъ?

— Не зналъ же я тебя, Сафьянчиковъ, сказалъ со вздохомъ подпоручикъ.

— Нешто я серьезно буду за ней ухаживать! Не видалъ

шести тысячъ! Да знаешь ли ты, что я по тысячѣ ставилъ на одну карту!

— Ты меня только пугаешь.

— Ха, ха, ха! А ты и струсилъ.

— Такъ поѣдемъ къ Телюковскимъ?

— Куда хочешь, дай только мнѣ пріударить за вдовушкой. А долго мы прогостимъ?

— Ну, знаешь, если живетъ одна молодая женщина, засиживаться не слѣдуетъ, а мы побудемъ до вечера, да и поѣдемъ къ Телюковскимъ.

— Тамъ посмотримъ.

День стоялъ великолѣпный. По окраинамъ дороги пестрѣли еще запоздалые цвѣты, скворцы тучами перелетали съ нивы на ниву, а на несжатыхъ просахъ стада журавлей снимались при звукахъ колокольчика. Въ воздухѣ носилась паутина и, попадая подъ лучи солнца, казалась серебряною на голубомъ фонѣ неба. Но вотъ путники въѣхали въ луга. Впереди сперва показалась высокая мельница съ четырьмя крыльями, а потомъ группа деревьевъ, изъ которыхъ отдѣлялись пирамидальные тополи. Сафьянчиковъ погналъ ямщика, и черезъ четверть часа явственно можно было различить домикъ съ двумя трубами, и возлѣ рядъ бѣлыхъ хатъ, тянувшихся по небольшому косогору. Налѣво мелькнуло обширное гумно, обставленное множествомъ скирдъ, и тутъ же паслись большія стада лошадей, рогатаго скота и овецъ.

— Ого, да наша вдовушка хорошая хозяйка, сказалъ весело Сафьянчиковъ — посмотри, Каропѣгій! Этакъ, чортъ побери, можно зажить помѣщикомъ.

— Вѣдь ты говоришь, что у тебя есть богатый дядя. Тебѣ же что?

— Дурандасъ ты, братъ, какъ я вижу. Дядя себѣ дядей, можетъ быть, онъ проживетъ лѣтъ двадцать, а тутъ и женушка разлюли, да и мазъ порядочный.

— Вотъ я такъ благославлялъ бы судьбу, еслибъ хоть сякой-такой домишко, да жена молодая. Эхъ!

— Ты, небось, и распустилъ бы нюни; не даромъ тебя зовутъ плаксой.

— Чего же больше надо человѣку?

— Увидишь, какъ я женюсь, да приберу къ рукамъ имѣніе; я покажу, чего надо человѣку. А! вотъ и дворъ. Смотри, Каропѣгій, никакъ гости.

Куропѣгинъ посмотрѣлъ внимательно.

— Гости-то, гости, сказалъ онъ — да никакъ я признаю бонбояшъ *) командира втораго батальона.

— Что вы врешь, это коляска.

— Ну, ужъ тамъ вру или не вру, а зеленый бонбояшъ знаю.

— Хоть бы сказалъ бонвояжъ, замѣтилъ съ улыбкой Сафьянчиковъ.

— Такъ у насъ въ полку всѣ называютъ.

— Недалеко стоитъ, что ли?

— Говорятъ, довольно далеко, но видно пронюхалъ, что богатая невѣста, а онъ уже давно хочетъ жениться.

— Да вѣдь онъ старъ?

— Немолодъ.

— Да хоть бы и молодъ, мы не испугаемся.

— Ну, не говори: все-таки штабъ-офицеръ, вѣсъ въ полку имѣетъ, сколотилъ деньгу.

— Эка важность! И не такихъ за поясъ затыкали.

Сафьянчиковъ проговорилъ это по привычкѣ, но въ душѣ трухнулъ при подобномъ соперничествѣ, и если не совершенно потерялъ бодрость, то все же самоувѣренность его понизилась на нѣсколько градусовъ.

— Ты смотри, Сафьянчиковъ, замѣтилъ Куропѣгинъ — не слишкомъ вольничай передъ нимъ: онъ этого не любитъ; и еще пожалуй не распекъ бы тебя за кавалерійскія брюки.

— Сколько я разъ тебѣ говорилъ, что не брюки, а рейтузы! Смѣетъ распечь! Я вѣдь донашиваю форму, и притомъ мы не въ его баталіонѣ.

— Это ничего не значитъ. Ну, погляди, вонъ и майорскую тройку водитъ его кучеръ.

— Эхъ, досадно, чортъ побери! А я думалъ, что мы кутнемъ здѣсь на свободѣ.

Когда товарищи подъѣхали къ крыльцу, на встрѣчу имъ вышла женщина въ затрапезной исподницѣ. На боковомъ крыльцѣ показалось нѣсколько дѣвушекъ, вызванныхъ звуками колокольчика.

— Дома барыня?

— Дома. Пожалуйте.

Изъ небольшой, довольно грязной передней, безъ всякой мебели, въ которой висѣли пучки разныхъ сухихъ травъ по стѣнамъ, а на шнуркахъ сушеныя яблоки, офицеры прошли въ залу, уставленную старинными кожаными креслами, увѣшан-

*) Т. е. бонвояжъ — крытыя дрожки, какъ онѣ назывались въ прежнее время.

ную лубочными изображеніями генераловъ и уродливыми гравюрами изъ Матильды и Ринальдо-Ринальдини. Въ простѣнкахъ висѣли небольшія зеркала, на окнахъ стояло нѣсколько горшковъ съ цвѣтами, а полъ устланъ былъ узенькими ряднами въ разныхъ направленіяхъ. Офицеры остановились. Изъ сосѣдней комнаты раздавались женскій смѣхъ и мужской голосъ, говорившій густымъ басомъ. Вскорѣ. однакожъ, послышался шорохъ платья и молодая хорошенькая женщина показалась на порогѣ. Товарищи скорымъ шагомъ приблизились къ ней.

— Имѣю честь рекомендоваться — подпоручикъ Куропѣгинъ.

И подпоручикъ, по обычаю того времени, поцѣловавъ руку вдовушки, получилъ соотвѣтствующій поцѣлуй въ щеку.

— Имѣю честь рекомендоваться — корнетъ... ахъ, извините, позабылъ: теперь прапорщикъ Сафьянчиковъ, сказалъ ловкій эксъ-кавалеристъ, щелкнулъ шпорами и впился въ пухленькую ручку.

— Очень пріятно, господа! Пожалуйте въ гостиную.

Офицеры вошли. Это была маленькая комната. Диванъ, круглый столикъ и шесть креселъ составляли всю ея мебель. На столѣ, покрытомъ синей салфеткой, стоялъ подносъ съ водкой и закуской, а на диванѣ возсѣдалъ низенькій, толстый майоръ, глаза котораго заплыли жиромъ и подбородокъ лежалъ на воротникѣ. Онъ едва кивнулъ головой на поклонъ офицеровъ.

— Покорно прошу садиться, сказала вертлявая хозяйка — да не угодно ли водочки и закусить съ дороги.

Куропѣгинъ не рѣшался, а Сафьянчиковъ, не желая уронить достоинство кавалериста, щелкнулъ шпорами, подошелъ къ столу, налилъ рюмку алой водки и, пропустивъ ее съ особенной гримасой, принялся за соленье и копченье. Ободренный товарищемъ, и Куропѣгинъ приступилъ къ столику.

Майоръ пыхтѣлъ и видимо былъ недоволенъ пріѣздомъ офицеровъ. Лоснящееся, гладко выбритое лицо его, съ едва прорѣзанными глазами, и длинныя оттопыренныя уши представляли довольно смѣшную фигуру; но майоръ, какъ всѣ вообще уроды, считалъ себя красавцемъ и любилъ приволокнуться за хорошенькими. Онъ до того былъ ослѣпленъ своей наружностью, что не боялся никакого красавца, и если былъ не доволенъ появленіемъ молодежи, то не потому, чтобы ему было страшно сравненіе хоть бы съ Сафьянчиковымъ, а оттого, что

неловко ухаживать за вдовушкой въ присутствіи постороннихъ. Этотъ майоръ сватался во время каждой стоянки, влюблялся на каждомъ шагу и все-таки не приходилъ къ заключенію, что онъ старъ и нехорошъ для внушенія взаимности. Штабъ-офицеръ вообще, баталіонный же командиръ въ особенности, пользовался извѣстнымъ почетомъ; молодые офицеры въ гостяхъ, не взирая на приглашеніе хозяина, не смѣли сѣсть въ присутствіи майора.

Когда гости позавтракали, вдовушка, посматривавшая съ удовольствіемъ на Сафьянчикова, очень любезно просила ихъ садиться. Знакомый съ пѣхотнымъ этикетомъ, Куропѣгинъ поклонился и поглядѣлъ на майора, какъ бы ожидая ободрительнаго жеста, но Сафьянчиковъ смѣло развалился въ креслѣ и подумывалъ о томъ, что не мѣшало бы затянуться. Брови у майора нахмурились, и на жирномъ лицѣ выступила краска. Онъ въ ту же минуту хотѣлъ распечь дерзкаго прапорщика, но колебался, потому что самъ въ первый разъ пріѣхалъ съ визитомъ къ вдовушкѣ.

— Что же вы не садитесь? отозвалась привѣтливо послѣдняя къ Куропѣгину.

— Садись, братъ, проговорилъ густымъ басомъ майоръ и взглянулъ исподлобья на Сафьянчикова.

Прапорщикъ даже не замѣтилъ этого и завелъ разговоръ съ хозяйкой о чувствахъ вообще и о своемъ разочарованіи въ особенности. Читателямъ уже извѣстно, какой былъ красавецъ Сафьянчиковъ, и потому немудрено, что вдовушка съ перваго же раза увлеклась ловкимъ, статнымъ молодымъ человѣкомъ и, бесѣдуя съ нимъ, казалось, забыла о присутствіи уродливаго майора, который пыхтѣлъ и произносилъ отрывистыя фразы. Сначала майоръ вмѣшивался въ бесѣду, но, видя, что ему отвѣчаютъ не хотя, всталъ, вышелъ въ залу и началъ ходить, потряхивая эполетами.

Марѳа Михайловна Черепенкова была женщина лѣтъ двадцати трехъ, полная, веселая, и хотя она овдовѣла недавно и, по общепринятому правилу, не должна бы еще предаваться живости характера, однако, пробывъ около четырехъ лѣтъ замужемъ за семидесятилѣтнимъ старикомъ, она такъ обрадовалась свободѣ, что не слишкомъ обращала вниманіе на пересуды кумушекъ. Дочь бѣднаго чиновника въ уѣздномъ городѣ, Марѳа Михайловна училась кое-чему, разумѣется, нелѣпо и поверхностно, но читать любила все — и романы, и стишки, которые усердно переписывались тогда молодыми людьми и

подносились барышнямъ. Мужъ Мароы Михайловны, отставной штабсъ-капитанъ Черепенко, едва умѣлъ подписывать свое имя, и потому книгъ у него не водилось, но онъ не запрещалъ женѣ читать »романці«, какъ онъ выражался, и даже иногда самъ слушалъ въ зимній вечеръ какія нибудь приключенія. Женился Черепенко по страстной любви, на которую, разумѣется, Мароа Михайловна не отвѣчала, и, несмотря на четерехлѣтнее отвращеніе жены къ его убогимъ старческимъ ласкамъ, умирая, онъ завѣщалъ ей все свое состояніе. Оставшись молодой вдовой и достаточной помѣщицей, Черепенкова строила воздушные замки, припоминала всѣхъ молодыхъ людей, кто за ней ухаживалъ, и въ то время, когда ея сердце начало биться сильнѣе и требовать любви, вѣсть о приходѣ полка разнеслась по околодку. На несчастье вдовушки всѣ роты размѣстились далеко, и ей не предстояло другой возможности познакомиться съ офицерами, какъ на какомъ нибудь балѣ, или разсчитывать на случайное посѣщеніе. Между тѣмъ, Мароа Михайловна подновила свои наряды, велѣла сшить лакею новую куртку, приказала побѣлить снаружи домъ и кухню и ежедневно съ утра чесалась и одѣвалась, чего прежде не дѣлала иначе какъ по праздникамъ да съ пріѣздомъ знакомыхъ. Пастухамъ приказано было, чуть только завидятъ военныхъ, тотчасъ давать знать барынѣ. И вотъ ей доложили, что ѣдутъ офицеры тройкой. Вдовушка не помнила себя отъ радости, перебѣгала отъ окна къ зеркалу, и обратно, вылила на платокъ полъ стклянки духовъ, велѣла прибавить къ обѣду красный соусъ и пирожное и съ замираніемъ сердца ожидала посѣтителей молодыхъ, развязныхъ, изъ которыхъ лучшій непремѣнно въ нее влюбится. Но когда въ залу ввалился шарообразный майоръ Голопятовъ и, шаркнувъ коротенькими ножками, отрекомендовался ей какъ заглазный ея поклонникъ, »будучи наслышанъ о ея красотѣ«, восторгъ вдовушки охладѣлъ, и у нея отпала даже охота пококетничать съ Голопятовымъ. Бесѣда ихъ была незанимательна. Майоръ разсказалъ вкратцѣ свой формуляръ, коснулся слегка офицеровъ своего баталіона и прямо перешелъ къ невыгодамъ холостой жизни, искусно, впрочемъ, набрасывая очеркъ удобствъ, ожидающихъ жену баталіоннаго командира. Вдовушка даже не находила предмета посмѣяться, потому что майоръ говорилъ весьма серьезно, и когда ей снова доложили о пріѣздѣ офицеровъ, лицо ея просіяло, и молодой женщинѣ стало веселѣе. Взглядъ на Сафьянчикова окончательно привелъ Мароу Михайловну въ восторгъ;

она рѣшилась заняться красивымъ прапорщикомъ и ему понравиться. Сафьянчиковъ, по части волокитства, былъ не изъ послѣднихъ въ прежнемъ полку и потому не любилъ откладывать дѣла въ долгій ящикъ. Марѳа Михайловна ему понравилась, хуторъ ея тоже, и, прежде чѣмъ вдовушка подумала о новомъ замужествѣ, Сафьянчиковъ рѣшилъ, что если нельзя какъ нибудь »примазаться« и по дружбѣ быть временнымъ обладателемъ хозяйки и ея имѣнія, то, »чортъ побери«, можно, пожалуй, и жениться. И прапорщикъ быстро повелъ атаку на сердце, которое само желало сдаться. Разумѣется, ни Сафьянчиковъ не изъяснялся еще въ любви, ни вдовушка не вызывала его на это, но оба они понимали, что между ними непремѣнно возникнутъ интимныя отношенія. Марѳа Михайловна разспрашивала прапорщика о прежней службѣ, прапорщикъ вралъ съ ожесточеніемъ, и они позабыли, что тутъ же торчалъ Куропѣгинъ, а главное, что въ залѣ одиноко ходилъ и пыхтѣлъ майоръ Голопятовъ. Хозяйка первая опомнилась и порхнула въ залу.

— Что же вы насъ оставили? спросила она.

Майоръ остановился, взъерошилъ волосы и тряхнулъ эполетами.

— Въ дорогѣ, сударыня, насидѣлся, отвѣчалъ онъ.

— Такъ не угодно ли, пойдемте въ садъ, пока приготовятъ обѣдъ.

— Какъ прикажете-съ.

— Пожалуйте же въ гостиную, я только накину что нибудь и поведу васъ показывать свои владѣнія.

По уходѣ хозяйки, майоръ скорымъ шагомъ направился къ гостиной и остановился на порогѣ. Куропѣгинъ вскочилъ съ кресла, а Сафьянчиковъ словно и не замѣчалъ присутствія старшаго.

— Подойди-ка сюда, любезный! сказалъ, обращаясь къ нему, Голопятовъ.

Сафьянчикова бросило въ краску. Онъ сперва хотѣлъ отвѣчать, сидя, но удержался и всталъ.

— Что вамъ угодно?

— Ты какого полка?

— Вотъ странный вопросъ! одного съ вами.

— По какому же ты праву со шпорами, съ усами и въ кавалерійскихъ брюкахъ?

— Я донашиваю форму.

— Помни же, любезный, что донашивать форму можно

очень долго на »абафтѣ«. Здѣсь мы въ гостяхъ, я самъ въ первый разъ, мнѣ неловко, но какъ увижу вашего баталіоннаго командира, непремѣнно передамъ.

— Семенъ Егорычъ, сказалъ Куропѣгинъ — извините его: онъ недавно изъ кавалеріи.

— Мы это знаемъ, знаемъ и то, что баринъ ловко рѣжется въ карты. Но я не могу терпѣть несоблюденія субординаціи.

— Право, майоръ, началъ Сафьянчиковъ.

— Я не майоръ, а господинъ майоръ, и то передъ баталіономъ, а въ домѣ зовутъ меня Семенъ Егорычемъ.

— Извините, Семенъ Егорычъ, я не имѣлъ намѣренія оскорбить васъ.

— А разваливаться передъ старшимъ въ креслѣ?

— У насъ, въ кавалеріи...

— Выбрось ты изъ головы свою кавалерію! у насъ въ пѣхотѣ младшій обязанъ уважать старшаго. Да я и толковать съ тобой не хочу.

Сафьянчиковъ вструхнулъ немного, не за свою особу не за арестъ, съ которымъ болѣе или менѣе свыкся, но ему пришла грустная мысль о запрещеніи носить шпоры, рейтузы, а главное усы, которые онъ расправлялъ такъ кокетливо. Майоръ подошелъ къ стѣнѣ и, упершись руками въ бока, началъ разсматривать Кульнева или Сеславина. Въ одно время, въ залу показались — съ одной стороны хозяйка въ салопѣ, съ другой Куропѣгинъ съ двумя трубками.

— Пойдемте, господа, черезъ гостиную, сказала хозяйка.

— Вотъ ваша трубка, Семенъ Егорычъ, доложилъ подпоручикъ.

— Спасибо.

— Позвольте ужъ и намъ.

— Этого я запретить не могу.

— Нѣтъ-съ, но все же въ присутствіи вашемъ...

— Можно, можно.

Предшествуемые хозяйкой, гости изъ гостиной вышли на крошечное крыльцо, вокругъ котораго разбросано было нѣсколько грядокъ съ поблеклыми цвѣтами, и отправились въ аллею, обсаженную липами и густыми вязами. Майоръ пристроился къ хозяйкѣ и, идя съ нею рядомъ, набивалъ свою пѣнковую трубку. Молодежь поотстала.

— Куропѣгинъ! высѣки, братъ, огня.

— Нѣтъ у меня огнива, Семенъ Егорычъ, а вотъ у Сафьянчикова.

Прапорщикъ вынулъ огниво, кремень, трутъ и добылъ огня. Куропѣгинъ понесъ кусочекъ труту майору. Раскуривъ трубку, Голопятовъ принялся напѣвать нѣжности вдовушкѣ, которая поминутно оборачивалась посмотрѣть на Сафьянчикова.

— Какія у васъ манеры въ пѣхотѣ, сказалъ прапорщикъ своему спутнику. Это ни на что не похоже.

— Такъ у насъ заведено.

— А ты хорошъ, Каропѣгій, подаешь трубку майору.

— Что же тутъ дурнаго? Вѣдь если я тебя попрошу...

— Ты — дѣло другое; для товарища можно сдѣлать услугу.

— А ты, небось, не подалъ бы?

— Я? Атанде-съ!

— Послужишь у насъ, привыкнешь.

— Нѣтъ, чортъ съ вами, лучше я выйду въ отставку. А что, Каропѣгій, вдовушка?

— Ничего, аппетитная, а главное мазу...

— И этотъ майоръ туда же, ха, ха, ха! Ну, шалишь, ваше высокоблагородіе!

— А онъ у насъ ужасно влюбчивъ и сейчасъ сватается.

— Да что она съ ума спятила — выйти за такое гороховое чучело!

— Ну, знаешь, высокоблагородный, два креста, три медали.

— А образина!

— Некрасивъ, то есть?

— Уродъ-уродомъ. Да и гдѣ ему со мной связываться.

— А ты не очень раздражай его. Вѣдь послушай, Сафьянчиковъ, ты не вправѣ носить усовъ и синихъ брюкъ.

— Рейтузъ, сколько я разъ говорилъ тебѣ.

— Все равно, и если онъ скажетъ нашему нѣмцу, смотри, чтобъ въ самомъ дѣлѣ не попалъ на »абафту«.

— Абафту! Неужели ты не можешь выговорить — гауптвахту. Я, впрочемъ, не боюсь: все это вздоръ.

— Нѣтъ, не вздоръ, а ты лучше не храбрись. Знаешь пословицу: ласковый теленокъ двѣ матки сосетъ.

— А вотъ лучше подойдемъ поближе и подслушаемъ.

Товарищи прибавили шагу и догнали хозяйку съ майоромъ на поворотѣ аллеи.

— Много я видѣлъ этакихъ гусей на своемъ вѣку, говорилъ Голопятовъ довольно тихимъ голосомъ — рѣдко бываютъ изъ нихъ исправные офицеры, а больше буяны, пьяницы и картежники.

— Вдовушка сказала что-то.

— Э, помилуйте! видна птица по полету.

Марѳа Михайловна оглянулась.

— Что же вы, господа, отстаете? проговорила она.

— Мы раскуривали трубку, отозвался Куропѣгинъ.

Майоръ понизилъ голосъ.

— Смотри, какъ старый хрѣнъ подлипаетъ, сказалъ Сафьянчиковъ товарищу — ну, да не съ его рыломъ въ калашный рядъ. Вдовушка ужъ замѣтила, что я дѣтина — того...

— А признайся, ты уже влюбленъ?

— Какой ты уморительный! Влюбленъ! Да развѣ у насъ влюбляются серьезно? У насъ, братъ, по-гусарски.

— То есть какъ?

— Пріударить — и баста! А ты, Каропѣгій?

— Я желалъ бы влюбиться страстно, мечтать...

— Нюня, ты нюня! Небось довольствоваться вздохами?

— А знаешь, братъ, и это наслажденіе. Сидишь себѣ на квартирѣ, куришь трубку и мечтаешь.

— А возлюбленная кокетничаетъ съ другими. Удивительно весело! Однако, этотъ майоръ начинаетъ бѣсить меня.

— Ага! Браво, Сафьянчиковъ, ты ревнуешь...

— Тс! Экая розиня! Вѣдь могутъ услыхать.

— По моему, вдовушка — лакомый кусочекъ.

— И не безъ прилагательнаго.

Въ это время мимо товарищей пробѣжала босоногая дѣвочка и догнала Марѳу Михайловну.

— Барыня! пожалуйте на кухню толченаго сахару, проговорила она, смотря исподлобья на майора.

— Развѣ я не вынула?

— Не знаю.

— Бѣги и скажи, что сейчасъ, да чтобъ не пережарили тамъ жаркаго.

Дѣвочка убѣжала.

— А вы сами изволите хозяйствомъ заниматься? спросилъ майоръ съ видимымъ удовольствіемъ.

— Нельзя же иначе. Мое вдовье дѣло такое: и въ кухнѣ я, и въ клунѣ я, и въ амбарѣ я, все я.

— Безподобно!

— Извините, я на минуту васъ оставлю.

— Не безпокойтесь, сударыня: мы проводимъ васъ до дому. А каковъ садъ? прибавилъ майоръ, обращаясь къ Куропѣгину.

— Отличный-съ.

— Это тоже по вашей части? спросилъ Голопятовъ хозяйку.

— Я уже вамъ сказала, что всюду мой глазъ, а иначе съ нашими людьми ничего не будетъ.

— Дѣйствительно, говорилъ майоръ, встряхивая эполетами и поворачивая назадъ за хозяйкой. — А позвольте спросить примѣрно, насчетъ, если встрѣтится какое упущеніе, какъ вы, бѣдныя, справляетесь?

— Скажу вамъ, сначала было очень трудно, отвѣчала вдовушка, смотря на Сафьянчикова — при мужѣ я не знала, что значитъ справляться съ мужиками, а теперь...

— Надѣюсь, вы не даете имъ потачки?

— Стараюсь ничего не пропускать! кому пригрожу, кого и за чубъ, а если уже большая вина, велю и высѣчь. Только, знаете, это непріятно для женщины.

— Вы, стало быть, чувствительны.

— Разъ, что чувствительна — и Марѳа Михайловна опустила глаза — а второе, безъ себя велѣть высѣчь — не высѣкутъ порядкомъ; быть же тутъ самой, согласитесь, неприлично.

— Вотъ, сударыня, еслибы вы избрали себѣ мужа, да еще военнаго, не надо было бы и смотрѣть на наказаніе: мужъ отодралъ бы, какъ слѣдуетъ. Вы еще почивали бы, продолжалъ майоръ, вступая на любимую почву — покоились бы на пуховичкѣ, а мужъ всюду обошелъ, наказалъ бы кого слѣдуетъ, кому бы и потасовку задалъ, а потомъ разбудилъ бы васъ нѣжнымъ поцѣлуемъ.

— Ахъ, что вы это разсказываете! Но я позабыла идти за сахаромъ. Обождите, я сейчасъ.

И вдовушка легко взбѣжала на крыльцо.

— Бой баба! произнесъ майоръ, смотря на Куропѣгина — и лихая хозяйка. Желалъ бы я посмотрѣть, какъ она своей рученкой бьетъ по щекамъ какого нибудь долговязаго верзилу. Смѣются, я думаю, бестіи.

— Имъ трудно пронять мужика-съ, замѣтилъ Куропѣгинъ и засмѣялся.

— Я думаю, она больше съ бабами, сказалъ Сафьянчиковъ.

— Нѣтъ, но я не понимаю, говорилъ майоръ — какъ же она сѣчетъ при себѣ: вѣдь это скверная штука въ самомъ дѣлѣ! Надо бы ей преподать кое-какіе совѣты.

— Господа! милости просимъ, сказала хозяйка, показываясь на порогѣ — столъ накрытъ.

Гости поспѣшили на призывъ хозяйки, выпили водки и сѣли обѣдать. Марѳа Михайловна припрашивала за каждымъ блюдомъ, офицеры все хвалили, чего требовалъ тогдашній

этикетъ; прислуга, состоявшая изъ Никитки, малаго лѣтъ сорока, довольно неуклюжаго, въ дегтярныхъ сапогахъ, женщины и босоногой дѣвочки, — суетилась. Къ концу обѣда, когда было осушено нѣсколько бутылокъ вишневки, сливянки, терновки и малиновки, разговоръ сдѣлался живѣе, и самъ раскраснѣвшiйся майоръ началъ отпускать тяжеловѣсныя шуточки. При такомъ всеобщемъ веселомъ настроенiи, разговоръ зашелъ о сосѣдяхъ, и Марѳа Михайловна сообщила много интересныхъ подробностей объ окрестныхъ помѣщикахъ. Оказалось, что дѣвицъ въ уѣздѣ было довольно, веселости предстояли, и носился слухъ, что зимой въ городѣ хотѣли открыть собранiе.

Послѣ обѣда подали кофе, плодовъ и варенья. Майоръ, любившiй отдохнуть часика два, зѣвалъ и дремалъ на диванѣ; Куропѣгинъ порывался ѣхать къ Телюковскимъ, но Сафьянчиковъ, имѣвшiй свои виды, подсѣлъ къ хозяйкѣ и началъ напѣвать ей нѣжности, на которыя отвѣчали если не положительно, то съ тѣмъ небольшимъ жеманствомъ, какое подаетъ почти несомнѣнныя надежды.

Когда вечеромъ, послѣ ужина, гости разъѣхались, вдовушка слегка пожала руку Сафьянчикову.

Прошло недѣли полторы, и рѣдкiй день, чтобы Сафьянчиковъ послѣ ученья, не посѣщалъ вдовушки, отдѣлываясь отъ сотоварищества Куропѣгина, который потерялъ всякую надежду познакомиться съ Телюковскими и дулся на прапорщика, хотя, по возможности, и скрывалъ досаду, имѣя нужду въ послѣднемъ. Струнихинъ смѣялся надъ обоими, и когда Куропѣгинъ и Сафьянчиковъ сходились у него, то первому онъ пророчилъ лишнiе расходы на амбре и на помаду, а послѣднему гауптвахту и распеканцiю по поводу кавалерiйскаго наряда и усовъ при встрѣчѣ съ Голопятовымъ.

Описывать подробно короткость прапорщика и вдовушки было бы излишнимъ, потому что Сафьянчиковъ съ перваго раза прiударилъ, а вдовушка тогда же показала ему слишкомъ явное сочувствiе. Можетъ быть, мнѣ замѣтятъ, особенно люди послѣдняго поколѣнiя, выросшiе при иныхъ нравахъ и обычаяхъ, что подобная развязка интриги слишкомъ быстра, и что съ одной стороны стыдливость, врожденная женщинѣ, а съ другой — благоразумiе не допустили бы такъ скоро дойти до извѣстнаго результата. Но я могу, въ предупрежденiе этого замѣчанiя, сказать одно, что не только въ описываемую эпоху, но и гораздо позже, на походѣ, въ теченiе одной дневки, лю-

бовь между молодыми людьми созрѣвала до того, что дѣвицы уходили и вѣнчались тайно отъ родителей со своими возлюбленными. Здѣсь же, къ оправданію развязки, служатъ еще два обстоятельства: Сафьянчиковъ слышалъ о хорошемъ состояніи Черепенковой, а вдовушкѣ наговорили о немъ какъ о богачѣ и генеральскомъ сынѣ, у котораго дядя гдѣ-то губернаторомъ, а тетка играетъ значительную роль въ Петербургѣ. При встрѣчѣ они понравились другъ другу, съ тою только разницею, что Маѳа Михайловна была очарована Сафьянчиковымъ и позабыла о его генеральскомъ происхожденіи, а прапорщикъ хоть и нашелъ ее хорошенькой и аппетитной, но болѣе цѣнилъ ея состояніе. Не вдаваясь, однакожъ, въ психологическій анализъ этихъ двухъ индивидуумовъ и предоставляя читателямъ полное право обсуждать неестественность и прочіе недостатки въ нашемъ разсказѣ, мы отправимся на хуторъ Маѳы Михайловны и посмотримъ на влюбленную пару послѣ десятидневнаго знакомства.

Въ извѣстной намъ гостиной, на небольшомъ диванѣ, подложивъ подъ голову гарусную подушку, лежалъ прапорщикъ, безъ галстуха, и курилъ изъ длиннаго черешневаго чубука съ дорогимъ янтаремъ, который получилъ въ подарокъ отъ вдовушки. На столѣ стояли графинъ съ водою, варенье и бутылка наливки. Маѳа Михайловна, кокетливо одѣтая, сидѣла въ креслѣ и, склонясь къ возлюбленному, разглаживала его густыя, черныя, какъ смоль, кудри. На лицѣ Сафьянчикова виднѣлось утомленіе, но глаза свѣтились весело, и замѣтна была въ нихъ постройка разнообразныхъ воздушныхъ замковъ. Лицо вдовушки дышало одною любовью, а глаза выражали счастіе, преданность и готовность самопожертвованія. Молодые люди уже переговорили о свадьбѣ, которую назначили на 1 ноября, и занимались бесѣдой о будущемъ. Маѳа Михайловна чистосердечно разсказала о состояніи своихъ дѣлъ, не скрывъ ни одного ломбарднаго билета; Сафьянчиковъ, по обычаю, налгалъ три короба о богатствѣ своего воображаемаго дяди и, какъ ловкій надувало, объяснилъ, что этотъ дядя, огорченный его переводомъ въ пѣхоту, сократилъ ему присылку денегъ.

— Но это ничего не значитъ, прибавилъ прапорщикъ — онъ не можетъ долго сердиться и скоро проститъ навѣрное.

— Однакожъ, душенька, ты долженъ испросить у него благословенія.

— Это зачѣмъ?

— У тебя вѣдь нѣтъ ни отца, ни матери.

— Я совершеннолѣтній.

— Такъ, да все же старику будетъ пріятно.

— Э, душа моя, не въ моихъ правилахъ его баловать.

— Какъ знаешь. А можетъ быть онъ простилъ бы тебя и пріѣхалъ бы на свадьбу.

— Нѣтъ ужъ, Марѳинька, мы сдѣлаемъ ему сюрпризъ — и прикатимъ къ нему съ визитомъ въ каретѣ. Вѣдь у насъ будетъ карета?

— Право, не знаю — это очень дорого.

— Какіе пустяки! Я поѣду въ Харьковъ и куплю тебѣ за полцѣны самую лучшую: у меня тамъ есть знакомые мастера.

— Видишь ли, другъ мой, мнѣ не хотѣлось бы трогать капитала, а обойтись какъ нибудь.

— Если ты этого желаешь, будь по твоему, но только неприлично женѣ Сафьянчикова, генеральскаго сына, ѣздить въ бричкѣ.

Марѳа Михайловна задумалась. Прапорщикъ обнялъ вдовушку и привлекъ ее къ себѣ. Жаркій поцѣлуй заставилъ ее позабыть всѣ разсчеты.

— Все для тебя готова, шепнула она — только ты люби меня, Миша, люби и не покидай.

— За любовью дѣло не станетъ, отвѣчалъ весело Сафьянчиковъ — а какъ получу наслѣдство отъ дяди, я тебя просто буду водить въ золотѣ.

— Барыня, раздался за дверью тоненькій голосокъ.

— Что тамъ? спросила Марѳа Михайловна, вставая съ мѣста.

— Пожалуйте сюда.

Вдовушка вышла и вскорѣ явилась съ клочкомъ сѣрой бумаги, свернутымъ въ продолговатую форму и запечатаннымъ каплею сургуча?

— Какой-то солдатъ принесъ тебѣ записку.

Сафьянчиковъ развернулъ посланіе, подошелъ къ окну, прочелъ, и лицо его приняло самое веселое выраженіе.

— Надо ѣхать, Марѳуша, сказалъ онъ.

— Какъ? Сегодня!

— Даже сію минуту.

— И ты радуешься?..

— Нельзя, дружокъ, не порадоваться. Пришла отъ дяди эстафета.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— И съ деньгами. Ура! Вели запречь лошадей, я съѣзжу въ городъ получу, пошлю отвѣтъ и возвращусь къ тебѣ — здравъ и невредимъ.

— Нельзя ли завтра?

— Никакъ нельзя.

— Подожди, по крайней мѣрѣ: я велю сжарить на дорогу жаркое, надо бы испечь пироговъ.

— Спасибо, Мароинька! Дѣло не терпитъ отлагательствъ, да въ городѣ и не пропадешь съ голоду. Съ эстафетой шутить не слѣдуетъ.

— По крайней мѣрѣ, напейся хоть чаю.

— Если самоваръ будетъ скоро готовъ, то пожалуй, а то некогда.

— Сейчасъ! сейчасъ! всѣхъ дѣвокъ заставлю раздувать. Ты поѣзжай въ рессорной бричкѣ.

— Въ чемъ угодно.

— Покойнѣе въ бричкѣ. Я велю дать пока лошадямъ овса и положить мѣшокъ съ собою въ городъ. Только ты, душенька, присмотри, чтобъ Терешко не пропилъ его.

— О, въ этомъ будь покойна: я твоего Терешку такъ приструню, что ему небо съ овчинку покажется.

— Голубчикъ ты мой!

И Мароа Михайловна, обнявъ возлюбленнаго, поспѣшила отдать нужныя приказанія.

Сафьянчиковъ набилъ трубку, закурилъ и вышелъ въ залу. Читатель, конечно, понялъ, что никакой эстафеты не было на имя прапорщика въ городѣ. Записку получилъ онъ отъ Мамаджанова, который призывалъ его по экстренному дѣлу, а это экстренное дѣло заключалось въ какомъ нибудь пріѣзжемъ, отъ котораго можно было поживиться. Казалось бы, другой на мѣстѣ Сафьянчикова, встрѣтивъ неожиданную возможность обезпечить себя женитьбой на молодой, хорошенькой женщинѣ, навсегда отказался бы отъ игры, тѣмъ болѣе отъ шулерскихъ продѣлокъ; но не таковъ былъ прапорщикъ: онъ уже составилъ себѣ планъ — съ помощью капитала будущей супруги обыграть цѣлый свѣтъ, пріобрѣсти милліоны и потомъ прожить ихъ въ свое удовольствіе. Возможность имѣть въ рукахъ около 50 тысячъ (ассигнаціями) придала ему необыкновенную самоувѣренность, а чтобъ оградить себя отъ притязаній начальства, онъ рѣшился на другой же день подать въ отставку, подкупуть лекаря и рапортоваться больнымъ. Все это созрѣло въ головѣ Сафьянчикова, пока вдовушка хлопотала возлѣ самовара.

Надо было видѣть, съ какой заботливостью Марѳа Михайловна снаряжала своего возлюбленнаго въ дорогу за двадцать верстъ: она велѣла положить въ бричку пуховикъ, подушки, стеганое шелковое одѣяло, и банку варенья, и окорокъ ветчины, и бѣлый хлѣбъ; однимъ словомъ, ничто не было забыто. Самоваръ поспѣлъ въ четверть часа, лошадямъ выдана двойная порція овса, а кучеру приказано надѣть новый армякъ, да и лакею Никиткѣ отдано повелѣніе облечься въ новую куртку и быть готовымъ къ поѣздкѣ въ городъ.

Дворня давно уже рѣшила, что пани выходитъ замужъ за офицера, и многимъ это не понравилось, потому что хозяинъ въ домѣ, да еще военный, представлялъ многія неудобства для людей, свыкшихся уже съ женскимъ управленіемъ. Разумѣется, бытъ дворовыхъ у Черепенковой далеко не могъ назваться хорошимъ, и, какъ читатель могъ замѣтить изъ разговора вдовушки съ майоромъ, молодая помѣщица управляла всѣмъ на основаніяхъ, общихъ тогдашнему духу времени; но все же трудно женщинѣ добираться до разныхъ мелочей, и многое проходило безнаказанно. Ключница даже поручила одному крестьянину узнать подъ рукой на ротномъ дворѣ, что за птица былъ прапорщикъ, и рѣшилась сообразно съ ожидаемыми свѣдѣніями, дипломатически дѣйствовать въ кругу своихъ обязанностей. Но сама судьба послала дворнѣ свѣдѣнія въ лицѣ солдата, принесшаго записку, котораго пани приказала угостить и который былъ угощенъ роскошнѣе обыкновеннаго. Ловкій мушкетеръ, смекнувъ дѣло, и притомъ совершенно не зная Сафьянчикова, описалъ его самыми лучшими красками, »что человѣкъ онъ золотой, богатый, однимъ словомъ, отца роднаго не нужно«.

Прапорщикъ спѣшилъ напиться чаю и, увѣривъ Марѳу Михайловну въ неизмѣнной любви до гроба, началъ собираться въ дорогу. Подержанная рессорная бричка, заваленная подушками и запряженная тройкою недурныхъ лошадей, давно уже стояла у крыльца, а кучеръ Терешко, въ новомъ армякѣ, но въ рыжей вытертой шляпѣ и въ порванныхъ сапогахъ, сидѣлъ на козлахъ, покуривая коротенькую трубку. Никитка стоялъ на крыльцѣ и предавался мечтамъ о городѣ, раздумывая, такъ ли ему будетъ тамъ, какъ при старомъ панѣ, т. е. предстоитъ ли сухояденіе, или молодцоватый офицеръ дастъ денегъ не только на харчи, но и на выпивку. Мечты эти были прерваны босоногой дѣвочкой, которая выбѣжала изъ передней съ крикомъ:

— Подавайте!

Никитка выпрямился, а кучеръ Терешко, спрятавъ поспѣшно трубку въ карманъ, подъѣхалъ къ самому крыльцу и, сдѣлавъ глупѣйшую физіономію, сидѣлъ, вытянувъ руки и немного косясь на двери, изъ которой вскорѣ показались вдовушка и Сафьянчиковъ. Послѣдніе, попрощавшись безъ свидѣтелей самымъ нѣжнымъ образомъ, разставались уже при людяхъ довольно церемонно.

— Сдѣлайте же одолженіе, Михайло Степановичъ, сказала хозяйка — построже съ Терешкой и Никиткой: даю вамъ полное право распоряжаться, какъ сами знаете.

— Будьте покойны, Марѳа Михайловна, для васъ готовъ отвалять ихъ на всѣ бока. Смотрите у меня, сказалъ онъ, обращаясь, впрочемъ, къ кучеру — если будете худо вести себя, или напьетесь: въ городѣ есть гауптвахта, лоза не покупная, а отдерутъ по военному. Слышите, ракаліи!

— Слышу, проговорилъ Никитка тихимъ голосомъ.

Терешко хранилъ молчаніе.

— Прощайте, Михайло Степановичъ, берегите себя въ дорогѣ и, когда окончите дѣла, съѣздите, если нужно, и въ роту, а лучше бы прямо ко мнѣ: завтра буду ждать васъ къ обѣду.

Сафьянчиковъ сѣлъ въ бричку, оправился и, поклонившись вдовушкѣ, крикнулъ:

— Пошелъ! да не зѣвать, не то чубукъ на спинѣ изломаю.

Терешкѣ спина была, конечно, дороже господскихъ лошадей, и потому онъ, хлестнувъ тройку кнутомъ, поѣхалъ отъ крыльца довольно крупной рысью.

— Стой! закричалъ вдругъ прапорщикъ.

Кучеръ едва удержалъ тройку.

— Отчего не привязанъ колокольчикъ?

— У насъ нѣтъ, ваше благородіе, и при старомъ панѣ никогда не было.

Босоногая дѣвчонка уже летѣла отъ барыни съ вопросомъ: не случилось ли чего?

— Не безпокойтесь! проговорилъ громко Сафьянчиковъ, кланяясь вдовушкѣ — я спрашивалъ, зачѣмъ безъ колокольчика.

— У насъ нѣтъ! прокричала Марѳа Михайловна, махая платкомъ. Прощайте! Завтра жду къ обѣду. Будутъ лѣнивые вареники.

— Постараюсь. Пошелъ, разиня!

Кучеръ снова хлестнулъ тройку и помчался по хутору. Ему очень хотѣлось оглянуться и обмѣняться взорами съ Никиткой, но боязнь возбудить гнѣвъ сердитаго офицера мѣшала этому удовольствію. Никитка, съ своей стороны, стоя на запяткахъ и держась за отрепанныя кисти, раздумывалъ, можно ли ему сѣсть на дощечкѣ или нужно спросить позволенія. Только что бричка миновала послѣднюю хату и выбралась въ степь, на дорогу, на встрѣчу показалась другая тройка, летѣвшая очень быстро, о чемъ можно было судить по отрывистому звуку голосистаго колокольчика. Сафьянчиковъ выглянулъ изъ брички и увидѣлъ какой-то крытый экипажъ, катившійся по дорогѣ. Коренникъ бѣжалъ большою рысью, пристяжныя, завиваясь, летѣли на отлетѣ.

— Кто это? обратился прапорщикъ съ вопросомъ къ кучеру.

— Что-то незнакомое и должно быть полковое. А! а! это толстый офицеръ, что былъ уже у насъ.

— Майоръ, что ли?

— Такъ и есть майоръ. Я узналъ деньщика. Вотъ они завидѣли насъ и пріостановились.

— Поѣзжай и ты потише.

Когда экипажи готовы были встрѣтиться, тройка съ колокольчикомъ остановилась, и изъ извѣстнаго бонвояжа едва вылѣзъ майоръ Голопятовъ, котораго деньщикъ увѣрилъ, что бричка принадлежитъ вдовушкѣ. Майоръ махнулъ рукой Терешкѣ, и этотъ, въ свою очередь, осадивъ лошадей, приподнялъ шляпу. Семенъ Егорычъ съ улыбкой подходилъ къ бричкѣ, готовясь высказать сожалѣніе о неудавшемся визитѣ, но высказать такимъ образомъ, чтобы вдовушка поняла, наконецъ, настоящую цѣль его посѣщенія. Но какъ же онъ удивился, увидя въ бричкѣ Сафьянчикова, который курилъ изъ длиннаго чубука, развалясь самымъ нецеремоннымъ образомъ.

— А! это ты, любезнѣйшій! только и могъ проговорить Голопятовъ.

— Это я, — ѣду въ городъ.

— Гм! И ты не могъ встать передъ штабъ-офицеромъ?

— Я не зналъ, что это вы, да мнѣ и трудно вылѣзть изъ брички: здѣсь такъ много наложено.

— Хорошо, хорошо, объ этомъ послѣ. А Марѳа Михайловна дома?

— Дома.

— По какому же ты случаю на ея лошадяхъ? Вѣрно, выпросилъ.

— Выпросилъ, отвѣчалъ прапорщикъ съ иронической улыбкой.

Майоръ оборотился и махнулъ рукой на своего кучера. Тотъ соскочилъ съ козелъ, помогъ Голопятову сѣсть въ бонвояжъ и, получивъ сперва затрещину, а потомъ приказаніе, погналъ тройку по дорогѣ къ хутору Черепенковой.

Но мы оставимъ майора съ его любезностями и послѣдуемъ за Сафьянчиковымъ. Вечерѣло, когда прапорщикъ пріѣхалъ въ городъ и остановился у постоялаго двора, хозяинъ котораго встрѣтилъ его съ униженными поклонами, объявивъ, что прежняя его квартира занята, но что есть другая. Не успѣлъ Сафьянчиковъ войти въ комнату, какъ уже факторъ, словно вылѣзшій изъ земли, шепнулъ, что его ожидаетъ Степанъ Захарычъ Мамаджановъ.

— Хорошо, ступай и скажи, что буду.

Сафьянчикова самого брало нетерпѣніе, и потому, приказавъ снести вещи и прочитавъ мораль Терешкѣ и Никиткѣ относительно поведенія и ухода за лошадьми, онъ быстро отправился къ Мамаджанову.

— А! дружище, сказалъ послѣдній — чуть не опоздалъ.

— Какъ получилъ записку, тотчасъ и поѣхалъ. А что?

— Есть гусь, да еще лапчатый: одинъ гусарскій юнкеръ ѣдетъ изъ отпуска шестерикомъ въ коляскѣ, пропасть вещей и денегъ.

— Зачѣмъ же его нелегкая здѣсь остановила?

— Курьезная штука: провалился мостъ, и нѣтъ ходу на ту сторону. Только завтра починятъ.

— Ну?

— Разумѣется, я не игралъ. Наши нѣкоторыя ищейки рѣзались уже, да вѣдь знаешь, какой это народъ.

И Мамаджановъ плюнулъ.

— Знаю.

— Надобно сегодня облапошить добраго молодца. Я совѣтовалъ бы тебѣ вступить въ знакомство.

— Это не долго. А играть гдѣ?

— Да вѣдь ты остановился съ нимъ на одномъ постояломъ дворѣ, такъ и пригласи его и еще нѣсколькихъ офицеровъ. Денегъ не промоталъ?

— Гдѣ промотать въ деревнѣ!

— Въ случаѣ, если игра составится у тебя, дѣлаемъ вечеръ пополамъ, только чтобъ никто не зналъ объ этомъ.

— Разумѣется.

— Ступай же поскорѣе и пригласи кой-кого, да нельзя ли поменьше.

Выкуривъ наскоро трубку и получивъ отъ Мамаджанова полдюжины запечатанныхъ картъ, Сафьянчиковъ поспѣшилъ на квартиру. Фактору отдано приказаніе сходить на половину юнкера и узнать, что тамъ дѣлается. Факторъ донесъ, что гусаръ спалъ послѣ обѣда, проснулся и игралъ съ собакой, а люди готовили чай. Сафьянчиковъ пошелъ къ юнкеру и отрекомендался какъ гусаръ, по несчастію попавшій въ пѣхоту, но который въ душѣ остался тѣмъ же гусаромъ и какъ роднаго готовъ обнять даже кавалерійскаго солдата. Юнкеръ, молодой человѣкъ лѣтъ осьмнадцати, красивый и добродушный, чуть не съ распростертыми объятіями принялъ Сафьянчикова, велѣлъ подать чаю, рому и тутъ же разсказалъ о знакомствѣ съ нѣкоторыми пѣхотинцами, приврaвъ малую толику, чему охотно вѣрилъ нашъ прапорщикъ.

— Знаете что? сказалъ послѣдній юнкеру — я пришелъ звать васъ къ себѣ.

— Какъ же это? у меня чай готовъ.

— Видите ли, я не зналъ о вашемъ пріѣздѣ и пригласилъ товарищей. Здѣсь есть одинъ тоже изъ кавалеріи — такъ себѣ добрякъ: придетъ лекарь и, можетъ быть, квартермистръ. Немудрено, что и перекинемся.

— Пожалуй, только эти пѣхоташки ставятъ по гривеннику.

— Ха, ха, ха, и того менѣе. Но мы составимъ порядочную. Такъ я въ надеждѣ видѣть васъ?

— Постойте же! чаю или пуншу?

— Нѣтъ ужъ лучше рюмку голяку, а черезъ часъ милости просимъ ко мнѣ на чай.

— Буду.

— До свиданія. Можетъ быть, вы любите въ коммерческія?

— У насъ въ дивизіи не любятъ эту канитель тянуть, да оно и не по гусарски.

— Браво! я самъ того же мнѣнія.

И Сафьянчиковъ, призвавъ хозяина, которому велѣлъ распорядиться относительно мебели и посуды и, поручивъ фактору принести вина и рому, побѣжалъ къ Мамажданову за совѣтомъ на счетъ посѣтителей. Положено было пригласить квартермистра, лекаря и для балласта нѣсколько понтеровъ. Приглашая гостей, прапорщикъ встрѣтилъ у квартермистра одного помѣщика, большаго любителя »направо и налѣво«,

который съ удовольствіемъ согласился придти на вечеръ, и такимъ образомъ, въ квартирѣ у Сафьянчикова собралось человѣкъ семь къ назначенному времени. Юнкеръ пришелъ послѣднимъ и былъ представленъ хозяиномъ какъ лихой гусаръ и молодецъ на конѣ и на зеленомъ полѣ. Юнкеръ старался больше всего о поддержаніи кавалерійскаго достоинства, разстегнулъ ментикъ и принималъ самыя безцеремонныя позы.

Никитка, юнкерскій камердинеръ и факторъ исполняли обязанность слугъ и разставили два зеленыхъ стола, за которые и усѣлась компанія — сперва задать пуншацію, а потомъ заняться дѣломъ. Но вскорѣ двухъ столовъ оказалось мало, потому что пришли нѣсколько офицеровъ, которые подходили къ Сафьянчикову и, поздоровавшись, говорили, что обрадовались его пріѣзду и пришли навѣстить по товарищески.

Квартермистръ привелъ съ собой помѣщика Старошапку, который сиповатымъ голосомъ выражалъ каждому удовольствіе познакомиться и тутъ же приглашалъ къ себѣ въ деревню, описывая свое богатство, вліяніе и удобства. Это былъ мужчина лѣтъ подъ сорокъ, высокій, съ ястребинымъ загнутымъ носомъ, съ медвѣжьими манерами, въ сѣромъ широкомъ сюртукѣ, на одной изъ пуговицъ котораго болтался кисетъ съ табакомъ. Въ рукахъ у него постоянно былъ чубукъ съ историческимъ бѣлымъ янтаремъ, извѣстнымъ далеко въ окрестностяхъ. Помѣщикъ вымѣнялъ этотъ янтарь за дворовую дѣвушку, что равнялось тогда семидесяти рублямъ ассигнаціями, и любилъ похвастаться подобной дорогой вещью. Игралъ онъ во всѣ игры и слылъ золотымъ рудникомъ для партнеровъ, потому что никогда не выигрывалъ, и, какъ бы ни шла ему карта, онъ всегда ухитрялся испортить свою игру и постоянно приплачивался. Страсть доходила у него до того, что, проигравъ наличныя деньги, онъ игралъ на вещи, наконецъ, на продукты, нерѣдко спуская хлѣбъ, находившійся еще на корню, и могъ просидѣть за картами трое сутокъ сряду. Онъ пріѣхалъ въ городъ собственно съ цѣлью познакомиться съ игроками, потому что въ окрестностяхъ его деревни расположена была рота, въ которой офицеры состояли преимущественно изъ бурбоновъ и досуги свои посвящали исключительно пѣннику, не имѣя о картахъ ни малѣйшаго понятія. Сосѣди охотно играли съ Старошапкой, но игра велась небольшая и непостоянная, а онъ, особенно при деньгахъ, возмущался малыми кушами; въ банкъ же и штосъ у нихъ не играли, развѣ гдѣ нибудь при большихъ съѣздахъ, а Старошапка любилъ и мет-

нуть и попонтировать. Приготовивъ нѣсколько сотъ пудовъ пшеницы и овса, Старошапка поѣхалъ въ городъ продать свои продукты. Онъ могъ это сдѣлать и не выѣзжая изъ деревни, пригласивъ евреевъ-спекулянтовъ, но ему хотѣлось поѣхать въ городъ, завести знакомство съ офицерами и вообще кутнуть за глазами у жены, которая болѣе или менѣе сдерживала его размашистую натуру. Узнавъ, что игра велась часто у квартермистра, онъ отправился къ послѣднему предложить хорошаго овса, но главное—сразиться въ карты. Мы уже видѣли, какимъ образомъ онъ попалъ на вечеръ къ Сафьянчикову. Не успѣлъ помѣщикъ допить стаканъ чаю, какъ началъ обнаруживать нетерпѣніе и намекалъ, что грѣхъ »терять золотое время«. Нѣкоторые голоса поддерживали Старошапку, и возникло разногласіе — сыграть ли прежде въ бостонъ, или прямо приступить къ скороспѣлкѣ. Игроки раздѣлились, но большинство было на сторонѣ послѣдней, вслѣдствіе чего сдвинуты были оба стола, и общество усѣлось.

Мамаджановъ пропѣлъ извѣстный куплетъ:

„На зеленомъ, други, полѣ“ и проч.

Старошапка вызвался заложить банкъ и вынулъ сторублевую ассигнацію. Казначей зная свою обязанность, досталъ пачку разноцвѣтныхъ бумажекъ, рублей на десять серебра и, ни слова не говоря помѣщику, размѣнялъ его ассигнацію. Понтеры усѣлись.

— Милости просимъ! сказалъ Старошапка, распечаталъ карты, стасовалъ и, закуривъ трубку, посматривалъ на окружающихъ.

— У насъ правило, замѣтилъ квартермистръ — банкометъ не стѣсняетъ понтеровъ: предоставляется ставить, кому сколько угодно.

— Я согласенъ, лишь бы больше проигрывали, весело проговорилъ Старошапка.

Публика зашевелилась, доставая деньги изъ кармана, и каждый поставилъ, начиная отъ гривенника и т. д. Юнкеръ накрылъ кушъ картой, и началась талія.

— Господа, я темныхъ не бью, сказалъ помѣщикъ.

Всѣ поспѣшили открыть карты, изъ которыхъ три или четыре легли направо. Старошапка весело придвинулъ къ себѣ мелочь и одну синюю ассигнацію. Глаза у него разгорѣлись. Но вотъ юнкеръ выигралъ.

— Сколько у васъ? спросилъ помѣщикъ.

Гусаръ молча развернулъ сторублевую бумажку.

— Какъ?

— Весьма обыкновенно.

— Ну, я не зналъ...

— Вѣдь было же сказано, что понтеры не стѣсняются.

— Я такъ не люблю; говорилъ Старошапка жалобнымъ голосомъ — что это за игра!

— У насъ всегда такъ въ каваллеріи, отозвался Сафьянчиковъ — или хомутъ пополамъ, или дуга въ дребезги.

— Ну, кто же закладываетъ? спросилъ казначей.

— Пожалуй, еще заложу, сказалъ Старошапка, вытаскивая изъ бумажника пятидесятирублевую — только, господа, нельзя же ставить ввабанкъ. Нѣтъ, ставьте поменьше, по крайности будетъ удовольствіе наиграться.

— Извольте, сказалъ юнкеръ.

Онъ поставилъ двѣнадцать съ полтиной, взялъ, загнулъ транспортъ, и банка не бывало.

Старошапка бросилъ карты.

— Этакъ нельзя играть.

— Какъ вамъ угодно, никто и не принуждаетъ, отозвался Мамаджановъ, который ставилъ малые куши и не пользовался никакими преимуществами, имѣя въ виду дѣло болѣе серьезное.

Старошапка пошарилъ въ бумажникѣ, но не захотѣлъ уже метать, а сказалъ, что попробуетъ счастья въ понтировкѣ.

Гусаръ заложилъ пятьсотъ. Мамаджановъ взялъ ихъ въ одну талію. Старошапка проигралъ всю свою наличность. Юнкеръ вынулъ еще пятьсотъ, но Мамаджановъ съ Сафьянчиковымъ не дали ему и вздохнуть. Гусаромъ овладѣло нетерпѣніе.

— Чортъ знаетъ, какое несчастье! сказалъ онъ.

— Не угодно ли, заложимъ пополамъ? сказалъ Мамаджановъ — я неохотно понтирую.

— Извольте; только я схожу, возьму денегъ. А впрочемъ, велю принести сюда шкатулку. Эй, Филипычъ! принеси мой нессесеръ.

Черезъ нѣсколько минутъ принесли нессесеръ. Юнкеръ досталъ оттуда пачку ассигнацій и, отсчитавъ пятьсотъ, положилъ ихъ на столъ, Мамаджановъ вынулъ столько же и распечаталъ новую талію.

Помѣщикъ, отозвавъ въ сторону Сафьянчикова, пошепталъ ему что-то на ухо. Прапорщикъ, ни слова не говоря, далъ

ему 50 рублей. Игра началась. Счастье не склонялось ни на чью сторону, никто не ставилъ большихъ картъ, исключая лекаря, который порывался рубликовъ на двадцать пять.

— Что же, господа, сказалъ юнкеръ — въ банкѣ тысяча, а вы ставите маленькія карты.

Помѣщикъ погорячился и въ двѣ ставки покончилъ капиталъ. Тогда Сафьянчиковъ вынулъ пятьсотъ и взялъ ихъ извѣстнымъ маневромъ, при содѣйствіи Мамаджанова. Остальные перешли къ нему же.

— Можетъ быть, шампанскаго? отозвался онъ, уловивъ условный знакъ Мамаджанова.

Всѣ изъявили согласіе, и вскорѣ захлопали пробки.

— За здоровье пріѣзжаго гусара! сказалъ Сафьянчиковъ — и пожелаемъ ему выигрыша.

— Нѣтъ, господа, отозвался юнкеръ, нѣсколько сконфуженный — я не помню этакаго несчастья. Надобно мнѣ реваншу.

— Извольте, съ удовольствіемъ, я готовъ заложить одинъ и въ половинѣ, согласенъ понтировать: вѣдь вы знаете, у насъ въ кавалеріи, товарищу предоставляются всѣ средства къ отыгрышу.

Помѣщикъ ходилъ по комнатѣ, курилъ трубку и не зналъ, какъ быть: денегъ у него почти не оставалось, занять у Сафьянчикова неловко, перехватить у какого нибудь еврея поздно, а играть и отыграться ему сильно хотѣлось.

— Господа, знаете что? сказалъ онъ — со мной денегъ нѣтъ, а не угодно ли, я заложу пару форейторскихъ — я ѣзжу всегда съ форейторомъ. Лошади собственнаго завода. Выигрывайте.

— Что мнѣ за охота играть на лошадей, когда я проигрывалъ чистыя доньги! замѣтилъ юнкеръ.

— Да мы и не видали вашихъ лошадей, сказалъ Сафьянчиковъ.

— Я заложу ихъ въ триста рублей, а каждая стоитъ не меньше двухсотъ.

— А вотъ что я придумалъ, сказалъ Мамаджановъ съ обычной своей находчивостью — мы человѣка четыре можемъ играть на одномъ столѣ, остальные на другомъ. Вы, г. Старошапка, сперва заложите одну лошадь, оцѣните только добросовѣстно; пусть рвутъ господа. Мы займемся своимъ дѣломъ: у насъ пойдетъ серьезная.

Послѣ нѣкоторыхъ преній, публика раздѣлилась на два

столика: за однимъ Мамаджановъ, юнкеръ и Сафьянчиковъ, за другимъ Старошапка и прочая публика, подъ предводительствомъ лекаря, который игралъ разсчетливо и вознамѣрился пріобрѣсть пару форейторскихъ, а если можно, то и коляску.

Юнкера обирали навѣрную, но, чтобы не подать подозрѣній, а главное — больше завлечь жертву, Мамаджановъ велъ игру такимъ образомъ, что иногда попускалъ юношу отыгрываться и потомъ огорошивалъ его искусными вольтами или предательски обрѣзанными картами. Юнкеръ, по всему, имѣлъ о шулерствѣ самыя смутныя понятія, и если при понтировкѣ приходило ему на мысль, что банкометъ, можетъ быть, дѣйствовалъ нечисто, то бѣднякъ рѣшительно не зналъ, какъ срываютъ банки навѣрную.

— Закладываю послѣдній разъ, сказалъ юнкеръ — сорвите, — и баста: у меня мало остается денегъ, а на вещи играть не хочется.

— Можетъ быть и повезетъ, молвилъ хладнокровно Сафьянчиковъ — нельзя же, чтобъ намъ съ Мамаджановымъ везло постоянно. Придетъ и наша очередь, продуемся: карты вѣдь бумага.

Гусаръ заложилъ еще пятьсотъ рублей, и видно было, какъ дрожали его руки.

— Чувствую, что мнѣ не сдобровать, говорилъ Мамаджановъ, гадая на красную и черную, и поставилъ маленькій кушъ.

Сафьянчиковъ тоже не шелъ далѣе пяти рублей, и можно было подумать, что счастье начало улыбаться юнкеру.

На другомъ столѣ игра шла чисто на счастье; но Старошапкѣ не везло, и хоть онъ мѣнялъ карты безпрестанно, тасовалъ на разныя манеры, однако лекарь и казначей добивали уже вторую лошадь. Оставалось взять рублей тридцать. Лекарь все выжидалъ, ставилъ маленькіе куши, наконецъ, нашелъ тройку и сказалъ:

— До банку.

Старошапка поблѣднѣлъ немного.

— Кажется, всѣ уже вышли, проговорилъ онъ.

— Ничего, посмотримъ.

Послѣ нѣсколькихъ абцуговъ, тройка легла налѣво.

— Банкъ сорванъ, сказалъ казначей.

— Вы имѣете право на четверть лошади, объявилъ ему лекарь — угодно получить деньги.

— Конечно, не разрубать же лошади. А всетаки съ васъ должна быть выпивка.

— Непремѣнно.

— Господа, говорилъ Старошапка — я человѣкъ съ состоянiемъ: мнѣ ничего не значитъ лишняя пара лошадей. Угодно, я заложу дышловыхъ?

— Пожалуй, сказалъ лекарь.

— И я не прочь, подхватилъ казначей.

Прочiе понтеры тоже изъявили согласiе.

— Только этихъ не ставлю меньше какъ въ четыреста.

— Рубликовъ пятьдесятъ сбавите, будемъ понтировать сказалъ лекарь.

— Да вѣдь лошади хорошiя.

— Мы ихъ не видѣли, а играемъ лишь бы не сидѣть, сложа руки.

— Дѣлать съ вами нечего.

— Конечно, съ упряжью? спросилъ казначей.

— Нѣтъ, господа, упряжь не въ счетъ: договора не было.

— Она уже пойдетъ вмѣстѣ съ коляской, замѣтилъ лекарь.

Старошапка съ ожесточенiемъ курилъ трубку, которая страшно хрипѣла, и неистово тасовалъ карты, словно готовясь разорвать колоду.

— Господа! началъ онъ дрожащимъ голосомъ — я не могу метать, позвольте мнѣ понтировать.

Понтеры переглянулись.

— Все равно, сказалъ лекарь — извольте, я закладываю пару вашихъ форейторскихъ, въ чемъ выигралъ. Господа, вы согласны?

Всѣ согласились.

Старошапка повеселѣлъ, разсчитывая, что если ему не везло въ качествѣ банкомета, то могло повезти какъ понтеру, и началъ ставить разомъ по три, по четыре карты, имѣя кредитъ на триста-пятьдесятъ рублей.

Дѣла гусарскаго юнкера, какъ и слѣдовало ожидать, не поправились. Мамаджановъ и Сафьянчиковъ, удивляясь своему счастью, начали дорывать банкъ и, наконецъ, сорвали. У бѣднаго молодаго человѣка выступилъ холодный потъ на лбу при мысли, что у него едва оставалось денегъ на дорогу.

— Баста! сказалъ онъ — съ вами нельзя играть: я никогда не видывалъ подобнаго счастья.

— Да, вамъ не везло, замѣтилъ Мамаджановъ.

— Я проигралъ три тысячи и больше играть не буду, потому что денегъ не хватаетъ.

Сафьянчиковъ скомандовалъ закуску, и, пока люди суетились, помѣщикъ успѣлъ проиграть дышловую пару, изъ которыхъ одна досталась одноглазому штабсъ-капитану, другая банкомету.

Гости шумно окружили столъ, на которомъ стояли блюдо битковъ и нѣсколько бутылокъ вина и наливокъ. Запасы, взятые изъ хутора, уничтожались тутъ же. Дѣло было за полночь. Мамаджановъ незамѣтно отозвалъ въ уголъ Сафьянчикова и, набивая трубку, шепнулъ, что не должно предлагать игры и не слѣдуетъ удерживать юнкера, на томъ основанiи, что кровь у него разыгралась, и онъ не вытерпитъ, самъ придетъ. Сафьянчиковъ кивнулъ головою въ знакъ согласiя.

Гусаръ ходилъ большими шагами по комнатѣ. Старошапка съ нетерпѣнiемъ ожидалъ окончанiя ужина: ему сильно хотѣлось отыграться.

— Знаете что, господа, сказалъ онъ — была не была, выигрывайте уже за одно упряжь и коляску. Я себѣ куплю новую.

— Да не поздно ли? замѣтилъ казначей.

— Въ веселой компанiи никогда не поздно; притомъ же на что мнѣ и коляска, когда лошади проиграны!

— Резонъ, отозвался казначей. А въ какую цѣну вы поставите?

— Бѣдно, бѣдно, а нельзя меньше тысячи.

— Можетъ быть, изъѣзженная, сказалъ лекарь.

— Помилуйте! мнѣ ее дали за женой въ приданое и притомъ она съ зонтикомъ.

— За тысячу рублей можно купить новенькiй экипажъ, а этотъ рубликовъ шестьсотъ.

Начали торговаться и порѣшили дѣло на семистахъ рубляхъ, включая въ то число и упряжь. Старошапка изъявилъ желанiе метать и усѣлся.

— А вы? обратился онъ къ юнкеру.

— Я? продулся и отправляюсь спать.

— Богъ знаетъ что! примазывайтесь къ намъ.

— Имъ не везетъ, сказалъ Мамаджановъ — стало быть и уговаривать не надо.

— А вамъ не угодно? спросилъ помѣщикъ.

— Я тоже наигрался.

— Понтирнемъ! весело сказалъ Сафьянчиковъ.

— Нѣтъ, я хочу отдохнуть, отвѣчалъ Мамаджановъ и присоединился къ юнкеру, который докуривалъ трубку.

— Прощайте, сказалъ, наконецъ, гусаръ.

Сафьянчиковъ его не удерживалъ и проводилъ до двери.

— Ну что, Мамалыга? спросилъ лекарь по уходѣ юнкера — чай, налимонилъ тысячи двѣ?

— Далеко нѣтъ. Сафьянчикову везло гораздо больше.

— Разсказывай! Приставайте-ко сюда. Идетъ коляска съ зонтикомъ.

Сафьянчиковъ посмотрѣлъ на Мамаджанова, а этотъ сдѣлалъ отрицательный знакъ головою.

— Играйте ужъ вы, господа, сказалъ прапорщикъ — а мы, отдохнувъ, можетъ быть, вдвоемъ перекинемся.

— Нашла коса на камень, проговорилъ одноглазый штабсъ-капитанъ, который первый разъ въ жизни выигралъ лошадь и былъ въ восторгѣ.

Игра продолжалась, по крайней мѣрѣ, полчаса, безъ важныхъ послѣдствій. Сафьянчиковъ поставилъ пятьдесятъ рублей, занятые у него Старошапкой, и проигралъ. Мамаджановъ курилъ трубку и поглядывалъ на дверь, въ ожиданіи юнкера.

— А что-жъ Сафьянчиковъ, сказалъ онъ, наконецъ — сядемъ, перекинемся.

— Изволь; только обдерешь, братъ, меня какъ сидорову козу.

— Бабушка на двое сказала.

— Ну, чортъ побери, куда ни шло: валять такъ валять, по кавалерійски.

И они усѣлись за столъ, сговорясь играть въ пикетъ на счастье.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ незамѣтно юнкеръ.

— А вы въ коммерческую? сказалъ онъ, обращаясь къ Сафьянчикову.

— Отъ скуки, отвѣчалъ прапорщикъ — товарищи играютъ, надо же и намъ чѣмъ нибудь заняться.

— А мнѣ не спится.

— И прекрасно сдѣлали, что пришли: можно будетъ составить бостончикъ.

— Какой тутъ бостончикъ! я въ него играть не умѣю. Нѣтъ, если уже хотите, пойдемъ-те ко мнѣ. У васъ сильно накурено, а я велѣлъ и самоваръ ставить.

— Это дѣло, отозвался казначей — не мѣшаетъ пропустить чайку, да и задать пуншацію.

— А что-жъ, и я согласенъ, отозвался Старошапка, которому мелькнула мысль, что съ перемѣной мѣста, можетъ быть, перемѣнится и счастье.

— Идемъ, идемъ къ гусару, дружно проговорили игроки.

Тотчасъ же распорядились о перенесенiи столовъ и прочихъ принадлежностей изъ одной квартиры въ другую. Пока происходила суматоха, юнкеръ отозвалъ Мамаджанова и Сафьянчикова.

— Господа, сказалъ онъ имъ несмѣло — я игралъ съ вами, и потому только съ вами долженъ быть откровененъ. Денегъ у меня больше нѣтъ, но есть хорошiя вещи — часы, кольца — тысячи на двѣ. На вещи я играть не хочу, но если вамъ угодно купить ихъ у меня или дать подъ нихъ денегъ, я играю.

— Зачѣмъ же покупать, сказалъ Мамаждановъ — если хотите, оставьте ихъ у меня, а послѣ когда угодно пришлете за ними.

— Только, чтобъ никто, кромѣ васъ, не зналъ этого. Позвольте же, я усажу публику, потомъ придемъ сюда и распорядимся.

Черезъ нѣсколько минутъ вся гурьба перешла въ квартиру юнкера, въ которой было, дѣйствительно, просторнѣе и не слышался табачный дымъ, и когда Старошапка усѣлся за столъ, гусаръ отправился въ комнату Сафьянчикова, гдѣ Мамаджановъ, по осмотрѣ вещей, предложилъ ему полторы тысячи безъ процентовъ на три мѣсяца и обѣщалъ сохранить все въ цѣлости. Послѣ этого юнкеръ снова рѣшился играть, воображая, что имѣлъ дѣло съ честными людьми, и заложилъ пятьсотъ по обычаю.

Между тѣмъ, дѣло подходило къ разсвѣту, и народъ началъ шевелиться по улицамъ. Игроки продолжали занятiе какъ ни въ чемъ не бывало: казалось, сонъ никому не приходилъ на мысль, и самые слуги, подававшiе чай и трубки, ходили довольно бодро, подкрѣпляя свои силы пѣнникомъ.

Помѣщику улыбнулось было счастье: онъ отыгралъ одну лошадь у лекаря; но какъ этому господину никогда не суждено было выигрывать, то онъ испортилъ свои шансы, и скоро коляска его стояла лишь однимъ колесомъ надъ пропастью, какъ выразился одноглазый штабсъ-капитанъ.

Юнкеръ, въ свою очередь, проигралъ банкъ и молча заложилъ другой, рѣшаясь биться до послѣдней крайности.

Подъ окнами послышались громкiе звуки колокольчика и смолкли. Скрыпнули ворота, и на дворъ, гремя, въѣхалъ

какой-то тяжелый экипажъ. Юнкеръ послалъ узнать, кто прибылъ, разсчитывая на одного своего однополчанина. Скоро факторъ явился съ отвѣтомъ.

— Какой-то баронъ въ каретѣ шестерикомъ, сказалъ онъ — потирая руки.

— Чего ты радуешься, Іуда? спросилъ Сафьянчиковъ — заработалъ на водку, что ли?

— А, можетъ, и заработаю. Велѣлъ наставить самоваръ.

— Если играетъ въ карты, ты просилъ бы его сюда, отозвался юнкеръ. — Онъ военный?

— Вѣрно, былъ военный, — съ большими усами. Хотите, спрошу?

И еврей юркнулъ въ переднюю.

— Позвольте, господа, на время, сказалъ юнкеръ—можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, пріѣзжій играетъ: авось мнѣ перемѣнится счастье. Согласитесь, что, такъ не идти — просто ужасъ.

— Да, вамъ сильно не идетъ замѣтилъ, Мамаджановъ: — подождемъ въ самомъ дѣлѣ. Вѣрьте, я душевно радъ проиграть, но лѣзетъ страшная карта.

— Отдохнемъ, сказалъ Сафьянчиковъ — я порядкомъ и чаю не напился.

— Сдѣлайте одолженіе, я не велѣлъ тушить самовара. Можетъ быть, пуншу?

— Пожалуй.

Въ это время въ дверяхъ показался господинъ высокаго роста, съ большими усами, въ черной венгеркѣ, съ такими же шелковыми снурками.

— Имѣю честь рекомендоваться — баронъ Клюмпенау. Позвольте узнать, гдѣ хозяинъ?

— Къ вашимъ услугамъ, сказалъ юнкеръ, вставая со стула и протягивая руку. Милости просимъ.

— Видно, что вы лихой кавалеристъ. Представьте, у меня комнатка маленькая, самоваръ не готовъ, чаю хочется, а тутъ вы были такъ добры и пригласили.

— Эй, чаю барону! Садитесь, будете гостемъ.

— Что-жъ это, вы занялись дѣломъ спозаранку?

— Да мы и не ложились, сказалъ съ улыбкою Сафьянчиковъ.

— Банчикъ?

— И банчикъ и штосикъ.

— Продолжайте, пожалуйста. А тѣ господа, вѣроятно, въ коммерческую.

— Нѣтъ, но они составили свою партію. Не угодно ли и вамъ?

— Я почти не играю, говорилъ баронъ, принимаясь за чай — или, лучше сказать, далъ слово женѣ воздерживаться, послѣ того, какъ въ Кіевѣ обработали артиллеристы.

— Счастье не всегда одинаково.

— Впрочемъ, я современемъ примажусь. А сколько?

— Пятьсотъ.

— Гм! Вотъ напьюсь чаю и приставлю карточку.

Юнкеръ началъ метать талію. Баронъ подошелъ къ столу, гдѣ металъ Старошапка, и смотрѣлъ съ улыбкой на эту оригинальную грязную личность, спросивъ, сколько въ банкѣ. Ему отвѣчали, что коляска съ зонтикомъ, »хотя подержаная, но еще порядочная«, и пріѣзжій заключилъ, что банкометъ проигрался и добивалъ послѣднее. Баронъ, однакожъ, внимательно слѣдилъ за процессомъ игры и, допивъ чай, подсѣлъ къ чистагану.

— Что-жъ, баронъ?

— Рискнуть развѣ?

И, вынувъ деньги, баронъ началъ ставить карты безъ всякаго толку. Въ нѣсколько минутъ проигралъ онъ рублей сто и забастовалъ.

— Не везетъ, да я и не умѣю понтировать?

Мамаджановъ и Сафьянчиковъ, безъ зазрѣнія совѣсти ставили вѣрныя карты и обирали неопытнаго гусара. Въ полчаса банкъ былъ сорванъ. Молодой человѣкъ растерялся.

— Да, вамъ не идетъ! сказалъ баронъ. А много проиграли?

— Больше трехъ тысячъ.

— И все выиграли эти господа?

— Да, намъ везло удивительно, сказалъ Мамаджановъ.

— Гм! произнесъ баронъ. Бываетъ. Мнѣ тоже не везетъ понтировать. Хотите заложу штосикъ?

— Отчего же не банчикъ? спросилъ Мамаджановъ.

— Не мечу, а штосъ, если угодно могу.

— А сколько?

— Отвѣтный.

При этомъ баронъ вынулъ изъ боковаго кармана толстѣйшій бумажникъ и показалъ нѣсколько тысячъ.

Въ это время свѣчи догорали, и, когда Старошапка потребовалъ новыхъ, казначей замѣтилъ, что совсѣмъ разсвѣло, можно открыть окна и задать утреннюю пуншацію. Помѣщикъ все еще держался съ коляской.

Когда открыли ставни, яркій свѣтъ облилъ просторную комнату, по которой вездѣ валялись карты, трубочная зола, просыпанный табакъ, и на всѣхъ лицахъ замѣтна была та непріятная истома, которая всегда слѣдуетъ за безсонными ночами. Многіе оставили на время игру и вышли освѣжиться холодною водою; одинъ только Старошапка сидѣлъ за столомъ и неистово тасовалъ карты, воображая, что натасуетъ себѣ счастье.

Наконецъ, усѣлись. Барона окружили три бойца, изъ которыхъ юнкеръ съ вѣрой въ счастье, а Мамаджановъ и Сафьянчиковъ съ грустнымъ сомнѣніемъ, потому что, понтируя противъ штоса, они не могли пустить въ ходъ никакой продѣлки. Баронъ съ первой же карты началъ бить напропалую. Мамаджановъ пристально смотрѣлъ на банкомета и замѣтно воздерживался, но Сафьянчиковъ не успѣлъ оглянуться, какъ трехсотъ рублей не было. Юнкеръ спустилъ столько же. Чувствуя, что игра не чиста, Мамаджановъ, однакожъ, не могъ понять утонченной тасовки. Никто изъ понтеровъ не хотѣлъ больше ставить.

— Что же, господа? спросилъ баронъ.

— Мечите банкъ, сказалъ Мамаджановъ.

— Если угодно, извольте, хоть это и не моя игра но вы въ подмазкѣ, и я соглашаюсь.

Баронъ началъ метать банкъ съ тѣмъ же хладнокровіемъ, съ какимъ металъ штосъ, и также билъ всѣ карты. Онъ держалъ колоду въ рукѣ такимъ образомъ, что не помогали ни долгіе листы, ни боченки, ни крапъ, и вѣрную карту подсмотрѣть было невозможно. Мамаджановъ отсталъ рѣшительно. Баронъ внимательно посмотрѣлъ на него. Сафьянчиковъ и юнкеръ спустили еще по пятисотъ.

— Невозможно понтировать, сказалъ гусаръ — я больше не играю.

— Какъ угодно! Извольте метать, такъ и быть сдѣлаю реваншъ; только позвольте схожу къ себѣ приказать кое-что.

И, положивъ деньги въ карманъ, баронъ вышелъ. Слѣдомъ за нимъ отправился Мамаджановъ.

— Вы ловко играете, баронъ, сказалъ онъ — не мѣшало бы въ половинѣ.

— А вы, на какія дѣтскія штуки обираете бѣдняжку юнкера? ха, ха, ха!

— Угодно пополамъ? Я хоть и въ связи съ прапорщикомъ, но онъ новичекъ — не замѣтитъ; а у него есть еще около тысячи, да у юнкера коляска, шестерикъ и вещи.

— Ну, дѣло. Только смотрите! Меня не надуете. А этотъ гусь, что проигрываетъ экипажъ?

— Это какая-то сволочь, да и пробубенился. Гусаръ богатъ.

— Такъ и быть, пополамъ. Ступайте же, чтобъ не подать подозрѣнія, и захватите у меня картъ.

Мамаджановъ возвратился и разыгралъ роль огорченнаго.

— Это чортъ знаетъ, что такое! сказалъ онъ, подходя къ товарищамъ — вотъ нажили гостя!

Сафьянчиковъ ерошилъ волосы и вопросительно смотрѣлъ на Мамаджанова. Послѣдній сдѣлалъ ему знакъ, и оба отошли въ уголъ.

— Ну, что, Мамалыга?

— Осторожная бестія.

— Но, какъ думаешь, шулеръ первой степени?

— Нисколько. Подлецъ просто играетъ на счастье, но отлично понимаетъ дѣло. При немъ нельзя уже разсчитывать ни на какія штуки.

— А если ты промечешь?

— Надо держать ухо востро, чтобъ не смазалъ по рылу: тогда все пропало.

— Значитъ не горячиться, а играть благоразумно.

— Самое лучшее.

— Поздравляемъ! поздравляемъ! Раздались голоса за другимъ столикомъ.

— Что такое?

— Нашъ доктриссимусъ выигралъ коляску.

— Ну, не совсѣмъ, отвѣчалъ лекарь — надобно отложить понтерамъ рублей около сотни.

Старошапка сидѣлъ блѣдный и растерянный.

— Какъ же это, господа, говорилъ онъ, машинально перебирая карты — и лошадей проигралъ, и коляску!

— А также проиграли и баста!

— Я думалъ, отыграюсь, сказалъ помѣщикъ плаксивымъ голосомъ. Какъ же мнѣ теперь явиться къ женѣ?

— Вы не мальчикъ: знали, зачѣмъ садитесь, замѣтилъ лекарь.

— Я, господа, если угодно, дамъ вамъ расписку.

— Нѣтъ, я на такія штуки не согласенъ, а потрудитесь заплатить чистыя деньги и берите назадъ своихъ лошадей и коляску.

— Хорошо, я постараюсь, пойду на квартиру и пошлю за однимъ евреемъ.

— Проходиться не мѣшаетъ, сказалъ лекарь — а я буду очень радъ получить деньги.

Помѣщикъ не прощался и сказалъ, что скоро придетъ и, можетъ быть, попробуетъ отыграться.

Лекарь отдалъ какое-то приказаніе фактору, который и отправился слѣдомъ за Старошапкой. Вошелъ баронъ.

— Ну, что же, господа, сказалъ онъ — переправа скоро будетъ готова. Угодно играть, — срѣжемся; не угодно, пошлю за почтовыми.

— Да вы адски бьете! замѣтилъ Сафьянчиковъ.

Страсть къ игрѣ одержала, однакожъ, верхъ надъ боязнію, и всѣ усѣлись понтировать противъ барона, который согласился метать банкъ, хоть и не любилъ его.

Въ какой нибудь часъ времени, пріѣзжій всѣхъ обработалъ, такъ что ни у кого, даже у Мамаджанова, не осталось денегъ. Гусаръ разгорячился и предложилъ играть на экипажъ и лошадей. Сафьянчиковъ вошелъ въ азартъ и пустилъ въ ходъ бричку и тройку Марѳы Михайловны. Явился помѣщикъ, доставшій у евреевъ немного денегъ за большіе проценты, и къ полудню всѣ были обобраны дочиста. Больше всѣхъ снисхожденія баронъ показалъ къ юнкеру: онъ оставилъ ему вещи, экипажъ, лошадей, взявъ только расписку, и далъ даже денегъ на дорогу. Коляска же и лошади помѣщика, проигранныя лекаремъ, и бричка, и тройка Марѳы Михайловны были проданы проѣзжимъ евреямъ, и знаменитый игрокъ поспѣшилъ выѣхать на почтовыхъ. Мамаджановъ заходилъ къ нему прощаться и акуратно получилъ свою долю.

Сафьянчиковъ остался, что называется, на бобахъ. Съ досады отколотилъ онъ Терешку, который вздумалъ было защищать интересы своей госпожи, и прогналъ его съ Никиткой пѣшкомъ на хуторъ, а самъ едва выпросилъ у Мамаджанова двадцать пять рублей, чтобъ уѣхать въ роту. Мамаджановъ выговаривалъ ему за горячность и обнадеживалъ, что обстоятельства поправятся. Нанявъ еврейскую лошаденку, прапорщикъ въ мрачномъ расположеніи духа поѣхалъ домой, придумывая, какъ бы приличнѣе явиться передъ вдовушкой.

Мы оставили Марѳу Михайловну послѣ разлуки съ возлюбленнымъ. Она только что отерла слезы и собиралась для развлеченія идти въ ригу посмотрѣть на рабочихъ, какъ въ воротахъ показалась ухарская тройка и неслась прямо къ крыльцу, заливаясь колокольчикомъ. Голопятовъ, потряхивая эполетами,

весело вошелъ въ комнату, въ полной увѣренности ухаживать за вдовушкой безъ докучливыхъ свидѣтелей. Но пріемъ Мароы Михайловны, еще полной сладостныхъ воспоминаній, не отвѣчалъ надеждамъ влюбленнаго майора. Она велѣла подать варенья, готовить чай, но отвѣты ея были односложны, невпопадъ, потому что, еслибы врожденное кокетство и заговорило въ ней, то, при взглядѣ на жирно-самодовольную физіономію стараго майора, оно не могло бы найти пищи даже полюбезничать и для препровожденія времени.

Голопятову приглянулась вдовушка, и хоть нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ влюбленъ въ нее искренно, однако затѣвалъ не простое волокитство, а мечталъ »завестись майоршей«, какъ онъ говаривалъ, тѣмъ болѣе, что у Мароы Михайловны, по наведеннымъ справкамъ, хозяйство было въ цвѣтущемъ положеніи. Ему, конечно, не нравилось присутствіе у Черепенковой офицеровъ чужаго баталіона, въ особености посѣщеніе Сафьянчикова, который »хоть прапорщикъ, но кавалеристъ и долженъ быть дока«, но онъ все-таки надѣялся, разсчитывая на своей вліятельный чинъ, а болѣе на серьезное предложеніе.

Не желая прослыть непривѣтливой хозяйкой, вдовушка опомнилась и начала занимать гостя. Она принялась разливать чай и просила майора сѣсть поближе къ столику, что Голопятовъ исполнилъ съ большимъ удовольствіемъ.

— Вы очень добры, позвольте вамъ замѣтить, сказалъ онъ, принимая стаканъ изъ рукъ хозяйки.

Мароа Михайловна не отвѣчала.

— Я говорю по тому случаю, что не только угощаете насъ бездомныхъ, а не жалѣете и лошадокъ-съ.

— Ахъ, да! вы говорите насчетъ Михайла Степановича. Ему нужно было въ городъ — почему же и не отправить: лошади свои, даромъ ѣдятъ овесъ, я теперь почти никуда не выѣзжаю.

— Не загоняли бы они вамъ лошадей: эта молодежь, знаете, какъ бѣшено ѣздитъ.

— А какой прекрасный молодой человѣкъ Михайло Степановичъ!

— Кавалеристъ? Что-то мало вижу въ немъ проку. Въ гусарахъ нашалберилъ, перевели въ пѣхоту: службы ни въ зубъ толконуть, а такихъ у насъ не жалуютъ. Притомъ же, онъ страшный картежникъ.

Вдовушка надулась.

— Вы вѣдь его совсѣмъ не знаете.

— Слухомъ земля полнится. Играть въ карты можно для препровожденія времени, но картежничать по цѣлымъ суткамъ не идетъ молодому человѣку.

— Когда же Сафьянчиковъ картежничалъ?

— Помилуйте, мнѣ говорили въ городѣ.

— Мало ли что говорятъ!..

— Такъ-съ. Вы, кажется, взяли его подъ свое покровительство.

Вдовушка улыбнулась.

— Еслибъ не ваши офицеры, мнѣ было бы скучно; близкихъ сосѣдей нѣтъ, и я одна постоянно.

— Только прикажите-съ, мой баталіонъ къ вашимъ услугамъ.

— Вашъ далеко.

Майоръ прищурилъ свои узкіе глаза.

— Помилуйте, за величайшее счастіе-съ.

— Вотъ идутъ длинные вечера, я буду очень рада. Покойный мужъ мой любилъ гостей и не могъ обѣдать, если не было за столомъ чужаго человѣка.

— Это очень пріятно-съ. А вамъ скучновато безъ супруга смѣю спросить?

— Теперь немного привыкла, а прежде была такая тоска, что ужасъ.

— Вотъ вы намедни говорили, что по хозяйству бываютъ упущенія.

— Извѣстно, женское дѣло.

Голопятовъ умильно посмотрѣлъ на вдовушку.

— Вѣдь и нашему брату холостая жизнь въ тягость, сказалъ онъ.

— Что же не женились?

— Видите ли, въ оберъ-офицерскихъ чинахъ не приходится — трудно содержать жену — а баталіонъ я получилъ недавно, еще не успѣлъ осмотрѣться.

— Въ уѣздѣ у насъ невѣстъ много, особенно возлѣ города.

— Я могу сказать о себѣ, что человѣкъ я скромный, пью мало, въ карты не играю, сколотилъ кое-что на черный день, командуя восемь лѣтъ ротой. Хотѣлось бы пожить съ молодой женушкой, побаловать ребятъ.

Марѳа Михайловна покраснѣла, понимая, куда мѣтилъ Голопятовъ, и хоть искательство майора польстило ея самолюбію,

однако сердце ея слишкомъ было наполнено чувствомъ къ прапорщику.

— А я, скажу вамъ откровенно, молвила она — рѣшилась не выходить замужъ.

— Какъ? въ ваши лѣта?

— Хочу пожить на волѣ.

— Это напрасно-съ. Съ вашей красотой вы можете себѣ выбрать солиднаго супруга, сказалъ майоръ, стараясь прочесть на лицѣ Черепенковой — шутила она, или говорила искренно.

— Мой мужъ былъ уже черезчуръ солидный.

— Значитъ, строгій?

— Не безъ того.

— Скажу вамъ, это не мѣшаетъ, лишь бы былъ справедливъ.

— А лучше жить на волѣ: я сама себѣ госпожа, дѣлаю, что хочу.

— А давеча, помните, насчетъ мужиковъ-съ?

— Это правда, трудно женщинѣ хозяйничать.

— Тутъ-то и нуженъ мужъ-служака, чтобъ все по стрункѣ ходило, сказалъ майоръ, умильно посматривая на вдовушку. — Вамъ, женщинамъ, не понять, что значитъ дисциплина, а это первое дѣло.

— Что же вы не кушаете чаю? допивайте. Я налью другой стаканъ. Не прикажете ли рому?

— Очень благодаренъ... развѣ для запаху: я вѣдь не пью пуншу: съ малолѣтства обученъ къ воздержности.

— Мужчинѣ можно.

— Гости пріѣхали! вскрикнула босоногая дѣвчонка, вбѣгая въ комнату.

— Кто?

— Тетенька Матрена Павловна пріѣхали.

— Извините, не поскучайте, я только встрѣчу тетушку.

— Помилуйте-съ! нашъ долгъ почитать старшихъ.

И Мароа Михайловна бросилась встрѣчать тетушку, не столько изъ расположенія къ послѣдней, сколько изъ желанія прекратить разговоръ, начинавшій принимать довольно серьезный оборотъ.

Скоро въ гостиную вошла полная, краснолицая барыня, въ темномъ платьѣ и остроконечномъ чепцѣ. На рукѣ, по тогдашней модѣ, висѣлъ кожаный ридикюль на стальной цѣпочкѣ.

— Майоръ, Семенъ Егоровъ Голопятовъ, отрекомендовался гость и подошелъ къ ручкѣ.

Тетушка эта была простая, необразованная дворянка, жена

какого-то мелкаго чиновника, купившаго хуторокъ верстахъ въ пяти отъ Черепенковой. Въ тѣ отдаленныя времена, когда родственники считали обязанностію вмѣшиваться во всѣ семейныя дѣла, когда мнѣнія старшихъ возрастомъ, не смотря на личныя достоинства этихъ старшихъ, имѣли силу чуть не закона, и подобная тетушка была не безъ значенія, и хоть Марѳа Михайловна не слишкомъ ее жаловала, однако принимала, особенно при гостяхъ, съ наружнымъ почтеніемъ. Не любила же она тетушку, во первыхъ, за сплетни, во вторыхъ, за попрошайство, потому что каждый визитъ ея стоилъ Черепенковой какого нибудь пожертвованія. Тетушка знала расположеніе своей племянницы, однако по временамъ пріѣзжала, выпрашивала что нибудь, а послѣ, разъѣзжая по сосѣдямъ, была не прочь и оговорить племянницу, разумѣется, »по секрету«. Теперь тоже пріѣхала она не безъ цѣли. Ей необходимо было достать хорошаго меду — у вдовушки пчельникъ славился въ околодкѣ — и потомъ до свѣдѣнія ея дошло, что племянница подружилась съ какимъ-то офицеромъ, такъ не мѣшало убѣдиться собственными глазами. Когда босоногая дѣвочка доложила ей на крыльцѣ, что есть гости военные, тетушка чрезвычайно обрадовалась и спѣшила въ гостиную посмотрѣть на красавца-офицера. Каково же было ея удивленіе, когда вмѣсто »писаной картинки«, о которой ей говорили, она увидѣла почтенную лысину, толстое лицо и значительное брюхо Голопятова.

Завязался общій разговоръ, самый вялый и безцвѣтный; о хозяйствѣ, о службѣ, о плохихъ временахъ и проч. Майоръ находилъ неловкимъ распространяться о своей любви при тетушкѣ и уѣхалъ, недовольный вечеромъ, который обѣщалъ было ему такъ много удовольствія. Тетушка осталась ночевать и осторожно выпытывала племянницу относительно жениха, осторожно намекая, что нехудо быть штабъ-офицершей. Но Марѳа Михайловна объявила, что никогда не пошла бы за подобное пугало, еслибъ оно обрѣталось даже въ полковничьемъ чинѣ.

— Мало ли красивыхъ, молодыхъ офицеровъ въ полку, заключила она — и еслибъ пришлось пожертвовать свободой, то, по крайней мѣрѣ, знать для кого.

Тогда тетушка догадалась, что не майоръ затронулъ сердце племянниц[illegible] и продолжала наводить справки. Скоро для нея не было [illegible]йной, что вблизи, въ козачьемъ селѣ, стоялъ прапорщикъ Сафьянчиковъ, красавецъ, генеральскій сынъ и

богачъ, который служилъ въ кавалеріи, но на время переведенъ въ пѣхоту за ссору съ полковымъ командиромъ. Разговаривая о предметѣ любви, Марѳа Михайловна постепенно дѣлалась мягче и дошла до того, что сама просила тетушку остаться завтра на цѣлый день, и всетаки не изъ расположенія, а изъ желанія имѣть кого нибудь возлѣ себя въ томительные часы ожиданія. Марѳа Михайловна черезъ нѣсколько времени такъ увлеклась, что обѣщала тетушкѣ подарить корову съ теленкомъ.

На другой день, утромъ, Матрена Павловна, проснувшись гораздо раньше племянницы, вышла въ залу и, кликнувъ босоногую дѣвочку, начала разспрашивать ее объ отношеніяхъ молодыхъ людей такъ искусно, что ей сдѣлалось гораздо яснѣе многое, о чемъ она только догадывалась. Вдовушка тоже не замедлила встать съ постели и вышла въ залу въ отличномъ расположеніи духа. Она ожидала въ тотъ день возлюбленнаго, и первое, чѣмъ занялась за чаемъ — былъ продолжительный совѣтъ съ тетушкой о заказѣ обѣда. Матрена Павловна, въ этомъ случаѣ, могла оказать значительное содѣйствіе, потому что богатые люди приглашали ее въ торжественные дни именно съ цѣлью распоряжаться закулисными приготовленіями, и знала свое дѣло. Обѣдъ былъ заказанъ великолѣпный, причемъ кухаркѣ обѣщанъ новый платокъ, на случай безукоризненнаго исполненія программы Но часы шли медленно, и солнце какъ-то лѣниво совершало свой путь. Племянница предложила тетушкѣ для сокращенія времени проходиться по хозяйству, что послѣдняя приняла съ особеннымъ удовольствіемъ, надѣясь при удобномъ случаѣ воспользоваться случайной добротой влюбленной вдовушки. Дѣйствительно, Черепенкова была не нашутку влюблена и смотрѣла сквозь пальцы на разныя неисправности. Прикащикъ доложилъ ей два случая и представилъ провинившихся.

— Вамъ, негодяямъ, сказала Марѳа Михайловна, непремѣнно нужно бы дать по пятидесяти горячихъ, да счастье ваше, что Терешко въ городѣ.

Мужики посмотрѣли съ недоумѣніемъ и поклонились.

— А чтобъ вы не думали, что это вамъ пройдетъ совсѣмъ даромъ, чтобъ помнили...

И вдовушка, выхвативъ изъ рукъ прикащика палку, граціозно вытянула нѣсколько разъ провинившихся, которымъ, впрочемъ, наказаніе это не показалось чувствительно.

— Нѣтъ, Марѳинька, сказала тетушка, на пути къ овечьему загону — тебѣ надо поскорѣе выйти замужъ. Великое дѣло

мужъ, да еще военный: онъ не такъ отвалялъ бы этихъ мерзавцевъ.

— И не говорите, тетенька, сердце иной разъ надрывается, да что станешь дѣлать! Еще женскія работы идутъ кое-какъ, потому есть страхъ — можно и за косы, и качалкой (скалкой) — а съ мужиками... Ну, хотя бы и этимъ — что имъ значитъ палкой по одеждѣ?

— Да ты бы, душенька, велѣла прикащику выпороть какъ слѣдуетъ.

— Не такой день, тетенька: не могу.

— А! Ну, ничего; твой Михайло Степановичъ приметъ ихъ въ руки по военному.

Барыни обошли все хозяйство, посидѣли въ ригѣ, навѣдались на мельницу, проходили съ версту по дорогѣ въ городъ, а все было еще не больше одиннадцати часовъ. Тетушка, для развлеченія племянницы, принялась гадать на картахъ и пророчила ей самую блистательную будущность, что окончательно растрогало вдовушку.

Наконецъ, солнце своротило съ полудня. По деревенскому обычаю, наступила обѣденная пора, и Марѳа Михайловна, предложивъ тетушкѣ закусить, рѣшилась ожидать возлюбленнаго. За хуторомъ поставленъ былъ караульный, чтобы тотчасъ дать знать о появленіи брички; босоногая дѣвочка поминутно бѣгала за ворота и возвращалась съ отрицательнымъ отвѣтомъ. Вдовушка теряла терпѣніе.

— Ахъ, я боюсь, тетенька, не случилось ли съ нимъ какого несчастія. Мнѣ просто плакать хочется.

— Это передъ радостію, душенька: по картамъ ему выпала скорая дорога.

Наконецъ, рѣшено было садиться за столъ, а Сафьянчикову оставить обѣдъ въ полномъ составѣ. Кушанья удались, какъ нарочно, и, разрѣзывая фаршированнаго гуся, Марѳа Михайловна прослезилась.

— Никогда еще Домаха не жарила такого жаркаго, сказала она — а его, моего голубчика, нѣтъ какъ нарочно.

— Полно, душенька, ты вѣдь не маленькая.

— Но согласитесь, что досадно.

Раздался на дворѣ топотъ. Всѣ бросились къ окну. Но оказалось, что вырвался жеребецъ, котораго вели къ водопою. Грустно окончился обѣдъ. Послѣ кофе Черепенкова легла было отдохнуть, но, полежавъ около часу, предложила тетушкѣ идти въ степь по дорогѣ и посидѣть на курганѣ, съ котораго было

далеко видно на окрестность. Тетушка согласилась, и барыни отправились въ сопровожденіи босоногой дѣвочки. Вечерѣло. Въ степи, можно бы сказать, была совершенная тишь, еслибъ чайки, свистя крыльями, не пищали надъ ближнимъ озеромъ. Вдали, надъ дорогой, облитый косвенными лучами солнца, бѣлѣлъ большой курганъ, стоявшій на границѣ владѣній Черепенковой. Дорога лоснилась, и, извиваясь, шла немножко въ гору. Вправо и влѣво синѣли рощи отдаленныхъ селеній. Марѳа Михайловна прибавляла шагу, убѣждая тетушку поспѣшить на курганъ, гдѣ можно было отдохнуть, но главное— откуда виднѣлась городская дорога на значительное разстояніе. Подходя къ кургану путницы услышали голоса, а когда взошли на вершину, то на противоположной покатости увидѣли сцену, поразившую всѣхъ троихъ своей неожиданностью. Въ небольшой впадинѣ, на травѣ лежали въ растяжку Никитка и Терешко и, покуривая трубку, дружелюбно разговаривали.

— Терешко! вскрикнула Черепенкова оборвавшимся голосомъ отъ волненія.

— Ахъ, Боже мой! сказала тетушка.

— Дядько, это вы? пропищала дѣвочка, не бывъ въ состояніи удержаться.

Услышавъ эти восклицанія, собесѣдники поспѣшили вскочить на ноги, причемъ Терешко запахнулъ полы армяка и спряталъ трубку въ карманъ, а Никитка машинально снялъ шапку.

— Какъ? что? спрашивала блѣдная вдовушка. Гдѣ Михайло Степановичъ?

— Въ городѣ, отвѣчалъ хладнокровно Терешко.

— А бричка и лошади?

Кучеръ махнулъ рукою.

— Говорите же! Что вы оба стоите какъ болваны!

— А что говорить? сказалъ кучеръ — бричка и лошадь въ добрыхъ рукахъ

— Украдены? А?

— Проданы, сказалъ мрачно Никитка, отступая шагъ назадъ.

— Къ чему же врать-то, перебилъ Терешко — офицеръ проигралъ нашихъ лошадей и бричку. Вотъ и все.

— Какъ? Михайло Степановичъ проигралъ? Въ своемъ ли ты умѣ?

— Не вѣрите, спросите у самого.

Вдовушка едва удержалась на ногахъ. Волненіе ея, однакожъ, разрѣшилось обильными слезами.

— Полно, душенька, утѣшала ее Матрена Павловна — присядь.

Вдовушка присѣла на курганѣ.

— Да какъ же это онъ проигралъ? спросила она, выплакавшись немного.

— Извѣстно, въ карты. Мы пріѣхали къ вечеру на постоялый. Я выводилъ хорошенько тройку, задалъ овса, во время напоилъ. А офицеръ всю ночь игралъ и такъ ужъ къ полдню велѣлъ запрягать. Я запрегъ. Явились евреи осмотрѣли, поговорили что-то по своему и пошли въ комнаты. Выходитъ нашъ офицеръ. Я думалъ, что ѣхать, лѣзу на козлы, а онъ мнѣ и говоритъ: »Стой! По приказу вашей барыни, я продалъ лошадей съ бричкой. Вы ступайте, говоритъ, домой, я пріѣду и отдамъ деньги барынѣ«. Повернулся и пошелъ, а самъ такой растрепанный, красный. Я стою и думаю: что-жъ это такое? А факторъ и говоритъ: проигралъ молодецъ и бричку, и лошадей проѣзжему барину, а тотъ и продалъ — знаете, ѣхалъ почтой, такъ некуда везти. Я къ офицеру, да и говорю: »ваше благородіе! этакъ не годится дѣлать!« А онъ меня въ морду. »Молчать!« говоритъ — »не разсуждай, коли не спрашиваютъ«, и наругалъ такъ, что вамъ и сказать нельзя. Что же мнѣ было дѣлать? Я къ купцу Переложенку, сталъ просить, а тотъ говоритъ: »Ни за что не стану связываться съ военными; иди, говоритъ, къ полковнику.« Дурень я чтобъ пойти къ полковнику! когда этотъ больно дерется, а тотъ... Вотъ и Старошапка проигралъ коляску и лошадей: что съ возу упало, то пропало!

— Такъ все и взяли? спросила тетушка, сгорая любопытствомъ узнать побольше подробностей.

— Какъ есть все: только и выпросилъ оброть съ коренной — сказалъ, что занялъ у Андрея — да кнутъ отбиваться отъ собакъ.

И кучеръ указалъ на свои трофеи.

— А ты же, Никитка, почему не вступился за господское добро? спросила тетушка.

— Что-жъ бы помоглось! Посмотрѣли бы вы, какую Михайло Степановичъ отпустили затрещину Терешкѣ.

Мароа Михайловна боялась взглянуть на тетушку.

— Мнѣ дурно, проговорила она.

— Богъ съ тобой, Мароинька, тутъ что нибудь не такъ.

— О, рада бы думать, что не такъ, да сердце вѣщуетъ не къ добру... Видите, тетенька, ваши карты неправду сказали.

— Чѣмъ же я виновата? Выпала на сердце шестерка, правда, пиковая, да все-жъ она означаетъ дорогу.

— Дорога и есть, только какая! А пуховикъ, подушки и одѣяло? спросила, спохватившись Мароа Михайловна.

— Остались у еврея на постояломъ, сказалъ Никитка — когда, говоритъ, пришлете два рубля семьдесятъ за квартиру, сѣно и самоваръ, тогда и отдамъ. Мы и пошли съ Терешкомъ, цѣлый день ничего не ѣли.

— И улеглись на курганѣ спать! проговорила тетушка съ упрекомъ.

— Много наспали, отозвался Терешко — во рту пересохло, присѣли покурить.

Обратное шествіе на хуторъ было довольно печально. Вдовушка, отправясь впередъ въ сопровожденіи дѣвочки, всю дорогу предавалась разнымъ мрачнымъ мыслямъ. Матрена Павловна слѣдовала позади и разспрашивала обо всемъ, бесѣдуя преимущественно съ Никиткой, который, въ качествѣ лакея, былъ очевидцемъ катастрофы. Никитка разсказывалъ, что сначала принималъ все за шутку, но потомъ увидѣлъ, какъ военные играютъ. Тетушка интересовалась также поведеніемъ Старошапки и собрала много занимательныхъ подробностей.

Придя на хуторъ, вдовушка тотчасъ же распорядилась написать записку Сафьянчикову, но хотя и нашелся лоскутокъ бумаги и налили воды въ высохшую и заплѣсневѣлую чернильницу, однако пера нигдѣ не оказалось, а очинить не нашлось мастера. Вслѣдствіе этого посланъ былъ нарочный верховой — просить Сафьянчикова пожаловать къ Мароѣ Михайловнѣ.

Невеселъ возвращался на одинокой подводѣ прапорщикъ въ свою роту. Проигрывался онъ и прежде до нитки, живалъ безъ гроша, но не случалось еще проигрывать чужія вещи и при такой обстановкѣ... Физическая усталость послѣ безсонной ночи взяла, однакожъ, свое: онъ дремалъ, и когда, при въѣздѣ въ деревню, еврей спросилъ, гдѣ его квартира, Сафьянчиковъ проснулся, протеръ глаза и едва опомнился. Первымъ его дѣломъ, при входѣ въ квартиру, было прибить деньщика, послать за водкой, выпить, закусить соленымъ огурцомъ и завалиться спать до вечера.

Куропѣгинъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ пробужденія товарища. Наконецъ проснулся Сафьянчиковъ.

— Что, братъ Сафьяша, спросилъ подпоручикъ — кутнулъ?

— Ну, братъ Каропѣгій, просто зарѣзали. Представь, тысячъ пять былъ въ выигрышѣ, и потомъ спустилъ все, и свое продулъ до копѣйки.

— Плохо.

— Скверно! Эй, квасу!

Деньщикъ внесъ и подалъ полную глиняную кружку хлѣбнаго квасу, изъ котораго варятъ борщъ въ Малороссіи.

— Къ вамъ пріѣхали, сказалъ онъ.

— Кто? откуда?

— Отъ помѣщицы Черепенковой.

— А! Съ запиской?

— Никакъ нѣтъ, просили на словахъ — пожаловать безпремѣнно.

— Скажи—завтра, молъ, буду, а сегодня голова болитъ. Слышалъ?

— Слышалъ.

— Маршъ!

Сафьянчикова бросило въ краску, потому что поступокъ его противъ Марѳы Михайловны былъ черезчуръ неблагороденъ. Порывался онъ разсказать объ этомъ товарищу, но удерживался, хотя и зналъ, что вѣсть о знаменитомъ вечерѣ скоро разнесется по уѣзду.

— А я думалъ, Сафьяша, ты разжился, хотѣлъ попросить рубликовъ пять: нужда...

— Чорта лысаго получишь... Эхъ, Каропѣгій! проигрывался я вдоволь, но такого несчастія не видывалъ.

— Ну, да ты молодецъ, отыграешься... А вдовушка?

Сафьянчиковъ вздрогнулъ и не отвѣчалъ.

— Ты счастливчикъ: безъ тебя не могутъ дня пробыть, пословъ посылаютъ.

Прапорщикъ молчалъ.

— А я вотъ и не соберусь къ Телюковскимъ: ты не хочешь, Струнихина не вытащишь: а одному какъ-то неловко.

— Пойдемъ къ Струнихину, сказалъ Сафьянчиковъ, схватившись за эту мысль. На водку еще у меня осталось, будемъ врать и какъ нибудь убьемъ время.

— Ну, пожалуй.

И товарищи отправились къ поручику, который, по обычаю, лежалъ на кровати, курилъ и поплевывалъ.

— А, здорово, прапорщикъ отъ кавалеріи! ха, ха, ха!

— Посылай-ка за водкой.

— Нѣтъ мелкихъ, ха, ха, ха!

— Пожалуй, я дамъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, дѣло. Эй, Михалевъ, живо!

Водка была принесена, и вечеръ прошелъ въ пустой болтовнѣ, которая представляла, однакожъ, для Сафьянчикова то удовольствіе, что онъ, напившись порядкомъ, не имѣлъ времени думать о своемъ скверномъ поступкѣ съ вдовушкой. Само собою, игра на постояломъ дворѣ была передана товарищамъ не со всею историческою вѣрностію. Струнихинъ подсмѣивался и въ заключеніе прибавилъ:

— А лучше не играть — и шабашъ!

Возвратясь домой, прапорщикъ заснулъ, какъ убитый.

На другой день, утромъ, Сафьянчиковъ совершенно пришелъ въ себя и серьезно началъ обдумывать свое положеніе. Ему во что бы то ни стало было необходимо примириться съ Марѳой Михайловной, еслибъ для этого даже пришлось измѣнить на нѣкоторое время обычный образъ жизни. Но какъ умилостивить вдовушку, а главное — какъ выдержать первый приступъ? Что вдовушка разгнѣвалась, въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что поступокъ его не имѣлъ никакого оправданія, онъ понималъ очень хорошо, но молодому человѣку хотѣлось выпутаться, и единственная надежда оставалась ему на привязанность Марѳы Михайловны. Позанявшись долѣе обыкновеннаго своей физіономіей и туалетомъ, Сафьянчиковъ добылъ у юнкера охотничье ружье съ патронташемъ и, вытребовавъ обывательскихъ лошадей, часу въ одиннадцатомъ отправился по дорогѣ на хуторъ Черепенковой. Во весь путь онъ строилъ планы, одинъ другаго смѣлѣе. Но когда вдали замахали крылья знакомой высокой мельницы и показался длинный рядъ пирамидальныхъ тополей, прапорщикъ ощутилъ легкую дрожь, храбрость его покинула. Ему хотѣлось бы и отстранить свиданіе, неизбѣжность котораго онъ сознавалъ однакожъ, и вмѣстѣ желалось обратить свою неловку выходку въ какую нибудь благопріятную для себя сторону. Нерѣшимость возрастала въ немъ съ каждымъ оборотомъ колеса, такъ что когда постепенно изъ синей дали передъ нимъ обрисовывались бѣлыя крестьянскія хаты, его начало бросать то въ жаръ, то въ холодъ. Сафьянчиковъ, наконецъ, не выдержалъ и велѣлъ остановиться.

— Поѣзжай шагомъ во дворъ, сказалъ онъ извощику — а я пойду на озеро пострѣлять дичи.

— А, можетъ, я здѣсь напасъ бы лошадей: видите, какая славная паша, сказалъ крестьянинъ — вѣдь вы останетесь у пани до вечера.

— Ну, чортъ съ тобой, только не уѣзжай домой, а не то исколочу.

— А что мнѣ домой! меня вѣдь выгнали на цѣлый день— все равно отбуду очередь.

Закуривъ трубку и вскинувъ ружье на плечо, Сафьянчиковъ прямо степью отправился къ озерцу, лежавшему въ полуверстѣ отъ дороги. На озерѣ дичи не оказалось, однако прапорщикъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, полагая, что они послужатъ вдовушкѣ какъ бы предсказаніемъ его прибытія. Потомъ ему блеснула мысль — не идти дорогой въ ворота, а пробраться черезъ садъ. Можетъ быть, вдовушка гуляетъ въ темной аллеѣ: всетаки лучше тамъ выдержать первые упреки. Притомъ же во дворѣ могутъ попасться на глаза сутуловатый Терешка или черномазый Никитка, а это свидѣтели, которыхъ не желалъ бы на первыхъ порахъ видѣть Сафьянчиковъ. И онъ пустился въ обходъ, перешелъ по кочкамъ болото и черезъ четверть часа былъ уже возлѣ сада, обрытаго небольшимъ рвомъ, на которомъ торчалъ жиденькіи палисадникъ. Крупный потъ катился по лицу прапорщика. Остановясь противъ аллеи, молодой человѣкъ началъ осторожно высматривать. Въ саду пусто. По дорожкамъ лежали кучами разноцвѣтные увядшіе листья. Стеклянная дверь на крыльцо была заперта... Но влѣво къ огороду послышались голоса. Прапорщикъ пригнулся. Ему почудился голосъ вдовушки, отдававшей какія-то приказанія. Скоро разговоръ прекратился, и изъ глубины огорода раздалась заунывная украинская пѣсня. По дорожкѣ пробѣжалъ теленокъ, уходившій отъ мальчика, выдѣлывавшаго уморительные прыжки, и опять пусто. Сафьянчиковъ перепрыгнулъ ровъ, пролѣзъ сквозь палисадникъ и очутился въ липовой аллеѣ. Здѣсь уже онъ не думалъ, а скорыми шагами пошелъ прямо къ дому и геройски взбѣжалъ на крыльцо. Поставя къ стѣнкѣ ружье, онъ отворилъ стеклянную дверь въ гостиную, гдѣ не было никого, и въ залѣ услыхалъ быстрые шаги и шорохъ женскаго платья. Когда прапорщикъ показался на порогѣ, Марѳа Михайловна ходила по залѣ, опустивъ голову, грустная и задумчивая. Сафьянчиковъ стоялъ какъ вкопаный, сразу потерявъ всю храбрость. Вдовушка его не замѣтила, потому что задумчивость ея дѣйствительно имѣла важную причину. Она любила Сафьянчикова, она уже далеко

зашла съ нимъ, готовилась выйти за него замужъ, и въ то время, когда видѣла осуществленіе надеждъ, избранный ея поступилъ такъ низко, а главное — на весь уѣздъ надѣлалъ скандала... И кромѣ всего, тетушка Матрена Павловна, какъ нарочно, подвернулась на разсказъ Терешки и Никитки. Положеніе, безъ сомнѣнія, затруднительное. Она съ минуты на минуту ждала Сафьянчикова, и въ душѣ ея возникала борьба любви съ самолюбіемъ, страхомъ и разочарованіемъ. Вдовушка упрекала себя и за слабость, и за довѣрчивость, но въ то же время предъ ней такъ и мелькали и красивое лицо прапорщика, и его огненные поцѣлуи, и сладкій голосъ, и молодецкая осанка, и черные усики... Марѳа Михайловна не знала, какъ принять Сафьянчикова: ей хотѣлось быть строгой, холодной, истребовать отъ него отчета въ поведеніи и разорвать знакомство — такъ, по крайней мѣрѣ, совѣтовалъ ей разумъ. Но сердце твердило, что молодость опрометчива, что человѣку свойственно заблуждаться и что самъ Богъ прощаетъ грѣшниковъ, если только они приносятъ искреннее покаяніе. Вдовушка замѣтно склонялась на сторону сердца, и одно только пугало ее — скандалъ въ городѣ, а болѣе въ уѣздѣ, благодаря содѣйствію Матрены Павловны, которой, кромѣ коровы, хоть и обѣщана была пара свиней, однако племянница очень хорошо знала свою тетушку. Такимъ-то нерѣшительнымъ мыслямъ предана была Марѳа Михайловна, когда прапорщикъ ни живъ, ни мертвъ стоялъ на порогѣ гостиной. Несмотря на такое грустное положеніе, Черепенкова однако подумала, что какъ бы тамъ ни кончилось съ женихомъ, а все таки надо покормить его по деревенскому обычаю, и вотъ она остановилась и кликнула звучнымъ своимъ голосомъ:

— Дѣвчонка!

Сафьянчиковъ въ это время сдѣлалъ движеніе. Вдовушка подняла глаза и отступила шагъ назадъ.

— Михайло Степановичъ!

— Марѳинька! отвѣчалъ Сафьянчиковъ, стараясь придать своему голосу самое нѣжное выраженіе.

Лицо вдовушки покрылось яркою краскою: никогда еще прапорщикъ не былъ такъ хорошъ; но она выдержала себя.

— Странно мнѣ, Михайло Степановичъ!

— Марѳинька! перебилъ Сафьянчикевъ со слезами на глазахъ и тихо опустился на колѣни.

Марѳу Михайловну, что называется, подмыло.

— Но согласитесь, лепетала она: — согласитесь...

— Душенька! жизненокъ! Не встану до тѣхъ поръ, пока не простите.

Вдовушка упала на стулъ и начала плакать. Сафьянчиковъ поползъ къ ней на колѣняхъ.

— Марѳинька! Бейте, прогоните меня, дѣлайте со мною послѣ что угодно, но теперь простите... Я виноватъ, я подлецъ, негодяй.

Вдовушка отняла руки отъ глазъ. При видѣ такой нѣжной покорности, легкая улыбка скользнула по губамъ ея. Но секунда, и она очутилась уже въ объятіяхъ прапорщика. Понятно, что и бричка, и лошади, и скандалъ, и тетушка были забыты, — по крайней мѣрѣ, въ первыя мгновенья. Даже самъ Сафьянчиковъ ощутилъ какое-то наитіе благородства и нечаянно пробормоталъ, кажется, что никогда не будетъ брать картъ въ руки.

Марѳа Михайловна, дѣйствительно, любила прапорщика, и любила сильно, потому что до двадцати трехъ лѣтъ не испытывала чувства любви, если не считать мгновенныя вспышки, возникавшія и исчезавшія безъ послѣдствій. Сафьянчиковъ такъ искренно просилъ прощенія, такъ пламенно цѣловалъ ея руки, что она не только простила неблаговидный проступокъ, но даже спрашивала совѣта, какъ бы поправить это дѣло и насколько можно предупредить скандалъ, если нельзя уничтожить...

Послѣ обѣда, который, къ удивленію дворни, прошелъ очень смирно, Сафьянчиковъ вошелъ въ прежнюю роль и, обращаясь къ Никиткѣ, говорилъ уже обычнымъ тономъ;

— Эй, скотина, трубку! да, смотри, поворачивайся.

Послѣ кофе, вдовушка сѣла на диванъ, а прапорщикъ, положивъ ей голову на колѣни, улегся съ трубкой. Марѳа Михайловна кормила его вареньемъ, давая по одной ягодкѣ, и въ это-то время Сафьянчиковъ разсказалъ ей, разумѣется, привирая по своему, какъ лукавый попуталъ его ввязаться въ игру съ проѣзжимъ княземъ. Главной причиной выставилъ онъ желаніе какъ можно больше выиграть денегъ и купить ей, своей Марѳинькѣ, отличную карету въ подарокъ.

— Не удалось, чортъ возьми, заключилъ онъ — продулъ всѣ деньги — а отъ дяди получилъ тысячу — продулъ вещи... Но, знаешь, задѣло за живое, думалъ отыграться. Вотъ и все.

— Видишь, Миша, какъ нехорошо играть въ карты! Богъ съ ними! И я, скажу откровенно, не пойду за тебя замужъ, пока не поклянешься не играть больше.

— Клянусь, душка, всѣми святыми.

— Ну, спасибо, Миша: теперь я спокойна... Пусть говорятъ, что хотятъ. У меня родныхъ только тетушка, да этой стоитъ обѣщать сто рублей, она будетъ разсказывать, что ты всѣхъ обыгралъ. Впрочемъ, я никого не боюсь, лишь бы ты, Миша, любилъ меня и не покинулъ.

— Кто? я тебя покину? Да за кого же ты меня принимаешь? Мы, просто, послѣ свадьбы, уѣдемъ къ дядѣ хоть на годъ.

— Хоть на край свѣта, говорила Марѳа Михайловна, разглаживая блестящія кудри прапорщика.

Къ вечеру влюбленные придумали распустить слухъ, что Марѳа Михайловна, желая купить новый экипажъ, продала Сафьянчикову бричку и лошадей, — только позабыли сказать объ этомъ людямъ; а тетушкѣ посланъ былъ нарочный, чтобъ непремѣнно пріѣхала тотчасъ же по важному дѣлу. Не менѣе хитро поступили и съ прислугой. Призвавъ кучера и Никитку, Сафьянчиковъ сперва далъ имъ по полтиннику, потомъ проговорилъ рѣчь, въ которой выразилъ, что если они или кто нибудь будетъ говорить лишнее, то ротный дворъ недалеко, а въ ротѣ-де есть молодцы, которые кого угодно поучатъ молчанію. Терешко и Никитка, вертя въ рукахъ полтинники и не ожидая такой благодати, поклонились въ поясъ прапорщику и сказали, словно сговорясь, что ни имъ и никому нѣтъ надобности мѣшаться въ панскія дѣла и что никто не станетъ жертвовать спиной за какія нибудь глупыя росказни. Черезъ два часа явилась тетушка, познакомилась съ прапорщикомъ, получила наединѣ отъ племянницы пятидесятирублевую бумажку и забожилась отъ всего сердца, что не только уничтожитъ скандалъ, но пуститъ по уѣзду такую молву о нравственности будущаго племянника, которой даже онъ самъ не повѣритъ.

Возвратясь поздно въ роту, прапорщикъ на другой же день послѣ ученья пошелъ къ капитану, который только что собирался нагрузиться, съ какой цѣлью передъ нимъ на столѣ стояли два графина съ бѣлой и съ запеканкой. Бобковъ еще на ученьи распекъ Сафьянчикова за поведеніе и кавалерійскую форму и пригрозилъ отправить на гауптвахту, а теперь пригласилъ сѣсть и налилъ рюмку.

— Прежде всего пей, а дѣло послѣ.

Сафьянчиковъ выпилъ, крякнулъ, закусилъ кусочкомъ хлѣба и сказалъ, что хочетъ подавать въ отставку.

— А что, невкусно въ пѣхотѣ? Распекаютъ вѣдь вашего брата вездѣ.

— Не то, а я женюсь.

— Какъ, на комъ?

— Здѣсь по сосѣдству живетъ одна вдовушка.

— Ну, прытки же вы, кавалеристы! И хорошенькая?

— Красавица, и притомъ отлично устроенное имѣніе.

— Молодецъ! Кто же сосваталъ?

— Я самъ: у насъ вѣдь по гусарски недолго.

— Ну, что-жъ, съ Богомъ! Не хочешь служить, силой держать не будемъ. А когда же свадьба?

— Хотѣлось бы въ половинѣ октября.

— Смотри же, зови товарищей.

— Непремѣнно, и васъ въ посаженые отцы.

— Какъ? Да я отродясь не бывалъ въ этой должности!

— Мы такъ уже рѣшили.

— Ладно. Выпьемъ же снова на радостяхъ. Молодецъ! только надо, братъ, чтобъ жена тебя въ рукахъ держала.

— Сегодня позвольте въ городъ: надо приготовить рапортъ и прошеніе.

— Что-жъ, съ Богомъ.

Отъ капитана Сафьянчиковъ отправился къ Струнихину, гдѣ засталъ и Куропѣгина, который брянчалъ на гитарѣ. Пославъ за водкой, прапорщикъ сообщилъ товарищамъ о своей женидьбѣ и объ отставкѣ. Струнихинъ сперва не повѣрилъ, но Куропѣгинъ, бросивъ гитару, принялся душить Сафьянчикова въ объятіяхъ и желалъ ему долголѣтія и дюжину дѣтей для утѣшенія въ старости.

Послѣ обѣда, прапорщикъ поѣхалъ въ городъ написать прошеніе объ отставкѣ и рапортъ о женитьбѣ. Мароа Михайловна снабдила его деньгами на необходимые расходы и, между прочимъ, поручила выкупить постель на постояломъ. Первое посѣщеніе Сафьянчикова было къ Мамаджанову, которому и разсказалъ онъ свои обстоятельства и просилъ совѣта. Мамаджановъ непритворно обрадовался, но поморщился немного, узнавъ, что невѣста взяла съ прапорщика клятву— не играть въ карты.

— Да это вздоръ! сказалъ Сафьянчиковъ — до свадьбы-то я потерплю, а тамъ прошу не прогнѣваться.

— Разумѣется, прибери бабу въ руки, что на нее смотрѣть! Если, можетъ быть, нужны деньги, я могу дать пятьдесятъ.

— Спасибо. Какъ не нужны! Не канючить же мнѣ у невѣсты.

— Недѣли черезъ двѣ, пожалуй, еще дамъ. Ты вѣдь самъ знаешь, что я занялъ гусару.

— Знаю, знаю. А каковъ баронъ?

— Это братъ, шулеръ первой степени, какъ я узналъ впослѣдствіи. Онъ играетъ на такіе фортели, какихъ я понять не могу, сколько ни ломалъ голову.

— Ну, да чортъ съ нимъ! У меня будетъ душъ семьдесятъ, тысячи двѣ десятинъ и, кромѣ того, въ ломбардѣ коечто. Знай нашихъ.

— А жаль, что ты поклялся не играть. Сегодня можно бы соорудить банчишку. Лекарь вчера зацѣпилъ, можно бы облупить, да еще явился одинъ олухъ...

— Боюсь, братъ, не провѣдала бы, а узнаетъ, разсердится серьезно и, пожалуй, оставитъ съ носомъ.

— Я и самъ такъ думаю. За то послѣ, знаешь, мы просто будемъ милліонерами: поѣдемъ по ярмаркамъ, а съ капиталомъ — долго ли составить состояніе.

— Кутнемъ, Мамалыга! Заложимъ въ банкъ, этакъ тысячу червонцевъ и облупимъ встрѣчнаго и поперечнаго. Я думаю на свободѣ заняться механикой.

— Не мѣшаетъ, а вотъ я приберу новыя манеры.

Вечеромъ, однакожъ, Сафьянчиковъ не выдержалъ, былъ у квартермистра и вдвоемъ съ Мамаджановымъ выигралъ рублей около ста у мелочныхъ игроковъ. На другой день, прошеніе объ отставкѣ и рапортъ о женитьбѣ были написаны, и прапорщикъ уѣхалъ въ роту — подать по командѣ. На квартирѣ у себя Сафьянчиковъ нашелъ множество провизіи, соленья, копченья, варенья, что было прислано вдовушкой, по условію съ прапорщикомъ, для подарка ротному командиру. Но Сафьянчиковъ зналъ, что вечеромъ идти къ Бобкову — только попусту терять время, потому что капитанъ послѣ ученья принимался за настойки и шелъ crescendo. Онъ разсудилъ пригласить къ себѣ товарищей поболтать, а утромъ, доставивъ подарки, отпроситься на хуторъ, а если можно то поладить съ Бобковымъ, и на счетъ переселенія къ Черепенковой. Разумѣется, товарищи пришли и цѣлый вечеръ утѣшались Куропѣгинымъ, на котораго нашелъ особенный припадокъ чувствительности, такъ что подпоручикъ пѣлъ, плакалъ и объявилъ сильную заглазную любовь къ дѣвицѣ Телюковской, скорбя о томъ, что не удалось еще съ ней познакомиться. Струнихину нравились на-

ливка, присланная вдовушкой, и копченый гусь, и онъ изъявилъ желаніе побывать на хуторѣ, но хлопоталъ, можно ли полежать гдѣ нибудь. Сафьянчиковъ отвѣчалъ, что кабинетъ къ его услугамъ.

— А когда женюсь, прибавилъ онъ — тогда ложись хоть въ спальнѣ.

— Да какъ же ты околдовалъ ее? спрашивалъ Струнихинъ.

— У насъ по гусарски. Что-жъ развѣ не молодецъ? говорилъ Сафьянчиковъ, охорашиваясь. — Не такихъ, братъ, по полудесятку перебирали!

— Небось, тебѣ имѣніе отпишетъ?

— А какъ же иначе? Жертвовать холостой волей — надо знать за что...

— А вѣдь она хорошенькая? замѣтилъ Куропѣгинъ, брянча на гитарѣ.

— Недурна... И притомъ какая есть одна горничная! Чортъ бы ее побралъ! не люблю когда и подвертывается. Знаешь, надобно выдержать себя до свадьбы.

— Вотъ это по гусарски, сказалъ Струнихинъ, плюнувъ черезъ руку — никому спуску не давать. Полно тебѣ визжать жалостную, Куропѣгинъ, отваляй забористую.

— Нѣтъ, братцы, мнѣ чего-то грустно.

— Плакса ты, и больше ничего. Возьми у него гитару, Сафьянчиковъ, и дерни плясовую.

— Нешто хочешь танцовать?

— Нѣтъ, а все какъ-то и лежать веселѣе.

Прапорщикъ умѣлъ только брянчать, не въ состояніи былъ сыграть и на щипокъ ни одной пѣсни, но взялъ гитару изъ рукъ подпоручика и трынкалъ безъ складу и ладу, подсвистывая и притопывая ногою. Музыка эта, однакожъ, пришлась по вкусу Струнихину, который, лежа, моталъ головою и припѣвалъ какую-то ерунду, покуривая и поплевывая. Такъ провели время товарищи до полуночи и разошлись, довольные, по квартирамъ.

Марѳа Михайловна встала довольно рано и занялась коечѣмъ по дому. Ей уже нечего было безпокоиться и задумываться, потому что Сафьянчиковъ далъ слово пріѣхать къ обѣду и остаться у нея на нѣсколько дней, съ разрѣшенія ротнаго командира. Обѣдъ заказала она самый изысканный, какой только могла приготовить кухарка; слѣдовательно, ей оставалось наполнить время, а для этого хозяйство представляетъ много источниковъ. Обойдя мужскія работы, вдовушка

подсѣла къ женщинамъ, приготовлявшимъ капусту, гдѣ была въ своей сферѣ, наблюдая, чтобъ подбирали головку къ головкѣ, и помогала собственными руками. На длинномъ столѣ нѣсколько женщинъ крошили капусту ножами, а другія рубили ее въ корытахъ инструментами особаго рода. Вдругъ послышался колокольчикъ, Мароа Михайловна стала прислушиваться. Сафьянчиковъ имѣлъ привычку всегда ѣздить съ колокольчикомъ; слѣдовательно, это онъ спѣшилъ къ милой, — и вдовушка побѣжала въ комнаты надѣть лучшее платье, потому что, не ожидая жениха такъ рано, была одѣта слишкомъ по домашнему. Она торопилась изъ боязни заставить ожидать себя, и черезъ нѣсколько минутъ стояла уже въ залѣ у окошка, закинувъ свои длинные локоны за уши и кокетливо повязавъ на шеѣ розовый платочекъ. Но въ ворота влетѣла не обывательская подвода, а красивая гнѣдая тройка, и передъ крыльцомъ остановился извѣстный бонвояжъ Голопятова. Майоръ поспѣшно вывалился изъ экипажа и быстро, насколько позволяла тучность, прошелъ въ переднюю, въ которой, по обычаю, никого не было. Голопятовъ снялъ самъ шинель, бросилъ ее на ларь, отряхнулся, взъерошилъ волосы и отправился въ залу.

— Не ожидали? бьюсь объ закладъ, не ожидали? сказалъ онъ, подходя къ рукѣ хозяйки и потомъ расшаркиваясь.

— Да, не ожидала. Но мнѣ очень пріятно. Не угодно ли садиться.

— Не могъ не пріѣхать, не вытерпѣлъ, услышавъ о вашемъ несчастьи.

Вдовушка слегка покраснѣла.

— О какомъ, позвольте спросить? сказала она.

— Мнѣ все извѣстно. Видите, какъ вамъ отплатили за вашу доброту.

— Я не понимаю васъ.

— Какъ же-съ? А рессорная бричка и лошади, которые проигралъ прапорщикъ?

— Никто моей брички и лошадей не проигрывалъ.

— Полноте!

— Я васъ увѣряю. Я дѣйствительно продала прапорщику Сафьянчикову экипажъ съ лошадьми, и, говорятъ, онъ, какъ молодой человѣкъ, погорячился и проигралъ, но мнѣ заплатилъ деньги.

— А помнится, вы давеча не то говорили-съ...

— Михайло Степановичъ просилъ не разсказывать.

— Странно! Мнѣ передавалъ одинъ офицеръ моего баталіона, который былъ тамъ, и одинъ помѣщикъ, самъ проигравшій коляску.

— Говорить можно.

— Такъ-съ. Стало быть, прапорщикъ купилъ экипажъ и лошадей. Гм! должно быть при деньгахъ. Только выходитъ на мое — страшный картежникъ.

— Молодой человѣкъ, можетъ быть, подгулялъ — удержать некому.

— Эти молокососы всегда такъ. У нихъ послѣдняя копѣйка ребромъ.

— Не прикажете ли водочки съ дороги?

— Дѣло хорошее.

Закуска была подана, и Голопятовъ принялся наполнять свое объемистое чрево. Вдовушка, однакожъ, безпрерывно подбѣгала къ окну и находилась въ волненіи. Майоръ этого не замѣтилъ: онъ видѣлъ только хорошенькую хозяйку и намѣревался, плотно закусивъ, повести правильную атаку на ея сердце.

— Вы вѣрите снамъ? спросилъ онъ, закуривъ трубку и подбочениваясь.

— Иногда нельзя не вѣрить.

— Ну-съ, я видѣлъ сегодня васъ во снѣ и, знаете, какъ?

— Не знаю, но любопытно.

— Вы будто были вся въ бѣломъ и знаете ли, этакъ, плавали въ воздухѣ.

— Говорятъ, это къ росту, да я уже перестала рости.

— Нѣтъ, позвольте. Плывете вы въ воздухѣ, а на головѣ бѣлое покрывало, какъ у невѣсты...

Вдовушка покраснѣла.

— Я будто стою верхомъ передъ баталіономъ... засмотрѣлся на васъ, да и говорю своему адъютанту: Эй, Перевязкинъ! никакъ это Марѳа Михайловна? А онъ взглянулъ, да и говоритъ: должно быть, Семенъ Егорычъ, онѣ, хотя я ихъ, отродясь, не видѣлъ. Я будто позабылъ баталіонъ, ей Богу, и думаю, какъ бы мнѣ подняться къ вамъ на воздухъ... и въ это время проснулся. Не правда ли, странный сонъ?

— Сны бываютъ очень странные.

— Я думаю, это значитъ, что вы скоро выйдете замужъ.

Марѳа Михайловна засмѣялась.

— Конечно, сударыня, вамъ одиночество, можно сказать, наскучило.

— Да, сидѣть одной, особенно въ длинные вечера, не весело.

Майоръ потиралъ руки и откашливался. Видно было, что онъ собирался на какую нибудь рѣшительную фразу.

— Гости ѣдутъ! сказала, вбѣгая, босоногая дѣвочка — Михайло Степановичъ ѣдутъ.

Вдовушка вскочила со стула.

— Извините, я сейчасъ.

И она бросилась въ спальню, надѣясь обѣжать на другое крыльцо и предупредить Сафьянчикова; но прапорщикъ звеня шпорами, проходилъ уже въ переднюю. Майорская шинель подѣйствовала на него непріятно; однало онъ смѣло отправился въ гостиную и раскланялся съ Голопятовымъ. Оглядѣвъ прапорщика съ головы до ногъ, майоръ слегка кивнулъ ему головою, и красное лицо его приняло выраженіе сильнаго неудовольствія. Онъ началъ пыхтѣть и ухитрился положить свои коротенькія ноги одну на другую. Сафьянчиковъ хотѣлъ уже выйти въ залу во избѣжаніе какой нибудь сцены, но къ нему на выручку явилась Марѳа Михайловна, хорошенькая и веселая.

— Здравствуйте, Михайло Степановичъ, сказала она—не угодно ли закусить?

Сафьянчиковъ подошелъ къ ручкѣ и, выпивъ залпомъ рюмку водки, принялся закусывать.

Майоръ раздумывалъ, какъ ему вести себя: не замѣчать ли присутствія прапорщика, или придраться и распечь бывшаго кавалериста. Послѣднее было ему болѣе по душѣ; но боязнь показать себя передъ вдовушкой слишкомъ строгимъ одержала верхъ, и Голопятовъ рѣшился подавлять прапорщика своимъ величіемъ. Онъ не подозрѣвалъ серьезнаго соперничества.

— Ну, что, подъѣлъ? спросилъ майоръ Сафьянчикова нѣсколько смягченнымъ голосомъ.

Прапорщикъ вспыхнулъ, но, сообразивъ, что онъ еще не въ отставкѣ, не объявленъ женихомъ и что, наконецъ, подобное обращеніе весьма обыкновенно въ толстомъ майорѣ, всталъ съ кресла и вышелъ. Марѳа Михайловна смѣшалась немного; она не знала, въ какой степени исполнялась между офицерами дисциплина, но инстинктивно поняла, что для жениха ея она оскорбительна.

— Вы, кажется, не любите моего сосѣда? сказала она.

— Правду сказать, дрянной мальчишка. Счастье его, что онъ не у меня въ батальонѣ: я повыгналъ бы изъ него кавалерійскую фанаберію.

— Михайло Степановичъ выходитъ въ отставку.

— Какъ, въ прапорщичьемъ чинѣ? спросилъ майоръ, не довѣряя ушамъ своимъ.

— Онъ говорилъ...

— Да развѣ у него нѣтъ отца, чтобъ, положивъ подъ голову мундиръ, этакъ по отцовски... розгами...

— У него нѣтъ родителей, а есть богатый дядя.

Въ это время вошелъ прапорщикъ.

— Ты, говорятъ, въ отставку? спросилъ майоръ, строго смотря на Сафьянчикова.

— Подалъ.

— Что-жъ наслужился?

— Домашнія дѣла.

— Та, та, та. Невкусно въ пѣхотѣ что-ль?

— Конечно, не то, что въ кавалеріи.

— Вотъ какъ! А что же ты будешь дѣлать?

— Женюсь и заживу хозяиномъ.

— Женишься? Да кто же за тебя пойдетъ? Вѣдь ты и жену поставишь на карту.

— Ну, нѣтъ, отозвалась вдовушка—Михайло Степановичъ поклялся мнѣ не брать картъ въ руки.

— Вамъ? Да развѣ онъ вамъ сродникъ? Я не зналъ.

— Будущій, проговорилъ Сафьянчиковъ съ улыбкой.

— Я выхожу за нихъ замужъ, робко сказала Мароа Михайловна—прошу моего жениха любить и жаловать.

Голопятовъ растерялся. Онъ запыхтѣлъ, словно ведерный самоваръ, невольно проглотивъ много дыму, и сильно закашлялся, отчего лицо его еще больше побагровѣло.

— Имѣю честь проздравить, сказалъ онъ сиплымъ голосомъ—а я, признательно сказать, готовилъ вамъ въ супруги одного заслуженнаго штабъ-офицера.

— Много благодарна; но мы уже рѣшились.

— Захотѣлось быть прапорщицей, замѣтилъ Голопятовъ нѣсколько мягче, понимая, что роль свою можно еще поправить, если придать всему шутливый тонъ. Поздравляю, г. прапорщикъ.

Сафьянчиковъ поклонился.

А, между тѣмъ, на душѣ у майора было очень невесело. Онъ пріѣхалъ именно съ цѣлью если не сдѣлать предложенія вдовушкѣ, то, по крайней мѣрѣ, приготовить ее къ этому, цѣлую дорогу сочинялъ сонъ, который и постарался разсказать какъ можно краснорѣчивѣе, — и вдругъ мальчишка, кутило, выхватилъ у него невѣсту изъ подъ носу. Онъ радъ былъ

бы уже и уѣхать, строя планъ подкузьмить прапорщика до отставки, но разсудилъ, что и то, и другое вышло бы неловко, и, скрѣпя сердце, рѣшился остаться обѣдать, браня себя внутренно за то, что на первыхъ же порахъ не оборвалъ прапорщика и не настроилъ его баталіоннаго командира. Черезъ четверть часа майоръ успокоился и поддерживалъ общій разговоръ, къ большому удовольствію хозяйки. За обѣдомъ Мароа Михайловна употчивала своихъ гостей разными вкусными наливками до того, что майоръ выразилъ сердечное сожалѣніе зачѣмъ онъ не моложе, но этимъ намекомъ и ограничился. Мароа Михайловна его поняла и просила бывать чаще и — главное — полюбить ея Михайла Степановича.

— Развѣ для васъ! сказалъ майоръ, которому показалось, что если не удалось жениться на вдовушкѣ, то, можетъ быть, впослѣдствіи сердце ея не останется равнодушнымъ къ его страсти.

Когда Голопятовъ прощался, то два или три раза крѣпко поцѣловалъ руку Мароы Михайловны, но на Сафьянчикова погрозился и замѣтилъ, чтобъ прапорщикъ велъ себя какъ угодно, но не попадался ему по службѣ. Такъ онъ и уѣхалъ, ругая всю дорогу деньщика и обѣщая его выпороть, а самъ подумывалъ, куда бы устремить свои поѣздки къ хорошенькимъ, благоразумно разсчитывая, что о вдовушкѣ слѣдовало пока отложить попеченіе.

Свадьба Мароы Михайловны была сыграна довольно шумно. Собралось много офицеровъ, съѣхались помѣщики съ семействами, гремѣла полковая музыка. Куропѣгину удалось, наконецъ, познакомиться съ дѣвицей Телюковской, за которой онъ и началъ ухаживать робко, словно семнадцатилѣтній мальчикъ, но съ твердымъ намѣреніемъ завоевать ея сердце и посвататься. Мамаджановъ съ лѣкаремъ завели картежъ, а Сафьянчиковъ, вѣрный своему слову, даже не подходилъ къ игрокамъ, и распоряжался больше по части выпивки, да предводительствовалъ танцами, въ которыхъ очаровалъ рѣшительно всѣхъ барышень, особенно въ мазуркѣ. Бобковъ и Струнихинъ такъ нарѣзались, что первый не былъ въ состояніи проговорить слова: едва сидѣлъ въ углу, а послѣдній, забравшись на брачное ложе, произвелъ было скандалъ, но музыканты съ трудомъ перенесли его и уложили въ отведенной крестьянской хатѣ. Гости пировали до утра, и офицеры разъѣхались, получивъ приглашеніе на два вечера въ честь новобрачныхъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Сафьянчиковъ получилъ отставку, облекся въ статское платье, значительно пополнѣлъ и сдѣлался кумиромъ влюбленной Мароы Михайловны. Сначала онъ ретиво занялся хозяйствомъ, но какъ не понималъ въ немъ ровно ничего, то и ограничился лишь введеніемъ военной дисциплины, а для развлеченія досталъ нѣсколько паръ собакъ и каждый день ѣздилъ на охоту. Посѣщалъ онъ и уѣздный городъ, останавливался у друга своего Мамаджанова, но, къ удовольствію жены и къ удивленію офицеровъ, не игралъ въ карты, а каждый разъ напивался пьянъ, да шнырялъ съ факторомъ по разнымъ закоулкамъ для препровожденія времени. Заѣзжалъ онъ иногда въ роту, навѣщалъ Струнихина, который, по обычаю, лежалъ на постели, Куропѣгина же заставалъ очень рѣдко, потому что подпоручикъ все свободное время проводилъ у Телюковскихъ. Между супругами господствовало согласіе; по крайней мѣрѣ, Мароа Михайловна не могла пожаловаться на мужа, и хоть иногда скучала въ отсутствіе Сафьянчикова, который рыскалъ по отъѣзжему полю, однако всегда ожидала его съ пріятнымъ нетерпѣніемъ и внимательно выслушивала его охотничьи подвиги. Правда, произошла однажды сцена за красавицу горничную, но Мароа Михайловна взяла съ мужа другую клятву, а горничную продала въ замужество верстъ за сорокъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Неожиданно вышла отставка и Мамаджанову, который собирался ѣхать въ Москву жениться и предъ отъѣздомъ навѣстилъ пріятеля. Вслѣдъ за этимъ Сафьянчиковъ побывалъ въ городѣ и, возвратясь оттуда, показалъ женѣ письмо отъ дяди, который звалъ его къ себѣ съ женой въ деревню и прислалъ денегъ на дорогу. Довѣрчивая и влюбленная Мароа Михайловна тотчасъ же изъявила согласіе и привела Сафьянчикова въ восторгъ, потому что, по словамъ его, деревня его дяди была вблизи Москвы и путь ихъ лежалъ по дорогѣ съ Мамаджановымъ. Рѣшено было выѣхать вмѣстѣ сперва въ Москву, посмотрѣть на этотъ городъ и потомъ уже посѣтить дядю. Сафьянчиковъ дѣятельно занялся оковкой и исправленіемъ рогожанаго зимняго возка, и, когда все было готово, Мароа Михайловна поручила имѣніе прикащику, забрала свои драгоцѣнности, банковые билеты и весело отправилась въ сопровожденіи супруга и его пріятеля. Мамаджановъ зналъ Москву, какъ пять пальцевъ, и обѣщалъ тысячи удовольствій молодой женщинѣ, не видавшей ничего, кромѣ своего уѣзднаго города.

Прошло недѣли двѣ послѣ пріѣзда въ Москву молодыхъ

супруговъ. Мароа Михайловна, поселившаяся съ мужемъ въ гостинницѣ, приходила отъ всего въ восторгъ, полюбила театръ, катанья, магазины и сказала мужу, что считала бы себя счастливой, еслибъ могла весь вѣкъ остаться въ Бѣлокаменной. Мамаджановъ, сдѣлавшійся неотступнымъ собесѣдникомъ Сафьянчиковыхъ, замѣтилъ, что ничего нѣтъ легче исполнить это желаніе, и предложилъ Мароѣ Михайловнѣ выгодно купить домъ у одного его пріятеля, который переѣзжалъ на службу въ Сибирь и готовъ былъ обождать часть денегъ, еслибы у покупщика не хватило всей суммы. Сафьянчиковъ присталъ къ женѣ и увѣрилъ, что покупка домовъ чрезвычайно выгодна и что еслибъ надоѣло жить въ Москвѣ, всегда можно найди покупщика и продать съ барышемъ. Мамаджановъ тотчасъ же привезъ владѣльца дома, который оказался чрезвычайно любезнымъ и пригласилъ Сафьянчиковыхъ на вечеръ. Мароа Михайловна была очарована великолѣпной квартирой, которую могла занимать въ качествѣ домовой хозяйки. За домъ просили шестьдесятъ тысячь, а у нея было только пятьдесятъ; но продавецъ любезно предложилъ подождать хотя два года, подъ вексель покупщицы. Однимъ словомъ, сдѣлка была заключена на другой же день: Мароа Михайловна подписала вексель, выдала деньги и взамѣнъ получила купчую крѣпость на гербовой бумагѣ съ печатями. Ей хотѣлось тотчасъ же переѣхать въ собственный домъ; но ее увѣрили, что этого нельзя сдѣлать раньше недѣли: во-первыхъ, продавцу необходимо устроить свои дѣла, а во-вторыхъ перемѣнить контракты съ жильцами, за что охотно брался Сафьянчиковъ.

Вынимая изъ шкатулки банковые билеты, Мароа Михайловна одну лишь секунду подумала — не дѣлаетъ ли она глупости, пріобрѣтая домъ въ Москвѣ, но тотчасъ же разсудила, что мужъ не посовѣтовалъ бы ей дурно, что десять тысячь годоваго дохода — не бездѣлица, и равнодушно отдала деньги, положивъ на мѣсто ихъ въ шкатулку купчую крѣпость. Было это утромъ. Продавецъ пригласилъ Мамаджанова и Сафьянчикова позавтракать и сказалъ Мароѣ Михайловнѣ, чтобъ она не слишкомъ безпокоилась, еслибъ мужъ не явился къ обѣду, принявъ во вниманіе изобильный завтракъ съ достаточнымъ количествомъ шампанскаго. Но Сафьянчиковъ не только не возвратился обѣдать, а не было его и всю ночь. Мароа Михайловна, однакожъ, спала довольно спокойно, увѣренная въ любви мужа и убаюканная мечтами сдѣлаться московской жительницей и владѣлицей большаго трехъ-этажнаго дома. Про-

снувшись довольно поздно, она велѣла подать самоваръ и занялась приготовленіемъ чаю, въ надеждѣ скораго прихода Сафьянчикова. Никитка съ заспанными глазами стоялъ у притолки и дремалъ, потому что, исполняя приказаніе барина не ложиться до его прихода, проводилъ всю ночь въ ближайшемъ заведеніи, навѣдываясь по временамъ въ свой нумеръ. Горничная, въ небольшой передней, возилась съ утюгами. Не успѣла Марѳа Михайловна выпить первую чашку чаю, какъ въ коридорѣ послышался легкій шумъ, потомъ кто-то вошелъ въ переднюю, и на порогѣ показалась высокая фигура. Марѳа Михайловна подняла глаза — и съ разинутымъ ртомъ осталась словно окаменѣлая. Предъ ней стоялъ въ разорванномъ сюртукѣ, съ распухшимъ и подбитымъ глазомъ — Сафьянчиковъ.

— Это я, Марѳуша, проговорилъ онъ, шатаясь... Видишь, я и пришелъ...

И Сафьянчиковъ нетвердыми шагами вступилъ въ комнату.

— А ты что здѣсь? обратился онъ къ Никиткѣ, ударивъ его по шеѣ. Вонъ!

— Миша! голубчикъ! что съ тобой? сказала, наконецъ, блѣдная Марѳа Михайловна.

— Ничего... я такъ... подгулялъ.

И Сафьянчиковъ, тяжело дыша, опустился на диванъ.

— Чаю или квасу?

Но, пока исполнили его желаніе, онъ уже заснулъ какъ убитый.

Огорченная и встревоженная, Марѳа Михайловна не переставала плакать и не могла прикоснуться къ пищѣ, ожидая пробужденія Сафьянчикова, который проснулся только къ вечеру. Прежде всѣхъ объясненій, онъ потребовалъ графинчикъ водки и бутылку квасу, и, только утоливъ палящую жажду, сказалъ женѣ, что неумѣренно подкутилъ въ обществѣ пріятелей, оступился съ лѣстницы и ушибся. Какое-то предчувствіе разомъ охватило Марѳу Михайловну, и она недовѣрчиво посмотрѣла на изуродованнаго мужа. Сафьянчиковъ повелительно потребовалъ у нея денегъ.

— На что же тебѣ деньги? спросила она.

— Я знаю на что, подавай — и только, а разсуждать нечего.

— Никогда не отказывала, а теперь у насъ остался одинъ билетъ...

— Все это вздоръ! Не кобенься. Я отдамъ, вотъ только

доѣдемъ къ дядюшкѣ. Надобно же мнѣ угостить продавца дома и пріятелей.

— Ты такой, душка, сердитый, что я, право, не понимаю.

— А ты думала, что я и впрямь мокрая курица. Знаешь ли ты, что у насъ въ кавалеріи шутить не любятъ. Ты моя жена, я твой мужъ и господинъ... Мнѣ нужна тысяча рублей, и баста!

— Я не могу... Послѣдній билетъ... на всякій случай.

— Ну, это атанде...

Мареа Михайловна заплакала.

— Не хныкать: я этого не люблю. Слышите, сударыня? Не доводи меня до строгости!

— Что же это значитъ?

— А то, что денегъ надобно, понимаешь! я не хочу быть свиньею — вотъ и все.

— Ты никогда не говорилъ такъ со мной, сказала, утирая слезы, Мареа Михайловна. Миша! съ тобою что нибудь случилось.

— Ничего не случилось.

— Какъ же мы останемся безъ денегъ?

— Объ этомъ не безпокойся, это не твое дѣло.

Дрожащими руками Мареа Михайловна отперла шкатулку и вынула послѣдній билетъ.

— Бери, сказала она — только остается мало... Но я не заслужила такого обхожденія.

— Эхъ, Мареутка, дура ты, дура! сказалъ развеселившійся Сафьянчиковъ, прибирая билетъ — я пошутилъ, а ты и повѣрила.

— Какъ?

— Да такъ! вчера былъ пьянъ, расшибся, значитъ виноватъ; дай, думаю, заодно сыграю комедію.

— И ты впрямь нарочно?..

— Поди ко мнѣ!

Послѣдовали пламенныя объятія, но Мареа Михайловна успокоилась только тогда, когда взяла съ мужа третью клятву.

— Ну, тебѣ ли, бабѣ, понимать, какъ обдѣлываются дѣла на свѣтѣ. Вотъ я взялъ у тебя тысячу рублей, ну, и принесу десять, двадцать.

— Какъ?

— Вѣдь эта Москва — бьетъ съ носка! Здѣсь наличный капиталъ много значитъ. Ну, я просто поѣду на аукціонъ, гдѣ за десять рублей можно купить вещь въ пятьдесятъ и больше.

— А я и не знала... Но какъ же ты, Миша, поѣдешь съ подбитымъ глазомъ? Ты подвязалъ бы платочкомъ.

— Что за церемонія!

— Ты поклялся не пить, значитъ, не будешь?

— Довольно и вчерашняго... Ха, ха, ха! какъ я нарѣзался!

— А вѣдь домъ у насъ просто барскій, говорила Марѳа Михайловна, словно позабывъ недавнія страданія.

— Домъ — первый сортъ, Марѳуша!

— Я никогда не видѣла такой богатой внутренности.

— Мало ты чего не видѣла! Однако... мнѣ пора: боюсь пропустить аукціонъ.

Сафьянчиковъ умылся, переодѣлся и, по совѣту жены, подвязалъ платкомъ подбитый глазъ, потому что физіономія его была непристойна.

— Не засиживайся, голубчикъ, долго, а то я буду безпокоиться, сказала Марѳа Михайловна, провожая мужа.

— Ну, не знаю, душа моя, вѣдь это Москва: заѣдешь куда нибудь, разболтаешься. Впрочемъ, ты не ожидай, а ложись спать.

Марѳа Михайловна вышла въ корридоръ и провожала глазами Сафьянчикова, пока онъ не поворотилъ и не сталъ спускаться съ лѣстницы.

Я полагаю, читателямъ нечего расказывать, что Сафьянчиковъ поѣхалъ проигрывать послѣднія деньги, втолкнутый въ безвыходную пропасть дружескою рукою Мамаджанова. Нѣтъ надобности разъяснять и мнимую продажу дома, и всѣ эти шулерскія продѣлки, совершавшіяся въ то время въ большихъ городахъ сплошь и рядомъ.

Изнуренная усталостію, волненіемъ и долгимъ ожиданіемъ, Марѳа Михайловна легла далеко за полночь, съ увѣренностію, что мужъ вернется хотя передъ разсвѣтомъ. При грубой выходкѣ Сафьянчикова, ей пришло на мысль, что мужъ проигрался, но когда онъ обратилъ это въ шутку, она вспомнила, что клятва, данная передъ образомъ, не могла быть нарушена. Проснулась Марѳа Михайловна рано, и первый вопросъ былъ о мужѣ: но никто не могъ сообщить о немъ никакихъ свѣдѣній. Въ это время, въ сосѣдней церкви начали благовѣстить. Марѳу Михайловну одолѣла такая тоска, такое на нее напало томленіе, что ей казалось, одна только усердная молитва могла подкрѣпить ее. И, одѣвшись наскоро, бѣдная женщина отправилась къ обѣдни. Долго и пламенно молилась она, не видя ничего вокругъ, и просила Бога, чтобъ онъ обра-

тилъ на путь истины заблудшаго мужа. Наплакавшись передъ иконой Богоматери, она почувствовала облегченіе и шла домой уже не съ прежней тяжестью на сердцѣ. Приближаясь къ гостинницѣ, она пристально смотрѣла въ окно, но, во первыхъ, сквозь двойныя рамы ничего не могла увидѣть, а во вторыхъ, не знала оконъ своей квартиры. Нумерной, проносившій куда-то закуску, на вопросъ ея о мужѣ, сказалъ, что видѣлъ его въ корридорѣ, и Марѳа Михайловна опрометью бросилась въ свой нумеръ

— Пришелъ? спросила она, задыхаясь отъ волненія.

Отвѣта не было. Никитка, оторопѣвъ, молчалъ; горничная плакала, закрывъ лицо руками.

— Гдѣ онъ? что съ нимъ? вновь спрашивала Марѳа Михайловна и страшно поблѣднѣла, предчувствуя недоброе.

— Пожалуйте въ комнату, сказалъ, наконецъ, Никитка, почти насильно снимая съ нея шубу.

Марѳа Михайловна вошла, и первое, что ей представилось, была ея шкатулка на столѣ, раскрытая, съ разбросанными вещами.

— Кто это?

— Панъ, отвѣчали въ одинъ голосъ лакей и горничная.

— Какъ же?

— А такъ, отозвался мрачно Никитка. Вы ушли въ церковь, а панъ скоро и пріѣхалъ. Ну, и потребовалъ у Парашки ключи; она и говоритъ: нѣтъ ключей, пани забрала. Михайло Степановичъ выругалъ ее, потребовалъ ножъ, что сахаръ колютъ, отбилъ крышку, вынулъ всѣ ваши кольца, серьги, какія нашелъ деньги, все забралъ въ карманъ и ушелъ, побивши меня на прощанье.

— Ну?

— Ну, и все! Я плакалъ, и Парашка плакала, и больше ничего, какъ видите.

Съ Марѳой Михайловной сдѣлалось дурно. Когда она пришла въ себя, ей не оставалось болѣе сомнѣнія, что мужъ, не взирая на клятву, снова принялся за карты; слѣдовательно нечего было надѣяться на счастливую будущность. Разбирая разбросанныя вещи, она не нашла ничего сколько нибудь цѣнняго, даже гладкія золотыя колечки были взяты, и только, словно въ утѣшеніе, осталась ей крѣпость на домъ, которую Марѳа Михайловна рѣшилась тотчасъ же продать и уѣхать поскорѣе на свой хуторъ. Она уже терпѣливѣе начала ожидать мужа, обѣщаясь наговорить ему кучу упрековъ, и хоть

любовь еще была довольно сильна въ ея сердцѣ, однако оскорбленная женщина, въ эти два дня испытаній, настолько успѣла побѣдить слабость, что готова была пожертвовать нѣжностію, тѣмъ болѣе, что дѣло шло о сохраненіи если не спокойствія, то послѣдняго куска хлѣба. Ставъ на эту почву, она разсудила, что, при своей неопытности въ дѣлахъ всякаго рода, она нуждалась въ совѣтахъ, а у нея во всей Москвѣ не было ни души знакомой, кромѣ Мамаджанова и продавца дома, который казался ей скромнымъ и порядочнымъ человѣкомъ. Но она рѣшилась прежде дождаться мужа, поговорить съ нимъ и тогда дѣйствовать.

Что же дѣлалъ Сафьянчиковъ? Обобранный дочиста и избитый въ свалкѣ, когда, подмѣтивъ наконецъ мошенничество Мамаджанова, онъ бросился было на друга-предателя, за котораго вступилась вся шайка, Сафьянчиковъ увидѣлъ, что очутился въ безвыходномъ положеніи. Его окружали шулера, у которыхъ и прислуга была наметаная и готовая, по обычаю того времени, не только покрыть преступленіе, но и содѣйствовать ему. Сафьянчиковъ хотѣлъ было добраться до полиціи, но онъ не зналъ даже адреса дома, куда завезли его вечеромъ, потому что шулера заботились о безопасной обстановкѣ, да и полиція зачастую смотрѣла сквозь пальцы на эти продѣлки. Продавецъ дома, дюжій дѣтина, предводитель шайки, давъ время Сафьянчикову отдохнуть отъ побоевъ и приказавъ товарищамъ замолчать, обратился къ жертвѣ съ слѣдующими словами:

— Это тебѣ послужитъ урокомъ. Бить мы тебя больше не будемъ, играть съ тобой тѣмъ болѣе: во-первыхъ, у тебя ничего нѣтъ, во-вторыхъ, ты уже знаешь, какого мы поля ягоды. Слушай же, что я скажу. Тебѣ предстоятъ двѣ дороги: выбирай любую. Я подарю тебѣ пятьдесятъ рублей на дорогу, тебя отвезутъ къ женѣ и можешь отправляться съ нею въ Хохландію есть галушки и на дѣтскія штуки обирать неопытныхъ офицериковъ. Можетъ быть, проживешь спокойно на клочкѣ, который останется отъ женинаго имѣнія, за уплатой мнѣ по векселю, а можетъ быть попадешься, и тебя прибьютъ до смерти. Другая дорога — вотъ какая. Ты молодъ, силенъ, красивъ и образованъ, чортъ тебя не взялъ. У тебя есть всѣ игрецкія замашки, но ты былъ въ паршивой школѣ, такъ что даже передъ Мамалыгой ты мальчишка и щенокъ въ искусствѣ. Подтасовать не умѣешь, на первомъ вольтѣ позволяешь ловить себя, обратнаго крапа не понимаешь; только и мастеръ, что на искаріотку, да кто же употребляетъ ее противъ поря-

дочнаго человѣка: надо быть большимъ олухомъ, чтобъ попасться на эту удочку. Тебѣ нужно годъ или два учиться у игроковъ первостепенныхъ. Мы — мастера своего дѣла. Завтра выѣзжаемъ въ Харьковъ, на крещенскую. Хочешь, приставай къ намъ: жизнь веселая, кутежъ постоянный; на первыхъ порахъ, можетъ, и придется быть битымъ отъ собственной неловкости; но ты здоровъ — перенесешь. Роль твоя — роль чернорабочаго, пока не постигнешь тайны искусства. Денегъ будетъ достаточно, содержаніе отъ общества, а кромѣ того всѣ мелкіе выигрыши, если оберешь кого рублей на пятьдесятъ, всѣ въ твою пользу.

Сафьянчиковъ приподнялся.

— А если обманете? глухо проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, братъ, у насъ обмана не бываетъ со своими: все основано на совѣсти.

— А жена?

— Жена? Да чортъ съ ней! Подъ старость, если останешься живъ, можешь и у нея поселиться; да врядъ ли и самъ захочешь. Сдѣлаешься настоящимъ игрокомъ, наживешь капиталъ, такъ о ней и не подумаешь.

— Да какъ же ее бросить-то?

— Это предоставь намъ. Мы поживились на ея счетъ, мы и не дадимъ ей пропасть въ Москвѣ.

Сафьянчиковъ подумалъ.

— Ну, чортъ съ вами, согласенъ! Только вина! вина!

Шулера встали съ своихъ мѣстъ и молча протянули ему руки. Адептъ пожалъ каждому, но когда очередь дошла до Маджанова, онъ отступилъ.

— Э, полно, Сафьяша, сказалъ послѣдній — дружба дружбой, а служба службой: теперь ты не найдешь вѣрнѣе меня пріятеля.

— Но ты ужасный мошенникъ.

— Въ томъ-то и вся штука.

— Ура! крикнула ватага — шампанскаго!..

И черезъ часъ въ квартирѣ шулеровъ поднялась такая оргія, какой Сафьянчиковъ не видывалъ и въ кавалеріи.

. .

Подъ вечеръ, въ нумеръ къ Марѳѣ Михайловнѣ вошелъ блѣдный молодой человѣкъ и просилъ позволенія поговорить нѣсколько минутъ безъ свидѣтелей. Марѳа Михайловна вздрогнула, выслала прислугу и предложила незнакомцу садиться.

— Вѣрно, отъ моего мужа? спросила она робкимъ голо-

сомъ, когда Никитка затворилъ дверь въ переднюю. Бога ради, что съ нимъ? гдѣ онъ?

— Не безпокойтесь о немъ: онъ здоровъ.

— Почему же не пришелъ?

— Позвольте мнѣ говорить откровенннo: мужъ вашъ выѣхалъ изъ Москвы:

— Покинувши здѣсь меня?

И Марѳа Михайловна схватилась обѣими руками за голову.

— Дослушайте только терпѣливо. Г. Сафьянчиковъ проигралъ все, что было, вошелъ въ долги и обязанъ былъ скрыться на нѣкоторое время... Я самъ, вмѣстѣ съ нимъ, былъ обобранъ шулерами. Вотъ онъ посылаетъ вамъ сто рублей на дорогу и проситъ уѣзжать поскорѣе въ Малороссію.

— А его дядя?

— У него не бывало дяди...

— Какъ же я оставлю здѣсь мой домъ?

— Къ сожалѣнію, вся исторія съ домомъ была одна комедія: ваши деньги пропали, купчая фальшивая, и вы кругомъ обмануты...

Марѳа Михайловна сидѣла словно одурѣлая. Молодой человѣкъ принялъ въ ней участіе, спросилъ въ гостинницѣ счетъ, чтобъ не обманули провинціалку, расплатился за нее, посовѣтовалъ не горевать о мужѣ, который былъ причиной ея несчастія, и убѣждалъ уѣзжать какъ можно скорѣе. У Марѳы Михайловны было спрятано гдѣ-то нѣсколько полуимперіаловъ, и она рѣшилась оставить Москву на другой же день утромъ. Обязательный молодой человѣкъ озаботился нанять ей до мѣста извощика и проводилъ за заставу.

Сафьянчиковъ началъ совершенно новую жизнь... Но читатель встрѣтится еще съ этой личностью въ другихъ моихъ разсказахъ изъ прошлаго.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

ГЕРМАНЪ ГОППЕ.

Бибиковъ, В. ДУЭЛЬ. Повѣсть. ДѢТИ. Очеркъ. Цѣна 50 коп., съ перес. 70 коп.

Бибиковъ, В. ЧИСТАЯ ЛЮБОВЬ. Романъ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Брахфогель. ЛЮДОВИКЪ XIV ИЛИ КОМЕДІЯ ЖИЗНИ. Историческій романъ. Цѣна 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 30 коп.

Бродовскій, М. ИСКУССТВО УСТНАГО ИЗЛОЖЕНІЯ (чтеніе вслухъ, декламація, ораторская рѣчь и проч.). — Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Бродовскій, М. РУКОВОДСТВО КЪ СТИХОСЛОЖЕНІЮ со словаремъ риѳмъ. Для преподаванія и самообученія. — Цѣна 80 к., съ перес. 1 р.

Видманъ, І. РЕДАКТОРЪ. Повѣсть. Цѣна 40 к., съ перес. 60 к.

Зола, Э. ГРЁЗЫ. Романъ. Съ 47 рисунками Жаньо и портретомъ и автографомъ автора. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Кукольникъ, Несторъ. ІОАННЪ III. Историческій романъ. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Леманъ, А. И. ДВОРЯНСКАЯ ПОВѢСТЬ. Святочный разсказъ. Итальянская легенда. Рыцарь пера (комедія). — Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Немировичъ-Данченко, В. И. ВСЕСВѢТНЫЙ БРОДЯГА. Повѣсть. Съ 23-мя рис. Н. Г. Богданова. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

Петровъ, П. Н. БАЛАКИРЕВЪ. Историческій романъ изъ временъ Петра I, съ 16-ю рисунками не въ текстѣ. — Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Петровъ, П. Н. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, послѣдній царь московскій и первый императоръ всероссійскій. Біографическій очеркъ съ приложеніемъ портрета Петра Великаго. — Цѣна 40 к., съ перес. 60 к.

Саліасъ, Е. А. гр. ПРИНЦЕССА ВОЛОДИМІРСКАЯ. Историч. романъ. Съ 23-мя рис.
Цѣна 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Серафимъ Неженатый. ОТЪ ПОЦѢЛУЯ КЪ ПОЦѢЛУЮ. Романъ.
Съ 12-ю рисунками. — Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.

Тихановъ, В. А. КОМЕДІИ. Черезъ край. — Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. — На взморьѣ. — Байбакъ. — Послѣ разлуки. — Козырь (удостоенъ Грибоѣдовской преміи). — Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Фофановъ, Конст. СТИХОТВОРЕНІЯ. Мелкія стихотворенія. — Фантазіи. — Библейскіе мотивы. — Думы. — Сказки и поэмы. — Отрывки.
Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; въ переплетѣ 2 руб., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Хорошій тонъ. СБОРНИКЪ ПРАВИЛЪ И СОВѢТОВЪ НА ВСѢ СЛУЧАИ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВЕННОЙ И СЕМЕЙНОЙ.
Цѣна въ бумажкѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ изящномъ переплетѣ 4 руб., съ перес. 4 р. 50 к.; въ роскошномъ переплетѣ 4 руб. 50 к., съ перес. 5 р.

Черни, В. ПИТЕРЪ-ТИММЕРМАНЪ. Историческая повѣсть. Съ 6-ю рис.
Цѣна 40 к., съ перес. 55 к.

Эвальдъ, Аркадій. ИМПЕРАТОРЪ ВИЗАНТІИ. Историческая повѣсть.
Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Эдвардсъ, А., миссъ. ЛОРДЪ БРАКЕНБЮРИ. Романъ. Съ 30-ю рис.
Переводъ съ рукописи. — Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Ясинскій, І. (Максимъ Бѣлинскій).
ЖЕНИХЪ И НЕВѢСТА. Повѣсть. — Ц. 50 к., съ перес. 60 к.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:

Спб., въ книгоиздательство Германъ Гоппе, Садовая, № 22 (16).

Bayerische StaatsBibliothek

Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Afanasʹjev-Čužbynsʹkyj, Oleksandr Stepanovyč,

Sobranie sočinenij Aleksandra Stepanoviča Afanasʹeva <Čužbinskago> Pod redakciej P.V. Bykova

Bd.: 1

1890

P.o.rel. 2857 f-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11678983-8